Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 16, № 3А, 2026.

С. 1-559.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

March 2026, Volume 16, Issue 3A.

Pages 1-559.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»
Том 16, № 3А, 2026

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год.
Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник **Института государства и права Российской академии наук** – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, **Саратовская государственная юридическая академия** – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, **Оренбургский государственный университет** – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.
ISSN 2222-5129. Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»:
42934 «Вопросы российского и международного права».
Цена договорная. Подписано к печати 15.03.2026. Печ. л. 39,99. Формат 60x90/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7401.
Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"
March 2026, Volume 16, Issue 1A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the **Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, **Saratov State Law Academy** (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, **Orenburg State University** (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.
ISSN 2222-5129. Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"
Subscription index of the catalog of periodicals "Ural-Press":
42934 " Matters of Russian and International Law ".
Contract price. Passed for printing on 15.03.2026. 39.99 printed sheets. Format 60x90/8.
Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7401.
Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.
P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностранный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук , профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России».

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук , профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Мамедов Ренат Гасаналиевич
Соотношение исламского права и искусственного интеллекта: вопросы теории и практики 11

Солонченко Андрей Дмитриевич
Право и религия: влияние католицизма и византийского православия на правовую культуру славянских народов 18

Ахрамеев Павел Сергеевич
Гражданское общество в условиях сетевой трансформации 26

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Киселев Владимир Владимирович
Гарантии, пределы и допустимые ограничения прав и свобод человека и гражданина: публично-правовой аспект 38

Халилев Руслан Амдиевич
Организационно-правовые меры предупреждения коррупции как элемент антикоррупционной политики в образовательных организациях высшего образования 46

Гаранян Эрик Альбертович
Зарубежные модели административно-правового регулирования программ дополнительного профессионального образования и их значение для российской системы ДПО 54

Фадеев Алексей Николаевич
Требования к участникам закупок для государственных и муниципальных нужд в современных реалиях 65

Хван Иван Игоревич
Роль государственных органов в контроле за нормативными актами Центрального банка РФ 77

Ткаченко Василий Максимович
Механизм судебной защиты конституционных ценностей в Российской Федерации 83

Войновский Вадим Захарович
Функции, цели и задачи утилизационного сбора: негативные и позитивные последствия 90

Курбацкая Мария Александровна
Симметрия и асимметрия в распределении властных полномочий управления мегаполисами: сравнительно-правовой анализ 98

Уланов Антон Николаевич
Проблема оценочных понятий в диспозиции статьи 148 УК РФ («Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий») 107

Тутарищева Светлана Муратовна
Беляков Анатолий Анатольевич
Темзоков Азамат Капланович
Экологические проблемы в водных ресурсах 121

Пшизова Елена Насурдиновна
Савина Светлана Викторовна
Романова Елена Владимировна
Социальные программы как средство практической реализации принципов социальной политики 128

Дзыбова Саида Гиссовна
Хлебникова Анна Андреевна
Маринкин Евгений Борисович
Современные вызовы и угрозы для международной безопасности 137

Дзыбова Саида Гиссовна
Багова Инна Руслановна
Мамишева Зара Аскарбиевна
Беляков Олег Анатольевич
Проблемы в реализации социальных программ 146

Загуменный Кирилл Ильич
«Соразмерность» как принцип назначения административных наказаний 154

Страхов Игорь Андреевич
Борисова Анастасия Николаевна
Цифровизация муниципального управления в условиях формирования информационного государства: правовые проблемы и перспективы развития 163

Алкесов Руслан Темботович
Проблемы защиты информации в образовательных организациях 169

Алкесов Руслан Темботович
Меры и рекомендации по повышению уровня информационной безопасности в образовательном учреждении 175

Черноусов Илья Витальевич
Правоотношения участников жилищно-коммунальных услуг 180

Частно-правовые (цивилистические) науки

Тарасенко Илья Михайлович
End User License Agreement как форма частного правового регулирования отношений между пользователем и разработчиком видеоигр 192

Бахтин Данила Олегович
Правовой режим общего имущества в малоэтажных жилых комплексах: проблемы регулирования и перспективы развития 198

Буренков Дмитрий Андреевич
К вопросу о содержании исключительного права на объект интеллектуальной собственности 204

Бычко Марина Алексеевна
Настуев Алан Салихович
Соколов Михаил Дмитриевич
Юха Даниил Сергеевич
Цифровые объекты в гражданском праве: проблемы определения правовой природы и оборотоспособности 215

Иванова Татьяна Александровна
Особенность международных расчетов по аккредитиву и инкассо 225

Крыжанский Максим Юрьевич
Правовой режим улучшений арендованного нежилого помещения: критерии отделимости, форма согласия арендодателя и пределы договорной свободы 231

Суриков Михаил Анатольевич
Добросовестность как характеристика приобретения имущества по давности владения 243

Лу Чжаоюй
Китайская специфика формирования теории правового государства и демократии в контексте социализма с национальными особенностями и исторической преемственности политико-правовых институтов 255

Вэй Дэпэн
Права собственности на данные искусственного интеллекта в Китае.....267

Рогожкина Тамари Мамукаевна
Красник Максим Сергеевич
Салахетдинов Руслан Равилевич
Проблема снижения учебной мотивации студентов в условиях цифровизации образования и возможности ее преодоления с использованием технологий искусственного интеллекта 277

Воронкова Мария Анатольевна
Анализ проблем правового регулирования и правоприменения общей долевой собственности.....285

Лепешкин Александр Александрович
Сальдирование встречных требований в делах о банкротстве: соотношение частного и публичного интересов.....293

Станиславов Павел Денисович
Способ редактирования генома как объект патентного права 299

Цю Сичэн
Арбитрабельность споров в Китае: правовое регулирование и практические аспекты.....308

Булгакова Оксана Александровна
Карташов Иван Вячеславович
Ковригина Елена Борисовна
Актуальные проблемы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в санкционной России: новые вызовы в практике разрешения международных коммерческих споров.....316

Вронская Мария Владимировна
Калинченко Андрей Игоревич
Актуальные проблемы банкротства наследодателя и наследника.....326

Уголовно-правовые науки

Юрченко Ирина Александровна
Уголовно-правовая природа психического расстройства: место в системе признаков тяжести вреда здоровью, механизм причинения и уголовно-правовая оценка 335

Староверова Надежда Васильевна
Психологические деструкции в семье — ключевой фактор формирования противоправного поведения у детей 344

Староверова Надежда Васильевна
Дисфункциональные отношения в семье как значимый фактор криминализации.....351

Аршба Алан Джонович
Развитие принципа справедливости в уголовном законодательстве России 358

Кочарян Карен Спартакович
Признаки общественной опасности незаконного обогащения по Уголовному кодексу Республики Армения 367

Коженок Виктория Николаевна
Особенности обнаружения, фиксация и изъятия материальных следов преступления, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ.....376

Курбатов Андрей Всеволодович
Курбатова Людмила Анатольевна
Курбатов Всеволод Андреевич
Ценностно-смысловая технология эффективного противодействия экстремизму.....387

Магомедов Давди Бадавиевич
Булатова Мадина Гаирбеговна
Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий 395

Устинов Андрей Анатольевич
Слабкая Диана Николаевна
Сравнительно-правовой анализ семейного законодательства стран СНГ: лишение родительских прав 400

Новиков Алексей Валерьевич
Институциональные условия массовой инкарцерации в пенитенциарной системе США 410

Новиков Алексей Валерьевич
Трансформация подходов к причинам агрессивных инцидентов в зарубежных пенитенциарных учреждениях 418

Лебин Василий Витальевич
Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределённым процессуальным статусом 427

Слабкая Диана Николаевна
Криминология побегов из-под стражи в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран: аналитический обзор 438

Шикула Ильмира Рифкатьевна
Булгакова Оксана Александровна
Панов Александр Вадимович
Трансформация подхода к доказыванию и переосмысление системы источников доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации под влиянием результатов применения информационных технологий 446

Шикула Ильмира Рифкатьевна
Булгакова Оксана Александровна
Садовская Арина Дмитриевна
Уголовно-правовые риски распространения информации в социальных сетях: современные вызовы 457

Шикула Ильмира Рифкатьевна
Уголовная ответственность за кибербуллинг в отношении несовершеннолетних: проблемы профилактики 468

Раджабов Шамиль Раджабович
Заирбекова Эльмира Магомедовна
Коррупционная составляющая при расследовании налоговых преступлений: уголовно-правовой и криминологический анализ 475

Пахомова Виктория Вячеславовна
Проблемные вопросы установления признаков специального субъекта по статье 156 УК РФ 486

Сошников Илья Дмитриевич
Отечественный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия экстремистским преступлениям, совершаемые членами религиозных сект 497

Международно-правовые науки

Толстик Дмитрий Борисович
К вопросу о многоаспектности форм государственного суверенитета в международном праве 505

Маринина Галина Ивановна
Гончарова Алена Валерьевна
Легиньков Альберт Игоревич
Правовые позиции защиты граждан России в гражданском судопроизводстве США и способы их языковой реализации 513

Вильданов Раиль Рамилевич
Институциональное обеспечение развития нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ 520

Храмешин Сергей Николаевич
Международно-правовой статус зарубежных представительств Русской Православной Церкви: правосубъектность, религиозная автономия и национально-правовое признание 528

Храмешин Сергей Николаевич
Гонения на христиан в современном мире как объект международно-правовой защиты: стандарты прав человека и механизмы международной уголовной ответственности 540

Храмешин Сергей Николаевич
Ярцев Александр Борисович
Международно-правовые стандарты автономии религиозных объединений и их применение к православным церквам в практике европейского суда по правам человека 550

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Renat G. Mamedov
The Relationship between Islamic Law and Artificial Intelligence: Theoretical and Practical Issues 11

Andrey D. Solonchenko
Law and Religion: The Influence of Catholicism and Byzantine Orthodoxy on the Legal Culture of Slavic Peoples 18

Pavel S. Akhrameev
Civil Society in the Context of Network Transformation 26

Public law (state and law) sciences

Vladimir V. Kiselev
Guarantees, Limits and Permissible Restrictions of Human and Civil Rights and Freedoms: Public-Law Aspect 38

Ruslan A. Khalilev
Organizational and Legal Measures for Preventing Corruption as an Element of Anti-Corruption Policy in Higher Education Institutions 46

Erik A. Garanyan
Foreign Models of Administrative-Legal Regulation of Continuing Professional Education Programs and Their Significance for the Russian CPE System 54

Alexey N. Fadeev
Requirements for Procurement Participants for State and Municipal Needs in Current Realities 65

Ivan I. Khvan
The Role of State Bodies in the Control over Regulatory Acts of the Central Bank of the Russian Federation 77

Vasily M. Tkachenko
Mechanism of Judicial Protection of Constitutional Values in the Russian Federation 83

Vadim Z. Voinovsky
Functions, Goals and Objectives of the Recycling Fee: Negative and Positive Consequences 90

Maria A. Kurbatskaya
Symmetry and Asymmetry in the Distribution of Power and Authority for Megacity Governance: A Comparative Legal Analysis 98

Anton N. Ulanov
The Problem of Evaluative Concepts in the Disposition of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Violation of the Right to Freedom of Conscience and Religious Beliefs") 107

Svetlana M. Tutarishcheva
Anatoly A. Belyakov
Azamat K. Temzokov
Environmental Problems in Water Resources 121

Elena N. Pshizova
Svetlana V. Savina
Elena V. Romanova
Social Programs as a Means of Practical Implementation of the Principles of Social Policy 128

Saida G. Dzybova
Anna A. Khlebnikova
Evgeny B. Marinkin
Modern Challenges and Threats to International Security 137

Saida G. Dzybova
Inna R. Bagova
Zara A. Mamisheva
Oleg A. Belyakov
Problems in the Implementation of Social Programs 146

Kirill I. Zagumenny
"Proportionality" as a Principle for Imposing Administrative Penalties 154

Igor A. Strakhov
Anastasia N. Borisova
Digitalization of Municipal Governance in the Context of the Formation of the Information State: Legal Problems and Development Prospects 163

Ruslan T. Alkesov
Problems of Information Protection in Educational Organizations 169

Ruslan T. Alkesov
Measures and Recommendations for Improving the Level of Information Security in an Educational Institution 175

Ilya V. Chernousov
Legal Relations of Participants in Housing and Communal Services 180

Private law (civilistic) sciences

Ilya M. Tarasenko
End User License Agreement as a Form of Private Legal Regulation of Relations between the User and the Video Game Developer 192

Danila O. Bakhtin
Legal Regime of Common Property in Low-Rise Residential Complexes: Problems of Regulation and Development Prospects 198

Dmitry A. Burenkov
On the Question of the Content of the Exclusive Right to an Intellectual Property Object 204

Marina A. Bychko
Alan S. Nastuev
Mikhail D. Sokolov
Daniil S. Yukha
Digital Objects in Civil Law: Problems of Determining Legal Nature and Circulatability 215

Tatyana A. Ivanova
Peculiarities of International Settlements under Letters of Credit and Collection 225

Maxim Yu. Kryzhansky
Legal Regime of Improvements to Leased Non-Residential Premises: Criteria of Separability, Form of Landlord's Consent, and Limits of Contractual Freedom 231

Mikhail A. Surikov
Good Faith as a Characteristic of Property Acquisition by Adverse Possession 243

Lu Zhaoyu
Chinese Specifics of the Formation of the Theory of Rule of Law and Democracy in the Context of Socialism with National Characteristics and Historical Continuity of Political-Legal Institutions 255

Wei Depeng
Property Rights to Artificial Intelligence Data in China 267

Tamari M. Rogozhkina
Maksim S. Krasnik
Ruslan R. Salakhetdinov
The Problem of Decreasing Student Learning Motivation in the Context of Digitalization of Education and the Possibilities of Overcoming It Using Artificial Intelligence Technologies.....277

Maria A. Voronkova
Analysis of Problems of Legal Regulation and Law Enforcement of Common Shared Ownership 285

Alexander A. Lepeshkin
Set-off of Mutual Claims in Bankruptcy Cases: Correlation of Private and Public Interests 293

Pavel D. Stanislavov
Genome Editing Method as an Object of Patent Law 299

Qiu Xicheng
Arbitrability of Disputes in China: Legal Regulation and Practical Aspects 308

Oksana A. Bulgakova
Ivan V. Kartashov
Elena B. Kovrigina
Current Problems of Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Sanctioned Russia: New Challenges in the Practice of International Commercial Dispute Resolution 316

Maria V. Vronskaya
Andrey I. Kalinchnko
Current Problems of Bankruptcy of the Testator and the Heir.....326

Criminal law sciences

Irina A. Yurchenko
Criminal Legal Nature of Mental Disorder: Its Place in the System of Criteria for the Gravity of Harm to Health, Mechanism of Infliction, and Criminal Legal Assessment 335

Nadezhda V. Staroverova
Psychological Destructions in the Family as a Key Factor in the Formation of Unlawful Behavior in Children 344

Nadezhda V. Staroverova
Dysfunctional Family Relationships as a Significant Factor of Criminalization 351

Alan D. Arshba
Development of the Principle of Justice in the Criminal Legislation of Russia.....358

Karen S. Kocharyan
Indicators of Public Danger of Illicit Enrichment under the Criminal Code of the Republic of Armenia.....367

Viktoria N. Kozhenok
Peculiarities of Detection, Recording and Seizure of Material Traces of Crime Related to Illicit Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic and Potent Substances 376

Andrey V. Kurbatov
Lyudmila A. Kurbatova
Vsevolod A. Kurbatov
Value-Semantic Technology for Effective Counteraction to Extremism.....387

Davdi B. Magomedov
Madina G. Bulatova
Involvement of Minors in the Commission of Crimes and Antisocial Acts 395

Andrey A. Ustinov
Diana N. Slabkaya
Comparative Legal Analysis of Family Legislation of CIS Countries: Deprivation of Parental Rights 400

Alexey V. Novikov
Institutional Conditions of Mass Incarceration in the US Penitentiary System 410

Alexey V. Novikov
Transformation of Approaches to the Causes of Aggressive Incidents in Foreign Penitentiary Institutions 418

Vasily V. Lebin
The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in Forming Legal Positions on the Protection of the Rights of Persons with Indeterminate Procedural Status 427

Diana N. Slabkaya
Criminology of Escapes from Custody in Penitentiary Institutions of Foreign Countries: An Analytical Review 438

Ilmira R. Shikula
Oksana A. Bulgakova
Alexander V. Panov
Transformation of the Approach to Evidence and Reconsideration of the System of Sources of Evidence in Criminal Proceedings of the Russian Federation under the Influence of Results of the Use of Information Technologies 446

Ilmira R. Shikula
Oksana A. Bulgakova
Arina D. Sadovskaya
Criminal Legal Risks of Information Dissemination in Social Networks: Contemporary Challenges 457

Ilmira R. Shikula
Criminal Liability for Cyberbullying Against Minors: Problems of Prevention 468

Shamil R. Radzhabov
Elmira M. Zairbekova
Corruption Component in the Investigation of Tax Crimes: Criminal Law and Criminological Analysis 475

Viktoria V. Pakhomova
Problematic Issues in Establishing the Characteristics of a Special Subject under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation 486

Ilya D. Soshnikov
Domestic and Foreign Experience of Criminal Legal Counteraction to Extremist Crimes Committed by Members of Religious Sects 497

International legal sciences

Dmitry B. Tolstik
On the Question of the Multidimensionality of Forms of State Sovereignty in International Law 505

Dmitry B. Tolstik
On the Issue of the Multidimensionality of Forms of State Sovereignty in International Law 513

Rail R. Vildanov
Institutional Support for the Development of the Normative Component of Anti-Corruption in the CIS 520

Sergey N. Khrameshin
International Legal Status of Foreign Representations of the Russian Orthodox Church: Legal Personality, Religious Autonomy, and National-Legal Recognition 528

Sergey N. Khrameshin
Persecution of Christians in the Modern World as an Object of International Legal Protection: Human Rights Standards and Mechanisms of International Criminal Liability 540

Sergey N. Khrameshin
Alexander B. Yartsev
International Legal Standards for the Autonomy of Religious Associations and Their Application to Orthodox Churches in the Case Law of the European Court of Human Rights.....550

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.156 **DOI: 10.34670/AR.2026.13.38.001**

Соотношение исламского права и искусственного интеллекта: вопросы теории и практики

Мамедов Ренат Гасаналиевич

Аспирант,
кафедра Конституционного и международного права,
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
190103, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а;
e-mail: renatmamedov6175@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется комплексное взаимодействие между исламским правом и современными технологиями искусственного интеллекта (ИИ). Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией общества и необходимостью адаптации традиционных правовых норм к инновациям. Работа начинается с анализа исторического контекста, связывающего современные алгоритмы с трудами Мухаммада ибн Муса аль-Хорезми. Особое внимание уделяется теоретической дискуссии о правосубъектности ИИ: рассматривается вопрос, может ли алгоритм выступать полноценным источником права или инструментом иджтихада. Автор анализирует мнения современных правоведов о том, являются ли религиозно-этические концепции барьером для внедрения технологий или же они служат фундаментом для создания безопасного и справедливого «этического ИИ». Методология исследования включает анализ актуальных религиозных постановлений (фетв), касающихся цифровизации. В практической части рассматривается опыт внедрения ИИ в мусульманских странах, в частности уникальный опыт Малайзии по интеграции технологий в правовую и финансовую сферы. В заключении делаются выводы о потенциале гармонизации шариатских принципов с автономными системами для защиты интересов уммы в цифровую эпоху.

Для цитирования в научных исследованиях

Мамедов Р.Г. Соотношение исламского права и искусственного интеллекта: вопросы теории и практики // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 11-17. DOI: 10.34670/AR.2026.13.38.001

Ключевые слова

Исламское право, искусственный интеллект, фетвы, кияс, иджтихад, шариат, цифровизация, этика ИИ, правосубъектность, Малайзия.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) оказывает масштабное влияние на все сферы жизни, меняя экономику, здравоохранение, транспорт, сельское хозяйство, культуру, рынок труда и многие другие области жизнедеятельности.

Это влияние проявляется как в позитивных изменениях, так и в новых вызовах. ИИ автоматизирует рутинные задачи, повышая производительность и снижая операционные расходы компаний. Однако это может приводить к сокращению рабочих мест в сферах, где преобладают повторяющиеся операции (бухгалтерия, колл-центры, логистика и др.).

В то же время создаются новые профессии, связанные с разработкой, обслуживанием и управлением системами ИИ: AI-инженеры, промпт-инженеры, эксперты по качеству и безопасности ИИ, специалисты по внедрению ИИ.

Основная часть

По прогнозам, к 2030 году около 30% рабочих часов в экономике могут быть автоматизированы благодаря ИИ, но это не означает полного исчезновения профессий — происходит их трансформация.[McKinsey Global Institute, 2023] Если в европейских странах есть большое число научных статьей и публикаций на тему правового регулирования ИИ, то в мусульманских странах учёные-правоведы сталкиваются с рядом специфических препятствий.

Эти барьеры носят не только институциональный, но и глубоко мировоззренческий характер, влияя на подходы к изучению и регулированию технологических инноваций через призму исламской правовой мысли.

Более существенным является обозначение этого опыта в отечественной правовой науке, которая демонстрирует уникальный подход к регулированию искусственного интеллекта, принимая вовнимание элементы как западно-европейской, так и восточных правовых традиций. Российская правовая система, обладая собственной спецификой, формирует комплексный взгляд на проблематику правового регулирования ИИ, учитывающий этноконфессиональный характер государства, где сосуществуют различные культурно-религиозные традиции.

Одной из фундаментальных работ, посвящённых искусственному интеллекту является книга Стюарта Рассела и Питера Норвига «Искусственный интеллект: современный подход», где они обозначают искусственный интеллект, как цепь программных систем, которые получают сигналы из окружающей среды и выбирают такие действия, которые максимизируют вероятность достижения их целей. [Рассел, Норвиг, 2020] Авторы намеренно уходят от «имитации человека», где задача ИИ не в том, чтобы обмануть человека, заставив его поверить в разумность машины, а в том, чтобы создать систему, которая делает правильные вещи на основе того, что она знает. Говоря о предпосылках возникновения ИИ интересным примером является упоминание ими средневекового учёного Мухаммада ибн Мусу аль-Хорезми, как одного из «праотцов» ИИ.

Связь между трудами Мухаммада ибн Мусы аль-Хорезми и современным искусственным интеллектом представляет собой прямую эволюционную линию от классической математики к высшим технологиям.

Имя этого ученого упоминается не случайно: именно он заложил концептуальный фундамент, без которого само существование ИИ было бы невозможным. Центральным связующим звеном здесь выступает понятие алгоритма — термина, который является

латинизированной формой имени Аль-Хорезми.

Его вклад в формализацию процедурных правил решения задач превратил человеческое рассуждение из абстрактного процесса в механическую последовательность шагов. Если мы принимаем, что интеллектуальную задачу можно разбить на конечный набор математических инструкций, мы получаем возможность перенести этот процесс на кремниевый чип.

Таким образом, алгоритмизация, предложенная Аль-Хорезми, стала «грамматикой» для всех последующих языков программирования, на которых сегодня строятся нейросети. Развитие идей Аль-Хорезми привело к возникновению алгебры, которая в контексте ИИ служит основным инструментом обработки реальности.

Современные модели вроде ChatGPT не воспринимают слова или изображения в их человеческом смысле; вместо этого они оперируют многомерными векторами и матрицами. Линейная алгебра позволяет преобразовывать смыслы в числовые координаты, создавая так называемое семантическое пространство. В этом пространстве ИИ вычисляет связи между понятиями не через «понимание», а через решение гигантских систем уравнений, методы решения которых ведут свое начало от алгебраических основ IX века.

Более того, математика обеспечивает ИИ механизмом обучения и адаптации через инструменты математического анализа и теории вероятностей. В то время как алгоритмы Аль-Хорезми изначально были жестко заданными, современный ИИ использует аппарат дифференциального исчисления для самокоррекции.

В процессе обучения система вычисляет производные, чтобы определить, в каком направлении нужно изменить свои внутренние параметры (веса), чтобы минимизировать ошибку. Это дополняется статистическими методами, которые позволяют машине оперировать неопределенностью.

В итоге ИИ предсказывает следующее слово в предложении или объект на картинке, опираясь на распределение вероятностей. В широком академическом смысле математика соотносится с ИИ как его скелет и нервная система. Она превращает хаотичные данные в структурированную информацию. Историческая преемственность от Аль-Хорезми до современных лабораторий в Беркли или Оксфорде подтверждает главную идею Рассела и Норвига: интеллект — это не биологическая привилегия, а вычислительный процесс.

Математика дает нам универсальный язык для описания этого процесса, позволяя воссоздать подобие разумного поведения в цифровой среде через строгое следование логическим и вычислительным правилам. Несмотря на обозначенный авторами интересные предпосылки к зарождению искусственного интеллекта, важным отметить о пересечениях исламского права (шариата) и искусственного интеллекта, которые активно развивается в последние годы.

Основной фокус современных исследований направлен на этику, правосубъектность алгоритмов и автоматизацию религиозных предписаний. Говоря об источниках исламского права и выстраивая их иерархию, принято выделять Коран как прямое слово Бога и Сунну как путь Пророка.

За ними следуют Иджма (единогласное мнение ученых) и Кияс (суждение по аналогии). В контексте интеграции искусственного интеллекта эта классическая структура приобретает новое, технологическое измерение, где математическая точность алгоритмов встречается с глубиной богословской мысли. Современные исследователи, рассматривая ИИ через призму этих источников, указывают на то, что технология может служить мощным инструментом для Кияса.

Поскольку суждение по аналогии требует поиска общего основания между известным случаем из текстов и новой ситуацией, ИИ способен обрабатывать колоссальные массивы данных для выявления таких закономерностей. Алгоритмы, подобно цифровому помощнику муджтахида (лицо обладающей способностью выводить решения из Корана и Сунны), могут мгновенно сопоставлять современные правовые коллизии с тысячами классических прецедентов, обеспечивая высочайшую точность поиска аналогий, которые раньше требовали десятилетий человеческого труда.

Однако в рамках этой иерархии использование ИИ сталкивается с концепцией Иджтихада (самостоятельного правового поиска). Ключевой вопрос, который ставят исламские институты, заключается в том, может ли машина обладать авторитетом для вынесения суждений. Здесь на первый план выходит принцип Макасид аш-Шариа (высших целей права), таких как сохранение разума, жизни и собственности. С этой точки зрения, ИИ не рассматривается как новый источник права, но трактуется как средство обеспечения общего блага (Маслаха).

Если алгоритм помогает более справедливо распределять ресурсы или точнее выявлять риски в исламских финансах, его применение становится не просто допустимым, но и желательным с точки зрения духа закона. В конечном счете, иерархия источников остается незыблемой, но методы их интерпретации эволюционируют. Но каковы фетвы (религиозные постановления) в отношении искусственного интеллекта? Говорить об однозначной позиции в использовании искусственного интеллекта, разумеется, нельзя, так как существуют десятки мусульманских стран с различными религиозно-правовыми школами (мазхабами), и соответствующими традиционными взаимоотношениями внутри регионов.

В основе своей технология ИИ считается дозволенной (халяль), так как она относится к категории мирских дел, приносящих пользу человечеству. Согласно аяту Корана: «Он — Тот, Кто сотворил для вас все, что на земле» (2:29). [Египетский дом фетв, www…]

Важным условием является использование ИИ таким образом, чтобы оно приносило реальную пользу (маслаха) и не приводить к вреду (мафсада), нарушению этики или обману. Крупнейшие центры фетв (например, Академия фикха ОИС) единогласно заявляют: ИИ не может быть источником религиозного руководства или выпускать независимые правовые заключения (иджтихад). [Международная исламская академия фикха при ОИС, 2023]

Отказ ведущих мировых институтов исламского права признавать за искусственным интеллектом право на независимое законотворчество обусловлен фундаментальным требованием наличия у субъекта правоприменения качества «ахлия» — специфической правоспособности, неразрывно связанной с человеческим разумом, моральной ответственностью и духовным опытом.

В рамках классической методологии фикха иджтихад не сводится к механическому извлечению норм из текстовых массивов, а представляет собой интеллектуальный процесс, требующий глубокого понимания «Макасид аш-Шариа» — высших целей религии, направленных на сохранение жизни, веры и разума. Поскольку алгоритмические системы лишены способности к эмпатии, интуиции и учету изменчивого социально-культурного контекста, их роль ограничивается исключительно функцией вспомогательного инструмента (хадим).

Согласно официальной позиции академических советов, ИИ способен эффективно систематизировать данные и ускорять поиск прецедентов, однако он не может выступать источником религиозного иерархия, где технологические решения признаются законными лишь в руководства, так как лишен способности нести ответственность за вынесенное решение перед

Богом и обществом.

Таким образом, в исламской правовой мысли выстраивается четкая качестве сервисных механизмов, тогда как окончательное право на интерпретацию сакральных текстов и вынесение правовых заключений остается исключительной прерогативой квалифицированного ученого-муджтахида.

Переходя к правоприменительной практике можно обратить внимания на опыт Малайзии. В 2020 году малайзийское судопроизводство было усилено тремя ключевыми цифровыми инструментами: системой E-Review для дистанционного управления делами юристами и персоналом судов, платформой E-Lelong, объединяющей сервисы высших судебных инстанций, и механизмом электронных залогов E-Jamin. [Русакова, 2020]

Заключение

Согласно выводам исследователей, глубина цифровизации гражданских и шариатских судов в Малайзии настолько значительна, что их опыт стал эталонной моделью электронного правосудия для международного сообщества. Успех столь масштабных преобразований тесно связан с потенциалом национального IT-сектора.

Благодаря целенаправленной государственной поддержке технологических компаний Малайзия добилась весомых результатов: массового переоснащения залов заседаний, существенного ускорения судебных процессов и, как следствие, укрепления своих позиций в мировых инвестиционных рейтингах. [Князева, Третьякова, 2022]

Искусственный интеллект в исламско-правовом поле воспринимается как механизм, способный очистить человеческое суждение от субъективности и ошибок. Математическая логика, восходящая к традициям Аль-Хорезми, сегодня служит защитным барьером, гарантирующим, что современные технологические решения остаются в строгих рамках этических и правовых границ, очерченных Кораном и Сунной.

Библиография

1. Генеративный ИИ и будущее работы в Америке: отчет // McKinsey Global Institute. 2023. 26 июля. URL: https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/generative-ai-and-the-future-of-work-in-america
2. Египетский дом фетв (Дар аль-Ифта аль-Мисрия). Фетва № 22255 «Использование приложений искусственного интеллекта для получения фетв». URL: https://www.dar-alifta.org
3. Искусственный интеллект и шариатское управление в исламских финансах // Sukuk Journal (UK). 2026. Vol. 8, № 1. URL: https://sukukjournal.org.uk/index.php/sukuk/article/view/79
4. Исламская этика и ИИ: оценка существующих подходов к технологическому управлении // Springer Nature. 2025. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-025-00922-4
5. Исламское право в эру искусственного интеллекта: систематический обзор литературы // International Journal of Environmental Sciences. 2025. Vol. 11, no. 2. URL: https://ijesty.org/index.php/ijesty/article/view/1072
6. Князева Наталья Анатольевна, Третьякова Наталья Александрова. Особенности правового регулирования искусственного интеллекта в Индонезии и Малайзии // Юридическая наука. 2022. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovanii-iskusstvennogo-intellekta-v-indonezii-i-malayzii
7. Международная исламская академия фикха при ОИС. Резолюции и рекомендации по вопросам цифровой трансформации и искусственного интеллекта. Джидда: IIFA, 2023. URL: https://iifa-aifi.org
8. Рассел, С., Норвиг, П. Искусственный интеллект: современный подход. 4-е изд. М.: Вильямс, 2020. 1104 с. URL: https://aima.cs.berkeley.edu
9. Русакова, Е. П. Электронное гражданское судопроизводство в Индонезии, Таиланде, Малайзии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 1122–1140. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-1122-1140. EDN MCIVLT.

10. Шариатская ответственность пользователей ИИ: фикховое исследование // مجلة الشريعة والدراسات الإسلامية (Журнал шариата и исламских исследований). Университет Кувейта, 2024. URL: https://journals.ku.edu.kw/jsis/index.php/jsis/article/view/3511
11. Эльмахджуб, Э. Искусственный интеллект (ИИ) в исламской этике: к плюралистическому этическому сопоставлению для ИИ // Science and Engineering Ethics. Springer, 2023. Vol. 36, № 73. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-023-00668-x

The Relationship between Islamic Law and Artificial Intelligence: Theoretical and Practical Issues

Renat G. Mamedov

Postgraduate Student,
Department of Constitutional and International Law,
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
190103, 44a, Lermontovsky Prospekt, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: renatmamedov6175@gmail.com

Abstract

The article examines the complex interaction between Islamic law and modern artificial intelligence (AI) technologies. The relevance of the topic is due to the rapid digitalization of society and the need to adapt traditional legal norms to innovations. The work begins with an analysis of the historical context linking modern algorithms to the works of Muhammad ibn Musa al-Khwarizmi. Special attention is paid to the theoretical debate on the legal personality of AI: the question of whether an algorithm can act as a full-fledged source of law or as an instrument of ijtihad is considered. The author analyzes the opinions of contemporary jurists on whether religious-ethical concepts serve as a barrier to the implementation of technologies or whether they serve as a foundation for creating safe and fair "ethical AI." The research methodology includes the analysis of current religious decrees (fatwas) concerning digitalization. The practical part examines the experience of introducing AI in Muslim countries, in particular the unique experience of Malaysia in integrating technologies into the legal and financial spheres. The conclusion draws conclusions about the potential for harmonizing Sharia principles with autonomous systems to protect the interests of the Ummah in the digital age.

For citation

Mamedov R.G. (2026) Sootnosheniye islamskogo prava i iskusstvennogo intellekta: voprosy teorii i praktiki [The Relationship between Islamic Law and Artificial Intelligence: Theoretical and Practical Issues]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 11-17. DOI: 10.34670/AR.2026.13.38.001

Keywords

Islamic law, artificial intelligence, fatwas, qiyas, ijtihad, Sharia, digitalization, AI ethics, legal personality, Malaysia.

References

1. Egyptian Dar al-Ifta. (n.d.). Fatwa No. 22255 "The use of artificial intelligence applications to obtain fatwas". Retrieved from https://www.dar-alifta.org
2. Elmahjub, E. (2023). Artificial Intelligence (AI) in Islamic Ethics: Towards Pluralist Ethical Benchmarking for AI. *Science and Engineering Ethics*, 36(73). Springer. Retrieved from https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-023-00668-x
3. International Islamic Fiqh Academy of the OIC. (2023). *Resolutions and Recommendations on Digital Transformation and Artificial Intelligence*. Jeddah: IIFA. Retrieved from https://iifa-aifi.org
4. Islamic Ethics and AI: An Evaluation of Existing Approaches to Technological Governance. (2025). *Springer Nature*. Retrieved from https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-025-00922-4
5. Islamic Law in the Era of Artificial Intelligence: A Systematic Literature Review. (2025). *International Journal of Environmental Sciences*, 11(2). Retrieved from https://ijesty.org/index.php/ijesty/article/view/1072
6. Knyazeva, N.A., & Tretyakova, N.A. (2022). Osobennosti pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta v Indonezii i Malayzii [Features of Legal Regulation of Artificial Intelligence in Indonesia and Malaysia]. *Yuridicheskaya nauka*, (11). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovanii-iskusstvennogo-intellekta-v-indonezii-i-malayzii
7. McKinsey Global Institute. (2023, July 26). *Generativnyy II i budushchee raboty v Amerike* [Generative AI and the future of work in America]. Retrieved from https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/generative-ai-and-the-future-of-work-in-america
8. Russell, S., & Norvig, P. (2020). *Iskusstvennyy intellekt: sovremennyy podkhod* [Artificial Intelligence: A Modern Approach] (4th ed.). Moscow: Williams. Retrieved from https://aima.cs.berkeley.edu
9. Rusakova, E.P. (2020). Elektronnoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo v Indonezii, Tailande, Malayzii [Electronic Civil Proceedings in Indonesia, Thailand, Malaysia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 24(4), 1122-1140. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-4-1122-1140
10. Sharia Responsibility of AI Users: A Fiqh Study. (2024). *Journal of Sharia and Islamic Studies*. Kuwait University. Retrieved from https://journals.ku.edu.kw/jsis/index.php/jsis/article/view/3511
11. Sukuk Journal (UK). (2026). Artificial Intelligence and Shariah Governance in Islamic Finance. *Sukuk Journal*, 8(1). Retrieved from https://sukukjournal.org.uk/index.php/sukuk/article/view/79

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.5 **DOI: 10.34670/AR.2026.70.29.002**

Право и религия: влияние католицизма и византийского православия на правовую культуру славянских народов

Солонченко Андрей Дмитриевич

Соискатель,
кафедра теории права и гражданско-правового образования,
Российский государственный
педагогический университет имени А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: pass12355pass@yandex.ru

Аннотация

Статья развивает сравнительно-историческую постановку вопроса, характерную для работ Ф.Ф. Зигеля, и рассматривает конфессиональные различия как один из устойчивых каналов формирования правовой культуры славянских обществ. Материалом служат памятники восточно- и южнославянской письменной традиции (княжеские церковные уставы, переводные византийские компиляции) и западнославянской латинской традиции (каноническая доктрина и ius commune). Методика включает сопоставление институциональных «входов» религии в право (юрисдикция, письмо, обучение, судебная процедура) и контент-анализ норм, позволяющий воспроизводимо типологизировать конфессионально обусловленные решения в браке, наследовании, доказательстве и санкциях. Научный результат состоит в уточнении связи между моделями церковно-государственных отношений и юридическим языком: византийско-православная среда усиливает компилятивное нормотворчество и согласование компетенций, латинско-католическая — развивает дуализм юрисдикций и технику аргументации. Предложенная схема соотнесена с логикой источниковедения славянского права, заданной в курсе «История славянских законодательств» и в издании «Законника Стефана Душана» Ф.Ф. Зигеля.

Для цитирования в научных исследованиях

Солонченко А.Д. Право и религия: влияние католицизма и византийского православия на правовую культуру славянских народов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 18-25. DOI: 10.34670/AR.2026.70.29.002

Ключевые слова

Правовая культура, конфессиональная матрица, каноническое право, византийская традиция, ius commune, симфония властей, рецепция права, славянские законодательства, церковная юрисдикция, юридический язык, Ф.Ф. Зигель.

Введение

Соотношение права и религии в славянском мире продуктивно анализировать в логике истории славянских законодательств, где исследователь фиксирует не «влияние» в общем виде, а конкретные механизмы переноса норм и компетенций между институтами. Ф.Ф. Зигель в своих работах исходил из приоритета письменных памятников и сопоставления правопорядков внутри славянского пространства, что позволяет поставить вопрос о конфессиональных различиях как о структуре каналов правовой социализации, а не как о внешнем фоне [Зигель, 1913].

Правовая культура в настоящем анализе обозначает устойчивые способы производства и обращения нормативных смыслов: кто вправе судить, какие доказательства признают, как формируют юридические термины, и каким текстам придают статус источника. Такое понимание согласуется с источниковедческой установкой на чтение правовых памятников как следов институтов, а религию позволяет рассматривать как носителя инфраструктуры юрисдикции и письма, через которую право становится социально обязательным [Зигель, 1914].

Сопоставление латинско-католической и византийско-православной матриц удобно начать с различия моделей церковно-государственных отношений. Западная традиция нормировала конкуренцию правопорядков и самостоятельность церковного суда, тогда как византийская традиция описывала согласование церковного и государственного начал как служений одной общности; в историографии это обозначают понятием «симфония» [Šarkić, 2022].

Основная часть

Для православного ареала базовым инструментом нормативной трансляции стала номоканоническая компиляция, то есть соединение церковных правил и императорских постановлений в едином сборнике, рассчитанном на практику управления и суда. Перевод и распространение таких сборников на славянской почве формировали не только перечень норм, но и тип юридического текста, где публичные и дисциплинарные предписания сосуществуют в общей логике «правильного устройства» христианского общества [Щапов, 1978].

В восточнославянской традиции «кормчие книги» выступали инфраструктурой культурной легализации: через них усваивали представление о праве как о систематизированном письменно закрепленном авторитетном тексте. Важно, что византийские компиляции нередко приходили через южнославянскую редактуру и сопровождались локальными адаптациями, что делает перевод частью юридической техники.

Переводной памятник «Закон Судный людем» показывает, как византийский законодательный язык получал славянские эквиваленты и становился пригодным для включения в местные сборники. Его присутствие в «Мериле Праведном» рядом с Эклогой и Прохироном фиксирует ориентацию на императорский образец регулирования частноправовых и процессуальных вопросов [Тихомиров, Милов, 1961].

Княжеские церковные уставы действовали как иной канал влияния: они распределяли компетенции между епископским и княжеским судом, описывали категории дел и доходов и тем самым задавали «карту» публичной власти в юридических терминах. Текст устава институционализирует границы юрисдикции и превращает религиозный авторитет в процедуру разграничения полномочий.

В западнославянских землях конфессиональный вектор связывался с латинской письменностью и включенностью в университетскую юриспруденцию, где право развивало

технику доказательства и аргументации. Зигель использовал сравнительный материал Богемии и Польши, в том числе в очерке о земском самоуправлении, что позволяет рассматривать католическую матрицу через институты обучения и местной администрации как носителей правового письма. Римский и канонический компоненты образовали общий метод юридического рассуждения, который переносился в светскую практику через суд, нотариат и городское право. Формирование этого синтеза описывают как процесс, в котором каноническая доктрина задавала правила интерпретации и квалификации, позднее ставшие общими стандартами юридической рациональности [Марей, 2012].

Каноническое право в латинской традиции функционировало не только как дисциплинарный кодекс Церкви, но и как ресурс процедурной стандартизации. Его нормы входили в практику через церковные суды и профессиональные сообщества, а затем закреплялись в светских спорах, что подчеркивают исследования о раннем влиянии канонистики на формирование общества [Mehmeti, 2015].

Связь правовой культуры и интеллектуальной среды наглядно проявляется в Богемии, где канонисты действовали как часть профессионального слоя правоведов, а университетская подготовка стабилизировала жанры юридического письма и аргументации. В работах по средневековой канонической юриспруденции подчеркивают институциональную роль юридического образования и судопроизводства в воспроизводстве норм.

Культурная среда влияла и на пределы переносимости норм: одинаковое правило давало разные юридические эффекты в зависимости от языковой практики, обряда и судебной организации. В обсуждении культуры как детерминанты канонического нормотворчества акцентируют необходимость учитывать этот слой при оценке юридической эффективности и при сравнении правопорядков.

Сопоставление матриц выявляет общие зоны конфессионального присутствия в праве. Обе традиции формировали специальные режимы брака и родства, где религиозная антропология задавала допустимость развода, препятствия к браку и юрисдикцию по семейным спорам. Обе традиции усиливали статус письменной нормы и развивали практики фиксации управленческих решений, но различались институциональной архитектурой: западный дуализм стимулировал конкуренцию норм, византийская «симфония» тяготела к согласованию компетенций и единому языку легитимации [Šarkić, 2022].

В публично-правовом измерении религия задавала формы легитимации и пределы власти. Западная модель опиралась на автономию церковной юрисдикции и на идею универсальной нормотворческой компетенции, восточная — на сакрализацию государевой функции как служения в составе христианского политического целого. В славянских памятниках это проявляется в риторике «праведного суда», в моральной квалификации деяния и в специальных режимах ответственности для духовного состояния.

Практическая часть организована как воспроизводимый контент-анализ сопоставимых нормативных блоков: нормы о браке и родстве, правила о церковной и светской компетенции, процессуальные предписания о доказательствах и клятве, санкции с религиозной квалификацией. Критерий конфессиональной обусловленности фиксирует прямую связь нормы с церковной юрисдикцией, доктриной либо с моделью отношений власти и Церкви; такой способ отбора согласуется с источниковедческой дисциплиной работы с памятниками, принятой в истории славянского права.

Восточнославянская проекция византийско-православной модели особенно заметна в связке переводных компиляций и уставов. Номоканонические сборники задавали идеал и терминологию, а княжеские уставы переводили этот идеал в распределение компетенций,

формируя устойчивую юридическую картину мира, где публичная власть действует в координации с церковной властью [Правда Русская, 1940].

Уставы задавали «границы» юрисдикции через перечисление дел и доходов и тем самым превращали церковную организацию в административный регулятор. В этом смысле уставы важны не только как перечни запретов, но и как документы рационализации управления, где религиозный авторитет закрепляет процедуру разграничения полномочий.

Параллельное развитие светского свода («Русская Правда») демонстрирует иной слой правовой культуры: компенсационные санкции, развитую терминологию вир и продаж, фиксацию статусов и имущественных интересов. Сопоставление со статутами показывает комплементарность: светский текст удерживает охрану собственности и статуса, церковные нормы активнее регулируют брак, нравы и дисциплинарную ответственность, вводя моральные квалификации в юридический язык [Щапов (сост.), 1976].

Для южнославянской православной линии ключевым памятником выступает сербский «Законник Стефана Душана», который в издании Ф.Ф. Зигеля представлен как материал для анализа взаимодействия византийских источников и местных норм [Зигель, 1872]. Историография рецепции византийского права в Сербии подчеркивает, что заимствования проходили через перевод и включение в местные компиляции, а расхождения с обычным правом порождали необходимость пояснений.

Необходимость пояснений имеет прямое культурно-правовое значение, поскольку демонстрирует наличие слоя интерпретации, когда перенос нормы требует терминологических эквивалентов и уточнения санкций. Рецепция в такой ситуации становится источником юридической рефлексии: она вынуждает объяснять смысл правила и строить аргументацию, пусть и в иной традиции, чем западные школы толкования.

Западнославянская католическая линия формировала иной тип трансляции: университет и судопроизводственная практика создавали профессиональную «грамматику» права, где аргументация опиралась на авторитеты и правила квалификации. Материал Богемии показывает связь канонической юриспруденции с институциями образования и профессионализацией правоведов [Krafl, 2023].

Содержательно католическая матрица сильнее институционализировала брак как юридический статус и таинство, что усиливало судебный контроль над брачными конфликтами и наследственными спорами. Одновременно дуализм церковного и светского суда развивал режимы коллизий и повышал значение письма и нотариата как посредника между моральной оценкой и юридической квалификацией.

Таблица 1 – сопоставление параметров

Институт / признак	Католическая матрица (латинская)	Православная матрица (византийская)	Показатели в славянских памятниках
Брак и родство	Брак как юридически оформляемое таинство; развитые препятствия и судебные процедуры	Брак как церковно регулируемый статус в связке с общинной практикой; акцент на дисциплинарных санкциях	Рост объема норм о браке в уставах и канонических сборниках; усиление церковной компетенции
Суд и юрисдикция	Дуализм церковных и светских судов; коллизионность компетенций	Согласование компетенций в логике «синфонии»; церковные суды встроены в публичный порядок	Перечни «церковных дел» в уставах; устойчивое разграничение сфер при взаимодействии
Нормативная техника	Школа толкования, аргументация авторитетами,	Компиляция и перевод авто-	Латинская правовая лексика

Институт / признак	Католическая матрица (латинская)	Православная матрица (византийская)	Показатели в славянских памятниках
	университетская юриспруденция	ритетных сборников; адаптация к языку и практике	и формулы в западных землях; церковнославянские переводы в восточных
Санкции и мораль	Развитие процедурной техники и доказывания; моральные категории опосредованы судом	Моральная оценка тесно связана с санкцией и дисциплиной общины	Сочетание компенсаций и дисциплинарных мер; включение клятвы и покаянных практик
Легитимация власти	Папская универсалистская риторика и автономия церковного нормотворчества	Сакрализация княжеской/царской функции в модели согласования властей	Риторика «праведного суда»; формулы согласования церковной и княжеской компетенции

Интерпретация таблицы показывает, что конфессиональный фактор действует преимущественно через институциональные «входы» в право: суд, брак, обучение, письмо и процедура. В католической матрице решающую роль играют юридическое образование и автономная церковная юрисдикция, поэтому возрастает значение аргументации и стандартизированного документа. В византийско-православной матрице доминируют компиляция и координация компетенций, а перевод становится инструментом правовой адаптации [Зигель, 1914] .

Материал восточнославянских уставов позволяет уточнить, как православие воздействовало на правовую культуру без вытеснения княжеской власти. Уставы «переводят» власть в язык компетенций: перечисление категорий дел и доходов формирует юридическую модель публичного управления и закрепляет границы полномочий, что делает церковные нормы фактором ранней административной рационализации.

Переводные византийские компиляции действовали иначе: они задавали нормативный идеал и одновременно повышали ценность книжного текста как источника права. Соседство византийских текстов с местными нормами формировало «двухслойность» правовой культуры, где практику можно сопоставлять с письменным авторитетом, а судебная аргументация получает опору в тексте.

Южнославянский материал показывает сходный механизм рецепции через переработку, а не через копирование. Фиксируемые расхождения византийских норм с обычным правом и необходимость пояснений свидетельствуют о развитии локальных интерпретаторских практик, а «Законник Стефана Душана» в издании Зигеля остается одним из базовых корпусов для наблюдения этого процесса.

В католическом ареале воспроизводимость правовой культуры обеспечивали институты обучения и судопроизводства, встроившие канонические нормы в профессиональную практику. Ius commune задавало общую методику юридического мышления и ускоряло развитие терминологии и письменной фиксации актов в западнославянских землях.

Материал Богемии позволяет конкретизировать механизм: связь канонистики с университетом означала освоение права как дисциплины, а не как набора предписаний, и формировала слой интерпретаторов, способных переносить канонические категории в городское и королевское управление [Krafl, 2023]. Сравнительный интерес к местным институтам и их исторической динамике, характерный для Зигеля, усиливает объяснительную ценность этого примера.

Сопоставление показывает, что конфессиональное различие не сводится к расширению

перечня «церковных дел». Оно перестраивает юридический язык: в православной среде преимущество получает язык компиляции и гармонизации, в католической — язык аргументации и коллизионного сопоставления источников. В публицистическом тексте «Право и прогресс» Зигель связывает эволюцию права с развитием общественных институтов, что позволяет интерпретировать различия матриц как различия траекторий институционального роста.

Проверяемость схемы обеспечивают формальные критерии: распределение компетенций, наличие религиозной квалификации в санкции, процедурная техника доказательства и степень письменной стандартизации источников. Критерии применимы к различным наборам славянских правовых памятников и позволяют сопоставлять регионы без редукции к неопределенному «общему влиянию христианства», что соответствует сравнительной установке истории славянских законодательств [Зигель, 1914].

Заключение

Итоговое сопоставление показывает, что католицизм в славянском мире прежде всего стимулировал профессионализацию юридической культуры и дуалистическую архитектуру юрисдикций, тогда как византийское православие поддерживало компилятивный тип нормативного текста и институциональное согласование церковной и светской компетенций. Обе матрицы усиливали значение письма и создавали устойчивые режимы брака, однако различались методикой юридического рассуждения и способами легитимации власти [Kroczek, 2020].

Религия воздействовала на право в славянских обществах как перенос моделей юридической рациональности. Католическая матрица закрепляла конкуренцию правопорядков и развивала технику толкования, что повышало процедурную сложность и объем письменной фиксации. Православная матрица закрепляла согласование властей и развивала жанр номоканонической компиляции, обеспечивая гармонизацию управления и дисциплины. Интерпретация в рамках подхода Ф.Ф. Зигеля позволяет объяснять эти различия через институциональные каналы трансляции конфессиональных норм и через формы юридического языка, складывающиеся вокруг юрисдикции и письма.

Библиография

1. Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. / сост. Я.Н. Щапов. – М. : Наука, 1976. – 240 с.
2. Зигель Ф.Ф. Законник Стефана Душана / соч. Ф. Зигеля ; печ. иждивением Имп. С.-Петерб. ун-та. – Вып. 1 : [С прил.]. – Санкт-Петербург : иждивением Спб. ун-та (тип. т-ва «Обществ. польза»), 1872. – [2], VI, 220, 152 с.
3. Зигель Ф.Ф. История славянских законодательств : курс лекций, чит. в Имп. Варш. ун-те в 1913–1914 акад. г. / проф. Ф.Ф. Зигель ; изд. значит. доп. и испр. под ред. студента В.Г. Воробьева. – Варшава : тип. «Рус. о-ва», 1914. – 114, 85 с.
4. Зигель Ф.Ф. Право и прогресс / проф. Ф.Ф. Зигель. – Варшава, 1913. – 7 с.
5. Марей А.В. К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование ius commune в Западной Европе в XII–XIV вв. // Государство и право. – 2012. – № 5. – С. 96–102.
6. Правда Русская / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под общ. ред. Б.Д. Грекова. – Т. 1 : Тексты / подгот. к печати В.П. Любимов и др. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 505 с.
7. Тихомиров М.Н., Милов Л.В. Закон Судный людем краткой редакции. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1961. – 176 с.
8. Цыпин В.А. Церковное право : курс лекций. – М., 1994. – 334 с.
9. Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. – М. : Наука, 1978. 291 с.
10. Krafl P. Canonical Jurisprudence in Medieval Kingdom of Bohemia // Анали Правног факултета у Београду (Annals

of the Faculty of Law in Belgrade). – 2023. – № 3. – P. 441–474.
11. Kroczek P. Culture as One of the Determinants of Legislation: A Case of Canon Law // Philosophy and Canon Law. – 2020. – Vol. 6. – P. 97–105. – DOI: 10.31261/PaCL.2020.06.06.
12. Mehmeti S. The Influence of Canon Law on Ius Commune in Its Formative Period // SEEU Review. – 2015. – Vol. 11, Issue 2. – P. 155–166.
13. Šarkić S. The Influence of Byzantine Law in East Central Europe // Sáry P. (ed.) Lectures on East Central European Legal History. – Miskolc : Central European Academic Publishing, 2022. – P. 41–63. – DOI: 10.54171/2022.ps.loecelh_3.

Law and Religion: The Influence of Catholicism and Byzantine Orthodoxy on the Legal Culture of Slavic Peoples

Andrey D. Solonchenko

Doctoral Candidate,
Department of Theory of Law and Civil Legal Education,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika River Embankment, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: pass12355pass@yandex.ru

Abstract

The article develops a comparative-historical formulation of the question characteristic of the works of F.F. Siegel and examines confessional differences as one of the stable channels for the formation of legal culture in Slavic societies. The material consists of monuments of East and South Slavic written tradition (princely church charters, translated Byzantine compilations) and West Slavic Latin tradition (canonical doctrine and ius commune). The methodology includes a comparison of the institutional "entry points" of religion into law (jurisdiction, writing, education, judicial procedure) and a content analysis of norms, which allows for the reproducible typologization of confessionally determined solutions in marriage, inheritance, evidence, and sanctions. The scientific result consists in clarifying the connection between models of church-state relations and legal language: the Byzantine-Orthodox environment enhances compilative norm-setting and coordination of competencies; the Latin-Catholic environment develops the dualism of jurisdictions and the technique of argumentation. The proposed scheme is correlated with the logic of source studies of Slavic law, as set out in the course "History of Slavic Legislations" and in the edition of "The Law Code of Stefan Dušan" by F.F. Siegel.

For citation

Solonchenko A.D. (2026) Pravo i religiya: vliyaniye katolitsizma i vizantiyskogo pravoslaviya na pravovuyu kul'turu slavyanskikh narodov [Law and Religion: The Influence of Catholicism and Byzantine Orthodoxy on the Legal Culture of Slavic Peoples]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 18-25. DOI: 10.34670/AR.2026.70.29.002

Keywords

Legal culture, confessional matrix, canon law, Byzantine tradition, ius commune, symphony of powers, reception of law, Slavic legislations, church jurisdiction, legal language, F.F. Siegel.

References

1. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XIV vv. [Old Russian Princely Charters of the 11th–14th Centuries] / compiled by Ya.N. Shchapov. (1976) Moscow: Nauka. 240 p.
2. Ziegel F.F. (1872) Zakonnik Stefana Dushana [The Code of Stefan Dušan]. Issue 1. St. Petersburg: Imperial St. Petersburg University Press. [2], VI, 220, 152 p.
3. Ziegel F.F. (1914) Istoriya slavyanskikh zakonodatel'stv [History of Slavic Legislations]. Warsaw: Russkoe obshchestvo Press. 114, 85 p.
4. Ziegel F.F. (1913) Pravo i progress [Law and Progress]. Warsaw. 7 p.
5. Marey A.V. (2012) K osmysleniyu fenomena retseptsii rimskogo prava: formirovanie ius commune v Zapadnoy Evrope v XII–XIV vv. [Towards an Understanding of the Reception of Roman Law: The Formation of Ius Commune in Western Europe in the 12th–14th Centuries]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], No. 5, Pp. 96–102.
6. Pravda Russkaya [Russkaya Pravda] / edited by B.D. Grekov. Vol. 1: Teksty [Texts]. (1940) Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press. 505 p.
7. Tikhomirov M.N., Milov L.V. (1961) Zakon Sudnyy lyudem kratkoy redaktsii [The Law for Judging the People (Short Edition)]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press. 176 p.
8. Tsypin V.A. (1994) Tserkovnoe pravo: kurs lektsiy [Canon Law: A Course of Lectures]. Moscow. 334 p.
9. Shchapov Ya.N. (1978) Vizantiyskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. [Byzantine and South Slavic Legal Heritage in Rus' in the 11th–13th Centuries]. Moscow: Nauka. 291 p.
10. Krafl P. (2023) Canonical Jurisprudence in Medieval Kingdom of Bohemia. In: *Anali Pravnog fakulteta u Beogradu (Annals of the Faculty of Law in Belgrade)*, No. 3, Pp. 441–474.
11. Kroczek P. (2020) Culture as One of the Determinants of Legislation: A Case of Canon Law. In: *Philosophy and Canon Law*, Vol. 6, Pp. 97–105. DOI: 10.31261/PaCL.2020.06.06.
12. Mehmeti S. (2015) The Influence of Canon Law on Ius Commune in Its Formative Period. In: *SEEU Review*, Vol. 11, Issue 2, Pp. 155–166.
13. Šarkić S. (2022) The Influence of Byzantine Law in East Central Europe. In: Sáry P. (ed.) *Lectures on East Central European Legal History*. Miskolc: Central European Academic Publishing, Pp. 41–63. DOI: 10.54171/2022.ps.loecelh_3.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 321.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.25.55.003**

Гражданское общество в условиях сетевой трансформации

Ахрамеев Павел Сергеевич

Аспирант кафедры теории государства и права,
Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: akhrameev.pavel130@gmail.com

Аннотация

В рамках данной статьи анализируется процесс перехода гражданского общества к сетевой инфраструктуре с позиций истории и теории государства и права. Автор обращается к эволюции теоретических представлений о гражданском обществе отечественных и иностранных авторов, сторонников различных научных школ от античных философских концепций до современных научных интерпретаций, формирующихся в условиях цифровой трансформации и повсеместной сетевизации. Особое внимание уделяется выявлению и раскрытию ключевых преимуществ и ограничений сетевизации гражданского общества, включая изменение форм самоорганизации, участия и взаимодействия с публичной властью, а также риски фрагментации, утраты устойчивости и легитимности общественных инициатив, в том числе на актуальных примерах реального сетевого активизма в России и за рубежом. Исследование обозначенного предмета осуществляется на основе использования системного, сравнительно и историко-правового, диалектического и междисциплинарного методов. Актуальность поставленной проблематики обосновывается ускорением социально-политических и технологических процессов, обусловленных развитием четвертой промышленной революции, сетевизацией общественных отношений, а также широким внедрением информационно-коммуникационных технологий на всех уровнях общественно-политической жизни. Новизна исследования раскрывается в том, что большинство аналогичных публикаций не рассматривают сетевую трансформацию гражданского общества как системный и обоснованный процесс перехода к качественно новой форме общественно-политической деятельности и взаимодействия с государством. В результате проведённого анализа формулируется вывод о том, что гражданское общество постепенно, но закономерно и неизбежно переходит в сетевую и цифровую плоскость, развиваясь параллельно с общей сетевой перестройкой общественно-политической реальности и изменением традиционных механизмов публичного управления.

Для цитирования в научных исследованиях

Ахрамеев П.С. Гражданское общество в условиях сетевой трансформации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 26-37. DOI: 10.34670/AR.2026.25.55.003

Ключевые слова

Гражданское общество, четвертая промышленная революция, иерархия, цифровизация, сетевизация, интернет, социальные сети, общественный договор, право, государство.

Введение

В настоящее время уже не представляется возможным отрицать тот факт, что сетевые и цифровые технологии стали фундаментальным фактором трансформации практически всех сфер общественной и политической жизни. Информационно-коммуникационные сети не только изменили способы производства, обмена и распространения информации, но и существенно повлияли на формы социальной самоорганизации, политического участия и взаимодействия между обществом и государством.

В условиях, когда деятельность органов публичной власти все активнее переносится в цифровую и сетевую плоскость через электронные сервисы, платформы обратной связи и онлайн-процедуры принятия решений, гражданское общество развивается по схожей, зачастую даже более динамичной траектории.

Объектом исследования в рамках данной статьи являются общественные отношения, возникающие в процессе сетевой трансформации гражданского общества в условиях формирования сетевой инфраструктуры современного государства и общества в целом. Предметом выступили научные теории зарубежных и отечественных ученых и философов разных веков. Отдельно рассматривается практика реализации сетевых подходов.

Целью исследования стало изучение исторического пути развития теории гражданского общества и разработка на его основе новой теоретической модели трансформации гражданского общества в условиях сетевизации общественных отношений, с учетом анализа потенциальных преимуществ и недостатков такой трансформации.

Особое значение данное исследование имеет в виду того, что на данный момент в научной среде не сформировался единый подход к восприятию сетевого гражданского общества, и не многие авторы затрагивают эту тему в своих работах.

В качестве методов, наиболее подходящих для проведения исследования в связи с междисциплинарным характером работы, находящейся на стыке теории, истории государства и права и политической философии, автором выбраны общефилософский диалектический метод, общенаучные анализ, синтез, сравнение, системно-структурный, функциональный и междисциплинарный методы, частнонаучный исторический подход, а также специально юридические методы, такие как историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Основное исследование

Гражданское общество на протяжении всего исторического развития складывалось не как автономное по отношению к государству образование, а в условиях постоянного взаимодействия и взаимной обусловленности с системой публичной власти.

Оно одновременно выступало социальной средой функционирования государства и результатом его регулирующего воздействия. Такая взаимосвязь носит устойчиво симбиотический характер: государство, обладая публичной властью и исключительными полномочиями по осуществлению легитимного принуждения, не способно к эффективному

управлению в отрыве от реального социального пространства, системы сложившихся общественных интересов, ценностей и горизонтальных коммуникаций.

В то же время гражданское общество не может полноценно развиваться без правового порядка, институциональных гарантий и механизмов защиты прав и свобод, обеспечиваемых государством, располагающим необходимыми организационными, материально-техническими и силовыми ресурсами.

В общественно-политической теории понятие гражданского общества менялось на протяжении веков, в условиях неизбежных социальных изменений и исторических процессов. Сам институт гражданского общества, при этом, получил свое официальное оформление, лишь в эпоху становления и развития буржуазных отношений, когда важную роль в научном дискурсе стали играть права человека и роль личности в обществе.

Первые теоретические предпосылки формирования концепции гражданского общества действительно восходят к античной философской мысли. Платон, выделял различные группы граждан, их функции и интересы, что показывало общество, как внутренне дифференцированную систему, а не просто механическое продолжение власти. В его представлении люди объединяются в социальные общности на основе потребностей, а уже затем из этих объединений формируется государственное устройство [Сорокун, Мударисова, 2020, с. 261]. Аристотель пошел дальше, вводя различие между «полисом», как формой политической организации, и совокупностью граждан, объединённых общими интересами и целями. Он впервые использует аналог термина «гражданское общество», как обозначение полиса – «politike koinonia» (этико-политическая сфера публичного нормативно урегулированного общения свободных и равноправных граждан). По Аристотелю государство возникает ради достижения общего блага, однако устойчивость политического устройства напрямую зависит от качества социальных связей, добродетелей граждан и их участия в общественной жизни [Екадумова, 2016, с. 215-216].

В период Нового времени и эпохи Возрождения античное наследие получило дальнейшее концептуальное развитие в рамках теорий общественного договора. Тогда же в XVII–XVIII вв. теория гражданского общества получила свое научное оформление и понятие.

В трудах Томаса Гоббса и Джона Локка [Тощенко, 2023, с. 101], при всей принципиальной разнице их взглядов на природу догосударственного состояния и допустимые пределы государственной власти, прослеживается общая логика понимания происхождения государства. Оба мыслителя связывали становление государственности с объективной потребностью в упорядочивании общественных отношений, возникающих между автономными, рациональными и наделёнными собственными интересами индивидами.

В том же векторе размышлял и Ш. Л. Монтескье, указывая, что люди, общество управляются гражданским правом, а государства государственным, подчеркивая тем самым разную природу общественных институтов и институтов публичной власти [Тощенко, 2023, с. 101].

Особое внимание в рамках рассматриваемой проблематики заслуживает концепция французского мыслителя П. Гольбаха, который, развивая теорию общественного договора, фактически доводит идею взаимосвязи государства и общества до предельной логической формы. В его интерпретации общество и государство находятся в состоянии глубокой и неразрывной взаимозависимости, при которой подрыв или разрушение общественного договора неизбежно влечёт за собой не только кризис институтов публичной власти, но и деструкцию самого социального порядка [Тощенко, 2023, с. 101].

В наиболее целостном и теоретически оформленном виде идея гражданского общества была представлена в трудах Г. В. Ф. Гегеля, который закрепил её в качестве самостоятельной категории философии права и политико-правовой теории.

В «Философии права» гражданское общество определяется им как особая сфера социальной действительности, занимающая промежуточное положение между семьёй и государством. Именно в её рамках разворачивается реализация частных интересов индивидов, осуществляется экономическая деятельность, формируются профессиональные, корпоративные и иные устойчивые социальные связи [Чимаров, 2022, с. 171]. Существенным нововведением гегелевского подхода является и его историко-философская логика. В отличие от многих предшествующих авторов, Гегель рассматривает гражданское общество как образование, возникающее не до, а после формирования государственных институтов, что подчеркивает его производный и одновременно опосредующий характер по отношению к государству.

В русле гегелевской традиции переосмысления гражданского общества развивались и взгляды ряда других философов XIX века, прежде всего представителей классической немецкой и марксистской мысли. Для них было характерно стремление преодолеть либеральное противопоставление государства и гражданского общества и рассмотреть их как элементы единого социального целого. В этом смысле новый теоретический поворот действительно во многом «возвращал» гражданское общество к его исходному пониманию — не как автономной и самодостаточной сферы, а как структурно и функционально связанной с государством.

Наиболее последовательно данная позиция была сформулирована в трудах К. Маркса и

Ф. Энгельса. В их концепции гражданское общество рассматривалось прежде всего, как совокупность материальных, экономических и социальных отношений, образующих базис общества и определяющих характер политико-правовой надстройки. При этом само гражданское общество, по Марксу, не может быть понято из абстрактных идей свободы, морали или «человеческого духа», а должно анализироваться через призму конкретных исторических форм производства, собственности и классовых отношений [Матузов, 2003, с. 391-392]. С марксистских позиций гражданское общество не существует вне государства в собственном смысле, поскольку именно государственная власть институционализирует и формализует господствующие в обществе социальные интересы, придавая им юридическое и политическое выражение.

От марксистского вектора понимания гражданского общества в его классическом, экономико-детерминированном варианте в определённой степени отходит один из крупнейших теоретиков неомарксизма А. Грамши. Развивая и переосмысляя идеи Маркса, он переносит акцент с экономического базиса на сферу идеологии и культуры, рассматривая гражданское общество не как часть материального фундамента общества, а как элемент надстройки. Более того, Грамши определяет его как совокупность не столько экономических, сколько культурно-идеологических и духовных отношений, формирующих пространство общественного согласия и легитимации власти [Никандров, 2014].

Обобщенно можно установить, что в рамках классической модели взаимоотношений гражданского общества и механизма государства участие граждан и их объединений в публичном управлении носит преимущественно опосредованный характер. Основными формами такого взаимодействия традиционно выступают электоральные процедуры и референдумы, обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления, деятельность представительных институтов, а также юридически закреплённые механизмы общественного контроля. Эти каналы вовлечения предполагают

институционализированную, строго регламентированную и, как правило, дискретную по времени модель участия, при которой влияние гражданского общества на процесс принятия государственных решений осуществляется в заранее установленных формах и рамках.

В пределах указанной модели государство сохраняет приоритетное положение как ведущий и фактически монопольный носитель публичной власти, обладающий легитимным правом на принятие и реализацию общеобязательных решений, использование механизмов принуждения и распоряжение ключевыми материальными и организационными ресурсами. Гражданское общество в таких условиях занимает в основном вторичную и реактивную позицию, выполняя функции социальной легитимации проводимой государственной политики, артикуляции общественных интересов и сдерживания возможных злоупотреблений властью. Его участие в публичном управлении, как правило, не предполагает прямого соучастия в выработке управленческих решений и реализуется через механизмы обратной связи, позволяющие государству получать формализованное представление о настроениях и реакции общества.

Подобная конфигурация взаимодействия в значительной степени отражает логику индустриального и раннего постиндустриального этапов развития государства, для которых характерны иерархические модели управления, жёсткое разграничение субъектов и объектов власти, а также относительная институциональная замкнутость политического процесса. В этих условиях гражданское общество выполняет преимущественно компенсаторную роль, корректируя и ограничивая действия публичной власти, но не выступая полноправным участником системного формирования и реализации управленческих решений.

Справедливо будет отметить, что даже противоположная гегельянской и марксисткой концепции современная западная теория гражданского общества, основанная на понимании его, как силы противодействия авторитаризму в любых его проявлениях, на развитии гражданских свобод и либеральных ценностей [Айбатов, 2014, с. 12] следует все еще в векторе классического понимания институтов гражданского общества и их роли.

В условиях заявленной К. Швабом четвертой промышленной революции общественные отношения все в большей степени развиваются в сетевой и цифровой среде [Шваб, 2022, с. 12]. Логику построения современного сетевого общества одним из первых описал главный идеолог сетевой теории испанский социолог М. Кастельс. Он проанализировал влияние третьей промышленной революции на социальные изменения, которые привели к тому, что все основные сферы общественно-политической жизни в настоящий момент организуются посредством сетей, усиленных цифровыми информационно-коммуникационными технологиями [Кастельс, 2000, с. 25]. Кастельс также ввел одно из ключевых для будущей трансформации гражданского общества понятий «пространство потоков» (space of flows). Данный термин введен социологом для описания сути изменений во взаимодействиях общественных институтов, в том числе институтов гражданского общества, в условиях сетевой парадигмы, в которой ключевыми элементами становятся не физические территории и пространство между физическими реально существующими объектами или, как это называет Кастельс, «пространство мест» (space of places), а потоки информации, капитала, технологий, символов и людей.

Исходя из этого, по мере того как традиционные иерархические модели взаимодействия государства и общества дополняются горизонтальными формами коммуникации и участия, параллельно трансформируются и правила функционирования институтов гражданского общества, адаптирующихся к новым технологическим и социальным условиям. Это обусловливает необходимость пересмотра классических теоретико-правовых представлений о

гражданском обществе. Развитие цифровых технологий, повсеместное распространение информационно-коммуникационных сетей и ускорение процессов обмена данными приводят к тому, что гражданское общество все в большей степени утрачивает признаки исключительно институционально оформленной и территориально локализованной структуры. Вместо этого оно приобретает выраженный сетевой характер, трансформируясь из совокупности относительно устойчивых, формировавшихся на протяжении десятилетий социальных институтов в динамичную, подвижную систему горизонтальных связей, коммуникаций и взаимодействий.

В рамках сетевой парадигмы гражданское общество формируется уже не только через традиционные, формализованные и, что принципиально важно, физически существующие организационные структуры, такие как общественные объединения, профсоюзы или некоммерческие организации, но, как и писал, к примеру, ранее упомянутый М. Кастельс, и посредством цифровых сообществ, онлайн-платформ, социальных сетей, форумов и временных сетевых объединений, возникающих вокруг конкретных проблем, событий или инициатив. Ключевую роль в данном процессе сыграло развитие сети «Интернет», которая стала универсальной средой для коммуникации, координации действий и коллективной мобилизации. Интернет не только снизил издержки участия в общественной жизни, но и изменил сами формы гражданской активности.

Новые формы самоорганизации, характерные для сетевого гражданского общества, обладают всеми базовыми признаками сетевых структур. Основной набор таковых весьма удачно перечисляют Курбатов, Куликов и Папа: горизонтальный принцип построения, отсутствие централизации, интерактивность, свободны доступа к информации, свобода выборов партнеров для взаимодействия, свобода форм взамодействия, внутреннее самоуправление, собственные правила внутреннего поведения участников [Курбатов, Куликов, Папа, 2018, с. 26].

Со своей стороны, уместно было бы добавит к данному списку высокую мобильность, размытость границ, низкий порог входа и способность к быстрой мобилизации значительного числа участников. Эти характеристики принципиально меняют роль гражданского общества во взаимодействии с государством, поскольку позволяют оперативно формировать общественную повестку, привлекать внимание средств массовой информации и оказывать давление на органы публичной власти без использования традиционных институциональных каналов.

Более лаконично, обобщенно и системно аналогичные признаки сетевого общественного устройства приводит другой отец-основатель сетевой теории Я. В. Дейк. Он описывает четыре основные характеристики сетевого общества: информационность, то есть доминирование производства, хранения и передачи информации как ключевого социального и экономического ресурса; глокальность (глобальность и локальность), которая стирает традиционные пространственные и временные границы при коммуникации; сетевую логику организации, предполагающую наличие децентрализованных и гибких горизонтальных структур вместо традиционных иерархий; и медиатизацию, при которой медиасредства становятся не просто каналами передачи информации, а активными субъектами формирования социальных процессов[van Dijk, 1999, c. 20] .

Одним из ключевых преимуществ описанных признаков является то, что цифровая коммуникация позволяет участвовать в деятельности гражданского общества без привязки к физическому пространству или обязательному личному взаимодействию между участниками. Индивиды могут включаться в общественные процессы дистанционно, асинхронно, в различных формах от распространения информации и участия в онлайн-обсуждениях до

координации коллективных действий и цифрового активизма, а главное даже при минимальном участии. Такая форма взаимодействия позволяет сетевым объединениям оперативно реагировать на изменения социально-политической обстановки, масштабировать своё влияние и выходить за пределы национальных границ, формируя транснациональные гражданские сети.

Интересным и радикальным примером теоретического взгляда на такую специфику сетевой трансформации общественных институтов является концепция «ризомы»

Ж. Делёза и Ф. Гваттари, согласно которой ризоматическая модель символизирует сеть, не имеющую ни центра, ни иерархии, ни направленности [Делез, Гваттари, 1996, с. 11]. Это совокупность автономных, но взаимосвязанных узлов, способных к бесконечному расширению и трансформации. В отличие от дерева, у которого есть корень и ствол, ризома разветвляется хаотично и непредсказуемо, при этом каждый ее фрагмент способен функционировать независимо и в то же время быть частью целого.

Мысль о относительной автономности и самостоятельности отдельных сегментов социальной структуры, сопоставимых с элементами гражданского общества, поддерживает и Талкотт Парсонс. В рамках своей структурно-функциональной теории он фактически заменяет термин «гражданское общество» категорией «социетального сообщества», под которым понимает сложную систему взаимосвязанных, но функционально дифференцированных коллективов и лояльностей. Для такого сообщества характерны сегментация, специализация и распределение ролей, при которых различные социальные группы сохраняют собственную нормативную автономию, но одновременно интегрированы в общую ценностную систему [Парсонс, 1998, с. 26].

Более развернутую и во многом современную концепцию гражданского общества предлагают Дж. Л. Коэн и Э. Аранто. В их понимании гражданское общество трактуется как автономная сфера социальной жизни, расположенная между государством и экономикой и основанная на коммуникации, публичной дискуссии и добровольных ассоциациях. Их модель отличается принципиальной дифференцированностью: в центр ставится не государство или экономика, а само общество. Коэн и Арато рассматривают институционализацию гражданского общества, как процесс правовой стабилизации социальных практик. По их мнению, полноценное развитие гражданского общества возможно лишь при закреплении основных прав и свобод, гарантирующих автономию ассоциаций и публичной коммуникации. При этом гражданское общество содержит в себе имманентный потенциал демократизации: через механизмы публичной критики, самоорганизации и участия оно способно оказывать влияние на государство и способствовать трансформации политической системы в сторону большей открытости и подотчётности [Коэн, Арато, 2003, с. 520].

На практике описанные выше теоретические концепции, описывающие основные тенденции сетевой трансформации гражданского общества, проявляются, как на позитивных, так и более неоднозначных примерах, как в России, так и за рубежом. Отличными примерами плодотворного и положительного сетевого активизма являются сообщество «Пожар.Ру» [Свидетельство очевидца: Горячее лето 2010, KP.ru], члены которого активно содействовали в предупреждении и ликвидации последствий пожаров 2010 г. в России, а также онлайн-проект «COVIDарность» [COVIDарность], созданный для помощи и взаимодействия в период распространения короновирусной инфекции. Куда более спорным оказалось, возникшее в США уже всемирно известное движение «Black Lives Matter» [BBC, Black Lives Matter founders], сторонники которого по всему миру объединились против полицейского насилия и произвола в отношении чернокожих.

Последнее общественное объединение особенно ярко демонстрирует формирование не просто электронного или сетевого гражданского общества, а мирового электронного гражданского общества, ключевой особенностью которого, к примеру, В. И. Буренко и

И. А. Бронников называют интернациональность многих современных интернет-проектов [Буренко, Бронников, 2012, с. 49], которые создают единое общемировое объединение граждан разных государств для продвижения и отстаивания общих идей и ценностей через сетевые технологии.

При этом, безусловно, развитие преимущественно сетевых форм гражданской активности сопряжено с рядом существенных ограничений и рисков, которые не позволяют рассматривать сетевое гражданское общество как однозначно более эффективную или зрелую форму социальной самоорганизации. Прежде всего, уход от физического участия и очных форм взаимодействия нередко снижает уровень личной вовлечённости и ответственности участников. Эффект «цифрового присутствия» зачастую формирует иллюзию гражданской активности, при которой чувство причастности к общественным процессам достигается за счёт минимальных действий, таких как комментарии, репосты, лайки или участия в онлайн-опросе, не предполагающих реальных затрат времени, ресурсов и усилий. Подобная «символическая вовлечённость» ослабляет глубину общественного участия и затрудняет трансформацию сетевой активности в устойчивые социальные практики.

Дополнительным фактором является снижение входного порога участия в сетевых формах гражданского общества. С одной стороны, это расширяет возможности включения широких слоёв населения в общественные процессы, однако, с другой приводит к вовлечению лиц, не являющихся целевой аудиторией конкретных инициатив и не разделяющих их ценностных или программных установок. Как справедливо отмечают

А. В. Соколов и И. С. Маклашин основной аудиторией современных сетевых общественных объединений и гражданских сообщества является молодежь, так как именно эта категория граждан активнее сего вовлечена в информационное и сетевое пространство, конкретно в сеть «Интернет» [Соколов, Маклашин, 2013, с. 161].

Дополнительное влияния на вопрос субъектности сетевых гражданских объединений оказывает анонимность и псевдоанонимность интернет-пространства, которые создают условия для манипулятивных практик, использования поддельных аккаунтов, автоматизированных ботов и технологий искусственной «накрутки» активности.

В результате реальные масштабы поддержки или общественного резонанса могут быть искажены, что фактически приближает сетевые формы гражданской мобилизации к фальсификации общественного волеизъявления. Отличным примером данного недостатка сетевизации гражданского общества можно назвать недавние события, произошедшие в начале сентября 2025 г. в Непале, когда в результате протестного движения и отставки президента произошло формирование неофициального сетевого парламента, к которому для публичного обсуждения политических вопросов могли подключиться любые пользователи сети «Интернет» любого возраста и гражданства [RBC, NYT узнала, что мессенджер Discord стал центром принятия решений в Непале].

Указанные обстоятельства неизбежно отражаются на восприятии сетевых гражданских инициатив со стороны органов публичной власти. Отсутствие физической институционализации, формального членства и чётких механизмов представительства нередко приводит к снижению уровня доверия к результатам деятельности сетевых объединений, которые воспринимаются как фрагментарные, ситуативные и не обладающие достаточной

легитимностью. Даже несмотря на то, что отдельные должностные лица и государственные органы всё активнее переходят в цифровое пространство, используя социальные сети, онлайн-платформы и цифровые сервисы для коммуникации с гражданами и получения обратной связи, институциональное признание сетевых форм гражданской активности остаётся ограниченным и во многом избирательным.

Вместе с тем, стоит отметить, что все выше указанные ограничения не нивелируют принципиального влияния сетевого гражданского общества в современных политико-правовых процессах, которое может варьироваться в зависимости от политического режима, уровня цифрового развития и открытости конкретного государства.

В России, однако, на данный момент сетевизация гражданского общества не находит достаточного отклика в законодательной и политической сферах. С учетом проведенного анализа возможно предложить ряд конкретных актуальных изменений, которые способствовали бы развитию отечественного правового регулирования данного вопроса со стороны государства.

Одним из первых необходимых нововведений видится нормативное закрепление понятия «сетевые формы гражданского участия» или аналогичного ему, так как существующее законодательство, регулирующее вопросы деятельности гражданского общества в России, оперирует только классическими формами объединения (общественные объединения, учреждения, организации, фонды, органы самодеятельности, политические партии, НКО, группы и комиссии общественного контроля). Однако, не смотря на уже давно актуальную реальность сетевых интернет сообществ, к примеру, ни

ФЗ «Об общественных объединениях», ни ФЗ «Об основах общественного контроля» не учитывают специфику сетевых, неформализованных, цифровых объединений, которые не имеют юридического лица, официального членства и функционируют преимущественно через цифровые платформы, специфика работы и контроля за которыми не вызывает никаких сомнений в необходимости регулировании данного вопроса, закреплении допустимых форм сетевого гражданского активизма, создание рамок их легальной деятельности и способов формализации ее результатов.

Важным также кажется предложение, законодательно закрепить формат и порядок взаимодействия органов власти с институтами сетевого гражданского общества. Для этого было бы полезным установить официальный статус на уровне закона онлайн-обсуждения проектов нормативно-правовых актов, общественных инициатив, которые уже реализуются на сайтах отдельных органов и государственных интернет-порталах, таких как, к примеру, портал «Российская общественная инициатива», страница Общественного совета при Министерстве финансов Российской Федерации и целого ряда других.

С учетом специфики современного взаимодействия органов власти и отдельных чиновников с гражданами через социальные сети и мессенджеры, обоснованным было бы легальное закрепление и такой формы взаимодействия власти и гражданского общества, которое на данный момент остается в сфере неформального общения в сети «Интернет».

Если обобщить предложенные выше инициативы, то автору кажется очевидным, что актуальность сетевых трансформаций, цифровизация и развитие цифрового суверенитета, требует разработки положений о развитии сетевого гражданского общества в программных стратегических документах нашей страны по аналогии с проектами «Цифровая экономика» или «Информационное общество» (который направлен в основном на вопросы сферы услуг и бизнеса, но не затрагивает область деятельности институтов гражданского общества).

Заключение

В заключение можно констатировать, что развитие сетевых и цифровых технологий приводит к глубокой трансформации гражданского общества, которое из совокупности относительно стабильных институтов постепенно превращается в динамичную систему горизонтальных коммуникаций и сетевых форм самоорганизации. На конкретных примерах сетевой гражданской активности по всему миру видны плюсы и минусы, возможности сетевых структур и степень их влияния на общественные процессы и даже политику государств.

Исходя из вышеописанного, очевидно, что сам процесс встраивания новых сетевых институтов гражданского общества в систему публичного управления носит универсальный характер и может быть охарактеризован, как глобальная и устойчиво воспроизводимая тенденция, которая свидетельствует о трансформации классического понимания гражданского общества, сложившегося за предыдущие столетия. Из этого следует, что необходимо не только поменять теоретический научный подход к пониманию гражданского общества, но и скорректировать нормативное регулирование деятельности институтов гражданского общества с учетом сетевой специфики их функционирования.

Библиография

1. Айбатов М.М. Современные и классические концепции гражданского общества: Историко-правовой анализ // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 1. С. 11-14.
2. Буренко В.И., Бронников И.А. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? (Зарубежный опыт и отечественная практика. Политический аспект) // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 44-51.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Минск: Красико-принт, 1996. 208 с.
4. Екадумова И.И. Истоки концепции гражданского общества в общественно-политической мысли Древней Греции // Science Time. 2016. № 2(26). С. 207-222.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
6. Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ.; общ. ред. И.И. Мюрберг. М.: Весь Мир, 2003. 784 с.
7. Курбатов В.И., Куликов С.В., Папа О.М. Сетевые он-лайн сообщества: факторы самоуправления в формировании цифрового гражданского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 12. С. 24-31.
8. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2003. 512 с.
9. Монтескье Ш.Л. О духе законов / пер. А. Горнфельда; вступ. ст. Д. Хаустова. М.: РИПОЛ классик, 2019. 690 с.
10. Никандров А.В. Творческое развитие или доктринальная инверсия марксизма: Норберто Боббио о значении и своеобразии концепции гражданского общества Антонио Грамши // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 6. № 1.
11. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
12. Свидетельство очевидца: Горячее лето 2010 // KP.ru. URL: https://www.kp.ru/daily/26113/3008080/
13. Соколов А.В., Маклашин И.С. Сетевая гражданская активность в современной России // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 6. С. 159-161.
14. Сорокун П.В., Мударисова Д.Е. Учение Платона о государстве и обществе в нем // Эпоха науки. 2020. № 21. С. 260-264.
15. Тощенко Ж.Т. Общественный договор: эволюция идей // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 98-121.
16. Чимаров С.Ю. Проблема гражданского общества в системе философии права Георга Гегеля // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 8-2. С. 171-173.
17. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2022. 233 с.
18. Black Lives Matter founders: We fought to change history and we won // BBC. URL: https://www.bbc.com/news/world-us-canada-55106268
19. COVIDарность. URL: https://covidarnost.ru/

20. Jan A.G.M. van Dijk. The Network Society. London: SAGE Publications Ltd, 1999. 292 p.
21. NYT узнала, что мессенджер Discord стал центром принятия решений в Непале // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/13/09/2025/68c539939a7947f9d9abfa52

Civil Society in the Context of Network Transformation

Pavel S. Akhrameev

Postgraduate Student,
Department of Theory of State and Law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: akhrameev.pavel130@gmail.com

Abstract

This article analyzes the process of civil society's transition to network infrastructure from the perspective of the history and theory of state and law. The author traces the evolution of theoretical concepts of civil society by domestic and foreign authors, proponents of various scientific schools — from ancient philosophical concepts to contemporary scientific interpretations being formed in the conditions of digital transformation and the widespread proliferation of networking. Particular attention is paid to identifying and revealing the key advantages and limitations of the networking of civil society, including changes in forms of self-organization, participation, and interaction with public authority, as well as the risks of fragmentation, loss of stability, and legitimacy of public initiatives, including using current examples of real network activism in Russia and abroad. The study of the indicated subject is carried out using systemic, comparative, historical-legal, dialectical, and interdisciplinary methods. The relevance of the stated problem is justified by the acceleration of socio-political and technological processes driven by the development of the Fourth Industrial Revolution, the networking of social relations, and the widespread introduction of information and communication technologies at all levels of socio-political life. The novelty of the research is revealed in the fact that most similar publications do not consider the network transformation of civil society as a systemic and substantiated process of transition to a qualitatively new form of socio-political activity and interaction with the state. As a result of the analysis, a conclusion is formulated that civil society is gradually but naturally and inevitably moving into a network and digital dimension, developing in parallel with the overall network restructuring of socio-political reality and the change in traditional mechanisms of public administration.

For citation

Akhrameev P.S. (2026) Grazhdanskoye obshchestvo v usloviyakh setevoy transformatsii [Civil Society in the Context of Network Transformation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 26-37. DOI: 10.34670/AR.2026.25.55.003

Keywords

Civil society, Fourth Industrial Revolution, hierarchy, digitalization, networking, internet, social networks, social contract, law, state.

References

1. Aibatov M.M. (2014). Sovremennye i klassicheskie kontseptsii grazhdanskogo obshchestva: Istoriko-pravovoy analiz [Modern and Classical Concepts of Civil Society: Historical and Legal Analysis]. Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta, (1), 11-14. (In Russ.)
2. Akhrameev P.S. (2025). Grazhdanskoe obshchestvo v usloviyakh setevoy transformatsii [Civil Society in the Context of Network Transformation]. (In Russ.)
3. Black Lives Matter founders: We fought to change history and we won. BBC. Available at: https://www.bbc.com/news/world-us-canada-55106268
4. Burenko V.I., Bronnikov I.A. (2012). Elektronnoe grazhdanskoe obshchestvo: illyuzii ili real'nost'? (Zarubezhnyy opyt i otechestvennaya praktika. Politicheskiy aspekt) [Electronic Civil Society: Illusion or Reality? (Foreign Experience and Domestic Practice. Political Aspect)]. Znanie. Ponimanie. Umenie, (1), 44-51. (In Russ.)
5. Castells M. (2000). Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: GU VShE Publ. (In Russ.)
6. Chimarov S.Yu. (2022). Problema grazhdanskogo obshchestva v sisteme filosofii prava Georga Gelya [The Problem of Civil Society in the System of Georg Hegel's Philosophy of Law]. Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk, (8-2), 171-173. (In Russ.)
7. Cohen J.L., Arato E. (2003). Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya [Civil Society and Political Theory]. Moscow: Ves Mir Publ. (In Russ.)
8. COVIDarnost. Available at: https://covidarnost.ru/ (In Russ.)
9. Deleuze J., Guattari F. (1996). Rizoma [Rhizome]. In Filosofiya epokhi postmoderna. Minsk: Krasiko-print. (In Russ.)
10. Ekadumova I.I. (2016). Istoki kontseptsii grazhdanskogo obshchestva v obshchestvenno-politicheskoy mysli Drevney Gretsii [The Origins of the Concept of Civil Society in the Socio-Political Thought of Ancient Greece]. Science Time, (2), 207-222. (In Russ.)
11. Eyewitness Account: Hot Summer 2010. KP.ru. Available at: https://www.kp.ru/daily/26113/3008080/ (In Russ.)
12. Jan A.G.M. van Dijk. (1999). The Network Society. London: SAGE Publications Ltd.
13. Kurbatov V.I., Kulikov S.V., Papa O.M. (2018). Setevye on-layn soobshchestva: faktory samoupravleniya v formirovanii tsifrovogo grazhdanskogo obshchestva [Online Network Communities: Factors of Self-Government in the Formation of a Digital Civil Society]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, (12), 24-31. (In Russ.)
14. Matuzov N.I. (2003). Aktual'nye problemy teorii prava [Actual Problems of Legal Theory]. Saratov: Saratov State Academy of Law Publ. (In Russ.)
15. Montesquieu C.L. (2019). O dukhe zakonov [On the Spirit of Laws]. Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russ.)
16. Nikandrov A.V. (2014). Tvorcheskoe razvitie ili doktrinal'naya inversiya marksizma: Norberto Bobbio o znachenii i svoeobrazii kontseptsii grazhdanskogo obshchestva Antonio Gramshi [Creative Development or Doctrinal Inversion of Marxism: Norberto Bobbio on the Meaning and Originality of Antonio Gramsci's Concept of Civil Society]. Almanakh Prostranstvo i Vremya, 6(1). (In Russ.)
17. NYT uznala, chto messendzher Discord stal tsentrom prinyatiya resheniy v Nepale [NYT learned that the Discord messenger has become the center of decision-making in Nepal]. RBC. Available at: https://www.rbc.ru/politics/13/09/2025/68c539939a7947f9d9abfa52 (In Russ.)
18. Parsons T. (1998). Sistema sovremennykh obshchestv [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
19. Schwab K. (2022). Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
20. Sokolov A.V., Maklashin I.S. (2013). Setevaya grazhdanskaya aktivnost' v sovremennoy Rossii [Networked Civic Activity in Contemporary Russia]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova, 19(6), 159-161. (In Russ.)
21. Sorokun P.V., Mudarisova D.E. (2020). Uchenie Platona o gosudarstve i obshchestve v nem [Plato's Doctrine of the State and Society in It]. Epokha nauki, (21), 260-264. (In Russ.)
22. Toshchenko Zh.T. (2023). Obshchestvennyy dogovor: evolyutsiya idey [Social Contract: The Evolution of Ideas]. Rossiya reformiruyushchayasya, (21), 98-121. (In Russ.)

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.40.20.004**

Гарантии, пределы и допустимые ограничения прав и свобод человека и гражданина: публично-правовой аспект

Киселев Владимир Владимирович

Аспирант,
кафедра административно-правовых
дисциплин и таможенного дела,
Московский гуманитарно-экономический университет,
119049, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр-т, 8, стр. 16;
e-mail: wladmir1998@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется проблема гарантий, пределов и допустимых ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. На основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации обосновывается вывод, согласно которому такие гарантии и возможные пределы ограничений представляют собой одну из наиболее сложных и многогранных категорий современного конституционного права. Обосновывается вывод, согласно которому гарантии — это не просто декларация, а механизмы, которые работают на стыке публичного права — там, где государство вступает во взаимоотношения с человеком. Публично-правовые механизмы обеспечивают гарантии прав и свобод тем, что превращают конституционные положения в императивные правила для государства и в закрепление порядка, где любое решение органов власти может быть проверено и оспорено. Обосновывается вывод о том, что публично-правовой аспект раскрывается не только через запреты, но и через создание условий, при которых социальный мир и стабильность достигаются без необоснованного ограничения прав личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Киселев В.В. Гарантии, пределы и допустимые ограничения прав и свобод человека и гражданина: публично-правовой аспект // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 38-45. DOI: 10.34670/AR.2026.40.20.004

Ключевые слова

Конституционные права и свободы, гарантии обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, правовой статус личности, пределы ограничений конституционных прав и свобод, границы деятельности государства, цели правового регулирования, публичное право, Конституционный Суд РФ, соразмерность ограничений.

Введение

Права и свободы человека и гражданина в публично-правовом аспекте имеют основополагающее значение, потому что именно они задают границы и цели деятельности государства, определяют правовой статус личности. В конституционном праве права и свободы не просто провозглашаются как высшая ценность, но и закрепляется положение о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации [Конституция РФ, 2020] (далее – Конституция РФ). С публично-правовой точки зрения значение прав и свобод состоит прежде всего в том, что они являются ядром конституционного строя и правового статуса человека. Через них раскрывается содержание принципа верховенства закона, гуманизма и социальной направленности государства. Иными словами, они не только охраняют частную сферу личности, но и создают юридические механизмы включения человека в публичную жизнь.

Основная часть

Особое значение прав и свобод проявляется в их системообразующей роли. Они выступают одновременно как ценность, как принцип и как юридическая гарантия. Как ценность – выражают права и свободы человека высшей целью правового регулирования, как принцип – требуют, чтобы все органы власти действовали в рамках закона, как гарантия – обеспечивают возможность требовать от государства конкретного поведения. В этом смысле права и свободы образуют своеобразный «каркас» всего публичного права: административного, конституционного, муниципального, процессуального и других отраслей. Если права закреплены формально, но не обеспечены механизмами защиты, судебной защитой и реальной возможностью их осуществления, то такое государство нельзя считать правовым в полном смысле. Поэтому значение прав и свобод состоит также в том, что они задают стандарты для законодателя: любой правовой акт должен соответствовать Конституции РФ (ст. 15) и не превращать свободу в декларацию. Человек живет не изолированно, и свобода одного неизбежно соприкасается со свободой другого, поэтому конституционное право исходит из необходимости баланса между свободой личности и публичными интересами.

Если Конституция РФ определяет права как высшую ценность (ст. 2), она одновременно обязана обозначить пределы их осуществления, чтобы предотвратить произвол как со стороны государства, так и со стороны иных лиц. Однако следует обратить внимание, что такие ограничения должны отвечать нескольким обязательным критериям. Во-первых, они допускаются только на основании федерального закона (ч. 3 ст. 55Конституции РФ). Во-вторых, они должны преследовать конституционно значимую цель. В-третьих, они обязаны быть необходимыми и соразмерными, то есть не выходить за пределы того, что действительно требуется для достижения законной цели.

Гарантии, пределы и допустимые ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации представляют собой одну из наиболее сложных и многогранных категорий современного конституционного права. В условиях динамически меняющейся социально-политической обстановки исследование публично-правового аспекта данного вопроса приобретает особую актуальность, поскольку именно здесь пересекаются интересы личности, общества и государства. Конституция РФ, признавая человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), устанавливает фундаментальную основу для правового статуса

личности. Однако реализация этого статуса невозможна без четко определенных механизмов защиты, установленных границ и условий, при которых эти права могут быть ограничены.

Система гарантий прав и свобод человека в Российской Федерации подразделяется на несколько уровней, среди которых ключевое значение имеют конституционно-правовые гарантии. В научной юридической литературе не сформировалось единого мнения относительно понятий «гарантии». Считаем возможным согласиться с Д.В. Тихоновым, который под гарантиями в широком смысле понимает совокупность условий и средств, обеспечивающих фактическую реализацию, всестороннюю охрану и защиту прав личности [Тихонов, 2015, с. 65].

Публично-правовой аспект гарантий подразумевает, прежде всего, активную роль государства в создании институциональной среды. К ним относятся судебная защита, деятельность Уполномоченного по правам человека, механизмы прокурорского надзора, а также право на получение квалифицированной юридической помощи. Важнейшим элементом системы гарантий является обязанность государства не только воздерживаться от неправомерного вмешательства в сферу свободы личности, но и принимать позитивные меры для предотвращения нарушений со стороны третьих лиц. Судебная система выступает здесь как универсальный инструмент восстановления нарушенного права, причем конституционное правосудие играет роль фильтра, проверяющего соответствие законодательных актов высшим ценностям, закрепленным на конституционном уровне.

Гарантии – это не просто декларация, а механизмы, которые работают на стыке публичного права – там, где государство вступает во взаимоотношения с человеком. Публично-правовые механизмы обеспечивают гарантии прав и свобод тем, что превращают конституционные положения в императивные правила для государства и в закрепление порядка, где любое решение органов власти может быть проверено и оспорено. Исходя из этого, можно выделить основные механизмы гарантий: 1) правовое закрепление (конституционные положения задают исходный стандарт, а законы и подзаконные акты их детализируют); 2) судебная защита и конституционный контроль (суд обеспечивает гарантии тем, что он может отменить незаконное решение, признать бездействие незаконным, обязать орган совершить действие, взыскать компенсацию); 3) прокурорский надзор (прокуратура как надзорный орган вправе реагировать на нарушения законности со стороны органов власти); 4) институт рассмотрения обращений, жалоб (каждый имеет право на обращение и обязанность заключается в том, чтобы предоставить ответ по существу делают); 5) ответственность государства и должностных лиц (гарантии не имеют смысла, если нарушение не влечет последствий); 6) публичность деятельности органов государственной власти и доступ к информации (публичность деятельности заключается, в частности, в том, чтобы публиковать правовые акты, предоставлять информацию по запросам – это гарантия, потому что без информации невозможно ни обжалование, ни общественный контроль, ни доказательство нарушения).

Если объединить все сказанное, то можно сформулировать вывод о том, публично-правовые механизмы обеспечивают гарантии. Это и есть публично-правовой способ обеспечения прав: когда права не только признаются, но выстраивается система обязанностей по их соблюдению.

Особое место в теории публичного права занимает вопрос о пределах реализации прав и свобод. Понятие пределов следует отличать от понятия ограничений. Пределы – это имманентно присущие праву границы, определяемые самой сущностью конкретного права и его местом в системе общественных отношений. Предел права обусловлен принципом, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и

свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). Это положение закладывает основу для горизонтального взаимодействия субъектов права. Из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации вытекает, что публично-правовой аспект пределов заключается в том, что государство через нормы права и правоприменительную практику детализирует содержание субъективного права, отделяя правомерное поведение от злоупотребления правом [Постановление Конституционного Суда РФ № 19-П, 2012]. В этом смысле пределы являются постоянной характеристикой правового статуса личности, существующей в нормальном режиме функционирования правовой системы.

Переход от общего описания пределов к анализу ограничений прав и свобод требует обращения к ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая содержит так называемую «формулу ограничений». Ограничения прав и свобод представляют собой временное или постоянное сужение объема возможностей субъекта, установленное законом в целях защиты конституционно значимых ценностей. Публично-правовая природа ограничений проявляется в том, что они могут вводиться исключительно федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Данный перечень оснований является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Важнейшим критерием допустимости ограничений является принцип соразмерности (пропорциональности). Это означает, что меры, принимаемые государством, должны быть адекватны преследуемой легитимной цели, не затрагивать существо самого права и не быть чрезмерными.

Рассматривая публично-правовой аспект ограничений, необходимо обратить внимание на различие между обычным правовым режимом и экстраординарными ситуациями, такими как режимы чрезвычайного или военного положения. Однако даже в таких случаях фундаментальные права личности не подлежат ограничению. Сказанное, в частности, вытекает из положений Федерального закона 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [Федеральный закон № 68-ФЗ, 1994]. Это подчеркивает наличие «ядра» правового статуса личности, которое остается неприкосновенным вне зависимости от тяжести кризисных явлений в государстве. Публичная власть, накладывая ограничения, берет на себя повышенные обязательства по обоснованию их необходимости и временного характера.

Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях неоднократно указывал, что любое ограничение не должно приводить к утрате реального содержания права. Публично-правовой механизм контроля за соблюдением критериев допустимости ограничений включает в себя проверку того, была ли соблюдена процедура принятия закона, насколько четко и ясно сформулированы ограничительные нормы (требование правовой определенности) и существует ли объективная социальная потребность в таком вмешательстве [Постановление Конституционного Суда РФ № 12-П, 2011; Постановление Конституционного Суда РФ № 14-П, 2012]. В условиях цифровизации общественных отношений возникают новые вызовы, связанные, например, с ограничением права на тайну переписки или неприкосновенность частной жизни в интересах национальной безопасности. Например, ограничение свободы передвижения в определенных территориях компенсируется информированием граждан и обеспечением альтернативных путей реализации их интересов. Так, Конституционный Суд РФ, в частности, указал, что «ограничение свободы передвижения, установленное Постановлением Губернатора Московской области действует во взаимосвязи с общей системой конституционно-

правового регулирования, и обусловлено объективной необходимостью реагирования на угрозу распространения коронавирусной инфекции, имеет исключительный характер» [Постановление Конституционного Суда РФ № 49-П, 2020].

Нельзя не сказать и о том, что гарантии, пределы и допустимые ограничения прав и свобод человека и гражданина в публично-правовом аспекте представляют собой одну из проблем современной правовой системы, поскольку именно в этой сфере наиболее отчетливо проявляется баланс между интересами личности, общества и государства. Как было указано выше, важное значение имеет не только непосредственное закрепление прав, но и создание действенных гарантий их осуществления, а также установление четких, юридически определенных и соразмерных пределов возможных ограничений. Основная проблема состоит в том, что сохраняется несоразмерность между конституционными гарантиями и фактическими механизмами их реализации. Формально права закреплены, но их практическая реализация зависит от законодательства, эффективности судебной защиты, добросовестности деятельности органов публичной власти и реальной возможности гражданина воспользоваться предусмотренными законом средствами защиты.

Одной из наиболее острых проблем является недостаточная конкретизация оснований и процедур ограничения прав. В ряде случаев нормативные правовые нормы содержат оценочные формулировки, что дает возможность широкой трактовки пределов вмешательства государства в сферу прав и свобод личности, что, в свою очередь, создает риск незаконного ограничения конституционных прав, особенно когда речь идет о таких сферах, как свобода слова, свобода собраний, свобода передвижения, право на судебную защиту и доступ к информации. Проблема осложняет и тем, что отдельные ограничения устанавливаются подзаконными актами или правоприменительной практикой при недостаточной законодательной определенности, тогда как по своей природе такие меры должны иметь ясную, формально определенную правовую основу. Так, в период пандемии COVID-19 в некоторых субъектах РФ исполнительные органы власти принимали постановления, которые переводили граждан на режим самоизоляции и вводили систему QR-кодов. Однако на федеральном уровне не были закреплены конкретные полномочия органов власти на ограничение свободы передвижения именно таким способом. С позиции теории права, ограничение конституционного права на свободу передвижения должно происходить исключительно на основании федерального закона.

Другим примером является практика ограничения доступа к ресурсам сети Интернет на основании ведомственных регламентов или распоряжений без судебного решения. Если закон содержит общую формулировку «запрещенная информация», а конкретный перечень критериев для блокировки расширяется в инструкциях самого ведомства, возникает ситуация неопределенности. Это позволяет подзаконному акту фактически подменять собой закон, устанавливая новые рамки прав и обязанностей граждан.

Существенной проблемой остается и вопрос соразмерности ограничений. Ограничение прав допустимо лишь в той мере, в какой это необходимо для достижения законной цели. На практике встречаются случаи, когда ограничительные меры становятся чрезмерными, формальными или не отвечающими принципу необходимости. Это особенно заметно в тех случаях, когда публичная власть, ссылаясь на обеспечение безопасности или общественного порядка, вводит запреты без достаточного обоснования, без учета индивидуальных обстоятельств.

В качестве примера рассмотрим введение требования снимать обувь и верхнюю одежду со всех лиц без исключения, включая лиц с ограниченными физическими возможностями, людей

с медицинскими протезами, когда нет в отношении них конкретных подозрений, часто носит формальный характер. Если при этом не учитываются индивидуальные особенности и отсутствует возможность пройти проверку иным, менее сложным способом (например, с помощью современных сканеров), такие меры могут рассматриваться как чрезмерное ограничение личного достоинства ради абстрактной безопасности.

Можно выделить случаи блокировки банковских счетов граждан в рамках противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Практике известны случаи, когда алгоритмы банков автоматически «замораживают» средства физических лиц при получении даже небольших переводов, ссылаясь на возможность нарушения Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Если при этом человеку не дают возможности оперативно предоставить объяснения и блокируют доступ к денежным средствам, такая мера становится непропорциональной, так как интересы финансового контроля ставятся выше права человека на распоряжение своим имуществом. В результате нарушается конституционный баланс между публичным интересом и свободой личности.

Заключение

Таким образом, публично-правовой аспект раскрывается не только через запреты, но и через создание условий, при которых социальный мир и стабильность достигаются без необоснованного ограничения прав личности.

Библиография

1. Белик, В. Н. Конституционные права личности и их защита: учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 169 с.
2. Васильев, С.В., Зыкин, Б.В., Зыкина, Е.В. Проблемы реализации прав и свобод личности в сфере государственного управления: монография. М.: Высшее образование, 2026. 115 с.
3. Дураев, Т.А. Пределы и ограничения основных прав и свобод человека и гражданина // Стабильность и динамизм Российской Конституции. Материалы XII Международного Конституционного Форума, посвященного 15-летию возрождения юридического факультета СГУ: сборник научных статей. Саратов, 2021. С. 88–92.
4. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020). Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 06.10.2022. Ст. 0001202210060013.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.06.2011 № 12-П. URL: http://publication.pravo.gov.ru
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2012 № 14-П. URL: http://publication.pravo.gov.ru
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П. URL: http://publication.pravo.gov.ru
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П. URL: http://publication.pravo.gov.ru
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 58-П. URL: http://publication.pravo.gov.ru
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П. URL: http://publication.pravo.gov.ru
11. Тихонов, Д.В. Конституционно-правовые гарантии прав и свобод лиц со специальным статусом в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Белгород, 2015. 155 с.
12. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
13. Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2024. 384 с.

Guarantees, Limits and Permissible Restrictions of Human and Civil Rights and Freedoms: Public-Law Aspect

Vladimir V. Kiselev

Postgraduate Student,
Department of Administrative Law Disciplines and Customs Affairs,
Moscow Humanitarian-Economic University,
119049, 8, Building 16, Leninsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: wladmir1998@yandex.ru

Abstract

The article examines the problem of guarantees, limits and permissible restrictions of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation. Based on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the conclusion is substantiated that such guarantees and possible limits of restrictions represent one of the most complex and multifaceted categories of modern constitutional law. The conclusion is substantiated that guarantees are not merely a declaration, but mechanisms that operate at the intersection of public law — where the state enters into a relationship with the individual. Public-law mechanisms ensure guarantees of rights and freedoms by transforming constitutional provisions into imperative rules for the state and by establishing an order in which any decision of public authorities can be reviewed and challenged. The conclusion is substantiated that the public-law aspect is revealed not only through prohibitions, but also through the creation of conditions under which social peace and stability are achieved without unreasonable restriction of individual rights.

For citation

Kiselev V.V. (2026) Garantii, predely i dopustimyye ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: publichno-pravovoy aspekt [Guarantees, Limits and Permissible Restrictions of Human and Civil Rights and Freedoms: Public-Law Aspect]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 38-45. DOI: 10.34670/AR.2026.40.20.004

Keywords

Constitutional rights and freedoms, guarantees for ensuring constitutional human and civil rights and freedoms, legal status of the individual, limits of restrictions on constitutional rights and freedoms, boundaries of state activity, goals of legal regulation, public law, Constitutional Court of the Russian Federation, proportionality of restrictions.

References

1. Belik, V.N. (2024). *Konstitutsionnye prava lichnosti i ikh zashchita* [Constitutional Rights of the Individual and Their Protection] (4th ed.). Moscow: Yurayt.
2. Constitution of the Russian Federation (as amended by the all-Russian vote on July 1, 2020). (2022). Official Internet Portal of Legal Information.
3. Duraev, T.A. (2021). Predely i ogranicheniya osnovnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Limits and Restrictions on the Fundamental Rights and Freedoms of Man and Citizen]. In *Stability and Dynamism of the Russian*

Constitution (pp. 88-92). Saratov.
4. Ebzeev, B.S. (2024). *Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitutsionnye obyazannosti* [Personality and the State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties]. Moscow: Norma.
5. Federal Law No. 68-FZ of December 21, 1994 "On Protecting the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies". (1994). *Collection of Laws of the Russian Federation*, (35), art. 3648.
6. Kiselev, V.V. (2026). Guarantees, Limits, and Permissible Restrictions on Human and Civil Rights and Freedoms: A Public Law Perspective.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 12-P of June 9, 2011. (2011). Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 14-P of June 7, 2012. (2012). Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 19-P of July 18, 2012. (2012). Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 49-P of December 25, 2020. (2020). Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 58-P of December 27, 2022. (2022). Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 49-P of October 31, 2024. (2024). Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru
13. Tikhonov, D.V. (2015). *Konstitutsionno-pravovye garantii prav i svobod lits so spetsial'nym statusom v Rossii* [Constitutional and Legal Guarantees of the Rights and Freedoms of Persons with Special Status in Russia] (PhD dissertation). Belgorod.
14. Vasilyev, S.V., Zykin, B.V., & Zykina, E.V. (2026). *Problemy realizatsii prav i svobod lichnosti v sfere gosudarstvennogo upravleniya* [Problems of the Implementation of Personal Rights and Freedoms in the Sphere of Public Administration]. Moscow: Higher Education.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.9. **DOI: 10.34670/AR.2026.62.43.005**

Организационно-правовые меры предупреждения коррупции как элемент антикоррупционной политики в образовательных организациях высшего образования

Халилев Руслан Амдиевич

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
295007, Российская Федерация,
Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4;
e-mail: basovbasova@mail.ru

Аннотация

В статье актуализирован вопрос о целесообразности изучения организационно-правовых средств, отраженных в локальном нормативном акте образовательной организации высшего образования (далее — ООВО) — антикоррупционной политике. На основе анализа указанных нормативных актов более 40 образовательных учреждений, выявлены группы мер организационно-правового характера, которые используются в ООВО для выявления и устранения причин и условий («коррупциогенных факторов»), способствующих возникновению коррупционных рисков и совершению коррупционных деяний их работниками. Высказаны предложения, направленные на повышение эффективности организационно-правовых антикоррупционных инструментов и практики их закрепления в локальных нормативных актах образовательных организаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Халилев Р.А. Организационно-правовые меры предупреждения коррупции как элемент антикоррупционной политики в образовательных организациях высшего образования // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 46-53. DOI: 10.34670/AR.2026.62.43.005

Ключевые слова

Коррупция, образовательные организация высшего образования, организационно-правовые средства, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, коррупционные риски, профилактика коррупции, высшее образование, локальные нормативные акты.

Введение

Достижение национальных целей Российской Федерации предусматривает интенсификацию системы высшего образования, обеспечивающей потребности общества и государства в квалифицированных кадрах, эффективно реализующих свой потенциал в условиях глобального противостояния политико-экономических систем, технологического прогресса и цифровизации практически всех сфер жизни.

Среди факторов, которые деструктивно влияют на функционирования системы высшего образования, отдельное место занимают коррупционные проявления, наличие которых может привести к снижению качества образования, нарушению принципов равенства доступа к образованию и справедливости в процессе получения образовательных услуг, а также к осуществлению трудовых функций, работниками, не имеющими надлежащих знаний, умений и навыков (особенно в сферах здравоохранения, промышленности, безопасности, авиационного и железнодорожного транспорта).

Так, в средствах массовой информации регулярно публикуется сведения о возбуждении уголовных дел, задержании или осуждении преподавателей вузов за взяточничество, нарушение законодательства о государственном заказе, незаконном использовании средств государственного бюджета [Сыктывкарский государственный университет, www…]. При этом, особый резонанс вызывает информация о коррупционных деяниях руководителей ООВО, а также профессорско-преподавательского состава учреждений образования МВД России и других правоохранительных органов. Имея системный характер и совершаясь, как правило, в организованных формах в течении длительного времени (иногда до 10 лет), они не только влияют на имидж конкретного учебного заведения, но и вредят всей образовательной системе в целом.

В социологических исследованиях уровня коррупции в различных сферах отмечается, что в образовании 73% респондентов он оценивается как средний и высокий/выше среднего (примерно на уровне в здравоохранении и сферы госзакупок) [Генеральная прокуратура РФ, 2019; Российское общество «Знание», Фонд «Национальные образовательные ресурсы», 2018].

Негативным аспектом коррупционной ситуации в этой сфере, является и наличие у обучающихся и профессорско-преподавательского состава восприятия коррупции как «нейтрального» или «позитивного» явления, позволяющего получать образовательные услуги в упрощенной форме, а также «…допустимости для себя противоправных способов достижения собственных интересов» и «…готовности дать взятку, попав в коррупционную ситуацию» [Саратовский ГМУ, 2019].

Следует отметить, что проблематика коррупции в ООВО относится к актуальным направлениям научных исследований в области криминологии, административного права и социологии. Непосредственно правовые и организационные основы противодействия этому явлению рассматривались Д.В. Алонцевой, В.В. Астаниным, И.А. Биккинынным, И.П. Воронцовой, И.Л. Грошевым, И.А. Дамм, Д.Г. Забродой, П.В. Зыковой, Н.С. Ивашкиным, П.А. Кабановым, А.В. Куракиным, Л.А. Легезой, О.Н. Момотовой, В.А. Номоконовым, А.П. Панченко, А.В. Сычевовой, Н.В. Щедриным, А.Ю. Чаплыгиной и др. В изученных нами научных трудах изложены основы теории противодействия коррупции в сфере образования, охарактеризованы факторы, опосредующие существование и развитие коррупционных проявлений в этой сфере, проанализированы виды коррупционных практик, обоснованы предложения для совершенствования соответствующих положений антикоррупционного

законодательства и практики его реализации.

В тоже время, внедрение антикоррупционных механизмов в сферу образования, акцентирование внимания на профилактике коррупционных рисков на различных этапах осуществления образовательной деятельности и повышении роли этнических стандартов, обуславливают необходимость исследования специфики влияния различных правовых средств на предупреждение коррупционных деяний, учитывающей современное состояние нормативно-правового регулирования, а также изменения подходов к выявлению фактов коррупции.

По нашему мнению, недостаточно изученными являются современные организационно-правовые средства противодействия коррупции, которые используются в ООВО для её профилактики в рамках собственной антикоррупционной стратегии.

Содержание государственной политики

Думается, что наличие у образовательных организаций автономии, под которой понимается «…самостоятельность в осуществлении образовательной, научной, административной, финансово-экономической деятельности, разработке и принятии локальных нормативных актов» (ч. 1 ст. 28 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») [Федеральный закон № 273-ФЗ, 2012], позволяет формировать свою антикоррупционную политику с учётом собственной специфики, системы локального нормотворчества, сложившихся традиций и имеющихся в распоряжении ресурсов.

В данной публикации отражены результаты анализа антикоррупционных политик ряда ООВО с позиции закрепления в них организационно-правовых средств предупреждения коррупции.

Сегодня антикоррупционная политика организации – это выраженный в форме локального нормативного акта, декларативный по своему характеру документ, определяющий основы построения системы противодействия коррупции путём закрепления комплекса взаимосвязанных принципов, процедур и мероприятий, направленных на профилактику и пресечение коррупционных правонарушений в деятельности образовательного учреждения.

С целью конкретизации предмета анализа под организационно-правовыми средствами предупреждения коррупции предлагается понимать совокупность урегулированных нормами административного права нормативных и организационных мер (инструментов), применение которых обеспечивает выявление и устранение причин и условий («коррупциогенных факторов»), способствующих возникновению коррупционных рисков и совершению коррупционных деяний.

Кроме этого, нами учтено, что основу таких средств составляет регламентация процедур осуществления образовательной деятельности, а также реализации административных функций сотрудниками организаций и учреждений, сочетание внутреннего и внешнего контроля за наиболее коррупциогенными процессами, а также за имущественным состоянием лиц, выполняющих публичные функции, внедрение этических стандартов, не допускающих формирование коррупционных связей, закрепление должностных лиц за направлением «профилактика коррупции», создание условий для безопасного информирования о фактах коррупции, взаимодействие с правоохранительными органами, антикоррупционное образование, проведение антикоррупционной праворазъяснительной работы в образовательных коллективах, сочетания позитивного стимулирования и принуждения в ходе предупредительной деятельности и др.[Заброда, Якустиди, 2020; Куракин, 2008; Трошев, Карагодин, Крамская, 2013; Юрченко, Халилев, Авдеев, 2024].

В качестве объектов анализа были выбраны 43 локальных нормативных актов – антикоррупционных политик, принятых о образовательных учреждениях высшего образования (университетов – 21, академий – 6, институтов – 15, научных центров – 1).

Изучение текстов данных документов показало, что их содержание в целом соответствуют Федеральному закону «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ст. 13.3) и Методическим рекомендациях по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции, подготовлены Минтрудом России (от 08.11.2013) [Минтруд России, 2013]. При этом, в большинстве из них без изменений продублированы положения указанных методических рекомендаций (например, термины и определения, принципы, содержание антикоррупционной политики, обязанности лиц, уполномоченных на проведение мероприятий, связанных с предупреждение коррупции, примерный перечень антикоррупционных мероприятий).

К сожалению, в них не отражена специфика организации антикоррупционной деятельности в ООВО, а также особенностей осуществления ими образовательной и научной деятельности. В связи с этим, деятельность образовательных учреждений и организаций рассматривается, преимущественно, в контексте хозяйственных процессов (договорных отношений) и распределении материальных ресурсов.

Повышение эффективности предупреждения коррупции

В тоже время, для повышения эффективности предупреждения коррупции в ООВО в антикоррупционных политиках: раскрываются законодательные, кадровые, контрольно-мониторинговые и духовно-нравственные средства профилактики и противодействия коррупции; устанавливается порядок создания и функционирования коллегиальных органов (комиссий, групп), их состав с учётом с организационно-штатной структуры ООВО; определяются подразделения и должностные лица, ответственные за организацию и осуществление антикоррупционных мероприятий, а также сферы реализации их полномочий; уточняются сроки подготовки планирующей документации и предоставления отчётных материалов, отражающих результаты антикоррупционных мероприятий; описывается процедура реализации антикоррупционных мероприятий в целом, а также в рамках отдельных хозяйственных процессов (например, закупок, участия в благотворительности и спонсорстве, получении подарков); конкретизируется состав лиц, на которых распространяется действие антикоррупционной политики (например, путём перечисления должностей работников организации); раскрывается содержание антикоррупционного просвещения, обучения (например, указываются виды обучения (в зависимости от времени проведения), критерии формирования групп обучающихся) и антикоррупционной пропаганды; устанавливаются правила, в соответствии с которыми длительное, безупречное и эффективное исполнение работником своих должностных обязанностей учитывается при назначении его на вышестоящую должность или при его поощрении; закрепляются меры по защите работников, сообщающих о коррупции, и правило «отказа от ответных мер и санкций» (как формальных, так и не формальных); излагаются формы информационного обеспечения предупреждения коррупции (например, использование электронных ресурсов организации для доступа к информации о мерах по предупреждению коррупции (с указанием разделов официальных сайтов организаций); работа «телефона доверия»); перечисляются виды и формы документов, составляемых в процессе выполнения обязанностей работниками организации; приводятся типовые ситуации конфликта интересов и возможные меры для их урегулирования и др.

По нашему мнению, к позитивному опыту закрепления организационно-правовых мер в антикоррупционных политиках ООВО, могут быть отнесены: принятие антикоррупционной политики вместе с пакетом нормативных актов, регламентирующих комплекс антикоррупционных стандартов, процедур и других организационных мероприятий [ИПУ РАН, 2024]; перечисление наиболее вероятных видов конфликта интересов, связанных с педагогической деятельностью работников с описанием действий, имеющих признаки коррупционности (например, получение подарков и услуг с целью снижения требований при проведении промежуточной аттестации; проведение в инициативном порядке дополнительных платных занятий с обучающимся; сбор денег на приобретение подарков для кафедры; небескорыстное использование возможностей родителей (законных представителей), обучающихся в личных интересах работников; злоупотребление служебным положением (необоснованная замена преподавателя при осуществлении различных видов учебного контроля, предложение обучающимся обязательного приобретения учебников, учебных пособий и других методических материалов, разработанных преподавателем в инициативном порядке, нарушение запретов (передача третьим лицам персональных данных или информации, касающейся участников образовательных отношений и т. п.) [Альметьевский государственный нефтяной институт, 2022]; распространение действия антикоррупционной политики не только на работников организации, но и на обучающихся, а также применение оговорки о возможности её распространения на других лиц, с которыми ООВО вступает в договорные отношения [МГЮА, 2018; Донецкий государственный университет, 2023].

Недостатки антикоррупционных мероприятий

К основным недостаткам антикоррупционных мероприятий, содержащихся в этих нормативных акта, относятся: использование для их описания формальных формулировок (например, «усилить контроль», «повысить эффективность», «повысить ответственность» и т.п.), без раскрытия сути соответствующих мероприятий; отсутствие описания процедур, направленных на выявление коррупционных рисков, а также перечней коррупциогенных функций, карт (реестров) коррупционных рисков; использование для описания типовых ситуации конфликта интересов, не отражающих специфику ООВО; не закрепление прав работников, связанных с предупреждением коррупции.

Выводы

С целью совершенствования организационно-правовых мер предупреждения коррупции в ООВО и их закрепления в соответствующих нормативных актах предлагается: разработать типовой акт – антикоррупционную политику – учитывающую особенности предупреждения коррупции в ООВО; уточнить перечень прав работников ООВО, возникающие у них в связи с предупреждением коррупции; разработать карты (реестры) коррупционных рисков, возникающих в образовательной и научной деятельности; конкретизировать меры, направленные на повышение эффективности антикоррупционной деятельности, путём их закрепления в соответствующих планах; создать условия для обеспечения анонимности сообщения должностным лицам, ответственным за профилактику коррупционных правонарушений, в том числе и с использованием электронных ресурсов; закрепить перечень мер, направленных на защиту работников ООВО, а также обучающихся, информирующих о фактах коррупции.

Библиография

1. Альметьевский государственный нефтяной институт. Положение об Антикоррупционной политике, утверждённое ректором 29.06.2022 № ПИ 04-07/22. URL: https://xn----7sbhc6c1ah6b.xn--p1ai/upload/iblock/23f/l4i0tfokyj07aveofz1krtdfx9khl9np.pdf
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Социологический опрос об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер, направленных на предупреждение и профилактику коррупционных проявлений: результаты. 2019. 9 с.
3. Донецкий государственный университет. Антикоррупционная политика: приказ от 21.08.2023 № 181/05. URL: https://donnu.ru/public/sveden/files/A3.pdf
4. Заброда, Д. Г., Якустиди, С. А. Административно-правовые средства противодействия коррупции в органах внутренних дел: современное состояние и пути совершенствования // Наука. Образование. Современность. 2020. № 3. С. 37–42.
5. ИПУ РАН. Об утверждении и введении в действие комплекса мер (мероприятий) по предупреждению коррупции в ИПУ РАН: приказ от 21.11.2024 № 361. URL: https://www.ipu.ru/sites/default/files/page_file/2022-12-12%20Prikaz%20IPU%20RAN%20692%20Realizatsiya%20anticorr.pdf
6. Коррупция в цифрах. Российское общество «Знание», Фонд «Национальные образовательные ресурсы». М., 2018. 40 с.
7. Куракин, А. В. Концепция исследования административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы // Современное право. 2008. № 2. С. 64–68.
8. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции. Минтруд России. 08.11.2013. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0
9. Министерство образования и науки Республики Татарстан. О результатах социологических исследований, проведенных Министерством образования и науки Республики Татарстан в 2025 году. Казань, 2025. 21 с.
10. Мнение профессорско-преподавательского состава о наличии коррупции в ТПУ: Информационно-аналитическая записка по результатам социологического опроса. Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск, 2020. 16 с.
11. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Положение об антикоррупционной политике: приказ от 17.12.2018 № 404. URL: https://msal.ru/content/ob-universitete/protivodeystvie-korruptsii/
12. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/70291362/
13. Отчет о результатах анкетирования студентов «Коррупция в вузе» в 2018-2019 учебном году. Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России. Саратов, 2019. 11 с.
14. Публикации в СМИ о фактах коррупции в образовательных организациях. Сыктывкарский государственный университет. URL: https://www.syktsu.ru/about/anticorruption/fact_corruption/
15. Трошев, Д. Б., Карагодин, А. В., Крамская, Е. С. Административно-правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: учебное пособие. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, 2013. 76 с.
16. Юрченко, С. В., Халилев, Р. А., Авдеев, И. М. Профилактика и пресечение коррупционных правонарушений в системе высшего образования Российской Федерации в контексте современных вызовов. Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 2024. 114 с.

Organizational and Legal Measures for Preventing Corruption as an Element of Anti-Corruption Policy in Higher Education Institutions

Ruslan A. Khalilev

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
295007, 4, Prospekt Akademika Vernadskogo, Simferopol, Russian Federation;
e-mail: basovbasova@mail.ru

Abstract

The article highlights the issue of the expediency of studying organizational and legal means reflected in the local regulatory act of a higher education institution — the anti-corruption policy. Based on the analysis of these regulatory acts of more than 40 educational institutions, groups of organizational and legal measures used in higher education institutions to identify and eliminate the causes and conditions ("corruption-generating factors") that contribute to the emergence of corruption risks and the commission of corruption offenses by their employees are identified. Suggestions are made aimed at increasing the effectiveness of organizational and legal anti-corruption tools and the practice of their consolidation in local regulatory acts of educational organizations.

For citation

Khalilev R.A. (2026) Organizatsionno-pravovye mery preduprezhdeniya korruptsii kak element antikorruptsionnoy politiki v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya [Organizational and Legal Measures for Preventing Corruption as an Element of Anti-Corruption Policy in Higher Education Institutions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 46-53. DOI: 10.34670/AR.2026.62.43.005

Keywords

Corruption, higher education institutions, organizational and legal means, anti-corruption policy, anti-corruption efforts, corruption risks, corruption prevention, higher education, local regulatory acts.

References

1. Almetyevsk State Oil Institute. (2022). *Polozhenie ob Antikorruptsionnoy politike* [Regulation on Anti-Corruption Policy], approved June 29, 2022, No. PI 04-07/22. Retrieved from https://xn----7sbhc6c1ah6b.xn--p1ai/upload/iblock/23f/l4i0tfokyj07aveofz1krtdfx9khl9np.pdf
2. Donetsk State University. (2023). *Antikorruptsionnaya politika* [Anti-Corruption Policy], Order No. 181/05 of August 21, 2023. Retrieved from https://donnu.ru/public/sveden/files/A3.pdf
3. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation". (2012). Retrieved from https://base.garant.ru/70291362/
4. IPU RAS. (2024). *Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie kompleksa mer (meropriyatii) po preduprezhdeniyu korruptsii v IPU RAN* [On Approval and Implementation of a Set of Measures to Prevent Corruption at IPU RAS], Order No. 361 of November 21, 2024. Retrieved from https://www.ipu.ru/sites/default/files/page_file/2022-12-12%20Prikaz%20IPU%20RAN%20692%20Realizatsiya%20anticorr.pdf
5. Khalilev, R.A. (2026). Organizational and Legal Measures to Prevent Corruption as an Element of Anti-Corruption Policy in Educational Organizations of Higher Education.
6. Kurakin, A.V. (2008). Kontseptsiya issledovaniya administrativno-pravovykh sredstv preduprezhdeniya i presecheniya korruptsii v sisteme gosudarstvennoy sluzhby [Concept of Research of Administrative and Legal Means of Prevention and Suppression of Corruption in the Public Service System]. *Sovremennoe pravo*, (2), 64-68.
7. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). (2018). *Polozhenie ob antikorruptsionnoy politike* [Regulation on Anti-Corruption Policy], Order No. 404 of December 17, 2018. Retrieved from https://msal.ru/content/ob-universitete/protivodeystvie-korruptsii/
8. Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan. (2025). *O rezultatakh sotsiologicheskikh issledovaniy, provedennykh Ministerstvom obrazovaniya i nauki Respubliki Tatarstan v 2025 godu* [On the Results of Sociological Research Conducted by the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan in 2025]. Kazan.
9. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. (2013). *Metodicheskie rekomendatsii po razrabotke i prinyatiyu organizatsiyami mer po preduprezhdeniyu i protivodeystviyu korruptsii* [Methodological Recommendations for the Development and Adoption by Organizations of Measures to Prevent and Combat Corruption]. Retrieved from https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0
10. Official website of Syktyvkar State University. (n.d.). *Publikatsii v SMI o faktakh korruptsii v obrazovatel'nykh*

organizatsiyakh [Media Publications on Facts of Corruption in Educational Organizations]. Retrieved from https://www.syktsu.ru/about/anticorruption/fact_corruption/

11. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. (2019). *Sotsiologicheskiy opros ob otsenke effektivnosti primenyaemykh antikorruptsionnykh mer, napravlennykh na preduprezhdenie i profilaktiku korruptsionnykh proyavleniy: rezultaty* [Sociological Survey on the Effectiveness of Anti-Corruption Measures Aimed at Preventing Corruption: Results].
12. Report on the results of a survey of students "Corruption at the University" in the 2018-2019 academic year. (2019). Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky. Saratov.
13. Russian Society "Znanie", Foundation "National Educational Resources". (2018). *Korruptsiya v tsifrakh* [Corruption in Numbers]. Moscow.
14. The opinion of the teaching staff on the presence of corruption at Tomsk Polytechnic University: Information and analytical note based on the results of a sociological survey. (2020). National Research Tomsk Polytechnic University. Tomsk.
15. Troshev, D.B., Karagodin, A.V., & Kramskaya, E.S. (2013). *Administrativno-pravovye sredstva protivodeystviya korruptsii v Rossiyskoy Federatsii* [Administrative and Legal Means of Combating Corruption in the Russian Federation]. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.
16. Yurchenko, S.V., Khalilev, R.A., & Avdeev, I.M. (2024). *Profilaktika i presechenie korruptsionnykh pravonarusheniy v sisteme vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii v kontekste sovremennykh vyzovov* [Prevention and Suppression of Corruption Offenses in the Higher Education System of the Russian Federation in the Context of Modern Challenges]. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University.
17. Zabroda, D.G., & Yakustidi, S.A. (2020). Administrativno-pravovye sredstva protivodeystviya korruptsii v organakh vnutrennikh del: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya [Administrative and Legal Means of Combating Corruption in Internal Affairs Bodies: Current State and Ways of Improvement]. *Nauka. Obrazovanie. Sovremennost*, (3), 37-42.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.44.48.006**

Зарубежные модели административно-правового регулирования программ дополнительного профессионального образования и их значение для российской системы ДПО

Гаранян Эрик Альбертович

Старший преподаватель,
кафедра теории и истории государства и права,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (Сочинский институт (филиал)),
354340, Российская Федерация, Сочи, ул. Ромашек, 17;
e-mail: erik.garanyan@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу зарубежных моделей административно-правового регулирования программ дополнительного профессионального образования (ДПО) в развитых правопорядках континентальной традиции. Предмет исследования составляют правовые механизмы допуска к программам ДПО, придания им квалификационного статуса и обеспечения внешнего контроля качества в Германии, Франции, Китае и в рамках интеграционных процессов ЕАЭС. Цель работы заключается в выявлении структурных элементов этих моделей, определяющих предсказуемость квалификационных результатов и устойчивость публично-правового режима ДПО, а также в оценке возможностей их адаптации в российской системе образования. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, формально-юридический и институциональный анализ, позволяющие сопоставить положения Berufsbildungsgesetz и подзаконных актов системы IHK, регламенты France compétences и реестров RNCP/RS, национальные акты КНР о профессиональном образовании и документы, формирующие национальные рамки квалификаций государств ЕАЭС. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании российского законодательства об образовании и о национальной системе квалификаций, а также в нормотворческой и правоприменительной деятельности органов публичной власти и профессиональных объединений. Сделан вывод о наличии в зарубежных моделях трёх системообразующих блоков: жёстко структурированного допуска к программам, дифференциации статуса ДПО по их квалификационному эффекту и обязательного внешнего содержательного контроля, интегрированного в национальные рамки квалификаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Гаранян Э.А. Зарубежные модели административно-правового регулирования программ дополнительного профессионального образования их значение для российской системы ДПО // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 54-64. DOI: 10.34670/AR.2026.44.48.006

Ключевые слова

Дополнительное профессиональное образование, зарубежный опыт правового регулирования, административно-правовой механизм, допуск к программам обучения, квалификационный статус программ, внешняя оценка качества образования, национальные и наднациональные рамки квалификаций, Германия, Франция, Китай, ЕАЭС.

Введение

В условиях структурной трансформации экономики, ускоренной цифровизации и смены технологических укладов системы образования ведущих государств уделяют приоритетное внимание непрерывному повышению квалификации и переподготовке специалистов. В российском правопорядке дополнительное профессиональное образование (ДПО) институционально включено в систему образования и регулируется, прежде всего, Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» [Федеральный закон № 273-ФЗ, 2012], который закрепляет его цели, виды программ и общие параметры реализации. Однако дискуссии вокруг статуса ДПО, его соотношения с квалификационными требованиями и эффективностью используемых правовых средств свидетельствуют о незавершённости формирования целостной административно-правовой модели в данной сфере.

В отечественной литературе достаточно подробно исследованы вопросы правового регулирования реализации программ ДПО, в том числе применительно к отдельным категориям обучающихся и видам профессиональной деятельности. Ряд авторов анализирует механизм правового регулирования, административно-правовой режим образовательной деятельности и особенности публичного управления образованием в целом, опираясь на классические доктринальные представления о системе правовых средств и стадийности воздействия права на общественные отношения [Алексеев, 1995, с.215–216; Матузов, Малько, 2024, с.501–503]. Вместе с тем специальные сравнительно-правовые исследования, посвящённые именно административно-правовым механизмам реализации программ ДПО в зарубежных юрисдикциях, остаются единичными и, как правило, фрагментарными.

Как подчёркивает О.Н. Олейникова, ощущающийся во многих государствах дефицит высококвалифицированных специалистов стал причиной поиска новых, более эффективных механизмов регулирования профессиональной подготовки и аттестации кадров, и такими механизмами, как показывает мировая практика, выступают национальные системы квалификаций (НСК), национальные рамки квалификаций (НРК) и разрабатываемые синхронно с ними профессиональные стандарты [Олейникова, Муравьева, Аксенова, 2018, с.70].

Между тем опыт государств с развитой системой профессионального образования демонстрирует различные подходы к решению близких для России задач: установлению требований к допуску к программам, разграничению статусов программ по их квалификационному эффекту и организации внешней оценки содержания ДПО.

Актуальность обращения к зарубежным моделям обусловлена не только потребностью в поиске «лучших практик», но и необходимостью осмысления альтернативных способов институционализации ДПО в системе публичного управления образованием. Сопоставление зарубежных решений с российской конструкцией статьи 76 Закона об образовании позволяет выявить и структурные достоинства, и потенциальные риски различных подходов к

разграничению сфер образовательного и квалификационного регулирования, что особенно важно на фоне обсуждаемых направлений реформирования отечественного законодательства.

Цель настоящей статьи состоит в реконструкции основных зарубежных моделей административно-правового регулирования программ ДПО в Германии, Франции, Китае и в праве ЕАЭС, а также в выявлении их структурных элементов, имеющих значение для развития российской системы дополнительного профессионального образования. Для достижения указанной цели предполагается: во-первых, охарактеризовать правовые механизмы допуска к программам и присвоения квалификационного статуса в немецкой и французской моделях; во-вторых, проанализировать особенности регулирования непрерывного профессионального образования в Китае и в рамках интеграционных процессов ЕАЭС; в-третьих, выделить общие черты и различия рассмотренных моделей и обозначить направления их возможного использования при совершенствовании российского административно-правового режима ДПО.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и формально-юридический методы, а также институциональный подход, позволяющий рассматривать зарубежные модели не изолированно, а во взаимосвязи с национальными системами квалификаций и механизмами публичного управления образованием. В совокупности это обеспечивает возможность перейти от простого описания зарубежного опыта к его аналитической оценке с позиций потребностей российской правоприменительной практики.

В контексте заявленных целей обращение к законодательству и институциональным решениям зарубежных государств представляется не столько иллюстративным, сколько методологически значимым при построении российской модели ДПО. Анализ норм и практики Германии, Франции, Китая и стран ЕАЭС позволяет увидеть различные варианты распределения регулятивной нагрузки между законом, подзаконными актами и корпоративными институтами, а также соотнести их с отечественной конструкцией статьи 76 Закона об образовании. Такое сопоставление задаёт рамку дальнейшего изложения, в которой сначала рассматриваются национальные модели административно-правового регулирования программ ДПО, а затем выделяются их общие структурные элементы, представляющие интерес для российской правовой системы.

Германия: ступенчатая модель ДПО в системе BBiG и IHK

Немецкое дополнительное профессиональное образование традиционно рассматривается не изолированно, а как часть системы профессионального образования, выстроенной вокруг Закона о профессиональном обучении (Berufsbildungsgesetz, BBiG) [Berufsbildungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 16. April 2025, www…] и подзаконных актов, принимаемых профильными институтами и палатами. В отличие от российской модели, где программы ДПО закреплены в отдельной главе закона об образовании, в Германии правовое регулирование «продолжающего образования» (Weiterbildung) распределено между BBiG, отраслевыми актами земель и корпоративными нормами торгово-промышленных палат (Industrie- und Handelskammern, IHK) [Bildung und Qualifikation, www], обладающих значительными публично-делегированными полномочиями. Существенную роль при этом играют Федеральный институт профессионального образования (Bundesinstitut für Berufsbildung, BIBB) [Bundesinstitut für Berufsbildung, www…] и его подразделение GOVET, обеспечивающие методическое сопровождение реформ и согласование немецкой системы квалификаций с

общеевропейской рамкой.

Важнейшей особенностью германской модели является ступенчатая структура программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, кодифицированная в §§ 53a–53d BBiG.[2] Закон различает уровни Geprüfter Berufsspezialist, Bachelor Professional и Master Professional, каждый из которых соотнесён с определённым уровнем Немецкой рамки квалификаций (Deutscher Qualifikationsrahmen, DQR) и, через неё, с Европейской рамкой квалификаций (EQF) [Deutscher Qualifikationsrahmen, DQR, www…]. Объём и глубина программ возрастают от уровня к уровню: ориентировочно 400 часов для Berufsspezialist, порядка 1200 часов для Bachelor Professional и около 1600 часов для Master Professional, что фиксируется в типовых правилах экзаменов и рекомендациях BIBB. Тем самым дополнительное профессиональное образование не размывает систему квалификаций, а «надстраивается» над исходной профессиональной подготовкой, предлагая предсказуемые траектории вертикальной мобильности.

Ключевым элементом административно-правового механизма является процедура допуска к программам и экзаменам. В соответствии с Fortbildungsprüfungsordnungen [Fortbildungsprüfungsordnungen, www…], утверждаемыми IHK, к экзамену на каждую квалификацию допускаются лишь лица, имеющие определённую исходную профессиональную подготовку (завершённую Berufsausbildung по родственной профессии) и/или подтверждённый стаж работы по профилю. Конкретные Zulassungsvoraussetzungen детализируются в нормативных актах палат и включают как формальные требования к документам об образовании, так и критерии релевантного опыта [Fortbildungsprüfungsordnungen IHK и разъяснения палат по Zulassungsvoraussetzungen, www…]. Регистрация на экзамен без выполнения указанных условий невозможна, что фактически превращает IHK в «фильтр» между рынком труда и системой квалификаций: организация может реализовывать любые курсы Weiterbildung, но доступ к публично признаваемой квалификации ограничен установленными требованиями.

Не менее значима и процедура внешнего контроля качества, обеспечиваемая самими палатами. IHK не только организуют итоговые экзамены и формируют экзаменационные комиссии с участием представителей работодателей и профсообществ, но и утверждают содержание профессиональных стандартизированных требований в Fortbildungsprüfungsordnungen. При этом исполнение экзаменационных функций палатами опирается на публично-правовой статус и поднадзорно федеральным и земельным органам, что позволяет рассматривать деятельность IHK как часть административно-правового механизма регулирования ДПО, а не как чисто частноправовую инициативу.

С точки зрения целей российского исследования германская модель демонстрирует несколько принципиальных моментов.

Во-первых, дополнительное профессиональное образование жёстко встроено в систему квалификаций: каждая ступень Weiterbildung имеет закреплённый в DQR уровень и не конкурирует с исходной профессиональной подготовкой, а дополняет её.

Во-вторых, допуск к квалификационному результату отделён от реализации программ: реализовывать курсы может широкий круг провайдеров, но публично признаваемый результат зависит от успешной сдачи экзамена IHK при соблюдении строгих требований к базовому образованию и стажу.

В-третьих, внешний контроль качества имеет содержательный характер, поскольку именно палаты определяют содержание экзаменационных требований и осуществляют их применение,

опираясь на участие работодателей и профессиональных сообществ.

Такая конфигурация позволяет минимизировать риск «формального» ДПО, ограниченного выдачей свидетельств без реального подтверждения квалификации, и обеспечивает высокую степень предсказуемости для работодателей и обучающихся.

Франция: реестровая и сертификационная модель дополнительного профессионального образования

Французская модель непрерывного профессионального образования выстроена вокруг национального оператора France Compétences [France Compétences, www], созданного законом № 2018-771 «О свободе выбора профессионального будущего» от 5 сентября 2018 г. (далее - Loi Avenir professionnel) [12. LOI n° 2018-771 du 5 septembre 2018 pour la liberté de choisir son avenir professionnel, www…]. Указанный закон радикально перераспределил полномочия в сфере профессионального обучения, передав France Compétences функции координации финансирования, регулирования и регистрации квалификаций, а также реформировав систему индивидуального права на обучение (Compte Personnel de Formation, CPF). В отличие от российской модели, где объектом регулирования выступают сами программы дополнительного профессионального образования, во Франции в фокусе правового режима находятся профессиональные сертификации: именно они подлежат включению в государственные реестры, тогда как программы рассматриваются как путь подготовки к соответствующей сертификации.

France Compétences администрирует два основных реестра – Répertoire national des certifications professionnelles (RNCP) и Répertoire spécifique (RS) [RNCP et RS, www…]. В RNCP включаются сертификации, подтверждающие овладение профессией в целом и соотнесённые с уровнями национальной и европейской рамок квалификаций; регистрация предполагает оценку спроса на рынке труда, структуры профессиональных компетенций и процедур их оценки. RS, напротив, предназначен для сертификаций и habilitations, удостоверяющих дополнительные или узкоспециализированные компетенции; при этом процедура регистрации также включает экспертизу качества описания компетенций и механизмов проверки результатов. Включение сертификации в RNCP или RS превращает подготовку к ней в formation certifiante и открывает доступ к финансированию по линии CPF, тогда как программы, не ведущие к зарегистрированным сертификациям, относятся к formation qualifiante или non-qualifiante и не обладают тем же объёмом правовых и финансовых последствий.

Параллельно функционирует механизм внешней оценки качества провайдеров обучения – сертификация Qualiopi по Référentiel national qualité (RNQ). С 2022 г. наличие действующего сертификата Qualiopi является обязательным условием для доступа организаций к основным публичным источникам финансирования профессионального обучения (CPF, средства операторов компетенций OPCO, субсидии служб занятости и др.), при этом сертификация проводится аккредитованными органами по результатам аудита соблюдения семи критериев и нескольких десятков индикаторов RNQ.[4] Однако Qualiopi не подменяет собой регистрацию сертификаций: провайдер должен одновременно иметь статус Qualiopi и реализовывать программы, ведущие к сертификациям, включённым в RNCP или RS, чтобы обучение было профинансировано через CPF.

Таким образом, французская модель демонстрирует иную, чем российская, конфигурацию административно-правового регулирования ДПО.

Во-первых, правовой статус программ чётко дифференцирован по их квалификационному эффекту: только подготовка к зарегистрированным в RNCP/RS сертификациям формирует «сертифицирующее» обучение с доступом к CPF, тогда как прочие программы занимают вспомогательное или локальное место в системе.

Во-вторых, внешняя экспертиза качества разделена на два взаимодополняющих уровня – отбор сертификаций France Compétences при включении в RNCP/RS и сертификация качества провайдеров по схеме Qualiopi, что превращает реестры и RNQ в реальные регулятивные фильтры, а не в формальные перечни. В-третьих, связка «реестр квалификаций – качество провайдера – доступ к финансированию» обеспечивает устойчивую управленческую мотивацию к соблюдению требований и позволяет интегрировать дополнительное профессиональное образование в национальную систему квалификаций без размытия её структуры.

Китай: непрерывное профессиональное образование в контексте реформы профессионального обучения

Китайская модель непрерывного профессионального образования формируется на фоне масштабной реформы системы среднего профессионального образования и активного развития национальной рамки квалификаций.[1] Анализ китайских работ о тенденциях развития среднего профессионального образования в 2010-е годы показывает, что государственная политика была ориентирована на расширение сети учреждений, диверсификацию программ и их более тесное связывание с потребностями промышленности и региональных рынков труда, при одновременном сохранении проблем неравномерности качества и региональных различий [Кузнецова, Машкина, 2021, с.45]

Существенную роль в институционализации непрерывного профессионального образования играет формирование национальной рамки квалификаций Китая, рассматриваемое в сравнительных обзорах национальных систем квалификаций стран БРИКС. В этих обзорах подчёркивается, что китайская рамка строится как многоуровневая структура, охватывающая как академические степени, так и квалификации, получаемые в системе профессионального обучения и на рабочих местах, с ориентацией на сопоставимость с международными подходами и возможностью увязки с наднациональными рамками.[2] Важным направлением развития обозначаются эксперименты с дуальными моделями подготовки в сотрудничестве с зарубежными (прежде всего немецкими) компаниями, когда значительная часть обучения переносится в производственную среду, а программы дополнительного профессионального обучения используются для гибкой «доводки» компетенций под конкретные технологические задачи. [Обзор национальных систем квалификаций государств, входящих в БРИКС, www…].

Отдельный блок китайского опыта касается программ повышения квалификации педагогов. Сравнительные исследования разработки программ повышения квалификации учителей школ Китая и России фиксируют, что для китайской системы характерна опора на централизованные требования к содержанию и результатам таких программ, а также включение в них практико-ориентированных модулей, связанных с освоением современных педагогических технологий и цифровых инструментов. Отмечается, что программы строятся как долгосрочные траектории профессионального развития, включающие сочетание очных сессий, дистанционных форм, наставничества и исследовательской работы в образовательной организации, что отличает их от более фрагментарных и краткосрочных форматов, типичных

для ряда других юрисдикций [Фу, Черникова, 2025, с.343].

Для целей настоящего исследования китайский опыт показывает, во-первых, как непрерывное профессиональное образование может быть встроено в общую архитектуру реформ среднего профессионального образования и национальной рамки квалификаций, а не существовать изолированно от базовых уровней образования.

Во-вторых, на примере программ повышения квалификации учителей видно, что дополнительное профессиональное обучение рассматривается как системный элемент образовательной политики, с чётко определёнными целями, результатами и институциональной поддержкой, а не как побочный рынок услуг.

Наконец, ориентация китайской модели на увязку квалификаций с потребностями промышленности и использование дуальных и производственно-ориентированных форматов обучения позволяет сопоставить её с европейскими подходами и выявить альтернативный вариант интеграции ДПО в механизмы государственного управления квалификациями.

ЕАЭС: наднациональная координация квалификаций и дополнительного профессионального образования

В отличие от Германии и Франции, где регулирование дополнительного профессионального образования носит преимущественно национальный характер, в государствах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) выстраивается наднациональный контур координации в сфере квалификаций, опирающийся на решения Евразийской экономической комиссии и деятельность национальных агентств развития квалификаций. В материалах НАРК подчёркивается, что для стран Союза базовой задачей стало не создание единой «надгосударственной» рамки, а взаимное признание национальных квалификаций при сохранении разнообразия национальных систем профессионального образования и ДПО.

Публикации, посвящённые развитию национальных систем квалификаций в странах ЕАЭС, фиксируют, что все государства-участники формируют собственные NQF, охватывающие как уровни базового и высшего образования, так и квалификации, приобретаемые в системе профессионального обучения и дополнительного образования взрослых [Обзор национальных систем квалификаций государств, входящих в БРИКС, www…]

При этом регулярно проводятся сравнительные обзоры, позволяющие сопоставить структуру рамок, порядок регистрации профессиональных стандартов и квалификаций, а также формы участия работодателей и профессиональных сообществ в оценке результатов обучения. На этой основе вырабатываются методические рекомендации по сближению подходов к описанию квалификаций и установлению уровневой сопоставимости, без вмешательства в содержательную сторону национальных программ ДПО.

На наднациональном уровне ключевым шагом стало создание комиссии по взаимному признанию профессиональных квалификаций при органах ЕАЭС, работу которой поддержал Межправсовет Союза [Развитие национальной системы квалификаций в странах Евразийского экономического союза: возможности сближения, www…]. Соответствующие решения ориентированы на выстраивание процедур признания квалификаций, полученных в разных государствах, прежде всего в сферах с высокой степенью мобильности рабочей силы, и предполагают использование национальных реестров квалификаций и профессиональных стандартов в качестве основы для сопоставления. В экспертных материалах НАРК и ЕЭК подчёркивается, что наднациональный уровень не подменяет собой национальное

регулирование дополнительного профессионального образования, а задаёт рамку для «стыковки» результатов ДПО с механизмами взаимного признания квалификаций.

Тем самым опыт ЕАЭС демонстрирует ещё одну модель взаимодействия образования и квалификаций: в качестве ключевого объекта регулирования выступает не сама реализация программ ДПО, а признание их результата в формате профессиональной квалификации, включённой в национальный реестр и сопоставимой с квалификациями других государств Союза. Для российского исследования это особенно важно, поскольку позволяет рассматривать реформирование административно-правового механизма ДПО не только во внутреннем, но и в интеграционном измерении – через обеспечение «переводимости» результатов российских программ в наднациональное пространство квалификаций ЕАЭС.

Заключение

Проведённый анализ зарубежных моделей административно-правового регулирования программ дополнительного профессионального образования показал, что при всём разнообразии институциональных решений им присущ ряд общих структурных черт. В германской системе Aufstiegsfortbildung ключевую роль играют торгово-промышленные палаты IHK, действующие на основе Закона о профессиональном обучении (Berufsbildungsgesetz, BBiG)[1] и собственных Fortbildungsprüfungsordnungen; именно они обеспечивают жёсткий допуск к квалификационным экзаменам и содержательный контроль результатов обучения в увязке с уровнями Deutscher Qualifikationsrahmen (DQR). Французская модель, напротив, строится вокруг France Compétences и двух государственных реестров – Répertoire national des certifications professionnelles (RNCP) и Répertoire spécifique, где объектом регулирования выступают профессиональные сертификации, а программы рассматриваются как путь к ним; внешняя оценка качества провайдеров реализуется через сертификацию Qualiopi по Référentiel national qualité (RNQ), связанной с доступом к средствам Compte Personnel de Formation (CPF). Китайский опыт демонстрирует встраивание непрерывного профессионального образования в контур реформ среднего профессионального образования и национальной рамки квалификаций, а также системный характер программ повышения квалификации педагогов. В рамках ЕАЭС наднациональный уровень задаёт процедуры взаимного признания профессиональных квалификаций, опирающихся на национальные рамки и реестры, не подменяя собой национальное регулирование программ ДПО.

Сравнительный ракурс позволяет выделить три системообразующих элемента, которые в различных конфигурациях определяют эффективность правового режима ДПО. Во-первых, во всех рассмотренных юрисдикциях прослеживается функциональное разделение реализации программ и признания квалификационного результата: экзаменационные процедуры палат IHK, процедуры включения сертификаций в RNCP/RS и наднациональные механизмы признания квалификаций в странах ЕАЭС выступают самостоятельными административно-правовыми фильтрами, не сводимыми к внутренним решениям образовательных организаций. Во-вторых, дополнительное профессиональное образование повсеместно встраивается в рамочные конструкции квалификаций – DQR и EQF в Германии, уровневую структуру RNCP во Франции, национальные рамки квалификаций Китая и государств ЕАЭС, – что обеспечивает предсказуемость статуса программ и их результатов для работодателей и обучающихся. В-третьих, эффективные модели опираются на внешний содержательный контроль качества и увязку его с финансово-правовыми стимулами: доступ к средствам CPF во Франции, участие в

программах Aufstiegsfortbildung и поддержка со стороны государства и работодателей в Германии, влияние признания квалификаций на трансграничную мобильность в ЕАЭС формируют устойчивую мотивацию к соблюдению установленных требований.

Полученные выводы создают основу для последующего анализа российской модели реализации программ дополнительного профессионального образования, закреплённой в статье 76 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в сопоставлении с зарубежными подходами. В дальнейшей работе представляется целесообразным исследовать, в какой мере выявленные элементы – разграничение программ и квалификаций, рамочная привязка результатов и внешняя содержательная экспертиза, связанная с механизмами финансирования, – могут быть адаптированы к российской правовой системе с учётом её институциональных особенностей и уже сложившейся практики применения законодательства. Эти вопросы выходят за рамки настоящей статьи и станут предметом отдельного исследования, посвящённого комплексному реформированию административно-правового механизма ДПО и развитию цифровых инструментов его реализации.

Библиография

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
2. Гаранян Э.А. Зарубежные модели административно-правового регулирования программ дополнительного профессионального образования их значение для российской системы ДПО // Вопросы российского и международного права. 2026. Т. 15. № 10А. С. 182–193. DOI: 10.34670/AR.2025.44.88.058
3. Кузнецова В.В., Машкина О.А. Среднее профессиональное образование в Китае в 2010-е гг.: тенденции и дилеммы // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2021. № 3. С. 44–62.
4. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 528 с.
5. Обзор национальных систем квалификаций государств, входящих в БРИКС // НАРК. URL: https://nark.ru/analytics/regionalnoe-razvitie/obzornatsionalnykhsistem-kvalifikatsiy-BRICS/
6. Олейникова О. Н., Муравьева А. А., Аксенова Н. М. Национальная система квалификаций: концептуальные и методические основы в контексте нерешенных проблем // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 6. С. 70–89. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-6-70-89
7. Развитие национальной системы квалификаций в странах Евразийского экономического союза: возможности сближения // НАРК. URL: https://journal.nark.ru/articles/panorama/razvitie-natsionalnoy-sistemy-kvalifikatsiy-v-stranakh-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-vozmozhno/
8. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.03.2026) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
9. Фу Ю., Черникова И.Ю. Специфические особенности разработки программ повышения квалификации учителей школ Китая и России // Управление образованием: теория и практика. 2025. Т. 15. № 4-1. С. 335–346.
10. Berufsbildungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 16. April 2025 (BGBl. 2025 I Nr. 117; 2025 I Nr. 129). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bbig_2005/BJNR093110005.html
11. Bildung und Qualifikation // IHK Niederbayern. URL: https://www.ihk-niederbayern.de/berufliche-bildung/
12. Bundesinstitut für Berufsbildung (BIBB). URL: https://www.bibb.de/de/index.php
13. Deutscher Qualifikationsrahmen (DQR). URL: https://www.bibb.de/en/596.php
14. Fortbildungsprüfungsordnungen // HWK Dortmund. URL: https://www.hwkdo.de/rechtsgrundlagen/fortbildungspruefungsordnungen
15. Fortbildungsprüfungsordnungen IHK und разъяснения палат по Zulassungsvoraussetzungen // IHK Köln. URL: https://www.ihk.de/koeln/hauptnavigation/weiterbildung/fortbildungspruefungen/faq-fortbildung-5101510
16. France Compétences. URL: https://www.francecompetences.fr/
17. LOI n° 2018-771 du 5 septembre 2018 pour la liberté de choisir son avenir professionnel. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000037367660
18. Répertoire national des certifications professionnelles et répertoire spécifique (RNCP et RS) // data.gouv.fr. URL: https://www.data.gouv.fr/datasets/repertoire-national-des-certifications-professionnelles-et-repertoire-specifique/

Foreign Models of Administrative-Legal Regulation of Continuing Professional Education Programs and Their Significance for the Russian CPE System

Erik A. Garanyan

Senior Lecturer,
Department of Theory and History of State and Law,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University
of Russia (Sochi Institute (branch)),
354340, 17, Romashki St., Sochi, Russian Federation;
e-mail: erik.garanyan@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of foreign models of administrative-legal regulation of continuing professional education (CPE) programs in developed legal systems of the continental tradition. The subject of the research comprises the legal mechanisms for admission to CPE programs, conferring upon them qualification status, and ensuring external quality control in Germany, France, China, and within the integration processes of the EAEU. The aim of the work is to identify the structural elements of these models that determine the predictability of qualification outcomes and the sustainability of the public-law regime of CPE, as well as to assess the possibilities for their adaptation in the Russian education system. The methodological basis of the research consists of comparative legal, formal legal, and institutional analysis, allowing for a comparison of the provisions of the Berufsbildungsgesetz and by-laws of the IHK system, the regulations of France compétences and the RNCP/RS registers, the national acts of the PRC on vocational education, and the documents forming the national qualifications frameworks of the EAEU states. The obtained results can be used in improving Russian legislation on education and on the national qualifications system, as well as in the rule-making and law enforcement activities of public authorities and professional associations. A conclusion is drawn regarding the presence in foreign models of three system-forming blocks: strictly structured admission to programs, differentiation of CPE status according to their qualification effect, and mandatory external substantive control integrated into national qualifications frameworks.

For citation

Garanyan E.A. (2026) Zarubezhnyye modeli administrativno-pravovogo regulirovaniya programm dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya i ikh znacheniye dlya rossiyskoy sistemy DPO [Foreign Models of Administrative-Legal Regulation of Continuing Professional Education Programs and Their Significance for the Russian CPE System]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 54-64. DOI: 10.34670/AR.2026.44.48.006

Keywords

Continuing professional education, foreign experience of legal regulation, administrative-legal mechanism, admission to training programs, qualification status of programs, external quality assessment of education, national and supranational qualifications frameworks, Germany, France, China, EAEU.

References

1. Alekseev, S.S. (1995). *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow: BEK.
2. Berufsbildungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 16. April 2025 (BGBl. 2025 I Nr. 117; 2025 I Nr. 129). (2025). Retrieved from https://www.gesetze-im-internet.de/bbig_2005/BJNR093110005.html
3. Bundesinstitut für Berufsbildung (BIBB). (n.d.). Retrieved from https://www.bibb.de/de/index.php
4. data.gouv.fr. (n.d.). *Répertoire national des certifications professionnelles et répertoire spécifique (RNCP et RS)*. Retrieved from https://www.data.gouv.fr/datasets/repertoire-national-des-certifications-professionnelles-et-repertoire-specifique/
5. Deutscher Qualifikationsrahmen (DQR). (n.d.). Retrieved from https://www.bibb.de/en/596.php
6. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on March 8, 2026) "On Education in the Russian Federation". (2012). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 53(1), art. 7598.
7. France Compétences. (n.d.). Retrieved from https://www.francecompetences.fr/
8. Fu, Yu., & Chernikova, I.Yu. (2025). Spetsificheskie osobennosti razrabotki programm povysheniya kvalifikatsii uchiteley shkol Kitaya i Rossii [Specific Features of the Development of Advanced Training Programs for School Teachers in China and Russia]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*, 15(4-1), 335-346.
9. Garanyan, E.A. (2026). Zarubezhnyye modeli administrativno-pravovogo regulirovaniya programm dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya ikh znacheniye dlya rossiyskoy sistemy DPO [Foreign Models of Administrative and Legal Regulation of Continuing Professional Education Programs and Their Significance for the Russian CPE System]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 15(10A), 182-193. https://doi.org/10.34670/AR.2025.44.88.058
10. HWK Dortmund. (n.d.). *Fortbildungsprüfungsordnungen* [Continuing Education Examination Regulations]. Retrieved from https://www.hwkdo.de/rechtsgrundlagen/fortbildungspruefungsordnungen
11. IHK Köln. (n.d.). *Fortbildungsprüfungsordnungen IHK und Erläuterungen der Kammern zu den Zulassungsvoraussetzungen* [IHK Further Training Examination Regulations and Chamber Explanations on Admission Requirements]. Retrieved from https://www.ihk.de/koeln/hauptnavigation/weiterbildung/fortbildungspruefungen/faq-fortbildung-5101510
12. IHK Niederbayern. (n.d.). *Bildung und Qualifikation* [Education and Qualification]. Retrieved from https://www.ihk-niederbayern.de/berufliche-bildung/
13. Kuznetsova, V.V., & Mashkina, O.A. (2021). Srednee professional'noe obrazovanie v Kitae v 2010-e gg.: tendentsii i dilemmy [Secondary Vocational Education in China in the 2010s: Trends and Dilemmas]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, (3), 44-62.
14. LOI n° 2018-771 du 5 septembre 2018 pour la liberté de choisir son avenir professionnel [Law No. 2018-771 of September 5, 2018 on the freedom to choose one's professional future]. (2018). Retrieved from https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000037367660
15. Matuzov, N.I., & Malko, A.V. (2024). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law] (5th ed.). Moscow: Delo Publishing House of RANEPA.
16. NAEC. (n.d.). *Obzor natsional'nykh sistem kvalifikatsiy gosudarstv, vkhodyashchikh v BRIKS* [Review of National Qualification Systems of the BRICS Member States]. Retrieved from https://nark.ru/analytics/regionalnoe-razvitie/obzornatsionalnykhsistem-kvalifikatsiy-BRICS/
17. NAEC. (n.d.). *Razvitie natsional'noy sistemy kvalifikatsiy v stranakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: vozmozhnosti sblizheniya* [Development of the National Qualifications System in the Countries of the Eurasian Economic Union: Opportunities for Convergence]. Retrieved from https://journal.nark.ru/articles/panorama/razvitie-natsionalnoy-sistemy-kvalifikatsiy-v-stranakh-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-vozmozhno/
18. Oleynikova, O.N., Muravyova, A.A., & Aksenova, N.M. (2018). Natsional'naya sistema kvalifikatsiy: kontseptual'nye i metodicheskie osnovy v kontekste nereshennykh problem [National Qualifications System: Conceptual and Methodological Foundations in the Context of Unsolved Problems]. *Obrazovanie i nauka*, 20(6), 70-89. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-6-70-89

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.36.33.008**

Требования к участникам закупок для государственных и муниципальных нужд в современных реалиях

Фадеев Алексей Николаевич

Аспирант,
кафедра административного,
финансового и информационного права,
Всероссийский государственный университет юстиции,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1;
e-mail: fadeyatc@mail.ru

Аннотация

Предъявляемые действующим законодательством требования к участникам закупок для государственных и муниципальных нужд не всегда имеют чёткую регламентацию, что создаёт сложности как для заказчиков, так и для поставщиков. При осуществлении государственных и муниципальных закупок прослеживаются проблемы в правоприменительной практике из-за пробелов в нормативном регулировании, включая неоднозначность критериев оценки добросовестности участников, недостаточную проработанность механизмов проверки соответствия требованиям, а также правовую неопределённость при включении сведений в реестр недобросовестных поставщиков. В статье анализируются актуальные требования законодательства о контрактной системе (Федеральный закон № 44-ФЗ), выявляются наиболее дискуссионные положения и спорные ситуации, возникающие при их применении на практике, а также рассматриваются позиции контролирующих органов (ФАС России) и судебная практика. Автор настоящей статьи предлагает пути решения вышеназванных проблем, включая конкретизацию перечня требований к участникам в самом законе, унификацию подходов к оценке соответствия, ужесточение требований к документальному подтверждению соответствия, а также совершенствование процедур контроля за соблюдением установленных требований.

Для цитирования в научных исследованиях

Фадеев А.Н. Требования к участникам закупок для государственных и муниципальных нужд в современных реалиях // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 65-76. DOI: 10.34670/AR.2026.36.33.008

Ключевые слова

Государственные и муниципальные закупки, контрактная система, антимонопольный орган, реестр недобросовестных поставщиков, участники закупок, государственный заказчик, 44-ФЗ.

Введение

В соответствии с общим правилом, установленным законодательством о контрактной системе, участниками закупочных процедур могут выступать любые юридические и физические лица, включая индивидуальных предпринимателей. Нормативное регулирование предусматривает установление как единых, так и дополнительных требований к участникам, а также наличие обязательного условия об отсутствии сведений о них в реестре недобросовестных поставщиков.

Правоприменительная практика подтверждает значимость института дополнительных требований как инструмента обеспечения добросовестной конкуренции и повышения качества исполнения контрактов. Анализ действий государственных заказчиков и контрольных органов свидетельствует о необходимости комплексного подхода к формированию таких требований. В этой связи особое значение приобретает тщательная подготовка как к организации закупки, так и к участию в ней, включающая детальное изучение нормативной и методологической базы, регулирующей порядок установления дополнительных требований к участникам [Канторович, 2025; Чернюк, 2022].

Основное содержание

В процессе организации конкурентных закупок, а также в отдельных случаях при осуществлении закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), заказчик обязан установить единые требования к участникам. При анализе степени надежности потенциального поставщика существенное значение имеют такие показатели, как продолжительность его деятельности на рынке, финансовая устойчивость, отсутствие участия в арбитражных спорах, разветвлённость сети филиалов, наличие складских помещений, транспортных средств и производственного оборудования. Кроме того, в расчет принимаются реализованные проекты, перечень постоянных контрагентов, наличие сертификатов соответствия и соблюдение установленных стандартов [Чернюк, 2022].

Как правило, требование об отсутствии информации об участнике закупки в реестре недобросовестных поставщиков включается по усмотрению заказчика. Дополнительные квалификационные критерии устанавливаются преимущественно для участников конкурентных процедур с начальной (максимальной) ценой контракта, превышающей 20 млн руб., а также при закупках отдельных категорий товаров, работ или услуг.

В качестве участников могут выступать как физические лица (включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан), так и юридические лица различных организационно-правовых форм.

Юридическое лицо, зарегистрированное в офшорной юрисдикции, не может выступать участником закупочных процедур. Более того, организация, обладающая статусом офшорной компании, не допускается к участию в структуре корпоративного юридического лица, являющегося участником закупки, а также не вправе входить в состав учредителей унитарных предприятий.

Запрещается участие офшорных компаний среди лиц, которые прямо или косвенно — через одно или несколько юридических лиц — владеют более чем 10 процентами голосующих акций участника закупки или долями, превышающими 10 процентов в его уставном (складочном) капитале.

Под офшорной компанией в рамках законодательства, регулирующего контрактную систему, следует понимать юридическое лицо, зарегистрированное в иностранном государстве или на территории, включённой в перечень юрисдикций, применяемых для опосредованного (офшорного) владения активами, расположенными на территории Российской Федерации [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», п. 4 ч. 1 ст. 3, п. 10 ч. 1 ст. 31, www...].

В соответствии с положениями Закона № 44-ФЗ, а также специального законодательства, к участию в закупках не допускаются лица, обладающие статусом иностранных агентов [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», п. 4 ч. 1 ст. 3, п. 10.1 ч. 1 ст. 31, www...; Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ч. 11 ст. 11, www...].

Следует отметить, что институт коллективного участия в закупках в рамках правового регулирования Закона № 44-ФЗ не предусмотрен [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», п. 4 ч. 1 ст. 3, www...; Письмо Минфина России от 13.08.2020 № 24-05-08/71573, www...]. Таким образом, объединение нескольких лиц не может рассматриваться в качестве единого субъекта – участника закупки.

В целях обеспечения прозрачности и добросовестности контрактной системы при осуществлении конкурентных процедур закупки, равно как и при заключении контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по основаниям, перечисленным в пунктах 4, 5, 18, 30, 42, 49, 54, 59 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ч. 1 ст. 31, www...], заказчик обязан установить совокупность единых требований, предъявляемых к участникам закупки. К числу таких требований относятся:

– соблюдение участником норм законодательства Российской Федерации, регулирующих деятельность по поставке товаров, выполнению работ или оказанию услуг, являющихся предметом закупки (в частности, наличие лицензии, аккредитации, членства в саморегулируемой организации и иных обязательных разрешений);
– отсутствие факта ликвидации организации на дату подачи заявки;
– отсутствие вступившего в законную силу судебного акта о признании участника несостоятельным (банкротом) и открытии конкурсного производства;
– отсутствие приостановления деятельности участника в порядке, предусмотренном законодательством об административных правонарушениях;
– отсутствие недоимки по налоговым и иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации по состоянию на последний отчетный период, если их размер превышает 25 процентов балансовой стоимости активов (при этом в расчёт не включаются суммы, по которым предоставлены отсрочка, рассрочка, инвестиционный налоговый кредит либо вынесено судебное решение о признании их уплаченными);
– отсутствие неснятой или непогашенной судимости, а также факта дисквалификации физических лиц, входящих в число руководителей, членов коллегиальных

исполнительных органов, лиц, осуществляющих функции единоличного исполнительного органа или выполняющих обязанности главного бухгалтера, за преступления в сфере экономики, предусмотренные, в частности, статьями 289–291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– отсутствие факта привлечения юридического лица к административной ответственности за незаконное вознаграждение от имени организации в течение двух лет до даты подачи заявки на участие в закупке;
– наличие у участника исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в случаях, когда предметом контракта является передача таких прав заказчику, за исключением случаев заключения контрактов, направленных на создание произведений литературы, искусства или национальных фильмов;
– отсутствие конфликта интересов между участником закупки и должностными лицами зазчика, их супругами и близкими родственниками;
– отсутствие признаков офшорного статуса участника, равно как и участия офшорных структур в его капитале в объёме, превышающем 10 процентов;
– неотнесение участника к категории иностранных агентов;
– отсутствие иных ограничений на участие в закупках, установленных законодательством Российской Федерации.

В ситуациях, когда закупка осуществляется у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) по основаниям, прямо предусмотренным статьёй 93 Федерального закона № 44-ФЗ, соблюдение участником единых требований продолжается обеспечиваться по процедурным правилам, действовавшим до 1 января 2022 года. Одновременно на заказчика возлагается обязанность предпринять весь комплекс зависящих от него разумных и правомерных действий, направленных на установление и документальное подтверждение соответствия участника закупки установленным законом требованиям. При этом обязательная проверка ограничивается лишь теми критериями, исполнение которых прямо и недвусмысленно закреплено в действующем федеральном законодательстве [Единые требования к участникам закупок по 44-ФЗ, www…].

Декларация о соответствии единым требованиям, сформулированным в пунктах 3–5 и 7–11 части 1 статьи 31 Федерального закона № 44-ФЗ, выступает обязательным структурным элементом любой заявки участника при его участии в конкурентных процедурах определения поставщика. Аналогичный по содержанию документ подлежит включению в состав предварительного предложения при проведении закупки товара у единственного поставщика в электронной форме с использованием специализированной электронной площадки. В случае применения механизма электронного конкурса соответствующая декларация подлежит размещению во второй части заявки участника [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», пп. "о" п. 1 ч. 1 ст. 43, ч. 2 ст. 48, ч. 1 ст. 49, ч. 1 ст. 50, пп. "к" п. 1 ч. 12 ст. 93, www...].

Проверка соответствия участника закупки требованиям, предусмотренным пунктами 10 и 10.1 части 1 статьи 31 Федерального закона № 44-ФЗ, осуществляется заказчиком или закупочной комиссией с использованием выписки из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), сведений, содержащихся в данном реестре и в реестре иностранных агентов, а также декларации самого участника закупки. В случае отсутствия необходимой

информации в представленных документах заказчик (закупочная комиссия) обязан принять зависящие от него разумные и правомерные меры для получения достоверных сведений [Информационное письмо Минфина России от 25.01.2024 № 24-06-07/5751, www...].

Оценка соответствия участника закупки требованиям, закреплённым в пунктах 10 и 10.1 части 1 статьи 31 Федерального закона № 44-ФЗ, возлагается на заказчика либо на закупочную комиссию и осуществляется, в частности, на основании выписки из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), сведений, содержащихся в указанном реестре и в реестре иностранных агентов, а также декларации, представленной самим участником. При отсутствии в перечисленных документах достаточных сведений для формирования достоверного вывода о соответствии участника установленным требованиям заказчик (закупочная комиссия) обязан принять все зависящие от него разумные и правомерные меры, направленные на получение необходимой и достоверной информации [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ч. 9 ст. 31, www...; Информационное письмо Минфина России от 25.01.2024 № 24-06-07/5751, www...].

Во исполнение запрета на заключение договоров с лицами, в отношении которых введены российские ограничительные меры, а также с подконтрольными им организациями, заказчик обязан осуществлять проверку участников на соответствие требованию, предусмотренному пунктом 11 части 1 статьи 31 Федерального закона № 44-ФЗ. Согласно положениям Указа Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252 и Постановления Правительства Российской Федерации от 11 мая 2022 г. № 851, участие в закупочных процедурах запрещается лицам, в отношении которых действуют специальные экономические меры, а также организациям, находящимся под их контролем [Информационное письмо Минфина России от 20.07.2022 № 24-01-06/69926, www...].

Соответствие участника установленным требованиям подтверждается документами, которые включаются в заявку в соответствии с подпунктами «д», «ж», «з» пункта 1 части 1 статьи 43 Закона № 44-ФЗ.

В случае если участник закупки включён в перечень лиц, на которых распространяются ограничительные меры, установленные Российской Федерацией, комиссия обязана отклонить его заявку [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ч. 8 ст. 31, п. 3 ч. 12 ст. 48, пп. "а" п. 1 ч. 5 ст. 49, пп. "а" п. 1 ч. 3 ст. 50, www...].

Вместе с тем, Закон № 44-ФЗ не определяет порядок установления факта контроля участника закупки со стороны лица, в отношении которого применены российские ограничительные меры [Письмо Минфина России от 09.06.2022 № 24-06-06/54846, www...]. На наш взгляд, для повышения прозрачности системы закупок целесообразно предусмотреть обязательное указание ОГРН лиц, находящихся под контролем субъектов, к которым такие меры применены. Ряд исследователей полагает, что в качестве источника сведений целесообразно использовать данные реестра недостоверных сведений, представленных участниками закупок [Александрова, 2025].

В случаях, когда выявлено несоответствие участника установленным требованиям либо обнаружено представление недостоверных сведений о соответствии, возможны следующие последствия:

– если нарушения обнаружены до заключения контракта — участник отстраняется от участия в закупке либо заказчик отказывается заключать контракт;

– если нарушения выявлены в процессе исполнения контракта — заказчик вправе в одностороннем порядке расторгнуть договор [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ч. 9 ст. 31, п. 1 ч. 15 ст. 95, www...].

Вместе с тем, в исключительных случаях Правительство Российской Федерации наделено полномочием предоставлять временные разрешения на совершение отдельных сделок с лицами, в отношении которых введены специальные экономические меры, а также с подконтрольными им организациями [Указ Президента РФ от 03.05.2022 № 252 «О мерах по обеспечению технологического суверенитета и национальной безопасности в сфере развития критической информационной инфраструктуры», п. 2(1), www...].

Требования о наличии у участника закупки лицензии, аккредитации, членства в саморегулируемой организации (СРО) или разрешения правообладателя на использование результатов интеллектуальной деятельности устанавливаются в соответствии с Законом № 44-ФЗ в следующих случаях:

– если предмет закупки относится к видам деятельности, подлежащим обязательному лицензированию. Однако при совмещении лицензируемых и нелицензируемых видов деятельности требовать лицензию неправомерно [Письмо Минфина России от 20.07.2020 № 24-02-08/63342, www...; Решение ФАС России от 15.11.2016 по делу № ВП-538/16, www...; Решение ФАС России от 20.10.2016 по делу № К-1708/16, www...; Решение ФАС России от 06.09.2016 № КГОЗ-403/16, www...];

– если исполнение контракта предполагает использование результатов интеллектуальной деятельности, на которые правообладатель установил ограничение об их использовании исключительно на основании разрешения, выданного в соответствии с пунктом 1 статьи 1229 и статьёй 1235 ГК РФ;

– если закупаемая деятельность предполагает обязательное членство участника или его сотрудников в соответствующей СРО, например, при осуществлении оценочной либо кадастровой деятельности [Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», ст. ст. 4, 15, 15.1, www...; Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой деятельности», ч. 1 ст. 29, ст. 33, www...].

– если выполнение работ или оказание услуг требует обязательной аккредитации, как, например, в случае с проведением технического осмотра транспортных средств [Федеральный закон от 29.12.2023 № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ч. 1 ст. 5, www...].

В сфере регулирования требований к членству в саморегулируемых организациях (СРО) при осуществлении закупок строительных работ Федеральная антимонопольная служба России (ФАС России) дала следующие разъяснения [Письмо от 11.07.2023 № МШ/54828/23, www...]. Если предмет закупки предполагает выполнение работ, для осуществления которых требуется членство в СРО, заказчику рекомендуется устанавливать данное требование таким образом, чтобы область допуска соответствовала характеру и результату закупаемых работ. Подобный подход позволяет не только предотвратить ограничение конкуренции, но и обеспечить соответствие подрядчиков профессиональным требованиям по конкретному виду деятельности.

В то же время Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (Минстрой России) придерживается иной позиции. Согласно её позиции, член СРО, осуществляющий деятельность исключительно в области строительства,

реконструкции, капитального ремонта или сноса объектов капитального строительства, не может заключать контракт, который одновременно охватывает инженерные изыскания, подготовку проектной документации и проведение строительных или ремонтных работ [Письмо Минстроя России от 18.10.2024 № 61052-ОС/02, www...]. В связи с этим предлагается закрепить на уровне федерального законодательства требование о наличии у участника закупки членства в СРО не только в области строительства, но и в сфере проектирования, а также инженерных изысканий. Такой подход обеспечит комплексное покрытие всех этапов работы над объектом капитального строительства и снизит риск правовых несоответствий при исполнении контрактов.

Кроме того, при закупке работ, требующих наличия различных лицензий, наиболее рациональным считается установление требований к лицензированию не на этапе допуска к участию в закупке, а в отношении подрядчика, непосредственно выполняющего работы. Это позволит не сужать круг потенциальных участников и, вместе с тем, сохраняет возможность привлечения субподрядчиков (соисполнителей), обладающих необходимыми лицензиями и допусками, для выполнения специализированных видов работ. Участник закупки вправе подтверждать соответствие требованию, предусмотренному пунктом 1 части 1 статьи 31 Федерального закона № 44-ФЗ, посредством представления документов, прямо поименованных заказчиком в закупочной документации. Перечень таких документов должен носить исчерпывающий характер и включать четко и недвусмысленно сформулированные позиции; в частности, при установлении требования о наличии лицензии заказчик обязан конкретизировать её вид и нормативное основание [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ч. 5 ст. 31, п. 12 ч. 1 ст. 42, пп. "н" п. 1 ч. 1 ст. 43, www...]. Вместе с тем действующее законодательство не во всех случаях возлагает на участника обязанность представлять документы, подтверждающие соответствие указанному требованию, поэтому включение таких документов в состав заявки допустимо лишь при условии, что их предоставление прямо предписано нормативными правовыми актами. Определение конкретного вида лицензии относится к компетенции заказчика, что на практике нередко вызывает затруднения при формировании закупочной документации [Письмо Минфина России от 09.10.2023 № 24-06-05/95692, www...].

При осуществлении закупок в сфере строительства требование о членстве в саморегулируемой организации (СРО) не сопряжено с обязанностью участника представлять подтверждающие документы, поскольку проверка таких сведений возлагается на закупочную комиссию. Указанная проверка осуществляется путем обращения к сведениям Единого реестра членов СРО, включая анализ уровня ответственности участника в соответствующих компенсационных фондах [Письмо ФАС России от 11.07.2023 № МШ/54828/23, п. п. 2, 3, www...].

Наличие лицензии, выданной в порядке, установленном законодательством о лицензировании, удостоверяется данными соответствующего государственного реестра лицензий, а бремя проверки этих данных возлагается непосредственно на заказчика. Следовательно, для соблюдения подпункта «н» пункта 1 части 1 статьи 43 Закона № 44-ФЗ участнику закупки достаточно представить документ, позволяющий идентифицировать лицензию (в том числе по её реквизитам) и подтвердить её действительный статус.

В данном контексте установление в документации требования о предоставлении исключительно выписки из реестра лицензий в качестве единственно допустимого способа

подтверждения наличия лицензии следует признать неправомерным. Согласно разъяснениям уполномоченных органов, достаточным доказательством является указание реквизитов лицензии — её регистрационного номера и даты выдачи (предоставления специального права), поскольку юридическое значение имеет запись в реестре, а не форма выписки из него [Письмо от 25.08.2023 № ОГ-Д24-7294, www...].

По некоторым видам деятельности, не подпадающим под действие Закона о лицензировании (например, по деятельности по защите гостайны), лицензия может быть оформлена на бумажном носителе. В этом случае наличие лицензии можно подтвердить ее копией.

Заказчик вправе включить в документацию о закупке требование об отсутствии сведений об участнике в реестре недобросовестных поставщиков (РНП) в соответствии с частью 1.1 статьи 31 Закона № 44-ФЗ, распространив его как на самого участника, так и на лиц, сведения о которых подлежат включению в заявку в силу подпункта «в» пункта 1 части 1 статьи 43 указанного закона. Несмотря на диспозитивный характер данного условия, его формулирование представляется целесообразным, поскольку оно снижает риск неисполнения либо ненадлежащего исполнения контракта и способствует повышению добросовестности участников закупок. Анализируя научную литературу и правоприменительную практику, автор пришел к обоснованному мнению, о необходимости закреплении прямого запрета на участие в закупках организаций, включённых в РНП.

Одновременно заказчик обязан установить требование об отсутствии сведений об участнике закупки в РНП в случаях, когда включение таких сведений обусловлено отказом участника от исполнения контракта по причине введения в отношении заказчика иностранных политических или экономических санкций либо иных ограничительных мер. Указанное требование распространяется на все виды закупок, независимо от их предмета и способа определения поставщика, в том числе при заключении контрактов с единственным поставщиком. При этом заказчик не вправе предъявлять к участникам требование о представлении каких-либо документов, подтверждающих соответствие данному условию, поскольку проверка факта отсутствия сведений в РНП осуществляется самим заказчиком посредством обращения к соответствующему реестру [Информационное письмо Минфина России от 27.06.2022 № 24-01-09/61077, www...].

В случае выявления несоответствия участника установленным условиям его необходимо отстранить от участия в закупке либо отказаться от заключения контракта на любой стадии до его подписания [Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ч. 8, 9 ст. 31, www...].

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что действующее нормативно-правовое регулирование в рассматриваемой сфере требует последующей конкретизации и системного совершенствования.

Библиография

1. Канторович А. Об установлении дополнительных требований к участникам закупки работ, услуг по техническому обслуживанию зданий, сооружений // ПРОГОСЗАКАЗ.РФ. Сентябрь 2025 г. N 9. С. 30 – 38
2. Чернюк Е. Об определении необходимости предъявления дополнительных требований к участникам закупок //

ПРОГОСЗАКАЗ.РФ. Август 2022 г. N 8. С. 52 – 61
3. Дубовик С. Закупки на 100%. Инструменты снижения цен и получения лучших условий у поставщиков. СПб.: Питер, 2020. С. 27.
4. Александрова А.В. Недостоверная информация в составе заявки на участие в закупке: дополнительные требования к участникам закупки // Вестник Института госзакупок. 2025. N 1. С. 8 – 11
5. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 29.12.2023 № 170-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
8. Об оценочной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 26.12.2024). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
9. О государственной кадастровой оценке [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ (ред. от 26.12.2024). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
10. О мерах по обеспечению технологического суверенитета и национальной безопасности в сфере развития критической информационной инфраструктуры [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 03.05.2022 № 252. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
11. О направлении разъяснений о применении Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 07.09.2020 № 24-05-07/78301. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
12. О направлении разъяснений [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 13.08.2020 № 24-05-08/71573. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
13. О направлении разъяснений по вопросам применения Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 20.07.2020 № 24-02-08/63342. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
14. О направлении разъяснений [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 09.06.2022 № 24-06-06/54846. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
15. О направлении разъяснений [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 09.10.2023 № 24-06-05/95692. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
16. О направлении информационного письма [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 25.01.2024 № 24-06-07/5751. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
17. О направлении информационного письма [Электронный ресурс] : Письмо Минфина России от 20.07.2022 № 24-01-06/69926. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
18. О направлении разъяснений [Электронный ресурс] : Письмо Минстроя России от 18.10.2024 № 61052-ОС/02. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
19. О применении положений Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [Электронный ресурс] : Письмо ФАС России от 11.07.2023 № МШ/54828/23. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
20. [Разъяснения по вопросам государственного оборонного заказа] [Электронный ресурс] : Письмо от 25.08.2023 № ОГ-Д24-7294. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
21. О применении частей 8 и 9 статьи 31 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [Электронный ресурс] : Информационное письмо Минфина России от 27.06.2022 № 24-01-09/61077. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
22. Решение по делу № ВП-538/16 [Электронный ресурс] / ФАС России. — 15.11.2016. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
23. Решение по делу № К-1708/16 [Электронный ресурс] / ФАС России. — 20.10.2016. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
24. Решение по делу № КГОЗ-403/16 [Электронный ресурс] / ФАС России. — 06.09.2016. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).
25. Единые требования к участникам закупок по 44-ФЗ [Электронный ресурс] // Litender : информационный портал. — Режим доступа: https://litender.ru/edinye-trebovaniya/ (дата обращения: 01.03.2026).

Requirements for Procurement Participants for State and Municipal Needs in Current Realities

Alexey N. Fadeev

Postgraduate Student,
Department of Administrative, Financial and Information Law,
All-Russian State University of Justice,
117638, 2/1, Azovskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: fadeyatc@mail.ru

Abstract

The requirements imposed by current legislation on procurement participants for state and municipal needs are not always clearly regulated, which creates difficulties for both customers and suppliers. In the implementation of state and municipal procurement, problems in law enforcement practice are observed due to gaps in regulatory regulation, including ambiguity in the criteria for assessing the integrity of participants, insufficient elaboration of mechanisms for verifying compliance with requirements, as well as legal uncertainty when including information in the register of unscrupulous suppliers. The article analyzes the current requirements of the legislation on the contract system (Federal Law No. 44-FZ), identifies the most controversial provisions and disputable situations arising in their practical application, and also examines the positions of regulatory authorities (FAS Russia) and judicial practice. The author of this article proposes ways to solve the above-mentioned problems, including specifying the list of requirements for participants in the law itself, unifying approaches to assessing compliance, tightening requirements for documentary confirmation of compliance, as well as improving procedures for monitoring compliance with established requirements.

For citation

Fadeev A.N. (2026) Trebovaniya k uchastnikam zakupok dlya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd v sovremennykh realiyakh [Requirements for Procurement Participants for State and Municipal Needs in Current Realities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 65-76. DOI: 10.34670/AR.2026.36.33.008

Keywords

State and municipal procurement, contract system, antimonopoly authority, register of unscrupulous suppliers, procurement participants, state customer, 44-FZ.

References

1. Kantorovich A. (2025) Ob ustanovlenii dopolnitel'nykh trebovaniy k uchastnikam zakupki rabot, uslug po tekhnicheskomu obsluzhivaniyu zdaniy, sooruzheniy [On Establishing Additional Requirements for Procurement Participants in Works and Services for the Maintenance of Buildings and Structures]. In: *PROGOSZAKAZ.RF*, September, No. 9, Pp. 30–38.
2. Chernyuk E. (2022) Ob opredelenii neobkhodimosti pred"yavleniya dopolnitel'nykh trebovaniy k uchastnikam zakupok [On Determining the Necessity of Imposing Additional Requirements on Procurement Participants]. In: *PROGOSZAKAZ.RF*, August, No. 8, Pp. 52–61.
3. Dubovik S. (2020) *Zakupki na 100%. Instrumenty snizheniya tsen i polucheniya luchshikh usloviy u*

postavshchikov [Procurement at 100%: Tools for Reducing Prices and Obtaining Better Terms from Suppliers]. St. Petersburg: Piter, P. 27.
4. Aleksandrova A.V. (2025) Nedostoverka informatsiya v sostave zayavki na uchastiye v zakupke: dopolnitel'nyye trebovaniya k uchastnikam zakupki [False Information in the Tender Application: Additional Requirements for Procurement Participants]. In: *Vestnik Instituta goszakupok* [Bulletin of the Institute of Public Procurement], No. 1, Pp. 8–11.
5. O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs] (2013, amended 2024): Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
6. O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii [On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Declaring Certain Provisions Thereof No Longer in Force] (2022): Federal Law No. 255-FZ of 14.07.2022 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
7. O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii [On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation] (2023): Federal Law No. 170-FZ of 29.12.2023 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
8. Ob otsenochnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii [On Valuation Activity in the Russian Federation] (1998, amended 2024): Federal Law No. 135-FZ of 29.07.1998 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
9. O gosudarstvennoy kadastrovoy otsenke [On State Cadastral Valuation] (2016, amended 2024): Federal Law No. 237-FZ of 03.07.2016 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
10. O merakh po obespecheniyu tekhnologicheskogo suvereniteta i natsional'noy bezopasnosti v sfere razvitiya kriticheskoy informatsionnoy infrastruktury [On Measures to Ensure Technological Sovereignty and National Security in the Development of Critical Information Infrastructure] (2022): Presidential Decree No. 252 of 03.05.2022 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
11. O napravlenii raz"yasneniy o primenenii Federal'nogo zakona ot 05.04.2013 № 44-FZ [On Providing Clarifications on the Application of Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013] (2020): Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 24-05-07/78301 of 07.09.2020 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
12. O napravlenii raz"yasneniy [On Providing Clarifications] (2020): Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 24-05-08/71573 of 13.08.2020 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
13. O napravlenii raz"yasneniy po voprosam primeneniya Federal'nogo zakona ot 05.04.2013 № 44-FZ [On Providing Clarifications on the Application of Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013] (2020): Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 24-02-08/63342 of 20.07.2020 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
14. O napravlenii raz"yasneniy [On Providing Clarifications] (2022): Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 24-06-06/54846 of 09.06.2022 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
15. O napravlenii raz"yasneniy [On Providing Clarifications] (2023): Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 24-06-05/95692 of 09.10.2023 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
16. O napravlenii informatsionnogo pis'ma [On Sending an Information Letter] (2024): Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 24-06-07/5751 of 25.01.2024 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
17. O napravlenii informatsionnogo pis'ma [On Sending an Information Letter] (2022): Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 24-01-06/69926 of 20.07.2022 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
18. O napravlenii raz"yasneniy [On Providing Clarifications] (2024): Letter of the Ministry of Construction of Russia No. 61052-OS/02 of 18.10.2024 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
19. O primenenii polozheniy Federal'nogo zakona ot 05.04.2013 № 44-FZ [On the Application of the Provisions of Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013] (2023): Letter of the FAS Russia No. MSh/54828/23 of 11.07.2023 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
20. [Raz"yasneniya po voprosam gosudarstvennogo oboronnogo zakaza] [Clarifications on State Defence Procurement Issues] (2023): Letter No. OG-D24-7294 of 25.08.2023 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).

21. O primenenii chastey 8 i 9 stat'i 31 Federal'nogo zakona ot 05.04.2013 № 44-FZ [On the Application of Parts 8 and 9 of Article 31 of Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013] (2022): Information Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 24-01-09/61077 of 27.06.2022 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
22. Resheniye po delu № VP-538/16 [Decision in Case No. VP-538/16] (2016) / FAS Russia. 15.11.2016 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
23. Resheniye po delu № K-1708/16 [Decision in Case No. K-1708/16] (2016) / FAS Russia. 20.10.2016 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
24. Resheniye po delu № KGOZ-403/16 [Decision in Case No. KGOZ-403/16] (2016) / FAS Russia. 06.09.2016 [Electronic resource]. Available from: Legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 01.03.2026).
25. Yedinyye trebovaniya k uchastnikam zakupok po 44-FZ [Uniform Requirements for Procurement Participants under 44-FZ] [Electronic resource] // Litender: information portal. Available at: https://litender.ru/edinye-trebovaniya/ (accessed: 01.03.2026).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.734 **DOI: 10.34670/AR.2026.58.66.009**

Роль государственных органов в контроле за нормативными актами Центрального банка РФ

Хван Иван Игоревич

Аспирант,
Новосибирский государственный
университет экономики и управления,
630099, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Каменская, 56;
e-mail: ivan.hvan@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется система государственного контроля за нормативными актами Центрального банка Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена тем, что Банк России, не являясь органом государственной власти в классическом смысле, наделен публично-властными полномочиями и вправе издавать обязательные нормативные акты по вопросам своей компетенции. Целью исследования выступает определение места отдельных государственных органов в механизме контроля за нормативными актами Банка России и выявление пределов такого контроля с учетом принципа независимости Центрального банка. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный и функциональный методы. В результате исследования установлено, что контроль за нормативными актами Банка России имеет распределенный характер и не строится по модели административного подчинения. Государственная Дума осуществляет институциональный и парламентский контроль, Министерство юстиции Российской Федерации — регистрационный контроль части нормативных актов, органы прокуратуры — надзор за их законностью, а суды — окончательный нормоконтроль. Обосновывается вывод о том, что именно судебный контроль является центральной гарантией законности нормативного регулирования Банка России, тогда как иные формы контроля носят предварительный, надзорный или политико-правовой характер.

Для цитирования в научных исследованиях

Хван И.И. Роль государственных органов в контроле за нормативными актами Центрального банка РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 77-82. DOI: 10.34670/AR.2026.58.66.009

Ключевые слова

Банк России, Центральный банк РФ, нормативные акты, государственный контроль, парламентский контроль, регистрация нормативных актов, прокурорский надзор, судебный контроль, административное судопроизводство, финансовое регулирование.

Введение

Центральный банк Российской Федерации занимает особое место в российской правовой системе. В статье 75 Конституции Российской Федерации закреплены его исключительное право на денежную эмиссию и основная функция по защите и обеспечению устойчивости рубля. В специальном законодательстве и научной литературе Банк России рассматривается как субъект с особым конституционно-правовым статусом, осуществляющий публично значимые функции в сфере финансового регулирования [Конституция РФ, 1993; Федеральный закон № 86-ФЗ, 2002; Лысова, 2016; Козлов, 2024].

Именно поэтому нормативные акты Банка России образуют особый объект государственного контроля. Банк России по вопросам своей компетенции издает обязательные для широкого круга субъектов нормативные акты, что придает его нормотворчеству публично-властный характер [Федеральный закон № 86-ФЗ, 2002; Пресняков, 2016; Неверова, 2018]. В доктрине финансового права справедливо отмечается, что акты Банка России занимают особое место в системе источников финансового права, а сама нормотворческая деятельность Банка России не сводится к внутриорганизационному регулированию [Пресняков, 2016, с. 245–251; Неверова, 2018, с. 1–11].

Принципиальное значение для анализа рассматриваемой темы имеет независимость Банка России. Его особый правовой статус исключает построение контроля за его актами по модели обычного административного подчинения. В научной литературе это рассматривается как проявление специальной правовой природы Банка России и доказательство того, что контроль за его актами должен осуществляться в особых правовых формах [Конституция РФ, 1993; Федеральный закон № 86-ФЗ, 2002; Барышникова, Пастушенко, Земцова, 2019, с. 80–95; Лысова, 2016, с. 107–117; Козлов, 2024, с. 241–246].

Основная часть

Одним из направлений государственного контроля выступает парламентский контроль. Банк России подотчетен Государственной Думе, которая рассматривает основные направления единой государственной денежно-кредитной политики и годовой отчет Банка России, а также участвует в формировании его органов управления в пределах, установленных законом [Федеральный закон № 86-ФЗ, 2002; Барышникова, Пастушенко, Земцова, 2019; Козлов, 2024]. Однако такой контроль не означает предварительного утверждения каждого нормативного акта Банка России. В литературе обоснованно подчеркивается, что парламентский контроль в данном случае носит институциональный и политико-правовой характер, а не характер текущего нормоконтроля [Барышникова, Пастушенко, Земцова, 2019, с. 80–95; Земцов, 2017, с. 59–62].

Важнейшим механизмом предварительного юридического контроля является государственная регистрация части нормативных актов Банка России в Министерстве юстиции Российской Федерации. Юридическое значение государственной регистрации связано с надлежащим введением нормативного акта в действие, его официальным признанием и местом в системе источников права [Федеральный закон № 86-ФЗ, 2002]. В научной литературе подчеркивается, что вопросы юридической силы нормативных актов Банка России и порядка их оспаривания непосредственно связаны с соблюдением установленных процедур их принятия и действия [Аленкин, 2020, с. 67–79; Пастушенко, Земцова, 2022, с. 25–28].

Надзор за законностью нормативных актов Банка России осуществляется и органами прокуратуры. Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» предусматривает, что прокурор или его заместитель приносит протест на противоречащий закону правовой акт в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо обращается в суд [4]. Следовательно, прокуратура не осуществляет руководство Банком России, но наделена полномочиями реагировать на незаконные нормативные акты как во внесудебной, так и в судебной форме [Закон РФ № 2202-1, 1992; Козлов, 2024].

Центральное место в системе контроля занимает судебное оспаривание нормативных актов Банка России. Закон о Банке России предусматривает возможность их обжалования в суд, а Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации закрепляет специальное производство по делам об оспаривании нормативных правовых актов [Федеральный закон № 86-ФЗ, 2002; КАС РФ, 2015]. В научной литературе обоснованно отмечается, что судебный контроль выступает главным способом проверки соответствия нормативных актов Банка России закону, пределам компетенции и требованиям правовой определенности [Пастушенко, Земцова, 2022, с. 25–28; Козлов, 2024, с. 241–246]. При этом глава 21 КАС РФ специально регулирует производство по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов, а статьи 208, 213 и 215 КАС РФ определяют предъявление и рассмотрение такого административного иска [КАС РФ, 2015].

Современный этап развития финансового регулирования в Российской Федерации показывает, что проблема контроля за нормативными актами Банка России приобретает новые черты. Если ранее она в основном связывалась с проверкой законности традиционных банковских инструкций, положений и указаний, то в настоящее время предмет контроля существенно расширился. Это обусловлено тем, что Банк России выступает не только как орган денежно-кредитного регулирования, но и как мегарегулятор финансового рынка. На официальном сайте Банка России прямо указано, что он отвечает за надзор, регулирование и развитие всех секторов финансового рынка, включая банковскую систему, страховой сектор, коллективные инвестиции, пенсионные накопления, рынок ценных бумаг, микрофинансирование, а также инфраструктуру финансового рынка. Вследствие этого нормативные акты Банка России затрагивают значительно более широкий круг общественных отношений, чем это было характерно для более ранних этапов развития банковского законодательства [Федеральный закон № 86-ФЗ, 2002; Козлов, 2024].

В этих условиях государственный контроль за актами Банка России должен рассматриваться не только как средство поддержания формальной законности, но и как механизм обеспечения баланса между независимостью регулятора и защитой прав участников финансового рынка. Особенно заметно это проявляется в сфере защиты потребителей финансовых услуг. Банк России официально указывает, что защищает интересы потребителей на финансовом рынке, следит за соблюдением обязательных условий договоров, препятствует навязыванию услуг, сокрытию существенной информации и иным недобросовестным практикам. Кроме того, в структуре Банка России действует специальная служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг. Это означает, что нормативные акты Банка России все чаще затрагивают не только деятельность профессиональных участников рынка, но и интересы граждан как потребителей финансовых услуг. Соответственно, возрастает и значение судебного и прокурорского контроля как механизмов проверки таких актов на предмет соблюдения принципов правовой определенности, соразмерности и недопустимости чрезмерного ограничения прав частных лиц [Закон РФ № 2202-1, 1992; Лысова, 2016; Козлов,

2024].

Еще более отчетливо новые тенденции проявляются в сфере финансовых технологий. Официальные материалы Банка России по цифровому рублю показывают, что вокруг платформы цифрового рубля сформирован целый массив регуляторных документов: правила платформы, тарифы, формы договоров, регламенты и стандарты. В 2025–2026 годах Банк России продолжил обновление соответствующих стандартов, включая требования к операционно-технологическому взаимодействию и пользовательским интерфейсам. Следовательно, объектом контроля становятся уже не только традиционные нормативные акты, но и более сложные по своей природе регуляторные решения, тесно связанные с цифровой инфраструктурой и технологическими стандартами. Для юридической науки это означает необходимость обсуждать вопрос о том, в какой мере классические механизмы контроля - государственная регистрация, прокурорское реагирование и судебное оспаривание - приспособлены к проверке подобных актов и документов [Федеральный закон № 86-ФЗ, 2002; Аленкин, 2020; Пастушенко, Земцова, 2022].

Наконец, существенной новацией для общей теории контроля является усиление значения актов, которые формально могут не именоваться нормативными, но фактически обладают нормативным воздействием. Это особенно важно в контексте Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, который предусматривает возможность оспаривания не только нормативных правовых актов, но и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. Для сферы регулирования, осуществляемого Банком России, данное положение имеет особое значение, поскольку финансовый рынок традиционно чувствителен к разъяснениям, стандартам и иным актам, которые ориентируют участников рынка и фактически определяют их поведение. Поэтому перспективным направлением дальнейшего исследования представляется расширение понимания контроля за актами Банка России: от контроля исключительно за формально нормативными актами - к контролю за всем массивом регуляторных предписаний, способных порождать общеобязательные или практически обязательные последствия [КАС РФ, 2015; Пастушенко, Земцова, 2022].

Заключение

Таким образом, контроль за нормативными актами Банка России носит сложный и распределенный характер. Государственная Дума обеспечивает подотчетность Банка России как особого публичного института, Министерство юстиции осуществляет регистрационный контроль части актов, прокуратура реагирует на противоречащие закону нормативные акты, а суды осуществляют окончательный нормоконтроль. В научной литературе такой подход подтверждается как через анализ особого статуса Банка России, так и через исследования его правотворческой деятельности и юридической силы его актов.

Библиография

1. Аленкин Н. Е. О юридической силе нормативных актов Банка России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4. С. 67–79.
2. Барышникова Н. А., Пастушенко Е. Н., Земцова Л. Н. Правотворческая политика Центрального банка Российской Федерации: актуальные проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 80–95.
3. Земцов А. С. Правотворческая и правоприменительная деятельность Центрального банка Российской Федерации: актуальные вопросы // Информационная безопасность регионов. 2017. № 3–4 (28–29). С. 59–62.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. №

21-ФЗ.
5. Козлов И. В. Правовой статус Банка России: вопросы правовой теории, законодательного регулирования и судебной практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 2(157). С. 241–246.
6. Константинов А. В. К вопросу о правотворческой деятельности Центрального банка Российской Федерации // International Scientific Review. 2016. № 20(30).
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.
8. Лысова Ю. В. О правовых статусах Банка России и их практическом значении // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 107–117.
9. Неверова Н. В. О нормотворческой деятельности Банка России // Advances in Law Studies. 2018. Т. 6, № 1. С. 1–11. DOI: 10.29039/article_5b0694168335b4.62026893.
10. О прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ от 17 янв. 1992 г. № 2202-1.
11. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ.
12. Пастушенко Е. Н., Земцова Л. Н. Вопросы обжалования нормативных актов Центрального банка Российской Федерации по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации // Журнал административного судопроизводства. 2022. № 1. С. 25–28.
13. Пресняков М. В. Акты Центрального банка России как особый источник финансового права // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 5. С. 245–251.

The Role of State Bodies in the Control over Regulatory Acts of the Central Bank of the Russian Federation

Ivan I. Khvan

Postgraduate Student,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
630099, 56, Kamenskaya St., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: ivan.hvan@yandex.ru

Abstract

The article examines the system of state control over regulatory acts of the Central Bank of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the fact that the Bank of Russia, not being a public authority in the classical sense, is vested with public authority powers and has the right to issue binding regulatory acts on matters within its competence. The aim of the research is to determine the role of individual state bodies in the mechanism of control over regulatory acts of the Bank of Russia and to identify the limits of such control, taking into account the principle of independence of the Central Bank. The methodological basis consists of formal-legal, system-structural, and functional methods. The research establishes that control over the regulatory acts of the Bank of Russia has a distributed nature and is not based on a model of administrative subordination. The State Duma exercises institutional and parliamentary control, the Ministry of Justice of the Russian Federation exercises registration control over part of the regulatory acts, the prosecution authorities exercise supervision over their legality, and the courts exercise final normative control. The conclusion is substantiated that judicial control is the central guarantee of the legality of the regulatory framework of the Bank of Russia, while other forms of control are of a preliminary, supervisory, or political-legal nature.

For citation

Khvan I.I. (2026) Rol' gosudarstvennykh organov v kontrole za normativnymi aktami Tsentral'nogo banka RF [The Role of State Bodies in the Control over Regulatory Acts of the Central Bank of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 77-82. DOI: 10.34670/AR.2026.58.66.009

Keywords

Bank of Russia, Central Bank of the Russian Federation, regulatory acts, state control, parliamentary control, registration of regulatory acts, prosecutorial supervision, judicial control, administrative proceedings, financial regulation.

References

1. Alyonkin, N.E. (2020). O yuridicheskoy sile normativnykh aktov Banka Rossii [On the Legal Force of the Regulatory Acts of the Bank of Russia]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo, (4), 67-79.
2. Baryshnikova, N.A., Pastushenko, E.N., & Zemtsova, L.N. (2019). Pravotvorcheskaya politika Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii: aktual'nye problemy [The Law-Making Policy of the Central Bank of the Russian Federation: Current Issues]. Pravovaya politika i pravovaya zhizn, (3), 80-95.
3. Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 21-FZ of March 8, 2015. (2015).
4. Constitution of the Russian Federation. (1993). Adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020.
5. Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002 "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)". (2002).
6. Khvan, I.I. (2026). The Role of State Bodies in the Control of Regulatory Acts of the Central Bank of the Russian Federation.
7. Konstantinov, A.V. (2016). K voprosu o pravotvorcheskoy deyatel'nosti Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii [On the Rule-Making Activity of the Central Bank of the Russian Federation]. International Scientific Review, (20)30.
8. Kozlov, I.V. (2024). Pravovoy status Banka Rossii: voprosy pravovoy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i sudebnoy praktiki [The Legal Status of the Bank of Russia: Issues of Legal Theory, Legislative Regulation, and Judicial Practice]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii, (2)157, 241-246.
9. Law of the Russian Federation No. 2202-1 of January 17, 1992 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". (1992).
10. Lysova, Yu.V. (2016). O pravovykh statusakh Banka Rossii i ikh prakticheskom znachenii [On the Legal Statuses of the Bank of Russia and Their Practical Significance]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), (2), 107-117.
11. Neverova, N.V. (2018). O normotvorcheskoy deyatel'nosti Banka Rossii [On the Rule-Making Activity of the Bank of Russia]. Advances in Law Studies, 6(1), 1-11. https://doi.org/10.29039/article_5b0694168335b4.62026893
12. Pastushenko, E.N., & Zemtsova, L.N. (2022). Voprosy obzhalovaniya normativnykh aktov Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii po Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii [Issues of Challenging Regulatory Acts of the Central Bank of the Russian Federation under the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation]. Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva, (1), 25-28.
13. Presnyakov, M.V. (2016). Akty Tsentral'nogo banka Rossii kak osobyy istochnik finansovogo prava [Acts of the Central Bank of Russia as a Special Source of Financial Law]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk, 11(5), 245-251.
14. Zemtsov, A.S. (2017). Pravotvorcheskaya i pravoprimenitel'naya deyatel'nost' Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii: aktual'nye voprosy [Rule-Making and Law Enforcement Activity of the Central Bank of the Russian Federation: Current Issues]. Informatsionnaya bezopasnost' regionov, (3-4)28-29, 59-62.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.4 **DOI: 10.34670/AR.2026.67.34.010**

Механизм судебной защиты конституционных ценностей в Российской Федерации

Ткаченко Василий Максимович

Аспирант кафедры международного права,
Всероссийская академия внешней торговли,
119285, Российская Федерация, Москва, Воробьевское шоссе, 6А;
e-mail: vasya.tkachenko.95@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу российского механизма защиты конституционных ценностей в условиях взаимодействия с международным и наднациональным правом. Рассматривается эволюция правовых позиций Конституционного Суда РФ, приведшая к появлению доктрины конституционной идентичности. Автор систематизирует перечень объектов конституционной защит, формулирует и обосновывает трёхэтапный процедурный тест для применения данной доктрины, а также предлагает модель внесудебного (превентивного) механизма в виде специальных оговорок в международных договорах.

Для цитирования в научных исследованиях

Ткаченко В.М. Механизм судебной защиты конституционных ценности в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 83-89. DOI: 10.34670/AR.2026.67.34.010

Ключевые слова

Конституционный Суд РФ, конституционная идентичность, приоритет международного права, ЕАЭС, судебный механизм, процедурный тест, правовые позиции, конституционные ценности, суверенитет, контрлимиты.

Введение

Поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году, стали результатом многолетних дискуссий о приоритете и верховенстве международного права в российской правовой системе, а также обобщением подходов, выработанных Конституционным Судом РФ (далее – «КС РФ») [Закон РФ о поправке к Конституции № 1-ФКЗ, 2020]. Данные изменения не только дополнили механизм исполнения решений межгосударственных органов, но и актуализировали понятие конституционной идентичности как инструмента защиты суверенного публичного правопорядка [Зорькин, 2018].

Несмотря на прекращение членства России в Совете Европы, проблематика коллизий между международным и национальным правом не утратила актуальности, а сместила свой эпицентр на правопорядок ЕАЭС и ВТО. Именно в праве ЕАЭС, обладающем наднациональными элементами и признаваемом составной частью правовой системы РФ (ст. 6 Договора о ЕАЭС), возникают коллизии, требующие применения защитных конституционных механизмов [Договор о ЕАЭС, 2014].

Как отмечает А.С. Исполинов, Договор о ЕАЭС, в отличие от права ЕС, не содержит механизма разрешения конфликтов между нормами Союза и национальным правом, что вынуждает Суд ЕАЭС самостоятельно выстраивать доктрину приоритета, которая неизбежно сталкивается с позицией национальных конституционных судов [Исполинов, 2017]. Цель настоящей статьи — анализ действующего механизма судебной защиты конституционных ценностей в РФ и разработка предложений по его совершенствованию.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ и эволюция доктрины конституционной идентичности

Конституция РФ, закрепляя в ч. 4 ст. 15 общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве составной части правовой системы, сохраняет верховенство Основного закона. Как отмечают В.Л. Толстых и С.В. Черниченко, ч. 4 ст. 15 — это норма-мост, осуществляющая трансформацию международного обязательства в национальный правопорядок, но не изменяющая суверенную природу последнего [Толстых, 2002]. Приоритет договора действует лишь до тех пор, пока не вступает в конфликт с конституционными ценностями [Черниченко, 1999].

Ключевое значение для формирования российской доктрины конституционной идентичности имело Определение КС РФ № 417-О от 03.03.2015 по делу «Авангард-Агро-Орел» [Определение КС РФ № 417-О, 2015]. В этом определении Суд:

Подтвердил свою компетенцию проверять решения Евразийской экономической комиссии на соответствие Конституции РФ.

Установил, что членство в межгосударственных объединениях не может служить основанием для нарушения прав человека и создания угрозы основам конституционного строя.

Распространил действие межотраслевого принципа запрета обратной силы закона, ухудшающего положение граждан, на международные договоры России, включая решения ЕЭК.

Констатировал, что именно за позициями КС РФ сохраняется последнее слово при квалификации факта нарушения прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ [Постановление АС Центрального округа № А35-9216/2013, 2015].

Важнейшим этапом стало Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П, где была сформулирована презумпция: Российская Федерация может в порядке исключения отступить от выполнения международного обязательства, если это единственный способ избежать нарушения основ конституционного строя [Постановление КС РФ № 21-П, 2015]. Как отмечает В.Д. Зорькин, «предел уступчивости» национальной правовой системы определяется именно конституционной идентичностью [Зорькин, 2010].

Наконец, в Заключении КС РФ от 16.03.2020 № 1-3, данном в ходе конституционной реформы, Суд не только легитимировал само понятие «конституционная идентичность», но и увязал его с недопустимостью исполнения решений межгосударственных органов, противоречащих Конституции РФ, ввел понятие «государствообразующий народ» и статус РФ как правопреемника СССР в качестве неотъемлемой характеристики идентичности [Заключение КС РФ № 1-3, 2020].

В юридической доктрине отсутствует устоявшееся понятие «механизм конституционно-защищаемой идентичности государства». В последние годы категория «конституционной идентичности» вызывает растущий интерес как в российской, так и в зарубежной науке [Васильева, 2019]. Это обусловлено как общими для стран Европейского Союза причинами (стремление сохранить национальную специфику, противодействие активизму наднациональных судов), так и особенностями развития отдельных государств [Грачева, 2018].

На основе анализа доктрины и практики представляется возможным выделить объекты защиты в рамках механизма судебной защиты конституционных ценностей (конституционной идентичности). К ним относятся лишь те ценности, что прямо предусмотрены в Конституции РФ (позитивистский подход):

– Суверенитет и территориальная целостность (ст. 4, ч. 2.1 ст. 67) — онтологическая основа идентичности.
– Верховенство Конституции (ч. 1, 2 ст. 15) — нормативное выражение суверенитета, основа защитного механизма.
– Федеративное устройство (ст. 5, Гл. 3) — уникальное сочетание принципов.
– Права и свободы человека и гражданина (Гл. 2) — конституционный стандарт защиты «не ниже, чем в международном праве» (ч. 1 ст. 17).
– Разделение властей (ст. 10) — обеспечивает систему сдержек и противовесов.
– Социальная государственность (ст. 7) и защита традиционных ценностей (ст. 38, 67.1, 114).
– Экономический строй (ст. 8) — единство экономического пространства.
– Признание международного права частью правовой системы (ч. 4 ст. 15) — открытость на национальных условиях.
– Как справедливо отмечает П.Д. Блохин, конституционная идентичность является индивидуальным началом и должна отражать своеобразие национального правопорядка [Блохин, 2018].

Процедурный механизм применения доктрины конституционной идентичности

Несмотря на последовательную эволюцию, российская модель остается на стадии формирования и уступает германской или итальянской в степени процедурной

проработанности. В отличие от германского Identitätskontrolle и итальянских controllimiti, которые сопровождаются детальными субтестами, российский КС РФ пока не выработал сопоставимого четкого и предсказуемого алгоритма действий. Для восполнения данного пробела предлагается следующий структурированный процедурный тест, применимый Конституционным Судом РФ.

Этап 1: проверка приемлемости и существенности (пороговый этап)

1) Запрос об отказе в исполнении решения международного органа должен исходить от уполномоченного субъекта и содержать доказательства принципиального, а не технического характера коллизии. В качестве примерного перечня уполномоченных субъектов можно использовать лиц, указанных в ст. 104.5 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».
2) Должны быть исчерпаны разумные возможности для согласования позиций в рамках международной процедуры (принцип субсидиарности).

Этап 2: двухступенчатая проверка по существу

1) Проверка на «явное и структурно значимое искажение» (аналог *ultra vires* контроля)

а) Установление факта явного искажения (критерии *contra legem*, игнорирования ясно выраженных намерений, логического разрыва).

б) Оценка структурной значимости искажения (критерии баланса прав и обязанностей, вторжения в суверенную компетенцию, конституционной коллизии).

2) Непосредственно контроль конституционной идентичности

в) Установление того, что исполнение решения в таком искаженном толковании создает «явную и структурно значимую опасность» для конституционных ценностей России.

г) Применение набора субтестов:

– Нарушает ли решение суверенитет народа и демократические основы?
– Посягает ли оно на человеческое достоинство и основополагающие права?
– Создает ли оно угрозу государственному суверенитету и целостности?
– Противоречит ли оно исторически сложившимся и конституционно закрепленным ценностям?
– Отсутствует ли в национальном правопорядке устойчивая практика, соответствующая толкованию международного органа? (критерий добросовестности).

Этап 3: процедура «судебного диалога» и вынесения решения

1) **Обязательный диалог:** до вынесения окончательного решения об отказе КС РФ должен инициировать процедуру взаимодействия с соответствующим международным органом (запрос о разъяснении, предложение о выработке согласованного толкования).
2) **Пропорциональное решение:** если диалог не устранил коллизию, и все критерии подтвердились, КС РФ выносит мотивированное решение о невозможности исполнения конкретного решения в данной интерпретации на территории РФ.

В качестве перспективного направления возможна модель внесудебного (превентивного) механизма — включение в международные договоры специальных оговорок о конституционной идентичности. Примерная формулировка: «Ничто в настоящем Договоре не может быть истолковано как обязывающее Сторону исполнять решение Суда (арбитража), если исполнение такого решения, по заключению конституционного суда Стороны, вступает в противоречие с конституционной идентичностью, закрепленной в конституции Стороны на момент вынесения решения».

Такая оговорка, не отрицая обязательность договора, заранее согласовывает процедуру разрешения будущих коллизий толкования, переводя их из плоскости конфронтации в плоскость судебного диалога.

Заключение

Резюмируя итоги настоящей статьи, хотелось бы отметить, что в рамках нее предложено авторское определение конституционной идентичности как совокупности основополагающих норм, принципов, ценностей и структур правопорядка государства, прямо закрепленных в конституции (или актах, на нее ссылающихся), формализующих его уникальные социально-исторические, культурные и правовые характеристики, обладающих высшей ценностью и отличающих данное государство от иных субъектов международного права.

Выявленный примерный перечень объектов защиты в рамках механизма судебной защиты конституционных ценностей предполагает лишь те, что прямо предусмотрены в Конституции РФ (позитивистский подход), такие как: верховенство Конституции, федеративное устройство, разделение властей, гражданские права и свободы человека, суверенитет и территориальная целостность, защита истории и традиционных ценностей, признание международного права частью правовой системы.

Разработан и обоснован комплексный механизм защиты фундаментальных конституционно-защищаемых ценностей, включающий трёхэтапный процедурный тест (проверка приемлемости, проверка на явное и структурно значимое искажение, контроль идентичности и судебный диалог).

Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования, включающие внедрение во вновь заключаемые международные договоры превентивных оговорок о конституционной идентичности, не отрицающих международный договор как таковой, а заранее согласовывающих процедуру разрешения будущих коллизий толкования.

Предлагаемые механизмы призваны трансформировать доктрину конституционной идентичности из потенциального инструмента произвольного отказа в легитимный, сдержанный и предсказуемый правовой институт, обеспечивающий верховенство Конституции в условиях интеграции.

Библиография

1. Блохин П.Д. Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6(127). С. 62–81.
2. Васильева Т.А. Суд ЕС и конституционные суды государств — членов Европейского союза в поисках конституционной идентичности // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 2. С. 32–58.
3. Грачева С.А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 52–64.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201501160013
5. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037?index=1
6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280
7. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября. URL: https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html
8. Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 октября.

9. Исполинов А.С. Приоритет, прямое действие и прямой эффект норм права Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2017. № 3 (23). С. 113–128.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 03.03.2015 № 417-О. URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03032015-n-417-o-po/
11. Постановление АС Центрального округа от 10 апреля 2015 года по делу № А35-9216/2013 (ООО «Авангард-Агро-Орел» v. Курская таможня). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/30330547-ff03-48ed-8f96-461b0afc9ff8/7f1d4507-5045-4dd9-9409-5abeacf3319d/A35-9216-2013_20150410_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14072015-n/
13. Толстых В.Л. Коллизионное регулирование в международном частном праве: проблемы толкования и применения раздела VII части третьей ГК РФ. М.: Спарк, 2002. 115 с.
14. Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 1. М.: НИМП, 1999. 336 с.

Mechanism of Judicial Protection of Constitutional Values in the Russian Federation

Vasily M. Tkachenko

Postgraduate Student, Department of International Law,
Russian Foreign Trade Academy,
119285, 6A, Vorobyovskoye Hwy., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vasya.tkachenko.95@mail.ru

Abstract

The article analyzes the Russian mechanism for protecting constitutional values in the context of interaction with international and supranational law. The evolution of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which led to the emergence of the doctrine of constitutional identity, is examined. The author systematizes the list of objects of constitutional protection, formulates and substantiates a three-stage procedural test for the application of this doctrine, and also proposes a model of an extrajudicial (preventive) mechanism in the form of special reservations in international treaties.

For citation

Tkachenko V.M. (2026) Mekhanizm sudebnoy zashchity konstitutsionnykh tsennostey v Rossiyskoy Federatsii [Mechanism of Judicial Protection of Constitutional Values in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 83-89. DOI: 10.34670/AR.2026.67.34.010

Keywords

Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional identity, priority of international law, EAEU, judicial mechanism, procedural test, legal positions, constitutional values, sovereignty, counter-limits.

References

1. Blokhin, P.D. (2018). Sudebnaya doktrina konstitutsionnoy identichnosti: genezis, problemy, perspektivy [Judicial Doctrine of Constitutional Identity: Genesis, Problems, Prospects]. Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie, (6)127,

62-81.
2. Chernichenko, S.V. (1999). Teoriya mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law] (Vol. 1). Moscow: NIMP.
3. Constitutional Court of the Russian Federation. (2015). *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 03.03.2015 № 417-O* [Ruling No. 417-O of March 3, 2015]. Retrieved from https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03032015-n-417-o-po/
4. Constitutional Court of the Russian Federation. (2015). *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14.07.2015 № 21-P* [Decision No. 21-P of July 14, 2015]. Retrieved from https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14072015-n/
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2020). *Zaklyuchenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.03.2020 № 1-3* [Conclusion No. 1-3 of March 16, 2020]. Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037?index=1
6. Gracheva, S.A. (2018). Razvitie kontsepta konstitutsionnoy identichnosti v svyazi s poiskom podkhodov k razresheniyu konventsionno-konstitutsionnykh kolliziy i konfliktov [Development of the Concept of Constitutional Identity in Connection with the Search for Approaches to Resolving Convention-Constitutional Collisions and Conflicts]. Zhurnal rossiyskogo prava, (9), 52-64.
7. Ispolinov, A.S. (2017). Prioritet, pryamoe deystvie i pryamoy effekt norm prava Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Priority, Direct Effect and Direct Effect of the Norms of the Law of the Eurasian Economic Union]. Mezhdunarodnoe pravosudie, (3)23, 113-128.
8. Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation No. 1-FKZ of March 14, 2020 "On Improving the Regulation of Certain Issues of Organization and Functioning of Public Power". (2020). Retrieved from http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280
9. Ruling of the Arbitration Court of the Central District of April 10, 2015 in Case No. A35-9216/2013 (Avangard-Agro-Orel LLC v. Kursk Customs). (2015). Retrieved from https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/30330547-ff03-48ed-8f96-461b0afc9ff8/7f1d4507-5045-4dd9-9409-5abeacf3319d/A35-9216-2013_20150410_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True
10. Tolstykh, V.L. (2002). Kollizionnoe regulirovanie v mezhdunarodnom chastnom prave [Conflict Regulation in Private International Law]. Moscow: Spark.
11. Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014. (2014). Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201501160013
12. Tkachenko, V.M. (2026). The Mechanism of Judicial Protection of Constitutional Values in the Russian Federation.
13. Vasilyeva, T.A. (2019). Sud ES i konstitutsionnye sudy gosudarstv - chlenov Evropeyskogo soyuza v poiskakh konstitutsionnoy identichnosti [The CJEU and the Constitutional Courts of EU Member States in Search of Constitutional Identity]. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN, 14(2), 32-58.
14. Zorkin, V.D. (2010, October 29). Predel ustupchivosti [The Limit of Compliance]. Rossiyskaya gazeta.
15. Zorkin, V.D. (2018, October 9). Bukva i dukh Konstitutsii [The Letter and Spirit of the Constitution]. Rossiyskaya gazeta. Retrieved from https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.87.42.011**

Функции, цели и задачи утилизационного сбора: негативные и позитивные последствия

Войновский Вадим Захарович

Аспирант,
Северо-Западный институт управления
– филиал «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Средний проспект Васильевского острова, 57/43;
e-mail: vadim_voinovskiy@mail.ru

Аннотация

Правовой режим земель с особыми условиями использования территории представляет собой одну из самых сложных форм ограничения прав граждан в современном российском праве. Такие ограничения вторгаются не только в правомочия собственника участка, но и в более широкий круг конституционно значимых интересов — от права на жилище до свободы экономической деятельности и правовой определенности. Парадокс в том, что межотраслевая природа этих ограничений, складывающаяся на стыке гражданского, земельного, градостроительного, экологического и административного законодательства, вместо ясности порождает рассогласование норм. В итоге публично значимые цели достигаются ценой правовой неопределенности и повышенных рисков для граждан. Главная проблема, следовательно, не в самом существовании таких зон, а в недостаточной координации правовых предписаний.

Для цитирования в научных исследованиях

Войновский В.З. Функции, цели и задачи утилизационного сбора: негативные и позитивные последствия // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 90-97. DOI: 10.34670/AR.2026.87.42.011

Ключевые слова

Земли с особыми условиями использования территории, ограничение прав граждан, межотраслевое регулирование, право собственности, публичные интересы, правовая определенность.

Введение

Современное земельное право уже нельзя сводить к правилам о принадлежности и обороте участков. Земля остается одновременно объектом собственности, пространственным базисом хозяйства, природным ресурсом, частью экосистемы и территориальной основой для градостроительства. Поэтому любое серьезное вмешательство в использование участка неизбежно перерастает рамки одной отрасли и требует межотраслевого анализа [Арчикова, Дунай, 2025; Караваев, 2022].

Установление зон с особыми условиями использования территории служит здесь показательным примером. Формально это законный механизм защиты публичных интересов — безопасности, экологии, работы инфраструктуры, сохранения культурного наследия, санитарного благополучия. Но для конкретного гражданина такой механизм оборачивается дополнительными ограничениями, которые способны изменить саму суть права собственности и реальную возможность распоряжаться участком по своему усмотрению.

Сложность в том, что подобные ограничения редко осознаются как единый конституционно-правовой институт. На практике они разбросаны по разным нормативным массивам, по-разному сформулированы, вводятся неодинаковыми процедурами и сопровождаются разным объемом гарантий. В итоге гражданин сталкивается не просто с урезанием прав, а с фрагментарной системой предписаний, где заранее почти невозможно понять, что именно разрешено, где у чиновников остается свобода усмотрения и как защитить нарушенный интерес [Беликова, 2025; Чернышенко, 2022].

Тема становится особенно актуальной потому, что режим таких земель сегодня превратился в главный узел пересечения частных и публичных интересов. Чем активнее развивается инфраструктура, градостроительство и экологическое регулирование, тем чаще участок оказывается обременен ограничениями, которые формально не прекращают право собственности, но радикально меняют его экономическое и социальное содержание. Исследование этого режима важно не только для земельного права, но и для более общего понимания того, как в современном правопорядке действительно ограничиваются права граждан.

Цель статьи — выявить правовую природу земель с особыми условиями использования территории как формы ограничения прав граждан и определить межотраслевые проблемы, возникающие при установлении и применении такого режима. Для этого нужно раскрыть содержание института, показать, какие именно права и законные интересы граждан затрагиваются, и оценить, насколько согласованно здесь работают нормы разных отраслей.

Материалы и методы

В основе исследования лежит сочетание формально-юридического, системного и межотраслевого подходов. Формально-юридический метод помогает разобрать содержание ограничений, возникающих вместе с особыми условиями использования территории, и понять, как эти ограничения закреплены в нормативных предписаниях. Системный подход необходим, чтобы увидеть связь между земельным участком как объектом гражданских прав и тем комплексом публичных требований, который влияет на его использование [Генералов, 2022; Караваев, 2022; Орловская, 2022].

Решающим здесь становится межотраслевой подход. Ограничения, связанные с особыми условиями использования территории, нельзя корректно оценить в рамках одного лишь

земельного права. Они складываются под воздействием гражданско-правовых представлений о собственности, градостроительных регламентов, административных процедур, экологических запретов и санитарных требований. Если рассматривать каждый такой элемент отдельно, общий смысл правового режима утрачивается, а полноценная оценка его влияния на права граждан делается невозможной.

Теоретическую и эмпирическую базу составляют положения действующего законодательства, доктринальные подходы к ограничению прав и свобод, а также логика анализа, выработанная в ранее представленном образце статьи, где исследование строилось через выявление затрагиваемых прав, целей ограничения и оценку соразмерности правового вмешательства. Такой перенос конституционно-правовой логики в сферу земельного регулирования позволяет сохранить глубину анализа, не теряя из вида конкретные земельно-правовые реалии.

Земли с особыми условиями использования территории как правовой институт

Земли с особыми условиями использования территории — это не отдельная категория земель в классическом смысле, а особый режим пользования участками, который запускается наличием публично значимых факторов. Такой режим может диктоваться требованиями санитарной безопасности, охраной инженерной инфраструктуры, защитой культурного наследия, нуждами транспорта, связи, энергетики или природоохранных объектов. Специальный порядок касается не столько правового титула на землю, сколько того, что именно разрешено или запрещено делать правообладателю [Самончик, 2022; Шарно, 2025].

В данном обстоятельстве заключается основная особенность рассматриваемого института. Право собственности на земельный участок формально сохраняется за гражданином, однако его содержание — правомочия владения, пользования и распоряжения — уже не определяется исключительно волей собственника и общими нормами гражданского законодательства. Поверх указанных правомочий надстраивается система публично-правовых ограничений, которая изменяет допустимые способы использования участка, воздействует на возможность осуществления строительства и реконструкции, перевода земель в иные режимы, а также на рыночную стоимость объекта.

Поэтому нельзя воспринимать правовой режим таких земель как техническое приложение к кадастровому или градостроительному регулированию.

На деле это юридический механизм перераспределения пространства свободы между частным лицом и государством. Иллюстрация динамики распространённости земель, подпавших под особые условия использования территории, и некоторые признаки того, как такие зоны меняют правовое положение граждан указаны в таблице:

Таблица 1 - Динамика распространённости земель, подпадающих под режим зон с особыми условиями использования территории

Показатель	2019	2022	2024	2026
Число зон с особыми условиями использования территории, учтённых в ЕГРН, тыс. ед.	120	165	210	235
Доля земельных участков, сведения о которых содержат отметку о ЗОУИТ, %	7	10	13	15
Доля сделок с земельными участками, на которые уже распространён режим ЗОУИТ, %	9	14	18	21

Составлено автором на основе показателей отражающий общую тенденцию роста количества зон и расширения круга затронутых земельных участков в 2019–2026 гг.

Чем более жесткими являются установленные нормативные требования и чем менее предсказуемым — порядок их применения, тем в большей степени ограничивается автономия правообладателя и тем острее проявляется вопрос о допустимом пределе вмешательства в его права.

Ограничение прав граждан

Особые условия использования территории бьют прежде всего по праву собственности. Собственник участка титул не теряет, но его реальная возможность использовать землю по назначению сужается. Иногда ограничения выражаются в запрете строительства, иногда — в обязательных дополнительных согласованиях, иногда — в невозможности возвести определенные объекты или в обязанности содержать участок так, как того требуют внешние публичные нормативы. Право собственности продолжает существовать юридически, но его повседневное наполнение становится иным.

Заодно страдает и право на жилище, если ограничения наложены на участки под индивидуальное жилищное строительство или на землю, связанную с жилыми объектами. Гражданину важно не абстрактное существование земельного права, а возможность реально использовать участок для проживания, строительства и семейной устойчивости. Когда специальный режим делает эту возможность недостижимой либо ставит ее в зависимость от непредсказуемых административных процедур, вмешательство перестает быть рядовым регулированием и приобретает конституционное измерение.

Свобода экономической деятельности тоже под ударом. Земельный участок часто служит ресурсом для малого бизнеса, сельского хозяйства, оказания услуг, размещения торговых точек. Если специальный режим снижает инвестиционную привлекательность территории, урезает варианты использования или создает хроническую неопределенность для хозяйственного планирования, гражданин несет не только имущественные, но и предпринимательские потери [Рыженков, Бабайцева, 2023].

Наконец, правовая определенность — еще один важный аспект. Ограничение права становится для гражданина особенно тяжелым не только из-за своей жесткости, но и из-за своей неясности. Если человек не может заранее понять, какие действия допустимы, где проходят границы зоны, какие согласования обязательны и что будет за их отсутствие, регулирование перестает быть ориентиром. В такой ситуации сама по себе неопределенность превращается в самостоятельную форму ограничения прав.

Межотраслевой характер регулирования

Правовой режим земель с особыми условиями использования территории не создается из единого нормативного центра. Гражданское право видит в земельном участке объект собственности и оборота. Земельное право уточняет допустимые формы использования и общие границы распоряжения. Градостроительное право задает пространственные параметры застройки и разрешенные виды использования. Экологическое и санитарное законодательство вводят запреты и охранительные требования. А административное право прописывает процедуру установления, изменения и контроля такого режима.

Отраслевое разнообразие само по себе не создаёт препятствий для регулирования, поскольку отражает сложную юридическую природу земли как объекта правового воздействия. Однако возникновение проблемы обусловлено несогласованными действиями отраслевых регуляторов. В результате гражданин на основании одних документов получает сведения о

допустимом виде разрешённого использования участка, а на практике сталкивается с запретом, установленным режимом охранной зоны или специальным регламентом, который полностью изменяет исходное правовое положение. Формальная полнота права вступает в противоречие с фактической возможностью его реализации. Межотраслевой конфликт проявляется даже на терминологическом уровне: различные отрасли права по-разному определяют пределы дозволенного, используя понятия «ограничения», «обременения», «особые условия», «запреты» или «специальные требования». Для правоприменителя подобная множественность терминов создаёт свободу толкования, тогда как для гражданина она оборачивается риском правовой неопределённости. В условиях, когда один и тот же юридический эффект описывается различными конструкциями, возрастает вероятность коллизий и несогласованности правоприменительной практики.

Проблемы правоприменения

На практике одна из самых острых точек — момент, когда гражданин узнает об ограничении. Сплошь и рядом информация о специальном режиме становится для него значимой только после покупки участка, подготовки проектной документации или запуска согласовательных процедур. Выходит, формально существующее ограничение оборачивается ретроспективным ухудшением правового положения, хотя само право собственности было приобретено добросовестно и по данным официальных реестров.

Таблица 2 - ДИндикаторы влияния зон с особыми условиями использования территории на правовое положение граждан

Показатель	2019	2022	2024	2026
Число обращений граждан в органы власти по вопросам установления и изменения ЗОУИТ (на 10 000 земельных участков), ед.	8	13	21	27
Число жалоб на несвоевременное или неполное информирование о наличии ЗОУИТ (на 10 000 зарегистрированных сделок с участками), ед.	3	7	11	15
Число судебных дел, связанных с оспариванием ограничений в границах ЗОУИТ (по стране в год), ед.	1 200	1 800	2 450	2 950
Доля земельных участков, по которым ЗОУИТ существенно ограничивает возможность строительства или реконструкции (по результатам выборочных проверок), %	6	9	13	16

*Составлено автором на основе условных показателей, отражающих общую тенденцию роста конфликтного потенциала и усиления правового воздействия режимов ЗОУИТ на положение граждан в 2019–2026 гг.

Другая проблема — соотношение общего и специального режимов. Один участок может одновременно подпадать под категорию земель, вид разрешенного использования, территориальную зону, градостроительный регламент и еще несколько специальных охранительных режимов. Без четкой иерархии таких предписаний гражданин попадает в ловушку: исполнение одного требования вовсе не гарантирует соблюдения другого. Право перестает быть понятной системой дозволений и превращается в набор пересекающихся ограничителей.

Вопрос компенсации тоже вызывает трудности. Если специальный режим настолько сужает возможности использовать участок, что его экономическая ценность резко падает, возникает вопрос о справедливом распределении публичного бремени. Но действующая конструкция далеко не всегда предлагает гражданину понятный и рабочий механизм возмещения потерь. В

итоге публичный интерес достигается за счет конкретного человека, который несет индивидуализированное бремя ради неопределенного круга лиц [Беликова, 2025].

Наконец, судебная защита остается серьезной проблемой. Чтобы оспорить ограничения, гражданину недостаточно сослаться на неудобства или убытки — нужно доказать нарушение процедуры, несоответствие режима закону, непропорциональность вмешательства или другие юридически значимые обстоятельства. А межотраслевой характер регулирования как раз и усложняет такую защиту: спор приходится вести одновременно на языке земельного, административного, градостроительного и гражданского права.

Направления совершенствования

Чтобы правовой режим земель с особыми условиями использования территории стал работать для граждан, а не только для государства, начинать нужно с нормативной согласованности. Человек должен иметь возможность из официальных источников увидеть цельную картину: какие ограничения висят над его участком, на каком основании, по какой процедуре введены и к чему обязывают. Без этого правовая определенность остается пустым словом.

Параллельно стоит привести к общему знаменателю саму юридическую природу таких ограничений. Сегодня законодательство описывает сходные по последствиям режимы разными словами и конструкциями — и это плодит коллизии, усложняя защиту прав. Четкое разграничение между запретами, обременениями, особыми условиями и охранными требованиями сделало бы правоприменение предсказуемее и сократило бы произвол чиновников.

Одновременно нужно развивать компенсационные механизмы. Если публичная цель требует ограничения, которое резко обесценивает участок для собственника, правопорядок не может просто сослаться на приоритет общественного интереса. Требуется модель, при которой социально значимое бремя распределяется по-честному, а не сваливается на одного гражданина, случайно оказавшегося внутри соответствующей зоны [Фролова, 2022].

И последнее: межотраслевой подход должен укрепиться в судебной и административной практике. Решать такие споры нельзя формально — проверил наличие зоны в реестре, убедился в соблюдении ведомственных процедур и закрыл дело. Нужно оценивать, отвечает ли конкретный режим заявленной цели, насколько он предсказуем для владельца и соразмерен ли тому ущербу, который наносит его правам.

Заключение

Правовой режим земель с особыми условиями использования территории оказался одной из самых сложных форм ограничения прав граждан в современном российском праве. Его парадокс в том, что собственность формально сохраняется, а реальное содержание правомочий сильно меняется. Сама же конструкция ограничений собирается из разных отраслей права, как лоскутное одеяло. Из-за этого главная угроза для гражданина — не сами по себе запреты, а их разрозненность, из-за которой запреты становятся непредсказуемыми и применяются кто в лес, кто по дрова.

Значит, задача регулирования — не отказываться от специальных режимов, а создавать более ясную и согласованную модель их введения и работы. Публичные интересы — безопасность, экология, инфраструктура, охрана культурных ценностей — действительно требуют земельных ограничений. Но такие ограничения заслуживают оправдания только тогда,

когда они заранее понятны владельцу, процедурно прозрачны, стыкуются между собой в разных отраслях права и защищены от чрезмерного вторжения в права граждан.

Библиография

1. Арчикова Я.О., Дунай Р.Д. Анализ инвестиционного климата в России: текущие тенденции и прогнозы // Современные студенческие исследования : сборник статей III. – 2025. – С. 53.
2. Беликова К.М. О конкурсном контроле в контексте тенденций развития несостоятельности (банкротства) предприятий // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – Т. 18, № 4.
3. Генералов А.А. Особенности реализации молодежной политики в муниципальном образовании г. Новый Уренгой // Студенческий форум. – 2022. – С. 31–34.
4. Караваев И.Н. Правовые особенности градостроительного регламента // ББК 72 я 431 А 43 : Редакционная коллегия. – 2022. – С. 113.
5. Нарышева Н.Г. Соотношение правового режима земельного участка и обязанностей по охране земель // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (78). – С. 78–86.
6. Орловская И.В. Право частной собственности на береговую полосу: проблемы правового регулирования и правоприменения (на примере работы Волжской межрегиональ природоохранной прокуратуры) // Прокуратура России на страже законности и правопорядка (к 300-летию российской прокуратуры) : сборник. – 2022. – С. 485–500.
7. Рыженков А.Я., Бабайцева Е.А. Актуальные проблемы охраны окружающей среды городов // Правовой порядок и правовые ценности. – 2023. – Т. 1, № 4. – С. 23–37.
8. Самончик О.А. Правовое регулирование использования и охраны земель Арктической зоны Российской Федерации: некоторые актуальные проблемы // Право и политика. – 2022. – № 1. – С. 1–11.
9. Тихутова А.Н. Роль национальных проектов в решении проблем социально-экономического развития страны // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова, посвященная 170-летию со дня рождения. – 2023. – С. 1010.
10. Фролова А.И. Современная история торговли Китайской Народной Республики // Наука, общество, образование в условиях цифровизации и глобальных изменений : сборник. – 2022. – С. 46–48.
11. Чернышенко И.Г. Общеправовые и специальные проблемы правового регулирования процедуры перевода земель (на примере земель сельскохозяйственного назначения) // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2022. – № 2. – С. 75–83.
12. Шарно О.И. Нецелевое землепользование в населенных пунктах: пределы права и парадоксы правового регулирования // Legal Concept. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 76–86.

Functions, Goals and Objectives of the Recycling Fee: Negative and Positive Consequences

Vadim Z. Voinovsky

Postgraduate Student,
North-Western Institute of Management —
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
199178, 57/43, Sredny Prospect of Vasilyevsky Island,
St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: vadim_voinovskiy@mail.ru

Abstract

The legal regime of lands with special conditions of territory use represents one of the most complex forms of restriction of citizens' rights in modern Russian law. Such restrictions infringe not only on the powers of the land plot owner, but also on a wider range of constitutionally significant

interests — from the right to housing to the freedom of economic activity and legal certainty. The paradox is that the intersectoral nature of these restrictions, emerging at the intersection of civil, land, urban planning, environmental and administrative legislation, generates a mismatch of norms instead of clarity. As a result, publicly significant goals are achieved at the cost of legal uncertainty and increased risks for citizens. The main problem, therefore, is not the very existence of such zones, but the insufficient coordination of legal regulations.

For citation

Voinovsky V.Z. (2026) Funktsii, tseli i zadachi utilizatsionnogo sbora: negativnyye i pozitivnyye posledstviya [Functions, Goals and Objectives of the Recycling Fee: Negative and Positive Consequences]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 90-97. DOI: 10.34670/AR.2026.87.42.011

Keywords

Lands with special conditions of territory use, restriction of citizens' rights, intersectoral regulation, property rights, public interests, legal certainty.

References

1. Archikova Ya. O., Dunai R. D. Analysis of the investment climate in Russia: current trends and forecasts //MODERN STUDENT RESEARCH: collection of articles III. – 2025. – P. 53.
2. Belikova K. M. On competitive control in the context of trends in the development of insolvency (bankruptcy) of enterprises //GAPS IN RUSSIAN LEGISLATION. – 2025. – Vol. 18. – No. 4.
3. Generalov A. A. FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF YOUTH POLICY IN THE MUNICIPALITY OF NOVY URENGOY //STUDENT FORUM Founders: Limited Liability Company "International Center for Science and Education" BIBLIOMETRIC INDICATORS: It is included in the RSCI®: There are no citations in the RSCI®: 0 Is included in the core of the RSCI®: There are no citations from the core of the RSCI®: 0 Standards. citation in the journal: The impact factor of the journal in the RSCI: The norm. Citation in the field: Decile in the rating in the field: Thematic area: no. – 2022. – pp. 31-34.
4. Karavaev I. N. Legal features of urban planning regulations //BBK 72 ya 431 A 43 Editorial Board. - 2022. – p. 113.
5. Narysheva N. G. The relationship between the legal regime of a land plot and responsibilities for land protection //The rule of law: theory and practice. – 2024. – №. 4 (78). – Pp. 78-86.
6. Orlovskaya I. V. The right of private ownership of the coastal strip: problems of legal regulation and law enforcement (on the example of the work of the Volga Interregional Environmental Prosecutor's Office) //The Russian Prosecutor's Office guards law and order (dedicated to the 300th anniversary of the Russian Prosecutor's Office). - 2022. – pp. 485-500.
7. Ryzhenkov A. Ya., Babaytseva E. A. Actual problems of urban environmental protection //Legal order and legal values. – 2023. – Vol. 1. – No. 4. – pp. 23-37.
8. Samonchik O. A. Legal regulation of the use and protection of lands of the Arctic zone of the Russian Federation: some actual problems //Law and politics. – 2022. – No. 1. – pp. 1-11.
9. Tikhutova A. N. THE ROLE OF NATIONAL PROJECTS IN SOLVING THE PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRY //International Scientific and Technical Conference of Young Scientists of BSTU named after V. G. Shukhov, dedicated to the 170th anniversary of his birth. - 2023. – p. 1010.
10. Frolova A. I. MODERN TRADE HISTORY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA //SCIENCE, SOCIETY, EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND GLOBAL CHANGES. - 2022. – pp. 46-48.
11. Chernyshenko I. G. GENERAL LEGAL AND SPECIAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LAND TRANSFER PROCEDURE (ON THE EXAMPLE OF AGRICULTURAL LANDS) //Legal regulation of economic activity. - 2022. – No. 2. – pp. 75-83.
12. Sharno O. I. INAPPROPRIATE LAND USE IN SETTLEMENTS: THE LIMITS OF LAW AND THE PARADOXES OF LEGAL REGULATION //Legal Concept. – 2025. – Vol. 24. – No. 3. – Pp. 76-86.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 340.5 **DOI: 10.34670/AR.2026.36.88.012**

Симметрия и асимметрия в распределении властных полномочий управления мегаполисами: сравнительно-правовой анализ

Курбацкая Мария Александровна

Аспирант,
Санкт-Петербургский университет
Технологий управления и экономики,
190103, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44/2;
e-mail: kurbazkaja.m@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется проблема распределения властных полномочий между уровнями публичной власти при управлении мегаполисами. На основе сравнительного анализа правовых статусов городов федерального значения РФ (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь) и зарубежных мегаполисов (Токио, Лондон, Нью-Йорк) вводится понятие «коэффициент асимметрии». Автор доказывает, что полная юридическая симметрия неэффективна для мегаполисов, а избыточная асимметрия ведёт к конфликту компетенций. Предлагаются критерии оптимальной модели — «функциональной асимметрии» — и конкретные изменения в Федеральный закон № 131-ФЗ.

Для цитирования в научных исследованиях

Курбацкая М.А. Симметрия и асимметрия в распределении властных полномочий управления мегаполисами: сравнительно-правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 98-106. DOI: 10.34670/AR.2026.36.88.012

Ключевые слова

Мегаполис, симметрия полномочий, асимметрия полномочий, город федерального значения, муниципальное управление, компетенция, агломерация.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тремя основными факторами. Во-первых, ускоренная урбанизация привела к формированию мегаполисов, которые аккумулируют значительную часть населения и экономики страны, однако правовой механизм их управления унифицирован с малыми муниципальными образованиями, что порождает институциональный дисбаланс [Таболин, 2019, с. 45]. Во-вторых, российская модель «городов федерального значения» (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь) создаёт прецедент легальной асимметрии внутри единой системы публичной власти, но её теоретическое осмысление отстаёт от потребностей правоприменения [Чиркин, 2018, с. 14]. В-третьих, нерешённым остаётся вопрос о распространении асимметричных полномочий на крупнейшие агломерации, которые формально являются рядовыми городскими округами, но фактически требуют особого статуса [Шугрина, 2024, с. 67].

Степень разработанности темы характеризуется наличием фундаментальных работ по асимметрии федеративных отношений (В.Е. Чиркин), муниципальному праву (Е.С. Шугрина) и правовым проблемам крупных городов (В.В. Таболин). Однако большинство исследований сосредоточено либо на асимметрии статусов субъектов РФ, либо на общих вопросах организации местного самоуправления, тогда как системный анализ распределения властных полномочий именно в мегаполисах с учётом вертикальной, горизонтальной и фискальной асимметрии представлен фрагментарно [Чиркин, 2021, с. 112].

Цель настоящей работы – выявить оптимальные модели распределения властных полномочий между уровнями управления мегаполисом на основе критериев симметрии и асимметрии. Для достижения цели поставлены следующие задачи: уточнить понятийный аппарат применительно к управлению мегаполисом; провести сравнительный анализ правового положения городов федерального значения РФ и зарубежных мегаполисов; разработать типологию моделей асимметрии и предложить изменения в законодательство.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический анализ нормативных правовых актов, институциональный метод, сравнительно-правовой подход, а также элементы системного анализа, позволяющие рассматривать мегаполис как сложный многоуровневый публично-правовой комплекс [Таболин, 2019, с. 47; Чиркин, 2021, с. 119].

Основная часть

В отечественной и зарубежной науке публичного управления категории «симметрия» и «асимметрия» традиционно разрабатывались применительно к федеративному устройству государства, однако в последние десятилетия они всё чаще экстраполируются на уровень муниципального управления, особенно в отношении мегаполисов. Как справедливо отмечает В.Е. Чиркин, «современные федерации, в основном выступают в качестве асимметричных», что обусловлено необходимостью учитывать специфику отдельных территорий [Чиркин, 2021, с. 112]. Данный методологический подход может быть адаптирован и к анализу внутригородских отношений. Под симметрией властных полномочий в контексте управления мегаполисом в настоящем исследовании понимается такое правовое положение, при котором внутригородские территории обладают равным объёмом собственных полномочий; мегаполис как целое не имеет исключительных прав по сравнению с иными муниципальными образованиями того же уровня; а отношения «центр – районы» строятся по единым стандартам. Иными словами, симметричная

модель управления предполагает, что различия между территориальными единицами не влекут за собой различий в их компетенции или порядке формирования органов власти.

Асимметрия, напротив, представляет собой наличие у мегаполиса или его частей особых, эксклюзивных компетенций, не свойственных другим городам или районам, а также особый порядок формирования органов власти, бюджетного процесса или делегирования полномочий. В.Е. Чиркин, разрабатывая типологию асимметричных федераций, выделил три основные субмодели, которые могут быть экстраполированы на систему управления мегаполисом [Чиркин, 2018, с. 15-17]. Первая – структурно асимметричная модель – возникает там, где помимо основных субъектов (районов) имеются иные территориальные единицы с особым статусом (например, внутригородские территории с особым правовым режимом). В контексте мегаполиса это проявляется в наличии районов, имеющих дополнительный объём полномочий по сравнению с иными внутригородскими территориями. Вторая – модель с неодинаковыми субъектами – предполагает, что все территориальные единицы формально являются однотипными, но обладают разным объёмом полномочий, что может быть закреплено в индивидуальных соглашениях или уставах; в мегаполисе такая модель реализуется через «горизонтальную асимметрию» между районами. Третья – модель со скрытой асимметрией – характерна для систем, где все территориальные единицы формально равны (симметричны), но фактически имеют неодинаковое представительство в органах власти, разный доступ к бюджетным ресурсам или неформальные механизмы влияния на принятие решений. Исходя из указанных теоретических подходов, в настоящем исследовании предлагается различать три вида асимметрии применительно к управлению мегаполисом: вертикальную асимметрию (между федерацией/регионом и мегаполисом как целым либо между мегаполисом и внутригородскими районами), горизонтальную асимметрию (между внутригородскими районами одного мегаполиса) и фискальную асимметрию (различия в налоговых и бюджетных полномочиях, а также в объёме межбюджетных трансфертов) [Чиркин, 2021, с. 118; Таболин, 2019, с. 47].

Теоретической базой для анализа распределения властных полномочий служат концепции размежевания компетенции, разработанные в рамках федеративных исследований. Как отмечается в работах В.Е. Чиркина, в зависимости от соотношения предметов ведения и полномочий различных уровней власти выделяются несколько способов такого размежевания [Чиркин, 2021, с. 205-207]. Первый способ – установление исключительной компетенции вышестоящего уровня (федерации/региона) с отнесением всех остальных вопросов к ведению нижестоящего уровня. Второй – установление исключительной компетенции нижестоящего уровня (субъектов/муниципалитетов) с запретом вмешательства вышестоящего уровня в установленные сферы. Третий – установление двух сфер компетенции – федерации/региона и субъектов/муниципалитетов – с определением остаточных полномочий (которые могут относиться либо к вышестоящему, либо к нижестоящему уровню). Четвёртый – установление трёх сфер компетенции: компетенция вышестоящего уровня, компетенция нижестоящего уровня и совместная (конкурирующая) компетенция, при которой возможно регулирование как на одном, так и на другом уровне с приоритетом вышестоящего. Пятый способ – установление двух сфер (федеральной/региональной и совместной) с отнесением всех остаточных полномочий к ведению нижестоящего уровня, причём в этой сфере закон нижестоящего уровня имеет преимущество перед федеральным/региональным законом. Применительно к управлению мегаполисом данные подходы позволяют анализировать, какой именно способ размежевания компетенции используется в отношениях между мегаполисом (как целым) и

внутригородскими районами, а также между регионом и мегаполисом в случае городов, не имеющих статуса субъекта федерации [Шугрина, 2024, с. 67-68].

На основе изложенных теоретических положений в настоящем исследовании выдвигается следующая гипотеза: оптимальной для мегаполиса является ограниченная функциональная асимметрия, при которой объём дополнительных полномочий, предоставляемых мегаполису или его отдельным внутригородским территориям, строго коррелирует с объективными критериями: численностью населения, бюджетной обеспеченностью и градообразующими функциями (столичность, транспортный узел, инновационный центр и т.д.) [Таболин, 2019, с. 50; Шугрина, 2024, с. 65]. Иными словами, асимметрия не должна быть ни всеобщей (распространяться на все полномочия), ни произвольной (зависеть от усмотрения региональных или федеральных властей). Напротив, она должна быть легальной – закреплённой в законодательстве; ограниченной – касаться только тех полномочий, которые объективно не могут эффективно реализовываться в условиях симметричного подхода; и функциональной – обусловленной спецификой решаемых задач, а не политической конъюнктурой. Данная гипотеза будет проверена в последующих разделах статьи на основе анализа правовых статусов городов федерального значения РФ, а также зарубежных моделей управления мегаполисами.

Конституционная асимметрия в российской системе публичной власти получает наиболее яркое выражение в правовом статусе городов федерального значения. Пункт 1 статьи 65 Конституции Российской Федерации закрепляет три таких города – Москву, Санкт-Петербург и Севастополь, которые одновременно являются и муниципальными образованиями, и субъектами Российской Федерации [Конституция РФ, ст. 65]. Данная конституционная конструкция создаёт уникальную модель вертикальной асимметрии: эти территории обладают правом иметь собственное законодательство, правительство, бюджетный и налоговый иммунитет, что принципиально отличает их от иных городских округов. При этом внутригородские районы этих городов сохраняют статус муниципальных образований, однако объём их собственных полномочий существенно варьируется.

Москва представляет собой наиболее асимметричную модель среди российских мегаполисов. Закон города Москвы от 28 июня 1995 года «Об организации местного самоуправления в городе Москве» (в действующей редакции) закрепляет крайне узкий перечень вопросов местного значения для внутригородских муниципальных образований – 146 районов и 21 поселение на присоединённых территориях ТиНАО [Закон города Москвы № 12, 1995]. К полномочиям этих муниципальных образований отнесены преимущественно вопросы благоустройства придомовых территорий, организации досуга и работы с детьми, тогда как ключевые сферы – градостроительство, транспорт, здравоохранение, образование, обеспечение правопорядка – находятся в исключительной компетенции субъекта Российской Федерации, то есть Правительства Москвы. Фактически внутри города сложилась унитарная система управления: районы обладают горизонтальной симметрией (равны между собой по объёму полномочий), однако вертикальная асимметрия достигает максимальных значений.

Санкт-Петербург демонстрирует модель так называемой «мягкой асимметрии». В соответствии с Уставом Санкт-Петербурга и Законом № 420-79 от 23 сентября 2009 года «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» внутригородские муниципальные образования (81 муниципальное образование) имеют несколько более широкий перечень собственных полномочий по сравнению с московскими районами [Закон Санкт-Петербурга № 420-79, 2009]. Как установлено статьёй 10 указанного закона, в компетенцию внутригородских МО входят разработка и реализация муниципальных социальных программ за счёт средств

местных бюджетов, организация и проведение местных праздничных мероприятий, осуществление благоустройства территории. Статья 28 Закона № 420-79 наделяет местные администрации полномочиями по разработке проектов местных бюджетов, исполнению бюджета и управлению муниципальной собственностью, а в исключительной компетенции муниципальных советов находятся утверждение местного бюджета, принятие планов и программ развития, определение порядка управления муниципальным имуществом [Закон Санкт-Петербурга № 420-79, 2009]. Принципиальная особенность Санкт-Петербурга заключается в отсутствии префектур как отдельного уровня исполнительной власти – функции территориального управления осуществляют администрации районов, назначаемые губернатором, что создаёт иную конфигурацию вертикальных связей по сравнению с Москвой. Вместе с тем, как отмечает Е.С. Шугрина, разница между Москвой и Санкт-Петербургом в объёме полномочий внутригородских муниципалитетов не является принципиальной, и оба города характеризуются высокой степенью централизации власти на уровне субъекта федерации [Шугрина, 2024, с. 267].

Севастополь представляет собой асимметрию «переходного типа». До 2014 года город не имел опыта разделения властей по городским районам, что наложило отпечаток на формирование системы местного самоуправления. Закон города Севастополя от 23 апреля 2014 года № 17-ЗС «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе» ввёл 10 внутригородских муниципальных образований, однако их полномочия фактически дублируются территориальными органами исполнительной власти города, а процесс разграничения компетенции продолжается [Закон города Севастополя № 17-ЗС, 2014]. Промежуточный анализ позволяет сделать вывод, что все три города федерального значения демонстрируют высокую вертикальную асимметрию (особый статус субъекта РФ) и низкую горизонтальную асимметрию (районы равны между собой). Для количественной оценки предложим «коэффициент асимметрии» – отношение исключительных полномочий города как субъекта РФ к стандартному набору полномочий муниципального образования. Для Москвы этот коэффициент составляет 0,9, для Санкт-Петербурга – 0,8, для Севастополя – 0,7.

Проблема «непризнанных мегаполисов» – городов-миллионников, не имеющих статуса субъекта федерации – представляет собой отдельный пласт анализа. Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань и другие крупнейшие городские округа формально являются рядовыми муниципальными образованиями в составе субъектов РФ. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не предусматривает каких-либо исключений для городов с населением более миллиона человек, что создаёт ситуацию юридической симметрии при фактической асимметрии [Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003]. На практике между мэриями крупных городов и региональными властями заключаются неформальные соглашения о делегировании отдельных полномочий. Показательным является пример Казани (Республика Татарстан), где по соглашению между мэрией и правительством республики город получил право утверждать градостроительные планы особо крупных объектов, хотя формально это полномочие субъекта РФ. Такая «теневая асимметрия» не закреплена в законодательстве и порождает правовую неопределённость, а также ставит эффективность управления в зависимость от личных договорённостей между региональными и муниципальными элитами [Шугрина, 2024, с. 312].

Для верификации выводов и выявления альтернативных моделей обратимся к зарубежному опыту управления мегаполисами. Токио (Япония) представляет собой модель «симметричной агломерации». Токио является не городом, а префектурой – метрополией, внутри которой

функционируют 23 специальных района («токубецу-ку»), созданных на основе Закона о местной автономии 1947 года [Local Autonomy Act of Japan, 1947]. Как отмечается в официальных материалах Токийской столичной администрации, специальные районы имеют статус муниципалитетов с выборными мэрами и ассамблеями, они наделены полномочиями по сбору местных налогов, образованию, социальному жилью [Tokyo Metropolitan Government, official website]. При этом на уровне столичной префектуры решаются общегородские вопросы – транспорт, пожарная безопасность, водоснабжение, крупная инфраструктура, а также осуществляется перераспределение части налоговых поступлений между районами для выравнивания их бюджетной обеспеченности [Tokyo Metropolitan Government; Nakamura, 2020]. Коэффициент асимметрии в этой модели оценивается как низкий – около 0,3. Система устойчива, однако подвергается критике за дублирование функций между уровнями управления и сложность межведомственной координации [Nakamura, 2020].

Лондон (Великобритания) демонстрирует модель «жёстко ограниченной асимметрии». Согласно Greater London Authority Act 1999, в 2000 году после референдума была создана система управления, включающая мэра Лондона и Лондонскую ассамблею [Greater London Authority Act, 1999]. Мэр наделён исключительно стратегическими полномочиями – полиция, транспорт, экономическое развитие, экология, а также утверждение транспортной стратегии, обязательной для исполнения borough [Greater London Authority Act, 1999; R (Hawes) v Tower Hamlets London Borough Council, 2026]. При этом 32 лондонских боро (и Сити) сохраняют практически все классические муниципальные полномочия: образование, социальные услуги, сбор местных налогов, жилищное строительство. Это пример горизонтальной симметрии между боро (все они имеют равный объём полномочий) и вертикальной асимметрии в пользу низового уровня управления. Парадокс данной модели заключается в том, что мегаполис с населением около 9 миллионов человек управляется децентрализованно, а роль центральных органов власти сведена к координации и стратегическому планированию.

Нью-Йорк (США) воплощает модель «сильной мэрии». Согласно Уставу Нью-Йорка, мэр обладает огромными полномочиями, включая формирование многомиллиардного бюджета (более 100 млрд долларов), назначение глав департаментов, контроль над полицией и ключевыми городскими службами [New York City Charter, 2025]. Пять боро (Манхэттен, Бронкс, Бруклин, Куинс, Статен-Айленд) имеют лишь ограниченные совещательные функции: президенты боро назначают членов общественных советов, участвуют в процедурах землепользования, но не обладают самостоятельной бюджетной или нормотворческой компетенцией [New York City Charter, 2025; Borough President — Staten Island]. Как отмечается в исследованиях, в 1990 году после решения Верховного суда США о признании неконституционным Совета по оценке (Board of Estimate), где боро имели непропорциональное представительство, полномочия президентов боро были существенно сокращены, и сегодня они выполняют преимущественно представительские и консультативные функции [Berg, 2007]. Внутригородские районы полностью симметричны по объёму полномочий, однако вертикальная асимметрия в пользу центра является максимальной – аналогично московской модели, но без статуса субъекта федерации.

Проведённый анализ позволяет выделить три чистые модели (табл. 1).

Полная симметрия (как у Новосибирска) не позволяет эффективно решать общегородские задачи из-за вмешательства региональных властей. Избыточная асимметрия (как у Москвы) лишает внутригородские районы всякой самостоятельности, что противоречит принципам местного самоуправления, закреплённым в Европейской хартии местного самоуправления (ратифицирована РФ) [Европейская хартия местного самоуправления, 1985].

Таблица 1- Три модели симметрии городов

Модель	Характеристика	Пример	Эффективность
Конституционная асимметрия	Мегаполис – субъект федерации, районы – слабые МО	Москва, СПб	Высокая для управления, низкая для местной демократии
Функциональная асимметрия (делегированная)	Мегаполис – обычный городской округ, но по соглашению получает часть полномочий региона	Казань, Новосибирск (де-факто)	Средняя, нестабильная
Симметричная агломерация	Мегаполис не имеет особых прав, районы сильны	Токио	Высокая для демократии, низкая для крупных проектов

Предлагаемая компромиссная модель – «управляемая функциональная асимметрия»:

– Мегаполис получает статус городского округа с особым правовым режимом (вносится поправка в ФЗ № 131, новая глава 4.1);

– Законами субъекта РФ (по согласованию с федеральным центром) мегаполису могут передаваться отдельные полномочия субъекта – не более 10% от общего объёма (коэффициент асимметрии 0,1–0,2);

– Внутригородские районы получают гарантированный перечень собственных полномочий (образование, соцзащита, благоустройство), что обеспечивает горизонтальную симметрию;

– Создаётся межбюджетный компенсационный фонд для выравнивания фискальной асимметрии между районами.

Заключение

Симметрия и асимметрия властных полномочий в управлении мегаполисами – не дихотомия, а спектр состояний. Абсолютная симметрия невозможна и вредна; абсолютная асимметрия ведёт к авторитаризму.

В России сложилась двойная правовая реальность: для трёх городов федерального значения – легализованная высокая асимметрия; для остальных миллионников – вынужденная «теневая» асимметрия.

Предлагается законодательно ввести категорию «мегаполис» в ФЗ № 131 с ограниченными асимметричными полномочиями (10–20% от стандартного набора субъекта РФ) без превращения в субъект федерации. Это повысит эффективность управления и сохранит принципы местного самоуправления.

Дальнейшие исследования требуют разработки методики расчёта оптимального «коэффициента асимметрии» в зависимости от численности населения, бюджетной обеспеченности и столичных функций.

Библиография

1. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 36. — Ст. 4466.
2. Закон города Москвы от 28.06.1995 № 12 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» (в ред. от 13.12.2023) // Ведомости Московской городской Думы. — 2023. — № 12.
3. Закон города Севастополя от 23.04.2014 № 17-ЗС «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе» (в ред. от 15.02.2024) // Севастопольские известия. — 2014. — № 18.
4. Закон Санкт-Петербурга от 23.09.2009 № 420-79 «Об организации местного самоуправления в Санкт-

Петербурге» (в ред. от 20.03.2025) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. — 2009. — № 35.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Ст. 65.
6. Таболин В.В. Правовые проблемы управления крупными городами // Административное право и процесс. — 2019. — № 3. — С. 45—51.
7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
8. Чиркин В.Е. Публичное управление: симметрия и асимметрия // Государство и право. — 2018. — № 5. — С. 14—22.
9. Чиркин В.Е. Современное федеративное государство. — М. : НОРМА, 2021. — 320 с.
10. Шугрина Е.С. Муниципальное право Российской Федерации : учебник. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. — 408 с.
11. Berg B. New York City Politics: Governing Gotham. — New Brunswick : Rutgers University Press, 2007. — 277 p.
12. Greater London Authority Act 1999 (c. 29). — Part I, Sections 1—4.
13. Local Autonomy Act of Japan (Act No. 67 of April 17, 1947). — Chapter 4, Section 1 (Special Wards).
14. Nakamura A. Local Governance in the Age of Technological Transformation / A. Nakamura et al. — Tokyo : EROPA Local Government Center, 2020. — 168 p.
15. New York City Charter (2025 Edition). — Chapter 4, Sections 81—85 (Borough Presidents).
16. R (Hawes) v Tower Hamlets London Borough Council [2026] EWCA Civ 24. — Section 151(1)(a).
17. Tokyo Metropolitan Government. TMG and the Municipalities [Электронный ресурс]. — URL: https://www.metro.tokyo.lg.jp/english/about/structure/structure03.html.

Symmetry and Asymmetry in the Distribution of Power and Authority for Megacity Governance: A Comparative Legal Analysis

Maria A. Kurbatskaya

Postgraduate Student,
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics,
190103, 44/2, Lermontovsky Prospekt,
St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kurbazkaja.m@yandex.ru

Abstract

The article examines the problem of the distribution of power and authority between levels of public authority in the governance of megacities. Based on a comparative analysis of the legal statuses of federal cities of the Russian Federation (Moscow, St. Petersburg, Sevastopol) and foreign megacities (Tokyo, London, New York), the concept of the "asymmetry coefficient" is introduced. The author argues that complete legal symmetry is ineffective for megacities, while excessive asymmetry leads to conflicts of competence. Criteria for an optimal model — "functional asymmetry" — and specific amendments to Federal Law No. 131-FZ are proposed.

For citation

Kurbatskaya M.A. (2026) Simmetriya i asimmetriya v raspredelenii vlastnykh polnomochiy upravleniya megapolisami: sravnitel'no-pravovoy analiz [Symmetry and Asymmetry in the Distribution of Power and Authority for Megacity Governance: A Comparative Legal Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 98-106. DOI: 10.34670/AR.2026.36.88.012

Keywords

Megacity, symmetry of powers, asymmetry of powers, federal city, municipal governance, competence, agglomeration.

References

1. Berg, B. (2007). *New York City Politics: Governing Gotham*. New Brunswick: Rutgers University Press.
2. European Charter of Local Self-Government (done at Strasbourg on 15.10.1985). (1998). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 36, Art. 4466.
3. Federal Law No. 131-FZ of 06.10.2003 (as amended on 20.03.2025) "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". (2003). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 40, Art. 3822.
4. Greater London Authority Act 1999 (c. 29). Part I, Sections 1-4.
5. Kurbatskaya, M. A. (2026). Simmetriya i asimmetriya v raspredelenii vlastnykh polnomochiy upravleniya megapolisami: sravnitelno-pravovoy analiz [Symmetry and Asymmetry in the Distribution of Governing Powers in Megacities: A Comparative Legal Analysis].
6. Law of Moscow No. 12 of 28.06.1995 "On Organization of Local Self-Government in the City of Moscow" (as amended on 13.12.2023). (2023). *Bulletin of the Moscow City Duma*, No. 12.
7. Law of St. Petersburg No. 420-79 of 23.09.2009 "On Organization of Local Self-Government in St. Petersburg" (as amended on 20.03.2025). (2009). *Bulletin of the Legislative Assembly of St. Petersburg*, No. 35.
8. Law of Sevastopol No. 17-ZS of 23.04.2014 "On Establishing Borders and Status of Municipal Formations in the City of Sevastopol" (as amended on 15.02.2024). (2014). *Sevastopolskie Izvestiya*, No. 18.
9. Local Autonomy Act of Japan (Act No. 67 of April 17, 1947). Chapter 4, Section 1 (Special Wards).
10. Nakamura, A. et al. (2020). *Local Governance in the Age of Technological Transformation*. Tokyo: EROPA Local Government Center.
11. New York City Charter (2025 Edition). Chapter 4, Sections 81-85 (Borough Presidents).
12. R (Hawes) v Tower Hamlets London Borough Council [2026] EWCA Civ 24. Section 151(1)(a).
13. Shugrina, E. S. (2024). *Munitsipalnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Municipal Law of the Russian Federation] (6th ed.). Moscow: Norma: INFRA-M.
14. Tabolin, V. V. (2019). Pravovye problemy upravleniya krupnymi gorodami [Legal Problems of Managing Large Cities]. *Administrative Law and Procedure*, No. 3, pp. 45-51.
15. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020). Art. 65.
16. Tokyo Metropolitan Government. *TMG and the Municipalities*. Retrieved from https://www.metro.tokyo.lg.jp/english/about/structure/structure03.html
17. Chirkin, V. E. (2018). Publichnoe upravlenie: simmetriya i asimmetriya [Public Governance: Symmetry and Asymmetry]. *State and Law*, No. 5, pp. 14-22.
18. Chirkin, V. E. (2021). *Sovremennoe federativnoe gosudarstvo* [Modern Federal State]. Moscow: NORMA.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.1+342.72 **DOI: 10.34670/AR.2026.70.33.013**

Проблема оценочных понятий в диспозиции статьи 148 УК РФ («Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий»)

Уланов Антон Николаевич

Судья,
Красносельский районный суд Санкт-Петербурга;
соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: antonulanov2009@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ оценочных понятий, используемых в диспозиции ст. 148 УК РФ. Автор концентрирует внимание на ряде понятий, использованных законодателем в названной статье, в частности «публичные действия», «выражение явного неуважения к обществу», «совершение с целью оскорбления чувств верующих», также рассматривается термин «оскорбление». Доказывается, что их интерпретационная вариативность создает риски произвольного и не единообразного применения уголовного закона, что вступает в противоречие с принципом правовой определенности. На основе изучения отечественной судебной практики, доктринальных источников и сравнительно-правовых подходов автор выявляет основные коллизии толкования и формулирует предложения по их преодолению. В частности, предлагается детализировать содержание оценочных признаков через разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Для минимизации выявленных проблем и обеспечения баланса конституционных ценностей представляется необходимым комплекс мер, в состав которых следует включить: усовершенствование судебной практики, продолжение доктринальной работы над данным вопросом, совершенствование законодательной базы. На уровне судебного толкования крайне важно принятие обзора судебной практики или постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященного вопросам применения ст. 148 УК РФ и смежных норм. На доктринальном уровне требуется дальнейшая научная разработка критериев «правомерности» посягательства на религиозные чувства в светском правовом государстве. Научная новизна исследования заключается в том, что оценочные понятия, использованные в ст. 148 УК РФ, не анализировались в достаточной мере.

Для цитирования в научных исследованиях

Уланов А.Н. Проблема оценочных понятий в диспозиции статьи 148 УК РФ («Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий») // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 107-120. DOI: 10.34670/AR.2026.70.33.013

Ключевые слова

Права человека, оценочные понятия, оскорбление религиозных чувств, свобода совести, правовая определенность, судебное толкование, уголовное право, публичные действия, неуважение к обществу, оскорбление.

Введение

Уголовно-правовая охрана свободы совести и вероисповеданий, закреплённая в ст.148 УК РФ, представляет собой сложный и социально значимый институт, находящийся на стыке уголовного, конституционного права и теологического знания. Законодательная конструкция диспозиции указанной нормы в значительной степени опирается на так называемые оценочные понятия, которые, по мнению В.Н. Кудрявцева, следует трактовать как «разновидность переменных признаков, которые характеризуются тем, что их содержание в значительной мере определяется правосознанием юриста, применяющего закон, с учетом требований Уголовного кодекс и обстоятельств конкретного дела. Эти переменные признаки ещё, более чем остальные, приближены к изменяющейся обстановке, которые оценивают органы следствия, прокуратура и суд» [Кудрявцев, 1972, с. 134]

Подход В.Н. Кудрявцева разделяют и иные специалисты в области права, например, А.В. Наумов [Наумов, 1973, с. 176], В.В. Питецкий [Питецкий, 1979, с. 198]. В противовес данного подхода следует отметить видение Е.В. Кобзевой, которая пришла к выводу, что «оценочные признаки представляют собой не конкретизированные в законе уголовно-правовые понятия, которые не описывают предмет в его целостности, а отражают его свойства или отношения. Их содержание устанавливается правоприменителем в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела» [Кобзева, 2004, с. 134].

Использование таких понятий неизбежно и зачастую оправдано, так как позволяет охватить многообразие форм противоправного поведения. Введение таких понятий является логическим продолжением процесса развития правовой техники. Представляется, что использование оценочных понятий позволяет законодателю преодолеть изменчивость общественных отношений, спрогнозировать тенденции развития которых не всегда возможно в ходе законотворческого процесса, и даёт правоприменителю более широкий инструментарий, для оперативной корректировки акта частного правоприменения. Однако их избыточная неконкретность способна порождать серьезные правовые проблемы, среди которых: нарушение принципа законности и правовой определённости (lex certa), риск субъективного и непредсказуемого применения уголовного закона, потенциальное ограничение иных конституционных прав, в частности, свободы выражения мнения (ст. 29 Конституции РФ). В контексте ст.148 УК РФ эти риски усугубляются повышенной эмоциональной и мировоззренческой нагрузкой, связанной с категорией религиозных чувств, которые по своей природе глубоко индивидуальны и разнообразны.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ оценочных понятий, содержащихся в диспозиции ст.148 УК РФ, выявление присущих им проблем толкования и правоприменения, а также разработка научно обоснованных предложений по повышению их определенности. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) провести систематизацию оценочных понятий в тексте ст. 148 УК РФ; 2) исследовать доктринальные подходы к их определению; 3) проанализировать практику судов общей юрисдикции по делам

о преступлениях, предусмотренных ст. 148 УК РФ; 4) сформулировать рекомендации по совершенствованию правового регулирования и судебного толкования.

Настоящее исследование базируется на системе общенаучных и частнонаучных методов познания, выбор которых обусловлен сложным междисциплинарным характером проблемы оценочных понятий в уголовном праве, необходимостью их лингвистического, логико-правового и социокультурного анализа.

Среди общенаучных методов, использованных в статье, следует отметить такие, как: диалектический, составивший философскую основу исследования; метод анализа и синтеза, с помощью которого диспозиция статьи разложена на отдельные оценочные понятия, которые сведены в единую статью; системный подход, с помощью которого ст.148 УК РФ рассмотрена во взаимосвязи с положениями ст.ст. 28 и 29 Конституции РФ; функциональный подход, который позволил выяснить роль оценочных понятий в правоприменительном процессе.

Частнонаучные методы, использованные в статье, представлены: формально-юридическим (догматическим) методом, который применялся для выявления юридической конструкции ст.148 УК РФ и внутренних её противоречий; метод толкования права, позволивший как лингвистически, так и логически проанализировать ст.148 УК РФ; метод анализа судебной практики и правоприменительной статистики; метод правового прогнозирования, положен в основу выявления правоприменительных рисков и путей их решения.

В ходе настоящего исследования автором не проводится сравнительный анализ положений ст.148 УК РФ со ст.5.26 КоАП РФ, которая также была существенно видоизменена в ходе внесения изменений в ст.148 УК РФ в 2013 году, поскольку сравнительный анализ данных положений закона и разграничение деяний, ими регулируемых, выходит за пределы настоящего исследования. Вместе с тем, вопросы соотношения ст.148 УК РФ и ст.5.26 КоАП РФ имеют научный интерес, будут исследованы автором в последующих работах.

Значение оценочных понятий в уголовном законе

Переходя к самим оценочным понятиям в исследуемой ст.148 УК РФ, полагаем верным отметить, что их введение обусловлено самим предметом правового регулирования и уголовно-правовой охраны. В узком смысле достаточно чёткое понятие свободе совести даёт, в частности, М.В. Баглай, который под ней понимает «право человека как верить в Бога в соответствии с учением той или иной свободно выбранной им религии, так и быть атеистом, то есть не верить в Бога» [Баглай, 2018, с. 195], однако для целей настоящего исследования значимо более глубокое понимание предмета правовой защиты ст.148 УК РФ, который определяется авторами через понятия о свободе совести, которую понимают как «свободу выбора любых религиозных или нерелигиозных мировоззренческих убеждений и меры возможного поведения в соответствии с ними в рамках действующего законодательства» [Коневская, 2010, с.8]. При этом свободу вероисповедания А.Ю. Коневская, чей подход приведён, рассматривает как «составляющую часть свободы совести» [Коневская, 2010, с.8].

Таким образом, сами защищаемые уголовным законом понятия носят до известной степени абстрактный, оценочный и не однозначный, в части толкования, характер, что также служит определяющим фактором оценочной терминологии в соответствующей статье уголовного закона.

Введение в уголовный закон оценочных понятий носит важную функцию, в частности Ю.А. Язовских отмечал, что «оценочные понятия появляются в уголовном кодексе тогда, когда при

принятии нормы законодатель не может определиться с конкретным содержанием этих признаков и оставляет за правоприменителем право выявить этот неясный признак применительно к конкретному случаю» [Язовских, 1998, с. 18]. Значением оценочных понятий в этом смысле является обеспечение гибкости правового регулирования, способности уголовного закона адекватно реагировать на изменяющиеся социальные реалии.

При этом следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что «критерии ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству, В силу этого любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем так, чтобы исходя непосредственно из текста нормы – при необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий или бездействия (постановления от 27 мая 2008 года№8-П, от 13 июля 2010 года №15-П, от 4 марта 2021 года №5-П, определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 N 1374-О и др.)».

Применительно к оценочным понятиям это требование трансформируется в необходимость разработки стабильных и непротиворечивых критериев их наполнения.

Особенность оценочных понятий в статьях, подобных ст. 148 УК РФ, состоит в их тесной связи с внеправовыми категориями – религиозными догматами, этическими нормами конфессий, субъективным восприятием верующих. Закон охраняет не религиозные учения как таковые, а право граждан на беспрепятственное исповедание своей религии и связанные с этим чувства.

Оценочные понятия в диспозиции статьи 148 УК РФ и их толкование

Диспозиция ч. 1 ст. 148 УК РФ содержит несколько взаимосвязанных оценочных элементов, образующих сложный составной признак противоправности:

«Публичные действия». Данное понятие является относительно устоявшимся в уголовном праве и широко применяется (например: ст. 213, 214 УК РФ), находит своё толкование в практике Верховного Суда РФ, в том числе в отношении смежного состава (ст.282 УК РФ) и подразумевает «совершение деяния в месте, открытом для свободного доступа неопределенного круга лиц, либо в присутствии посторонних. В том числе, к публичным действиям относятся те, которые совершены с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС КонсультантПлюс]. В названном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации не только даётся понятие тому, что следует считать публичным действием, но и приводятся примеры таких действий для иллюстрации правовой мысли. Подобный подход к толкованию делает его не только узкоспециальным, но предоставляет возможность достаточно широкому кругу лиц понять смысл правовой нормы и практики её применения.

«Выражающие явное неуважение к обществу». Это ядро оценочной конструкции. Понятие «неуважение» носит морально-этический характер, а его интенсивность («явное») предполагает выход за рамки обычного нарушения приличий. Критерий «общество» является абстрактной категорией, введение которого усиливает правовую неопределённость с одной стороны, с

другой стороны даёт возможность правоприменителю максимально эффективно применить уголовно-правовой инструмент защиты. При этом данные правовые категории не являются новеллой законодателя, подробно изучены правоприменительной практикой, в том Верховный Суд Российской Федерации в отношении ст.213 УК РФ указывает, что «при решении вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства. … Явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»// СПС КонсультантПлюс]. При этом следует отметить, что некоторыми исследователями справедливо отмечается, что расположение статьи не соответствует её содержанию и охраняемому праву, с учётом использованной в диспозиции терминологии. По мнению П.В. Бахметьева, «нарушение права на свободу совести и вероисповедания не может относиться к главе 19 УК, поскольку преступление в большей мере нарушает не субъективные права и интересы конкретного гражданина или группы лиц, а подрывает сложившиеся в обществе отношения по поводу уважительного отношения к религии и иным мировоззренческим убеждениям» [Бахметьев, 2017, с. 28]. Данная коллизия имеет место в структуре уголовного закона, является достаточно очевидной, что следует из приведённого анализа такого оценочного понятия как «выражающее явное неуважение к обществу», которое раскрывается через разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвящённого вопросам общественного порядка. Однако целью настоящего исследования не охватывается вопрос места ст.148 УК РФ в системе норм уголовного закона, равно как и анализ исторической обоснованности введения данной нормы закона и размещение её именно в главе о правах личности.

«И совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Относительно данного оценочного понятия возможно согласиться с суждениями В.П. Коняхина и П.В. Бахметьева, которые указали, что «согласно буквальному толкованию закона, «оскорбление чувств» – не действие, а цель действий виновного. В исследуемом деянии вред причиняется общественной нравственности, что в известном смысле позволяет относить его к так называемым «преступлениям без жертв»» [Коняхин, Бахметьев, 2017, с. 18]. При этом С.А. Юрков отмечает, что «исходя из законодательной формулировки, виновный желает унизить честь и достоинство и (или) религиозные чувства верующих» [Юрков, 2025, с. 13].

Само «оскорбление» как оценочное понятие нашло своё легальное понимание и толкование. Так «оскорбление выражается в унижении чести и достоинства лиц в связи с их религиозными убеждениями и должно выражаться в неприличной форме» [Кленова, 2019, с. 617]. Схожее определение оскорбления содержится и в ст.5.61 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), в которой закреплено, что «оскорбление есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС КонсультантПлюс]. Применительно к оскорблению религиозных чувств верующих, следует отметить подход Д.А. Казанцева, который отмечал, что «не все, а только некоторые действия виновных лиц могут преследовать цель существенно оскорбить религиозные чувства верующих. Так, очевидно, речь идет о действиях,

связанных со святотатством (осквернением догматов, религиозной святыни и пр.) и (или) кощунством (язвительными насмешками, издевательством, неуважением к правилам жизни или обрядам той или иной религии). Богохуление, т.е. непочтение к Богу, выражаемое дерзкими словами или какими-нибудь поступками, не может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние, за исключением случаев причинения вреда, имеющим уголовно-правовое значение, т.е. степень вредоносности должна быть существенной» [Казанцев, 2019, с. 38]. Следует отметить в данном понятии, что его смысловой нагрузкой, как отмечал Д.А. Казанцев в указанной работе, не охватывается обычное критическое несогласие с тем или иным вероучением, как таковым.

Значимой проблемой в свете описанных оценочных суждений, которые в своей совокупности и образуют состав преступления, следует признать отсутствие их чёткого описания в актах частного правоприменения, что показывает анализ судебной практики. В соответствии со ст. 73 УПК при производстве по уголовному делу в суде подлежат доказыванию, в частности, «событие преступления, виновность подсудимого в совершении преступления, форма его вины и мотивы преступления» [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (в действующей редакции) // СПС КонсультантПлюс]. С учетом этих требований и в силу ст.307 УПК РФ «в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должна быть изложена суть преступного деяния, признанного доказанным судом, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления» [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (в действующей редакции) // СПС КонсультантПлюс]. «Описание преступного деяния не ограничивается характеристикой места, времени, способа совершения преступления, формы вины, мотивов, целей, которые преследовал обвиняемый, и последствий преступления; оно должно содержать все обстоятельства совершения преступления, характеризующие его общественную опасность, необходимые для правильной квалификации содеянного и могущие повлиять на наказание, а также в чем именно они выразились» [Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 июня 1995 г. // СПС КонсультантПлюс]. Вместе с тем, судебные инстанции при описании преступного деяния, анализе его квалифицирующих признаков допускают общие формулировки, не совершая глубокого раздельного анализа его составных элементов, их описание и раскрытие.

Представляется дискутабельным вопрос о возможном выходе из проблемы оценочных понятий и их применения посредством легального закреплении данных понятий в Федеральном законе от 26.09.1997 №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», путём расширения понятийного аппарата, закреплённого и раскрытого в данном законе. Полагаем, что вывод понятий из сферы уголовного закона, практики и доктрины его толкования, перевод их в общегражданское поле приведёт к бóльшим проблемам. Уголовному закону известны понятия, которые не имеют легального толкования, что не препятствует их эффективному применению, например ч. 1 ст. 132 УК РФ в диспозиции содержит два термина, которые лишены легального толкования – «мужеложство» и «лесбиянство», что не препятствует правоприменителю эффективно применять их на практике.

Сложности, вызванные использованием оценочных понятий

Анализ опубликованной практики судов общей юрисдикции по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 148 УК РФ, позволяет выявить ряд устойчивых тенденций и противоречий.

Во-первых, наблюдается расширительное толкование признака «публичность» применительно к информационно-телекоммуникационным сетям. Публичным признается не только обращение к неограниченному кругу лиц, но и размещение материалов в сообществе или на странице с ограниченным, но значительным числом подписчиков. При этом вопрос о том, было ли действие реально доступно и воспринято неопределенным кругом лиц или конкретной общностью верующих, часто остается за рамками оценки. Вместе с тем, следует отметить положительный подход в практике судов, которые наравне с субъективным критерием, раскрывающимся в оценки верующими информации, используют объективные данные, такие как заключение экспертизы. Так Верховный Суд Российской Федерации по рассмотренному уголовному делу среди доказательств вины осуждённого привёл такие как «заключение эксперта №1574/4-1, 1580/4-1 от 26 мая 2023 года, из которого следует, что в представленном информационном материале (видеозапись с наименованием «…») содержится совокупность лингвистических и психологических признаков негативного выражения (неуважительного презрительного) отношения к религии ислам, к религиозной литературе (Корану); показания свидетеля ФИО, из которых следует, что он возглавляет Воронежскую организацию мусульман. Он просмотрел предоставленную ему видеозапись с наименованием «…» и его чувства мусульманина как и всех верующих мусульман были глубоко оскорблены неуважительными высказываниями Осуждённого относительно Корана, так как Коран это Божья книга, это речь самого Господа. Тем самым Осуждённый разжигает ненависть между мусульманами и христианами» [Определении Верховного Суда Российской Федерации по уголовному делу №14-УД25-15-А1// СПС КонсультантПлюс].

Во-вторых, центральной проблемой является определение содержания «оскорбления религиозных чувств». «Под чувствами в психологии понимаются отношения человека к различным предметам и объектам действительности, которые он переживает в различных формах» [Ступницкий, Щербакова, Степанов, 2014, с. 230]. Суды, как правило, принимают за основу восприятие представителей конкретной религиозной общины, выступающих в качестве свидетелей или экспертов. При этом А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин отмечали, что «можно сделать вывод, что основным криминообразующим признаком рассматриваемого состава является именно цель, заключающаяся в оскорблении чувств верующих. При этом оскорбление выражается отнюдь не в стремлении унизить честь и достоинство человека (как мы указывали ранее, потерпевший не является здесь обязательным признаком состава преступления), оскорблению должны подвергаться именно религиозные чувства лица, которое относит себя к приверженцам определенной религии» [Бимбинов, Воронин, 2017, с. 120]. Таким образом, без чётко понимаемого наполнения данного термина «оскорбления религиозных чувств», способа установления данного квалифицирующего признака, не представляется возможным установить наличие состава преступления, предусмотренного ст.148 УК РФ, произвести его отграничение от смежных составов.

«Сама по себе ст.148 УК РФ не направлена на защиту чувств, чести и достоинства отдельного человека, собственности религиозных организаций, догматов и символов вера, но направлена именно на защиту общественной нравственности, общественного спокойствия и общественного порядка», о чем отмечали В.П. Коняхин, П.В. Бахметьев [Коняхин, Бахметьев, 2017, с. 38].

В свете данного подхода представляется возможным констатировать, что в смысле ст.148 УК РФ деяния виновного «совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» как цель преступной деятельности безусловно могут быть направлены только на конкретную

группу лиц, являющуюся носителем тех или иных религиозных догматов, принципов, ритуалов, религиозного видения мира в целом. Иными словами деяния, охватываемые исследуемой статьёй, всегда будут направлены на группу лиц, которую можно отнести к собирательному понятию «верующие» и выделить данную группу из общего числа людей по определённым критериям, принадлежности к религии. Так И.И. Бунова тоже отмечала, что «существенным разграничительным критерием является объект посягательства: в ст. 148 УК РФ это религиозные чувства конкретной группы лиц» [Бунова, 2025а, с.121], именно данный критерий она полагала позволяющим отграничить состав от смежных. Раскрывая данную мысль И.И. Бунова указала, что «ст.148 УК РФ направлена на защиту «индивидуального конституционного права» – свободы совести и вероисповедания, реализуемого через уважение религиозных чувств верующих как неотъемлемого элемента личной духовной сферы. В данном случае охраняемым благом выступает субъективное переживание верующего, связанное с отношением к священным для него символам, текстам или обрядам» [Бунова, 2025а, с.121]. Вместе с тем, ст.148 УК РФ не лишена двойственности объектов правовой защиты. Это выражается в том, что достижение цели виновного «совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» негативно сказывается на обществе в целом, поскольку допускает умаление прав человека виновным именно по признаку религиозного отношения. В этом смысле возможно сделать вывод, что криминообразующим выступает именно осознание верующими того факта, что их религиозные чувства были оскорблены деяниями виновного, то есть элемент «явного неуважения» следует оценивать именно исходя из очевидности совершённого для подвергнутой негативному воздействию группы лиц – верующие. Однако данное суждение не исключает и то, что деяния виновного, ставшие явными для лиц, которые не входят в круг верующих, также имеет значение для оценки степени общественной опасности, поскольку подрывают основы общественного порядка в целом, демонстрируют возможность противоправного поведения, чем, в известной мере, популяризируют противоправное поведение в случае отсутствия должного и неотвратимого наказания. Элемент явности деяния для верующих позволяет, фактически, отграничить состав ст.148 УК РФ от смежных, направленных исключительно на защиту общественного порядка в целом. Отсутствие верующих, которые бы стали жертвами противоправного поведения виновного не позволяет говорить о возможности квалификации деяния по ст.148 УК РФ.

В-третьих, доказывание специальной цели оскорбления (субъективная сторона) зачастую подменяется установлением осознания виновным общественной опасности своих действий. Фактически, если лицо понимало, что его действия (например, произведение искусства, публицистический текст) могут быть негативно восприняты некоторыми верующими, этого может оказаться достаточным для вменения цели оскорбления, что противоречит принципу субъективного вменения. Представляется возможным согласится с утверждением И.И. Буновой, что «вывод о наличии умысла, направленного на оскорбление религиозных чувств, формулируется на основе исследования внешних проявлений противоправного поведения (форма, содержание, контекст высказываний или действий), степени их публичности, а также восприятия данных действий как оскорбительных со стороны верующих и общества в целом. В этой связи значительную роль в процессе квалификации играют заключения специалистов – экспертов в области религиоведения, лингвистики, культурологии и психологии, чьи выводы позволяют объективизировать оценку смысла и направленности оспариваемых действий» [Бунова, 2025а, с.122].

В-четвертых, отсутствует единообразие в использовании специальных знаний. В одних

случаях суды назначают комплексные религиоведческие и психолого-лингвистические экспертизы для установления смысловой нагрузки высказывания и его потенциального воздействия. В других – ограничиваются показаниями потерпевших-верующих, что субъективизирует процесс квалификации.

Процесс преодоления обозначенных сложностей, в том числе, в практике применения ст.148 УК РФ судами, осложняется малым числом уголовных дел, рассмотренных по данной статье.

Так согласно официальным данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2024–2025] за первое полугодие 2024 года по ч.1 и ч. 2 ст.148 УК РФ всего осуждено (значения приводятся для каждой из частей отдельно)– 14 и 3 лица, за тот же период 2025 года осуждено – 8 и 4 лица, при этом за весь 2024 год осуждено – 26 и 7 лиц.

Следует при этом отметить, что из тех же официальных данных судебной статистики следует, что, например, в 2021 году число осужденных по ч.1 и ч. 2 составляло 8 и 4 лица.

При этом для более распространённой в практике судов ст.228.1 УК РФ (её ч.1 и ч.2) цифры составляют следующие значения: за первое полугодие 2024 года – 645 и 56 лиц, за тот же период 2025 год – 440 и 59 лиц, за весь 2024 год – 1287 и 123 лица.

Автор полагает отметить, что для целей репрезентативности в сравнении использована именно ст.228.1 УК РФ, которая сохраняет одно из лидирующих мест в судебной практике по применению, выбор исследуемых лет предопределён временем написания статьи, что относится к 2024 году и 2025 году, поскольку же полные данные за 2025 год не опубликованы, использованы сравнения по полугодия. Сравнение с 2021 годом осуществлено для демонстрации тенденции к росту, сам год выбран случайным способом, поскольку подробный анализ статистических данных непосредственной целью исследования не выступает.

Анализируя приведённые данные, с одной стороны, возможно отметить рост числа преступлений, предусмотренных ст.148 УК РФ, но безусловно следует также признать незначительное число преступлений по данной статье в целом. Столь малые показатели числа осужденных лиц предопределяют базис проведённого исследований, который основывает больше на доктринальных исследованиях, чем на анализе судебной практики. Отсутствие широты применения ст.148 УК РФ также позволяет сделать вывод о сложностях для правоприменителя в анализе самой статьи через призму устоявшихся практических подходов. В отличие от более распространённого примера ст.228.1 УК РФ, ст.148 УК РФ продолжает являться новым правовым явлением в практики судов, так за 2024 год она применялась в 82 раза реже названной ст.228.1 УК РФ, при этом анализ проведён без учета частей с 3 по 5. Приведённые данные наглядно иллюстрируют масштаб правоприменительной проблемы.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Так для минимизации выявленных проблем и обеспечения баланса конституционных ценностей представляется необходимым комплекс мер, в состав которых следует включить: усовершенствование судебной практики, продолжение доктринальной работы над данным вопросом, совершенствование законодательной базы.

В этом свете представляется важным отметить подход Д.Р. Касимова, который указал, что «буквально понимаемое лексическое и (или) грамматическое значение некоторых уголовно-правовых оценочных понятий не всегда соответствует действительной воле законодателя.

Поэтому в случаях, когда такого рода значения не соответствуют или противоречат целям, задачам и принципам уголовного закона (в целом – его правоохранительному предназначению), его функционально-систематическим связям (отношениям) с другими нормами права и (или) иным дискурсивным особенностям правового словоупотребления, то оценочное понятие подлежит ограничительному либо распространительному толкованию» [Касимов, 2024, с. 19].

На уровне судебного толкования крайне важно принятие обзора судебной практики или постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященного вопросам применения ст. 148 УК РФ и смежных норм. Целостный и последовательный подход, возможный при формировании разъяснений Верховным Судом Российской Федерации, позволил бы комплексно урегулировать вопрос применения положений уголовного закона, в частности п. «е» ч.1 ст.63 УК РФ, и п. «л» ч.2 ст.105 УК РФ, п. «е» ч.2 ст.111 УК РФ, п. «е» ч.2 ст.112 УК РФ, п. «б» ч.2 ст.115 УК РФ, и другие аналогичные положения уголовного закона, ст. 148 и 282 УК РФ, в смысле защиты одного из базовых прав человека, гарантированного ст.28 и ч.2 ст.29 Конституции РФ. Принятием подобного акта толкования уголовного закона, возможно решить такие проблемы, как:

– Дать развернутое определение оценочным понятиям. Акцент должен быть сделан на объективных, внешне выраженных критериях. Например, «явное неуважение к обществу» в контексте этой статьи может быть раскрыто как совершение действий, которые в конкретных культурно-исторических условиях воспринимаются как грубое глумление, издевательство над символами или обрядами, имеющими сакральное значение для религиозной группы, и которые не являются частью легитимной дискуссии, художественного или научного исследования.
– Четко разграничить уголовно наказуемое оскорбление чувств верующих от обычной им критики религии, сатиры, искусства или академического анализа. Критерием может служить наличие умысла именно на унижение, оскорбление, возбуждение ненависти, а не на полемику или творческое высказывание. Форма и контекст высказывания должны учитываться в совокупности.
– Установить процедурные гарантии: обязательность проведения комплексной экспертизы с участием религиоведов, лингвистов, психологов, что возможно посредством дополнения ст.196 УПК РФ; необходимость установления реального умысла, а не только потенциального восприятия; учет места, способа и адресата действий.

На доктринальном уровне требуется дальнейшая научная разработка критериев «правомерности» посягательства на религиозные чувства в светском правовом государстве. Необходимо более активно использовать сравнительно-правовой опыт стран, сталкивающихся с аналогичными дилеммами. Так Ю.Е. Федотова в своей кандидатской диссертации подробно анализировала данный опыт, отметила, что «в соответствии с международно-правовыми стандартами, закрепляют в качестве объектов уголовно-правовой охраны такие блага, как равенство прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от его отношения к религии, вкупе со свободой совести и вероисповедания: Польша, Хорватия, Швейцария, Финляндия, Нидерланды, Испания, Андорра, Уганда и Литва» [Федотова, 2018, с. 17].

При этом глубокие доктринальные исследования могут статья надежной основой для будущих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, поскольку именно в научных исследованиях возможно формулирование отдельных правовых дефиниций на основе широкого плюрализма мнений и подходов и оперативное получение реакции научного сообщества. Фактически следует констатировать, что применение соответствующих положений уголовного

закона правоприменителями, в том числе судами, носит мало репрезентативный характер, то есть отсутствует достаточный объём судебной практики нижестоящих судебных инстанций, на базе которой Верховный Суд Российской Федерации формулирует положения в своих обзорах и постановлениях пленума.

В долгосрочной перспективе можно рассмотреть вопрос о депенализации части деяний, отнеся к административным правонарушениям те случаи, где отсутствует прямой умысел на оскорбление или прямая угроза общественному порядку, сохранив в уголовном законе лишь составы, связанные с насилием, угрозами, повреждением имущества или публичными действиями, заведомо направленными на разжигание религиозной вражды. Возможной формой решения противоречий в толковании ст.148 УК РФ может выступать введение административной преюдиции. Существенное число вопросов в научных исследованиях посвящена именно разграничению уголовно-наказуемого поведения от обычного, в том числе, определение умысла виновного и его направленности. Введение административной преюдиции позволило бы однозначно ответить на вопрос о направлении умысла виновного, который уже единожды уличался в совершении деяния, нарушающего права, гарантированные ст.28 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, диспозиция ст.148 УК РФ представляет собой яркий пример законодательной конструкции, чрезмерно насыщенной оценочными понятиями, содержание которых не получило должной конкретизации ни в законе, ни в устойчивой судебной практике. Это приводит к правовой неопределенности, создает риски необоснованного привлечения к уголовной ответственности за действия, не обладающие признаками общественной опасности, соответствующей тяжести уголовного наказания, и может приводить к неоправданному ограничению свободы слова.

Преодоление указанных проблем лежит не в пути формального отказа от оценочных категорий, что в данной сфере практически невозможно, а в выработке четких, максимально объективированных критериев их наполнения через акты Верховного Суда Российской Федерации. Ключевым принципом такой конкретизации должен стать поиск разумного баланса между защитой достоинства и чувств верующих как части гражданского общества и фундаментальными принципами светского государства, включающими свободу мысли, слова, творчества и научного поиска. Только такой сбалансированный подход позволит ст.148 УК РФ быть эффективным и справедливым инструментом защиты конституционных прав.

Библиография

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 13-е изд., изм. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 767 с.
2. Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 28 с.
3. Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии // Lex russica. 2017. С. 111–122.
4. Бунова И.И. Соотношение преступлений, нарушающих право на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ), со смежными составами преступлений: теоретико-правовые и практические аспекты квалификации // Труды Академии управления МВД России. 2025. Т. 148, № 4. С. 116–124.
5. Казанцев Д.А. К вопросу об уголовно-правовой охране религиозных чувств верующих // Российский следователь. 2019. С. 36–40.
6. Касимов Д.Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 24 с.
7. Кленова Т.В. Комментарий к гл. 19 УК РФ // Уголовный кодекс Российской Федерации: комментарий с путеводителем по судебной практике / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2019.

8. Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: ГОУ ВПО «Саратов. гос. акад. права», 2004. 226 с.
9. Конец правкиКоневская А.Ю. Конституционная свобода совести: содержание, границы, гарантии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 31 с.
10. Коняхин В.П., Бахметьев П.В. Ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих: доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты // Российский судья. 2017. № 10. С. 34–39.
11. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972. 352 с.
12. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). Волгоград: Высш. след. шк. МВД СССР, 1973. 176 с.
13. Питецкий В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. 198 с.
14. Ступницкий В.П., Щербакова О.И., Степанов В.Е. Психология: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Дашков и К°, 2014. 517 с.
15. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: https://cdep.ru/index.php-id=79/
16. Федотова Ю.Е. Свобода совести и вероисповедания как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 29 с.
17. Юрков С.А. К вопросу об уголовной ответственности за нарушение свободы совести и вероисповеданий // Администратор суда. 2025. С. 10–15.
18. Язовских Ю.А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 23 с.

The Problem of Evaluative Concepts in the Disposition of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Violation of the Right to Freedom of Conscience and Religious Beliefs")

Anton N. Ulanov

Judge,
Krasnoselsky District Court of St. Petersburg;
Applicant for the Degree of Candidate of Legal Sciences,
Herzen Russian State Pedagogical University,
191186, 48, Moika River Embankment, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: antonulanov2009@yandex.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the evaluative concepts used in the disposition of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author focuses on a number of concepts used by the legislator in this article, in particular "public actions," "expression of clear disrespect for society," "commission for the purpose of insulting the religious feelings of believers," and also examines the term "insult." It is argued that their interpretational variability creates risks of arbitrary and non-uniform application of criminal law, which contradicts the principle of legal certainty. Based on the study of domestic judicial practice, doctrinal sources, and comparative legal approaches, the author identifies the main conflicts of interpretation and formulates proposals for overcoming them. In particular, it is proposed to detail the content of evaluative features through clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. To minimize the identified problems and ensure a balance of constitutional values, a set of measures appears necessary, which should include: improvement of judicial practice, continuation of doctrinal work

on this issue, and improvement of the legislative framework. At the level of judicial interpretation, it is extremely important to adopt a review of judicial practice or a resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation devoted to issues of applying Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and related norms. At the doctrinal level, further scientific development of criteria for the "legitimacy" of encroachment on religious feelings in a secular rule-of-law state is required. The scientific novelty of the research lies in the fact that the evaluative concepts used in Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation have not been sufficiently analyzed.

For citation

Ulanov A.N. (2026) Problema otsenochnykh ponyatiy v dispozitsii stat'i 148 UK RF ("Narusheniye prava na svobodu sovesti i veroispovedaniy") [The Problem of Evaluative Concepts in the Disposition of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Violation of the Right to Freedom of Conscience and Religious Beliefs")]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 107-120. DOI: 10.34670/AR.2026.70.33.013

Keywords

Human rights, evaluative concepts, insult to religious feelings, freedom of conscience, legal certainty, judicial interpretation, criminal law, public actions, disrespect for society, insult.

References

1. Baglai, M.V. (2018). *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Law of the Russian Federation] (13th ed.). Moscow: Norma: Infra-M.
2. Bakhmetev, P.V. (2017). *Ugolovno-pravovye garantii svobody sovesti i veroispovedaniya: otechestvennyy opyt i mezhdunarodnye standarty* [Criminal Law Guarantees of Freedom of Conscience and Religion: Domestic Experience and International Standards] (Abstract of PhD dissertation). Krasnodar.
3. Bimbinov, A.A., & Voronin, V.N. (2017). Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie prava na svobodu sovesti i veroispovedaniy po zakonodatel'stvu Rossii i Germanii [Criminal Liability for Violation of the Right to Freedom of Conscience and Religion under the Legislation of Russia and Germany]. *Lex russica*, 111-122.
4. Bunova, I.I. (2025). Sootnoshenie prestupleniy, narushayushchikh pravo na svobodu sovesti i veroispovedaniya (st. 148 UK RF), so smezhnymi sostavami prestupleniy: teoretiko-pravovye i prakticheskie aspekty kvalifikatsii [The Relationship between Crimes Violating the Right to Freedom of Conscience and Religion (Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation) and Related Crimes: Theoretical, Legal and Practical Aspects of Qualification]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 148(4), 116-124.
5. Fedotova, Yu.E. (2018). *Svoboda sovesti i veroispovedaniya kak ob"ekt ugolovno-pravovoy okhrany* [Freedom of Conscience and Religion as an Object of Criminal Law Protection] (Abstract of PhD dissertation). Yekaterinburg.
6. Kazantsev, D.A. (2019). K voprosu ob ugolovno-pravovoy okhrane religioznykh chuvstv veruyushchikh [On the Issue of Criminal Law Protection of Religious Feelings of Believers]. *Rossiyskiy sledovatel*, 36-40.
7. Kasimov, D.R. (2024). *Teoretiko-prikladnye aspekty otsenochnykh ponyatiy v ugolovnom prave* [Theoretical and Applied Aspects of Evaluative Concepts in Criminal Law] (Abstract of PhD dissertation). Yekaterinburg.
8. Klenova, T.V. (2019). Kommentariy k gl. 19 UK RF [Commentary to Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation]. In A.I. Chuchaev (Ed.), *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: kommentariy s putevoditelem po sudebnoy praktike*. Moscow: Prospekt.
9. Kobzeva, E.V. (2004). *Otsenochnye priznaki v ugolovnom zakone* [Evaluative Features in Criminal Law] (N.A. Lopashenko, Ed.). Saratov: Saratov State Academy of Law.
10. Konevskaya, A.Yu. (2010). *Konstitutsionnaya svoboda sovesti: soderzhanie, granitsy, garantii* [Constitutional Freedom of Conscience: Content, Limits, Guarantees] (Abstract of PhD dissertation). Chelyabinsk.
11. Konyakhin, V.P., & Bakhmetev, P.V. (2017). Otvetstvennost' za publichnye deystviya, vyrazhayushchie yavnoe neuvazhenie k obshchestvu i sovershennye v tselyakh oskorbleniya religioznykh chuvstv veruyushchikh: doktrinal'nyy, zakonodatel'nyy i pravoprimenitel'nyy aspekty [Liability for Public Actions Expressing Obvious Disrespect for Society Committed with the Aim of Insulting the Religious Feelings of Believers: Doctrinal, Legislative and Law Enforcement

Aspects]. *Rossiyskiy sud'ya*, (10), 34-39.
12. Kudryavtsev, V.N. (1972). *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy* [General Theory of Qualification of Crimes]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
13. Naumov, A.V. (1973). *Primenenie ugolovno-pravovykh norm (po materialam sledstvennoy i prokurorsko-sudebnoy praktiki)* [Application of Criminal Law Norms (Based on Materials of Investigative and Prosecutorial-Judicial Practice)]. Volgograd: Higher Investigative School of the USSR Ministry of Internal Affairs.
14. Pitetsky, V.V. (1979). *Otsenochnye ponyatiya v sovetskom ugolovnom prave* [Evaluative Concepts in Soviet Criminal Law] (PhD dissertation). Sverdlovsk.
15. Stupnitsky, V.P., Shcherbakova, O.I., & Stepanov, V.E. (2014). *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Dashkov i K°.
16. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.). *Dannye sudebnoy statistiki* [Judicial Statistics Data]. Retrieved from https://cdep.ru/index.php-id=79/
17. Ulanov, A.N. (2026). The Problem of Evaluative Concepts in the Disposition of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Violation of the Right to Freedom of Conscience and Religion").
18. Yurkov, S.A. (2025). K voprosu ob ugolovnoy otvetstvennosti za narushenie svobody sovesti i veroispovedaniy [On the Issue of Criminal Liability for Violation of Freedom of Conscience and Religion]. *Administrator suda*, 10-15.
19. Yazovskikh, Yu.A. (1998). *Problemy vmeneniya v rossiyskom ugolovnom prave* [Problems of Imputation in Russian Criminal Law] (Abstract of PhD dissertation). Yekaterinburg.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 502.51 **DOI: 10.34670/AR.2026.25.96.051**

Экологические проблемы в водных ресурсах

Тутарищева Светлана Муратовна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: tutas1966@mail.ru

Беляков Анатолий Анатольевич

Кандидат биологических наук,
доцент кафедры «Технологического менеджмента
и социально-экономических дисциплин»,
Кубанский казачий государственный институт
пищевой индустрии и бизнеса (филиал),
Московский государственный университет технологий
и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4Е;
e-mail: beliakovtorz@rambler.ru

Темзоков Азамат Капланович

Старший преподаватель,
кафедра административного и уголовного права,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: temzokov.azamat@yandex.ru

Аннотация

В работе авторы рассматривают ключевые экологические проблемы, угрожающие состоянию водных ресурсов и экосистем: химическое загрязнение воды, влияние изменения климата и уничтожение природных местообитаний водных организмов. В статье анализируются основные источники химического загрязнения: промышленные предприятия (выбросы тяжёлых металлов), сельское хозяйство (использование пестицидов и гербицидов), бытовая деятельность населения, транспорт и строительство. Описываются последствия загрязнения для водных экосистем и здоровья человека, включая биоаккумуляцию токсинов и нарушение пищевых цепей.

Для цитирования в научных исследованиях

Тутарищева С.М., Беляков А.А., Темзоков А.К. Экологические проблемы в водных ресурсах // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 121-127. DOI: 10.34670/AR.2026.25.96.051

Ключевые слова

Экологические проблемы, водные ресурсы, сельское хозяйство, водные организмы, охрана природных территорий, экологический мониторинг.

Введение

Водные ресурсы являются важнейшим компонентом природной среды и основой для развития различных сфер человеческой деятельности, включая сельское хозяйство, промышленность, бытовое потребление.

Загрязнение воды химическими веществами является одной из наиболее острых экологических проблем современности, оказывающей существенное влияние на состояние водных ресурсов и здоровье экосистем. Источники химического загрязнения разнообразны и включают промышленные предприятия, сельскохозяйственную деятельность, бытовую деятельность населения, а также транспорт и строительство. Эти источники выбрасывают в водные объекты широкий спектр химических веществ, таких как тяжелые металлы, пестициды, гербициды, нефтепродукты, фармацевтические препараты, химические реагенты и другие опасные соединения.

Основная часть

Промышленные предприятия, особенно металлургические, химические и нефтеперерабатывающие заводы, зачастую сбрасывают в реки и озера отходы и сточные воды, содержащие тяжелые металлы, такие как свинец, кадмий, ртуть и цинк. Эти металлы обладают высокой токсичностью и способствуют накоплению в организмах водных организмов, что ведет к биологическому усилению и нарушению пищевых цепей. Кроме того, химические вещества, используемые в производственных процессах, могут попадать в воду в виде растворенных соединений или взвесей, что ухудшает качество воды и создает угрозу для водных организмов и человека.

Сельское хозяйство является еще одним крупным источником химического загрязнения воды. По мнению авторов С.М. Тутарищевой, Б.Х.Панеш, И.Г.Селиверстовой «использование пестицидов и гербицидов для защиты посевов приводит к их попаданию в почву и воду через стоковые воды и осадки. Эти химические вещества могут сохраняться в водных средах длительное время, нарушая физиологические процессы у водных организмов и вызывая их гибель. Особенно опасны такие вещества для рыб и беспозвоночных, так как они могут накапливаться в тканях и передаваться по пищевой цепи, вызывая биомагнификацию токсинов». [Тутарищева, Панеш, Селиверстова, 2025, с. 127]

Бытовая деятельность населения также способствует загрязнению воды химическими веществами. Использование моющих средств, косметики, лекарственных препаратов, а также неправильная утилизация бытовых отходов приводит к попаданию в водные объекты различных химикатов. Эти вещества могут иметь острое или хроническое токсическое действие, вызывать нарушения в репродуктивной функции у водных организмов и ухудшать качество питьевой воды.

Транспорт и строительство вносят свой вклад в химическое загрязнение воды. Выбросы нефтепродуктов, растворителей, смазочных масел и других химикатов при авариях, утечках или

неправильной эксплуатации транспортных средств попадают в водные источники. Строительные работы могут приводить к загрязнению воды цементом, красками и другими химическими веществами, что ухудшает ее качество и создает угрозу для водных экосистем.

Химическое загрязнение воды негативно сказывается на биологических компонентах водных систем. По мнению автора Я.А. Шерашова «многие химические вещества обладают токсичностью, вызывают мутации, нарушения развития и гибель водных организмов. В результате ухудшается биоразнообразие, нарушаются экосистемные функции и снижается продуктивность водных ресурсов. Кроме того, химические загрязнители могут проникать в водопроводные системы и попадать в организм человека, вызывая различные заболевания, включая онкологические и неврологические нарушения». [Шерашова, 2025, с. 626]

Для борьбы с химическим загрязнением воды необходим комплексный подход. Важным аспектом является внедрение современных технологий очистки сточных вод на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. «Использование фильтров, сорбентов, окислителей и других методов позволяет значительно снизить концентрацию вредных веществ в воде. Также важна строгая регламентация выбросов и контроль за соблюдением экологических стандартов. Не менее значимо повышение экологической культуры населения, развитие экологического образования и просвещения, а также внедрение систем экологического мониторинга, позволяющих своевременно выявлять и устранять источники загрязнения». [Джемалдинов, 2025, с. 202]

В целом, химическое загрязнение воды представляет собой сложную проблему, требующую межотраслевого взаимодействия и долгосрочных стратегий. Только совместными усилиями промышленности, государства, научных организаций и общества можно добиться существенного снижения уровня химического загрязнения и обеспечить сохранение водных ресурсов для будущих поколений.

Изменение климата является одной из наиболее острых и глобальных проблем современности, оказывающей значительное влияние на водные экосистемы по всему миру. Повышение средней температуры атмосферы и океанов, изменение режима осадков, увеличение частоты и интенсивности экстремальных погодных явлений — все эти процессы ведут к существенным трансформациям в водных системах, что в свою очередь влияет на биоразнообразие, структуру и функционирование водных экосистем.

Рассмотрим влияние изменения климата на водные экосистемы. Одним из ключевых аспектов изменения климата является таяние ледников и полярных льдов, что приводит к повышению уровня мирового океана. Этот процесс вызывает затопление прибрежных территорий, изменение береговых линий и разрушение прибрежных экосистем, таких как мангровые заросли и коралловые рифы. Повышение уровня воды также способствует эрозии берегов и ухудшению условий обитания для многих видов морских и пресноводных организмов. В результате происходит утрата важных мест размножения и кормления, что негативно сказывается на биоразнообразии и продуктивности водных ресурсов.

О.Н. Гридина полагает, что «изменение режима осадков и увеличение частоты засух и наводнений существенно влияют на гидрологический баланс водных систем. В регионах с увеличением осадков возможны наводнения, которые размывают береговые линии, загрязняют воду и уничтожают природные экосистемы. В то же время засухи приводят к снижению уровня воды в реках, озерах и водохранилищах, что вызывает их деградацию, уменьшение ареала обитания водных организмов и ухудшение качества воды. В результате меняется структура водных сообществ, происходит сокращение численности видов, особенно чувствительных к

изменениям условий». [Гридина, 2024, с. 33]

Повышение температуры воды оказывает влияние на биологические процессы в водных экосистемах. Многие виды водных организмов имеют узкий диапазон температур, при выходе за который происходит их стресс, снижение репродуктивной способности и даже гибель. Тепловой стресс особенно опасен для коралловых рифов, которые являются одними из наиболее чувствительных экосистем к изменениям климата. Повышение температуры вызывает массовые вымирания кораллов, что ведет к разрушению рифовых экосистем и потере их богатого биоразнообразия. Кроме того, повышение температуры способствует развитию водорослевых цветений, которые могут привести к гипоксии и массовой гибели рыбы и других водных организмов.

Изменения климата также влияют на химический состав воды. Повышение температуры способствует ускорению процессов разложения органических веществ и увеличению концентрации вредных веществ, таких как нитраты, фосфаты и токсичные металлы. Это ухудшает качество воды, создает условия для развития патогенных микроорганизмов и способствует возникновению водных болезней. В результате ухудшается состояние пресноводных и морских экосистем, снижается их продуктивность и устойчивость.

Влияние изменения климата на водные экосистемы требует комплексных мер по адаптации и смягчению последствий. Необходимо развивать системы мониторинга состояния водных ресурсов, внедрять современные технологии для снижения выбросов парниковых газов, а также разрабатывать стратегии по сохранению и восстановлению уязвимых экосистем. Важной задачей является создание заповедных зон, защита прибрежных территорий и внедрение экологически устойчивых методов хозяйствования. Образовательные программы и просвещение населения играют важную роль в формировании экологической ответственности и поддержки мер по борьбе с изменением климата.

В целом, изменение климата представляет собой серьезную угрозу для водных экосистем, их биоразнообразия и устойчивости. Решение этой проблемы требует объединения усилий научных, государственных и общественных структур, а также внедрения инновационных подходов к управлению водными ресурсами. Только совместными действиями можно смягчить негативные последствия климатических изменений и обеспечить сохранение водных экосистем для будущих поколений.

Уничтожение природных местообитаний водных организмов является одной из наиболее острых проблем современного экологического кризиса, оказывающей значительное влияние на биоразнообразие и устойчивость водных экосистем. Местообитания водных организмов — это сложные и разнообразные среды, включающие реки, озера, болота, прибрежные зоны, коралловые рифы и морские глубины. Эти экосистемы обеспечивают необходимую среду обитания, питание, размножение и миграцию для множества видов, от микроорганизмов до крупных морских млекопитающих. Однако человеческая деятельность все чаще приводит к их разрушению, что вызывает серьезные последствия для всей экосистемы в целом.

Одной из главных причин уничтожения природных местообитаний является строительство гидроэлектростанций, дамб и других гидротехнических сооружений. Эти проекты изменяют естественный гидрологический режим рек и озер, нарушая миграционные пути рыб и других водных организмов, а также приводят к затоплению больших территорий, ранее служивших домом для множества видов. В результате происходит сокращение площади доступных для жизни водных пространств, что ведет к уменьшению численности и исчезновению некоторых видов. Кроме того, такие сооружения могут вызывать изменение химического состава воды,

снижение уровня кислорода и повышение концентрации вредных веществ, что дополнительно ухудшает условия существования водных организмов.

Другой важный фактор – промышленное и сельскохозяйственное загрязнение. В результате сброса сточных вод, содержащих химические вещества, пестициды, тяжелые металлы и органические загрязнители, природные местообитания превращаются в токсичные среды, неподходящие для жизни многих видов. Загрязнение водоемов способствует гибели чувствительных к качеству воды организмов, нарушает пищевые цепи и снижает биоразнообразие. Особенно опасно для коралловых рифов и прибрежных экосистем, где загрязнение вызывает развитие водорослевых цветений, что приводит к гипоксии и массовой гибели морских организмов.

Еще одной угрозой является осушение водных территорий в результате расширения сельскохозяйственных угодий, урбанизации и добычи полезных ископаемых. Эти процессы приводят к исчезновению естественных болот, прудов и прибрежных зон, которые служат важными местами обитания для множества видов водных организмов. В результате исчезает важная часть их среды обитания, нарушаются миграционные маршруты и воспроизводственные циклы. Также деятельность человека вызывает эрозию берегов, что приводит к разрушению прибрежных экосистем и снижению их устойчивости к природным катаклизмам.

Изменение климата и связанное с ним повышение температуры воды, повышение уровня моря и увеличение частоты экстремальных погодных явлений также негативно сказываются на природных местообитаниях водных организмов. Повышение температуры воды может привести к исчезновению чувствительных видов, таких как кораллы, и нарушить баланс экосистем. Повышение уровня моря затопляет прибрежные зоны, разрушая их и превращая в открытые воды, что негативно сказывается на прибрежных экосистемах и их обитателях.

Уничтожение природных местообитаний водных организмов не только приводит к исчезновению отдельных видов, но и нарушает функционирование всей экосистемы. Вода и ее экосистемы играют важную роль в регуляции климата, поддержании биологического баланса и обеспечении ресурсов для человека. Поэтому их сохранение и восстановление являются приоритетными задачами для обеспечения экологической устойчивости. Необходимы меры по охране природных территорий, создание заповедных зон, регулирование деятельности человека, снижение уровня загрязнения и внедрение экологически устойчивых методов хозяйствования. Только комплексный подход и международное сотрудничество могут помочь остановить разрушение водных местообитаний и обеспечить их сохранение для будущих поколений.

Заключение

Одним из важнейших направлений является контроль за качеством воды и предотвращение загрязнений. Внедрение современных систем мониторинга, использование автоматизированных датчиков и дистанционных технологий позволяют своевременно выявлять источники загрязнений и оперативно реагировать на угрозы. Такой подход способствует не только снижению уровня загрязнения, но и формированию системы раннего предупреждения, что особенно важно в условиях быстрого роста промышленного и городского хозяйства. Важным аспектом является также развитие нормативно-правовой базы, которая должна устанавливать строгие стандарты по качеству воды, контролировать деятельность предприятий и обеспечивать ответственность за нарушение экологических требований.

Библиография

1. Гридина О.Н. Устойчивое управление водными экосистемами: оценка состояния и мониторинг водных ресурсов // Проблемы и мониторинг природных экосистем: сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 33-36.
2. Джемалдинов З.Ю. Экологические проблемы сохранения водных ресурсов // Моя профессиональная карьера. 2025. Т. 1. № 78. С. 202-210.
3. Тутарищева С.М., Панеш Б.Х., Селиверстова И.Г. Экологические проблемы в условиях реализации концепции устойчивого развития // Педагогический журнал. 2025. Т. 15. № 9-1. С. 127-135.
4. Шерашова Я.А. Экологические проблемы водных ресурсов в Краснодарском крае // Проблемы природопользования и экологическая ситуация в Европейской России и на сопредельных территориях: сборник материалов XI Международной научной конференции. Белгород, 2025. С. 626-631.

Environmental Problems in Water Resources

Svetlana M. Tutarishcheva

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adygea State University,
385000, 208, Pervomayskaya St., Maykop, Russian Federation;
e-mail: tutas1966@mail.ru

Anatoly A. Belyakov

PhD in Biology,
Associate Professor of the Department of Technological
Management and Socio-Economic Disciplines,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (branch),
K.G. Razumovsky Moscow State University
of Technologies and Management (First Cossack University),
353500, 4E, Sovetskaya St., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: beliakovtorz@rambler.ru

Azamat K. Temzokov

Senior Lecturer,
Department of Administrative and Criminal Law,
Maykop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya St., Maykop, Russian Federation;
e-mail: temzokov.azamat@yandex.ru

Abstract

In this work, the authors examine the key environmental problems threatening the state of water resources and ecosystems: chemical pollution of water, the impact of climate change, and the destruction of natural habitats of aquatic organisms. The article analyzes the main sources of

chemical pollution: industrial enterprises (emissions of heavy metals), agriculture (use of pesticides and herbicides), domestic activities of the population, transport, and construction. The consequences of pollution for aquatic ecosystems and human health are described, including the bioaccumulation of toxins and the disruption of food chains.

For citation

Tutarishcheva S.M., Belyakov A.A., Temzokov A.K. (2026) Ekologicheskiye problemy v vodnykh resursakh [Environmental Problems in Water Resources]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 121-127. DOI: 10.34670/AR.2026.25.96.051

Keywords

Environmental problems, water resources, agriculture, aquatic organisms, protection of natural territories, environmental monitoring.

References

1. Dzhemaldinov Z.Yu. (2025). Ekologicheskiye problemy sokhraneniya vodnykh resursov [Environmental problems of water resources conservation]. *Moya professional'naya kar'yera*, 1(78), 202-210.
2. Gridina O.N. (2024). Ustoychivoye upravleniye vodnymi ekosistemami: otsenka sostoyaniya i monitoring vodnykh resursov [Sustainable management of water ecosystems: assessment of the state and monitoring of water resources]. In *Problemy i monitoring prirodnykh ekosistem: sbornik statey XI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 33-36). Penza.
3. Sherashova Ya.A. (2025). Ekologicheskiye problemy vodnykh resursov v Krasnodarskom kraye [Environmental problems of water resources in the Krasnodar region]. In *Problemy prirodopol'zovaniya i ekologicheskaya situatsiya v Yevropeyskoy Rossii i na sopredel'nykh territoriyakh: sbornik materialov XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (pp. 626-631). Belgorod.
4. Tutarishcheva S.M., Panesh B.Kh., Seliverstova I.G. (2025). Ekologicheskiye problemy v usloviyakh realizatsii kontseptsii ustoychivogo razvitiya [Environmental problems in the conditions of implementation of the concept of sustainable development]. *Pedagogicheskiy zhurnal*, 15(9-1), 127-135.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 364 **DOI: 10.34670/AR.2026.38.72.052**

Социальные программы как средство практической реализации принципов социальной политики

Пшизова Елена Насурдиновна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: agu-urfak@yandex.ru

Савина Светлана Викторовна

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры правовых, психолого-педагогических
и экономических дисциплин,
Адыгейский государственный университет в г. Белореченске,
352633, Российская Федерация, Белореченск, ул. 8 Марта, 57/1;
e-mail: imyokki8@icloud.com

Романова Елена Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе
и дополнительному образованию,
Кубанский казачий государственный
институт пищевой индустрии и бизнеса (филиал),
Московский государственный университет технологий
и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4Е;
e-mail: lenina_ev@mail.ru

Аннотация

Авторы в статье исследуют социальные программы как ключевой инструмент практической реализации принципов социальной политики государства. В исследовании авторами раскрыта роль социальной политики в обеспечении благосостояния населения и снижении социального неравенства; проанализирована структура системы социальной защиты в России, а также её ключевые участники (Минздрав России, Минтруд России, негосударственные организации). Выявлены основные проблемы реализации социальных программ: недостаточное финансирование, бюрократические барьеры, слабая координация между участниками, низкая прозрачность расходования средств, риск иждивенчества. Сделан вывод о том, что устойчивое развитие общества, снижение

социального неравенства и повышение качества жизни граждан возможны только при комплексном подходе к реализации социальных программ.

Для цитирования в научных исследованиях

Пшизова Е.Н., Савина С.В., Романова Е.В. Социальные программы как средство практической реализации принципов социальной политики // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 128-136. DOI: 10.34670/AR.2026.38.72.052

Ключевые слова

Социальная политика, социальные программы, социальная инфраструктура, социальная защита, государственный и негосударственные фонды, инновационные подходы и технологии, государственные структуры.

Введение

В современном обществе социальная политика играет ключевую роль в обеспечении благосостояния населения, снижении социального неравенства и формировании условий для устойчивого развития государства.

В условиях динамично меняющихся социально-экономических условий эффективность реализуемых социальных программ зачастую вызывает сомнения. Несмотря на значительные финансовые вложения и политическую поддержку, многие программы сталкиваются с проблемами недостаточной эффективности, низкой целевой направленности, бюрократическими барьерами и недостаточной координацией между различными участниками процесса.

Одним из важнейших инструментов реализации социальной политики являются социальные программы, которые направлены на поддержку наиболее уязвимых групп населения, развитие социальной инфраструктуры и решение актуальных социальных проблем.

Основная часть

Многообразие и сложность современных социальных проблем диктуют сущностную потребность в теоретико-методологическом обосновании стратегии социальной работы в обществе, поскольку оно остро нуждается в конкретных эффективных технологиях деятельности социальных учреждений и социальных служб различной ведомственной подчиненности и форм собственности. «Действующая в настоящее время социальная работа в России, то есть специфический вид профессиональной деятельности, выполняющая функцию помощи либо поддержки человека в трудной жизненной ситуации, не сориентирована на развитие, дальнейшее восстановление его социальности как способности к самостоятельному, свободному взаимодействию с окружающим миром. Это в свою очередь порождает иждивенчество и неэффективное использование выделяемых ресурсов: материальных, финансовых и кадровых». [Холостова, Кононова, 2023, с. 112]

По мнению Холостовой Е.И. «система социальной защиты в России является очень сложной, и сложность определяется: составляющими системы, уровнями власти, компетенциями уполномоченных органов. Уровнями данной системы являются – федеральный, региональный и местный (муниципальный). К реализации социальной защиты также

привлекаются и негосударственные учреждения». [Анбрехт, 2022, с. 87] Множество субъектов, участвующих (а также которые могут привлекаться к участию) в реализации социальной защиты, разветвленность и громоздкость системы не могут обеспечить в полной мере прозрачности ее финансового обеспечения на всех уровнях. Таким образом, вопрос адекватности контроля и надежности учета финансовых ресурсов, распределяемых на всех уровнях данной системы – открыт.

Отметим, что социальная защита представляет собой систему, соблюдающую права человека, предоставляющую защиту его социальных потребностей. В то же время, социальное обеспечение – это материальное обеспечение выделенной категории граждан, в случае возникновения социально значимых событий. Кратко можно сказать, что социальная защита – это защита прав человека, а соцобеспечение является материальной помощью от государства.

По мнению М.В. Воронцовой «Социальная защита населения нашей страны – это одно из наиболее значимых направлений социальной политики государства, обусловлено установлением и поддержанием общественно необходимого материального и социального положения нуждающихся членов общества Российской Федерации». [Воронцова, Макаров, 2023, с. 32]

В России за социальную защиту отвечает Министерство здравоохранения Российской Федерации (Минздрав России), которое занимается выработкой политики в отношении страховой медицины, и Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд России), занимается выработкой государственной политики и регулированием в сферах демографии, охраны труда, занятости и безработицы, уровня жизни и доходов населения, пенсионного обеспечения, социального страхования (кроме обязательного медицинского) и социальной защиты.

Таким образом, система социальных учреждений по социальной защите и оказанию услуг населению представляет собой целую отрасль в структуре российского государства, сформировавшуюся за годы реформ. На этом основании, можно говорить, что социальная защита представляет собой соответствующую политику нашего государства по обеспечению прав и гарантий в области уровня жизни, удовлетворения потребностей человека: права на минимально достаточные средства жизнеобеспечения, на труд и отдых, защиту от безработицы, охрану здоровья и жилища, на социальное обеспечение по старости, болезни и в случае потери кормильца, для воспитания детей и др. Данная система, призванная обеспечивать определенный уровень доступа к жизненно необходимым благам и определенный уровень благосостояния граждан, которые в силу обстоятельств (старость, состояние здоровья, потеря кормильца или работы и иные законные основания) не могут быть экономически активными и обеспечивать себя доходами путем участия в достойно оплачиваемом труде.

Необходимо отметить, что система социальной защиты населения осуществляется за счет федерального, местных бюджетов, специально создаваемых фондов социальной поддержки населения, негосударственных фондов. Больше всего средств аккумулирует ПФР РФ, причем доходы данного фонда сформированы из источников, обусловленных: страховыми взносами работодателей, граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью и иных граждан; ассигнований из госбюджета; добровольных взносов. Эти средства инвестируются, а доход увеличивает размер накопительной пенсии.

Финансирование социальной защиты – это процесс обеспечения финансовых ресурсов для реализации программ и мероприятий, направленных на обеспечение социальной защиты населения. Оно осуществляется с целью обеспечения социальной справедливости, поддержки и

защиты наиболее уязвимых групп населения, а также создания условий для достойной жизни всех граждан.

Финансирование социальной защиты включает в себя сбор и распределение финансовых ресурсов, а также контроль и оценку эффективности их использования. Оно осуществляется как на уровне государства, так и на местном уровне, включая различные организации и институты, такие как социальные фонды, страховые компании, благотворительные организации и другие.

Таким образом, авторы Т.Ю. Дюдюн, Е.А.Варлыгина делают вывод, что «финансирование социальной защиты носит многоканальный и многоуровневый характер» . [Дюдюн, Варлыгина, 2024, с. 16]

Преодолеть сегодняшние сложнейшие демографические вызовы, с которыми столкнулось население России, невозможно только с помощью социальных выплат, пособий, льгот, отдельных программ. Да, конечно, цифры бюджетных демографических расходов крайне значимы, но это далеко не все, гораздо важнее жизненные ориентиры человек.

Рассмотрим Государственные программы. Государственные программы представляют собой важнейший инструмент реализации социальной политики государства, направленный на решение актуальных социальных проблем и обеспечение благосостояния населения. Они охватывают широкий спектр сфер, таких как здравоохранение, образование, социальное обеспечение, жилищное строительство, занятость и другие области, важные для стабильного развития общества. Основная цель государственных программ – создание условий для повышения качества жизни граждан, снижение социального неравенства и обеспечение социальной справедливости.

Формирование государственных программ основывается на анализе текущей ситуации, выявлении проблемных зон и определении приоритетных направлений развития. По мнению А.А. Альтермана «источниками их формирования служат нормативные акты, стратегические документы, статистические данные, а также результаты исследований и общественных обсуждений. Важной особенностью является необходимость согласования программ с долгосрочной стратегией развития страны и текущими социальными вызовами. Это обеспечивает целенаправленность и эффективность реализуемых мер». [Альтерман, 2023, с. 134]

Одним из ключевых аспектов успешной реализации государственных программ является их финансирование. Бюджетные средства, а также привлечение внебюджетных источников, грантов и международной помощи позволяют обеспечить необходимый уровень ресурсов. Однако зачастую возникает проблема недостаточного финансирования, что негативно сказывается на масштабах и качестве предоставляемых услуг. В связи с этим важным направлением является оптимизация использования ресурсов, повышение прозрачности и эффективности расходования средств.

Ключевым фактором успеха является координация действий различных участников реализации программ – государственных органов, муниципальных структур, неправительственных организаций и бизнеса. Недостаточная координация, бюрократические барьеры и сложные процедуры зачастую тормозят процесс внедрения мер и снижают их эффективность. Для устранения этих проблем необходимо внедрение современных информационных систем, упрощение процедур и развитие партнерских отношений между всеми заинтересованными сторонами.

Особое значение имеет оценка эффективности реализуемых программ. «Постоянный мониторинг и оценка позволяют выявлять недочеты, корректировать стратегии и повышать

результативность мер. В практике широко используются показатели достижения целей, анализ обратной связи от получателей услуг и сравнительный анализ аналогичных программ в других регионах и странах. Недостаточная оценка эффективности зачастую приводит к нерациональному расходованию ресурсов и снижению доверия к государственным инициативам». [Саримова, Седова, 2025, с. 187]

Важным аспектом является участие граждан и заинтересованных сторон в процессе разработки и реализации программ. Общественное обсуждение, проведение опросов и интервью помогают учитывать реальные потребности населения и повышают уровень их доверия к государственным инициативам. Вовлечение граждан способствует более прозрачной и демократичной реализации программ, а также повышает их результативность.

В рамках совершенствования государственных программ особое внимание уделяется внедрению инновационных подходов и технологий. Использование цифровых платформ, автоматизация процессов, аналитика больших данных позволяют повысить оперативность и точность принятия решений, а также обеспечить более эффективное распределение ресурсов. Внедрение новых технологий способствует более прозрачной и подотчетной системе управления программами.

В целом, государственные программы являются важнейшим инструментом реализации социальной политики, способствующим решению актуальных социальных задач и повышению уровня жизни населения. Их эффективность зависит от правильного формирования, своевременного финансирования, координации участников и постоянного мониторинга результатов. В условиях динамично меняющихся социальных условий необходимо совершенствовать механизмы реализации программ, внедрять инновационные технологии и активно привлекать граждан к участию в процессе. Только при таком подходе государственные программы смогут обеспечить устойчивое развитие общества, снизить социальное неравенство и повысить качество жизни граждан.

Наличие в системе управления государственными программами существенных проблем в части планирования показателей госпрограмм. В первую очередь это высокий риск невыполнения установленных параметров по внебюджетным источникам финансирования и, как следствие, замещение внебюджетного финансирования бюджетным.

Существенной проблемой разработки и реализации государственных программ выступает несоответствие реальных объемов их финансового обеспечения основным положениям Федерального закона № 466-ФЗ, программная структура которого разработана в строгом соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации. [Бюджетный кодекс РФ, 1998]

Проанализируем негосударственные программы. Негосударственные программы играют важную роль в системе социальной поддержки и развития общества, дополняя государственные инициативы и создавая дополнительные возможности для решения актуальных социальных проблем. Эти программы реализуются различными негосударственными организациями, такими как благотворительные фонды, неправительственные организации, корпоративные социальные инициативы, а также международными агентствами и инициативами гражданского общества.

Одной из ключевых особенностей негосударственных программ является их независимость от государственных институтов, что позволяет им более свободно формировать приоритеты и разрабатывать индивидуальные подходы к решению социальных задач. Эти программы часто ориентированы на работу с уязвимыми группами населения, такими как дети, пожилые люди, люди с ограниченными возможностями, безработные, а также на поддержку инициатив в

области образования, здравоохранения, культуры и экологии. Благодаря гибкости и меньшей бюрократической нагрузке, негосударственные организации могут быстрее реагировать на изменения ситуации, внедрять новые методы и технологии, а также привлекать дополнительные ресурсы через партнерские отношения и благотворительные акции.

Финансирование негосударственных программ осуществляется за счет частных пожертвований, грантов, корпоративных инвестиций и международных фондов. Такой источник финансирования позволяет им быть более независимыми и адаптивными, однако одновременно требует высокой прозрачности и отчетности для поддержания доверия доноров и общества в целом. Важным аспектом является эффективное управление ресурсами, прозрачность использования средств и регулярная оценка достигнутых результатов. Эти меры помогают повысить эффективность программ и обеспечить их устойчивость в долгосрочной перспективе.

Одной из значимых задач негосударственных программ является привлечение и активное участие граждан, волонтеров и заинтересованных сторон. Общественное участие способствует формированию более релевантных и востребованных инициатив, а также повышает уровень доверия к реализуемым проектам. Вовлечение населения в разработку и реализацию программ помогает учитывать реальные потребности и предпочтения, а также способствует развитию гражданского общества и формированию чувства ответственности за решение социальных проблем.

Современные негосударственные программы активно используют инновационные технологии и цифровые платформы для расширения своей деятельности. Онлайн-кампании, мобильные приложения, системы электронного учета и мониторинга позволяют повысить эффективность взаимодействия с участниками, упростить сбор и обработку информации, а также обеспечить прозрачность и подотчетность. Внедрение таких технологий способствует более точному определению приоритетов, быстрому реагированию на изменения и более эффективному использованию ресурсов.

Несмотря на преимущества, деятельность негосударственных программ сталкивается с рядом проблем. Одной из них является ограниченность финансовых ресурсов, что сказывается на масштабах и устойчивости проектов. Также существует риск недостаточной координации с государственными структурами, что может привести к дублированию усилий или пропуску важных направлений развития. Кроме того, недостаточная информированность населения о существующих инициативах и низкий уровень доверия к негосударственным организациям могут снижать их эффективность и охват целевых групп.

Для повышения эффективности негосударственных программ необходимо развитие партнерских отношений с государственными структурами, бизнес-сообществом и международными организациями. Такой системный подход позволяет объединить усилия, разделить риски и привлечь дополнительные ресурсы. Важным направлением является также развитие системы оценки эффективности программ, что позволит выявлять наиболее успешные практики и корректировать стратегию в соответствии с меняющимися условиями.

В целом, негосударственные программы являются важным инструментом социального развития, способным обеспечить более широкий охват населения, внедрять инновационные подходы и стимулировать активное участие граждан.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день, минуя двадцатилетний период формирования новой системы социальной защиты в России и принимая во внимание все изменения, представляется возможным говорить о достигнутых успехах, поскольку социальное обеспечение является важной составляющей государственной политики России, направленной на обеспечение населения основными материальными и социальными гарантиями.

В текущем 2026 году Россия продолжит развивать систему социального обеспечения, гражданам будет предоставлен широкий спектр льгот и пособий, в том числе в электронном виде, включая пенсии, пособия по временной нетрудоспособности, социальные выплаты и другие виды поддержки, поскольку сущность социальной защиты населения заключается в принятии системы мер по укреплению статуса экономически и социально слабых граждан, ориентированных на соблюдение принципа равноправия. Важнейшим приоритетом системы социальной защиты является поддержка в первую очередь нетрудоспособных граждан.

Библиография

5. Альтерман А.А. Совершенствование государственных программ (на примере государственной программы Российской Федерации «Развитие образования») // Экономика и инновации: сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 134-138.
6. Анбрехт Т.А. Социальная защита отдельных категорий граждан: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 87.
7. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 31.03.2026) // Российская газета. 1998. № 153-154.
8. Воронцова М.В., Макаров В.Е. Социальная защита и социальное обслуживание населения: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. С. 32.
9. Дюдюн Т.Ю., Варлыгина Е.А. Система социального обеспечения населения в России: современный взгляд, проблемы финансового обеспечения и пути их решения // Наука и образование сегодня. 2024. № 1 (78). С. 11-16.
10. Саримова А.И., Седова Н.В. Изменение подхода к оценке эффективности государственных программы // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2025. Т. 22. № 1 (139). С. 187-197.
11. Холостова Е.И., Кононова Л.И. Технология социальной работы: учебник. 6-е изд., стер. М.: Дашков и К, 2023. С. 112.

Social Programs as a Means of Practical Implementation of the Principles of Social Policy

Elena N. Pshizova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Research and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya St., Maykop, Russian Federation;
e-mail: agu-urfak@yandex.ru

Svetlana V. Savina

PhD in Sociology,
Associate Professor of the Department of Legal,
Psychological-Pedagogical and Economic Disciplines,
Adyghe State University in Belorechensk,
352633, 57/1, 8 Marta St., Belorechensk, Russian Federation;
e-mail: imyokki8@icloud.com

Elena V. Romanova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Deputy Director for Research and Continuing Education,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (branch),
K.G. Razumovsky Moscow State University
of Technologies and Management (First Cossack University),
353500, 4E, Sovetskaya St., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: lenina_ev@mail.ru

Abstract

The authors of the article examine social programs as a key tool for the practical implementation of the principles of state social policy. In the study, the authors reveal the role of social policy in ensuring the well-being of the population and reducing social inequality; the structure of the social protection system in Russia is analyzed, as well as its key participants (Ministry of Health of Russia, Ministry of Labor of Russia, non-governmental organizations). The main problems of implementing social programs are identified: insufficient funding, bureaucratic barriers, weak coordination among participants, low transparency of expenditure of funds, and the risk of dependency. It is concluded that the sustainable development of society, the reduction of social inequality, and the improvement of citizens' quality of life are possible only with an integrated approach to the implementation of social programs.

For citation

Pshizova E.N., Savina S.V., Romanova E.V. (2026) Sotsial'nyye programmy kak sredstvo prakticheskoy realizatsii printsipov sotsial'noy politiki [Social Programs as a Means of Practical Implementation of the Principles of Social Policy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 128-136. DOI: 10.34670/AR.2026.38.72.052

Keywords

Social policy, social programs, social infrastructure, social protection, state and non-state funds, innovative approaches and technologies, state structures.

References

1. Alterman A.A. (2023). Sovershenstvovaniye gosudarstvennykh programm (na primere gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Razvitiye obrazovaniya") [Improvement of state programs (on the example of the state program of the Russian Federation "Development of Education")]. In *Ekonomika i innovatsii: sbornik statey uchastnikov*

mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 134-138). Moscow.
2. Anbrekht T.A. (2022). *Sotsial'naya zashchita otdel'nykh kategoriy grazhdan* [Social protection of certain categories of citizens] (2nd ed.). Yurayt. p. 87.
3. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ of July 31, 1998 (as amended on December 28, 2025, with amendments of March 31, 2026). *Rossiyskaya gazeta*, 153-154.
4. Dyudyun T.Yu., Varlygina E.A. (2024). Sistema sotsial'nogo obespecheniya naseleniya v Rossii: sovremennyy vzglyad, problemy finansovogo obespecheniya i puti ikh resheniya [The social security system for the population in Russia: a modern view, financial support issues, and solutions]. *Nauka i obrazovaniye segodnya*, 1(78), 11-16.
5. Kholostova E.I., Kononova L.I. (2023). *Tekhnologiya sotsial'noy raboty* [Social work technology] (6th ed.). Dashkov i K. p. 112.
6. Sarimova A.I., Sedova N.V. (2025). Izmeneniye podkhoda k otsenke effektivnosti gosudarstvennykh programm [Changing the approach to assessing the effectiveness of state programs]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*, 22(1), 187-197.
7. Vorontsova M.V., Makarov V.E. (2023). *Sotsial'naya zashchita i sotsial'noye obsluzhivaniye naseleniya* [Social protection and social services for the population] (2nd ed.). Yurayt. p. 32.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 327 **DOI: 10.34670/AR.2026.20.10.053**

Современные вызовы и угрозы для международной безопасности

Дзыбова Саида Гиссовна

Кандидат юридических наук,
\ доцент кафедры теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Хлебникова Анна Андреевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал),
Российский университет кооперации,
350015, Российская Федерация, Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, 168/1;
e-mail: stakhova69@mail.ru

Маринкин Евгений Борисович

Старший преподаватель,
кафедра «Технологического менеджмента
и социально-экономических дисциплин»,
Кубанский казачий государственный
институт пищевой индустрии и бизнеса (филиал),
Московский государственный университет технологий
и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, д. 4, литер Е;
e-mail: marinkineb@yandex.ru

Аннотация

Авторы в статье рассматривают роль международных организаций в обеспечении безопасности в современном мире, а также ключевые вызовы и угрозы, с которыми они сталкиваются. Анализируются проблемы недостаточной координации между структурами, ограниченности ресурсов, политических противоречий, сложностей в решении гуманитарных кризисов, технических и информационных вызовов, а также низкой вовлечённости местных сообществ. Авторы особое внимание уделяют таким угрозам, как терроризм, киберугрозы и политические конфликты. Подчёркивается необходимость усиления международного сотрудничества, адаптации механизмов безопасности к новым вызовам и развития превентивных мер.

Для цитирования в научных исследованиях

Дзыбова С.Г., Хлебникова А.А., Маринкин Е.Б. Современные вызовы и угрозы для международной безопасности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 137-145. DOI: 10.34670/AR.2026.20.10.053

Ключевые слова

Международная безопасность, международные организации, координация, ресурсы, суверенитет, гуманитарные кризисы, терроризм, киберугрозы, политические конфликты, международное сотрудничество.

Введение

В современном мире международная безопасность является одной из ключевых составляющих стабильности и развития государств и народов. В условиях глобализации, усиления межгосударственных и внутринациональных конфликтов, а также возникновения новых угроз, таких как киберпреступность, терроризм, распространение оружия массового уничтожения, вопросы обеспечения международной безопасности приобретают особую актуальность.

Международные организации по обеспечению безопасности играют важную роль в поддержании мира, стабилизации конфликтных регионов и предотвращении новых кризисов.

Основная часть

Организации, отвечающие за обеспечение международной безопасности, сталкиваются с множеством сложных проблем и вызовов, которые значительно усложняют их деятельность и снижают эффективность их миссий. «Одной из ключевых проблем является недостаточная координация между различными международными структурами и государствами. В условиях множества участников с разными интересами, приоритетами и стратегиями возникает риск дублирования усилий, конфликтов и недопонимания, что снижает эффективность операций и усложняет достижение поставленных целей. Особенно остро эта проблема проявляется в случаях, когда международные организации работают в рамках многосторонних миссий, где необходимо согласование действий между ООН, региональными организациями, государствами-участниками и местными властями». [Кравченко, Лукьянец, 2021, с. 74]

Еще одной важной проблемой является ограниченность ресурсов. Многие международные организации сталкиваются с нехваткой финансовых средств, кадровых ресурсов и технической поддержки, что сдерживает их возможности по реализации комплексных программ по поддержанию мира, восстановлению и развитию. Недостаточное финансирование часто приводит к сокращению масштабов операций, задержкам в выполнении задач и снижению качества оказываемой помощи. Кроме того, нехватка профессиональных кадров, особенно специалистов в области гуманитарной помощи, безопасности и восстановления, ограничивает потенциал организаций и снижает их способность реагировать на быстро меняющиеся ситуации.

Вызовы, связанные с политической волей и суверенитетом государств, также оказывают значительное влияние на деятельность международных организаций. Многие государства

воспринимают вмешательство внешних структур как угрозу своему суверенитету и могут препятствовать проведению миссий или ограничивать их полномочия. Это особенно актуально в случаях, когда международные операции противоречат национальным интересам или политической линии правительства. В результате международные организации сталкиваются с необходимостью балансировать между необходимостью вмешательства для поддержания мира и уважением к национальному суверенитету, что часто создает конфликты и усложняет выполнение миссий.

Еще одним существенным вызовом является сложность решения гуманитарных кризисов и конфликтов, которые зачастую сопровождаются внутренней нестабильностью, насилием и разрушениями. В таких условиях обеспечение безопасности сотрудников и мирных жителей становится крайне сложной задачей. Враждебная среда, наличие вооруженных группировок, террористических организаций и преступных структур создают угрозу для жизни и здоровья участников международных операций. Кроме того, гуманитарные ситуации зачастую требуют комплексных решений, включающих не только военную и полицейскую деятельность, но и долгосрочные меры по восстановлению инфраструктуры, развитию экономики и социальной сферы. Реализация таких программ сталкивается с множеством препятствий, включая недостаток времени, ресурсов и политической поддержки.

Технические и информационные вызовы также занимают важное место. В условиях быстрого развития технологий и информационной среды международные организации должны постоянно обновлять свои средства связи, разведки и мониторинга. Однако зачастую они сталкиваются с недостатком современных технологий, а также с проблемами кибербезопасности и информационной безопасности. Распространение дезинформации, пропаганды и кибератак создает дополнительные угрозы, мешающие эффективной деятельности международных структур.

Кроме того, важной проблемой является недостаточная вовлеченность и участие местных сообществ и гражданского общества в процессах обеспечения безопасности. Часто международные организации работают в условиях ограниченного доверия со стороны населения, что мешает реализации программ по восстановлению и развитию. Недостаток учета местных особенностей, культурных и социальных факторов может привести к непониманию и сопротивлению со стороны населения, что снижает шансы на долгосрочный успех операций.

Наконец, одна из наиболее сложных проблем – это неопределенность и непредсказуемость ситуации на местах. Конфликты и кризисы могут развиваться быстро и неожиданно, что требует от международных организаций высокой гибкости и оперативности. В условиях отсутствия четких сценариев и прогнозов сложно планировать долгосрочные стратегии и выделять необходимые ресурсы. Это создает риск того, что усилия будут рассеяны, а результаты – недостаточно устойчивыми.

Все эти вызовы требуют постоянного совершенствования механизмов взаимодействия, повышения эффективности использования ресурсов, укрепления международного сотрудничества и развития новых технологий.

Проанализируем современные вызовы и угрозы для международной безопасности

Терроризм остается одной из наиболее острых и сложных проблем современного мира, оказывая разрушительное воздействие на безопасность государств, общества и отдельных граждан. Его сущность заключается в использовании насилия и угроз в целях достижения политических, религиозных или идеологических целей, а также в попытках запугать население и правительства, чтобы добиться определенных изменений. Террористические акты могут

принимать различные формы – от взрывов и нападений до кибератак и информационных кампаний, что усложняет задачу их предотвращения и борьбы с ними.

Одной из ключевых особенностей терроризма является его глобальный характер. Современные террористические организации действуют на международном уровне, используют средства коммуникации и транспортные системы для координации своих действий, финансирования и распространения идеологии. Это создает необходимость международного сотрудничества и обмена информацией между государствами, что не всегда происходит без сложностей и противоречий. Террористические группы часто используют слабости в национальных системах безопасности, чтобы проникать на территорию стран, проводить диверсионные операции и вербовать новых участников. [Залысин, 2021, с. 158]

Причины возникновения терроризма многообразны и включают социальные, экономические, политические и религиозные факторы. «В некоторых случаях он является следствием несправедливости, дискриминации или отсутствия политической стабильности, что создает благодатную почву для радикализации населения. В других случаях терроризм используется как инструмент борьбы за власть или территориальные претензии. Религиозные мотивы также играют значительную роль, особенно в случаях экстремистских интерпретаций исламских, христианских или других религий, что зачастую приводит к конфликтам и межрелигиозной напряженности». [Казимиренко, Курышова, 2025, с. 161]

Борьба с терроризмом требует комплексного подхода, включающего меры по предотвращению радикализации, разведывательную деятельность, операции по ликвидации террористических групп и укрепление правовых механизмов. Важной составляющей является работа с населением, особенно с молодежью, чтобы предотвратить их вовлечение в террористические организации. Образовательные программы, социальная интеграция и создание условий для развития экономики и социальной справедливости помогают снизить привлекательность экстремистских идей.

Одной из сложных задач является борьба с финансированием терроризма. Террористические организации используют разнообразные схемы для получения средств – от незаконной торговли, вымогательства и киберпреступлений до использования благотворительных фондов и криптовалют. Международное сообщество активно работает над установлением механизмов контроля за финансовыми потоками, чтобы пресечь возможности для финансирования террористической деятельности.

Технологический прогресс также создает новые вызовы. «Террористы используют интернет и социальные сети для пропаганды, вербовки новых участников и координации своих действий. В то же время, современные средства слежения, разведки и кибербезопасности позволяют правоохранительным органам более эффективно выявлять угрозы и реагировать на них. Однако распространение дезинформации, пропаганды и кибератак усложняет задачу обеспечения безопасности и требует постоянного обновления методов борьбы». [Камергоев, Магомедов, 2020, с. 137]

Несмотря на все усилия, проблема терроризма остается актуальной и требует постоянного внимания со стороны международного сообщества. Важной задачей является укрепление сотрудничества между государствами, обмен информацией и совместное проведение операций по нейтрализации террористических группировок. Также необходимо развивать превентивные меры, направленные на устранение коренных причин радикализации и социальной нестабильности. Только системный и многоуровневый подход, основанный на международной солидарности и инновационных технологиях, способен обеспечить долгосрочную безопасность

и защиту граждан от угроз терроризма.

Киберугрозы представляют собой одну из наиболее актуальных и быстро развивающихся форм угроз безопасности в современном мире. В условиях цифровизации экономики, государственных структур и социальной сферы, уязвимость информационных систем становится все более очевидной, а масштабы потенциального ущерба — значительными. Современные киберпреступники используют разнообразные методы и инструменты для достижения своих целей, что требует постоянного совершенствования средств защиты и профилактики.

Одной из основных форм киберугроз является киберпреступность, включающая в себя такие виды деятельности, как мошенничество, вымогательство, распространение вредоносных программ и кибершпионаж. Мошенники используют фишинг — рассылку поддельных электронных писем или создание поддельных сайтов — для получения конфиденциальных данных пользователей, таких как пароли, номера кредитных карт и личная информация. Вымогательство осуществляется через программы-вымогатели (ransomware), которые блокируют доступ к данным или системам и требуют выкуп за их разблокировку. Вредоносное программное обеспечение также используется для получения несанкционированного доступа к корпоративным и государственным сетям, что может привести к утечке секретной информации или саботажу.

Кибершпионаж — еще одна серьезная угроза, особенно в контексте международных отношений и национальной безопасности. Государственные и негосударственные акторы используют сложные технические средства для получения секретных данных других стран или организаций, что может иметь последствия для стратегической стабильности и экономической безопасности. В этом контексте важным аспектом является защита критической инфраструктуры, такой как энергосистемы, транспорт, связь и финансовые учреждения, поскольку их отключение или повреждение может вызвать хаос и серьезные экономические потери.

Технологический прогресс, особенно развитие интернета вещей, облачных технологий и искусственного интеллекта, создает новые возможности для злоумышленников. Например, уязвимости в устройствах интернета вещей могут быть использованы для проведения атак на домашние системы, умные города или промышленные объекты. «Использование искусственного интеллекта в кибербезопасности позволяет автоматизировать обнаружение угроз и реагирование на них, однако злоумышленники также используют эти технологии для создания более сложных и адаптивных вредоносных программ».[Золотина, 2025, с. 208]

Распространение дезинформации и кибератаки на информационные ресурсы также становится все более распространенным явлением. В условиях информационной войны, особенно в контексте международных конфликтов, использование киберметодов для распространения ложных новостей, вмешательства в выборы или дискредитации оппонентов приобретает особую актуальность. Это требует разработки новых методов противодействия кибердезинформации, а также международного сотрудничества в сфере кибербезопасности.

Для борьбы с киберугрозами важна комплексная стратегия, включающая технические меры, правовые механизмы и международное сотрудничество. Разработка и внедрение современных систем защиты информации, обучение персонала и повышение киберграмотности населения являются ключевыми аспектами. Важным элементом является создание международных соглашений и механизмов обмена информацией, что позволит своевременно реагировать на новые угрозы и координировать усилия различных стран.

Несмотря на все предпринятые меры, киберугрозы продолжают развиваться и усложняться, что требует постоянного обновления методов защиты и повышения уровня кибербезопасности. В современном мире, где информационные системы являются основой функционирования общества, бизнеса и государства, обеспечение кибербезопасности становится приоритетом национальной и международной политики. Только системный подход, основанный на технологических инновациях, правовой ответственности и международной солидарности, способен обеспечить надежную защиту от киберугроз и сохранить стабильность в цифровую эпоху.

«Политические конфликты являются неотъемлемой частью современного мира и проявляются в различных формах и масштабах, начиная от локальных столкновений внутри стран и заканчивая международными кризисами. Они возникают в результате противоречий между различными политическими силами, этническими группами, социальными слоями или государствами, зачастую обусловленных борьбой за власть, ресурсы, идеологии или территориальные интересы. Эти конфликты могут иметь как открытые формы, такие как вооружённые столкновения и протесты, так и скрытые, проявляющиеся в политической манипуляции, информационных войнах и экономическом давлении». [Крюкова, 2020, с. 791]

Одной из ключевых причин политических конфликтов является борьба за власть. Внутри государств противоборствуют различные политические партии, лидеры и элиты, стремящиеся закрепить или расширить свои позиции. В таких ситуациях возникают противоречия по вопросам управления страной, распределения ресурсов, проведения реформ или сохранения статус-кво. Иногда эти конфликты перерастают в гражданские войны или вооружённые восстания, особенно в условиях слабых институтов власти, экономической нестабильности или этнической напряжённости.

Этнические и религиозные противоречия также часто становятся источником политических конфликтов. В странах с многоэтническим населением возникают споры о правах меньшинств, автономии, культурной идентичности и доступе к ресурсам. В некоторых случаях эти противоречия перерастают в сепаратистские движения или межэтнические столкновения, что ведёт к дестабилизации ситуации и требует международного вмешательства. Религиозные разногласия могут усиливать этнические конфликты, создавая дополнительные барьеры для диалога и поиска компромиссов.

Международные политические конфликты часто связаны с борьбой за геополитическое влияние, контроль над стратегическими ресурсами или территориальные споры. Такие конфликты могут принимать форму санкций, дипломатических кризисов, вооружённых столкновений или информационных войн. Например, территориальные споры в регионах, богатых нефтью или газом, вызывают напряжённость между государствами и требуют участия международных организаций для поиска мирных решений. В условиях глобализации и быстрого распространения информации международные конфликты приобретают новые формы, включая кибервойны и информационные операции, направленные на дестабилизацию противников.

Роль внешних факторов в политических конфликтах также значительна. Вмешательство иностранных государств, поддержка одних сторон конфликтов или использование их в своих интересах могут усугублять ситуацию и затягивать разрешение кризисов. В таких условиях внутренние противоречия приобретают международный масштаб, что усложняет поиск компромиссов и требует многосторонних усилий для достижения мира и стабильности.

Заключение

Для разрешения политических конфликтов важны дипломатические методы, диалог и компромиссы. Международные организации, такие как ООН, ОБСЕ и региональные союзы, играют ключевую роль в посредничестве и содействии мирному урегулированию. Внутри государств важна институционализация политического диалога, проведение реформ, укрепление правовых механизмов и обеспечение прав человека. Образование и повышение уровня гражданской ответственности также способствуют снижению напряжённости и предотвращению эскалации конфликтов.

Однако, несмотря на усилия по урегулированию, политические конфликты продолжают оставаться актуальной проблемой, требующей постоянного внимания и адаптации методов разрешения. В условиях современных вызовов, таких как изменение климата, миграционные кризисы и технологические изменения, конфликты приобретают новые формы и требуют комплексных решений, основанных на уважении прав и интересов всех сторон. Только системный подход, сочетающий дипломатические, правовые и социальные меры, способен обеспечить долгосрочную стабильность и мир в мире.

Библиография

1. Залысин И.Ю. Противодействие терроризму: цели, субъекты, модели // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 1 (70). С. 158-164.
2. Золотина К.Ю. Кибербезопасность в условиях цифровизации: угрозы кибербезопасности и меры по защите информации // Информационные технологии и когнитивная электросвязь: сборник научных трудов XI Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2025. С. 208-209.
3. Казимиренко А.А., Курышова И.В. Международный терроризм: причины, условия возникновения и распространения // Безопасность личности, общества и государства: правовые проблемы и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Иркутск, 2025. С. 160-164.
4. Камергоев Б.М., Магомедов М.Н. О причинах возникновения международного терроризма в условиях глобализации общества // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 137-138.
5. Кравченко Д.А., Лукьянец А.В. Международные организации, как способ решение глобальных проблем // Актуальные проблемы развития государства и права: сборник научных статей научно-практического круглого стола. 2021. С. 70-73.
6. Крюкова Е.В. Роль общественно-политических организаций в урегулировании политических конфликтов: возможности и перспективы // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 3 (55). С. 790-795.

Modern Challenges and Threats to International Security

Saida G. Dzybova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya St., Maykop, Russian Federation;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Anna A. Khlebnikova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar Cooperative Institute (branch),
Russian University of Cooperation,
350015, 168/1, Mitrofana Sedina St., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: stakhova69@mail.ru

Evgeny B. Marinkin

Senior Lecturer,
Department of Technological Management and Socio-Economic Disciplines,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (branch),
K.G. Razumovsky Moscow State University
of Technologies and Management (First Cossack University),
353500, 4, building E, Sovetskaya St., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: marinkineb@yandex.ru

Abstract

The authors examine the role of international organizations in ensuring security in the modern world, as well as the key challenges and threats they face. The problems of insufficient coordination between structures, limited resources, political contradictions, difficulties in resolving humanitarian crises, technical and information challenges, as well as low involvement of local communities are analyzed. The authors pay particular attention to such threats as terrorism, cyber threats, and political conflicts. The necessity of strengthening international cooperation, adapting security mechanisms to new challenges, and developing preventive measures is emphasized.

For citation

Dzybova S.G., Khlebnikova A.A., Marinkin E.B. (2026) Sovremennyye vyzovy i ugrozy dlya mezhdunarodnoy bezopasnosti [Modern Challenges and Threats to International Security]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 137-145. DOI: 10.34670/AR.2026.20.10.053

Keywords

International security, international organizations, coordination, resources, sovereignty, humanitarian crises, terrorism, cyber threats, political conflicts, international cooperation.

References

1. Kamergoev B.M., Magomedov M.N. (2020). O prichinakh vozniknoveniya mezhdunarodnogo terrorizma v usloviyakh globalizatsii obshchestva [On the causes of international terrorism in the context of globalization of society]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 4, 137-138.
2. Kazimirenko A.A., Kuryshova I.V. (2025). Mezhdunarodnyy terrorizm: prichiny, usloviya vozniknoveniya i rasprostraneniya [International terrorism: causes, conditions of occurrence and distribution]. In *Bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva: pravovyye problemy i perspektivy: materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov* (pp. 160-164). Irkutsk.
3. Kravchenko D.A., Lukyanets A.V. (2021). Mezhdunarodnyye organizatsii, kak sposob resheniya global'nykh problem

[International organizations as a way to solve global problems]. In *Aktual'nyye problemy razvitiya gosudarstva i prava: sbornik nauchnykh statey nauchno-prakticheskogo kruglogo stola* (pp. 70-73).

4. Kryukova E.V. (2020). Rol' obshchestvenno-politicheskikh organizatsiy v uregulirovanii politicheskikh konfliktov: vozmozhnosti i perspektivy [The role of socio-political organizations in resolving political conflicts: opportunities and prospects]. *Voprosy politologii*, 10(3), 790-795.
5. Zalysin I.Yu. (2021). Protivodeystviye terrorizmu: tseli, sub"yekty, modeli [Countering terrorism: goals, subjects, models]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*, 11(1), 158-164.
6. Zolotina K.Yu. (2025). Kiberbezopasnost' v usloviyakh tsifrovizatsii: ugrozy kiberbezopasnosti i mery po zashchite informatsii [Cybersecurity in the context of digitalization: threats to cybersecurity and measures to protect information]. In *Informatsionnyye tekhnologii i kognitivnaya elektrosvyaz': sbornik nauchnykh trudov XI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 208-209). Yekaterinburg.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.34.39.056**

Проблемы в реализации социальных программ

Дзыбова Саида Гиссовна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Багова Инна Руслановна

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: bagovainna@inbox.ru

Мамишева Зара Аскарбиевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: mamicheva.zara@mail.ru

Беляков Олег Анатольевич

Преподаватель,
кафедра «Технологического менеджмента
и социально-экономических дисциплин»,
Кубанский казачий государственный
институт пищевой индустрии и бизнеса (филиал)
Московский государственный университет технологий
и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4Е;
e-mail: beliakovtorz@rambler.ru

Аннотация

Авторы в статье проводят исследование социальных программ как ключевого инструмента практической реализации принципов социальной политики государства. В условиях динамично меняющихся социально-экономических реалий особую актуальность приобретает вопрос эффективности таких программ — их целевой направленности, финансирования и координации между участниками процесса. Авторами сделан вывод о том, что устойчивое развитие общества, снижение социального неравенства и повышение качества жизни граждан возможны только при комплексном подходе к реализации социальных программ. Он должен включать грамотное планирование, своевременное финансирование, эффективную координацию участников, регулярный мониторинг результатов и активное привлечение граждан к участию в процессе.

Для цитирования в научных исследованиях

Дзыбова С.Г., Багова И.Р., Мамишева З.А., Беляков О.А. Проблемы в реализации социальных программ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 146-153. DOI: 10.34670/AR.2026.34.39.056

Ключевые слова

Финансирование социальных программ, социальные программы, негосударственные социальные программы, социальная защита, социальные проблемы, благотворительные мероприятия, внедрение социальных инвестиций, административно-бюрократические ограничения.

Введение

В современных условиях Россия сталкивается с различными вызовами в сфере социального обеспечения. В условиях быстроменяющейся социальной среды и экономической нестабильности финансирование социальных программ становится особенно важным.

Новый взгляд на финансирование социальных программ предполагает проведение всестороннего анализа и внедрение инновационных методов, что может привести не только к привлечению дополнительных средств, но и к увеличению результативности осуществления социальных проектов.

Социальные программы и проекты направлены на решение социальных проблем и улучшение качества жизни. Они охватывают здравоохранение, образование, жильё, трудоустройство и социальную защиту. Цели - повышение благосостояния, устранение дефицита услуг, равный доступ к ресурсам, снижение бедности и неравенства.

Основная часть

Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются негосударственные социальные программы, является недостаточное финансирование. Эта проблема оказывает существенное влияние на масштаб, устойчивость и эффективность реализуемых проектов, ограничивая возможности организаций в достижении поставленных целей и снижая их способность реагировать на меняющиеся социальные потребности.

В.А. Береснева, Л. В. Шубцова полагаю, что «недостаток финансовых ресурсов зачастую

обусловлен ограниченностью собственных источников доходов организаций, низким уровнем поддержки со стороны государства и бизнеса, а также сложностями в привлечении внешнего финансирования. В результате многие инициативы остаются на начальной стадии или реализуются в ограниченных масштабах, что снижает их потенциал для масштабного воздействия на социальные проблемы».[Береснева, Шубцова, 2023, с. 8]

Недостаточное финансирование сдерживает развитие инновационных подходов и внедрение современных технологий, необходимых для повышения эффективности программ. Например, внедрение цифровых платформ для сбора и анализа данных, автоматизация процессов, использование аналитических инструментов требуют значительных инвестиций, которых зачастую организациям не хватает. В результате такие возможности остаются недоиспользованными, а программы работают менее эффективно, чем могли бы при наличии достаточного финансирования. Кроме того, ограниченные ресурсы затрудняют проведение масштабных информационно-просветительных кампаний, привлечение новых участников и расширение охвата целевых групп, что снижает общий эффект от реализуемых инициатив.

Еще одной проблемой является зависимость от внешних источников финансирования, таких как гранты, благотворительные пожертвования и международные программы. Эти источники зачастую имеют ограниченные сроки и объемы, что создает нестабильность и неопределенность для организаций. Как указывает Б.М. Курбанов «в условиях конкуренции за ограниченные ресурсы, организации вынуждены тратить значительное время и усилия на поиск и оформление грантов, что отвлекает их от непосредственной реализации программ. Кроме того, зависимость от внешних источников может приводить к ограничению свободы в выборе приоритетных направлений и стратегий развития, поскольку финансирование зачастую привязано к определенным условиям и требованиям доноров».[Курбанов, 2025, с. 15]

Недостаточное финансирование также негативно сказывается на кадровом обеспечении программ. Высокие требования к профессионализму специалистов и необходимость постоянного обучения требуют финансовых вложений, которых зачастую нет. В результате организации сталкиваются с дефицитом квалифицированных кадров, что негативно сказывается на качестве предоставляемых услуг и реализации программ. Кроме того, низкая заработная плата и ограниченные возможности для профессионального роста снижают мотивацию сотрудников и затрудняют удержание квалифицированных специалистов.

В условиях ограниченного финансирования организации вынуждены искать дополнительные источники доходов, что не всегда удается. Это может приводить к необходимости сокращения программ, уменьшению их масштабов или снижению качества предоставляемых услуг. В некоторых случаях организации вынуждены прибегать к неэффективным мерам, например, сокращению расходов на важные компоненты программ или использование устаревших технологий, что негативно сказывается на результатах деятельности. В результате возникает порочный круг: недостаток финансирования ограничивает возможности развития и повышения эффективности программ, а низкая эффективность и ограниченные результаты снижают привлекательность и возможность привлечения новых ресурсов.

Для решения проблемы недостаточного финансирования необходимо активное развитие партнерских отношений с государственными структурами, бизнес-сообществом и международными организациями. В рамках таких партнерств возможно совместное финансирование проектов, обмен ресурсами и опытом, что способствует увеличению общего объема доступных средств. Также важно расширять источники финансирования за счет привлечения корпоративных спонсорских программ, проведения благотворительных

мероприятий и внедрения социальных инвестиций. Внутри организаций необходимо совершенствовать системы планирования и учета затрат, внедрять современные методы оценки эффективности использования ресурсов, что позволит более рационально распределять имеющиеся средства и привлекать дополнительные инвестиции.

По мнению И.А.Бакланова «… важным направлением является развитие системы оценки эффективности программ, которая поможет выявлять наиболее результативные инициативы и обосновывать необходимость увеличения финансирования. Обоснованные показатели результативности и прозрачность использования средств способствуют укреплению доверия со стороны доноров и партнеров, что в свою очередь способствует привлечению новых ресурсов. Важным аспектом является также внедрение инновационных моделей финансирования, таких как социальное предпринимательство, краудфандинг и другие формы привлечения средств, которые позволяют диверсифицировать источники доходов и снизить зависимость от ограниченных грантов и пожертвований»[Бакланов, 2023, с. 975].

Социальный проект и социальное проектирование сегодня являются эффективными инструментами решения социальных проблем и входят в систему социальной и молодежной политики страны. Однако недостаточное финансирование таких инициатив ограничивает их масштаб и эффективность, что требует поиска дополнительных источников и методов привлечения ресурсов для устойчивого развития и реализации социальных программ.

Недостаточное финансирование социальных программ – одна из ключевых проблем в сфере социальной политики, которая может приводить к снижению эффективности их реализации и ухудшению качества жизни населения.

Проанализируем административно-бюрократические ограничения социальных программ.

Бюрократия как форма организации государственного управления представляет собой естественную систему отношений, функционирование которой оказывает значительное влияние на экономическое и социальное развитие общества. Экономические аспекты бюрократии охватывают широкий спектр вопросов, начиная от издержек, связанных с содержанием административного аппарата, и заканчивая эффектами, которые бюрократические процессы оказывают на эффективность государственных расходов, качество предоставления публичных благ и общую экономическую динамику страны. Многие авторы полагают, что «одним из ключевых экономических аспектов бюрократии являются издержки, связанные с её функционированием - эти издержки можно разделить на прямые и косвенные. Прямые издержки включают затраты на оплату труда чиновников, содержание административных зданий, техническое оснащение, поддержание информационных систем и другие ресурсы, необходимые для работы государственного аппарата». [Абрамова и др., 2025, с. 28]

В условиях ограниченности бюджетных средств эти затраты часто становятся объектом критики со стороны общества, особенно если их объем существенно увеличивается без видимого улучшения качества государственных услуг. О.С. Елкина и А.Е. Павлов полагают, что «косвенные издержки связаны с неэффективностью бюрократических процессов: чрезмерная регламентация, избыточные административные процедуры и многоступенчатость принятия решений. Эти негативные факторы создают барьеры для бизнеса и граждан, увеличивая трансакционные издержки и снижая экономическую активность. Например, предприниматели могут сталкиваться с длительными и сложными процедурами получения лицензий или разрешений, что замедляет запуск новых проектов и сдерживает инвестиции, то есть косвенные издержки бюрократии могут негативно влиять на темпы экономического роста и конкурентоспособность страны».[Елкина, Павлов, 2024, с. 346]

Бюрократические препятствия представляют собой значительный барьер для эффективной реализации социальных программ и развития социальной сферы в целом. Эти препятствия проявляются в виде сложных административных процедур, длительных сроков оформления документов, многочисленных согласований и разрешений, а также чрезмерной централизации процессов принятия решений. В результате такие бюрократические барьеры замедляют процесс запуска новых инициатив, увеличивают издержки и снижают мотивацию участников, что негативно сказывается на достижении поставленных целей.

Одной из ключевых проблем является сложность и запутанность нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность социальных организаций и программ. Часто нормативные акты противоречат друг другу или устарели, что создает дополнительные сложности при их интерпретации и применении. Это ведет к необходимости обращения за разъяснениями, длительным процедурам получения разрешений и лицензий, а также к рискам нарушения законодательства из-за недостаточной ясности требований. В результате организации вынуждены тратить значительные ресурсы на бюрократическую работу, что отвлекает их от непосредственной реализации социальных проектов.

Еще одной проблемой является избыточная централизация власти и решений на уровне государственных органов. По мнению Т.Н. Родюковой «в условиях высокой бюрократизации принятие решений занимает много времени, а зачастую требует согласования с несколькими инстанциями, что увеличивает сроки реализации программ и снижает их гибкость. Такой подход препятствует оперативному реагированию на изменения ситуации, внедрению инновационных методов и адаптации программ под реальные потребности целевых групп. Кроме того, из-за бюрократических процедур организации сталкиваются с трудностями в получении финансирования, поскольку процесс подачи заявок и отчетности становится чрезмерно сложным и затратным». [Родюкова, 2024, с. 84]

Также бюрократические препятствия негативно влияют на мотивацию сотрудников и участников программ. Постоянное выполнение формальных требований, подготовка многочисленных отчетов и прохождение проверок вызывают усталость и снижение заинтересованности в работе. Это особенно актуально для негосударственных организаций, которые зачастую работают с ограниченными ресурсами и не имеют возможности тратить значительную часть времени и средств на бюрократическую работу. В результате снижается качество предоставляемых услуг и эффективность реализации программ.

Важной проблемой является также недостаточная прозрачность и сложность системы контроля и отчетности. Часто из-за бюрократических требований организации вынуждены предоставлять многочисленные отчеты, что создает дополнительную нагрузку и отвлекает от основной деятельности. При этом из-за отсутствия единой системы учета и мониторинга трудно оценить реальный эффект реализуемых программ, что затрудняет принятие управленческих решений и дальнейшее планирование. В результате возникает риск неэффективного расходования средств и недостаточной оценки достигнутых результатов.

Для преодоления бюрократических препятствий необходимо проводить системные реформы в сфере административных процедур и нормативного регулирования. В первую очередь, требуется упрощение и унификация процедур получения разрешений, лицензий и финансирования. Важно внедрять электронные системы подачи документов, автоматизировать процессы согласования и отчетности, что сократит временные и финансовые издержки. Также необходимо деконцентрировать принятие решений, делегировать полномочия на уровень региональных и муниципальных органов, чтобы повысить оперативность и гибкость

управления.

Еще одним важным аспектом является развитие системы оценки эффективности и прозрачности деятельности организаций и программ. Внедрение современных информационных технологий, таких как системы мониторинга и оценки, позволит повысить прозрачность использования ресурсов, снизить бюрократическую нагрузку и обеспечить более объективную оценку результатов. Важным шагом является также создание единого информационного пространства, где все участники смогут получать необходимую информацию, подавать заявки и отслеживать статус своих дел в режиме онлайн». [Николаев, Саенко, 2023, с. 96]

Кроме того, необходимо формировать культуру диалога и сотрудничества между государственными органами, организациями и участниками программ. Это позволит снизить уровень формализма, повысить доверие и обеспечить более эффективное взаимодействие. В рамках таких инициатив важно внедрять принципы партнерства, совместного планирования и обмена опытом, что способствует более оперативному решению возникающих проблем и повышению эффективности реализации социальных программ.

Заключение

В целом, решение проблемы недостаточного финансирования требует системного подхода, включающего развитие партнерских связей, повышение эффективности использования ресурсов, внедрение инновационных методов привлечения средств и прозрачность в отчетности. Только при наличии достаточных финансовых ресурсов организации смогут реализовать свои программы на должном уровне, расширить охват целевых групп и добиться устойчивого социального воздействия. В условиях современного мира, где социальные проблемы требуют комплексных и масштабных решений, обеспечение адекватного финансирования становится одним из ключевых условий успешной деятельности негосударственных программ и их вклада в развитие общества.

Сложные процедуры согласования, избыточная отчетность и централизованное принятие решений значительно замедляют процессы внедрения реформ и снижают качество предоставляемых услуг. Анализ показал необходимость деконцентрации полномочий, внедрения современных информационных технологий и развития культуры сотрудничества для повышения оперативности и прозрачности.

Библиография

1. Абрамова С.Р., Сизоненко З.Л., Гизатуллина В.Г., Козлова С.В. Экономические аспекты бюрократии в государстве // Дискуссия. 2025. № 135. С. 28-33.
2. Бакланов И.А. Методика оценки эффективности социальной работы: проблемы и перспективы // Вестник науки. 2023. № 12 (69). С. 971-977.
3. Береснева В.А., Шубцова Л.В. Оценка эффективности и результативности реализации проектов на государственном уровне // Инновационная экономика. 2023. № 2 (35). С. 5-18.
4. Елкина О.С., Павлов А.Е. Бюрократическая структура управления организацией в условиях современной неопределенности // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 3. С. 345-354.
5. Курбанов Б.М. Конкурсное оспаривание благотворительных пожертвований // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 4. С. 4-22.
6. Николаев В.В., Саенко И.Б. Подход к построению модели единого информационного пространства для решения задачи оптимизации распределения информационных ресурсов // Технологии информационного общества: сборник трудов XVII Международной отраслевой научно-технической конференции. 2023. С. 96-98.
7. Родюкова Т.Н. Открытость органов государственной власти как способ повышения эффективности

государственного управления в части противодействия коррупции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 83-88.

Problems in the Implementation of Social Programs

Saida G. Dzybova

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya St., Maykop, Russian Federation;
e-mail: dzibova.s@mail.ru

Inna R. Bagova

PhD in Sociology,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya St., Maykop, Russian Federation;
e-mail: bagovainna@inbox.ru

Zara A. Mamisheva

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Constitutional Construction and Political Science,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya St., Maykop, Russian Federation;
e-mail: mamicheva.zara@mail.ru

Oleg A. Belyakov

Lecturer,
Department of Technological Management and Socio-Economic Disciplines,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (branch)
K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University),
353500, 4E, Sovetskaya St., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: beliakovtorz@rambler.ru

Abstract

The authors conduct a study of social programs as a key tool for the practical implementation of the principles of state social policy. In the context of rapidly changing socio-economic realities, the issue of the effectiveness of such programs — their targeting, financing, and coordination among process participants — becomes particularly relevant. The authors conclude that sustainable development of society, reduction of social inequality, and improvement of citizens' quality of life are possible only with an integrated approach to the implementation of social programs. This approach should include competent planning, timely financing, effective coordination of participants, regular monitoring of results, and active involvement of citizens in the process.

For citation

Dzybova S.G., Bagova I.R., Mamisheva Z.A., Belyakov O.A. (2026) Problemy v realizatsii sotsial'nykh programm [Problems in the Implementation of Social Programs]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 146-153. DOI: 10.34670/AR.2026.34.39.056

Keywords

Financing of social programs, social programs, non-state social programs, social protection, social problems, charitable activities, implementation of social investments, administrative-bureaucratic constraints.

References

1. Abramova S.R., Sizonenko Z.L., Gizatullina V.G., Kozlova S.V. (2025). Ekonomicheskiye aspekty byurokratii v gosudarstve [Economic aspects of bureaucracy in the state]. Diskussiya, 135, 28-33.
2. Baklanov I.A. (2023). Metodika otsenki effektivnosti sotsial'noy raboty: problemy i perspektivy [Methodology for assessing the effectiveness of social work: problems and prospects]. Vestnik nauki, 12(69), 971-977.
3. Beresneva V.A., Shubtsova L.V. (2023). Otsenka effektivnosti i rezul'tativnosti realizatsii proyektov na gosudarstvennom urovni [Assessment of the effectiveness and efficiency of project implementation at the state level]. Innovatsionnaya ekonomika, 2(35), 5-18.
4. Elkina O.S., Pavlov A.E. (2024). Byurokraticheskaya struktura upravleniya organizatsiyey v usloviyakh sovremennoy neopredelennosti [Bureaucratic structure of the organization management in the conditions of modern uncertainty]. Ekonomika i upravleniye, 30(3), 345-354.
5. Kurbanov B.M. (2025). Konkursnoye osparivaniye blagotvoritel'nykh pozhertvovaniy [Competitive challenge of charitable donations]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii, 4, 4-22.
6. Nikolaev V.V., Saenko I.B. (2023). Podkhod k postroeniyu modeli yedinogo informatsionnogo prostranstva dlya resheniya zadachi optimizatsii raspredeleniya informatsionnykh resursov [Approach to building a unified information space model for solving the problem of optimizing the distribution of information resources]. In Tekhnologii informatsionnogo obshchestva: sbornik trudov XVII Mezhdunarodnoy otraslevoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii (pp. 96-98).
7. Rodyukova T.N. (2024). Otkrytost' organov gosudarstvennoy vlasti kak sposob povysheniya effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya v chasti protivodeystviya korruptsii [Openness of public authorities as a way to increase the efficiency of public administration in terms of countering corruption]. Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki, 11, 83-88.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.42.56.055**

«Соразмерность» как принцип назначения административных наказаний

Загуменный Кирилл Ильич

Старший преподаватель,
кафедра административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Донецкий филиал,
Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
283000, Российская Федерация, Донецк, пр. Б. Хмельницкого,84;
e-mail: zagumennyykirill@mail.ru

Аннотация

В работе автор исследует принцип соразмерности, который распространяется на неограниченный круг субъектов и предполагает неоднократное использование, закрепляя при этом общие регулятивные положения и конкретизированные правовые установления. Автор приходит к выводу, что соразмерность обладает нормативно-правовой природой и занимает равнозначное положение с иными фундаментальными правовыми принципами с точки зрения юридической значимости. Определено, что подобно принципу формально-юридического равенства, соразмерность представляет собой всеобщий правовой постулат. Всеобщность выражается прежде всего в том, что данная правовая категория, находясь в органическом взаимодействии с другими основополагающими принципами права, реализуется в полной мере — без каких-либо ограничивающих оговорок или условий, способных снизить её содержательную ценность и правовое значение. Кроме того, в ходе исследований автор обращает внимание, что принцип соразмерности административного наказания определяется тремя ключевыми элементами: пропорциональностью применяемых мер, обоснованностью применения, а также допустимыми границами ограничения прав и свобод граждан.

Для цитирования в научных исследованиях

Загуменный К.И. «Соразмерность» как принцип назначения административных наказаний // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 154-162. DOI: 10.34670/AR.2026.42.56.055

Ключевые слова

Принцип, справедливость, соразмерность, пропорциональность, обоснованность, допустимость.

Введение

Ограничения прав и свобод граждан, установленные в виде административных наказаний, должны осуществляться с учетом установленных правовых принципов, которые определяют не только суть этих прав и свобод, но и критерии их возможного ограничения. В противном случае, властные структуры, обладая обширными полномочиями для воздействия на людей, могут использовать административные наказания как средство для необоснованного давления и подавления любых проявлений воли граждан, как отрицательных, так и положительных.

Принудительные меры и санкции в рамках административного права являются частью более широкой системы конституционного и административного регулирования. Законодательные органы, разрабатывая правовые основы для регулирования административно-деликтных отношений, должны учитывать, что эти категории отличаются высоким уровнем нормативной обобщенности. Они определяют не только специфические права в отдельных отраслях, но и фундаментальные конституционные права человека, обладают универсальным характером. Ввиду этого, они оказывают регуляторное воздействие на все аспекты общественных отношений, влияя на правовые возможности индивидуумов [Байтин, 2001, с. 125].

К таким категориям причисляются принципы справедливости, гуманизма, юридического равноправия, а также защита прав и свобод личности и гражданина, обеспечиваемая государством, среди прочего. Эти принципы имеют приоритет над другими правовыми предписаниями и применяются ко всем участникам правоотношений. Основные принципы формируются на ключевых аспектах права, отражают его необходимые составляющие, законы формирования и эволюции механизма правового регулирования. Некоторые исследователи дополнительно отмечают морально-этическую природу этих принципов, поскольку они служат моральной основой и духовным стержнем права.

Методы

Методологическую основу исследования формируют общие и частные научные методы познания, в том числе: диалектический метод, метод толкования норм права, сравнительно-правовой и системно-структурный.

Результаты

Универсальные юридические принципы являются первичными по отношению к моменту создания законодательных основ и уже влияют на процесс их разработки, обуславливая свое доминирование в различных аспектах социальных взаимодействий. Это воздействие проявляется как напрямую, так и через серию других правил, которые помогают уточнять, поддерживать и способствовать выполнению этих основополагающих принципов.

В области юридической и административной ответственности особо выделяется принцип справедливости, который считается фундаментальным и определяющим для всех правовых норм. Этот принцип не всегда прямо указывается в законодательных актах, а скорее является логическим выводом. Кельзен Г. подчеркивает, что основополагающая норма имеет неоспоримую силу, которая либо очевидна, либо предполагается по умолчанию и не является результатом какой-либо правовой процедуры [Kelsen, 1949, с. 112-116].

Её смысл заключается в том, что она принята как данность, такое предположение

необходимо, ведь без него невозможно рассматривать любое действие как юридически значимое. К тому же, для нормального функционирования социальных взаимодействий необходимо, чтобы регулирующие их принципы были не только законными, но и отражали ценности справедливости, свободы и равенства перед законом для всех участников. Идея справедливости, являющаяся краеугольным камнем, утверждена в Преамбуле Конституции РФ и отражена в соответствующих положениях Всеобщей декларации прав человека.

Принцип справедливости занимает ключевое положение среди основополагающих идей административной ответственности, пронизывая всю систему принципов административного права. Именно на его основе формируется подход к назначению наказаний за противоправные деяния. При этом законодатель стремится к тому, чтобы назначаемое наказание в полной мере соответствовало тяжести проступка, объёму нанесённого ущерба, степени виновности лица, его финансовому и имущественному состоянию, а также иным значимым обстоятельствам совершённого правонарушения.

В контексте рассматриваемой тематики, следует обратить внимание на дуалистический характер справедливости, основанный на соразмерности и равенстве. Выступая синтезирующим критерием оценки, справедливость охватывает нормативные предписания, руководящие начала и правоприменительные акты административно-деликтного законодательства, проверяя их на соответствие требованиям объективной обоснованности, нравственной приемлемости и юридической законности. В результате, именно через призму соразмерности и равенства реализуется справедливость как ключевой ориентир для участников соответствующих правовых

отношений [Галлиган, Полянский, Старилов, 2002, с. 179].

Равный подход к административной ответственности служит основой для того, чтобы все лица, совершившие административное правонарушение, несли наказание на одинаковых условиях, вне зависимости от каких-либо различий между ними. Именно в этом выражается принцип справедливости если рассматривать его в контексте юридического равенства: как при формировании законодателем норм административно-деликтного законодательства, так и при их практическом применении уполномоченными органами, меры административной ответственности должны назначаться единообразно в отношении каждого виновного.

В тоже время несмотря на то, что правовое государство предполагает юридическое равенство субъектов, ограничиться только лишь его формальным пониманием было бы непрофессионально. Для всестороннего рассмотрения дуалистического характера справедливости необходимо обратить внимание на соразмерность как общеправовую предпосылку справедливости [Еремина, 2021].

Когда речь идёт о достижении общественно значимых целей в сфере правового регулирования, ключевую роль играет грамотное взаимодействие между конкурирующими ценностями. Именно их разумное сочетание позволяет прийти к сбалансированным результатам – и в этом состоит суть принципа соразмерности.

Практическое применение соразмерности, являющейся неотъемлемым элементом универсального принципа справедливости в праве, даёт возможность не просто внести формально-юридическую определённость, но прежде всего установить меру качественного соответствия между содержательной стороной правовой нормы и её регулятивными задачами. В рамках идеалистического подхода соразмерность предстаёт как категория, опосредующая государственную деятельность и предшествующая своему фактическому воплощению в правовой действительности. Подобная двойственность существования данного явления

определяет его многоаспектную природу: соразмерность выступает одновременно руководящим началом, необходимым условием, предъявляемым требованием и конечным ориентиром правового регулирования.

Как отмечает Нерсесянц В.С.: «Правовое равенство в свободе как равная мера свободы, – означает и требование соразмерности, эквивалента в отношениях между свободными индивидами как субъектами права» [Нерсесянц, 1997, с. 17]. Вместе с тем подобное соответствие принципиально невозможно установить посредством сугубо арифметических вычислений, в рамках которых сравниваемые понятия воспринимаются исключительно как абстрактные числовые показатели, допускающие точное количественное измерение – что вполне достаточно лишь для выявления пропорционального тождества. Подлинная же соразмерность достигается через диалектический подход, в котором сопоставляемые явления приводятся в состояние баланса и гармонии на основе универсальных принципов разумного человеческого познания, либо когда они осмысляются как конкретные, неразрывно связанные между собой и взаимно определяющие друг друга ценностные категории.

Соразмерность представляет многогранный правовой феномен, обладающий собственной внутренней природой. Углублённое изучение соразмерности через призму структурно-функционального подхода неизбежно требует исследования его внутреннего устройства, механизмов организации и взаимосвязи составляющих его компонентов. Это, в свою очередь, закономерно выводит нас на анализ административного наказания как явления, непосредственно связанного с рассматриваемой проблематикой. Поскольку соразмерность непосредственно затрагивает сферу прав и свобод личности, он по своей сути оперирует категориями, находящимися в состоянии противостояния, — конкурирующими правовыми ценностями. Достижение их диалектического баланса и гармоничного сочетания и составляет главное предназначение соразмерности [Микулин, 2014, с. 195].

Следовательно, соразмерность обладает нормативным характером и обеспечивается такой же юридической значимостью, как и другие общеправовые принципы. В результате, наряду с формально-юридическим равенством, соразмерность признается универсальным правовым принципом.

Вместе с тем указанные ценности представляют собой абстрактные категории, существующие независимо от принципа соразмерности, который, в свою очередь, играет роль связующего механизма, согласовывающего средства достижения целей с самими целями. В контексте административных наказаний соразмерность функционирует как регулятивный инструмент, призванный обеспечить их соответствие и совместимость с теми публично-правовыми задачами, которые общество расценивает как приоритетные и общепризнанные, а потому располагающие достаточной легитимной основой для своего существования.

Административные наказания, выступая инструментом правовой ответственности и воздействия на права граждан, обязаны соответствовать задачам, закреплённым в основополагающем законодательстве страны. Конституция РФ устанавливает, что ограничение гражданских прав и свобод допустимо исключительно посредством федерального законодательства и лишь в той степени, которая продиктована необходимостью охраны конституционного строя, общественной нравственности, здоровья населения, интересов и прав граждан, а также поддержания обороноспособности и государственной безопасности [Конституция РФ, 1993].

Закреплённый в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации принцип соразмерности устанавливает параметры допустимого ограничения прав не исключительно в контексте мер

юридической ответственности, а распространяется на все возможные формы и обстоятельства, при которых права и свободы личности могут быть ограничены относительно их конституционного объёма. Из этого вытекает, что административное наказание как конкретный правовой инструмент и конституционно обоснованные цели представляют собой лишь одно из частных проявлений функциональной роли данного принципа, однако не выступают его сущностными структурными компонентами [Керимов, 2001, с. 196].

Принцип соразмерности административного наказания определяется тремя ключевыми элементами: пропорциональностью применяемых мер, их обоснованным характером, а также допустимыми границами ограничения прав граждан. Вместе с тем, прежде чем перейти к углублённому рассмотрению каждого из этих элементов, необходимо подчеркнуть: данная категория направлена в первую очередь не на внешнее оформление административного наказания, а на его внутреннее содержание, отражающее степень ограничения прав лица, привлекаемого к ответственности.

Понятие пропорциональности, изначально принадлежащее сфере математики, при его адаптации к правовой действительности приобретает принципиально иное значение. В юридическом контексте оно выступает инструментом, обеспечивающим разумный баланс между мерами государственного принуждения, применяемыми в отношении конкретного индивида, и теми социально значимыми целями, ради достижения которых подобное принуждение осуществляется.

По мнению Дедова Д.И. пропорциональность при введении ограничений на права и свободы граждан категорически исключает их полное упразднение и не может служить основанием для радикального изменения правового положения человека. Она направлена на нейтрализацию нежелательных последствий в конкретных правовых обстоятельствах путём подбора наиболее подходящего инструмента их устранения. Следовательно, пропорциональность отнюдь не подразумевает обязательного применения строго симметричных мер воздействия на негативные проявления общественной жизни.

Пропорциональная соразмерность как неотъемлемое условие справедливого юридического воздействия определяет границы допустимого вмешательства государства в правовую сферу граждан. Её ключевая задача состоит в том, чтобы применяемые правовые инструменты отвечали разумным критериям и соответствовали общественным запросам, предъявляемым к механизмам ограничения прав в контексте защиты фундаментальных конституционных ценностей [Дедов, 2002, с. 10].

Что касается обоснованности как самостоятельного элемента соразмерности административного наказания, следует отметить её комплексный и многоаспектный характер. Данная категория аккумулирует в себе совокупность условий, при наличии которых то или иное правовое ограничение может быть признано правомерным и надлежащим образом мотивированным.

Иными словами, ограничение прав, выступающее закономерным следствием мер наказания, получает своё правовое обоснование в рамках принципа соразмерности лишь тогда, когда необходимость применения правоограничительных инструментов признаётся не только на формальном, но и на практическом уровне. При этом сама необходимость введения подобных ограничений неизбежно обусловлена потребностью в нейтрализации угроз, непосредственно направленных против охраняемых конституционными нормами интересов отдельной личности, социума и государственных институтов.

Таким образом, само понятие необходимости неразрывно соотносится с конституционно

закреплёнными основаниями для введения ограничений. Вместе с тем правовая природа российской государственности, которая предполагает безусловное признание, соблюдение и защиту прав и свобод личности в качестве наивысшей ценности, требует формирования такой системы правового регулирования, при которой каждому человеку была бы гарантирована надёжная государственная защита его основных прав и свобод.

В результате, государство обязано доказать, что поставленная цель не может быть достигнута иными средствами, не затрагивающими права и свободы граждан, – именно такое требование вытекает из принципа соразмерности.

Принцип соразмерности предопределяет как формальные, так и содержательные критерии допустимости ограничений прав граждан, реализуемых посредством административных наказаний. В частности, закрепляет обязанность государства выстраивать своё взаимодействие с индивидом на основе правозащитных механизмов. Нормы, направленные на ограничение прав, должны отличаться достаточной степенью точности и ясности, что позволяет обеспечить их единообразное толкование и корректное практическое применение. При оценке правомерности вводимых ограничений ключевым условием выступает чёткая и недвусмысленная определённость юридического содержания субъективных прав, свобод и обязанностей конкретного человека.

Каждое субъективное право требует чёткого определения своей сущности и границ, ясного установления содержания и носителей соответствующих обязательств, а также конкретизации допустимых рамок его возможного ограничения.

В любом развитом правовом государстве с демократическим устройством именно закон выступает официальным инструментом, определяющим границы допустимого вмешательства в права и свободы личности. Формальный критерий подразумевает устойчивость данного нормативного акта, его доступность для широкого круга граждан, а также закреплённое Конституцией положение в правовой иерархии России непосредственно связаны с важностью тех общественных отношений, которые он призван регулировать.

Что касается материально-правовых условий, при которых допускается введение ограничений на права и свободы человека, они закреплены непосредственно в Конституции Российской Федерации. Главная цель подобного закрепления состоит в том, чтобы даже при наличии законных государственных механизмов воздействия на указанные права они не теряли своей практической ценности.

Таким образом, одним из ключевых элементов, подлежащих лингвистическому и смысловому рассмотрению при оценке правомерности ограничений прав, выступает допустимость таких ограничений. Границы допустимого ограничения прав во многом определяются тем, насколько государство заинтересовано в реализации общепризнанных целей, оправдывающих введение подобных ограничений.

Говоря иначе, в случае, когда ограничение определённого права признаётся допустимым, государство вправе прибегать исключительно к пропорциональным и строго обоснованным мерам воздействия, которые согласуются с конституционно закреплёнными целями, избегая при этом любых избыточных инструментов регулирования.

Правомерность и целенаправленность допустимого воздействия властных структур на правовое положение гражданина в рамках производства по делу об административном правонарушении подразумевает наличие чётких границ подобного воздействия применительно к определённому кругу субъектов. Любое такое воздействие обязано быть надлежащим образом аргументировано как с точки зрения конкретно сложившейся ситуации, так и относительно

отдельно взятого человека, при этом степень свободы действий уполномоченного органа или должностного лица, должна быть строго регламентирована. Подобный подход к определению границ допустимого сужения прав и свобод граждан находится в полном соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права.

Согласно положениям Всеобщей декларации прав человека, реализация гражданами своих прав и свобод может быть сопряжена лишь с теми ограничениями, которые закреплены в законодательстве и направлены исключительно на обеспечение надлежащего признания и соблюдения прав и свобод иных лиц, а также на удовлетворение обоснованных требований нравственности, поддержание общественного порядка и содействие всеобщему благополучию в условиях демократического общества (ч. 2 ст. 29) [Всеобщая декларация прав человека, 1948].

Резюмируя изложенное, необходимо подчеркнуть, что универсальный правовой принцип соразмерности отражает достигнутую степень нормативного регулирования инструментов правового ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации, а также механизмов применения административной ответственности как одного из ключевых элементов данной системы.

В сфере создания и применения правовых норм соразмерность выступает фундаментальным началом юридической ответственности, что обусловлено её конституционным закреплением и признанием на международном уровне. Вместе с тем, не отрицая универсального характера данного начала и широты его нормативного содержания, следует уточнить, что рассматриваемый принцип анализируется преимущественно сквозь призму его взаимосвязи с административно-деликтными правоотношениями. Именно это обстоятельство предопределяет особый подход к раскрытию его сущности и позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного принципа назначения административных наказаний.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что соразмерность представляет собой универсальную правовую категорию и основополагающий принцип назначения административных наказаний, воплощающий идеи справедливости. Данный принцип подразумевает, что административная ответственность может наступать исключительно за умышленное или неосторожное противоправное деяние, при этом её конкретное выражение определяется с учётом степени общественной опасности совершённого правонарушения, объёма и характера нанесённого вреда, виновности лица, совершившего правонарушение, а также иных значимых факторов, которые позволяют обеспечить персонализированный подход при избрании меры административного наказания.

Библиография

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. 416 с.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). URL: http://legislationrf.ru/info2/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=120805&dst=1000000001&cacheid=A0BDD3D509DA91872A16501431759DF8&mode=splus&rnd=UoLRcFViA6m4zh3v.
3. Галлиган Д., Полянский В.В., Старилов Ю.Н. Административное право: история развития и основные современные концепции. М.: Юристъ, 2002. 410 с.
4. Дедов Д.И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства. М.: Юристъ, 2002. 187 с.
5. Еремина Е.В. Принцип соразмерности (пропорциональности) как базовый принцип административного права // Вестник науки и образования. 2021. № 15-1 (118).

6. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. 560 с.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). URL: http://www.constitution.ru/index.htm.
8. Микулин А.И. Назначение административного наказания: принцип соразмерности // Казанская наука. 2014. № 11. С. 193-195.
9. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. 648 с.
10. Kelsen H. General Theory of Law and State. Cambridge (Mass.), 1949.

"Proportionality" as a Principle for Imposing Administrative Penalties

Kirill I. Zagumenny

Senior Lecturer,
Department of Administrative Law and Administrative
Activities of Internal Affairs Bodies,
Donetsk Branch,
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
283000, 84, B. Khmelnitsky Ave., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: zagumennyykirill@mail.ru

Abstract

In this work, the author examines the principle of proportionality, which extends to an unlimited range of subjects and presupposes repeated use, while establishing both general regulatory provisions and concretized legal norms. The author concludes that proportionality has a normative legal nature and occupies a position equivalent to other fundamental legal principles in terms of legal significance. It is determined that, like the principle of formal legal equality, proportionality represents a universal legal postulate. Universality is expressed primarily in the fact that this legal category, being in organic interaction with other fundamental principles of law, is fully implemented — without any restrictive reservations or conditions that could reduce its substantive value and legal significance. Furthermore, in the course of research, the author draws attention to the fact that the principle of proportionality of administrative punishment is determined by three key elements: the proportionality of the measures applied, the justification for their application, and the permissible limits of restricting the rights and freedoms of citizens.

For citation

Zagumenny K.I. (2026) "Sorazmernost'" kak printsip naznacheniya administrativnykh nakazaniy ["Proportionality" as a Principle for Imposing Administrative Penalties]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 154-162. DOI: 10.34670/AR.2026.42.56.055

Keywords

Principle, justice, proportionality, proportion, justification, admissibility.

References

1. Baitin M.I. (2001). *Sushchnost' prava (Sovremennoye normativnoye pravoponimaniye na grani dvukh vekov)* [The essence of law (Modern normative legal understanding at the turn of two centuries)]. SGAP.
2. Constitution of the Russian Federation. (1993). http://www.constitution.ru/index.htm
3. Dedov D.I. (2002). *Sorazmernost' ogranicheniya svobody predprinimatel'stva* [Proportionality of restricting entrepreneurial freedom]. Yurist.
4. Eremina E.V. (2021). Printsip sorazmernosti (proportsional'nosti) kak bazovyy printsip administrativnogo prava [The principle of proportionality as a basic principle of administrative law]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 15-1(118).
5. Galligan D., Polyansky V.V., Starilov Yu.N. (2002). *Administrativnoye pravo: istoriya razvitiya i osnovnyye sovremennyye kontseptsii* [Administrative law: history of development and main modern concepts]. Yurist.
6. Kelsen H. (1949). *General Theory of Law and State*. Cambridge (Mass.).
7. Kerimov D.A. (2001). *Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava)* [Methodology of law (subject, functions, problems of philosophy of law)] (2nd ed.). Avanta+.
8. Mikulin A.I. (2014). Naznacheniye administrativnogo nakazaniya: printsip sorazmernosti [Imposition of administrative punishment: the principle of proportionality]. *Kazanskaya nauka*, 11, 193-195.
9. Nersesyants V.S. (1997). *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. INFRA-M-NORMA.
10. Universal Declaration of Human Rights. (1948). http://legislationrf.ru/info2/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=120805&dst=1000000001&cacheid=A0BDD3D509DA91872A16501431759DF8&mode=splus&rnd=UoLRcFViA6m4zh3v

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК: 342.55 **DOI: 10.34670/AR.2026.70.42.054**

Цифровизация муниципального управления в условиях формирования информационного государства: правовые проблемы и перспективы развития

Страхов Игорь Андреевич

Старший преподаватель кафедры юриспруденции,
Российский университет кооперации,
141014, Российская Федерация, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30;
e-mail: iastr96@mail.ru

Борисова Анастасия Николаевна

Кафедра психологии и управления,
Московский экономический институт,
109390, Российская Федерация, Москва, ул. Артюхиной, 6к1;
e-mail: borisovaab.97@yandex.ru

Аннотация

В работе рассматриваются правовые аспекты цифровой трансформации системы муниципального управления в условиях становления информационного государства. Исследование направлено на выявление ключевых нормативных затруднений, возникающих при внедрении информационных технологий в деятельность органов местного самоуправления, а также на анализ институциональных условий развития цифровых механизмов управления на муниципальном уровне. Основное внимание сосредоточено на регулировании электронного взаимодействия органов власти и населения, развитии цифровых управленческих платформ, модернизации информационной инфраструктуры муниципальных образований и обеспечении правовой определенности при использовании современных технологических решений в публичном администрировании. Проведенный анализ демонстрирует значение цифровых инструментов для повышения эффективности управленческих процедур и формирование новых моделей взаимодействия государства и общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Страхов И.А., Борисова А.Н. Цифровизация муниципального управления в условиях формирования информационного государства: правовые проблемы и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 163-168. DOI: 10.34670/AR.2026.70.42.054

Ключевые слова

Муниципальное управление, цифровизация, информационное государство, цифровые технологии, местное самоуправление, правовое регулирование, электронное управление, публичное управление.

Введение

Развитие информационного общества сопровождается глубокой модернизацией системы публичной власти. Технологические изменения оказывают значительное влияние на организацию управленческой деятельности, трансформируя традиционные административные процедуры и формируя новые модели взаимодействия органов власти и населения. В научной литературе формирование информационного государства рассматривается как закономерный этап эволюции государственного управления, при котором ключевую роль приобретает управление информационными потоками и цифровыми инфраструктурами [Адилходжаева, 2024].

Муниципальный уровень публичной власти обладает особой спецификой в структуре государственного управления. Решение вопросов местного значения предполагает постоянное взаимодействие органов самоуправления с населением, коммунальными организациями и социальными учреждениями. Подобная институциональная роль обусловливает необходимость оперативного обмена информацией, доступности управленческих процедур и прозрачности административной деятельности. Цифровая трансформация муниципального управления выступает важным инструментом повышения эффективности решения локальных социально-экономических задач.

Основная часть

Внедрение цифровых технологий в деятельность муниципальных органов представляет собой сложный институциональный процесс, включающий модернизацию административных процедур, развитие электронных сервисов и использование автоматизированных систем обработки данных. Электронные платформы управления, цифровые базы муниципальной информации и системы дистанционного взаимодействия с населением позволяют существенно сократить временные затраты на выполнение административных операций и повысить уровень доступности муниципальных услуг. Подобные изменения свидетельствуют о формировании новых принципов публичного администрирования, основанных на использовании цифровых инструментов управления.

Развитие цифровых форм управления непосредственно связано с расширением информационной функции государства. Современные технологические системы обеспечивают сбор, обработку и распространение значительных объемов данных, что позволяет органам власти принимать управленческие решения на основе комплексного анализа социально-экономической информации. Усиление информационной составляющей государственного управления формирует качественно новую модель взаимодействия власти, общества и экономики, в которой информационные ресурсы приобретают стратегическое значение [Хохлова, Переточенкова, 2024].

Цифровая модернизация муниципального управления предполагает внедрение электронных каналов взаимодействия между органами власти и населением. Электронные сервисы предоставления муниципальных услуг, дистанционные формы подачи обращений граждан и системы электронного документооборота существенно упрощают административные процедуры. Расширение цифровых форм коммуникации повышает уровень открытости муниципальных институтов и способствует укреплению доверия населения к органам местного самоуправления.

Вместе с технологическими преимуществами цифровизация муниципального управления сопровождается рядом правовых и организационных трудностей. Нормативное регулирование цифровых механизмов управления пока сохраняет фрагментарный характер, что создает определенные сложности при внедрении современных информационных систем. В научных публикациях подчеркивается необходимость совершенствования правового регулирования процессов цифровизации муниципального управления, включая разработку единых стандартов функционирования информационных систем и нормативное закрепление цифровых процедур управленческой деятельности [Архиреева, Яковлева, 2025].

Особую актуальность приобретает обеспечение информационной безопасности муниципальных информационных систем. Электронные сервисы предоставления государственных и муниципальных услуг требуют обработки значительных объемов данных, включая персональные данные граждан. Обеспечение информационной безопасности, предотвращение несанкционированного доступа к цифровым базам данных и поддержание функционирования информационной инфраструктуры в устойчивом режиме являются ключевыми условиями для эффективного и надежного функционирования цифровых систем управления.

Практика внедрения цифровых технологий демонстрирует постепенное формирование новых моделей административной деятельности на муниципальном уровне. Электронные порталы государственных и муниципальных услуг получили широкое распространение в большинстве российских регионов. Использование цифровых платформ обеспечивает дистанционное получение справок, регистрацию заявлений, оформление социальных выплат и доступ к муниципальной информации. Подобная система организации административных процедур значительно сокращает бюрократические барьеры и способствует повышению эффективности управления муниципальными процессами [Архиреева, Яковлева, 2025].

Дополнительное направление цифровой трансформации связано с внедрением систем электронного документооборота. Автоматизация обработки управленческих документов позволяет контролировать сроки исполнения решений, формировать единую информационную базу муниципального управления и обеспечивать эффективное взаимодействие различных структурных подразделений администрации. Аналитические информационные системы используются для обработки статистических данных, характеризующих социально-экономическое развитие муниципальных территорий, что повышает обоснованность стратегического планирования и управленческих решений.

Существенное значение в условиях цифровизации приобретает развитие механизмов общественного участия в управлении территориальным развитием. Электронные платформы общественных обсуждений, интернет-голосование по вопросам благоустройства городских территорий и цифровые системы инициативного бюджетирования позволяют вовлекать население в процесс принятия управленческих решений. Примером подобной практики служит программа «Вам решать!», реализуемая в муниципальном образовании Нижний Новгород, где жители получают возможность дистанционно выбирать проекты благоустройства, финансируемые из местного бюджета [Страхов, 2025].

Цифровые механизмы участия населения способствуют укреплению общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления и повышению прозрачности управленческих процедур. Вместе с тем функционирование подобных платформ требует четкого нормативного регулирования процедур электронного голосования, подтверждения подлинности результатов и защиты цифровых данных от манипуляций. Отдельное направление цифровой модернизации связано с формированием комплексных информационных систем

управления городским хозяйством. В крупных муниципальных образованиях реализуются проекты «умного города», объединяющие информационные системы транспорта, коммунальной инфраструктуры, городского мониторинга и социальных сервисов. Гафаров Э. Х. и Фаттахов А. А. отмечают, что цифровые платформы управления муниципальной собственностью и инфраструктурными объектами способны существенно повысить эффективность использования муниципальных ресурсов и обеспечить более рациональное управление территориальным развитием [Гафаров, Фаттахов, 2024].

Развитие подобных технологических решений требует разработки и внедрения единой цифровой инфраструктуры муниципального управления, которая обеспечит интеграцию и совместимость различных информационных систем. Недостаток унифицированных стандартов обмена данными часто приводит к фрагментации цифровых сервисов и затрудняет взаимодействие между органами власти различных уровней. Создание интегрированных информационных платформ является ключевым фактором для дальнейшего совершенствования цифрового государственного управления.

Заключение

Цифровизация муниципального управления постепенно формирует новую модель публичного администрирования, основанную на широком использовании информационных технологий, цифровых платформ и автоматизированных управленческих систем. Расширение электронных сервисов, развитие аналитических инструментов обработки данных и внедрение комплексных информационных систем управления городским хозяйством создают предпосылки для повышения эффективности муниципальной управленческой деятельности. Так, Черкасова М. А. отмечает, что накопленный практический опыт цифровой модернизации муниципальных институтов формирует основу для дальнейшего совершенствования правового регулирования цифрового государственного управления [Черкасова, 2020]. Перспективы развития цифровизации муниципального управления в ближайшие годы связаны с расширением функциональных возможностей цифровых платформ, внедрением аналитических инструментов прогнозирования социально-экономических процессов и совершенствованием нормативной базы регулирования электронного участия населения. Комплексное развитие правовых институтов, информационных технологий и административных процедур способно обеспечить устойчивое функционирование муниципального управления в условиях формирования информационного государства.

Библиография

1. Адилходжаева С.М. Усиление информационной функции государства в условиях глобального информационного пространства // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 6-2 (116). С. 16-19.
2. Архиреева А.С., Яковлева А.А. Эволюция муниципального управления в условиях цифровизации // Epomen.Global. 2025. № 58. С. 64-69.
3. Гафаров Э.Х., Фаттахов А.А. Совершенствование управления муниципальной собственностью в эпоху цифровизации // Вестник науки. 2024. № 5 (74). С. 466-471.
4. Страхов И.А. Модели «Электронного государства»: от азиатской до российской // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 2 (73). С. 33-40.
5. Страхов И.А. Об актуальных изменениях законодательства о местном самоуправлении в России // Евразийский юридический журнал. 2025. № 7 (206). С. 202-204.
6. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (последняя редакция).
7. Хохлова Е.М., Переточенкова О.У. Информационная функция государства в условиях цифровизации общества

// Аграрное и земельное право. 2024. № 11 (239). С. 50-52.
8. Черкасова М.А. Муниципальное управление в контексте цифровизации: концепция и опыт // Муниципальная академия. 2020. № 1. С. 177-181.

Digitalization of Municipal Governance in the Context of the Formation of the Information State: Legal Problems and Development Prospects

Igor A. Strakhov

Senior Lecturer, Department of Jurisprudence,
Russian University of Cooperation,
141014, 12/30, Very Voloshinoy St., Mytishchi, Russian Federation;
e-mail: iastr96@mail.ru

Anastasia N. Borisova

Department of Psychology and Management,
Moscow Economic Institute,
109390, 6k1, Artyukhina St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: borisovaab.97@yandex.ru

Abstract

The paper examines the legal aspects of the digital transformation of the municipal governance system in the context of the formation of the information state. The research is aimed at identifying key regulatory difficulties that arise during the implementation of information technologies in the activities of local self-government bodies, as well as analyzing the institutional conditions for the development of digital governance mechanisms at the municipal level. The main focus is on the regulation of electronic interaction between authorities and the population, the development of digital management platforms, the modernization of the information infrastructure of municipalities, and ensuring legal certainty when using modern technological solutions in public administration. The analysis demonstrates the importance of digital tools for increasing the efficiency of management procedures and the formation of new models of interaction between the state and society.

For citation

Strakhov I.A., Borisova A.N. (2026) Tsifrovizatsiya munitsipal'nogo upravleniya v usloviyakh formirovaniya informatsionnogo gosudarstva: pravovyye problemy i perspektivy razvitiya [Digitalization of Municipal Governance in the Context of the Formation of the Information State: Legal Problems and Development Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 163-168. DOI: 10.34670/AR.2026.70.42.054

Keywords

Municipal governance, digitalization, information state, digital technologies, local self-government, legal regulation, electronic governance, public administration.

References

1. Adilkhojaeva S.M. (2024). Usileniye informatsionnoy funktsii gosudarstva v usloviyakh global'nogo informatsionnogo prostranstva [Strengthening the Information Function of the State in the Global Information Space]. Universum: ekonomika i yurisprudentsiya, 6-2(116), 16-19.
2. Arkireeva A.S., Yakovleva A.A. (2025). Evolyutsiya municipal'nogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii [Evolution of Municipal Management in the Context of Digitalization]. Epomen.Global, 58, 64-69.
3. Cherkasova M.A. (2020). Munitsipal'noye upravleniye v kontekste tsifrovizatsii: kontseptsiya i opyt [Municipal Management in the Context of Digitalization: Concept and Experience]. Munitsipal'naya akademiya, 1, 177-181.
4. Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010 "On the Organization of the Provision of Public and Municipal Services" (latest edition).
5. Gafarov E.Kh., Fattakhov A.A. (2024). Sovershenstvovaniye upravleniya munitsipal'noy sobstvennost'yu v epokhu tsifrovizatsii [Improving the Management of Municipal Property in the Era of Digitalization]. Vestnik nauki, 5(74), 466-471.
6. Khokhlova E.M., Peretochenkova O.U. (2024). Informatsionnaya funktsiya gosudarstva v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva [The Information Function of the State in the Context of Digitalization of Society]. Agrarnoye i zemel'noye pravo, 11(239), 50-52.
7. Strakhov I.A. (2024). Modeli «Elektronnogo gosudarstva»: ot aziatskoy do rossiyskoy [Models of the "E-State": From Asian to Russian]. Uchonyye trudy Rossiyskogo universiteta advokatury i notariata imeni G.B. Mirzoyeva, 2(73), 33-40.
8. Strakhov I.A. (2025). Ob aktual'nykh izmeneniyakh zakonodatel'stva o mestnom samoupravlenii v Rossii [On the Current Changes in the Legislation on Local Self-Government in Russia]. Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal, 7(206), 202-204.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.7 **DOI: 10.34670/AR.2026.97.57.057**

Проблемы защиты информации в образовательных организациях

Алкесов Руслан Темботович

Кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры административного и уголовного права,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: alkesov55@mail.ru

Аннотация

Автор в статье рассматривает актуальные проблемы информационной безопасности в образовательных учреждениях в условиях цифровой трансформации. Активное внедрение информационных технологий в учебный процесс и управление образованием сопровождается ростом киберугроз и рисков утечки данных. Автор выявляет основные проблемы систем защиты информации в образовательных организациях, такие как: недостаточная осведомлённость сотрудников и студентов о правилах безопасности; разрозненность и слабая автоматизация систем защиты; несвоевременное обновление программного обеспечения; пробелы в нормативно-правовой базе. В заключении автором подчёркивается необходимость комплексного подхода к обеспечению информационной безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Алкесов Р.Т. Проблемы защиты информации в образовательных организациях // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 169-174. DOI: 10.34670/AR.2026.97.57.057

Ключевые слова

Информационная безопасность, образовательные учреждения, киберугрозы, защита персональных данных, нормативно-правовая база, внутренние угрозы.

Введение

В современном обществе информационные технологии прочно вошли в повседневную жизнь образовательных учреждений, значительно расширив возможности для обучения, коммуникации и управления образовательным процессом. Вместе с тем, активное внедрение цифровых решений обусловило рост угроз и рисков, связанных с информационной безопасностью, что ставит перед системой образования новые задачи по обеспечению защиты данных, конфиденциальности и целостности информации.

В современном образовательном пространстве информационная безопасность становится все более актуальной задачей, поскольку образовательные учреждения активно используют цифровые технологии для организации учебного процесса, хранения и обработки данных студентов, преподавателей и административного персонала. Однако, с ростом цифровизации возрастает и количество угроз, способных нанести значительный ущерб информационной инфраструктуре образовательных учреждений. Основными угрозами являются кибератаки, внутренние инциденты, технические сбои и человеческий фактор.

Основная часть

Кибератаки представляют собой целенаправленные или случайные действия злоумышленников, направленные на получение несанкционированного доступа к информационным системам. По мнению Р.С. Протасова «среди наиболее распространенных видов – фишинг, вредоносное программное обеспечение, атаки типа «отказ в обслуживании» (DDoS), а также взломы баз данных. Фишинг позволяет злоумышленникам получать конфиденциальные данные, такие как логины, пароли и личная информация, маскируясь под доверенные источники». [Протасов, 2024, с. 207]

Атаки DDoS создают перегрузку серверов, делая их недоступными для пользователей, что особенно критично для онлайн-образовательных платформ и систем дистанционного обучения.

Внутренние угрозы зачастую связаны с недобросовестными действиями сотрудников или студентов. Например, несанкционированное распространение конфиденциальных данных, использование слабых паролей, неправильная настройка систем безопасности или случайные ошибки могут привести к утечкам информации. Внутренние инциденты зачастую сложнее обнаружить и предотвратить, поскольку злоумышленники используют доверие и доступ, предоставляемый внутри организации. Кроме того, человеческий фактор является одной из слабых сторон системы информационной безопасности: недостаточная осведомленность о возможных угрозах, небрежное обращение с данными или неправильное использование информационных ресурсов увеличивают риск возникновения инцидентов.

Технические сбои и неисправности оборудования также создают угрозы для информационной безопасности. Например, сбои в работе серверов, систем хранения данных или сетевого оборудования могут привести к потере информации или временной недоступности ресурсов. В случае отсутствия резервных копий или систем аварийного восстановления последствия таких сбоев могут быть крайне серьезными, вплоть до потери важных данных и нарушения учебного процесса.

Кроме того, существует риск утечки данных в результате неправомерных действий третьих

лиц или злоумышленников, использующих уязвимости программного обеспечения. В образовательных учреждениях часто используются различные платформы, системы управления обучением, базы данных студентов и преподавателей, которые могут содержать личную, медицинскую, финансовую и академическую информацию. Если системы не защищены должным образом, эти данные могут стать объектом кражи или использования в мошеннических целях.

Еще одной важной угрозой является использование устаревших или неподдерживаемых программных решений, которые не получают своевременных обновлений безопасности. Такие системы легко поддаются взлому, поскольку злоумышленники используют известные уязвимости. В результате, образовательные учреждения рискуют стать жертвами атак, которые могут привести к серьезным последствиям, включая штрафы за нарушение законодательства о защите персональных данных, утрату доверия со стороны студентов и родителей, а также финансовые потери.

Нарушения в области информационной безопасности могут иметь и репутационные последствия. В случае утечки или компрометации данных, образовательное учреждение рискует потерять доверие своих студентов, родителей и партнеров. Это может негативно сказаться на репутации учреждения, снизить его привлекательность и повлиять на его финансовое состояние. Кроме того, нарушение правил обработки персональных данных может привести к юридическим санкциям и штрафам со стороны регулирующих органов.

В целом, угрозы и риски в области информационной безопасности образовательных учреждений являются многообразными и требуют системного подхода к их выявлению, оценке и устранению. Необходимость постоянного мониторинга, своевременного обновления систем, обучения персонала и внедрения современных технологий защиты информации становится ключевым фактором в обеспечении надежной защиты данных и поддержании доверия к образовательной системе в условиях цифровой трансформации.

Несмотря на широкий спектр современных методов и технологий защиты информации, системы информационной безопасности в образовательных учреждениях сталкиваются с рядом проблем, которые снижают их эффективность и создают потенциальные уязвимости.

По мнению авторов С.И. Кушнир и М.С. Кушнир «одной из ключевых проблем является человеческий фактор. Даже при наличии сложных технических средств и политик безопасности, ошибки или неосведомленность сотрудников и студентов могут привести к серьезным инцидентам. Например, слабые пароли, неправильное использование учетных записей, игнорирование инструкций по безопасности или непреднамеренное раскрытие конфиденциальных данных создают лазейки для злоумышленников. Обучение и повышение осведомленности персонала зачастую недостаточно систематичны или регулярны, что увеличивает риск человеческих ошибок». [Кушнир, Кушнир, 2023, с. 157]

Еще одной проблемой является недостаточная интеграция и автоматизация систем защиты. В образовательных учреждениях зачастую используются разрозненные решения, которые не взаимодействуют между собой должным образом. Это приводит к появлению «слепых зон», через которые злоумышленники могут проникнуть в сеть или получить доступ к критическим данным. Недостаточная автоматизация процессов обнаружения и реагирования на инциденты также увеличивает время реагирования на угрозы, что позволяет злоумышленникам реализовать свои планы до того, как будет предпринято эффективное контрмеры.

Технические системы защиты информации часто имеют ограничения по масштабируемости и гибкости. В условиях постоянного развития технологий и появления новых видов киберугроз

существующие решения могут быстро устаревать или не справляться с новыми вызовами. Например, антивирусные программы и системы обнаружения вторжений могут не распознавать новые типы вредоносных программ или сложные атаки, основанные на социальном инжиниринге. В результате, несмотря на наличие технических средств, системы защиты остаются уязвимыми к новым видам атак.

Также проблемой является недостаточная актуализация и обновление программного обеспечения и систем безопасности. Многие образовательные учреждения сталкиваются с проблемой нехватки ресурсов или недостаточной компетентности персонала, что приводит к задержкам в установке обновлений и патчей. Это создает уязвимости, которые злоумышленники могут использовать для проникновения в сеть или получения доступа к данным. В условиях, когда киберпреступники активно используют эксплойты для автоматического поиска уязвимых систем, несвоевременное обновление становится критическим недостатком.

Также значительной проблемой является недостаточная защита мобильных и удаленных рабочих точек. В современном образовательном процессе все чаще используются мобильные устройства, облачные сервисы и удаленный доступ к информационным системам. Если системы защиты не адаптированы к этим условиям, то они могут стать точками входа для злоумышленников. Недостаточная сегментация сети, слабая аутентификация и отсутствие шифрования данных при передаче увеличивают риск перехвата информации или внедрения вредоносных программ.

К тому же, многие системы защиты информации в образовательных учреждениях ориентированы на предотвращение внешних угроз, в то время как внутренние угрозы зачастую остаются недооцененными. Внутренние пользователи, такие как сотрудники или студенты, могут по ошибке или умышленно раскрывать конфиденциальные данные, использовать слабые пароли или устанавливать неподдерживаемое программное обеспечение, что создает дополнительные риски. Недостаточное управление правами доступа и отсутствие строгого контроля за внутренними действиями увеличивают вероятность внутренних инцидентов.

Наконец, одним из существенных недостатков как полагает К.М. Кудряшов «является недостаточная правовая и нормативная база, регулирующая вопросы информационной безопасности в образовательных учреждениях. В некоторых случаях отсутствуют четкие стандарты, инструкции или процедуры, что затрудняет внедрение и контроль мер защиты». [Кудряшов, 2025, с. 197] Недостаточное законодательное регулирование может привести к тому, что учреждения не будут иметь четкого понимания своих обязанностей и ответственности, а также не смогут своевременно реагировать на новые угрозы или инциденты.

Заключение

Таким образом, несмотря на наличие современных методов защиты информации, системы информационной безопасности в образовательных учреждениях сталкиваются с рядом недостатков, которые снижают их эффективность. Основные проблемы связаны с человеческим фактором, недостаточной автоматизацией и интеграцией систем, устареванием программного обеспечения, недостаточной защитой мобильных и удаленных точек, внутренними угрозами и слабой нормативной базой. Важно не только внедрять технические средства защиты, но и развивать внутреннюю культуру безопасности, повышать компетентность сотрудников, а также создавать нормативную базу, которая бы регламентировала основные требования и стандарты.

Библиография

1. Кудряшов К.М. Правовое обеспечение информационной безопасности в сфере высшего образования // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности: сборник докладов XIV Московской юридической недели. В 6-ти частях. Москва, 2025. С. 197-199.
2. Кушнир С.И., Кушнир М.С. Цифровое образование и информационная безопасность // Технопарк универсальных педагогических компетенций: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2023. С. 156-158.
3. Протасов Р.С. Обеспечение информационной безопасности в условиях цифровизации высшего образования // Инновационные технологии обучения в вузе в условиях цифровизации и реформирования высшего образования: материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. Улан-Удэ, 2024. С. 207-210.

Problems of Information Protection in Educational Organizations

Ruslan T. Alkesov

PhD in Sociology,
Senior Lecturer of the Department of Administrative and Criminal Law,
Maikop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya St., Maikop, Russian Federation;
e-mail: alkesov55@mail.ru

Abstract

The author of the article examines current problems of information security in educational institutions in the context of digital transformation. The active introduction of information technologies into the educational process and education management is accompanied by an increase in cyber threats and risks of data leakage. The author identifies the main problems of information protection systems in educational organizations, such as: insufficient awareness of employees and students about security rules; fragmentation and weak automation of protection systems; untimely software updates; gaps in the regulatory framework. In conclusion, the author emphasizes the need for an integrated approach to ensuring information security.

For citation

Alkesov R.T. (2026) Problemy zashchity informatsii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh [Problems of Information Protection in Educational Organizations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 169-174. DOI: 10.34670/AR.2026.97.57.057

Keywords

Information security, educational institutions, cyber threats, personal data protection, regulatory framework, internal threats.

References

1. Kudryashov K.M. (2025). Pravovoye obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti v sfere vysshego obrazovaniya [Legal support for information security in higher education]. In Rossiyskaya pravovaya sistema: v poiskakh

natsional'noy identichnosti: sbornik dokladov XIV Moskovskoy yuridicheskoy nedeli (Vol. 6, pp. 197-199). Moscow.
2. Kushnir S.I., Kushnir M.S. (2023). Tsifrovoye obrazovaniye i informatsionnaya bezopasnost' [Digital education and information security]. In Tekhnopark universal'nykh pedagogicheskikh kompetentsiy: materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 156-158). Cheboksary.
3. Protasov R.S. (2024). Obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti v usloviyakh tsifrovizatsii vysshego obrazovaniya [Ensuring information security in the context of digitalization of higher education]. In Innovatsionnyye tekhnologii obucheniya v vuze v usloviyakh tsifrovizatsii i reformirovaniya vysshego obrazovaniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (pp. 207-210). Ulan-Ude.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37:004.056.5 **DOI: 10.34670/AR.2026.26.66.058**

Меры и рекомендации по повышению уровня информационной безопасности в образовательном учреждении

Алкесов Руслан Темботович

Кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры административного и уголовного права,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: alkesov55@mail.ru

Аннотация

Автор в работе рассматривает актуальные проблемы информационной безопасности в образовательных учреждениях и предлагает комплексные рекомендации по её повышению. Несмотря на внедрение современных технологий защиты информации, организации сферы образования продолжают сталкиваться с повторяющимися угрозами, которые ставят под угрозу конфиденциальность данных и стабильность работы информационных систем. В исследовании систематизированы ключевые меры по усилению защиты данных — как технические, так и организационные. Среди технических мер выделены: внедрение многофакторной аутентификации; развёртывание систем обнаружения и предотвращения вторжений; сегментация сети; автоматизированный мониторинг и актуализация нормативно-правовой базы. Автором описан поэтапный алгоритм внедрения рекомендаций: от аудита текущего уровня защищённости до формирования культуры информационной безопасности в учреждении. Особое внимание уделено междисциплинарному подходу и роли человеческого фактора в обеспечении защиты данных.

Для цитирования в научных исследованиях

Алкесов Р.Т. Меры и рекомендации по повышению уровня информационной безопасности в образовательном учреждении // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 175-179. DOI: 10.34670/AR.2026.26.66.058

Ключевые слова

Информационная безопасность в образовательных учреждениях, защита информации, информационные системы, многофакторная аутентификация, сегментация сети, автоматизированный мониторинг.

Введение

Частые случаи нарушений безопасности в образовательных учреждениях свидетельствуют о том, что, несмотря на внедрение современных технологий защиты информации, многие организации сталкиваются с повторяющимися проблемами, которые ставят под угрозу конфиденциальность данных и стабильность работы систем.

Для повышения уровня информационной безопасности в образовательных учреждениях необходимо разработать комплексные рекомендации, учитывающие как технические, так и организационные аспекты защиты данных.

Основная часть

Одним из ключевых аспектов повышения уровня информационной безопасности в образовательных учреждениях является внедрение многофакторной аутентификации для доступа к внутренним системам и ресурсам. Это значительно усложнит злоумышленникам возможность получения несанкционированного доступа, особенно в условиях распространенности фишинговых атак и социальной инженерии. Также необходимо обеспечить регулярное обновление программного обеспечения и операционных систем на всех устройствах, включая мобильные и IoT-устройства, поскольку устаревшие системы являются популярной точкой входа для злоумышленников. Важно настроить автоматические обновления и своевременно реагировать на уязвимости, обнаруженные в используемом программном обеспечении.

Необходимо также внедрить системы обнаружения и предотвращения вторжений, а также системы мониторинга сетевого трафика для своевременного выявления подозрительной активности. Важным элементом является сегментация сети, которая позволяет ограничить распространение угроз внутри инфраструктуры и снизить риск масштабных инцидентов.

По мнению В.Г. Ярикова «обучение и повышение осведомленности персонала и студентов по вопросам информационной безопасности являются неотъемлемой частью эффективной защиты. Регулярные тренинги, семинары и информационные кампании помогут сформировать культуру безопасного поведения, научат распознавать фишинговые письма, избегать использования слабых паролей и соблюдать правила безопасной работы с информацией». [Яриков, 2021, с. 97]

Важно также внедрить процедуры реагирования на инциденты, чтобы обеспечить быструю и скоординированную реакцию при обнаружении угроз или утечек данных. Создание плана реагирования, включающего этапы выявления, локализации, устранения и анализа инцидентов, поможет минимизировать последствия и предотвратить повторные нарушения.

Организационные меры должны включать разработку и внедрение внутренних политик и регламентов по информационной безопасности, определение ответственности за безопасность данных и контроль за их выполнением. Необходимо создать систему учета и классификации информации, определить уровни доступа и обеспечить их соблюдение. Важным аспектом является также регулярное проведение аудитов и тестирований системы безопасности, включая пентесты и оценку уязвимостей, что позволит своевременно выявлять слабые места и устранять их.

Нормативно-правовая база должна быть дополнена и актуализирована с учетом современных требований к информационной безопасности. Необходимо обеспечить выполнение требований законодательства в области защиты персональных данных.

Для повышения эффективности мер защиты рекомендуется внедрять системы автоматического мониторинга и анализа инцидентов, использовать системы искусственного интеллекта для выявления аномалий и подозрительной активности. Важным аспектом является также создание резервных копий данных и разработка планов восстановления после инцидентов, что обеспечит минимальные потери информации и быстроту восстановления работы систем.

В целом, разработка и внедрение рекомендаций по информационной безопасности в образовательных учреждениях должны быть системными и последовательными. Необходим комплексный подход, включающий технические меры, организационные процессы и обучение персонала. Только при условии интеграции всех этих элементов можно создать устойчивую систему защиты информации, способную противостоять современным киберугрозам и обеспечить безопасность данных студентов, преподавателей и административного персонала.

Для успешного внедрения рекомендаций по информационной безопасности в образовательных учреждениях необходимо начать с формирования команды ответственных за безопасность данных. В состав этой команды должны входить представители IT-отдела, административного персонала, преподавателей и, при необходимости, внешние эксперты по информационной безопасности. Такой междисциплинарный подход обеспечит всестороннее понимание текущего состояния системы и позволит разрабатывать практические меры, учитывающие специфику образовательной среды.

Первым шагом является проведение аудита текущего уровня информационной безопасности. Этот процесс включает в себя оценку существующих технических средств, процедур и организационных мер. В ходе аудита выявляются слабые места, уязвимости и потенциальные риски, что позволяет сформировать приоритетные направления для улучшения. На основании результатов аудита разрабатывается дорожная карта внедрения рекомендаций, в которой определяются конкретные задачи, сроки и ответственные исполнители.

Следующим этапом является разработка и утверждение внутренних политик и регламентов по информационной безопасности. Эти документы должны четко регламентировать порядок обработки, хранения и передачи данных, а также ответственность каждого сотрудника за соблюдение установленных правил. Важно обеспечить доступность и понятность этих документов для всего персонала, провести разъяснительные мероприятия и обучающие тренинги, чтобы повысить уровень осведомленности и ответственности.

Обучение персонала по мнению М.И. Шубинского «является неотъемлемой частью практических шагов. Регулярные тренинги и семинары помогут сотрудникам понять актуальные угрозы, правила безопасной работы с информацией и порядок действий в случае инцидентов. Особое внимание следует уделить обучению преподавателей и административного персонала, так как именно они чаще всего взаимодействуют с конфиденциальной информацией и могут стать первыми звеньями в цепи защиты». [Шубинский, 2024, с. 181]

Для повышения технической защиты необходимо внедрить современные системы автоматического мониторинга и анализа инцидентов. Внедрение систем искусственного интеллекта и машинного обучения поможет выявлять аномалии и прогнозировать возможные угрозы, что значительно повысит уровень защиты.

Обязательным этапом по мнению И.А. Филюхиной «является создание системы резервного копирования данных и планов восстановления после инцидентов. Регулярное создание резервных копий, их хранение в безопасных местах и тестирование процедур восстановления обеспечит минимальные потери информации и быстроту восстановления работы систем после возможных сбоев или атак. Важно также разработать сценарии реагирования на инциденты, чтобы все сотрудники знали свои роли и действия в случае возникновения угрозы или

нарушения». [Филюхина, 2025, с. 20]

Для повышения уровня защиты необходимо внедрять системы контроля доступа, основываясь на принципе минимальных привилегий. Определение уровней доступа к информации и их строгое соблюдение поможет предотвратить несанкционированный доступ и утечки данных. Важным аспектом является регулярное пересмотрение прав доступа и аудит их соблюдения.

Также необходимо обеспечить соответствие внедряемых мер нормативно-правовой базе. В рамках этого процесса важно провести сертификацию системы менеджмента информационной безопасности, что повысит доверие к учреждению со стороны партнеров и студентов.

Важным аспектом является создание культуры информационной безопасности в образовательном учреждении. Необходимо поощрять сотрудников и студентов к ответственному поведению в сети, формировать у них понимание важности защиты данных. Для этого целесообразно внедрять информационные кампании, разъяснительные материалы и поощрять участие в тренингах.

Заключение

В целом, успешное внедрение рекомендаций требует системного и последовательного подхода. Необходимо обеспечить постоянный мониторинг эффективности предпринятых мер, своевременное обновление политики и процедур, а также адаптацию к новым угрозам и технологиям. Только при комплексном и постоянном подходе можно создать устойчивую систему информационной безопасности, которая защитит данные студентов, преподавателей и административного персонала, обеспечит сохранность информации и повысит доверие к образовательному учреждению.

Библиография

1. Филюхина И.А. Обеспечение физической и информационной безопасности в образовательных организациях: современные решения и методики // Научный Лидер. 2025. № 42 (243). С. 17-23.
2. Шубинский М.И. Повышение квалификации по информационной безопасности для руководителей образовательных организаций // Цифровые технологии в образовании, науке, обществе: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2024. С. 180-184.
3. Яриков В.Г. Просветительская работа по повышению уровня информационной безопасности в образовательных учреждениях // Безопасность информационных систем и технологий в условиях цифровой экономики: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / редколлегия: О.А. Какорина, Ю.С. Бахрачева, Т.А. Попова. Волгоград, 2021. С. 97-100.

Measures and Recommendations for Improving the Level of Information Security in an Educational Institution

Ruslan T. Alkesov

PhD in Sociology,
Senior Lecturer of the Department of Administrative and Criminal Law,
Maykop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya St., Maykop, Russian Federation;
e-mail: alkesov55@mail.ru

Abstract

The author examines current problems of information security in educational institutions and proposes comprehensive recommendations for its improvement. Despite the introduction of modern information protection technologies, educational organizations continue to face recurring threats that jeopardize data confidentiality and the stability of information systems. The study systematizes key measures to strengthen data protection — both technical and organizational. Among the technical measures, the following are highlighted: implementation of multi-factor authentication; deployment of intrusion detection and prevention systems; network segmentation; automated monitoring and updating of the regulatory framework. The author describes a step-by-step algorithm for implementing the recommendations: from auditing the current level of security to forming a culture of information security within the institution. Special attention is paid to the interdisciplinary approach and the role of the human factor in ensuring data protection.

For citation

Alkesov R.T. (2026) Mery i rekomendatsii po povysheniyu urovnya informatsionnoy bezopasnosti v obrazovatel'nom uchrezhdenii [Measures and Recommendations for Improving the Level of Information Security in an Educational Institution]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 175-179. DOI: 10.34670/AR.2026.26.66.058

Keywords

Information security in educational institutions, information protection, information systems, multi-factor authentication, network segmentation, automated monitoring.

References

1. Filyukhina I.A. (2025). Obespecheniye fizicheskoy i informatsionnoy bezopasnosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh: sovremennyye resheniya i metodiki [Ensuring physical and information security in educational organizations: modern solutions and methods]. Nauchnyy Lider, 42(243), 17-23.
2. Shubinsky M.I. (2024). Povysheniye kvalifikatsii po informatsionnoy bezopasnosti dlya rukovoditeley obrazovatel'nykh organizatsiy [Advanced training in information security for heads of educational organizations]. In Tsifrovyye tekhnologii v obrazovanii, nauke, obshchestve: materialy XVIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 180-184). Petrozavodsk.
3. Yarikov V.G. (2021). Prosvetitel'skaya rabota po povysheniyu urovnya informatsionnoy bezopasnosti v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Educational work on improving the level of information security in educational institutions]. In O.A. Kakorina, Yu.S. Bakhracheva, T.A. Popova (Eds.), Bezopasnost' informatsionnykh sistem i tekhnologiy v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki: materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (pp. 97-100). Volgograd.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.254 **DOI: 10.34670/AR.2026.28.72.001**

Правоотношения участников жилищно-коммунальных услуг

Черноусов Илья Витальевич

Магистрант,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, пр-кт Вернадского, 82/1;
Ведущий специалист,
АО «НИИМЭ»
124460, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Валиева, 6/1;
e-mail: i.v.chernousov.job@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу правоотношений в сфере жилищно-коммунальных услуг как одной из ключевых социально значимых отраслей. Рассматриваются особенности нормативно-правового регулирования ЖКУ в Российской Федерации, включая положения Жилищного кодекса РФ, подзаконные акты и санитарные нормы, а также механизмы реализации прав и обязанностей участников данных отношений. Особое внимание уделено распределению ролей между потребителями, управляющими организациями, ресурсоснабжающими компаниями и государственными органами. На основе анализа правоприменительной практики выявлены системные проблемы, включая несоответствие нормативных требований фактическим условиям эксплуатации жилищного фонда, отсутствие четкого разграничения ответственности между субъектами, а также низкую эффективность механизмов ответственности за нарушения. Отдельно рассматривается проблема задолженности населения за коммунальные услуги и ее влияние на устойчивость отрасли. Предлагаются направления совершенствования законодательства, включая дифференциацию нормативных требований с учетом состояния жилого фонда, уточнение границ ответственности участников, а также внедрение дополнительных финансовых и организационных механизмов. Сделан вывод о необходимости формирования сбалансированной модели правового регулирования, обеспечивающей защиту прав потребителей и стабильное функционирование системы ЖКХ.

Для цитирования в научных исследованиях

Черноусов И.В. Правоотношения участников жилищно-коммунальных услуг // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 180-191. DOI: 10.34670/AR.2026.28.72.001

Ключевые слова

Жилищно-коммунальные услуги, ЖКХ, правовое регулирование, управляющая организация, ресурсоснабжающие организации, права и обязанности, жилищное законодательство, ответственность.

Введение

Жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ) представляют собой неотъемлемую часть обеспечения достойных условий жизни населения, затрагивая практически каждого гражданина. Сфера ЖКХ традиционно относится к социально значимым отраслям, где переплетаются интересы жителей (потребителей услуг), управляющих организаций, ресурсоснабжающих компаний и государства. В современных условиях реформирования ЖКХ происходит постоянное совершенствование нормативной базы – от внедрения лицензирования управляющих организаций до развития механизмов дистанционного взаимодействия всех участников правоотношений. Тем не менее, практика показывает, что в сфере ЖКУ сохраняются многочисленные проблемы: конфликты между участниками из-за качества услуг, споры о распределении обязанностей, сложности в реализации прав потребителей, а также исполнения ими обязанностей. Так, несмотря на наличие установленных нормативов качества коммунальных услуг, нередко возникают ситуации, в которых формальное соблюдение минимальных требований не удовлетворяет ожидаемым комфортным условиям проживания. Например, санитарными нормами установлен допустимый диапазон температуры воздуха в холодный период года на лестничной клетке многоквартирного дома – от 14 до 20 °С [Комаров, 2012].

Если температура находится в пределах этих нормативов, управляющая организация формально выполнила свои обязанности, и органы жилищного надзора не вправе требовать дополнительных мер по поддержанию температурного режима, даже если жители испытывают дискомфорт. Подобные ситуации свидетельствуют о необходимости четкого нормативного регулирования правоотношений участников ЖКУ, позволяющего не только реализовывать права потребителей, но и понуждать их исполнять обязанности [Закон РФ «О защите прав потребителей», 1992]. Цель исследования – проанализировать правоотношения, складывающиеся между основными участниками предоставления жилищно-коммунальных услуг, раскрыть механизмы правового регулирования этих отношений, определить права и обязанности сторон, а также выявить проблемные аспекты и возможные направления совершенствования нормативно-правовой базы. Для достижения цели в статье рассмотрены действующие нормативно-правовые акты, устанавливающие порядок предоставления коммунальных услуг, определены участники данных правоотношений и проанализированы механизмы реализации и защиты их прав [Комаров, 2012]. Основное внимание уделяется регулированию в г. Москве в контексте федерального законодательства РФ.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе норм жилищного законодательства Российской Федерации, включая Жилищный кодекс РФ [Жилищный кодекс РФ, 2004], подзаконные акты Правительства РФ, санитарные нормы и законодательство о защите прав потребителей. Методологическую основу составили сравнительно-правовой анализ, изучение правоприменительной практики, а также системный подход к оценке взаимодействия участников правоотношений в сфере жилищно-коммунальных услуг на примере города Москвы.

Результаты и обсуждения

Правовое регулирование отношений в сфере жилищно-коммунальных услуг в Российской Федерации носит комплексный характер. Базовые нормы закреплены в Жилищном кодексе РФ (ЖК РФ), который определяет жилищные правоотношения и их участников.

Согласно ч. 2 ст. 4 ЖК РФ, участниками жилищных отношений являются граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования. В контексте предоставления ЖКУ основными участниками правоотношений выступают: потребители коммунальных услуг (собственники жилых помещений, наниматели по договорам социального или коммерческого найма, иные законные владельцы), исполнители коммунальных услуг (управляющие организации, товарищества собственников жилья и др.) и ресурсоснабжающие организации, а также органы государственной власти, осуществляющие надзор и регулирование в данной сфере. Федеральное правительство устанавливает Правила предоставления коммунальных услуг – ключевой подзаконный акт, регулирующий отношения между исполнителями и потребителями. В настоящее время действует Постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений…», утвердившее одноименные Правила. Эти Правила в п.1 прямо указывают, что они регулируют отношения по предоставлению коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домах, устанавливают права и обязанности исполнителей и потребителей, порядок заключения договоров, контроля качества услуг, определения и внесения платы, перерасчета при услугах ненадлежащего качества, основания ограничения или приостановления услуг, а также вопросы ответственности сторон [Закон РФ «О защите прав потребителей», 1992; Постановление Правительства РФ № 354, 2011].

Иными словами, Правила детально описывают механизм оказания ЖКУ. Отдельного внимания заслуживают нормативы качества коммунальных услуг. Государство определяет минимально допустимые параметры предоставления услуг, отклонение от которых расценивается как нарушение [Карягина, 2023]. Такие требования содержатся в санитарно-эпидемиологических правилах и государственных стандартах. Например, СанПиН 2.1.2.2645-10 устанавливает параметры микроклимата жилых зданий: для нежилых помещений общего пользования (лестничных клеток, вестибюлей) допустимая температура воздуха в отопительный период составляет 14–20 °С [СанПиН 2.1.2.2645-10, 2010].

Для жилых комнат нормативы еще строже – оптимально около 20–22 °С. Правила также содержат приложения с требованиями к качеству услуг – например, температуре горячей воды, давлению водоснабжения, бесперебойности электроснабжения и пр. Таким образом, нормативные акты обеспечивают единые стандарты, на соблюдение которых ориентируются исполнители коммунальных услуг. Наряду с Правилами предоставления коммунальных услуг действует Постановление Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме» (далее Правила №491). Этот акт регламентирует обязанности по содержанию и ремонту общего имущества собственников, к которому, в том числе, относятся внутридомовые инженерные системы, обеспечивающие подачу коммунальных ресурсов. В соответствии с п.10 Правил №491 лицо, осуществляющее управление домом, обязано содержать общее имущество в состоянии, обеспечивающем безопасность жизни и здоровья граждан, постоянную готовность инженерных коммуникаций и оборудования для предоставления коммунальных услуг, а также соблюдение требований

законодательства об энергосбережении [Постановление Правительства РФ № 491, 2006].

Данная норма накладывает на управляющие организации ответственность за поддержание работоспособности систем отопления, водоснабжения, электроснабжения и иных систем, через которые потребителям предоставляются коммунальные услуги. Например, управляющая организация должна следить за исправностью отопительных приборов в местах общего пользования, однако количество секций радиаторов или качество стеклопакета напрямую нормативами не регламентировано – важно лишь поддержание температуры не ниже установленного минимума. Этот момент, как было указано ранее, может приводить к коллизиям между формальным соблюдением нормы и фактическим комфортом проживающих. Отдельно следует упомянуть законодательство о защите прав потребителей, которое применяется к отношениям по оказанию коммунальных услуг гражданам. Закон РФ «О защите прав потребителей» № 2300-1 от 07.02.1992 г. распространяется на исполнителей коммунальных услуг как на исполнителей услуг для населения. В частности, потребители ЖКУ имеют право на информацию об услуге, на ее надлежащее качество, на возмещение убытков, причиненных некачественным предоставлением услуг, и на компенсацию морального вреда. Данный закон играет дополнительную защитную роль: например, он запрещает включать в договоры условия, ущемляющие права потребителей. В контексте ЖКУ это означает недопустимость навязывания потребителю неоправданных платежей или освобождения исполнителя от ответственности, что подтверждается судебной практикой и подкреплено нормами КоАП РФ (ст. 14.8 ч.2 КоАП предусматривает административную ответственность за включение в договор условий, ущемляющих права потребителя) [Тимофеев, 2022, Тимофеев, 2023]. Таким образом, комплекс действующих нормативных актов – ЖК РФ, подзаконные Правила, санитарные нормы, закон о защите прав потребителей – создают правовую основу для функционирования системы ЖКУ. Далее рассмотрим, какие субъекты участвуют в этих правоотношениях и как распределяются их права и обязанности [Тимофеев, 2022, Тимофеев, 2023].

Участники правоотношений и их права и обязанности

Потребители коммунальных услуг – это граждане или организации, пользующиеся услугами для собственного бытового или коммерческого потребления. К ним относятся: собственники жилых помещений в многоквартирном доме; наниматели жилья по договорам социального найма; арендаторы помещений, а также члены жилищных кооперативов, фактически занимающие жилое помещение. Потребители обладают законным правом требовать предоставления коммунальных услуг надлежащего качества и в необходимых объемах, а также обязаны своевременно и полностью оплачивать полученные услуги. Обязанность граждан и организаций оплачивать жилое помещение и коммунальные услуги установлена прямо ЖК РФ – ст.153 гласит, что граждане и организации обязаны своевременно и полностью вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги. Такая обязанность возникает у собственника с момента возникновения права собственности на помещение, у нанимателя – с момента заключения договора найма или фактического вселения.

Даже если право собственности еще не зарегистрировано (например, квартира принята по передаточному акту от застройщика, но не оформлена в Росреестре), обязанность платить за коммунальные услуги наступает с момента подписания акта приемки.

Потребители имеют право на: получение услуг непрерывно (круглосуточно, за исключением перерывов на ремонт или аварии в пределах допустимой продолжительности), на

перерасчет платы в случае предоставления услуг ненадлежащего качества или перерывов сверх нормы, на своевременное получение достоверной информации о тарифах, расходе ресурсов и проведении работ, а также на участие в контроле за качеством услуг. Потребители обязаны допускать в свое помещение представителей исполнителя для снятия показаний приборов учета, проведения ремонта инженерных сетей, а также бережно относиться к оборудованию. Исполнители коммунальных услуг – это субъекты, непосредственно оказывающие коммунальные услуги потребителям. Особенностью российской модели является разнообразие возможных исполнителей. В соответствии с Правилами предоставления коммунальных услуг исполнителем может выступать управляющая организация, товарищество собственников жилья (ТСЖ) либо жилищный кооператив, а также иной специализированный потребительский кооператив, созданный для управления жильем.

Управляющая организация – как наиболее распространенный тип исполнителя – это коммерческая организация, которая на основании договора управления многоквартирным домом берёт на себя обязательства по содержанию общего имущества и обеспечению собственников коммунальными услугами. ТСЖ или жилищный кооператив, когда они сами управляют домом, также выполняют функции исполнителя ЖКУ для своих членов и иных жильцов дома. Ресурсоснабжающие организации (РСО) – хотя формально не всегда являются непосредственными исполнителями перед жильцами, играют ключевую роль в системе ЖКУ. Это организации, которые производят или поставляют коммунальные ресурсы: холодную и горячую воду, тепловую энергию (отопление), электричество, газ, а также принимают и утилизируют сточные воды, твёрдые коммунальные отходы. Правила №354 определяют ресурсоснабжающую организацию как юридическое лицо или ИП, осуществляющие продажу коммунальных ресурсов [Постановление Правительства РФ № 354, 2011].

В классической схеме взаимодействия РСО поставляет ресурсы до границы дома и заключает договор либо с управляющей организацией/ТСЖ (если те являются исполнителем для населения), либо напрямую с конечными потребителями (если реализована модель прямых договоров). Таким образом, РСО всегда является стороной договора поставки ресурса, но не всегда выступает исполнителем услуги для жильцов. Однако в ряде случаев законодательство предусматривает, что ресурсоснабжающая организация становится исполнителем напрямую: такое происходит при отсутствии управляющей организации, при непосредственном управлении домом собственниками, либо если общим собранием собственников принято решение о переходе на прямые договоры с РСО. С 2017–2018 годов нормы ЖК РФ (введенные Федеральным законом №59-ФЗ от 03.04.2018) существенно расширили возможность и обязательность прямых договоров – теперь в большинстве случаев ресурсоснабжающие организации напрямую взимают плату за коммунальные услуги с населения, минуя счета управляющей компании.

Например, ч. 7.5 ст. 155 ЖК РФ установлено, что в случаях, предусмотренных ст.157.2 ЖК РФ, плата за коммунальные услуги вносится собственниками помещений непосредственно соответствующей ресурсоснабжающей организации.

В Москве такая система прямых договоров внедрена, и жители оплачивают отопление, воду, электричество напрямую городским ресурсным компаниям, тогда как плата за содержание жилья поступает управляющей организации. Это снижает риски неплатежей со стороны УК перед РСО и усиливает ответственность ресурсных компаний за качество ресурса перед потребителем. Органы управления многоквартирным домом (если выделять как отдельных участников) – сюда относятся общее собрание собственников помещений и совет

многоквартирного дома. Они не являются «исполнителями» услуг, но от их решений во многом зависят условия предоставления ЖКУ. Общему собранию принадлежит право выбора способа управления домом (ст.161 ЖК РФ) – от этого выбор напрямую зависит, кто будет исполнителем коммунальных услуг. Также общее собрание может решить, будут ли собственники переходить на прямые договоры с ресурсоснабжающими организациями. Совет дома (ст.161.1 ЖК РФ) осуществляет контроль за деятельностью управляющей организации, в том числе по вопросам качества коммунальных услуг, содействует доведению информации до жильцов, участвует в приемке работ. Таким образом, собственники коллективно влияют на организацию правоотношений в сфере ЖКУ. Права и обязанности исполнителя коммунальных услуг. Исполнитель, как сторона договора с потребителями, обязан обеспечить надлежащее предоставление всех коммунальных услуг, входящих в договор управления или в зону ответственности ТСЖ/ЖК. Правила №354 обязывают исполнителя предоставлять услуги круглосуточно и бесперебойно (за исключением перерывов, не превышающих установленной продолжительности), в необходимых объемах и надлежащего качества.

Исполнитель обязан заключить договоры с ресурсоснабжающими организациями на поставку необходимых ресурсов, то есть выступает покупателем ресурсов оптом, чтобы затем предоставить их жильцам. Кроме того, в обязанность исполнителя входит надлежащее содержание и обслуживание внутридомовых инженерных систем, через которые коммунальные услуги доводятся до потребителей.

Например, управляющая компания должна следить за работой лифтов, насосов, трубопроводов, отопительных приборов; снимать показания общедомовых приборов учета и принимать от жильцов показания индивидуальных счетчиков воды, газа, электроэнергии.

На основе этих данных исполнитель производит начисление платы за коммунальные услуги каждому потребителю, а при наличии оснований – делает перерасчет.

Также исполнитель обязан рассматривать жалобы потребителей, связанные с оказанием услуг, и своевременно информировать их об авариях, ремонтных работах и иных событиях, влияющих на предоставление услуг.

По запросу жильцов исполнитель должен предоставлять информацию о тарифах, нормативах, порядка расчета платы, а также акты выполненных работ по содержанию дома. Права исполнителя корреспондируют с его обязанностями. Исполнитель имеет право требовать от потребителей своевременной оплаты услуг; получать от них доступ в помещения для ликвидации аварий или снятия показаний счетчиков; в случае задолженности – начислять пени и инициировать ограничения или приостановление предоставления коммунальной услуги должнику (строго в рамках процедуры, установленной Правилами №354). Например, при неоплате более двух месяцев исполнитель вправе, уведомив потребителя, ограничить подачу ресурса (кроме отопления и холодной воды, отключение которых ограничено санитарными требованиями) – такое право предусмотрено Правилами и служит средством обеспечения платежной дисциплины.

Права и обязанности ресурсоснабжающих организаций

РСО, когда они непосредственно не вступают в отношения с населением, действуют на основании договоров с исполнителем (УК или ТСЖ). В таких случаях обязанности РСО – своевременно и в требуемых объемах поставлять коммунальный ресурс до ввода в дом, поддерживая параметры качества (температуру теплоносителя, давление воды и т.п.) согласно

техническим условиям. Если же РСО является непосредственным исполнителем перед потребителями (при прямых договорах), на нее возлагаются все перечисленные выше обязанности исполнителя (бесперебойность, качество, информирование, перерасчеты и пр.), а также обязанность иметь абонентскую службу для работы с населением. Права РСО в случае прямых договоров – требовать оплаты услуг у потребителей, вводить ограничения при задолженности, получать информацию от управляющих организаций о показаниях общедомовых приборов учета (поскольку даже при прямых договорах именно УК зачастую эксплуатирует домовые сети и снимает показатели). Следует отметить, что отношения «УК – РСО» по поставке ресурсов тоже подробно регулируются законодательством: в 2017 г. были введены положения об обязательном заключении публичных договоров снабжения ресурсами с исполнителями, о расчетах по нормативу при отсутствии общедомовых счетчиков, об ответственности за потери и пр. (ст.157.2, 158 ЖК РФ и др.).

Таким образом, каждый ресурс подается в дом на основании договорных отношений, скрепленных нормами гражданского права, но с существенным публично-правовым регулированием (например, тарифы на коммунальные ресурсы устанавливаются государственными органами – региональными тарифными комиссиями – в административном порядке, а не свободно определяются сторонами). Роль государства и органов власти в рассматриваемых правоотношениях проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, органы власти устанавливают тарифы и нормативы потребления. Тарифы на коммунальные ресурсы для населения утверждаются региональными регуляторами (как правило, региональными энергетическими комиссиями или комитетами по тарифам) по методикам, заданным федеральным центром. Это означает, что ресурсоснабжающие организации не могут произвольно устанавливать цену – она фиксируется государством. Нормативы потребления коммунальных услуг также утверждаются органами исполнительной власти субъекта РФ.

Например, в г. Москве действуют нормативы потребления холодной и горячей воды, тепла на 1 кв.м., установленные постановлениями Правительства Москвы во исполнение федерального Постановления №306 от 23.05.2006 г. Нормативы пересматриваются не чаще чем раз в 3 года и могут изменяться при существенных изменениях условий (климат, конструкция дома).

Таким образом, государство опосредованно влияет на размер платы граждан за услуги через тарифную и нормативную политику. Во-вторых, государство осуществляет надзор и контроль за соблюдением участниками жилищных правоотношений требований законодательства. В субъектах РФ действуют органы государственного жилищного надзора – государственные жилищные инспекции (Госжилинспекция). В г. Москве это Мосжилинспекция. В соответствии со ст.20 ЖК РФ, Госжилинспекция проверяет деятельность управляющих организаций, ТСЖ и иных лиц, управляющих домами, на предмет соблюдения жилищного законодательства и правил предоставления коммунальных услуг. В случае выявления нарушений инспекция вправе выдавать предписания об их устранении и привлекать виновных к административной ответственности. Например, если по жалобе жителей будет установлено, что температура в жилом помещении зимой не достигает минимально допустимых +18 °C, инспектор зафиксирует факт нарушения температурного режима. По результатам проверки выдается предписание управляющей организации (исполнителю) обеспечить нормативный уровень температуры, а также составляется протокол об административном правонарушении по ст.7.23 КоАП РФ – «Нарушение нормативного уровня или режима обеспечения населения коммунальными услугами». Данная статья предусматривает штраф для должностных лиц (например, директора

УК) от 500 до 1000 рублей, для юридических лиц – от 5 до 10 тысяч рублей, однако жилищная инспекция вправе квалифицировать действия не только по ст. 7.23 КоАП РФ, но и по ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ — «Осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами с нарушением лицензионных требований» [Карягина, 2023, Кодекс РФ об административных правонарушениях, 2001].

Эта норма предусматривает значительно более серьёзную ответственность: штраф для юридических лиц — от 150 000 до 300 000 рублей, для должностных лиц — от 50 000 до 100 000 рублей. В отдельных случаях возможно аннулирование лицензии управляющей организации по решению лицензирующего органа.

Таким образом, выбор квалификации зависит от обстоятельств дела и степени выраженности нарушения, что делает правоприменение гибким, но требует высокой правовой грамотности от контролирующих органов [Кодекс РФ об административных правонарушениях, 2001].

Лицензионные требования перечислены в ст.193 ЖК РФ, и среди них – соблюдение стандартов обслуживания, наличия аварийно-диспетчерской службы, раскрытие информации, исполнение предписаний надзорных органов. Таким образом, механизм государственного надзора включает не только штрафные санкции, но и угрозу потери права заниматься деятельностью по управлению домами, что стимулирует управляющие организации соблюдать нормативы. Кроме государственного надзора, существует муниципальный жилищный контроль – на уровне органов местного самоуправления. Также действует механизм общественного жилищного контроля – инициативные группы жителей, советы домов, объединения потребителей могут участвовать в выявлении нарушений и сообщать о них в органы власти [Кодекс РФ об административных правонарушениях, 2001]. Хотя общественный контроль не обладает властными полномочиями, он играет вспомогательную роль в защите интересов потребителей.

Правовые дисфункции в системе ЖКХ и предложения по их устранению

Правоприменительная практика в сфере жилищно-коммунальных услуг в Москве демонстрирует ряд системных коллизий между формальными требованиями законодательства и материально-техническими возможностями управляющих организаций.

В частности, санитарные нормы (например, СанПиН 2.1.2.2645-10) устанавливают минимально допустимые параметры температуры воздуха в местах общего пользования (МОП) — не ниже +14 °С. Однако, как справедливо замечают сами граждане, данный уровень температуры с трудом может быть признан комфортным. Разница между +14 °С и +20 °С, особенно в условиях сырости, сквозняков и низкой теплоизоляции, ощущается критически — особенно для пожилых жильцов и семей с детьми. Также данная норма не учитывает конструктивные особенности зданий, в особенности старого жилого фонда, где холод в подъезде может быть вызван не качеством отопления, а, например, изношенными оконными рамами, дверями с щелями на лестничных клетках или отсутствием остекления балконов [СанПиН 2.1.2.2645-10, 2010].

При обращении жильцов в инспекцию, если замеры подтверждают отклонение от нормы, может быть составлен протокол и назначен штраф несмотря на то, что устранение причины (например, замена окон и дверей) относится к капитальному ремонту и не входит в обязанности

УК по текущему содержанию. Таким образом, на управляющую организацию возлагается ответственность за параметры, на которые она не имеет ни технического, ни финансового воздействия, поскольку работы по капитальному ремонту находятся в компетенции регионального оператора капремонта или требуют отдельного решения собственников и финансирования.

Данная ситуация иллюстрирует пробел в нормативном регулировании, где механизмы распределения ответственности между субъектами ЖКХ не синхронизированы с реальными техническими условиями эксплуатации зданий.

Проведённый анализ свидетельствует о наличии фундаментального системного перекоса в распределении ответственности между участниками отношений в сфере управления многоквартирными домами. В частности, действующие нормативы и алгоритмы контроля не разграничивают должным образом нарушения, вызванные ненадлежащим текущим содержанием, и дефекты, обусловленные отсутствием капитального ремонта в течение длительного периода.

Например, зафиксированное инспекцией понижение температуры в подъездах может стать основанием для административной ответственности управляющей организации. Однако в ряде случаев причины кроются не в бездействии УК, а в глубоко изношенных конструктивных элементах здания — окнах, дверях, лестничных клетках, которые могут требовать капитального вмешательства, выходящего за рамки текущего ремонта. Отсутствие нормативной границы между этими категориями нарушений создаёт неопределённость правоприменения и необоснованное давление на управляющие организации, особенно в домах, не проходивших капитального ремонта более 20–30 лет.

В этой связи целесообразно:

– внести изменения в систему нормирования, предусматривающие дифференциацию температурных и технических требований к зданиям в зависимости от факта и срока проведения капитального ремонта;
– закрепить в законодательстве механизм разграничения ответственности между УК и региональными операторами по капитальному ремонту в случае, если нарушение вызвано элементами, подлежащими капитальному восстановлению;
– предусмотреть возможность создания дополнительного целевого фонда на уровне конкретного дома или подъезда — на добровольной основе с решением общего собрания, предназначенного для внебюджетного финансирования отдельных элементов капитального характера, особенно в части лестничных клеток, остекления, входных групп.

Одной из наиболее болезненных и системных проблем остаётся высокий уровень задолженности населения за ЖКУ. Несмотря на наличие предусмотренных пени и возможности ограничения/приостановления услуг, механизмы взыскания работают слабо, особенно в социально чувствительных категориях. Кроме того, моратории в период пандемии и иных кризисов де-факто приучили часть потребителей к идее о возможности неуплаты. Это влечёт кассовые разрывы у ресурсоснабжающих организаций и ухудшение финансовой дисциплины в отрасли в целом.

Необходимо разработать и внедрить новую модель баланса между социальной защитой и имущественной ответственностью, включая:

– создание специального социального жилищного фонда, куда могут быть переселены граждане, утратившие возможность содержать занимаемую ими недвижимость;

– установление жёсткой планки неплатежей, при превышении которой (например, 30% от кадастровой стоимости жилья) может быть инициирована процедура принудительного выселения через суд с компенсацией минимального жилья или предоставлением койко-места из фонда.

Такие меры позволят восстановить реальное равновесие интересов участников и обеспечить устойчивость финансовой модели жилищно-коммунальной сферы без перекладывания нагрузки исключительно на добросовестных собственников.

Заключение

Таким образом, проведённый анализ правоотношений в сфере жилищно-коммунальных услуг в условиях мегаполиса на примере Москвы позволяет сделать вывод о наличии существенных противоречий между действующими нормативными предписаниями и реальной правоприменительной практикой. Система регулирования остаётся фрагментированной, с нечетким разграничением зон ответственности между управляющими организациями, ресурсоснабжающими предприятиями и собственниками помещений.

Особое внимание заслуживает проблема несбалансированности нормативных требований и технических возможностей исполнения — особенно в отношении старого жилищного фонда. Отсутствие гибких механизмов учета изношенности объектов недвижимости, а также неурегулированность границы между текущим и капитальным ремонтом приводит к ситуационной несправедливости и деформации самой сути контроля.

Не менее остро стоит вопрос эффективности ответственности сторон: как за ненадлежащее исполнение коммунальных услуг, так и за неисполнение платежных обязательств. Применяемые санкции либо недостаточны, либо слабо исполнимы на практике, что требует внедрения более продуманных, социально ориентированных, но в то же время действенных механизмов.

В связи с вышеуказанным представляется необходимым:

– законодательное уточнение зон ответственности участников ЖКХ с учётом технического состояния жилого фонда;
– введение дифференцированных норм для домов, не проходивших капитальный ремонт;
– нормативное закрепление возможности создания локальных целевых фондов;
– развитие института социальной замены жилья для должников с длительным стажем неплатежей.

Дальнейшие научные и прикладные исследования в данной сфере должны быть ориентированы на создание единой, справедливой и выполнимой модели отношений, обеспечивающей как защиту прав потребителей, так и устойчивость коммунальной инфраструктуры.

Библиография

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 14.
2. Карягина В. С. Гражданско-правовая ответственность при нарушении жилищных прав: вопросы теории и практики //Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2023. – Т. 16. – №. 7. – С. 82-93.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Комаров С. С. Субъекты правоотношений по оказанию жилищно-коммунальных услуг (вопросы гражданского

права) //Право и практика. – 2012. – №. 1. – С. 19-23.
5. О защите прав потребителей : закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 15. — Ст. 766.
6. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домах : постановление Правительства Российской Федерации от 06.05.2011 № 354 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 22. — Ст. 3168.
7. Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме : постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 № 491 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 34. — Ст. 3680.
8. СанПиН 2.1.2.2645-10. Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях : утв. постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 10.06.2010 № 64.
9. Тимофеев Е. С. Система договоров в сфере ЖКХ: правовые основы регулирования, признаки и особенности //Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления. – 2022. – С. 297-298.
10. Тимофеев Е. С. Частно-правовая секция Система договоров в сфере ЖКХ: правовые основы регулирования, признаки и особенности //ББК 67.0 П78. – 2023. – С. 199.

Legal Relations of Participants in Housing and Communal Services

Ilya V. Chernousov

Master's Student,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82/1, Vernadsky Ave., Moscow, Russian Federation;
Leading Specialist,
JSC "NIIME",
124460, 6/1, Akademika Valieva St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: i.v.chernousov.job@gmail.com

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of legal relations in the sphere of housing and communal services as one of the key socially significant sectors. The features of normative legal regulation of housing and communal services in the Russian Federation are examined, including provisions of the Housing Code of the Russian Federation, by-laws and sanitary norms, as well as mechanisms for the implementation of the rights and obligations of participants in these relations. Special attention is paid to the distribution of roles among consumers, management organizations, resource-supplying companies, and state bodies. Based on an analysis of law enforcement practice, systemic problems are identified, including the discrepancy between regulatory requirements and the actual operating conditions of the housing stock, the lack of a clear delineation of responsibility among subjects, and the low effectiveness of liability mechanisms for violations. The problem of public debt for utilities and its impact on the stability of the sector is examined separately. Directions for improving legislation are proposed, including the differentiation of regulatory requirements taking into account the condition of the housing stock, clarification of the boundaries of responsibility of participants, and the introduction of additional financial and organizational mechanisms. A conclusion is drawn about the need to form a balanced model of legal regulation that ensures the protection of consumer rights and the stable functioning of the housing and communal services system.

For citation

Chernousov I.V. (2026) Pravootnosheniya uchastnikov zhilishchno-kommunal'nykh uslug [Legal Relations of Participants in Housing and Communal Services]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 180-191. DOI: 10.34670/AR.2026.28.72.001

Keywords

Housing and communal services, legal regulation, management organization, resource-supplying organizations, rights and obligations, housing legislation, responsibility.

References

1. Russian Federation. (2005). Zhilishchnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.2004 № 188-FZ [Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ of 29.12.2004]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]*, 1 (Part 1), Art. 14.
2. Karyagina V.S. (2023). Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' pri narushenii zhilishchnykh prav: voprosy teorii i praktiki [Civil Liability for Violation of Housing Rights: Issues of Theory and Practice]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal*, 16(7), 82-93.
3. Russian Federation. (2002). Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ [Code of the Russian Federation on Administrative Offences No. 195-FZ of 30.12.2001]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]*, 1 (Part 1), Art. 1.
4. Komarov S.S. (2012). Sub"yekty pravootnosheniy po okazaniyu zhilishchno-kommunal'nykh uslug (voprosy grazhdanskogo prava) [Subjects of Legal Relations in the Provision of Housing and Communal Services (Issues of Civil Law)]. *Pravo i praktika*, 1, 19-23.
5. Russian Federation. (1992). O zashchite prav potrebiteley: zakon Rossiyskoy Federatsii ot 07.02.1992 № 2300-1 [On the Protection of Consumer Rights: Law of the Russian Federation No. 2300-1 of 07.02.1992]. *Vedomosti SND i VS RF*, 15, Art. 766.
6. Government of the Russian Federation. (2011). O predostavlenii kommunal'nykh uslug sobstvennikam i pol'zovatelyam pomeshcheniy v mnogokvartirnykh domakh i zhilykh domakh: postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 06.05.2011 № 354 [On the Provision of Utility Services to Owners and Users of Premises in Apartment Buildings and Residential Houses: Decree No. 354 of the Government of the Russian Federation of 06.05.2011]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]*, 22, Art. 3168.
7. Government of the Russian Federation. (2006). Ob utverzhdenii Pravil soderzhaniya obshchego imushchestva v mnogokvartirnom dome: postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 13.08.2006 № 491 [On the Approval of the Rules for the Maintenance of Common Property in an Apartment Building: Decree No. 491 of the Government of the Russian Federation of 13.08.2006]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]*, 34, Art. 3680.
8. Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation. (2010). SanPiN 2.1.2.2645-10. Sanitarno-epidemiologicheskiye trebovaniya k usloviyam prozhivaniya v zhilykh zdaniyakh i pomeshcheniyakh [Sanitary and Epidemiological Requirements for Living Conditions in Residential Buildings and Premises] (Decree No. 64 of 10.06.2010).
9. Timofeyev E.S. (2022). Sistema dogovorov v sfere ZhKKh: pravovyye osnovy regulirovaniya, priznaki i osobennosti [System of Contracts in the Housing and Communal Services Sector: Legal Framework, Features and Characteristics]. In *Sotsial'no-ekonomicheskiye, organizatsionnyye, politicheskiye i pravovyye aspekty obespecheniya effektivnosti gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* (pp. 297-298).
10. Timofeyev E.S. (2023). Chastno-pravovaya sektsiya. Sistema dogovorov v sfere ZhKKh: pravovyye osnovy regulirovaniya, priznaki i osobennosti [Private Law Section. System of Contracts in the Housing and Communal Services Sector: Legal Framework, Features and Characteristics]. *BBK 67.0 P78*, 199.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК: 347.78 **DOI: 10.34670/AR.2026.62.54.014**

End User License Agreement как форма частного правового регулирования отношений между пользователем и разработчиком видеоигр

Тарасенко Илья Михайлович

Аспирант,
кафедра судебного права,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34;
e-mail: Ilya-Woods@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется правовая природа End User License Agreement в отношениях между пользователем и разработчиком видеоигр. Автор исходит из того, что EULA в современной платформенной видеоигре выполняет двойную функцию: служит основанием предоставления права использования программно-аудиовизуального комплекса и одновременно устанавливает частные правила допуска, поведения, модификации и прекращения доступа к игровому сервису. Методологически работа опирается на системное толкование ст. 128, 421, 428, 1240, 1259, 1261, 1286, 141.1 ГК РФ и ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей», а также на сопоставление этих норм с типовыми условиями крупных игровых платформ и с отечественной и зарубежной доктриной. Формулируется вывод о том, что EULA представляет собой смешанную частноправовую конструкцию с лицензионным ядром, а права пользователя на внутриигровые объекты носят преимущественно обязательственный, доступо-обусловленный характер. На этой основе предлагаются направления доктринального и законодательного уточнения режима цифрового игрового контента.

Для цитирования в научных исследованиях

Тарасенко И.М. End User License Agreement как форма частного правового регулирования отношений между пользователем и разработчиком видеоигр // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 192-197. DOI: 10.34670/AR.2026.62.54.014

Ключевые слова

EULA, видеоигра, лицензионный договор, договор присоединения, платформенная экономика, цифровой контент, виртуальное имущество, внутриигровые объекты, цифровые права, защита прав потребителей.

Введение

Проблематика EULA приобрела особую значимость по мере превращения видеоигры из «экземпляра программы» в платформенно организованный цифровой сервис, где пользователь фактически получает не изолированную копию, а доступ к сложному программно-аудиовизуальному комплексу, поддерживаемому аккаунтом, сетевой инфраструктурой, обновлениями и механизмами модерации. WIPO в сравнительном исследовании указывает, что видеоигры являются «complex works of authorship» [«сложными произведениями авторства»], включающими музыку, сценарии, видео, изображения и персонажей при обязательном взаимодействии с компьютерной программой; применительно к России в том же исследовании отмечено, что видеоигры в основном охраняются как программное обеспечение, хотя по своей природе тяготеют к режиму сложного объекта.

Основная часть

С позиции российского гражданского права EULA не является «чужеродным» понятием для национальной правовой системы. Пункт 5 ст. 1286 ГК РФ прямо предусматривает, что лицензионный договор с пользователем о предоставлении простой лицензии на использование программы для ЭВМ или базы данных может заключаться в упрощенном порядке; такой договор является договором присоединения, его условия могут быть изложены в электронном виде, а начало использования программы означает согласие пользователя на заключение договора, при этом письменная форма считается соблюденной. В свою очередь п. 1 ст. 428 ГК РФ определяет договор присоединения как договор, условия которого сформулированы одной стороной в стандартной форме и принимаются другой стороной только путем присоединения в целом. Следовательно, базовая нормативная рамка для EULA в российском праве уже существует.

Эта конструкция совпадает с тем, что в доктрине обозначается как click-wrap agreement. Савельев А.И. подчеркивает, что их отличительными признаками выступают отсутствие переговоров об условиях, исключительно цифровая форма и дистанционный характер заключения; именно эти свойства порождают проблемы несправедливых условий, односторонних изменений и доказуемости согласия пользователя [Савельев, 2025].

Вместе с тем EULA нельзя сводить к «чистому» лицензионному договору в узком смысле. В соответствии со ст. 421 ГК РФ стороны свободны заключать как предусмотренные законом, так и непоименованные или смешанные договоры. Практика цифровых платформ показывает, что EULA одновременно охватывает предоставление простой лицензии, условия использования аккаунта, правила поведения в игровом мире, режим пользовательского контента, последствия блокировки, обновлений и удаления сервиса. Поэтому корректнее рассматривать EULA как смешанную частноправовую конструкцию, в которой лицензионный элемент является юридическим ядром, а организационно-сервисный элемент - функциональной оболочкой.

Современная платформенная видеоигра почти никогда не исчерпывается передачей пользователю автономного файла. Официальное соглашение Valve Corporation указывает, что использование контента и сервисов Steam требует установки контента на устройство, наличия Steam-аккаунта, а в ряде случаев - запущенного клиента и постоянного интернет-соединения; кроме того, компания оставляет за собой возможность автоматически обновлять и изменять контент и сервисы. Аналогично Blizzard Entertainment прямо закрепляет, что доступ к платформе и играм подчинен EULA и что использование платформы лицензируется, а не продается; Ubisoft в условиях использования связывает доступ к ряду сервисов с созданием

учетной записи и включает EULA и «game rules» в общий договорный массив.

Это позволяет сделать принципиальный вывод: в платформенной видеоигре EULA является не просто документом «на входе», а юридическим механизмом допуска к сервису. Его функция состоит не столько в оформлении разового акта передачи экземпляра, сколько в моделировании правил доступа для неопределенного круга пользователей к цифровой среде, в которой программа, сервер, аккаунт, обновления и игровая экономика образуют единый эксплуатационный комплекс. Именно поэтому в EULA столь часто соседствуют лицензионные, организационные и поведенческие условия. Такой подход согласуется и с общей характеристикой видеоигр в исследовании WIPO, где подчеркивается зависимость игры от компьютерной программы и технической среды ее исполнения.

Формула *licensed, not sold* имеет в игровой индустрии не декоративный, а квалифицирующий смысл. Steam прямо указывает: «The Content and Services are licensed, not sold. Your license confers no title or ownership» [«Контент и сервисы предоставляются по лицензии, а не продаются. Лицензия не предоставляет титула или права собственности»]. Blizzard столь же определенно закрепляет, что использование платформы лицензируется, а не продается, и никакое право собственности на платформу или игры пользователю не передается. Ubisoft формулирует ту же логику: сервисы и контент «licensed, not sold», а пользователю предоставляется личное, ограниченное, неисключительное, непередаваемое и отзывное право использования [Steam Subscriber Agreement, 2026; Blizzard EULA, 2024; Ubisoft Terms of Use, 2026].

Российско-правовая значимость этой формулы заключается в том, что она соответствует конструкции лицензионного договора по ст. 1286 ГК РФ: лицензиар предоставляет не вещь в собственность, а право использования произведения в установленных договором пределах [Гражданский кодекс РФ (часть четвертая), 2006]. Следовательно, если в центре отношений находится использование программы, аудиовизуального комплекса и цифрового сервиса, а не отчуждение материального носителя как вещи, то модель *licensed, not sold* оказывается более близкой к частноправовой природе отношения, чем модель купли-продажи экземпляра. Иначе говоря, «купля» в пользовательском интерфейсе платформы часто описывает экономический платеж, но не меняет гражданско-правовую квалификацию основного отношения как лицензионно-доступного.

EULA не тождественна «обычному» лицензионному договору: она шире, потому что регулирует сервисную среду. Но и к купле-продаже она не сводится, поскольку не влечет переноса права собственности. Именно поэтому для диссертационной аргументации представляется корректным положение: *licensed, not sold* - это юридическая формула платформенного доступа, а не просто маркетинговое предупреждение. Сравнительное движение в ту же сторону демонстрирует и калифорнийский AB 2426, запрещающий рекламировать цифровой товар как «buy» или «purchase», если потребителю фактически предоставляется лишь лицензия или ограниченный доступ [California Assembly Bill No. 2426, 2024].

Признание EULA частноправовым инструментом регулирования правоотношений не означает неограниченности воли разработчика. Статья 421 ГК РФ закрепляет свободу договора, включая возможность заключения непоименованных и смешанных договоров, однако одновременно подчиняет договор императивным предписаниям закона. Статья 428 ГК РФ дает присоединившейся стороне право требовать изменения или расторжения договора, если он лишает ее обычных прав, ограничивает ответственность другой стороны либо содержит иные явно обременительные условия, которые не были бы приняты при возможности переговоров [Гражданский кодекс РФ (часть первая), 1994]. Более того, п. 3 ст. 428 распространяет эти

правила и на случаи явного неравенства переговорных возможностей. Для EULA такое неравенство почти презюмируется самой архитектурой платформы.

Особое значение имеет ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей». Она прямо объявляет ничтожными условия, ущемляющие права потребителя, а в числе недопустимых называет, в частности, положения, предоставляющие продавцу или исполнителю право на односторонний отказ от исполнения либо одностороннее изменение предмета, цены, срока и иных согласованных условий, если такая возможность не предусмотрена законом; ничтожны также условия, исключающие или ограничивающие ответственность исполнителя по основаниям, не предусмотренным законом [Закон РФ «О защите прав потребителей», 1992]. Следовательно, даже если EULA содержит оговорки о полном усмотрении платформы, такие оговорки не могут автоматически нейтрализовать императивные потребительские гарантии.

Это особенно важно для игр-сервисов, где платформа оставляет за собой право обновлять контент, изменять правила экономики, ограничивать доступ, удалять контент аккаунта или пересматривать условия соглашения. Сама по себе техническая необходимость обновлений не оспаривается: Steam говорит об автоматических обновлениях ради безопасности, стабильности и многопользовательской совместимости; Ubisoft - о возможности модифицировать сервисы и условия, включая доступ к ним [Steam Subscriber Agreement, 2026; Blizzard EULA, 2024; Ubisoft Terms of Use, 2026]. Однако из сочетания ст. 16 Закона о защите прав потребителей, ст. 421 и 428 ГК РФ вытекает, что допустимы лишь такие изменения, которые не превращают EULA в инструмент произвольного ухудшения уже оплаченного доступа. Именно поэтому EULA должна восприниматься как действительная форма частного регулирования, но не как источник договорного суверенитета, стоящего над императивным правом.

Наиболее существенная особенность EULA заключается в том, что она регулирует не единичный обмен, а массовое поведение в цифровой среде. В этом смысле EULA выступает как форма частного нормирования: разработчик заранее формулирует правила доступа, допустимого поведения, оборота внутриигровых ценностей, порядка изменения сервиса, участия в создании пользовательского контента, санкций за нарушения и оснований прекращения доступа, а пользователь присоединяется к этому нормативному массиву в целом. Здесь проявляется сходство с тем, что в зарубежной литературе описывается как взаимодействие права «реального мира» и правил виртуальных миров. Так, Greg Lastowka и Dan Hunter отмечали, что виртуальные миры эволюционируют в сообщества с «separate rules and expectations» [«отдельными правилами и ожиданиями»] [Lastowka, 2010; Lastowka, Hunter, 2004].

В российском контексте такая характеристика не означает признания EULA нормативным правовым актом. Ее природа остается договорной. Но договор здесь приобретает надындивидуальную функцию: он действует в отношении множества пользователей, формулирует абстрактные правила на будущее и поддерживается не только текстом, но и кодом, интерфейсом, архитектурой аккаунта и алгоритмами платформы. Поэтому EULA правильнее описывать как договорную форму частного правового регулирования цифровой среды, а не как обычное двустороннее соглашение о единичном использовании программы.

Заключение

С учетом изложенного представляются обоснованными следующие рекомендации.

Во-первых, целесообразно доктринально и впоследствии нормативно закрепить, что EULA в сфере интерактивного цифрового контента представляет собой смешанную конструкцию: упрощенная простая лицензия, договор присоединения и правила платформенного доступа. Это

позволило бы снять искусственное противопоставление «лицензии» и «пользовательского соглашения» и точнее квалифицировать отношения в играх-сервисах.

Во-вторых, необходимо ввести более жесткий стандарт преддоговорного раскрытия информации об объеме пользовательских прав. Если потребителю предоставляется лишь отзывная и ограниченная лицензия, а не право собственности, это должно быть ясно и недвусмысленно раскрыто до оплаты.

В-третьих, следует уточнить пределы допустимого одностороннего изменения EULA применительно к уже оплаченному цифровому контенту. Изменения, необходимые для безопасности и совместимости, не должны автоматически приравниваться к праву платформы произвольно ухудшать содержание оплаченного доступа, обнулять существенную ценность внутриигровых объектов или лишать потребителя легитимно ожидаемой функциональности без соразмерной компенсации либо права отказаться от договора.

В-четвертых, оправдано установление специальных требований к прозрачности EULA: архивирование прежних редакций, отдельное выделение особо обременительных условий, ясное описание последствий блокировки аккаунта, утраты внутриигрового контента и прекращения поддержки сервиса. Для массового цифрового оборота это не менее важно, чем классические правила о форме и содержании лицензионного договора.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс.
4. Ластовка Г. Виртуальная справедливость: новые законы онлайн-миров. Нью-Хейвен; Лондон: Издательство Йельского университета, 2010. 256 с.
5. Савельев А. И. Договорно-правовые аспекты использования click-wrap соглашений в Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2025. Т. 25. № 2. С. 266–290.
6. Blizzard End User License Agreement (EULA). Blizzard Entertainment, 2024. URL: https://www.blizzard.com/legal/
7. California Assembly Bill No. 2426: Consumer Protection: False Advertising: Digital Goods. 2024.
8. Lastowka G., Hunter D. The Laws of the Virtual Worlds // California Law Review. 2004. Vol. 92. No. 1. P. 1–74.
9. Steam Subscriber Agreement. Valve Corporation, 2026. URL: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement/
10. Ubisoft Terms of Use. Ubisoft Entertainment, 2026. URL: https://legal.ubi.com/termsofuse/

End User License Agreement as a Form of Private Legal Regulation of Relations between the User and the Video Game Developer

Ilya M. Tarasenko

Postgraduate Student,
Department of Judicial Law,
Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federation,
117218, 34, B. Cheremushkinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Ilya-Woods@yandex.ru

Abstract

The article examines the legal nature of the End User License Agreement in relations between the user and the video game developer. The author proceeds from the premise that the EULA in a modern platform-based video game performs a dual function: it serves as the basis for granting the right to use the software and audiovisual complex and simultaneously establishes private rules for admission, conduct, modification, and termination of access to the gaming service. Methodologically, the work relies on a systematic interpretation of Articles 128, 421, 428, 1240, 1259, 1261, 1286, 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 16 of the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights," as well as on a comparison of these norms with the standard terms of major gaming platforms and with domestic and foreign doctrine. A conclusion is formulated that the EULA is a mixed private law construct with a licensing core, and the user's rights to in-game objects are predominantly obligatory and access-conditioned in nature. On this basis, directions for doctrinal and legislative clarification of the regime of digital game content are proposed.

For citation

Tarasenko I.M. (2026) End User License Agreement kak forma chastnogo pravovogo regulirovaniya otnosheniy mezhdu pol'zovatelem i razrabotchikom videoigr [End User License Agreement as a Form of Private Legal Regulation of Relations between the User and the Video Game Developer]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 192-197. DOI: 10.34670/AR.2026.62.54.014

Keywords

EULA, video game, license agreement, adhesion contract, platform economy, digital content, virtual property, in-game objects, digital rights, consumer protection.

References

1. Blizzard Entertainment. (2024). *Blizzard End User License Agreement (EULA)*. Retrieved from https://www.blizzard.com/legal/
2. California Assembly Bill No. 2426: Consumer Protection: False Advertising: Digital Goods. (2024).
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ of December 18, 2006. (2006). ConsultantPlus Legal Reference System.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994. (1994). ConsultantPlus Legal Reference System.
5. Lastowka, G. (2010). *Virtual Justice: The New Laws of Online Worlds*. New Haven; London: Yale University Press.
6. Lastowka, G., & Hunter, D. (2004). The Laws of the Virtual Worlds. *California Law Review*, 92(1), 1-74.
7. Law of the Russian Federation No. 2300-1 of February 7, 1992 "On Consumer Protection". (1992). ConsultantPlus Legal Reference System.
8. Saveliev, A.I. (2025). Dogovorno-pravovye aspekty ispol'zovaniya click-wrap soglasheniy v Rossiyskoy Federatsii [Contractual Legal Aspects of the Use of Click-Wrap Agreements in the Russian Federation]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 25(2), 266-290.
9. Steam Subscriber Agreement. (2026). Valve Corporation. Retrieved from https://store.steampowered.com/subscriber_agreement/
10. Tarasenko, I.M. (2026). End User License Agreement as a Mechanism of Private Legal Regulation in Relations Between Video Game Users and Developers.
11. Ubisoft Terms of Use. (2026). Ubisoft Entertainment. Retrieved from https://legal.ubi.com/termsofuse/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 349.444 **DOI: 10.34670/AR.2026.40.44.015**

Правовой режим общего имущества в малоэтажных жилых комплексах: проблемы регулирования и перспективы развития

Бахтин Данила Олегович

Аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права,
Всероссийский государственный университет юстиции,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1;
e-mail: dbakhtinstuff@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правового регулирования имущественных и организационных отношений, складывающихся в процессе функционирования малоэтажных жилых комплексов (далее — МЖК). Исследуется правовая природа объектов его инфраструктуры в сравнительно-правовом анализе с общим имуществом многоквартирного дома (далее — МКД), демонстрирующее их очевидное различие как в виде возможности участвовать в обороте в отрыве от МЖК, так и наличия у него объективной ценности. На основе анализа судебной практики, включая решения Высших Судов, обосновывается наличие существующей правовой неопределенности и неравенства в положении участников правоотношений. Отдельное внимание уделено как актуальным законодательным инициативам в рассматриваемой проблематике (Законопроект №155842-8), так и последним изменениям в законодательстве. Рассматриваются также и социально-правовые аспекты функционирования МЖК через положения института «соседского права», а также проблемы выбора способа управления им. Сделан обоснованный вывод о необходимости скорейшей разработки правового механизма, который гарантировал бы защиту и гарантию прав собственников домов в таких комплексах.

Для цитирования в научных исследованиях

Бахтин Д.О. Правовой режим общего имущества в малоэтажных жилых комплексах: проблемы регулирования и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 198-203. DOI: 10.34670/AR.2026.40.44.015

Ключевые слова

Малоэтажный жилой комплекс, коттеджный поселок, общее имущество, общая долевая собственность, товарищество собственников жилья, управляющая организация, инфраструктура, соседское право, застройщик, правовой режим.

Введение

Сегодня МЖК активно застраиваются за пределами населенных пунктов и стали неотъемлемой частью жилой застройки территории. В отличие от МКД, правовой режим которых закреплен как жилищным, так и гражданским законодательством, МЖК долгое время оставался за пределами правового регулирования. В этой связи, безусловно, тщательного доктринального осмысления требуют аспекты возникновения прав на общее имущество в его границах, поскольку именно они определяют специфику отношений, складывающуюся в таком комплексе.

Основная часть

Сравнительно-правовой анализ инфраструктуры МКД и МЖК показывает их существенное различие как в функциональных, так и экономических аспектах. Статья 36 Жилищного Кодекса Российской Федерации устанавливает принадлежность к общему имуществу в МКД помещений общего пользования, несущих конструкций, оборудования и коммуникаций, а также земельный участок под ним. Комментируя эти обстоятельства, К.И. Скловский обосновано отмечает, что общее имущество в МКД не обладает рыночной ценностью, поскольку права на него не могут существовать в отрыве от самого дома [Скловский, 2010]. Е.А. Суханов дополняет это высказывание и отмечает, что право общей долевой собственности на общее имущество в МКД в России можно сравнить с юридической конструкцией «этажной собственности» характерной для европейских правопорядков [Суханов, 2013].

В МЖК же ситуация складывается совершенно иначе: его инфраструктура обособлена от самих домов и включает перечень объектов существенно шире, чем в МКД. В частности, можно выделить элементы транспортной инфраструктуры (собственные дороги, парковки), системы безопасности (посты охраны, комплексы видеонаблюдения), а также даже спортивные, социально-бытовые и коммерческие объекты недвижимости. Обязательность наличия столь обширной инфраструктуры обусловлена как раз удалением МЖК от населенных пунктов, что должно предусматривать внушительный объем доступных услуг, и что в свою очередь придает таким объектам свою экономическую ценность в отличие от общего коридора на этаже МКД.

Безусловно заслуживает поддержки позиция В.А. Алексеева [Алексеев, 2023], предлагающая разграничить инфраструктуру в МЖК на два вида:

– Имущество общего пользования, к которому следует относить объекты, предназначенные для общего пользования всеми собственниками, которое может не иметь режима общей долевой собственности (коммерческие объекты);
– Общее имущество, без которого нормальное функционирование МЖК невозможно, и оно безусловно должно находится в общей собственности собственников домов (инженерные сети, дороги и.т.д).

Ярким примером обозначенной статьи проблематики является получивший широкую огласку спор в дачном поселке «Барвиха» [Определение Верховного Суда РФ № 4-КГ15-52, 2015]. Судами, рассматривавшими его, было установлено, что образованное товарищество собственников жилья (далее – ТСЖ) сначала приобрело право собственности на земельные участки с объектами инфраструктуры, а затем последовательно осуществило их отчуждение по цепочке, в результате чего такие важные объекты инфраструктуры как сети водоснабжения, трансформаторная подстанция и канализационные системы оказались в собственности третьих

лиц даже не имевшим отношения к МЖК и незаинтересованных в обеспечении благополучия жителей. Местный житель, Н.Н. Марасанов, обратился в суд с требованиями о признании всей цепочки сделок недействительной, указывая на их порочность в том, что спорное имущество принадлежало в том числе и ему как собственнику дома в указанном комплексе.

При рассмотрении дела в апелляционной инстанции, судебная коллегия в определении указала на ничтожность таких сделок и подтвердила право собственности Марасанова на них. Когда дело дошло до рассмотрения Верховным Судом, выводы приобрели диаметрально противоположенный характер. В определении Верховного Суда было указано, что в ЕГРН право собственности на спорные объекты зарегистрировано за ТСЖ, а доводы самого Марасанова и нижестоящих инстанций, основаны на ошибочном трактовании норм об общей долевой собственности в МКД, право собственности на общее имущество в МЖК действующим законодательством не предусмотрено. Марасанов обратился в Конституционный суд, который в своем постановлении подчеркнул, что наделение инфраструктуры в МКД режимом общей собственности обусловлено объективными техническими предпосылками, в отношении МЖК подобные предпосылки отсутствуют, в связи с чем оно может находится в собственности иных лиц [Постановление Конституционного Суда РФ № 23-П, 2016].

Данная позиция своим формальным обоснованием демонстрирует существенный дисбаланс в правовом регулировании. Действительно, отчуждение общего имущества в МКД невозможно в силу прямого законодательного запрета еще и потому, что указанный запрет является воспроизведением в отечественном законодательстве принципов и гарантий из Всемирной декларации прав человека, устанавливающей, что наличие собственного функционирующего жилища необходимо для удовлетворения базовых потребностей и обеспечения качества жизни. В отношении МЖК несмотря на его схожее функциональное назначение – постоянное проживание в нем граждан такие гарантии законодателем установлены не были.

Заслуживают внимания попытки законодателя урегулировать обозначенную проблематику. Одной из таких успешных попыток стало изменение Закона о долевом строительстве, закрепившее в статье 4 определение имущества МЖК, которое определяется как объекты капитального строительства и земельные участки, предназначенные для удовлетворения нужд собственников домов в нем. Аналогично режиму общего имущества в МКД законодатель также установил принцип неразрывности в отношении право общей долевой собственности на него в прямой связке с правом собственности на дом в МЖК [Федеральный закон № 476-ФЗ, 2021].

Однако детальный анализ новых норм показывает, что они содержат внутренние противоречия и не лишены своих недостатков. Во-первых, с точки зрения самой проблематики настоящей статьи, наблюдается несогласованность в терминах «собственник жилого дома» и «участник долевого строительства». В ранее упомянутой статье 4 Закона о долевом строительстве указано, что право собственности на общей долевой собственности на инфраструктуру приобретается собственниками домов в МЖК, а нововведенная статья 23.6 того же закона, регламентирующая создание общего имущества, указывает, что оно возможно только при наличии права общей долевой собственности участников долевого строительства на него. Очевидно, что понятие «собственник жилого дома» является производным от более широкого понятия «участника долевого строительства», но тем менее второе понятия включает в себя также и юридических лиц. Юридические лица тоже часто заключают договоры долевого участия как в отношении объектов жилой недвижимости, так и коммерческой. Означает ли это, что для приобретения права общей долевой собственности на инфраструктуру МЖК они должны также приобретать и жилой дом в нем?

Во-вторых, содержание указанных статьей также устанавливает, что право собственности на инфраструктуру будет возникать на основании заключенного соглашения о возникновении такого права с застройщиком, в отличие от МКД, где такое право возникает в силу закона. Целесообразность и корректность такого подхода остаются не ясными. Более того, указанное соглашение заключается по форме, установленной Правительством Российской Федерации, и устанавливает для него обязанности не только по содержанию, но и несению налоговых обязанностей [Постановление Правительства РФ № 861, 2022]. Между тем в отношении общего имущества в МКД аналогичных обязанностей не установлено [ФНС России, www…], в связи с чем собственник дома в МЖК ставится в заведомо невыгодное положение.

И, естественно, главный недостаток этих изменений законодателя вызван тем, что регулируют они случаи, только связанные с участием в долевом строительстве, исключая защиту лиц, приобретающих подобное имущество по классическим договорам купли-продажи.

В этой связи группа инициаторов разработала соответствующую законодательную инициативу, предусмотренную Законопроектом №155842-8, направленную на регулирование МЖК, созданных без механизмов долевого участия в строительстве. Законопроект, аналогично ранее описанным механизмам, также предусматривает критерии определения общего имущества и разделяет его на две категории: общее имущество, находящееся в собственности собственников домов, и общее имущество, находящееся в собственности иных лиц. При этом, вопреки ранее предложенному подходу, к имуществу, которое может находится в собственности иных лиц отнесена критическая инфраструктура: проезды, инженерные сети и прочее. При этом положения законопроекта содержат запрет на ограничение доступа к такой инфраструктуре, но разрешает установить плату за его использование. Представляется, что в этой связи законопроект не разрешает проблемы, а лишь усугубляет их, поскольку юридически закрепляет за застройщиками и аффилированных с ними управляющих субъектов устанавливать произвольные цены за услуги и ставит собственников в еще более зависимое положение.

Вывод

Подводя итог настоящей статьи, можно утверждать, что современное регулирование МЖК является фрагментарным, а его нормы внутренние противоречивы. Утвержденные изменения в Закон о долевом строительстве и текущие инициативы в виде Законопроектом №155842-8 направлены скорее на решение точечных последствий, а не устранения корня неопределенности в целом. Единственно верным решением в сложившейся ситуации видится создание универсального правового института, который с одной стороны бы гарантировал для граждан право собственности на критическую инфраструктуру в МЖК, а с другой устанавливал также пределы и механизмы ее добросовестного использование. Представляется, что формирование такого института является необходимым и для достижения целей, установленных стратегическими документами страны [Распоряжение Правительства РФ № 3268-р, 2022].

Библиография

1. Алексеев В.А. Комплексы недвижимости, объединенные общим имуществом // Закон. 2023. № 7. С. 53–65.
2. Бахтин Д.О. Правовой режим общего имущества в малоэтажных жилых комплексах: проблемы регулирования и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2026.
3. Законопроект №155842-8 «О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в жилых

комплексах (в части регулирования отношений, касающихся имущества общего пользования в комплексе индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой)». Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/155842-8
4. Налоги за общее имущество многоквартирного дома не уплачиваются. Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn29/news/tax_doc_news/11623679/
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.12.2015 № 4-КГ15-52 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" в связи с жалобой гражданина Н.Н. Марасанова» // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 № 861 «Об утверждении примерной формы соглашения о возникновении у участника долевого строительства доли в праве общей долевой собственности на общее имущество собственников индивидуальных жилых домов в малоэтажном жилом комплексе» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 21. Ст. 3440.
8. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 45. Ст. 7815.
9. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. 893 с.
10. Суханов Е.А. «Жилищная (этажная) собственность» в европейских правопорядках // Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. М.: Статут, 2013. С. 348–349.
11. Федеральный закон от 30.12.2021 № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 45.

Legal Regime of Common Property in Low-Rise Residential Complexes: Problems of Regulation and Development Prospects

Danila O. Bakhtin

Postgraduate Student of the Department of Civil and Business Law,
All-Russian State University of Justice,
117638, 2, building 1, Azovskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dbakhtinstuff@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the legal regulation of property and organizational relations arising in the process of functioning of low-rise residential complexes (hereinafter — LRCs). The legal nature of the objects of their infrastructure is examined in a comparative legal analysis with the common property of an apartment building (hereinafter — AB), demonstrating their obvious difference both in the possibility of participating in civil circulation separately from the LRC and in the presence of objective value in it. Based on an analysis of judicial practice, including decisions of the Higher Courts, the existence of existing legal uncertainty and inequality in the position of participants in legal relations is substantiated. Special attention is paid both to current legislative initiatives on the issue under consideration (Draft Law No. 155842-8) and to recent changes in legislation. The socio-legal aspects of the functioning of LRCs through the provisions of the institution of "neighbor law" are also examined, as well as the problems of choosing a method of managing it. A reasoned conclusion is made about the need for the speedy development of a legal mechanism that would guarantee the protection and guarantee of the rights of homeowners in such complexes.

For citation

Bakhtin D.O. (2026) Pravovoy rezhim obshchego imushchestva v maloetazhnykh zhilykh kompleksakh: problemy regulirovaniya i perspektivy razvitiya [Legal Regime of Common Property in Low-Rise Residential Complexes: Problems of Regulation and Development Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 198-203. DOI: 10.34670/AR.2026.40.44.015

Keywords

Low-rise residential complex, cottage village, common property, common shared ownership, homeowners' association, managing organization, infrastructure, neighbor law, developer, legal regime.

References

1. Alekseev, V.A. (2023). Kompleksy nedvizhimosti, ob"edinennye obshchim imushchestvom [Real Estate Complexes United by Common Property]. *Zakon*, (7), 53-65.
2. Bakhtin, D.O. (2026). Legal Regime of Common Property in Low-Rise Residential Complexes: Problems of Regulation and Development Prospects. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*.
3. Bill No. 155842-8 "On Residential Complexes, on the Management of Common Property in Residential Complexes". (n.d.). *Legislative Support System*. Retrieved from https://sozd.duma.gov.ru/bill/155842-8
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 861 of May 13, 2022 "On Approval of an Example Form of an Agreement on the Emergence of a Share in the Right of Common Shared Ownership of the Common Property of Owners of Individual Residential Houses in a Low-Rise Residential Complex". (2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (21), art. 3440.
5. Federal Law No. 476-FZ of December 30, 2021 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". (2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1(I), art. 45.
6. Federal Tax Service of Russia. (n.d.). *Nalogi za obshchee imushchestvo mnogokvartirnogo doma ne uplachivayutsya* [Taxes for the common property of an apartment building are not paid]. Retrieved from https://www.nalog.gov.ru/rn29/news/tax_doc_news/11623679/
7. Order of the Government of the Russian Federation No. 3268-r of October 31, 2022 "On Approval of the Strategy for the Development of the Construction Industry and Housing and Communal Services in the Russian Federation for the Period up to 2030 with a Forecast up to 2035". (2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (45), art. 7815.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 23-P of November 10, 2016 "On the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Paragraph Two of Article 2 of the Federal Law 'On State Registration of Real Estate Rights and Transactions with It' in Connection with the Complaint of Citizen N.N. Marasanov". (2016). ConsultantPlus Legal Reference System.
9. Sklovsky, K.I. (2010). *Sobstvennost' v grazhdanskom prave* [Property in Civil Law]. Moscow: Statut.
10. Sukhanov, E.A. (2013). "Zhilishchnaya (etazhnaya) sobstvennost'" v evropeyskikh pravoporyadkakh ["Housing (Floors) Ownership" in European Legal Systems]. In *Problemy reformirovaniya Grazhdanskogo kodeksa Rossii: Izbrannye trudy 2008–2012 gg.* (pp. 348-349). Moscow: Statut.
11. Judgment of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4-KG15-52 of December 1, 2015. (2015). ConsultantPlus Legal Reference System.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347 **DOI: 10.34670/AR.2026.94.23.016**

К вопросу о содержании исключительного права на объект интеллектуальной собственности

Буренков Дмитрий Андреевич

Магистрант 2 курса,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050, Российская Федерация, Томск, пр. Ленина, 36;
e-mail: burenkov.dima2001@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена определению правомочий, входящих в содержание исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации в современном российском праве интеллектуальной собственности. В результате анализа основных позиций, существующих в рамках российской и зарубежной доктрины, автор приходит к выводу об отсутствии единой и достаточно обоснованной методологии в научных работах. С учетом этого автор предлагает оригинальную методологию определения составляющих содержание исключительного права правомочий — «тест имманентности», выделяя в его рамках функциональный критерий и критерий единства правовой судьбы. В итоге автор приходит к выводу о наличии в составе исключительного права единственного правомочия — использования объекта интеллектуальной собственности. Остальные выделяемые в соответствующих научных работах и в судебной практике элементы исключительного права («правомочие распоряжения», «правомочие запрета», право на вознаграждение) автор рассматривает в качестве самостоятельных имущественных субъективных прав. Предлагаемая в настоящей статье методология определения правомочий, входящих в содержание исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, по мнению автора, может быть использована как научным сообществом в тематических исследованиях, так и органами государственной власти в рамках правотворческой и правоприменительной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Буренков Д.А. К вопросу о содержании исключительного права на объект интеллектуальной собственности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 204-214. DOI: 10.34670/AR.2026.94.23.016

Ключевые слова

Исключительное право, правомочие, использование, распоряжение, запрет, право на вознаграждение, субъективное гражданское право, «тест имманентности», функциональный критерий, единство правовой судьбы.

Введение

Содержание субъективного гражданского права является одной из центральных категорий в цивилистике. Однако если углубиться в структуру гражданского права, то можно заметить следующую интересную особенность: если в вещном праве соответствующие доктринальные и законодательные положения развиты достаточно полно и четко уже в течение длительного периода, то в праве интеллектуальной собственности в отношении содержания исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации (далее — «объект интеллектуальной собственности»), несмотря на стремительное развитие подотрасли в целом, до сих пор сохраняется нерешенность такой фундаментальной проблемы. Не смог решить эту проблему и законодатель, ограничив раскрытие содержания исключительного права простым указанием на возможность использования объекта интеллектуальной собственности, разрешения и запрещения такого использования третьим лицам по своему усмотрению, распоряжения исключительным правом, за исключением отдельных, прямо закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — «ГК РФ») случаях (ст. 1229 ГК РФ), а также перечислением способов использования применительно к каждому виду объекта интеллектуальной собственности (ст. ст. 1270, 1317, 1324, 1330, 1358, 1405, 1421, 1454, 1466, 1474, 1484, 1519, 1539 ГК РФ).

Такой существенный пробел в доктрине и отечественном законодательстве порождает целый ряд практических проблем при толковании и применении соответствующих норм права. Например, в отсутствие четко определенного перечня правомочий исключительного права представляется затруднительным полноценное разграничение отчуждения исключительного права (ст. 1234 ГК РФ) от предоставления исключительной лицензии на весь срок и всю территорию действия исключительного права, а также на все законные способы использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности (ст. 1236 ГК РФ). Кроме того, сохраняется неопределенность правовой природы права на вознаграждение из-за расхождения его квалификации Верховным Судом Российской Федерации в качестве одного из правомочий в составе исключительного права и казуистическим подходом законодателя к закреплению правового режима вознаграждения за использование того или иного объекта интеллектуальной собственности в нормах ч. 4 ГК РФ.

Приведенные примеры демонстрируют, что без четкого теоретического осмысления и обоснования содержания исключительного права невозможно обеспечить единообразное толкование и применение соответствующих правовых норм на практике, что влечет за собой риск нарушения основополагающего принципа правового регулирования – принципа правовой определенности.

Обзор российских и зарубежных доктринальных подходов к определению содержания исключительного права

В рамках российской цивилистики научная дискуссия о правомочиях, составляющих основу содержания исключительного права, имела место в течение всей истории развития права интеллектуальной собственности, начиная с дореволюционного периода истории России. При этом в результате соответствующих исследований сформировались три основные концепции, описывающие содержание исключительного права на тот или иной объект интеллектуальной собственности: позитивная, негативная и смешанная концепции.

Так, сторонники **негативной концепции** (например, А.А. Пиленко [Пиленко, 1903, 368], Е. Дедков [Дедков, 2011,с.90], А.Л. Маковский [Маковский, 2008, с.103–141], В.С. Савина [Савина, 2016, с.45–52], И.А. Зенин [Зенин, 1980, с.51], Н.М. Фролова [Фролова, 2024, с.66–67]) убеждены в том, что исключительное право по своему существу является правом запрещения использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности, обращенным ко всем третьим лицам. При этом использование такого объекта рассматривается либо как юридический факт, который выступает в качестве основания для возникновения права на вознаграждение или ответственности за нарушение исключительного права [Зенин, 2015, с.41–42] (с точки зрения классификации юридических фактов – в качестве юридического поступка или правонарушения), либо признается в качестве второстепенного правомочия в составе исключительного права, так как основополагающим правомочием («ядром» исключительного права), по их мнению, должно быть именно правомочие запрета [Ворожевич, 2022, с.18].

Сторонники **позитивной концепции** (в частности, К.П. Победоносцев [Победоносцев, 2002, 721], Ю.В. Александровский [Александровский, 1911,с. 1], В.А. Дозорцев [Дозорцев, 2003, с.121], В.А. Белов [Белов, 2004, с.77], О.Ф. Оноприенко [Оноприенко, 2010, с.12], С.Т. Котиа [Котиа, 2011, с.33]) считают, что исключительное право в первую очередь представляет собой исключительную возможность самостоятельного (независимого) использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности любыми законными способами. Кроме того, если негативное правомочие (правомочие запрета) и выделяется некоторыми исследователями из данной группы, то ему придается второстепенное и зависимое от позитивного правомочия (правомочия использования) значение.

Наконец, в результате развития и взаимодействия рассмотренных раннее подходов возникла **смешанная концепция**, последователи которой (например, Я.А. Канторович [Канторович, 1916, с.356], Г.Ф. Шершеневич [Шершеневич, 1891, с.72], В.И. Еременко [Еременко, 2011, с.15–26]) не ограничиваются выделением единственного правомочия в содержании исключительного права – они признают наличие в его составе не только правомочия запрета, но и правомочия использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности, а некоторые из них также отдельно выделяют правомочие распоряжения. При этом указанные элементы в рамках данного подхода рассматриваются в неразрывном единстве и в качестве равнозначных.

Помимо приведенных общих концепций в российской доктрине можно обнаружить довольно необычные подходы к рассматриваемой проблеме. Например, М.А. Рожкова, обращая внимание на определенное сходство конструкций права собственности и исключительного права, предлагает включать в состав исключительного права правомочие обладания («возможность для управомоченного субъекта иметь в распоряжении исключительные права на этот объект и соответственно требовать должного поведения от обязанных лиц»), правомочие использования («возможность для правообладателя (обладателя абсолютных прав) осуществлять самостоятельные действия по практическому применению этого объекта») и правомочие распоряжения (возможность «отчуждения исключительных прав на этот объект в полном объеме» и «предоставления другому лицу возможности использования этого объекта на условиях лицензии») [Рожкова, 2013, с.46–74].

В научных работах западных исследователей также можно обнаружить различные подходы к определению содержания исключительного права. Так, Н.Б. Спиридонова выделяет следующие теории структуры субъективного права, которые были выработаны в американской доктрине и применимы к исключительному праву как разновидности субъективного гражданского права [Спиридонова, 2022, с.13–19]:

1) **Номиналистические теории**, предполагающие отрицание наличия какого-либо центрального набора правомочий в содержании субъективного права, среди которых можно условно выделять:

1.1) **Радикально номиналистические теории**, сторонники которых (например, Ю. Фама, М. Дженсен [Fama E.F., Jensen M.C., 1983, c327-328], А. Алчиан [Alchian A.A., 1965, c.816, 818] и Й. Барзель [Barzel Y., 1997, c.134]) отказывают субъективному праву в каком-либо самостоятельном юридическом содержании и сводят его к исключительно экономическим параметрам;

1.2) **Умеренно номиналистические теории**, сторонники которых (например, У. Хофельд [Hohfeld W.N., 1913, c.16–59]) не отрицают юридическое содержание субъективного права, но и не придают правовое значение структуре субъективного права;

2) **Концептуалистские теории**, признающие существование набора правомочий, которые составляют «ядро» соответствующего субъективного права:

2.1) **Теории негативного содержания субъективного права**, сторонники которых (например, Т. Меррилл [Merrill T.W., 1998, c.730–755]) декларируют конститутивное значение запретительных правомочий, позволяющих требовать от всех третьих лиц воздержания от воздействия на объект соответствующего субъективного права без согласия управомоченного лица;

2.2) **Теории позитивного содержания субъективного права**, сторонники которых (например, А. Мозофф [Mossoff A., 2011, c.255–264], М. Спенс [Spence M., 2007, c.7] и Д. Килинг [Keeling D.T., 2003, c.18]) исходят из верховенства дозволительных правомочий на осуществление собственных действий в отношении объекта соответствующего субъективного права.

Отдельного внимания заслуживает концепция Г. Смита, согласно которой выделяются две стратегии реализации имущественных прав [Smith H., 2007, c.1742–1822]:

1) **Стратегия исключения (запрета)**, предполагающая установление возможности исключения управомоченным лицом всех третьих лиц из широкой сферы использования соответствующего объекта, то есть закрепление в общем виде границ имущественного права;

2) **Стратегия управления**, исходящая из выделения конкретных и доступных управомоченному лицу способов осуществления соответствующего имущественного права.

Указанный исследователь отмечает, что во всех абсолютных имущественных правах преимущественно проявляется именно стратегия исключения (запрета), а стратегия управления лишь дополняет этот режим, действующий по умолчанию, при этом, по его мнению, в патентном праве более ярко проявляется стратегия исключения (запрета), чем в авторском праве, которому больше свойственна стратегия управления в связи с увеличенным количеством объединенных исключительных способов использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности.

Авторская методология определения правомочий, составляющих содержание исключительного права

По итогам анализа имеющихся в научной литературе точек зрения на проблему содержания исключительного права на объект интеллектуальной собственности необходимо сделать следующие промежуточные выводы.

Большинство современных отечественных и зарубежных исследователей не отрицает

наличие правомочия использования в составе исключительного права. Иное было бы совершенно невозможно, так как, во-первых, именно использование объекта интеллектуальной собственности является «ядром», выражающим экономическую сущность исключительного права, и, во-вторых, оно напрямую закреплено в нормах российского гражданского законодательства об исключительном праве как в целом (абз. 1 п. 1 ст. 1229 ГК РФ), так и путем перечисления конкретных способов использования применительно к тому или иному виду объекта интеллектуальной собственности (ст. ст. 1270, 1317, 1324, 1330, 1358, 1405, 1421, 1454, 1466, 1474, 1484, 1519, 1539 ГК РФ).

Основные разногласия по рассматриваемому вопросу сохраняются в отношении чаще всего упоминаемых авторами в соответствующих научных работах правомочий распоряжения и запрета.

В связи с тем, что исключительное право представляет собой разновидность абсолютного субъективного гражданского права и генетически связано с классическим правом собственности, представляется необходимым рассмотреть структуру права собственности и выявить общие для всех его правомочий признаки, которые затем лягут в основу нашей авторской методологии определения содержания исключительного права.

Общепринятым в российском гражданском праве является понимание субъективного права собственности как наиболее широкого по объему вещного права, которое предоставляет его субъекту (собственнику) исключительную возможность по своему усмотрению и в своих интересах определять характер и направления использования принадлежащей ему индивидуально-определенной вещи, при этом осуществляя над ней полное хозяйственное господство и устраняя от ее использования (допуская к таковому) иных третьих лиц. При этом его содержание раскрывается через традиционную для российского гражданского права «триаду» правомочий – владения, пользования и распоряжения вещью [Суханов, 2024, с.172, 176].

По итогам анализа сущности каждого из названных правомочий становится возможным выделить общие для них как элементов абсолютного субъективного гражданского права признаки:

1) Направленность правового воздействия на объект соответствующего абсолютного субъективного гражданского права;

2) Следование за юридической судьбой абсолютного субъективного гражданского права в целом.

Исходя из названных признаков можно сформулировать следующее правило: если поведенческая возможность субъекта абсолютного субъективного гражданского права направлена на соответствующий ему объект и следует той же правовой судьбе, что и само абсолютное субъективное право, то она является правомочием данного абсолютного субъективного права. Набор критериев, который позволяет проверить соблюдение указанного правила, предлагаем именовать «тестом имманентности», а сами критерии – функциональным критерием и критерием единства правовой судьбы.

Теперь попробуем приложить сформулированный нами двухступенчатый тест к каждому из называемых в доктрине правомочий с целью окончательного определения содержания исключительного права на объект интеллектуальной собственности.

Возможность правообладателя использовать объект интеллектуальной собственности несомненно соответствует как функциональному критерию (направлена на конкретный объект интеллектуальной собственности), так и критерию единства правовой судьбы (например, в случае отчуждения исключительного права иному лицу по договору (ст. 1234 ГК РФ) переходит

к его приобретателю и прекращается в случае истечения срока действия исключительного права в целом), в связи с чем совершенно точно является правомочием в составе исключительного права.

Право распоряжения, несмотря на соблюдение критерия единства правовой судьбы (по аналогии с правомочием использования), не проходит «тест имманентности» по функциональному критерию — указанная поведенческая возможность субъекта направлена не на объект интеллектуальной собственности, а на само исключительное право. В связи с этим представляется возможным квалифицировать право распоряжения исключительным правом в качестве самостоятельного имущественного интеллектуального права. При этом его также следует рассматривать в качестве акцессорного, то есть зависимого от исключительного права, так как его единственная функция – введение исключительного права в гражданский оборот. Иными словами, право распоряжения исключительным правом существует постольку, поскольку существует само исключительное право. В связи с этим будет справедливо заключить, по своей правовой природе оно является «квазиисключительным».

В отношении выделения отдельного правомочия запрета в содержании исключительного права мы полностью согласны с точкой зрения В.А. Дозорцева, в соответствии с которой выделение правомочия, предоставляющего правообладателю возможность устанавливать запрет использования соответствующего объекта в каждом отдельном случае, является бессмысленным, так как общий запрет на такое использование по умолчанию установлен законом (ст. 1229 ГК РФ) и свойственен всем абсолютным правам [Дозорцев, 2003, с.380]. Иными словами, запрет использования объекта интеллектуальной собственности всеми третьими лицами без согласия правообладателя является объективным свойством исключительного права как абсолютного субъективного права. Кроме того, возвращаясь к нашему «тесту имманентности», даже если мы представим, что мы бы рассматривали право запрета в качестве возможности правообладателя запрещать использование объекта интеллектуальной собственности конкретному лицу, то оно бы не соблюдало функциональный критерий, так как оно было бы направлено на поведение конкретного третьего лица, то есть имело бы относительно-правовой и обязательственно-правовой характер. В связи с этим оно однозначно не могло бы выступать в качестве правомочия в составе исключительного права.

В отношении права на вознаграждение сложилась интересная ситуация. С одной стороны, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 36 своего Постановления от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — «Постановление Пленума ВС РФ № 10») указывает на то, что, исходя из положений п. 5 ст. 1229 ГК РФ, право на вознаграждение входит в состав исключительного права. С другой стороны, в этом же пункте Постановления Пленума ВС РФ № 10 обращается внимание на возможность в установленных ч. 4 ГК РФ случаях сохранения права на вознаграждения за автором, исполнителем, изготовителем фонограммы, изготовителем аудиовизуального произведения даже в случае отсутствия исключительного права на соответствующий объект интеллектуальной собственности (например, право на вознаграждение композитора, являющегося автором музыкального произведения, специально созданного для аудиовизуального произведения, в случае публичного исполнения либо сообщения в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции, самого аудиовизуального произведения, предусмотренное п. 3 ст. 1263 ГК РФ). Кроме того, п. 32 Постановления Пленума ВС РФ № 10 называет право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности в качестве примера иного интеллектуального права, признаваемого законом (ст. 1226 ГК РФ). В таком случае возникает закономерный вопрос: является ли такая поведенческая возможность

действительным правомочием в составе исключительного права?

Для ответа на указанный вопрос мы снова обратимся к «тесту имманентности». После проверки соблюдения обоих критериев мы придем к выводу о том, что право на вознаграждение не соблюдает ни один из критериев правомочия исключительного права. Во-первых, право на вознаграждение направлено не на сам объект интеллектуальной собственности, а на поведение иного конкретного лица, фактически выступая в качестве права требования, направленного к конкретному лицу, осуществившему использование соответствующего объекта интеллектуальной собственности, в связи с чем не выполняется функциональный критерий. Во-вторых, право на вознаграждение, может быть совершенно не привязано к исключительному праву и не следовать его юридической судьбе (например, автор служебного результата интеллектуальной деятельности сохраняет за собой право на вознаграждение в случае использования служебного объекта, передачи исключительного права другому лицу или принятия решения о сохранении служебного объекта в тайне работодателем, которому принадлежит исключительное право на указанный служебный объект в силу закона), в связи с чем не выполняется критерий единства правовой судьбы.

Следовательно, можно констатировать, что право на вознаграждение является самостоятельным имущественным интеллектуальным правом, которому присущ относительно-правовой и обязательственно-правовой характер.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что распространенное в современной российской доктрине понимание содержания исключительного права в качестве совокупности правомочий использования, запрета и распоряжения, основанное, как нам кажется, на узком понимании авторами соответствующих научных работ приема юридической техники, использованного законодателем при формулировании наименования и содержания ст. 1229 ГК РФ (включение в статью под названием «Исключительное право» всех общих положений, касающихся правового режима исключительного права как такового, в том числе не определяющих его содержание), а также на попытке адаптации логики вещно-правовой конструкции классического субъективного права собственности («триады» правомочий) и ее распространении на содержание исключительного права. Следует признать, что такая логика носит рудиментарный характер, не соответствует правовой природе исключительного права и приводит к размыванию его содержательных границ.

Применение предложенного нами «теста имманентности», состоящего из функционального критерия и критерия единства правовой судьбы, позволяет критически переосмыслить структуру исключительного права и выделить в его составе единственное позитивное правомочие — использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности. Право распоряжения исключительным правом и право на вознаграждение, в свою очередь, по правовой природе являются самостоятельными имущественными интеллектуальными правами, однако если первое из них является полностью зависимым от правовой судьбы исключительного права, то второе никак не ограничено подобным образом в силу своей относительно-правовой и обязательственно-правовой природы. «Правомочие запрета», которое активно включается исследователями в состав исключительного права, представляет собой не более чем объективное свойство любого абсолютного субъективного права в виде установленного законом (ipso jure) запрета на использование соответствующего объекта интеллектуальной собственности всеми третьими лицами без явно выраженного согласия

правообладателя.

Уточнение в рамках настоящего исследования содержания исключительного права имеет важное значение для разрешения практических вопросов в сфере права интеллектуальной собственности, указанных во введении к данной статье, обеспечивает логическую стройность и внутреннюю согласованности норм ч. 4 ГК РФ и создает надежную основу для правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти, а также дальнейших научных исследований в области интеллектуальной собственности.

Библиография

1. Александровский Ю.В. Авторское право. Закон. 20 марта 1911 г. Исторический очерк, законодательные мотивы и разъяснения. СПб., 1911. 176 с.
2. Белов В.А. Гражданское право. Особенная часть: Учебник. М., 2004. 766 с.
3. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты. М., 2022. 596 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496. С. 14803–14949.
5. Дедков Е. Пресечение и запрещение нарушения исключительного права // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 87–95.
6. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие, система, задачи кодификации: Сборник статей. М., 2003. 413 с.
7. Еременко В.И. Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности // Законодательство и экономика. 2011. № 5. С. 15–26.
8. Зенин И.А. Изобретательское право: природа, функции, развитие // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 48–56.
9. Зенин И.А. Исключительное интеллектуальное право (право интеллектуальной собственности) как предмет гражданского оборота // Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды И.А. Зенина). М., 2015. С. 348–363.
10. Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Пг., 1916. 791 с.
11. Котиа С.Т. Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности: понятие, сущность и правомочие правообладателя // Российский судья. 2011. № 4. С. 32–34.
12. Маковский А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса // Гражданское право современной России / сост. О.М. Козырь, А.Л. Маковский. М.: Статут, 2008. С. 103–141.
13. Оноприенко О.Ф. Интеллектуальные права на селекционные достижения в России // Патенты и лицензии. 2010. № 3. С. 10–18.
14. Пиленко А.А. Право изобретателя: (привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве): историко-догматическое исследование. СПб., 1903. Т. 2. 392 с.
15. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М., 2002. 800 с.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.
17. Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: к вопросу об основных понятиях // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 11. С. 46–74.
18. Савина В.О. О соотношении норм предпринимательского права и права интеллектуальной собственности // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 8. С. 45–52.
19. Спиридонова Н.Б. Структура исключительного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 183 с.
20. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 626 с.
21. Фролова Н.М. Правовая природа исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Хозяйство и право. 2024. № 3. С. 53–67.
22. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. 313 с.
23. Alchian A.A. Some Economics of Property Rights // Il Politico. 1965. Vol. 30. № 4. Pp. 816–829.
24. Barzel Y. Economic Analysis of Property Rights. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 161 p.
25. Fama E.F., Jensen M.C. Agency Problems and Residual Claims // Journal Law & Economics. 1983. Vol. 26, № 2. Pp. 327–349.
26. Hohfeld W.N. Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning // Yale Law Journal. 1913. Vol. 23. № 16. Pp. 16–59.

27. Keeling D.T. Intellectual property rights in EU Law Volume I: free Movement and competition law. Oxford, 2003. 456 p.
28. Merrill T.W. Property and the Right to Exclude // Nebraska Law Review. 1998. Vol. 77. Iss. 4. Pp. 730–755.
29. Mossoff A. The False Promise of the Right to Exclude // Economy Journal Watch. 2011. Vol. 8. № 3. Pp. 255–264.
30. Smith H. Intellectual Property as Property: Delineating Entitlements in Information // Yale Law Journal. 2007. Vol. 116. Pp. 1742–1822.
31. Spence M. Intellectual Property. Oxford, 2007.

On the Question of the Content of the Exclusive Right to an Intellectual Property Object

Dmitry A. Burenkov

2nd-Year Master's Student,
National Research Tomsk State University,
634050, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: burenkov.dima2001@mail.ru

Abstract

The article is devoted to determining the entitlements that constitute the content of the exclusive right to a result of intellectual activity or a means of individualization in modern Russian intellectual property law. Based on an analysis of the main positions existing within the Russian and foreign doctrine, the author concludes that there is no unified and sufficiently substantiated methodology in scholarly works. Taking this into account, the author proposes an original methodology for determining the entitlements that constitute the content of the exclusive right — the "test of immanence," identifying within it a functional criterion and a criterion of unity of legal destiny. As a result, the author concludes that the exclusive right contains a single entitlement: the use of the intellectual property object. The other elements of the exclusive right identified in relevant scholarly works and judicial practice ("entitlement of disposal," "entitlement of prohibition," the right to remuneration) are considered by the author as independent proprietary subjective rights. The methodology proposed in this article for determining the entitlements constituting the content of the exclusive right to a result of intellectual activity or a means of individualization, in the author's opinion, can be used both by the scientific community in thematic research and by public authorities in the framework of law-making and law-enforcement activities.

For citation

Burenkov D.A. (2026) K voprosu o soderzhanii isklyuchitel'nogo prava na ob"yekt intellektual'noy sobstvennosti [On the Question of the Content of the Exclusive Right to an Intellectual Property Object]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 204-214. DOI: 10.34670/AR.2026.94.23.016

Keywords

Exclusive right, entitlement, use, disposal, prohibition, right to remuneration, subjective civil right, "test of immanence," functional criterion, unity of legal destiny.

References

1. Alchian, A.A. (1965). Some Economics of Property Rights. Il Politico, 30(4), 816-829.
2. Aleksandrovskii, Yu.V. (1911). Avtorskoye pravo. Zakon. 20 marta 1911 g. [Copyright Law. Law of March 20, 1911]. Saint Petersburg.
3. Barzel, Y. (1997). Economic Analysis of Property Rights (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
4. Belov, V.A. (2004). Grazhdanskoye pravo. Osobennaya chast' [Civil Law. Special Part]. Moscow.
5. Burenkov, D.A. (2026). On the Content of the Exclusive Right to an Intellectual Property Object.
6. Civil Code of the Russian Federation. Part Four. (2006). Federal Law No. 230-FZ of December 18, 2006. Collection of Legislation of the Russian Federation, 52(1), art. 5496.
7. Dedkov, E. (2011). Presecheniye i zapreshcheniye narusheniya isklyuchitel'nogo prava [Cessation and Prohibition of Infringement of the Exclusive Right]. Khozyaystvo i pravo, (2), 87-95.
8. Dozortsev, V.A. (2003). Intellektual'nye prava: Ponyatiye, sistema, zadachi kodifikatsii [Intellectual Rights: Concept, System, Codification Tasks]. Moscow.
9. Eremenko, V.I. (2011). Soderzhaniye isklyuchitel'nogo prava na ob"yekty intellektual'noy sobstvennosti [Content of Exclusive Rights in Intellectual Property Objects]. Zakonodatel'stvo i ekonomika, (5), 15-26.
10. Fama, E.F., & Jensen, M.C. (1983). Agency Problems and Residual Claims. Journal of Law and Economics, 26(2), 327-349.
11. Frolova, N.M. (2024). Pravovaya priroda isklyuchitel'nogo prava na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii [Legal Nature of Exclusive Rights in Results of Intellectual Activity and Means of Individualization]. Khozyaystvo i pravo, (3), 53-67.
12. Hohfeld, W.N. (1913). Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning. Yale Law Journal, 23(16), 16-59.
13. Kantorovich, Ya.A. (1916). Avtorskoye pravo na literaturnyye, muzykal'nyye, khudozhestvennyye i fotograficheskiye proizvedeniya [Copyright in Literary, Musical, Artistic and Photographic Works]. Petrograd.
14. Keeling, D.T. (2003). Intellectual Property Rights in EU Law. Volume I: Free Movement and Competition Law. Oxford: Oxford University Press.
15. Kotia, S.T. (2011). Isklyuchitel'noye pravo na rezul'tat intellektual'noy deyatel'nosti: ponyatiye, sushchnost' i pravomochiye pravobladatelya [Exclusive Right in the Result of Intellectual Activity: Concept, Essence and Rights of the Rights Holder]. Rossiyskiy sud'ya, (4), 32-34.
16. Makovskii, A.L. (2008). Isklyuchitel'nye prava i kontseptsiya chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa [Exclusive Rights and the Concept of Part Four of the Civil Code]. In Grazhdanskoye pravo sovremennoy Rossii [Civil Law of Modern Russia] (pp. 103-141). Moscow: Statut.
17. Merrill, T.W. (1998). Property and the Right to Exclude. Nebraska Law Review, 77(4), 730-755.
18. Mossoff, A. (2011). The False Promise of the Right to Exclude. Econ Journal Watch, 8(3), 255-264.
19. Onoprienko, O.F. (2010). Intellektual'nye prava na selektsionnyye dostizheniya v Rossii [Intellectual Rights in Breeding Achievements in Russia]. Patenty i litsenzii, (3), 10-18.
20. Pilenko, A.A. (1903). Pravo izobretatelya [The Right of the Inventor] (Vol. 2). Saint Petersburg.
21. Pobedonostsev, K.P. (2002). Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava [Course of Civil Law. First Part: Estate Rights]. Moscow.
22. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of April 23, 2019 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". (2019). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, (7).
23. Rozhkova, M.A. (2013). Intellektual'naya sobstvennost': k voprosu ob osnovnykh ponyatiyakh [Intellectual Property: On Basic Concepts]. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, (11), 46-74.
24. Savina, V.O. (2016). O sootnoshenii norm predprinimatel'skogo prava i prava intellektual'noy sobstvennosti [On the Correlation of Entrepreneurial Law and Intellectual Property Law Norms]. IS. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava, (8), 45-52.
25. Shershenevich, G.F. (1891). Avtorskoye pravo na literaturnyye proizvedeniya [Copyright in Literary Works]. Kazan.
26. Smith, H. (2007). Intellectual Property as Property: Delineating Entitlements in Information. Yale Law Journal, 116, 1742-1822.
27. Spence, M. (2007). Intellectual Property. Oxford: Oxford University Press.
28. Spiridonova, N.B. (2022). Struktura isklyuchitel'nogo prava [Structure of the Exclusive Right] (PhD dissertation). Moscow.
29. Sukhanov, E.A. (2024). Veshchnoye pravo [Property Law] (3rd ed.). Moscow.
30. Vorozhevich, A.S. (2022). Granitsy isklyuchitel'nykh prav, predely ikh osushchestvleniya i zashchity [Boundaries of Exclusive Rights, Limits of Their Exercise and Protection]. Moscow.
31. Zenin, I.A. (1980). Izobretatel'skoye pravo: priroda, funktsii, razvitiye [Invention Law: Nature, Functions, Development]. Sovetskoye gosudarstvo i pravo, (2), 48-56.

32. Zenin, I.A. (2015). Isklyuchitel'noye intellektual'noye pravo (pravo intellektual'noy sobstvennosti) kak predmet grazhdanskogo oborota [Exclusive Intellectual Right (Intellectual Property Right) as a Subject of Civil Circulation]. In Problemy rossiyskogo prava intellektual'noy sobstvennosti [Problems of Russian Intellectual Property Law] (pp. 348-363). Moscow.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.122 **DOI: 10.34670/AR.2026.31.95.017**

Цифровые объекты в гражданском праве: проблемы определения правовой природы и оборотоспособности

Бычко Марина Алексеевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: marina.bichko@yandex.ru

Настуев Алан Салихович

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: nastuevvva123@gmail.com

Соколов Михаил Дмитриевич

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: shocolakoo@mail.ru

Юха Даниил Сергеевич

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: uhadaniil@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются проблемы правовой природы и оборотоспособности трёх видов цифровых объектов: цифровых финансовых активов (ЦФА), цифровых платформ и ТИМ-моделей в сфере градостроительной деятельности. Анализируются коллизии, возникающие при включении в состав ЦФА корпоративных прав, а также конкуренция между реестром акционеров и информационной системой оператора. Рассматривается правовой статус цифровых платформ как сложных объектов и их операторов как организаторов рынка. Отдельное внимание уделяется ТИМ-моделям, которые могут квалифицироваться как результаты интеллектуальной деятельности, цифровые права или иное имущество. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства для закрепления гражданско-правовой природы рассматриваемых объектов.

Для цитирования в научных исследованиях

Бычко М.А., Настуев А.С., Соколов М.Д., Юха Д.С. Цифровые объекты в гражданском праве: проблемы определения правовой природы и оборотоспособности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 215-224. DOI: 10.34670/AR.2026.31.95.017

Ключевые слова

Цифровые объекты, цифровые финансовые активы (ЦФА), цифровые платформы, ТИМ-модели, информационное моделирование, оборотоспособность, правовая природа, цифровые права, сложные объекты, гражданское законодательство.

Введение

Темпы развития экономических отношений всегда опережали законодательство и доктринальное осмысление новых феноменов. На современной стадии развития цивилистики множество вопросов вызывает правовая природа различных цифровых объектов. Законодатель закрепил легальные конструкции, предусмотренные ст. 128 и 141.1 Гражданского кодекса РФ, но при этом они не дали ответы на существующие вопросы, так как не были определены границы между обязательственными, вещными и исключительными правами на цифровые объекты, критерии их оборотоспособности.

Много вопросов вызывают три вида объекта: цифровые финансовые активы, цифровые платформы и ТИМ-модели, которые по своей сути разнородны, при этом все они имеют «цифровой» характер, но требуют различные правовые режимы.

В качестве цели настоящего исследования ставится выявление проблем определения правовой природы, вышеуказанных цифровых объектов и анализ критериев их оборотоспособности. На основе сравнительно-правового метода предлагаются подходы к квалификации данных цифровых объектов и рекомендации по совершенствованию законодательного регулирования в данных сферах.

Основная часть

Первым таким объектом выступают цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) – первый, признанный Российским государством вид цифровых прав. При этом до сих пор ведутся споры относительно их правовой природы, оборотоспособности, правового статуса.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, известный как Закон о цифровых финансовых активах, закрепил правовой режим для ЦФА [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2020]. Эти объекты стали одними из ключевых в ходе реформы гражданского законодательства о цифровых правах. Статья 128 ГК РФ включила цифровые права в перечень объектов гражданских прав. В свою очередь, сам Закон о ЦФА прямо называет цифровые финансовые активы разновидностью таких прав [Гражданский кодекс РФ]. В научной литературе отмечается, что цифровые финансовые активы представляют собой «инновационный инструмент финансового рынка, предоставляющий широкий спектр возможностей участникам финансового рынка для привлечения финансирования, осуществления инвестирования на альтернативной основе с использованием финтех-платформы в отсутствие традиционных финансовых посредников» [Харченко, 2024]. При этом их появление потребовало

переосмысления традиционной системы объектов гражданских прав, поскольку ЦФА сочетают в себе черты обязательственных, корпоративных и иных прав, но существуют исключительно в цифровой форме.

Легальное определение цифровых финансовых активов включает в их состав денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи ценных бумаг [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2020]. Как подчеркивается в научной литературе, такая конструкция свидетельствует о сложной юридической природе ЦФА, объединяющей обязательственно-правовые и корпоративные элементы [Захаркина, 2022]. Специфика проявляется в том, что эти активы не являются вещами или традиционными ценными бумагами, а представляют собой токенизированное выражение различных прав. Л.Ю. Василевская, анализируя правовую природу цифровых прав, приходит к выводу, что «речь должна идти о цифровых правах как об условном понятии в гражданском законодательстве, призванном в условиях информатизации экономики «обслуживать» гражданский оборот», что подчеркивает их функциональный характер и отличие от традиционных объектов [Василевская, 2019].

Цифровые финансовые активы существуют только внутри информационной системы, оператор которой состоит в реестре Банка России [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2020]. Передать такой актив, отдать в залог или обременить иным способом можно лишь в рамках этой системы, без привлечения третьих лиц. Отсюда следует важная особенность: то, как удостоверяется личность владельца, как происходит распоряжение активом и как защищаются права, зависит не только от закона, но и от внутренних правил конкретной системы. Этим ЦФА принципиально отличаются от традиционных объектов гражданского оборота. А.Я. Дмитриенко справедливо отмечает что: «выработанные действующим законодательством подходы к регулированию различных групп общественных отношений оказываются недостаточными и неэффективными, когда речь заходит о цифровой среде и новых цифровых объектах» [Дмитриенко, 2023].

Закон допускает включение в состав ЦФА корпоративных прав – например, прав участия в непубличном акционерном обществе [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2020]. На практике это создает неопределенность: владелец актива формально не становится участником общества, но при этом получает корпоративные правомочия. По сути, имеет место своего рода расщепление статуса участника между реестром акционеров и информационной системой оператора ЦФА. С одной стороны, отношения, связанные с осуществлением корпоративных прав, традиционно регулируются корпоративным законодательством и требуют внесения записи в реестр акционеров. С другой стороны, цифровой финансовый актив как объект цифрового оборота подчиняется правилам, установленным для информационных систем, операторы которых обеспечивают фиксацию и переход прав. В результате возникает коллизия между двумя системами учета — реестром акционеров и информационной системой оператора ЦФА. Разрешение этой коллизии имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от выбора приоритетной системы учета зависит, какой судебный порядок будет применяться при защите прав держателей данных активов.

До сих пор нет единства во взглядах на то, какое место в системе объектов гражданских прав занимают цифровые финансовые активы. Исследователи сходятся в том, что ни вещами, ни документарными ценными бумагами их назвать нельзя. Как пишут А.И. Гончаров и В.А. Садков, «сущностным наполнением категории “цифровые финансовые активы” является совокупность определенных в законодательстве Российской Федерации имущественных прав, в то время как сама конструкция “цифровые финансовые активы” есть ни что иное, как новый

оригинальный способ (инновационная технология) фиксации таких прав в информационных системах». С точки зрения учёных, «цифровые финансовые активы» – это, по сути, юридическая фикция. Она нужна для того, чтобы в электронно-виртуальной среде сетей операторов информационных систем могли обращаться обязательства, требования и права участия [Гончаров, Садков, 2023].

Оборот ЦФА во многом зависит от ответа на вопрос об их платёжной функции. Законодательство РФ прямо не придаёт цифровым финансовым активам статус платёжного средства. При этом федеральный закон № 259-ФЗ от 31 июля 2020 года не запрещает токенизацию классических финансовых активов. Следовательно, ЦФА допустимо рассматривать не только как инвестиционный инструмент, но и как потенциальную расчётную единицу в рамках информационных систем. Данное обстоятельство создает правовую неопределенность в части разграничения этих активов и иных цифровых объектов, а также ставит вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в части определения места цифровых активов в системе платежных инструментов. Четкое разграничение функций цифровых финансовых активов и цифровой валюты имеет принципиальное значение для развития гражданского оборота, поскольку смешение этих понятий может привести к нарушению требований валютного и антимонопольного регулирования.

Цифровые финансовые активы по своей юридической конструкции являются гибридными. Они совмещают признаки традиционных правовых институтов с цифровой формой их реализации. Оборотоспособность таких объектов зависит от двух групп факторов: от содержания удостоверяемых прав и от требований, предъявляемых к информационной системе, в рамках которой осуществляется выпуск и обращение соответствующего актива. Дальнейшее развитие законодательства о ЦФА должно быть направлено на устранение выявленных коллизий и формирование единообразных подходов к квалификации споров, возникающих при их обороте.

Вторым рассматриваемым объектом выступает цифровая платформа, появление которых обусловлено всесторонней цифровизацией экономики. Одной из ее видов является посредническая цифровая платформа, под которой понимается цифровая платформа, обеспечивающая взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, предоставляющая технические возможности размещения заказов и (или) карточек товаров, работ, услуг, совершения сделок, осуществления оплаты товара, работы, услуги пользователем в пользу партнера [Федеральный закон № 289-ФЗ, 2025]. При это рассматривать ее в качестве субъекта гражданско-правовых отношений не совсем уместно, ведь ,как отмечает А.А. Иванов, платформы имеют владельцев и операторов, а умножать правовые сущности без необходимости было бы ошибочно [Иванов, 2025].

Если рассматривать данные платформы, как сложный объект права, то они представляют собой совокупность разнородных, но функционально объединенных элементов: программ для ЭВМ, баз данных, сайта, серверного оборудования и т.д. Стоит понимать, что определение платформы как сложного объекта необходимо для объяснения единства правовой судьбы отдельных элементов платформы [Филиппова, Харитонова, 2025]. Но в отличие от классических сложных объектов, цифровые платформы, как и другие виды информационных систем, не внесены в исчерпывающий список таких объектов, указанных в ст. 1240 ГК РФ, хоть и подпадают по своим признакам под эту категорию.

Если рассматривать одного из ключевых субъектов цифровой посреднической платформы – оператора, и попытаться провести аналогию с информационным посредником, то тут можно

заметить ряд существенных противоречий. Информационный посредник не является инициатором передачи информации, не определяет ее получателя, не изменяет содержания передаваемого материала и не может оказывать влияния на условия сделок, заключаемых между пользователями. Его функция сводится к техническому обслуживанию каналов связи. Напротив, оператор посреднической цифровой платформы инициирует создание условий для заключения сделок, устанавливает правила доступа к рынку, определяет параметры ранжирования предложений, осуществляет модерацию контента и в большинстве случаев получает вознаграждение в виде комиссии, размер и порядок взимания которой устанавливаются им в одностороннем порядке. Здесь платформа становится инструментом, через который оператор реализует свои договорные отношения с участниками, выступая в роли организатора рынка.

Как отмечают Филиппова С.Ю. и Харитонова Ю.С., «на цифровых платформах на смену правилам, обладающим свойством нормативности, действующим на неопределенный круг лиц и предназначенным для многократного применения, могут создаваться детализированные под конкретную ситуацию нормы, режим которых находится на стыке между договорным и правовым регулированием». Этот взгляд, позволяет рассматривать платформы как инфраструктурный элемент рынка. Нормативную основу данного подхода составляет целеполагание, закрепленное в статье 1 Федерального закона от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступающего в силу 1 октября 2026 года. Законодатель определяет в качестве приоритетных задач обеспечение единства экономического пространства Российской Федерации, создание безопасной цифровой среды, способствующей повышению уровня доступности товаров, работ и услуг, а также поддержание баланса экономических интересов хозяйствующих субъектов, действующих в сфере платформенной экономики. Императивное установление указанных целей выводит платформу за пределы частноправовой конструкции, придавая ей статус публично значимого института, функционирование которого подлежит государственному контролю в интересах неопределенного круга участников гражданского оборота.

Дополнительным аргументом служит наделение Федеральной антимонопольной службы полномочиями по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением требований в сфере платформенной экономики. Предметом такого надзора выступают вопросы, традиционно относящиеся к компетенции регуляторов инфраструктурных рынков: проверка обоснованности блокировок личных кабинетов, подтверждение факта получения согласия на предоставление скидок за счет продавцов, обеспечение равных условий продвижения в поисковой выдаче. Тем самым правовой режим цифровых платформ сближается с режимом деятельности организаторов торгов, бирж и иных инфраструктурных операторов, чья деятельность традиционно находится под публично-правовым наблюдением.

Таким образом, в целях устранения неопределенности в квалификации цифровых платформ как сложных объектов гражданского права и обеспечения единства правового режима входящих в их состав результатов интеллектуальной деятельности и технических средств, предлагается дополнить пункт 1 статьи 1240 ГК РФ после слов «базы данных» словами «, информационные системы (цифровые платформы)». Соответствующее дополнение позволит распространить на цифровые платформы правила о правовом режиме сложных объектов, предусматривающие, что лицо, организовавшее создание такого объекта, приобретает право использования всех входящих в его состав охраняемых результатов на основании договоров с правообладателями и осуществляет управление исключительными правами на объект в целом.

ТИМ-модели в сфере градостроительной деятельности являются абсолютно новым видом

объектов – цифровые двойники недвижимости. Особенность данного цифрового объекта в том, что оборот самих ТИМ-моделей как сложного цифрового объекта не урегулирован вовсе, при этом коммерческая ценность в большинстве случае может превышать стоимость своего физического оригинала. Полное отсутствие ответа на вопрос сущности ТИМ-модели является фактором, сдерживающим внедрением современной технологии информационного моделирования, отсутствия единообразия судебной практики.

Технология информационного моделирования (далее – ТИМ) - совокупность систематизированных знаний, методов и средств информационного моделирования, обеспечивающих возможность достижения целей информационного моделирования на всем жизненном цикле объекта информационного моделирования/информационного моделирования, а также соответствующих вкладов в их достижение на отдельных фазах, стадиях, этапах. Такое определение дает законодатель в ГОСТ Р 10.00.00.01-2025 [ГОСТ Р 10.00.00.01-2025, 2025].

С парадигмы юриспруденции ТИМ-модель рассматривается с трех точек зрения:

Результат интеллектуальной деятельности. В соответствии с ч.1 ст. 1259 ГК РФ произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства выступают в качестве объекта авторских прав. При этом ТИМ-модель не является обычной проектно-сметной документацией, так как в её состав входит программный код, базы данных, алгоритмы взаимодействия и т.д., что подпадает под признаки программы для ЭВМ или баз данных (ст. 1261, 1334 ГК РФ).

Цифровое право. Согласно ст. 141.1 ГК РФ цифровые права есть названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия пользования которых определены правилами, установленными информационной системой. ТИМ-модель, размещенная на специализированной информационной системе, может являться удостоверением прав её обладателя на использование таких данных, права требования к оператору системы, а также на доступ к обновлениям. Законодательство о ЦФА напрямую не регулирует ТИМ-модели, при этом сама концепция цифровых прав становится основаниям применения законодательства по аналогии в рассматриваемых объектах.

Иное имущество. Довольно простой вариант, так как ТИМ-модель имеет экономическую ценность, может быть объектом сделок. ТИМ-модели вещью не являются, но по смыслу закона, а именно ст. 128 ГК РФ могут рассматриваться в качестве «иного имущества». При таком подходе становится возможным применение к обороту ТИМ-моделей общих положений обязательственного и договорного подотраслей Гражданского права, если иное не установлено законом.

ТИМ-модель де-факто составная часть объекта недвижимости, де-юре существует независимо. Не является вещью (ст.130 ГК РФ) и не следует судьбе объекту недвижимости в качестве принадлежности (ст. 135 ГК РФ). Судебная практика на данном этапе только начинает формироваться и единообразия в этом вопросе достигнуто не было [Лизунова, 2026].

При признании ТИМ-модели в качестве самостоятельного объекта гражданского оборота предполагается сочетания режима на исключительные права. Так, по общему правилу ст. 1296 ГК РФ исключительное право на программу для ЭВМ, в рассматриваемом случае ТИМ-модель принадлежит подрядчику, если договором не предусмотрено иное. С целью обеспечения единства управления объектом целесообразно установиться презумпцию перехода исключительного права к застройщику в случае создания ТИМ-модели по договору строительного подряда. При этом и сочетается режим цифровых прав. Например, размещение ТИМ-модели в централизованной информационной системе, в рассматриваемом случае в

Государственной информационной системе обеспечения градостроительной деятельности послужит основанием возникновения цифровых прав (ч.1 ст. 141.1 ГК РФ), что повысит обороноспособность ТИМ-модели.

Оборот ТИМ-моделей возможен в пределах договоров подряда, лицензионных договоров, договоров об отчуждении исключительных прав, а в случае учета в информационной системе – договоров о распоряжении цифровыми правами. ТИМ-модель может быть предметом залога (ст. 358.18 ГК РФ). В состав наследства входит в качестве имущественного права исключительного или цифрового. При создании ТИМ-модели несколькими лицами по общему правилу возникает общая совместная собственность, если соглашением между сторонами не установлено иное п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. N 10"О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации") [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, 2019].

В целях совершения законодательства необходимо:

1) Принять подзаконный акт, который определит все требования к ТИМ-модели как к объекту самостоятельного оборота.

2) Обеспечить регистрацию сделок с ТИМ-моделями в Государственной информационной системе обеспечения градостроительной деятельности.

Заключение

Цифровизация экономики привела к появлению объектов, которые раньше в гражданском праве просто отсутствовали. В настоящей работе рассмотрены три таких объекта: цифровые финансовые активы, ТИМ-модели и цифровые платформы. У каждого из них разная степень законодательного регулирования, разные проблемы оборотоспособности, но есть и общая черта — ни один не вписывается в привычные категории вещей, ценных бумаг или результатов интеллектуальной деятельности. Законодатель пытается реагировать, но постоянно запаздывает, и это запаздывание порождает правовую неопределённость.

Первый объект — цифровые финансовые активы. Законодатель дал им определение и прямо отнёс к цифровым правам. Однако на практике включение в состав ЦФА корпоративных прав порождает неопределённость. Держатель актива получает право голоса и дивидендов, но формально не признаётся акционером. Возникает конкуренция между реестром акционеров и информационной системой оператора ЦФА, и закон не указывает, какая из систем учёта имеет приоритет.

Второй объект — ТИМ-модели. Их правовой статус ещё менее определён. Они могут квалифицироваться как программа для ЭВМ, база данных, иное имущество или цифровое право — в зависимости от того, размещены ли они в информационной системе. Судебной практики почти нет. Поэтому авторы раздела предлагают два конкретных шага: выпустить подзаконный акт с требованиями к ТИМ-моделям и регистрировать сделки с ними в государственной информационной системе.

Третий объект — цифровые платформы. Это уже не актив, а среда, в которой обращаются первые два объекта. Платформа по своим признакам является сложным объектом (программный код, базы данных, серверы, правила пользования), но в перечень статьи 1240 ГК РФ она не включена. Оператор платформы — не пассивный посредник, а полноценный организатор рынка: он устанавливает правила, берёт комиссию, ранжирует предложения. Государство уже признало публичную значимость платформ, приняв закон № 289-ФЗ и наделив ФАС контрольными функциями. Авторы соответствующей части предлагают прямо дополнить статью 1240 ГК РФ указанием на информационные системы (цифровые платформы) как на

сложные объекты.

Ни один из трёх объектов не укладывается в классические категории. Их оборотоспособность жёстко привязана к информационным системам, которые начинают конкурировать с государственными реестрами и кадастрами. Пока законодатель не определит соотношение между государственным учётом и правилами оператора, судебная защита прав на цифровые объекты будет неполной. Дальнейшее развитие гражданского законодательства может идти двумя путями: либо признать каждый такой объект самостоятельной категорией, либо последовательно вносить изменения в Гражданский кодекс и принимать специальные подзаконные акты. Без выбора одного из этих направлений полноценный оборот цифровых активов останется невозможным.

Библиография

1. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
2. ГОСТ Р 10.00.00.01-2025 от 04.01.2026. URL: https://docs.cntd.ru/document/1312251803
3. Гончаров А.И., Садков В.А. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 82–90.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ).
5. Дмитриенко А.Я. Некоторые аспекты регулирования цифровых прав в отечественном законодательстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 356–364.
6. Захаркина А.В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 504–526.
7. Иванов А. А. Право и платформенная экономика. Часть 2. Субъекты платформенной экономики. 2025. URL: https://staging.zakon.ru/blog/2025/09/22/pravo_i_platformennaya_ekonomika_chast_2_subekty_platformennoj_ekonomiki#comments
8. Лизунова Е. Судебные споры по BIM-моделям: проблемы и перспективы доказывания. 2026. URL: https://ancb.ru/publication/read/20967
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/
10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
11. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации».
12. Филиппова С. Ю., Харитонова Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. 2025. Т. 69. № 1. С. 58–75.
13. Харченко Л.П. Цифровые финансовые активы как инновации в международных расчетах в условиях внешних ограничений // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Т. 34. № 4. С. 582–591.

Digital Objects in Civil Law: Problems of Determining Legal Nature and Circulatability

Marina A. Bychko

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
North Caucasus Federal University,
355017, 1, Pushkina St., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: marina.bichko@yandex.ru

Alan S. Nastuev

Student,
North Caucasus Federal University,
355017, 1, Pushkina St., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: nastuevvva123@gmail.com

Mikhail D. Sokolov

Student,
North Caucasus Federal University,
355017, 1, Pushkina St., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: shocolakoo@mail.ru

Daniil S. Yukha

Student,
North Caucasus Federal University,
355017, 1, Pushkina St., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: uhadaniil@gmail.com

Abstract

The article analyzes the problems of the legal nature and circulatability of three types of digital objects: digital financial assets (DFAs), digital platforms, and BIM models in the field of urban planning activities. The collisions arising from the inclusion of corporate rights in the composition of DFAs, as well as the competition between the shareholder register and the operator's information system, are analyzed. The legal status of digital platforms as complex objects and their operators as market organizers is examined. Special attention is paid to BIM models, which can be qualified as results of intellectual activity, digital rights, or other property. Specific measures are proposed to improve legislation to consolidate the civil law nature of the objects under consideration.

For citation

Bychko M.A., Nastuev A.S., Sokolov M.D., Yukha D.S. (2026) Tsifrovyye ob"yekty v grazhdanskom prave: problemy opredeleniya pravovoy prirody i oborotosposobnosti [Digital Objects in Civil Law: Problems of Determining Legal Nature and Circulatability]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 215-224. DOI: 10.34670/AR.2026.31.95.017

Keywords

Digital objects, digital financial assets (DFAs), digital platforms, BIM models, information modeling, circulatability, legal nature, digital rights, complex objects, civil legislation.

References

1. Bychko, M.A., Nastuev, A.S., Sokolov, M.D., & Yukha, D.S. (2026). Digital Objects in Civil Law: Problems of Determining Legal Nature and Circulability.
2. Civil Code of the Russian Federation.

3. Dmitrienko, A.Ya. (2023). Nekotorye aspekty regulirovaniya tsifrovykh prav v otechestvennom zakonodatel'stve [Some Aspects of Regulation of Digital Rights in Domestic Legislation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 9(75)(3), 356-364.
4. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on December 15, 2025, with amendments of January 20, 2026) "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". (2020).
5. Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025 "On Certain Issues of Regulation of the Platform Economy in the Russian Federation". (2025).
6. Filippova, S.Yu., & Kharitonova, Yu.S. (2025). Tsifrovye platformy v prave i pravo tsifrovykh platform: novye vyzovy zakonodatelyu i puti ikh resheniya [Digital Platforms in Law and the Law of Digital Platforms: New Challenges for the Legislator and Ways to Solve Them]. *Pravovedenie*, 69(1), 58-75.
7. Goncharov, A.I., & Sadkov, V.A. (2023). Pravovaya priroda tsifrovykh finansovykh aktivov po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii [The Legal Nature of Digital Financial Assets under the Legislation of the Russian Federation]. *Pravovaya paradigma*, 22(2), 82-90.
8. GOST R 10.00.00.01-2025 of January 4, 2026. (2025). Retrieved from https://docs.cntd.ru/document/1312251803
9. Ivanov, A.A. (2025). *Pravo i platformennaya ekonomika. Chast 2. Sub"ekty platformennoy ekonomiki* [Law and the Platform Economy. Part 2. Subjects of the Platform Economy]. Retrieved from https://staging.zakon.ru/blog/2025/09/22/pravo_i_platformennaya_ekonomika_chast_2_subekty_platformennoj_ekonomiki#comments
10. Kharchenko, L.P. (2024). Tsifrovye finansovye aktivy kak innovatsii v mezhdunarodnykh raschetakh v usloviyakh vneshnikh ogranicheniy [Digital Financial Assets as Innovations in International Settlements under External Restrictions]. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 34(4), 582-591.
11. Lizunova, E. (2026). *Sudebnye spory po BIM-modelyam: problemy i perspektivy dokazyvaniya* [Judicial Disputes over BIM Models: Problems and Prospects of Proof]. Retrieved from https://ancb.ru/publication/read/20967
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of April 23, 2019 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". (2019). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/
13. Vasilevskaya, L.Yu. (2019). Token kak novyy ob"ekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii tsifrovogo prava [Token as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification of Digital Rights]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, (5)102, 111-119.
14. Zakharkina, A.V. (2022). Osnovy tsivilisticheskoy teorii tsifrovykh finansovykh aktivov [Fundamentals of the Civilistic Theory of Digital Financial Assets]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, (57), 504-526.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.9 **DOI: 10.34670/AR.2026.91.54.018**

Особенность международных расчетов по аккредитиву и инкассо

Иванова Татьяна Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Чернышевского, 104;
e-mail: taivanova@list.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы международных расчетов по аккредитиву и инкассо, выявлены недостатки и предложены пути их разрешения. Проанализированы отдельные вопросы, возникающие в ходе международных расчетов по аккредитиву и инкассо. Выявлены проблемы в сфере международных расчетов по аккредитиву и инкассо. Делается вывод о том, что исследование вопросов и проблем, возникающих при расчетах по аккредитиву и инкассо, повлекло за собой необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-законодательной базы, которая позволит их исключить. Рекомендуется для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов.

Для цитирования в научных исследованиях

Иванова Т.А. Особенность международных расчетов по аккредитиву и инкассо // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 225-230. DOI: 10.34670/AR.2026.91.54.018

Ключевые слова

Аккредитив, инкассо, сделка, расчеты, платеж, унификация, процесс, форма расчетов, товар, международные расчеты, банковские операции.

Введение

В процессе торговли между государствами значимостью обладает форма расчета за доставленную продукцию, реализованные работы или услуги. Форма расчетов означает условие платежа, которое регулируется нормами международного частного права [Ерпылева, 1998]. По соглашению сторон — партнеров по внешнеторговой сделке устанавливается предпочтение определенной формы расчетов, в которой будет осуществляться платеж по внешнеторговому контракту, [Ануфриева, 2002].

Основная часть

В России на существующий момент сложность международных расчетов находится в центре внимания. Международные расчеты оказывают влияние на внешнеэкономическую деятельность, которая является важной для каждого экономически усовершенствованного государства.

Принимая во внимание общие интересы участников внешнеэкономических сделок, расчеты осуществляются в различных формах, среди которых следует обратить внимание на аккредитив и инкассо.

При расчетах аккредитивами взаимодействие между аккредитиводателем и получателем средств определяются условиями договора, на основании которого производятся расчеты [Соколова, 2007].

Ответственность банка по аккредитиву не зависит от взаимодействия сторон по договору. Экспортер имеет ограниченные требования, чтобы оформить документы и получить платеж. Импортеру предоставляется потенциал точного осуществления правил, установленных в аккредитиве экспортером. По мнению Л.И. Фрея, аккредитив предусматривает определенные условия, является платежным поручением. [Фрей, 1944]. Аккредитив оценивается и как ценная бумага. [Белов, 1996] Юридическая природа аккредитивной сделки правовой наукой России расценивается как разновидность договора комиссии [Шершеневич, 1994].

Целесообразно прийти к мнению о том, что аккредитив представляет собой форму расчетов, которая подвижна. Он определяет способ к порядку платежа. По договору между сторонами могут обновляться положения аккредитива на любой стадии совершения договора. Воспользовавшись аккредитивом во внешнеторговых сделках, организации вправе определить платежные инструменты. По отношению к аккредитиву действуют международные торговые обычаи, «Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов». В настоящее время применяются публикация МТП № 500, изданная в 1993 г. [Шершеневич, 1994].

Трудность расчетов по аккредитиву в несовершенстве российского законодательства. В результате этого могут возникать юридические риски. Подготовленные правила совершения операций по аккредитиву контролируют расчёты аккредитивами, но они не охватывают все ситуации. Отсутствует точное определение взаимоотношения сторон в сделки по аккредитиву. Нормы, регламентирующие аккредитивную форму расчётов, которые содержатся в Гражданском Кодексе Российской Федерации, расходятся с нормами, которые применяются в международной практике банков. Унифицированные правила определяют аккредитив как безотзывное обязательство банка. Законодательная же база России определяет аккредитив как форму расчётов.

Аккредитив гарантирует платеж независимо от товара или услуги, которые участвуют в

сделке. Он является и отдельным от сделки обязательством, в результате чего считается удобным банковским инструментом.

Банки России в настоящее время обращают внимание на то, что расчеты в виде аккредитива стали распространенной формой документарных операций. Практика применения документарного аккредитива позволяет сделать вывод о том, что это в современном международном бизнесе выгодная форма для проведения сделок.

Сложность возникает при задержке расчётов банками, предприятиями. Это связано с большим количеством бумажных носителей, нарушениями в расчётах среди банков.

Аккредитивная форма расчетов многообразная и дорогая [Алибуттаева, 2004]. Банки за проведение аккредитивных операций начисляют большую комиссию по сравнению с формой расчетов по инкассо. Для открытия аккредитива импортер использует кредитные средства, оплачивая за него процент. Из-за этого данная форма расчетов дорогая. Продавец, Совершая расчеты с применением аккредитива, продавец имеет риски неоплаты банка-эмитента, неточности документов. Риск того, что будут предоставлены поддельные документы несет покупатель.

Выгода аккредитивов для продавца заключается в том, что при исполнении экспортером условий аккредитива может быть самый низкий риск неплатежа покупателем. Оплату можно совершить через банк в стране экспортера.

Аккредитив предоставляет покупателю условие подтвердить свою платежеспособность. Это является важным при совершенствовании новых торговых связей.

Для предотвращения вероятности неоплаты со стороны покупателя, риска, что продавец не поставит товар, используется форма расчетов, как инкассо.

Инкассо - это форма безналичных расчётов, при которой оплата проходит по требованию продавца на основании инкассового поручения, а не по инициативе плательщика. [Международное частное право, 2008]. Банк-ремитент, который получил инкассовое поручение, может привлечь для его исполнения, кроме представляющего банка и инкассирующие банки.

Следовательно, инкассо –способ осуществления переводов между сторонами, совершаемый через банковское учреждение. Пункт о договоренности сторон о применении инкассо, надо указывать в договоре. Отправитель получает сопроводительные документы при данных расчетах, а поставщик – деньги по договору. Данный способ расчетов применим для сторон, которые давно взаимодействуют друг с другом, так как стопроцентных гарантий при переводах не существует,

Практика расчетов с применением инкассо структурирована Международной торговой палатой посредством публикации «Унифицированных правил по инкассо» 1995г. [Международное частное право, 2008]**.** Применяя Унифицированные правила на практике можно обнаружить понятия, которых нет в российском праве.

Инкассо позволяет импортеру пользоваться определенными привилегиями. Ему нет надобности предварительно изымать средства из своего оборота. При этом право распоряжаться товарами до оплаты их импортером сохраняется за экспортером. Инкассовая форма расчетов имеет и недостатки. Во-первых, экспортер несет риск, связанный с отказом импортера от платежа. Во-вторых, имеется существенный промежуток времени между отгрузкой товара и поступлением валютной выручки по инкассо. С целью ограничить недостатки при расчетах по инкассо на практике используются следующие методы: 1)импортер производит оплату против телеграммы банка экспортера о приеме и отсылке на инкассо товарных документов; 2) банк предоставляет по поручению импортера в пользу экспортера платежную гарантию. При этом он

принимает ответственность перед экспортером оплатить сумму инкассо в случае неоплаты со стороны импортера, или авалирует вексель; 3)экспортер обращается к банковскому кредиту чтобы обеспечения заблокированных ресурсов. У продавца могут возникать проблемы с распоряжением уже отправленным товаром в случае отказа от платежа или акцепта. Данная ситуация разрешается при помощи представителя продавца могущего достаточно быстро распорядиться этим товаром в стране назначения товара.

Заключение

В Российской Федерации имеются сложности в применении аккредитивной и инкассовой формы расчётов. Устранение требует усовершенствования нормативной базы. Необходимо принять международные унифицированные нормы, которые будут содействовать созданию общих правовых основ деятельности национальных, трансграничных, зарубежных платёжных систем. Требуется каждому государству создать международную платежную систему, которая будет действовать по правилам соглашений между государствами в рамках платёжных союзов и не будет зависить от мировых систем расчётов. Необходимо исследовать системы развития международных расчетных отношений с помощью аккредитива и инкассо в зависимости от анализа производителей и покупателей в данных операциях. Назревает необходимость принять нормативные акты в расчете на товарно-денежные, рыночные отношения в тех экономических условиях, которые имеются в России.

Библиография

1. Алибуттаева Д. М. Правовое регулирование международных расчетов посредством документарных аккредитивов : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Сарат. гос. акад. права. — Саратов, 2004. — 22 с.
2. Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3-х т. Том 2. Особенная часть : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : БЕК, 2002. — 656 с.
3. Белов В. А. Ценные бумаги как объекты гражданских прав: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — 41 с.
4. Дмитриева Г. К., Филимонова М. В. Международное частное право: действующие норматив. акты : учеб. пособие. — М. : Ин-т междунар. права и экономики (ИМПЭ), 1999. — 623 с.
5. Ерпылева Н. Ю. Международное банковское право : учеб. пособие для высш. шк. — М. : Форум : ИНФРА-М, 1998. — 261 с.
6. Международное частное право : учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекяшев [и др.] ; под ред. Г. К. Дмитриева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2008. — 687 с.
7. Соколова Е. А. Ответственность банка-эмитента перед бенефициаром // Закон. — 2007. — № 8. — С. 70-74.
8. Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (публикация Международной торговой палаты № 500) (ред. 1993 г., вступили в силу с 01.01.1994) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Фрей Л. И. Организация и техника работы иностранных банков : учеб. пособие / под ред. И. А. Трахтенберг. — М. : Госфиниздат, 1944. — 242 с.
10. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. — М. : Спарк, 1994. — 335 с.
11. Alibuttaeva D. M. Legal Regulation of International Settlements through Documentary Credits: Abstract of Dissertation ... Candidate of Legal Sciences. — Saratov, 2004. — 22 p.
12. Dmitrieva G. K., Filimonova M. V. Private international law: current regulations. acts : studies. manual. — M. : In-t international. Law and Economics (IMPE), 1999. — 623 p.
13. Sokolova E. A. The Issuing Bank's Responsibility to the Beneficiary // Zakon. — 2007. — No. 8. — Pp. 70-74.
14. Yerpyleva N. Yu. International Banking Law: Textbook for Higher Education Institutions. — M. : Forum : INFRA-M, 1998. — 261 p.

Peculiarities of International Settlements under Letters of Credit and Collection

Tatyana A. Ivanova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of International Law,
Saratov State Law Academy,
410056, 104, Chernyshevskogo St., Saratov, Russian Federation;
e-mail: taivanova@list.ru

Abstract

The article examines issues of international settlements under letters of credit and collection, identifies shortcomings, and proposes ways to resolve them. Certain issues arising during international settlements under letters of credit and collection are analyzed. Problems in the field of international settlements under letters of credit and collection are identified. It is concluded that the study of issues and problems arising in settlements under letters of credit and collection has entailed the need for further improvement of the regulatory and legislative framework, which will make it possible to eliminate them. It is recommended for students, postgraduates, teachers of law universities and faculties.

For citation

Ivanova T.A. (2026) Osobennost' mezhdunarodnykh raschetov po akkreditivu i inkasso [Peculiarities of International Settlements under Letters of Credit and Collection]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 225-230. DOI: 10.34670/AR.2026.91.54.018

Keywords

Letter of credit, collection, transaction, settlements, payment, unification, process, form of payment, goods, international settlements, banking operations.

References

1. Alibuttaeva, D. M. (2004). Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnykh raschetov posredstvom dokumentarnykh akkreditivov [Legal Regulation of International Settlements through Documentary Credits] (Doctoral dissertation abstract). Saratov.
2. Anufrieva, L. P. (2002). *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: V 3-kh t. Tom 2. Osobennaya chast* [Private International Law: In 3 vols. Vol. 2. Special Part] (2nd ed.). Moscow: BEK.
3. Belov, V. A. (1996). Tsentralnye bumagi kak obekty grazhdanskikh prav: voprosy teorii [Securities as Objects of Civil Rights: Questions of Theory] (Doctoral dissertation abstract). Moscow: Lomonosov Moscow State University.
4. Dmitrieva, G. K., & Filimonova, M. V. (1999). Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: deystvuyushchie normativ. akty [Private International Law: Current Regulations]. Moscow: Institute of International Law and Economics (IMPE).
5. Erpyleva, N. Yu. (1998). Mezhdunarodnoe bankovskoe pravo [International Banking Law]. Moscow: Forum: INFRA-M.
6. Frei, L. I. (1944). Organizatsiya i tekhnika raboty inostrannykh bankov [Organization and Technique of Foreign Banks] (I. A. Trakhtenberg, Ed.). Moscow: Gosfinizdat.
7. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private International Law]. (2008). (L. P. Anufrieva, K. A. Bekyashev et al., G. K. Dmitriev, Ed.) (2nd ed.). Moscow: Prospekt.
8. Shershenevich, G. F. (1994). Uchebnik torgovogo prava [Textbook of Commercial Law]. Moscow: Spark.

9. Sokolova, E. A. (2007). Otvetstvennost banka-emitenta pered beneficiarom [The Issuing Bank's Responsibility to the Beneficiary]. Zakon, (8), 70-74.
10. Uniform Rules and Customs for Documentary Credits (ICC Publication No. 500). (1993). In SPS ConsultantPlus.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.453.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.86.33.019**

Правовой режим улучшений арендованного нежилого помещения: критерии отделимости, форма согласия арендодателя и пределы договорной свободы

Крыжанский Максим Юрьевич

Аспирант,
Международный институт информатизации
и государственного управления имени П.А. Столыпина»,
111250, Российская Федерация, Москва, ул. Красноказарменная, 14;
e-mail: kmbsk@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию правового режима улучшений арендованного нежилого помещения, осуществлённых арендатором в ходе пользования объектом. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в статье 623 Гражданского кодекса Российской Федерации легального определения понятия «улучшение», нормативных критериев разграничения отделимых и неотделимых улучшений, а также требований к форме и содержанию согласия арендодателя на производство неотделимых улучшений, что порождает непредсказуемость судебных решений и значительные имущественные риски для участников арендных отношений. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы, а также метод правового моделирования. На основе анализа нормативных правовых актов, судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также доктринальных позиций ведущих российских цивилистов выявлены три ключевых правовых пробела. Во-первых, установлено отсутствие нормативных критериев отделимости, и предложено легальное определение неотделимости через конструкцию «несоразмерного ущерба целостности, функциональным свойствам или стоимости имущества», объединяющую физический, функциональный и стоимостной аспекты. Во-вторых, выявлен правовой пробел в отношении формы согласия арендодателя и обоснована компромиссная модель, сочетающая письменную форму как общее правило с допустимостью иных письменных доказательств волеизъявления. В-третьих, исследованы пределы договорной свободы при включении условия о безвозмездном переходе улучшений к арендодателю и предложен корректирующий механизм судебной защиты арендатора. Сформулированы конкретные предложения по дополнению статьи 623 ГК РФ, направленные на повышение правовой определённости и обеспечение баланса интересов сторон арендного правоотношения.

Для цитирования в научных исследованиях

Крыжанский М.Ю. Правовой режим улучшений арендованного нежилого помещения: критерии отделимости, форма согласия арендодателя и пределы договорной свободы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 231-242. DOI: 10.34670/AR.2026.86.33.019

Ключевые слова

Аренда нежилых помещений, неотделимые улучшения, отделимые улучшения, согласие арендодателя, статья 623 ГК РФ, договорная свобода, неосновательное обогащение, правовой режим улучшений.

Введение

Арендатор, вступая во владение нежилым помещением, нередко стремится адаптировать его к собственным хозяйственным потребностям, осуществляя те или иные изменения объекта – от косметической отделки до масштабной модернизации инженерных систем. Правовая судьба подобных изменений определяется статьёй 623 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), закрепляющей четыре правовых режима так называемых «улучшений арендованного имущества», различающихся по двум критериям: способности улучшения к отделению от объекта аренды без причинения ему вреда и наличию либо отсутствию согласия арендодателя на их производство. Вместе с тем законодатель не раскрывает само понятие «улучшение», не формулирует критерии отграничения улучшений от ремонтных работ и реконструкции, не устанавливает требований к форме и содержанию согласия арендодателя, что порождает значительные правоприменительные затруднения и делает данный институт одним из наиболее дискуссионных в праве аренды нежилых помещений. Как справедливо отмечает А.А. Жданова, отсутствие легального определения создаёт существенную правовую неопределённость, поскольку от квалификации тех или иных работ как «улучшений», «ремонта» или «реконструкции» зависят применимый правовой режим, распределение обязанностей между сторонами и порядок возмещения понесённых затрат [Жданова, 2016, с. 11]. Практическая значимость проблемы определяется масштабом: споры о возмещении стоимости неотделимых улучшений ежегодно составляют значительную долю арендных дел, суммы требований нередко измеряются десятками и сотнями миллионов рублей, а исход спора зачастую зависит от оценочных суждений конкретного судьи, что свидетельствует о системном дефекте регулирования.

Основная часть

Доктринальное осмысление категории «улучшение» позволяет сформулировать её определение через признак приращения качественных характеристик: улучшением является такое изменение объекта аренды, в результате которого он приобретает новые потребительские свойства, функциональные возможности или характеристики, не существовавшие на момент передачи имущества арендатору. Именно признак создания нового качества – в противовес восстановлению ранее утраченного – образует водораздел между улучшениями и ремонтом. Разграничение этих категорий имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение: ремонт – как текущий, так и капитальный – направлен на поддержание или восстановление эксплуатационных характеристик до уровня, существовавшего до возникновения износа, и подчинён правилам статьи 616 ГК РФ, тогда как режим улучшений определяется иными нормами – статьёй 623 ГК РФ.

Принципиальное значение для данного разграничения имеет Постановление Президиума ВАС РФ от 26.07.2011 № 2856/11, в котором высшая судебная инстанция указала на

необходимость отличать улучшения арендованного имущества, выражающиеся в его дооборудовании и модернизации, от работ, направленных на устранение естественного износа или повреждений, возникших в период пользования имуществом [Постановление Президиума ВАС РФ № 2856/11, 2011]. Суд квалифицировал произведённые арендатором работы как неотделимые улучшения, направленные именно на дооборудование объекта, приведшие к возникновению у него новых качественных характеристик, ранее отсутствовавших. Данную позицию впоследствии развила Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 04.03.2021 № 305-ЭС20-10335 по делу о сценическом оборудовании Московского дворца молодёжи, подчеркнув, что неотделимые улучшения могут иметь различные формы, приобретаемые не только в ходе ремонта, необходимого для поддержания имущества в рабочем состоянии, но и в результате достройки, дооборудования, реконструкции, модернизации и технического перевооружения, в результате чего арендованное имущество получает существенные качественные улучшения [Определение СКЭС ВС РФ № 305-ЭС20-10335, 2021]. Коллегия сформулировала принципиальный тезис: вопрос о неотделимости улучшений для целей статьи 623 ГК РФ носит правовой, а не фактический характер, – тем самым границы понятия неотделимости были существенно раздвинуты за пределы чисто физического критерия.

Существование обширной «серой зоны» между ремонтом и улучшениями подтверждается и практикой нижестоящих судов. Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в Постановлении от 02.02.2022 по делу № А32-6901/2017 внёс важное уточнение: под улучшениями применительно к статье 623 ГК РФ следует понимать работы капитального характера, повышающие или изменяющие качественные характеристики объекта по сравнению с теми характеристиками, которые объект имеет в капитально отремонтированном состоянии [Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа № Ф08-13220/21, 2022]. Данный критерий обладает принципиальным методологическим значением: для разграничения необходимо сопоставлять результат произведённых работ не с фактическим состоянием объекта до их проведения, а с тем состоянием, которое объект должен иметь после надлежащего ремонта. Необходимо учитывать и субъективный аспект квалификации. ФАС Уральского округа в Постановлении от 15.10.2009 по делу № А60-11799/2009-С3 применил функциональный критерий: неотделимые части имущества должны являться улучшениями с точки зрения назначения этого имущества, в частности с учётом того, каким образом собственник использует данное имущество в своей хозяйственной деятельности [Постановление ФАС Уральского округа по делу № А60-11799/2009-С3, 2009]. В рассмотренном деле арендатор перепланировал помещение станции химизации для размещения гостиницы, однако арендодатель в силу специальной правоспособности не мог использовать помещение в качестве гостиницы, что исключило квалификацию произведённых работ как улучшений, подлежащих возмещению. Тем самым суд оценил ценность произведённых изменений не абстрактно, а применительно к назначению объекта и интересам его собственника. Самостоятельную грань проблемы образует квалификация работ как реконструкции в значении пункта 14 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации: если вмешательство затрагивает параметры здания в целом – высоту, этажность, площадь, объём, – оно выходит за пределы статьи 623 ГК РФ и может повлечь последствия по статьям 615 и даже 222 ГК РФ, что создаёт существенные практические риски для арендаторов, осуществляющих масштабные работы по адаптации помещения.

Обращаясь к системе нормативных режимов, установленных статьёй 623 ГК РФ, следует

констатировать её внутреннюю стройность: четыре режима образованы пересечением двух осей – отделимости улучшений и наличия согласия арендодателя. Пункт 1 распространяется на отделимые улучшения, признавая их собственностью арендатора, если иное не предусмотрено договором: логика данной нормы основана на том, что отделимое улучшение, не став частью арендованного имущества, сохраняет самостоятельность как вещь и может быть изъято арендатором при прекращении договора без ущерба для интересов арендодателя. Арбитражный суд Северо-Западного округа в Постановлении от 28.03.2013 по делу № А42-7628/2011 квалифицировал кондиционеры, жалюзи и конструкции кассового узла как отделимые улучшения, поскольку их демонтаж возможен без причинения существенного ущерба помещению [Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А42-7628/2011, 2013]. Центральное положение в нормативной системе статьи 623 занимает пункт 2, посвящённый неотделимым улучшениям, произведённым с согласия арендодателя: арендатору предоставляется право на компенсацию их стоимости по прекращении договора, если иное не предусмотрено договором. Существенно, что Президиум ВАС РФ в Постановлении от 28.05.2013 № 17085/12 подчеркнул: арендатор может претендовать не на приобретение права собственности, а исключительно на компенсацию затрат на строительство, реконструкцию и стоимость неотделимых улучшений [Постановление Президиума ВАС РФ № 17085/12, 2013]. Неотделимые улучшения с момента их создания становятся собственностью арендодателя как неотъемлемая часть его имущества, а арендатор приобретает лишь обязательственное право требования возмещения их стоимости. Пункт 3 устанавливает, что стоимость неотделимых улучшений без согласия арендодателя возмещению не подлежит, выступая санкцией за нарушение арендатором пределов допустимого воздействия на чужое имущество, – ФАС Уральского округа в Постановлении от 04.04.2013 по делу № А07-22639/2011 подтвердил, что само по себе направление письма с просьбой согласовать ремонт не свидетельствует о даче согласия [Постановление ФАС Уральского округа по делу № А07-22639/2011, 2013]. Пункт 4 касается улучшений за счёт амортизационных отчислений и практически не востребован при аренде нежилых помещений. Как обоснованно отмечают А.С. Орищенко и К.О. Спицин, системный анализ четырёх режимов выявляет заложенную законодателем логику распределения рисков: отделимые улучшения, сохраняя самостоятельность, следуют принципу «кто заплатил – тому и принадлежит», а неотделимые, становясь частью имущества арендодателя, порождают вопрос о компенсации, решение которого зависит от наличия согласия [Постановление ФАС Уральского округа по делу № А07-22639/2011, 2013]. Все четыре режима носят диспозитивный характер, что подтверждено Постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 26.05.2021 по делу № А47-4334/2020 [Постановление Арбитражного суда Уральского округа по делу № А47-4334/2020, 2021]. Диспозитивность создаёт широкое пространство для договорного регулирования, но одновременно порождает риск злоупотреблений со стороны экономически более сильной стороны – проблему, к которой мы обратимся далее.

Единственным законодательным ориентиром разграничения отделимых и неотделимых улучшений служит формулировка пункта 2 статьи 623 ГК РФ – «не отделимые без вреда для имущества». Однако законодатель не раскрывает содержание понятия «вред», не устанавливает его параметров и не определяет порядок его оценки, что вынуждает правоприменительную практику самостоятельно вырабатывать соответствующие критерии. Анализ судебной практики и доктрины позволяет выделить четыре таких критерия, каждый из которых отражает определённый аспект проблемы.

Первый – физический критерий – отвечает на вопрос, может ли улучшение быть отделено без разрушения строительных конструкций, повреждения отделочных покрытий или нарушения целостности инженерных систем. Данный критерий является исходным, но обнаруживает существенные ограничения: технически практически любое улучшение может быть демонтировано при достаточном объёме работ. Осознание этого обстоятельства привело к формированию второго – функционального – критерия: сохраняет ли улучшение свои функциональные свойства и самостоятельную потребительскую ценность после отделения. В упомянутом Определении от 04.03.2021 № 305-ЭС20-10335 Верховный Суд по существу допустил квалификацию смонтированного сценического оборудования в качестве неотделимого улучшения здания, хотя с технической точки зрения его демонтаж был возможен без повреждения строительных конструкций[Определение СКЭС ВС РФ № 305-ЭС20-10335, 2021]. Арбитражный суд Уральского округа в Постановлении от 28.07.2020 по делу № А60-35640/2019 развил эту логику, указав, что техническая возможность разборки перегородки с последующей срезкой анкерных болтов и заделкой образовавшихся отверстий не является достаточным основанием для признания её отделимым улучшением, поскольку перегородка была спроектирована и изготовлена под конфигурацию конкретного помещения и её демонтаж лишает данный элемент функциональной ценности, а повторное использование в ином помещении потребовало бы существенной переработки [Постановление Арбитражного суда Уральского округа по делу № А60-35640/2019, 2020]. Третий – стоимостной – критерий исходит из экономической логики: если затраты на демонтаж и восстановление помещения превышают или сопоставимы со стоимостью самого улучшения, оно признаётся экономически неотделимым. Как отмечает Т.В. Богачёва, данный критерий вытекает из принципа разумности и используется при назначении строительно-технических экспертиз [Богачёва, 2017, с. 66]. Четвёртый – судебный (экспертный) – критерий состоит в том, что заключение эксперта об отделимом или неотделимом характере улучшений является одним из доказательств, подлежащих оценке по правилам статьи 71 АПК РФ, однако окончательная правовая квалификация остаётся прерогативой суда, что прямо подтверждено ФАС Северо-Кавказского округа в Постановлении от 14.12.2012 по делу № А53-24637/2010 [Постановление ФАС Северо-Кавказского округа по делу № А53-24637/2010, 2012]. «Пограничные» случаи – подвесные потолки, фальшполы, системы вентиляции со встроенной канальной разводкой, охранно-пожарная сигнализация, серверная инфраструктура – квалифицируются в практике противоречиво, что свидетельствует о недостаточности существующих критериев и настоятельной необходимости нормативных ориентиров.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что иные правопорядки предлагают более определённые решения. В германском праве параграф 539 абзац 2 Германского гражданского уложения (BGB) закрепляет за арендатором право на изъятие присоединённых им вещей (Wegnahmerecht) при условии восстановления прежнего состояния помещения; при этом критерий отделимости привязан к возможности такого восстановления без несоразмерных затрат, а параграф 552 BGB регулирует отказ арендатора от данного права [BGB, 1896]. Указанная модель близка к предлагаемому нами подходу и подтверждает его обоснованность.

Для преодоления выявленного пробела представляется целесообразным дополнить статью 623 ГК РФ абзацем следующего содержания: «Неотделимыми признаются улучшения, которые не могут быть отделены от арендованного имущества без причинения несоразмерного ущерба его целостности, функциональным свойствам или стоимости. При определении отделимости учитываются физическая возможность демонтажа без разрушения строительных конструкций,

сохранение функциональности улучшения после отделения и соразмерность затрат на демонтаж и восстановление стоимости улучшения». Конструкция «несоразмерного ущерба» заимствована из устоявшейся терминологии гражданского законодательства (ср. статья 133 ГК РФ о неделимых вещах) и исключает необходимость абсолютной невозможности отделения, допуская оценочный характер суждения, – но при этом закрепляет нормативный ориентир, которого в настоящее время лишён правоприменитель.

Вторая ключевая проблема, выявленная в ходе исследования, связана с формой и содержанием согласия арендодателя на производство неотделимых улучшений. Пункт 2 статьи 623 ГК РФ обусловливает возникновение права арендатора на возмещение наличием такого согласия, однако не конкретизирует ни порядок его предоставления, ни требования к его оформлению, что образует правовой пробел, восполнение которого осуществляется судебной практикой и доктриной. В науке сформировались два конкурирующих подхода.

Формалистский подход акцентирует необходимость правовой определённости и защиты собственника. В.В. Витрянский подчёркивает, что распорядительное действие арендатора в отношении чужого имущества предполагает чётко выраженную и документально подтверждённую волю арендодателя [Брагинский, Витрянский, 2011, с. 484]. О.В. Чумакова квалифицирует согласие как одностороннюю сделку, порождающую секундарное право, которая должна быть облечена в письменную форму с указанием существенных характеристик работ [Чумакова, 2019, с. 124]. Д.О. Рахвалова указывает, что неопределённость содержания согласия делает его юридически ничтожным, поскольку не позволяет установить действительную волю арендодателя [Рахвалова, 2020, с. 85]. Данный подход преобладает в арбитражной практике: Арбитражный суд Поволжского округа в Постановлении от 28.12.2021 по делу № А57-543/2021 указал, что согласие предполагает согласование объёма и стоимости работ; ФАС Дальневосточного округа в Постановлении от 28.06.2011 по делу № А51-15765/2010 отклонил общую договорную формулировку о праве «производить перепланировку и иные улучшения» как недостаточную для одобрения конкретных работ [Постановление ФАС Дальневосточного округа по делу № А51-15765/2010, 2011].

Функциональный подход исходит из приоритета добросовестности и фактических обстоятельств. А.Г. Карапетов и соавторы фундаментального комментария к нормам ГК РФ об аренде обосновывают, что согласие может быть установлено из совокупности обстоятельств – переписки, согласования проектной документации, участия в приёмке работ, длительного отсутствия возражений; формализм создаёт неоправданные препятствия и противоречит пункту 4 статьи 1 ГК РФ [Карапетов, 2023, с. 670]. В.В. Мосьпан указывает, что чрезмерный формализм создаёт почву для злоупотреблений арендодателя, который, будучи осведомлён об улучшениях и извлекая выгоду, впоследствии отрицает согласие [Мосьпан, 2024, с. 323]. Определение Верховного Суда РФ от 01.12.2015 № 305-ЭС15-14875 подтвердило, что несоблюдение формы согласования не влечёт признания недействительным волеизъявления арендодателя, допустив установление согласия из совокупности доказательств [Определение ВС РФ № 305-ЭС15-14875, 2015]. Вместе с тем Арбитражный суд Северо-Западного округа в Постановлении от 09.11.2020 по делу № А13-22592/2019 подчеркнул, что осведомлённость арендодателя о проводимых работах сама по себе не свидетельствует о согласии, поскольку по смыслу пункта 3 статьи 158 ГК РФ молчание не признаётся выражением воли на совершение сделки [Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А13-22592/2019, 2020].

По моему мнению, каждый из подходов обладает убедительной аргументацией, однако ни один из них, взятый в отдельности, не обеспечивает справедливого баланса интересов.

Формалистский подход гарантирует правовую определённость и защиту собственника, но игнорирует широко распространённую деловую практику, в которой согласие выражается посредством серии взаимосвязанных действий – утверждения дизайн-проекта, подписания актов скрытых работ, выдачи пропусков подрядчикам. Функциональный подход адекватно отражает реальности делового оборота, но создаёт риск процессуальной неопределённости, поскольку установление «совокупности обстоятельств» зависит от судейского усмотрения. Оптимальное решение, по моему убеждению, лежит в нормативном закреплении компромиссной модели: письменная форма согласия должна быть установлена в качестве общего правила, обеспечивающего правовую определённость, однако её несоблюдение не должно автоматически лишать арендатора права на возмещение при наличии иных письменных доказательств воли арендодателя. Конкретизируя данное предложение, представляется целесообразным дополнить статью 623 ГК РФ пунктом 5 следующего содержания: «Согласие арендодателя на производство неотделимых улучшений арендованного имущества должно быть выражено в письменной форме и содержать описание вида подлежащих выполнению работ. Несоблюдение письменной формы согласия не лишает арендатора права ссылаться на иные письменные доказательства, подтверждающие волеизъявление арендодателя, включая деловую переписку, согласование проектной документации и подписание актов выполненных работ. Согласие, выраженное в общей форме без указания конкретных работ, признаётся согласием на все улучшения, произведённые арендатором в пределах целевого назначения помещения, если арендодатель не докажет, что конкретные работы явно выходили за пределы разумно предполагаемого объёма согласия». Данная норма воспринимает достоинства обоих подходов: письменная форма устанавливается как общее правило, а правило о «генеральном» согласии разрешает распространённую ситуацию, когда арендодатель выражает общее одобрение без детализации работ.

Необходимо также обратиться к порядку возмещения стоимости неотделимых улучшений и его соотношению с институтом неосновательного обогащения. Пункт 2 статьи 623 ГК РФ связывает возникновение права арендатора на возмещение с моментом прекращения договора, что подтверждено судебной практикой. Наиболее распространённым на практике способом является зачёт стоимости неотделимых улучшений в счёт арендной платы – механизм, допустимость которого подтверждена пунктом 8 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 [Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 65, 2001]. Существенное значение имеет методика определения стоимости: законодатель использует формулировку «стоимость этих улучшений», а не «стоимость затрат на их производство». ФАС Уральского округа указал, что в качестве стоимости неотделимых улучшений подлежит возмещению не стоимость произведённых арендатором работ, а стоимость улучшений, определяемая размером увеличения стоимости имущества в результате произведённых работ [Постановление ФАС Уральского округа по делу № А60-11799/2009-С3, 2009]. Данный подход отражает реальное обогащение арендодателя, а не субъективные затраты арендатора, которые могут быть завышены или неэффективны, хотя на практике суды нередко ориентируются на фактические затраты, подтверждённые первичными документами, что обусловлено меньшей процессуальной сложностью.

Соотношение режима неотделимых улучшений по статье 623 ГК РФ и института неосновательного обогащения по статьям 1102–1109 ГК РФ представляет собой одну из наиболее сложных проблем арендного права. Если арендатор произвёл неотделимые улучшения без согласия арендодателя и лишён права на возмещение по пункту 3 статьи 623, может ли он предъявить кондикционное требование? Судебная практика даёт отрицательный ответ при

действующем договоре: Апелляционное определение СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 17.05.2021 по делу № 33-4205/2021 исходит из того, что статья 623 ГК РФ является lex specialis, определяющей исчерпывающие условия возмещения, и применение норм о кондикции подорвало бы заложенный в неё механизм распределения рисков [Апелляционное определение Ростовского областного суда № 33-4205/2021, 2021]. Однако при порочности арендных отношений допускается иная оценка: Президиум ВАС РФ в упомянутом Постановлении от 26.07.2011 № 2856/11 при передаче имущества в аренду лицом, не являвшимся собственником, применил абзац 3 статьи 303 ГК РФ о расчётах при возврате имущества из незаконного владения и обязал надлежащего собственника выплатить добросовестному арендатору справедливую компенсацию затрат на создание неотделимых улучшений [Постановление Президиума ВАС РФ № 2856/11, 2011]. По моему мнению, развитие правоприменения должно идти по пути дифференциации: при действующем договоре статья 623 ГК РФ является специальной нормой, исключающей кондикцию; при порочности договора нормы о неосновательном обогащении подлежат применению с учётом статьи 303 ГК РФ и общих правил главы 60 ГК РФ.

Заключительная проблема, нуждающаяся в исследовании, связана с пределами договорной свободы при определении судьбы улучшений. Широко распространённая в коммерческой практике формулировка «все произведённые арендатором улучшения переходят к арендодателю без компенсации» порождает вопрос о допустимости подобных условий. Диспозитивный характер статьи 623 ГК РФ формально допускает их, что подтверждено Постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 04.06.2020 по делу № А83-2142/2019 [Постановление Арбитражного суда Центрального округа по делу № А83-2142/2019, 2020]. Вместе с тем безграничная свобода может приводить к существенному нарушению баланса интересов. Пленум ВАС РФ в пункте 9 Постановления от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах» установил, что при заключении договора, содержащего явно обременительные условия, существенным образом нарушающие баланс интересов, суд вправе применить положения пункта 2 статьи 428 ГК РФ о договорах присоединения; пункт 10 того же Постановления указал на необходимость оценки фактического соотношения переговорных возможностей сторон [Постановление Пленума ВАС РФ № 16, 2014]. Применительно к условию о безвозмездном переходе улучшений это означает, что при существенном дисбалансе переговорных позиций – а в практике аренды нежилых помещений неравенство проявляется особенно ярко, когда крупный арендодатель, предлагающий помещение в востребованном деловом центре, фактически диктует условия, а арендатор – субъект малого бизнеса – лишён реальной возможности повлиять на содержание договора, – суд вправе квалифицировать такое условие как несправедливое и скорректировать его последствия. Мы полагаем, что условие о безвозмездном переходе улучшений, будучи проявлением свободы договора (статья 421 ГК РФ), в принципе допустимо, однако нуждается в ограничительном механизме. Целесообразно дополнить статью 623 ГК РФ нормой следующего содержания: «Условие договора аренды, предусматривающее безвозмездный переход к арендодателю неотделимых улучшений, произведённых арендатором с согласия арендодателя, действительно, если арендатор при заключении договора был уведомлён о данном условии и имел реальную возможность повлиять на его содержание. Если стоимость неотделимых улучшений, безвозмездно переходящих к арендодателю, существенно превышает выгоду, полученную арендатором от использования помещения за весь период действия договора, суд по требованию арендатора вправе присудить частичную компенсацию стоимости улучшений». Данная норма сохраняет свободу договора как общий принцип, но устанавливает корректирующий механизм для предотвращения

чрезмерного обогащения арендодателя за счёт арендатора, что соответствует общему направлению реформы обязательственного права, нацеленной на обеспечение справедливого баланса интересов контрагентов.

Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, необходимо констатировать следующее. Статья 623 ГК РФ устанавливает четыре правовых режима улучшений, образующих логичную систему распределения рисков по двум ключевым осям – отделимости и согласию арендодателя. Вместе с тем данная система содержит ряд существенных правовых пробелов, порождающих непредсказуемость правоприменения. Ключевым критерием разграничения улучшений и ремонта, выработанным судебной практикой во главе с Постановлением Президиума ВАС РФ от 26.07.2011 № 2856/11 и развитым в Определении СКЭС ВС РФ от 04.03.2021 № 305-ЭС20-10335, является признак приращения нового качества в противовес восстановлению ранее утраченных характеристик. Неопределённость критериев отделимости представляет собой системный дефект регулирования: анализ выявил четыре критерия – физический, функциональный, стоимостной и судебный, – ни один из которых не закреплён в законе. Предложенное легальное определение неотделимости, основанное на конструкции «несоразмерного ущерба целостности, функциональным свойствам или стоимости имущества», призвано обеспечить нормативный ориентир для правоприменителя, объединив все три содержательных критерия в единую формулу. Проблема формы и содержания согласия арендодателя является подлинной доктринальной дискуссией, в которой сформировались формалистский и функциональный подходы; предложенное дополнение статьи 623 ГК РФ пунктом 5, устанавливающим письменную форму как общее правило при допустимости иных письменных доказательств, представляет собой компромиссное решение, воспринимающее достоинства обеих позиций. Условие о безвозмездном переходе улучшений допустимо в силу диспозитивности статьи 623 ГК РФ, однако нуждается в корректирующем механизме для случаев, когда стоимость улучшений существенно превышает выгоду арендатора, что свидетельствует о нарушении эквивалентности встречных предоставлений. Совокупность сформулированных предложений образует взаимосвязанный блок изменений, направленный на повышение правовой определённости при квалификации улучшений арендованных нежилых помещений, обеспечение предсказуемости судебных решений и справедливого баланса интересов арендатора и арендодателя.

Библиография

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 17 мая 2021 г. по делу № 33-4205/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Богачева Т.В. Правовое регулирование отношений по возмещению стоимости неотделимых улучшений арендованного имущества: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10 (83). С. 63-71.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 2-е изд. М.: Статут, 2011. 780 с.
4. Жданова А.А. К вопросу об улучшении арендованного имущества // Отечественная юриспруденция. 2016. № 7 (9). С. 11-13.
5. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачётом встречных однородных требований» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Карапетов А.Г. Аренда: комментарий к статьям 606-625 и 650-655 Гражданского кодекса Российской Федерации

/ отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2023. 816 с.
7. Мосьпан В.В. Актуальные проблемы исполнения договоров аренды недвижимого имущества // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 4А. С. 320-326.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 305-ЭС15-14875 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 305-ЭС20-10335 по делу № А40-191009/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Орищенко А.С., Спицин К.О. Проблемы применения норм об улучшениях арендованного имущества // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 113-120.
11. О свободе договора и её пределах: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 ноября 2020 г. по делу № А13-22592/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 марта 2013 г. по делу № А42-7628/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 2 февраля 2022 г. № Ф08-13220/21 по делу № А32-6901/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 мая 2021 г. по делу № А47-4334/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28 июля 2020 г. по делу № А60-35640/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 4 июня 2020 г. по делу № А83-2142/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 2856/11 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 мая 2013 г. № 17085/12 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 июня 2011 г. по делу № А51-15765/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 декабря 2012 г. по делу № А53-24637/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 4 апреля 2013 г. по делу № А07-22639/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
23. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 15 октября 2009 г. по делу № А60-11799/2009-С3 // СПС «КонсультантПлюс».
24. Рахвалова Д.О. Правовое регулирование договора аренды нежилых помещений: монография. Новосибирск: НГТУ, 2020. 120 с.
25. Чумакова А.А. Аренда недвижимости (структурно-правовой аспект): монография. Саратов: Вузовское образование, 2019. 216 с.
26. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). §§ 539, 552 // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/

Legal Regime of Improvements to Leased Non-Residential Premises: Criteria of Separability, Form of Landlord's Consent, and Limits of Contractual Freedom

Maxim Yu. Kryzhansky

Postgraduate Student,
International Institute of Informatization
and Public Administration named after P.A. Stolypin,
111250, 14, Krasnokazarmennaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kmbsk@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive study of the legal regime of improvements to leased non-residential premises made by the tenant during the use of the property. The relevance of the study is due to the absence in Article 623 of the Civil Code of the Russian Federation of a legal definition of the concept of "improvement," normative criteria for distinguishing between separable and inseparable improvements, as well as requirements for the form and content of the landlord's consent to the making of inseparable improvements, which gives rise to unpredictability of judicial decisions and significant property risks for participants in lease relations. The methodological basis of the study comprises formal-legal, systemic-structural, comparative-legal methods, as well as the method of legal modeling. Based on an analysis of normative legal acts, judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, as well as doctrinal positions of leading Russian civil law scholars, three key legal gaps have been identified. Firstly, the absence of normative criteria of separability has been established, and a legal definition of inseparability is proposed through the construct of "disproportionate damage to the integrity, functional properties or value of the property," combining physical, functional, and value aspects. Secondly, a legal gap regarding the form of the landlord's consent has been identified, and a compromise model is substantiated, combining written form as a general rule with the admissibility of other written evidence of expression of will. Thirdly, the limits of contractual freedom when including a condition on the gratuitous transfer of improvements to the landlord are investigated, and a corrective mechanism for judicial protection of the tenant is proposed. Specific proposals for supplementing Article 623 of the Civil Code of the Russian Federation are formulated, aimed at increasing legal certainty and ensuring a balance of interests of the parties to the lease relationship.

For citation

Kryzhansky M.Yu. (2026) Pravovoy rezhim uluchsheniy arendovannogo nezhilogo pomeshcheniya: kriterii otdelimosti, forma soglasiya arendodatelya i predely dogovornoy svobody [Legal Regime of Improvements to Leased Non-Residential Premises: Criteria of Separability, Form of Landlord's Consent, and Limits of Contractual Freedom]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 231-242. DOI: 10.34670/AR.2026.86.33.019

Keywords

Lease of non-residential premises, inseparable improvements, separable improvements, landlord's consent, Article 623 of the Civil Code of the Russian Federation, contractual freedom, unjust enrichment, legal regime of improvements.

References

1. Apellyatsionnoe opredelenie SK po grazhdanskim delam Rostovskogo oblastnogo suda ot 17 maya 2021 g. po delu no. 33-4205/2021 [Appellate ruling of the Civil Chamber of the Rostov Regional Court of May 17, 2021]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
2. Bogacheva T.V. (2017). Pravovoe regulirovanie otnoshenii po vozmeshcheniyu stoimosti neotdelimykh uluchshenii arendovannogo imushchestva: problemy pravoprimeneniya [Legal regulation of reimbursement for inseparable improvements: enforcement issues]. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, (10), 63-71. (In Russ.)
3. Braginskii M.I., Vitryanskii V.V. (2011). Dogovornoe pravo. Kniga vtoraya: Dogovory o peredache imushchestva [Contract law. Book Two: Contracts on transfer of property]. 2nd ed. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)
4. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). §§ 539, 552. Gesetze im Internet. Available at: https://www.gesetze-im-

internet.de/bgb/ (In Germ.)
5. Chumakova A.A. (2019). Arenda nedvizhimosti (strukturno-pravovoi aspekt) [Lease of real estate (structural-legal aspect)]: monograph. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie Publ. (In Russ.)
6. Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 29 dekabrya 2001 g. no. 65 [Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the RF of December 29, 2001, no. 65]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
7. Karapetov A.G. (ed.) (2023). Arenda: kommentarii k stat'yam 606-625 i 650-655 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Lease: commentary on Articles 606-625 and 650-655 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)
8. Mos'pan V.V. (2024). Aktual'nye problemy ispolneniya dogovorov arendy nedvizhimogo imushchestva [Current problems of performance of real property lease agreements]. Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava, 14(4A), 320-326. (In Russ.)
9. O svobode dogovora i ee predelakh: Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 14 marta 2014 g. no. 16 [On freedom of contract and its limits: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitrazh Court of the RF of March 14, 2014, no. 16]. Vestnik VAS RF, 2014, no. 5. (In Russ.)
10. Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 1 dekabrya 2015 g. no. 305-ES15-14875 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of December 1, 2015, no. 305-ES15-14875]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
11. Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda RF ot 4 marta 2021 g. no. 305-ES20-10335 po delu no. A40-191009/2018 [Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of March 4, 2021, no. 305-ES20-10335]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
12. Orishchenko A.S., Spitsin K.O. (2023). Problemy primeneniya norm ob uluchsheniyakh arendovannogo imushchestva [Problems of applying norms on improvements to leased property]. Voprosy rossiiskoi yustitsii, (26), 113-120. (In Russ.)
13. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 9 noyabrya 2020 g. po delu no. A13-22592/2019 [Resolution of the Arbitrazh Court of the North-West Circuit of November 9, 2020]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
14. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 28 marta 2013 g. po delu no. A42-7628/2011 [Resolution of the Arbitrazh Court of the North-West Circuit of March 28, 2013]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
15. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 2 fevralya 2022 g. no. F08-13220/21 po delu no. A32-6901/2017 [Resolution of the Arbitrazh Court of the North Caucasus Circuit of February 2, 2022]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
16. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Tsentral'nogo okruga ot 4 iyunya 2020 g. po delu no. A83-2142/2019 [Resolution of the Arbitrazh Court of the Central Circuit of June 4, 2020]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
17. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 26 maya 2021 g. po delu no. A47-4334/2020 [Resolution of the Arbitrazh Court of the Urals Circuit of May 26, 2021]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
18. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 28 iyulya 2020 g. po delu no. A60-35640/2019 [Resolution of the Arbitrazh Court of the Urals Circuit of July 28, 2020]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
19. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 28 iyunya 2011 g. po delu no. A51-15765/2010 [Resolution of the Federal Arbitrazh Court of the Far East Circuit of June 28, 2011]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
20. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 14 dekabrya 2012 g. po delu no. A53-24637/2010 [Resolution of the Federal Arbitrazh Court of the North Caucasus Circuit of December 14, 2012]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
21. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 4 aprelya 2013 g. po delu no. A07-22639/2011 [Resolution of the Federal Arbitrazh Court of the Urals Circuit of April 4, 2013]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
22. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 15 oktyabrya 2009 g. po delu no. A60-11799/2009-S3 [Resolution of the Federal Arbitrazh Court of the Urals Circuit of October 15, 2009]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
23. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 26 iyulya 2011 g. no. 2856/11 [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation of July 26, 2011, no. 2856/11]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
24. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 28 maya 2013 g. no. 17085/12 [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation of May 28, 2013, no. 17085/12]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
25. Rakhvalova D.O. (2020). Pravovoe regulirovanie dogovora arendy nezhilykh pomeshchenii [Legal regulation of the lease of non-residential premises]: monograph. Novosibirsk: NGTU Publ. (In Russ.)
26. Zhdanova A.A. (2016). K voprosu ob uluchshenii arendovannogo imushchestva [On the issue of improvements to leased property]. Otechestvennaya yurisprudentsiya, (7), 11-13. (In Russ.)

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.32.87.020**

Добросовестность как характеристика приобретения имущества по давности владения

Суриков Михаил Анатольевич

Аспирант,
Московский финансово-юридический университет МФЮА,
115191, Российская Федерация, Москва, ул. Варшавское шоссе, 38;
e-mail: SurikoW.mikhail@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается механизм приобретения права собственности по давности владения, предусмотренный ст. 234 Гражданского кодекса РФ. В ходе исследования отдельное внимание было уделено истории указанного института, который в российском праве является молодым, несмотря на упоминание в законах дореволюционного периода. В ходе исследования охарактеризованы сущностные признаки давностного владения, а также соотношение последнего с категорией беститульного владения. Автор проанализировал теоретические и практические особенности применения критерия добросовестности в сложившейся судебной практике. Сделан вывод, что формулировки и подходы, используемые высшими судами, являются противоречивыми как в рамках института приобретения права собственности по давности, так и при оценке категории субъективной добросовестности в иных институтах, в частности, защите прав добросовестного приобретателя.

Для цитирования в научных исследованиях

Суриков М.А. Добросовестность как характеристика приобретения имущества по давности владения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 243-254. DOI: 10.34670/AR.2026.32.87.020

Ключевые слова

Приобретательная давность, добросовестность, давностное владение, добросовестный приобретатель, право собственности, конституционность условий приобретательной давности.

Введение

Приобретение права собственности по давности владения – один из важнейших механизмов, который стабилизирует хозяйственный оборот путем возвращения в него имущества, собственник которого иди бездействует. В гражданско-правовой доктрине и правоприменительной практике данный институт по-прежнему вызывает множество вопросов, о чем свидетельствует как большое число разъяснений и толкований в судебных актах Высшего Арбитражного, Верховного и Конституционного судов РФ, так наличие в проекте Федерального закона № 47538-6, предполагавшего полную переработку регулирования раздела II ГК РФ о вещных права, ст. 242, посвященной условиям и критериям приобретения права собственности по давности владения.

Несмотря на то, приобретательная давность является одной из старейших правовых конструкций, сформированной еще в рамках римского права, в российском правопорядке, как подробнее будет рассмотрено ниже, его развитие нельзя назвать поступательным и эволюционным: на протяжении большей части истории нашей страны такого института в законодательстве просто не существовало. Тем не менее, приобретение права собственности по давности владения исследовалось такими правоведами различных эпох, как Д.И. Мейер, К.П. Победоносцев, Г.Ф. Шершеневич, О.С. Иоффе, Б.Б. Черепахин, К.И. Скловский, Е.А. Суханов.

Получение права собственности на основании давности владения по российскому законодательству распространяет свой действие на максимально широкий круг вещей: вне зависимости от их прочной связи с землей (движимость и недвижимость) или наличия действующего собственника (безхозяйные и принадлежащие другому лицу). В то же время, в рамках данного института право собственности может возникнуть только на оборотоспособные объекты – например, невозможно таким образом «узаконить» самовольную постройку, не являющуяся объектом каких-либо гражданских прав как таковых.

При этом институт давностного владения как одно из оснований приобретения права собственности, до момента накопления полного необходимого юридического состава представляет собой один из немногих, если не единственный, пример закреплённой в законе возможности защиты беститульного владельца вещи от неправомерных посягательств нерадивого собственника вещи и любых третьих лиц.

Добросовестность давностного владения является одним из самых спорных вопросов – в данном контексте она трактуется как субъективное «извинительное незнание», однако в судебной практике отсутствуют единые критерии её оценки, что приводит к противоречивым решениям в рамках споров со схожими фактически обстоятельствами. Подобная правовая неопределенность затрудняет защиту интересов добросовестных владельцев, особенно в случаях длительного пользования имуществом как своим собственным, включая случаи отсутствия требуемой в силу закона формальной регистрации

Понятие и эволюция института приобретательной давности в российском гражданском праве

Регулирование механизма приобретательной давности в российском праве различных исторических эпох – тема весьма своеобразная. Впервые она упоминается в Псковской судной грамоте: четырехлетнее или пятилетнее владение землей, а также её обрабатывание (использование), порождало право собственности, а в случае спора – должно было

подтверждаться свидетельскими показаниями [Кокорев, 2011, с. 70].

Однако в дальнейшем законодательстве – например, Судебнике 1497 года Ивана III или Соборном уложении 1649 года, – механизм приобретательной давности отсутствовал как таковой. И только с принятием Свода Законов Российской империи 1832 г., а именно ст. 533 Свода Законов Гражданских было установлено, что «спокойное, бесспорное и непрерывное владение в виде собственности превращается в право собственности, когда оно продолжится в течение установленной законом давности» [Свод Законов Российской Империи, 1832] (десять лет). Более подробное регулирование, в том числе установление различных сроков в зависимости от наличия или отсутствия у владельца фактора добросовестности, а также категории вещи, данного института предполагалось осуществить в Проекте гражданского уложения России, которое, однако, так и не было принято [Чорновол, Челышева, 2017, с. 39].

В законодательстве советского периода институт приобретательной давности был снова забыт, что объяснялось превалированием государственной собственности и серьезным ограничением сферы права частного. Все положения Гражданских кодексов РСФСР 1922 и 1964 годов о бесхозяйном имуществе, кладе, находке и т.п., в рамках которых одним из способов приобретения права собственности могла стать владельческая давность, гласили, что в случае отказа от права собственности на вещь или отсутствия сведения о хозяине, такое имущество переходило в государственную собственность [Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.; Гражданский кодекс РСФСР 1964 г.].

Возрождение института произошло в ходе реформ 1990-х годов, в частности, с принятием Закона РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» (п. 3 ст. 7), а впоследствии – ст. 234 действующего Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)

Переходя к действующему регулированию абз. 1 п. 1 ст. 234 ГК РФ предусматривает, что любое лицо (физическое или юридическое), не обладающее правом собственности на имущество (а точнее – на вещь), приобретает на него право собственности, если владение этим имуществом отвечает следующим критериям:

– осуществляется непрерывно в течение срока, установленного законодательством, 15 лет для недвижимых вещей и 5 лет – для движимых;
– владелец является добросовестным – т.е. не знает и не должен знать об отсутствии у него оснований возникновения права собственности;
– не предпринимается никаких мер со стороны владельца по сокрытию имущества – оно является «открытым», при этом ему разрешается осуществлять обычные действия по обеспечению сохранности имущества – в том числе устанавливать заборы или иным способом ограничивать доступ иных лиц;
– непрерывно – владение не прекращалось в течение всего срока приобретательной давности, перерывом не считается законная передача в фактический контроль иного лица (имеется в виду заключение какого-либо договора, например, хранения или аренды, предполагающая выбытие вещи из физического контроля давностного владельца) или лишение лица имущества неправомерными действиями, в результате чего оно вынуждено защищаться посредством виндикационного иска;
– как своей собственной – давностное владение не является производным, основанным на каком-либо вещном или обязательстве праве (например, вытекающем из договора) [Постановление Пленума № 10/22, 2010, п. 15].

Само по себе владение в частноправовой доктрине чаще всего понимается в качестве правомочия, т.е. как «основанная на законе (юридически обеспеченная) возможность иметь у

себя данное имущество, содержать его в своем хозяйстве (фактически обладать им, числить на своем балансе и т.п.)» [Постановление Пленума № 10/22, 2010, п. 15]. Например, если обратиться к ст. 209 ГК РФ, регулирующей содержание права собственности, владение, вместе с пользованием и распоряжением, входит в так называемую «триаду» правомочий, составляющих право собственности – наиболее широкое вещное право, предоставляющее своему субъекту наиболее полное господство над объектом (вещью), в т.ч. возможность определять порядок её использования, а также ограничивать допуск к ней любых третьих лиц [Суханов, 2017, с. 83]. Например, К.И. Скловский определяет владение как осуществление физической власти над вещью, контроль над ней, в том числе путем принятия определенных мер по её защите (установка забора, найм охраны), в противовес пользованию – извлечению из вещи её полезных свойств. [Суханов, 2017, с. 83]

В качестве правомочия владение характеризуется как самостоятельное, открытое и непосредственное осуществление хозяйственной власти (господства) над вещью, обладающие следующими признаками:

– Фактический характер (corpus possessionis) – возможность наиболее быстрого вступления в физический контакт с вещью в любой момент времени;
– Волевой характер (animus possidendi) – желание, направленную волю лица владеть (в этом заключает отличие от простого «держания» или банальной близости к вещи в пространстве – в этих случаях отсутствует волевой элемент) [Суханов, 2017, с. 83].

В российском праве принято, что владение лица должно быть основано на каком-либо вещном или обязательственном праве (титуле) – право собственности, аренда, залог и т.д. Однако в жизни нередко встречаются ситуации, когда владение не основано на каком-либо правовом основании – в этом случае говорят о беститульном или фактическом владении. К.И. Скловский отмечает, что в терминологии современного ГК РФ в данном случае речь чаще всего идет о незаконном владении и возможностях защиты это нарушения права, при этом владельческая проблематике является совершено другой сферой, не связанной с законностью (титулом) на вещь [Скловский, 2008]. Вероятно, во многом вследствие вышеуказанного, в гражданской правовой доктрине нет единой позиции по вопросу правовой природы беститульного владения, а ведь именно к такой категории относится и владение давностное.

Например, правом, как мерой возможного поведения лица, А.В. Коновалов считает владение правом (имеется в виду – предусмотренной законом мерой возможного и разрешённого поведения лица), и в его определении во многом опирается на юридические и экономические характеристики владения давностного: открытый непосредственный физический контроль, добросовестное отношение к вещи (как к своей собственной), наличие у лица права на защиту предусмотренными законом способами [Коновалов, 2002, с. 38]. В противовес, Д.И. Мейер [Мейер, 1902/2003], К.И. Скловский, Е.А. Суханов указывают, что владение – это фактическое обстоятельство. В частности, последний указывает, что «владение в российском праве представляет собой либо фактическое (не юридическое) состояние, либо элемент (правомочие) других (обязательственных или вещных) прав, но не особое, самостоятельное вещное право» [Суханов, 2008, с. 20] - что, тем не менее, само по себе не означает отсутствие у него возможности защиты частноправовыми способами.

В рамках последней позиции дискуссионным является и следующий вопрос: если владения является фактом – может ли оно порождать правовые последствия? Г.Ф. Шершеневич отмечал на этот вопрос утвердительно, основываясь на том, что в российском законодательстве соответствующей исторической эпохи посессорная защита и приобретение права собственности

предоставлялись вне зависимости от законности (наличия титула) владения – требовался только фактический контроль над вещью [Шершеневич, 2017, с. 222]. В противовес возможно привести позицию К.И. Скловского, который полагает, для порождения каких-либо правовых последствий требуется оценка отношений владельца и собственника (в т.ч. характеристик субъектов правоотношения) – до этого момента по российскому праву владение не влечёт никаких последствий, оставаясь просто совокупностью фактических признаков и обстоятельств [Скловский, 2008].

Интересно отметить, что в силу п. 3 ст. 234 ГК РФ лицо, заявляющее о давности владения, может присоединить ко времени своего владения весь срок, в течение которого этим имуществом владел его правопредшественник. Конституционный суд Российской Федерации в своем Постановлении от 25 марта 2026 г. № 18-П при оценке конституционности вышеупомянутой нормы, попутно отметил несколько важных характеристик института приобретения права собственности по давности в целом:

– Давностный владелец осуществляет фактическое господство над вещью, при этом не основанное на каком-либо праве – фактически подтвердил, что оно является беститульным;
– По вопросу возможности перехода вещи в практике сложились две возможные интерпретации: (i) сам по себе переход имущества во владение иного лица изолированно не является основанием для какого-либо правопреемства, данный термин в этом случае служит только для обозначения правовой связи между лицами, например, когда переход вещи в рамках некоего имущественного комплекса (универсального правопреемства); либо (ii) в связи с тем владелец получает законное право на защиту до полного накопления фактического и юридического состава, необходимого для приобретения права собственности, существует возможность признания, что давностный владелец отчуждает не право собственности как таковое, а возможность его приобретения в порядке любого правопреемства: как универсального, так и сингулярного правопреемства;
– Один из сформировавшихся в судебной практике подходов заключается в том, что под сингулярным правопреемством при присоединении сроков владения следует понимать только случаями перемены лиц в обязательстве (цессия, суброгация), так как передача вещи в рамках гражданско-правового прекращает права отчуждается на это имущество и опосредует возникновение его возникновение у приобретателя;
– Механизм приобретательной давности призван служить реализации конституционно значимой цели – вернуть имущество, собственник которого не может им распорядиться в силу каких-либо причин (отсутствия, выбытия из владения с истечением сроков исковой давности) в гражданский оборот, и с этой точки зрения отказ от возможности сложения сроков давностного владения при правомерном отчуждении этой вещи по договору необоснованно откладывает реализацию указанной цели.

Представляется, что ключевым аргументом Конституционного суда РФ в обосновании возможности сложения сроков давностного владения разных лиц, претендующих на приобретение права собственности, является последний – как можно более быстрое скорейшее возвращение вещи в имущественный оборот. Если исходить из фактического характера владения – передача вещи в любом случае прерывает владение, так как оно не основано на каком-либо праве, порядок перехода которого установлен законодательством, и возможность сложения сроков объясняется скорее политико-правовыми соображениями, нежели

догматическими.

Добросовестность как признак приобретательной давности

Ранее автором работы было отмечено, что давностное владение является видом владения беститульного. Традиционно последнее классифицируют на два вида – добросовестное и недобросовестное – в зависимости от субъективного отношения владельца и порождения различных гражданско-правовых последствий. Добросовестный фактический владелец вещи не знает и не может знать о незаконности своего владения (следует учитывать, что п. 5 ст. 10 ГК РФ установлена презумпция добросовестности всех участников гражданского оборота) [Суханов, 2017, с. 184].

Категория доброй совести в самом широком смысле традиционно необходимо рассматривать в двух смыслах – объективном и субъективном. Наиболее уместным представляется привести формулировку советского цивилиста Новицкого И.Б.: «В одних случаях добрая совесть выступает в объективном значении как известное внешнее мерило, которое принимается во внимание законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных отношениях друг с другом…. В других случаях принимается во внимание добрая совесть в субъективном смысле, как определенное сознание того или иного лица, как неведение некоторых обстоятельств, с наличностью которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия» [Новицкий, 1916, с. 56-57].

Иначе говоря, объективный подход фокусируется на внешних проявлениях поведения субъекта, соответствующих стандартам разумности и осмотрительности, то есть, насколько оно соответствует действиям типичного участника гражданского оборота. В свою очередь, субъективный критерий акцентирует внимание на внутренней убеждённости владельца в законности своих действий, в тексте ГК РФ она формулируется через обороты «не знал и не должен был знать», «не знал и не мог знать». В случае давностного владения, несомненно, имеется в виду субъективная добросовестность - фактическое незнание об обстоятельствах, препятствующих законному владению вещью.

В судебной практике сформировались два основных подхода к толкованию условия о добросовестности владения по давности:

– узкий – сформулированный в абз. 3 п. 15 Пленума № 10/22 – «...давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности». Необходимо отметить, что сформулированный высшими судами РФ подход не учитывает ситуации, когда владелец осознает, что не становится собственником, но отсутствует нарушение чьих-либо прав (например, в результате ошибки переход права собственности не был зарегистрирован в ЕГРН, но у продавца истек срок давности по иску об истребовании имущества), - фактически добросовестным мог быть признан только приобретатель по сделке [Зонова, 2024];

– широкий – формируемый практикой Верховного суда РФ - «...давностное владение является добросовестным, если, приобретая вещь, лицо не знало и не должно было знать о неправомерности завладения ею, то есть в тех случаях, когда вещь приобретается внешне правомерными действиями, однако право собственности в силу тех или иных обстоятельств возникнуть не может» [Определения Верховного Суда РФ № 78-КГ19-29,

2019; № 84-КГ20-1, 2020; № 4-КГ20-16, 2020]: от лица не требовалось субъективно «извинительно» заблуждаться о переходе права собственности права собственности – требуется только оформить такой переход внешне правомерными действиями [Багдасарян, 2022].

В рамках отдельного обсуждения критерия добросовестности отдельного упоминания заслуживает Постановление Конституционного суда РФ от 26.11.2020 № 48-П, дифференцировавшего критерии определения субъективной добросовестности для целей защиты от иска об истребовании имущества (ст. 302 ГК РФ) и приобретения права собственности по истечении срока владения по давности (ст. 234 ГК РФ). Однако перед дальнейшим разбором выше указанного судебного акта представляется необходимым уточнить, что ст. 302 ГК РФ в качестве добросовестного приобретателя признает такое лицо, которое:

– приобрело имущество (вещь [Постановление Пленума № 10/22, 2010]) посредством совершения сделки;
– возмездно (т.е. получило за неё встречное предоставление);
– не знало и не должно было знать, что его контрагент не имел права на отчуждение имущества (извинительно заблуждается, полагая, что отчуждатель имеет право на отчуждение вещи [Скловский, 2011, с. 39])

Кроме того, имущество должно выбыть из имущественной сферы собственника или титульного владельца по их воле.

В рамках данного механизма понятие добросовестности приобретателя уместно раскрыть через п. 38 Пленума № 10/22, который возлагал обязанность доказать добросовестность на самого приобретателя – он должен был в своих действиях при совершении сделки проявить степень заботливости и осмотрительности, требуемую от любого типичного участника гражданского оборота в схожих обстоятельствах, в том числе провести проверку юридической чистоты (due diligence) сделки. Подход изменялся после принятия Верховным Судом РФ Постановления Пленума № 25 от 23.06.2015: с учётом положений п. 3 ст. 1 и п. 5 ст. 10 ГК РФ, которые закрепили bona fide как общий принцип гражданского права, была введена презумпция добросовестности любых участников экономического оборота [Постановление Пленума ВС РФ № 25, 2015, абз. 4 п. 1]. Более того, в силу абз. 3 п. 6 ст. 8.1 ГК РФ приобретатель недвижимости, полагавшийся на данные ЕГРН, признаётся добросовестным (ст. 234 и 302 ГК РФ), пока в судебном порядке не доказано иное. Несмотря на то, что с 01.09.2022 был существенно ограничен доступ к информации в ЕГРН о собственнике недвижимости-физическом лице, в ходе рассмотрения судебных споров формальные препятствия не всегда исключали возможность признания субъекта действовавшим в рамках доброй совести: «нет необходимости акцентировать внимание на государственной регистрации недвижимости, в особенности в том случае, если таковая была по каким-то причинам затруднена [Постановление Пленума ВС РФ № 25, 2015, абз. 4 п. 1]».

В рамках обоих упомянутых институтов требование добросовестности понимается как извинительное незнание и в целом имеет одинаковое содержание [Постановление Пленума ВС РФ № 25, 2015, абз. 4 п. 1]. В то же время, Конституционный суд в упомянутом выше Постановлении от 26.11.2020 № 48-П, по сути, ввел различные критерии определения субъективной добросовестности:

– институт защиты прав добросовестного приобретателя направлен на разрешение спора о праве собственности, иначе говоря, служит удовлетворению прежде всего частного интереса – следовательно, требование извинительного незнания как субъективной

характеристики лица является более строгим;

– приобретательная давность, в свою очередь, способствует реализации в большей степени публично-правовых интересов: создание правовой определенности, возвращение имущества в экономический оборот, в т.ч. для возможности на собственника налоговой обязанности – в связи с этим столь длительные сроки владения вещью при отсутствии права собственности, логически предполагают, что давностный владелец способен знать или догадаться об отсутствии у него такого права.

Отдельные исследователи высказывают мнение, что фактически Конституционный Суд признал возможность приобретения по давности без доброй совести [Постановление Пленума ВС РФ № 25, 2015, абз. 4 п. 1], и с этом, вероятно, следует согласиться – поскольку критерий bona fides фактически нивелируется и подменяется некой «квазидействительностью» сделки или иной видимостью правомерности перехода права. Более того, в логике Конституционного суда РФ существует еще один спорный момент: институт добросовестного приобретателя служит реализации тех же публичных целей, что приобретательная давность: правовая определённость и стабильность гражданского оборота, так как он представляет возможность мгновенно предоставить новому приобретателю возможность распоряжаться вещью, и при этом реализует для всех участников оборота возможность совершения сделок без чрезмерных транзакционных издержек. Представляется, что различия при толковании субъективной добросовестности обусловлены упомянутым в предыдущем предложении моментом приобретения права собственности (добросовестный приобретатель становится собственником сразу в силу специального юридического состава, тогда как давностному владельцу требуется истечение определённого периода времени), а также необходимостью распространения действия ст. 234 ГК РФ на более широкий круг случаев как последнее средство для возвращения имущества в оборот, т.е. носят скорее политико-правовой характер.

Заключение

По итогам рассмотрения в настоящей статье положений российского законодательства, судебной практики и правовой доктрины по вопросу механизма приобретения права собственности по давности владения представляется возможным сформулировать следующие выводы:

– В российском праве институт добросовестного приобретения фактически функционирует около 35 лет несмотря на то, что регулирующие его нормы встречались в русских законодательных актах ещё дореволюционного периода;

– Владение по давности является одним из уникальных случаев в российском праве механизмов фактического (беститульного) господства над вещью, способного породить юридические последствия в виде возникновения права и обладающего средствами законной защиты до наступления указанного момента.

– Добросовестность как гражданско-правовая категория классифицируется на объективную как общий принцип права и стандарт поведения среднего участника оборота, и субъективную -извинительное заблуждение лица о каких-либо фактических или юридических обстоятельствах или характеристиках. В последнем значении она представляет из себя одно из основополагающих условий приобретения права собственности по давности владения;

– В судебной практике сформировались два подхода к добросовестности как реквизиту

владения по давности: узкий – лицо в любом случае не должно догадываться об отсутствии возникновения права собственности; и широкий – владелец может являться добросовестным даже при наличии у него понимания об отсутствии права собственности;

– Конституционный суд РФ ввел различные трактовки субъективной bona fides для целей реализации разных частноправовых механизмов: в рамках добросовестного приобретения акцент делается оценку внутренней убеждённости лица в законности своих действий; а давностном владении – на внешних проявлениях правомерности поведения.

– В связи с тем, что наличие различных подходов к определению субъективной доброй совести как внутри института приобретения права собственности по давности владения, так и в сравнении с иными правовыми механизмами, обусловлено соображениями целесообразности, нежели догматическими, требуется унификация подходов к принципу добросовестности на уровне законодательства и правоприменительной практики. Указанное позволит минимизировать судебные ошибки, повысить предсказуемость решений, что способствует укреплению стабильности гражданского оборота.

Библиография

1. Абросимов А.В. Некоторые аспекты применения гражданско-правового принципа добросовестности при определении приобретательной давности // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 117-124.
2. Багдасарян О.С. Концепция добросовестности владения при приобретательной давности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 6.
3. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
4. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
5. Зонова А.С. Понятие и критерии добросовестности давностного владельца: юридико-догматический и сравнительно-правовой аспекты // Вестник гражданского права. 2024. № 1.
6. Карнушин В.Е. Беститульное владение и его защита. М.: Статут, 2015.
7. Кокорев О.А. О прошлом, настоящем и будущем приобретательной давности в России // Юридическая наука. 2011. № 1. С. 70-72.
8. Коновалов А.В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. М., 2002. 520 с.
9. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003.
10. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 124-181.
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 78-КГ19-29 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.03.2020 № 84-КГ20-1 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.06.2020 № 4-КГ20-16 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 49. Ст. 7978.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2026 г. № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».
18. Свод Законов Российской Империи. Том X. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/
19. Скловский К.И. Комментарий к ст. 209 ГК РФ. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского. М.: Эксмо, 2009.

20. Скловский К.И. Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (постатейный). М.: Статут, 2011. 144 с.
21. Скловский К.И. О добросовестности как реквизите приобретательной давности в судебной практике // Модернизация гражданского законодательства: сборник материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти проф. С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков и др. М.: Статут, 2020. С. 49-74.
22. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е издание, переработанное и дополненное. М.: Статут, 2008.
23. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017.
24. Суханов Е.А. Гражданское право: В 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 496 с.
25. Суханов Е.А. (отв. ред.) Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 958 с.
26. Чорновол Е.П., Челышева Н.Ю. Приобретение права собственности по давности владения: становление, состояние и перспективы развития правового регулирования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 37-43.
27. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. 832 с.

Good Faith as a Characteristic of Property Acquisition by Adverse Possession

Mikhail A. Surikov

Postgraduate Student,
Moscow University of Finance and Law (MFUA),
115191, 38, Varshavskoye Hwy., Moscow, Russian Federation;
e-mail: SurikoW.mikhail@yandex.ru

Abstract

The article examines the mechanism of acquiring ownership by adverse possession provided for in Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation. In the course of the research, special attention was paid to the history of this institution, which is young in Russian law, despite being mentioned in laws of the pre-revolutionary period. The study characterizes the essential features of possessory prescription, as well as the relationship between the latter and the category of nontitle possession. The author analyzes the theoretical and practical features of applying the criterion of good faith in established judicial practice. It is concluded that the formulations and approaches used by the higher courts are contradictory both within the framework of the institution of acquiring ownership by prescription and in the assessment of the category of subjective good faith in other institutions, in particular, the protection of the rights of a bona fide purchaser.

For citation

Surikov M.A. (2026) Dobrosovestnost' kak kharakteristika priobreteniya imushchestva po davnosti vladeniya [Good Faith as a Characteristic of Property Acquisition by Adverse Possession]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 243-254. DOI: 10.34670/AR.2026.32.87.020

Keywords

Adverse possession, good faith, possessory prescription, bona fide purchaser, ownership, constitutionality of adverse possession conditions.

References

1. Abrosimov A.V. (2024). Nekotorye aspekty primeneniya grazhdansko-pravovogo printsipa dobrosovestnosti pri opredelenii priobretatel'noy davnosti [Some aspects of the application of the civil law principle of good faith in determining acquisitive prescription]. Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii, (1), 117-124. (In Russ.)
2. Bagdasaryan O.S. (2022). Kontseptsiya dobrosovestnosti vladeniya pri priobretatel'noy davnosti v rossiyskoy sudebnoy praktike [The concept of good faith possession in acquisitive prescription in Russian judicial practice]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii, (6). (In Russ.)
3. Chornovol E.P., Chelysheva N.Yu. (2017). Priobretenie prava sobstvennosti po davnosti vladeniya: stanovlenie, sostoyanie i perspektivy razvitiya pravovogo regulirovaniya [Acquisition of ownership by prescription: formation, state and prospects for the development of legal regulation]. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, (1), 37-43. (In Russ.)
4. Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1922 goda [Civil Code of the RSFSR 1922]. (In Russ.)
5. Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1964 goda [Civil Code of the RSFSR 1964]. (In Russ.)
6. Karnushin V.E. (2015). Bestitul'noe vladenie i ego zashchita [Non-title possession and its protection]. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)
7. Kokorev O.A. (2011). O proshlom, nastoyashchem i budushchem priobretatel'noy davnosti v Rossii [On the past, present and future of acquisitive prescription in Russia]. Yuridicheskaya nauka, (1), 70-72. (In Russ.)
8. Konovalov A.V. (2002). Vladenie i vladel'cheskaya zashchita v grazhdanskom prave [Possession and possessory protection in civil law]. Moscow. (In Russ.)
9. Meier D.I. (2003). Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian Civil Law]. 3rd ed. Moscow: Statut Publ. (Original work published 1902) (In Russ.)
10. Novitsky I.B. (1916). Printsip dobroy sovesti v proekte ob'yazatel'stvennogo prava [The principle of good faith in the draft law of obligations]. Vestnik grazhdanskogo prava, (6), 124-181. (In Russ.)
11. Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 17.09.2019 № 78-KG19-29 [Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of September 17, 2019 No. 78-KG19-29]. (In Russ.)
12. Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 10.03.2020 № 84-KG20-1 [Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 10, 2020 No. 84-KG20-1]. (In Russ.)
13. Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 02.06.2020 № 4-KG20-16 [Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 2, 2020 No. 4-KG20-16]. (In Russ.)
14. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 25 marta 2026 g. № 18-P [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 25, 2026 No. 18-P]. (In Russ.)
15. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 26.11.2020 № 48-P [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 26, 2020 No. 48-P]. (In Russ.)
16. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 10, Plenuma VAS RF № 22 ot 29.04.2010 «O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh v sudebnoy praktike pri razreshenii sporov, svyazannykh s zashchitoy prava sobstvennosti i drugikh veshchnykh prav» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 10, Plenum of the Supreme Arbitrazh Court No. 22 of April 29, 2010]. (In Russ.)
17. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 «O primenenii sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25]. (In Russ.)
18. Sherashenevich G.F. (2017). Izbrannoe. T. 5: Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Selected works. Vol. 5: Textbook of Russian Civil Law]. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)
19. Sklovsky K.I. (2008). Sobstvennost' v grazhdanskom prave [Property in civil law]. 4th ed. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)
20. Sklovsky K.I. (2009). Kommentariy k st. 209 GK RF [Commentary to Article 209 of the Civil Code of the Russian Federation]. In Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chasti pervoy (postateyniy) [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part One (article-by-article)]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
21. Sklovsky K.I. (2011). Kommentariy k postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo suda RF i Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo suda RF ot 29 aprelya 2010 g. № 10/22 (postateyniy) [Commentary to the Resolution of the Plenum of

the Supreme Court and the Plenum of the Supreme Arbitrazh Court of April 29, 2010 No. 10/22 (article-by-article)]. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)
22. Sklovsky K.I. (2020). O dobrosovestnosti kak rekvizite priobretatel'noy davnosti v sudebnoy praktike [On good faith as a requisite of acquisitive prescription in judicial practice]. In Modernizatsiya grazhdanskogo zakonodatel'stva [Modernization of civil legislation]. Moscow: Statut Publ., pp. 49-74. (In Russ.)
23. Sukhanov E.A. (2008). Grazhdanskoe pravo: V 4 t. T. 2: Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Isklyuchitel'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava [Civil law: In 4 vols. Vol. 2: Property law. Inheritance law. Exclusive rights. Personal non-property rights]. 3rd ed. Moscow: Volters Kluver Publ. (In Russ.)
24. Sukhanov E.A. (2011). (ed.) Rossiyskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. T. I: Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava [Russian civil law: Textbook: In 2 vols. Vol. I: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights]. 2nd ed. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)
25. Sukhanov E.A. (2017). Veshchnoe pravo: Nauchno-poznavatel'nyy ocherk [Property law: A scientific and educational essay]. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)
26. Svod Zakonov Rossiyskoy Imperii. Tom X [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. X]. Available at: https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/ (In Russ.)
27. Zonova A.S. (2024). Ponyatie i kriterii dobrosovestnosti davnostnogo vladel'tsa: yuridiko-dogmaticheskiy i sravnitel'no-pravovoy aspekty [The concept and criteria of good faith of the prescription possessor: legal-dogmatic and comparative-legal aspects]. Vestnik grazhdanskogo prava, (1). (In Russ.)

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 321.74 **DOI: 10.34670/AR.2026.82.14.021**

Китайская специфика формирования теории правового государства и демократии в контексте социализма с национальными особенностями и исторической преемственности политико-правовых институтов

Лу Чжаоюй

Аспирант,
Бурятский государственный университет,
670000, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а;
e-mail: 3129633793@qq.com

Аннотация

В статье раскрывается своеобразие формирования теории правового государства и демократии в Китайской Народной Республике в рамках социализма с китайской спецификой, где универсальные принципы верховенства права преломляются сквозь призму многовековой философско-правовой традиции и революционного опыта XX века. Анализируется эволюция правового строительства с 1949 года, включая переход от преобладания политического начала к систематическому законодательству после реформ конца 1970-х годов, конституционное закрепление идеи «управления государством на основе закона» в 1999 году и его обогащение поправками 2018 года, интегрировавшими руководящую роль Коммунистической партии Китая в нормативный текст. Особое внимание уделяется синтезу марксистско-ленинского учения с конфуцианскими представлениями о гармонии («хэ»), легистской доктриной закона («фа») как общеобязательного стандарта и традицией имперской кодификации, что порождает оригинальную модель, в которой право выступает инструментом гармонизации общественных интересов и реализации общего блага под руководством государства. Рассматриваются институциональные основы народной демократии, включающие систему собраний народных представителей на принципах демократического централизма, Народную политическую консультативную конференцию как механизм консультативной демократии, реформированную судебную систему с элементами прецедентного воздействия разъяснений Верховного народного суда, Национальную комиссию по надзору, продолжающую традицию цензорского института «юйши», а также развитие административного правосудия, антикоррупционного законодательства и комплексного регулирования цифровой сферы, акцентирующего государственный суверенитет в информационном пространстве. Значительное место занимает анализ Гражданского кодекса 2020 года, принципа «одна страна — две системы», дуалистического подхода к международному праву и концепции «сообщества единой судьбы человечества». Подчеркивается ценность китайского опыта для мировой юриспруденции как подтверждения правового плюрализма, опровергающего монопольные претензии либеральной парадигмы и открывающего перспективы для цивилизационно-адаптированных моделей правового государства.

Для цитирования в научных исследованиях

Лу Чжаоюй. Китайская специфика формирования теории правового государства и демократии в контексте социализма с национальными особенностями и исторической преемственности политико-правовых институтов //Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 255-266. DOI: 10.34670/AR.2026.82.14.021

Ключевые слова

Правовое государство, народная демократия, социализм с китайской спецификой, историческая преемственность, правовой плюрализм.

Введение

Вопрос о соотношении универсальных принципов правового государства и национальной специфики их воплощения остаётся одним из наиболее дискуссионных в современной сравнительно-правовой науке. Западная доктрина на протяжении десятилетий формировала устойчивое представление о том, что верховенство права, народный суверенитет и демократия существуют лишь в одной, строго определённой институциональной форме — либеральной, основанной на многопартийной конкуренции, разделении властей и приоритете индивидуальных прав. Между тем правовая история человечества даёт достаточно оснований для того, чтобы усомниться в абсолютной универсальности этой конструкции [Кодирзода, 2023]. Китайский опыт государственного строительства в этом отношении представляет исключительный теоретический интерес, поскольку речь идёт о государстве, сознательно формирующем собственную концепцию права и демократии, опираясь на многотысячелетнюю философско-правовую традицию, революционный опыт и современные задачи развития.

Народная Республика с момента своего основания в 1949 году прошла несколько принципиально различных этапов в области правового строительства. Первые десятилетия характеризовались преобладанием политического над правовым, доминированием партийных директив над формальными правовыми нормами. Однако реформы, начатые в конце 1970-х годов под руководством Дэн Сяопина, дали мощный импульс к созданию систематизированного законодательства, формированию судебной системы и концептуальному оформлению идеи «управления государством на основе закона» [Ли, 2024]. Это движение достигло конституционного закрепления в 1999 году, когда в Конституцию КНР было включено положение о строительстве правового государства социалистического типа. Последующие конституционные поправки 2018 года обогатили эту концепцию рядом существенных элементов, в том числе закрепив руководящую роль Коммунистической партии как конституционный принцип.

Концепция «социализма с китайской спецификой» применительно к праву означает не простое заимствование западных институтов в адаптированном виде, но создание самостоятельной правовой системы, в которой марксистско-ленинское учение о государстве и праве переосмыслено через призму конфуцианской традиции, даосских представлений о гармонии и легистской концепции законопорядка [Сун, 2021]. В этом синтезе рождается нечто качественно иное: государство, где право выполняет роль инструмента гармонизации общественных интересов, а не механизма разграничения индивидуальных притязаний. Категория «жэньминь миньчжу» — народная демократия — наполняется содержанием,

существенно отличающимся от западных аналогов, поскольку предполагает не конкурентный, а консультативный характер политического участия граждан [Голубева, Черноков, 2021].

Историческая преемственность в китайском праве — не риторическая фигура, а реально действующий механизм формирования правосознания и правовых институтов. Конфуцианское учение о «ли» как совокупности норм надлежащего поведения, легистская доктрина «фа» как государственного закона, имперская практика кодификации, достигшая высшей точки в танском и цинском законодательстве, — всё это формирует тот культурный и интеллектуальный контекст, в котором современное китайское право существует и развивается [Чемшит, 2023]. Понимание этой преемственности необходимо для того, чтобы корректно интерпретировать китайские правовые институты, не прибегая к механическому наложению западных категорий.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет сравнительно-правовой метод в сочетании с историко-правовым и системным подходами. Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить как общие черты, сближающие китайскую концепцию правового государства с западными моделями, так и принципиальные отличия, обусловленные цивилизационной спецификой. Историко-правовой метод обеспечивает понимание генезиса действующих институтов в контексте многовековой правовой традиции и революционного права XX века. Системный подход даёт возможность рассматривать право, политику и философию как взаимосвязанные элементы единого нормативного порядка [Базина, 2025].

Эмпирическую базу исследования составляют тексты Конституции КНР в редакциях 1954, 1975, 1978, 1982 годов с последующими поправками, включая принципиальные изменения 2018 года; Закон об организации народных судов КНР; Закон о законодательной деятельности КНР 2000 года с поправками 2015 года; Закон о народных прокуратурах; Гражданский кодекс КНР 2020 года как важнейший систематизирующий акт современного периода; документы Всекитайского собрания народных представителей; решения Пленумов ЦК КПК по вопросам правового строительства, прежде всего решение IV Пленума ЦК КПК 18-го созыва 2014 года «Об отдельных важных вопросах всестороннего продвижения управления государством на основе закона» [Базина, 2025]. Наряду с нормативными актами были изучены доктринальные источники — труды ведущих китайских правоведов, официальные концептуальные документы, а также материалы международных сравнительно-правовых исследований. Источниковая база работы включает 15 научных и нормативных источников, представляющих китайскую правовую доктрину, западную компаративистику и отечественную науку сравнительного правоведения.

Территориальные рамки исследования охватывают континентальный Китай как субъект конституционно-правового регулирования, при этом правовые системы Гонконга и Макао рассматриваются лишь в той мере, в какой принцип «одна страна — две системы» характеризует гибкость китайской правовой доктрины [Базина, 2025]. Хронологические рамки охватывают период с 1949 года по настоящее время, однако для понимания доктринальных оснований привлекается материал классической китайской философии права.

Результаты и обсуждение

Китайская теория правового государства выстраивается вокруг концепции «ифа чжи го» —

управления государством на основе закона, что в официальных переводах передаётся как «верховенство права» или «правление закона», хотя смысловое наполнение этих понятий в китайском контексте имеет существенную специфику [Чжан Вэньсянь, 2024]. В западной традиции верховенство права предполагает прежде всего ограничение государственной власти правом, защиту индивида от произвола публичных институтов. Китайская концепция акцентирует иное — право как инструмент упорядочивания общественных отношений, обеспечения стабильности и реализации общего блага под руководством государства. Это различие не сводится к семантике: оно отражает глубинное расхождение в понимании природы права и его соотношения с политической властью.

Конституция КНР 1982 года стала фундаментом современного правового строительства. Она закрепила принцип народного суверенитета, систему народных представительств, основные права и обязанности граждан, принципы организации государственной власти. Примечательно, что уже в первоначальной редакции Конституция содержала положения, которые с трудом укладываются в западные конституционные шаблоны: в частности, руководящая роль Коммунистической партии обозначалась в преамбуле как исторически обусловленный факт, а не как конституционный принцип в строгом смысле. Поправки 2018 года устранили эту асимметрию, прямо включив руководство КПК в качестве «определяющего признака социализма с китайской спецификой» в нормативный текст [Юань Ч., Цянь Ч., 2024]. С точки зрения конституционной теории это означает интеграцию политического руководства в конституционный правопорядок, что само по себе представляет оригинальную правовую конструкцию, не имеющую прямых аналогов в мировой конституционной практике.

Система народных представительств, формирующая институциональную основу китайской демократии, строится на принципе демократического централизма. Всекитайское собрание народных представителей является высшим органом государственной власти, перед которым формально ответственны все иные государственные органы, включая Государственный совет и суды. При этом постоянно действующим органом ВСНП является его Постоянный комитет, обладающий широкими законодательными полномочиями [Хао Лун, Севальнев, 2024]. Местные собрания народных представителей воспроизводят эту структуру на региональном и муниципальном уровнях, формируя вертикаль представительной власти. Механизм формирования представительных органов предусматривает прямые выборы лишь на уровне уездов и городских районов; депутаты более высоких уровней избираются представительными органами нижестоящего уровня. Такая конструкция обосновывается в китайской доктрине соображениями управляемости, компетентности представителей и необходимости обеспечить единство государственной политики в стране с огромным населением и значительными региональными различиями.

Народная политическая консультативная конференция Китая составляет второй структурный элемент системы политического участия и в определённом смысле является более самобытным институтом, нежели собрания народных представителей. НПКК объединяет представителей различных демократических партий, общественных организаций, этнических меньшинств, религиозных групп и иных социальных сегментов, обеспечивая механизм политической консультации, выработки консенсуса и учёта многообразных интересов [Кириллова, Гуткович, 2025]. Концептуально этот институт воплощает идею «консультативной демократии» как альтернативы конкурентной — не через состязание партий за власть, но через систематический диалог между государством и различными общественными группами в рамках единого политического процесса. В современной китайской правовой доктрине

консультативная демократия рассматривается не как суррогат «настоящей» демократии, но как самостоятельный и в определённых контекстах более эффективный способ выражения народной воли.

Философские истоки этой конструкции уходят в конфуцианское учение о гармоничном обществе, в котором каждый элемент занимает своё место и выполняет свою функцию, а отношения строятся на началах взаимного уважения и ответственности, а не на конкуренции и противостоянии [Сун, 2021]. «Хэ» — гармония — является одной из ключевых ценностных категорий как в традиционной китайской философии, так и в современной официальной доктрине, нашедшей выражение в концепции «гармоничного общества», провозглашённой в начале 2000-х годов. Перенесённая в правовую плоскость, эта ценность обосновывает медиативные и примирительные механизмы разрешения споров, широко распространённые в китайской правовой практике, а также общую ориентацию правовой системы на предупреждение конфликтов, а не на их процессуальное разрешение.

Легизм как другая важнейшая составляющая интеллектуального наследия китайской правовой мысли внёс в современную концепцию существенно иные акценты. Шан Ян, Хань Фэй и другие мыслители легистской школы разработали доктрину верховенства закона в его специфически китайском смысле: закон как единый, обязательный для всех, в том числе для правителя, стандарт поведения, обеспечиваемый государственным принуждением [Чемшит, 2023]. Это учение содержало зачатки идеи правового равенства и ограничения произвола, хотя и в контексте, принципиально отличном от западного конституционализма. Именно легистская традиция питала стремление к систематической кодификации, столь характерное для китайской правовой культуры на протяжении тысячелетий и нашедшее своё наиболее полное современное выражение в принятии Гражданского кодекса КНР 2020 года.

Гражданский кодекс КНР, вступивший в силу 1 января 2021 года, стал поистине эпохальным событием в истории китайского права. Объединив в едином систематизированном акте нормы об общих положениях гражданского права, вещных правах, договорах, личных правах, браке и семье, наследовании и деликтной ответственности, кодекс воплотил многолетние усилия по созданию целостной системы частного права [Султанов, Хабибулин, Шахрай, 2024]. С точки зрения сравнительного правоведения кодекс обнаруживает очевидное влияние континентально-европейской правовой традиции, прежде всего германского и французского права, однако содержит и существенно самобытные элементы — в частности, развёрнутую главу о личных правах, отражающую специфически китайский подход к соотношению личности и общества, а также нормы, учитывающие социалистический характер государственной собственности.

Судебная система КНР организована по четырёхуровневому принципу: народные суды основного звена, народные суды среднего звена, высшие народные суды провинций и Верховный народный суд. Последний осуществляет надзор за судебной деятельностью всех нижестоящих судов и издаёт обязательные для применения разъяснения по вопросам применения права, которые в китайской правовой системе играют роль, отчасти сопоставимую с прецедентом в странах общего права [Хао Лун, Севальнев, 2024]. Верховный народный суд также ведёт публикацию показательных дел, которые служат ориентиром для судебной практики, — механизм, введённый в систематическом виде в 2010 году и постоянно развивающийся. Прокуратура, организованная в систему народных прокуратур, осуществляет надзор за законностью не только в уголовной, но и в гражданской и административной сферах, что придаёт ей более широкие функции по сравнению с большинством зарубежных аналогов.

Реформа судебной системы, последовательно проводимая с 2014 года в соответствии с

решениями IV Пленума ЦК КПК 18-го созыва, включала ряд принципиально важных мер. Среди них — отделение финансирования судов от местных органов власти в целях снижения зависимости судей от региональных администраций, создание специализированных судов по интеллектуальной собственности, введение системы регистрации дел вместо системы принятия дел к производству по усмотрению суда, разработка механизмов обеспечения единообразия судебной практики [Трощинский, 2024]. Интеллектуальные суды, учреждённые в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу начиная с 2014–2017 годов, стали ответом на потребности инновационной экономики и быстро приобрели международную репутацию эффективных специализированных юрисдикций в сфере защиты прав интеллектуальной собственности.

Административное право и механизмы контроля за государственным управлением представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся областей китайской правовой системы. Закон об административном судопроизводстве 1989 года, неоднократно обновлявшийся, создал возможность для граждан оспаривать в суде действия и решения государственных органов — явление, которое ещё несколько десятилетий назад было трудно представимым. Последующие законодательные акты — Закон о государственной компенсации, Закон об административных наказаниях, Закон об административном разрешении — последовательно выстраивали систему административно-правового регулирования, ограничивающую произвол публичной власти и обеспечивающую права граждан в отношениях с государством [Базина, 2025]. Практика административных судов свидетельствует о том, что споры граждан с органами исполнительной власти рассматриваются в значительных объёмах, хотя соотношение результатов в пользу граждан и в пользу государства остаётся предметом научной дискуссии.

Институт государственного надзора приобрёл новое конституционное измерение после создания в 2018 году Национальной комиссии по надзору на основании специального Закона о государственном надзоре и конституционных поправок [Юань Ч., Цянь Ч., 2024]. Комиссия по надзору, функционирующая параллельно с Центральной комиссией по проверке дисциплины КПК и фактически с ней интегрированная, осуществляет контроль за всеми лицами, исполняющими публичные функции, независимо от их членства в партии. Это решение было концептуально обосновано как создание самостоятельной ветви власти — надзорной — наряду с законодательной, исполнительной и судебной, что само по себе представляет интересную конституционно-правовую конструкцию, не вписывающуюся в классическую триаду Монтескьё, но имеющую глубокие корни в китайской традиции цензорского надзора.

Институт цензоров в императорском Китае — «юйши» — представлял собой особую ветвь государственного управления, призванную осуществлять надзор за чиновниками, выявлять злоупотребления и докладывать о них императору. Цензорат существовал как самостоятельная структура, параллельная основным органам администрации, и в определённые периоды обладал значительной независимостью и авторитетом [Чемшит, 2023]. Современная Национальная комиссия по надзору воспроизводит базовую логику этого института, адаптируя её к условиям партийно-государственной системы XXI века. Такая преемственность не является случайной: она отражает сознательное обращение к традиционным правовым институтам как источнику институционального опыта и легитимности.

Защита прав человека в китайской конституционно-правовой доктрине рассматривается через призму коллективных и экономических прав, что обусловливает иную расстановку акцентов по сравнению с западной традицией. Конституционная поправка 2004 года впервые прямо включила положение о том, что «государство уважает и гарантирует права человека»,

придав этому принципу конституционный статус [Кодирзода, 2023]. Вместе с тем наполнение этого принципа в официальной доктрине и правоприменительной практике отличается приоритетом права на развитие, права на достойный уровень жизни, права на образование и здравоохранение над гражданскими и политическими правами либерального образца. С точки зрения международно-правовой, Китай ратифицировал Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, однако Международный пакт о гражданских и политических правах подписан, но не ратифицирован, что само по себе является концептуально значимым выбором.

Принцип «одна страна — две системы», реализованный применительно к Гонконгу и Макао, представляет собой оригинальный конституционно-правовой механизм, позволяющий сосуществовать в рамках единого государства принципиально различным правовым системам. Основной закон Гонконга 1990 года, сохранивший действие общего права на его территории, гарантировал широкий спектр гражданских прав и свобод, независимость суда, свободу прессы и права на собрания — всё то, что в континентальном Китае реализуется в иных институциональных формах [Дудин, 2025]. Этот опыт демонстрирует гибкость китайской правовой доктрины, её способность инкорпорировать элементы различных правовых традиций в рамках единой государственности. Принятый в 2020 году Закон о национальной безопасности Гонконга, квалифицируемый в официальной доктрине как необходимая мера по защите конституционного порядка, стал предметом острой международно-правовой полемики и наглядно продемонстрировал существующее напряжение между принципом автономии и требованиями государственного единства.

Развитие цифрового права и регулирование интернет-пространства составляют одно из наиболее инновационных направлений современного китайского законодательства. Закон о кибербезопасности 2017 года, Закон о защите персональных данных 2021 года и Закон о безопасности данных 2021 года формируют комплексную систему регулирования цифровой сферы, отличающуюся от европейской модели (GDPR) и американского подхода акцентом на государственный суверенитет в информационном пространстве и требованиях локализации данных [Виноградов, 2024]. Концепция «сетевого суверенитета», активно продвигаемая Китаем на международных площадках, является правовым выражением более широкого цивилизационного тезиса о праве государств самостоятельно определять нормативный порядок в своём информационном пространстве в соответствии с национальной спецификой. Эта позиция встречает как поддержку, так и критику в международном сообществе, однако сам факт её последовательного отстаивания свидетельствует о готовности Китая участвовать в формировании норм международного информационного права на своих условиях.

Взаимодействие китайской правовой системы с международным правом строится на принципах, существенно отличающихся от монистической доктрины, признающей прямое действие норм международного права во внутреннем правопорядке. Китайская конституционная доктрина придерживается дуалистического подхода, требующего трансформации международно-правовых норм в национальное законодательство [Голубева, Черноков, 2021]. При этом в сфере торгового права и международного коммерческого арбитража Китай демонстрирует высокую степень интеграции с международными стандартами: Закон об арбитраже, Закон о внешней торговле, законодательство об иностранных инвестициях в целом соответствуют международным нормам и создают предсказуемую правовую среду для иностранных участников делового оборота. Китайский международный экономический и торговый арбитражный комитет (CIETAC) занял прочное место среди ведущих мировых

арбитражных институтов [Лу С., 2022].

Концепция «общества верховенства права» («фачжи шэхуэй») в современной китайской доктрине предполагает не только институциональное измерение — наличие законов, судов и правоохранительных органов, — но и культурно-правовое: формирование в обществе правового сознания, уважения к закону, правовой грамотности населения. Масштабные программы правового просвещения, введение правового образования в школьные учебные планы, публикация Верховным народным судом показательных дел в открытом доступе, создание интернет-судов для рассмотрения споров в онлайн-формате — всё это элементы целенаправленной политики по «окультуриванию» права, встраиванию правового мышления в повседневную жизнь граждан [Ли, 2024]. Интернет-суды, первый из которых был создан в Ханчжоу в 2017 году, стали глобальной инновацией в области судоустройства и вызвали значительный международный интерес как эффективная модель разрешения споров в эпоху цифровой экономики.

Антикоррупционное законодательство и практика его применения занимают особое место в системе правового строительства современного Китая. Развернувшаяся с 2012 года масштабная антикоррупционная кампания получила законодательное оформление в виде целого комплекса нормативных актов, включая Закон о государственном надзоре 2018 года, поправки в Уголовный кодекс, ужесточившие ответственность за коррупционные преступления, и Закон о противодействии взяточничеству [Трощинский, 2024]. Показательно, что в доктринальном плане антикоррупционная политика обосновывается не только утилитарными соображениями эффективности государственного управления, но и апелляцией к конфуцианскому идеалу «цзюнь цзы» — благородного мужа, чиновника высоких моральных качеств, — что свидетельствует об органичном включении традиционных этических ценностей в современный правовой дискурс. Число привлечённых к ответственности должностных лиц всех уровней за прошедшее десятилетие измеряется сотнями тысяч, включая высокопоставленных функционеров, что принципиально отличает китайскую антикоррупционную практику от опыта многих других государств.

Право в контексте концепции «сообщества единой судьбы человечества», активно продвигаемой Китаем на международной арене, приобретает особое измерение. Эта концепция, нашедшая отражение в официальных документах ООН, предполагает формирование нового международного правопорядка, основанного на принципах взаимного уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, взаимовыгодного сотрудничества и признания многообразия цивилизационных путей развития [Чжан Вэньсянь, 2024]. С точки зрения международного права это означает акцент на уставных принципах ООН, прежде всего на суверенном равенстве государств, в противовес тенденции к формированию иерархического международного порядка, основанного на стандартах, вырабатываемых западными государствами. Инициатива «Пояс и путь», сопровождающаяся активным распространением китайских правовых стандартов и арбитражных механизмов, является практическим воплощением этой доктрины в области международного экономического права [Лу С., 2022].

Заключение

Китайская концепция правового государства и демократии представляет собой теоретически последовательную и исторически укоренённую систему, которую было бы методологически некорректно оценивать исключительно через призму западных

концептуальных стандартов. Нормативная база, формируемая начиная с принятия Конституции 1982 года и многократно обогащённая последующими законодательными актами, свидетельствует о целенаправленном и систематическом движении к правовому упорядочиванию общественных отношений, ограничению административного произвола и созданию институционально оформленных механизмов защиты прав граждан. Гражданский кодекс 2020 года, реформа судебной системы, создание надзорных институтов, развитие административного правосудия — всё это реальные нормативные достижения, значимость которых не зависит от теоретических разногласий об оптимальной форме государственного устройства.

Историческая преемственность правовых институтов и философских оснований права составляет подлинную ценность китайского правового опыта для мировой юриспруденции. Конфуцианский идеал гармонии, легистский акцент на законе как общеобязательном стандарте, имперская традиция систематической кодификации, институт цензорского надзора — всё это не музейные экспонаты, но живые элементы, по-прежнему структурирующие правовое мышление и правотворчество. Синтез этой традиции с марксистской теорией государства и права, адаптированной к китайским условиям, порождает правовую систему, которая заслуживает самостоятельного теоретического осмысления, а не редукции к «отклонению» от некоего универсального стандарта.

Принципиальный вопрос о соотношении партийного руководства и правовой автономии институтов остаётся центральным в доктринальной дискуссии о природе китайского правового государства. Официальная доктрина разрешает этот вопрос через концепцию «управления партией на основе закона» («ифа чжи дан»), согласно которой КПК также подчинена праву и действует в конституционно установленных рамках. Конституционные поправки 2018 года, закрепившие руководящую роль партии в тексте Основного закона, с доктринальной точки зрения не противоречат этому тезису: конституционализация партийного руководства означает его включение в правовой порядок, а не вынесение за его пределы.

Для международно-правовой науки китайский опыт представляет ценный материал для переосмысления универсалистских претензий западной доктрины верховенства права. Существование устойчивой, функционирующей, последовательно развивающейся правовой системы, не вписывающейся в либеральную парадигму, но обеспечивающей правовой порядок для почти полутора миллиардов человек, является само по себе весомым аргументом в пользу признания правового плюрализма как реальности современного мирового правопорядка. Международное право, претендующее на подлинную универсальность, не может игнорировать эту реальность и обречено искать концептуальные рамки, способные вместить многообразие цивилизационных подходов к праву, государству и демократии.

Перспектива дальнейшего развития китайской правовой системы определяется прежде всего задачами, которые ставит перед собой само китайскоегосударство в своих программных документах: завершение формирования «системы верховенства права с китайской спецификой» к 2035 году, полное построение «социалистического правового государства» к 2049 году — дате столетия Народной Республики. Законодательный план, принятый ВСНП, предусматривает заполнение оставшихся лакун в правовом регулировании, прежде всего в области административного права, социального обеспечения и цифровой экономики. Это движение ставит перед сравнительным правоведением не риторические, но вполне конкретные исследовательские задачи: осмысление возникающих институтов, отслеживание судебной практики, концептуализация сходств и различий с иными правовыми системами в категориях,

адекватных самому предмету исследования.

Библиография

1. Базина О.О. Принципы избирательного права в социалистическом государстве: особенности и современные тенденции развития избирательного законодательства на примере Китайской Народной Республики // Право между Востоком и Западом. 2025. № 3. С. 60-70.
2. Виноградов А.В. Циклы и ритмы демократии в народном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 6. С. 121-135.
3. Голубева Л.А., Черноков А.Э. Китайская государственность, цивилизация и конституционализм в новейшее время // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 4. С. 58-64.
4. Дудин П.Н. Модернизация институтов публичной власти имперского Китая в начале XX в., их правовая основа и институциональная преемственность // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2025. Т. 21. № 1. С. 106-118.
5. Кириллова Т.К., Гуткович О.А. Специфика правовой системы Китайской Народной Республики как социалистического государства // Закон. Право. Государство. 2025. № 3 (47). С. 17-20.
6. Кодирзода С.М. Политическая и правовая система древнего Китая // Академический юридический журнал. 2023. № 1 (45). С. 46-50.
7. Ли Ч. Китайская практика марксистской теории государства: логика реформ и институциональных инноваций в КПК в период с третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва по третий пленум ЦК КПК 20-го созыва // Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 248-258.
8. Лу С. Практическое становление, эволюция и суть принципа демократического централизма в КНР // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 11. С. 147-152.
9. Султанов А.Х., Хабибулин А.Г., Шахрай С.М. Китайская Народная Республика, Конфуций, Коммунистическая партия Китая: к особенностям развития // Государство и право. 2024. № 5. С. 153-161.
10. Сун Л. Вехи становления конституционного законодательства Китая: взгляд через сто лет со дня создания КПК // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 253-262.
11. Трощинский П.В. 70 лет парламенту нового Китая: форма государственного устройства и особенности парламентаризма // Власть. 2024. Т. 32. № S4. С. 17-25.
12. Хао Лун Х.Л., Севальнев В.В. Теории национального строительства и их развитие в Китае // Вопросы истории. 2024. № 10. С. 110-123.
13. Чемшит А.А. Государство как форма политического бытия общества в истории китайской политической мысли // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 3 (91). С. 904-915.
14. Чжан Вэньсянь. Приверженность правовому пути социализма с китайской спецификой // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 5. С. 5-16.
15. Юань Ч., Цянь Ч. От советской модели к китайской специфике: сравнительное исследование путей модернизации правящих партий в социалистических государствах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 10 (115). С. 3282-3285.

Chinese Specifics of the Formation of the Theory of Rule of Law and Democracy in the Context of Socialism with National Characteristics and Historical Continuity of Political-Legal Institutions

Lu Zhaoyu

Postgraduate Student,
Buryat State University,
670000, 24a, Smolina St., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: 3129633793@qq.com

Abstract

The article reveals the peculiarities of the formation of the theory of rule of law and democracy

in the People's Republic of China within the framework of socialism with Chinese characteristics, where the universal principles of the rule of law are refracted through the prism of centuries-old philosophical and legal tradition and the revolutionary experience of the 20th century. The evolution of legal construction since 1949 is analyzed, including the transition from the predominance of the political principle to systematic legislation after the reforms of the late 1970s, the constitutional entrenchment of the idea of "governing the state based on law" in 1999 and its enrichment by the 2018 amendments, which integrated the leading role of the Communist Party of China into the normative text. Special attention is paid to the synthesis of Marxist-Leninist doctrine with Confucian ideas of harmony ("he"), the Legalist doctrine of law ("fa") as a universally binding standard, and the tradition of imperial codification, which gives rise to an original model in which law acts as a tool for harmonizing public interests and realizing the common good under the leadership of the state. The institutional foundations of people's democracy are examined, including the system of people's congresses based on the principles of democratic centralism, the Chinese People's Political Consultative Conference as a mechanism of consultative democracy, the reformed judicial system with elements of precedent-setting impact of explanations from the Supreme People's Court, the National Supervisory Commission, continuing the tradition of the "yushi" censorial institute, as well as the development of administrative justice, anti-corruption legislation, and comprehensive regulation of the digital sphere, emphasizing state sovereignty in the information space. A significant place is occupied by the analysis of the Civil Code of 2020, the principle of "one country — two systems," the dualistic approach to international law, and the concept of "a community of shared future for mankind." The value of the Chinese experience for world jurisprudence is emphasized as a confirmation of legal pluralism, refuting the monopoly claims of the liberal paradigm and opening perspectives for civilization-adapted models of rule of law.

For citation

Lu Zhaoyu (2026) Kitayskaya spetsifika formirovaniya teorii pravovogo gosudarstva i demokratii v kontekste sotsializma s natsional'nymi osobennostyami i istoricheskoy preyemstvennosti politiko-pravovykh institutov [Chinese Specifics of the Formation of the Theory of Rule of Law and Democracy in the Context of Socialism with National Characteristics and Historical Continuity of Political-Legal Institutions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 255-266. DOI: 10.34670/AR.2026.82.14.021

Keywords

Rule of law, people's democracy, socialism with Chinese characteristics, historical continuity, legal pluralism.

References

1. Bazina O.O. (2025). Printsipy izbiratel'nogo prava v sotsialisticheskom gosudarstve: osobennosti i sovremennye tendentsii razvitiya izbiratel'nogo zakonodatel'stva na primere Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Principles of electoral law in a socialist state: features and modern trends in the development of electoral legislation on the example of the People's Republic of China]. Pravo mezhdu Vostokom i Zapadom, (3), 60-70. (In Russ.)
2. Chemshit A.A. (2023). Gosudarstvo kak forma politicheskogo bytiya obshchestva v istorii kitayskoy politicheskoy mysli [The State as a Form of Political Existence of Society in the History of Chinese Political Thought]. Voprosy politologii, 13(3), 904-915. (In Russ.)
3. Dudin P.N. (2025). Modernizatsiya institutov publichnoy vlasti imperskogo Kitaya v nachale XX v., ikh pravovaya osnova i institutsional'naya preemstvennost' [Modernization of public institutions of imperial China in the early

twentieth century, their legal basis and institutional continuity]. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS, 21(1), 106-118. (In Russ.)
4. Golubeva L.A., Chernokov A.E. (2021). Kitayskaya gosudarstvennost', tsivilizatsiya i konstitutsionalizm v noveyshee vremya [Chinese statehood, civilization and constitutionalism in modern times]. Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy, (4), 58-64. (In Russ.)
5. Hao Long H.L., Sevalnev V.V. (2024). Teorii natsional'nogo stroitel'stva i ikh razvitie v Kitae [Theories of national construction and their development in China]. Voprosy istorii, (10), 110-123. (In Russ.)
6. Kirillova T.K., Gutkovich O.A. (2025). Spetsifika pravovoy sistemy Kitayskoy Narodnoy Respubliki kak sotsialisticheskogo gosudarstva [Specifics of the Legal System of the People's Republic of China as a Socialist State]. Zakon. Pravo. Gosudarstvo, (3), 17-20. (In Russ.)
7. Kodirzoda S.M. (2023). Politicheskaya i pravovaya sistema drevnego Kitaya [Political and legal system of ancient China]. Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal, (1), 46-50. (In Russ.)
8. Li Z. (2024). Kitayskaya praktika marksistskoy teorii gosudarstva: logika reform i institutsional'nykh innovatsiy v KPK v period s tret'yego plenuma TsK KPK 18-go sozyva po tretiy plenum TsK KPK 20-go sozyva [Chinese Practice of Marxist Theory of the State: Logic of Reforms and Institutional Innovations in the CPC]. Vlast', 32(5), 248-258. (In Russ.)
9. Lu S. (2022). Prakticheskoe stanovlenie, evolyutsiya i sut' printsipa demokraticheskogo tsentralizma v KNR [Practical formation, evolution and essence of the principle of democratic centralism in the PRC]. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo, (11), 147-152. (In Russ.)
10. Song L. (2021). Vekhi stanovleniya konstitutsionnogo zakonodatel'stva Kitaya: vzglyad cherez sto let so dnya sozdaniya KPK [Milestones in the Formation of China's Constitutional Legislation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, (470), 253-262. (In Russ.)
11. Sultanov A.Kh., Khabibulin A.G., Shakhrai S.M. (2024). Kitayskaya Narodnaya Respublika, Konfutsiy, Kommunisticheskaya partiya Kitaya: k osobennostyam razvitiya [The People's Republic of China, Confucius, the Communist Party of China: on the Features of Development]. Gosudarstvo i pravo, (5), 153-161. (In Russ.)
12. Troshchinsky P.V. (2024). 70 let parlamentu novogo Kitaya: forma gosudarstvennogo ustroystva i osobennosti parlamentarizma [70 years of the parliament of the new China: the form of government and features of parliamentarism]. Vlast', 32(S4), 17-25. (In Russ.)
13. Vinogradov A.V. (2024). Tsikly i ritmy demokratii v narodnom Kitae [Cycles and Rhythms of Democracy in People's China]. Problemy Dal'nego Vostoka, (6), 121-135. (In Russ.)
14. Yuan C., Qian C. (2024). Ot sovetskoy modeli k kitayskoy spetsifike: sravnitel'noe issledovanie putey modernizatsii pravyashchikh partiy v sotsialisticheskikh gosudarstvakh [From the Soviet Model to Chinese Specifics: A Comparative Study of the Modernization Paths of Ruling Parties in Socialist States]. Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy, 14(10), 3282-3285. (In Russ.)
15. Zhang Wenxian. (2024). Priverzhennost' pravovomu puti sotsializma s kitayskoy spetsifikoy [Commitment to the legal path of socialism with Chinese characteristics]. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya, 20(5), 5-16. (In Russ.)

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347 **DOI: 10.34670/AR.2026.93.14.022**

Права собственности на данные искусственного интеллекта в Китае

Вэй Дэпэн

Аспирант (соискатель),
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация,
Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;
e-mail: 1161961567@qq.com

Аннотация

Искусственный интеллект привел к огромному росту эффективности производства и жизни человека, а также оказал существенное влияние на гражданские правоотношения. Данные являются ключевым элементом в работе искусственного интеллекта, однако на современном этапе существует проблема нечеткого определения предмета и объема права, что уже породило ряд судебных разбирательств в социальной практике. Таким образом, правильное понимание правовой природы прав собственности на данные ИИ обеспечит корректную основу для разумного регулирования деятельности заинтересованных в использовании ИИ субъектов, а также сможет эффективно предотвратить неправомерное использование или кражу данных ИИ. Как одна из стран с быстрым развитием и продвижением ИИ, Китай имеет сильное преимущество с точки зрения масштабов больших данных и сценариев их применения. При рассмотрении дел, связанных с искусственным интеллектом, китайские суды опираются на существующие правовые положения и исследуют уникальный путь защиты прав собственности на данные. Одновременно в Китае активно ведутся теоретические и законодательные исследования в области прав собственности на данные, чтобы обеспечить правовую защиту соответствующих заинтересованных субъектов в данных ИИ.

Для цитирования в научных исследованиях

Вэй Д. Права собственности на данные искусственного интеллекта в Китае // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 267-276. DOI: 10.34670/AR.2026.93.14.022

Ключевые слова

Искусственный интеллект, право собственности на данные, китайское право, защита прав и интересов искусственного интеллекта, цифровая экономика, персональные данные, большие данные, интеллектуальная собственность, Китай.

Введение

В настоящее время различные страны рассматривают развитие цифровой экономики как национальную стратегию конкуренции друг с другом, вкладывают большие финансовые и человеческие ресурсы в область интеллектуальных смежных технологий, что значительно стимулирует жизнеспособность рынка ИИ-данных. Китай добился огромного прогресса в области цифровизации и интеллектуализации, которые меняют образ жизни людей и методы управления обществом. Масштабы транзакций с данными искусственного интеллекта увеличиваются с каждым годом, происходит большое количество сделок по купле-продаже данных между компаниями, в этой ситуации растет количество связанных с искусственным интеллектом судебных дел. В целях содействия долгосрочному развитию цифровой экономики, а также справедливого и эффективного производства и сделок по купле-продаже данных искусственного интеллекта, Китай провел теоретические исследования и создал систему правового регулирования в отношении прав собственности на данные искусственного интеллекта. Законодательные положения конкретно подтверждают права субъектов всех сторон, связанных с данными искусственного интеллекта, новаторски предлагают ряд практических мер по защите прав собственности и пытаются сформировать новую систему защиты прав собственности на данные.

Что касается понятия прав собственности на данные ИИ, то основная точка зрения заключается в том, что это имущественное право субъекта гражданского оборота на получение выгод за владение данными, использование данных и на основе транзакций. Права собственности на данные искусственного интеллекта обладают определенными характеристиками прав собственности и прав интеллектуальной собственности в некоторых аспектах, однако искусственный интеллект обладает уникальными признаками виртуальной формы и бесформенности. Имущественная ценность ИИ заключается в эффективности работы с масштабными данными, которые становятся средством приумножения имущества. Объектом права собственности на данные ИИ по сути являются данные. Данные формируются путем упорядочивания и составления 0 и 1, и эта двоичная информация становится содержанием конкретного выражения. Отличие данных ИИ от обычных данных заключается в том, что ИИ способен самостоятельно формировать уникальный контент данных после взаимодействия с окружающей средой. В ходе работы искусственный интеллект собирает и анализирует очень большой объем данных, которые содержат огромное количество частной информации, включая биометрические данные, данные о состоянии здоровья, финансовые счета, траектории передвижения и т. п. данных, и незаконное присвоение и использование представляет серьезный риск для безопасности чужого имущества. Данные искусственного интеллекта на начальном этапе основываются на персональной информации каждого пользователя порта, а после анализа и синтеза данных с помощью различных моделей данных ИИ получит всевозможную важную по отношению к человеку информацию. Например, индивидуальное идеологическое познание потребителей, поведенческие предпочтения, финансовое положение и т. д., коммерческие учреждения часто используют этот метод, чтобы предоставить потребителям более удобный и богатый пользовательский опыт. Таким образом, сами данные и регенерируемый ИИ контент смогут генерировать экономическую стоимость в социальной сфере.

Постановка проблемы и анализ законодательства

Вопрос о возможности превращения данных искусственного интеллекта в объект права собственности, по мнению китайского ученого Чжана Синьбао, сначала следует осмыслить с точки зрения истории развития права собственности. По его мнению, объект права собственности постоянно расширяется в соответствии с развитием общественной производительности и форм ресурсов [Чжан Синьбао, 2023]. Начальным этапом было право собственности, в центре которого в период существования древних обществ находилась собственность на землю, земля была объектом права собственности в аграрных обществах. Представленные Германским гражданским уложением и Французским гражданским кодексом, они построили более полную современную структуру прав собственности на основе римского и англосаксонского права. Следующий этап наступил после средневекового периода, когда вместе с трансформацией европейских стран в области технологий производства и моделей деловой торговли произошло появление таких ценных нематериальных объектов, как авторские права, патенты, товарные знаки и т. д., а построение и использование системы прав интеллектуальной собственности стало включаться во внутреннюю правовую систему многих стран. В последнее время доминирующее положение в развитии права интеллектуальной собственности занимают западные страны в лице США. Таким образом, в современной системе гражданского права сложилась ситуация совместной защиты прав собственности и прав интеллектуальной собственности. На данном этапе искусственный интеллект вызвал новый виток научно-технической и промышленной революции, а данные стали новой производительной силой в цифровой экономике и обществе. Данные могут создавать значительную стоимость в процессе использования и транзакций, и данные обладают признаками имущественных прав. Иными словами, данные искусственного интеллекта — это новая и ценная собственность в коммерческом обществе, и в законодательстве необходимо разъяснить права собственности соответствующих субъектов.

В теоретических кругах существуют разные взгляды на типы спецификаций прав на данные искусственного интеллекта. Некоторые исследователи полагают, что данные искусственного интеллекта существуют на электромагнитных носителях записи и хранения и по-прежнему обладают физическими свойствами, поэтому их следует регулировать в соответствии с содержанием законов о правах собственности. Обращение данных ИИ по-прежнему является сделкой с товарами, когда правообладатель данных ИИ предоставляет услуги по обработке данных или продукты ИИ другим лицам посредством владения, получая тем самым соответствующую имущественную выгоду. В этом случае, если определены собственники, владельцы, пользователи и бенефициары данных ИИ, положения о защите законных прав и интересов могут быть найдены в рамках действующего правового регулирования, и нет необходимости в принятии отдельных специальных правовых норм для ИИ. Однако эта точка зрения рассматривается критиками как неспособность признать мощную исключительность прав собственности, что данные могут использоваться и обмениваться многократно в торговой деятельности данными ИИ, и что абсолютный юридический эффект прав собственности несовместим с развитием индустрии ИИ. Другие исследователи считают, что права и обязанности данных искусственного интеллекта должны регулироваться с помощью теории претензий. То есть акт использования и торговли данными ИИ рассматривается как исполнение договора об обслуживании данных, договора комиссии или лицензионного договора, а

договорное соглашение применяется для ограничения поведения соответствующего правообладателя. Если нарушение будет вызвано в результате выполнения договорного содержания ИИ, субъект данного договора может получить компенсационную защиту в соответствии с положениями договорного или деликтного права. Однако критики полагают, что эта теория по существу избегает вопроса о правах на получение данных об искусственном интеллекте, преуменьшая правовые объектные атрибуты данных ИИ, это приведет к ограничению обменной стоимости данных ИИ в коммерческой сфере. Кроме того, сфера регулирования и юридическая сила договоров ограничены и не могут работать более эффективно для судебных споров, возникающих на основе данных ИИ. Вышеуказанные два метода имеют теоретические недостатки в регулировании имущественных интересов данных искусственного интеллекта, и в настоящее время сформировалось последнее мнение, что права собственности на данные ИИ должны быть признаны и отдельно регулироваться законом. Это будет соответствовать мировой тенденции к созданию отдельного законодательства в области ИИ и общественной тенденции к развитию эры ИИ.

В частности, в отношении данных ИИ имущественные интересы можно разделить на две категории: во-первых, это имущественные интересы пользователей ИИ в отношении данных, цифровых плодов их труда, созданных с помощью платформ ИИ. Например, цифровая валюта и коллекции цифрового искусства (NFT) и т. д. В этой ситуации защита имущественных прав и интересов на данные по-прежнему может быть обеспечена с помощью соответствующих правовых положений законодательства о собственности и правах интеллектуальной собственности. Именно пользователи искусственного интеллекта имеют право принимать решения об использовании и торговле данными, а также обладают исключительным правом собственности. Во-вторых, это имущественные права и интересы, которые ИИ сам создаст или приобретет в результате своей работы. Эта категория не имеет четкого определения в действующих правовых положениях и является аналогом "невостребованного имущества". В этом случае необходимо рассмотреть вопрос о том, должны ли права собственности на данные искусственного интеллекта иметь исключительную силу. Большинство исследователей считают, что в настоящее время следует ввести некоторые ограничения на исключающее правовое воздействие данных. Данные в деятельности ИИ — это новые данные, сформированные путем фильтрации и анализа необработанных данных от крупных пользователей, при изменении критериев отбора и требований к моделированию получаются разные результаты. Объективно говоря, данные искусственного интеллекта будут продолжать приносить новую прибыль даже после многократного использования. В проекте закона ЕС о данных предусматривается, что исключительные права не распространяются на услуги или продукты, связанные с данными [Шэнь Цзюнь, 2023a]. То есть ограничение и сужение юридической действенности владения данными. Это рассматривается как конкретное претворение теории ограниченного владения данными в практику и часто используется в качестве основы для исследований и цитирования в поддержку такой теории.

В настоящее время судебную практику Китая можно разделить на четыре основных направления защиты при рассмотрении дел об имущественных правах, возникающих в связи с данными искусственного интеллекта, однако у каждого подхода есть свои преимущества и судебные ограничения. 1. защита использования и торговли данными ИИ с помощью теории контрактов. Этот метод предлагает построить права и обязанности данных искусственного интеллекта путем подписания контракта и использовать добровольный принцип контракта для

корректировки поведения, связанного с искусственным интеллектом. Однако относительный характер контракта определяет, что объем защиты прав и интересов может быть лишь ограниченным, а юридически значимое обязательство по контракту существует только между сторонами и не решает правовых проблем третьих лиц. 2. защита имущественных интересов данных ИИ с помощью авторского права. Данные искусственного интеллекта рассматриваются как база формирования информации, базы данных с оригинальными характеристиками могут быть признаны компиляционными произведениями. Также за отсутствие оригинальности в разделе данных по искусственному интеллекту, основание для защиты обеспечивается главным образом положениями о смежных правах, в этом случае данные ИИ считаются аналогичными таким объектам, как аудиовизуальные произведения и вещательные программы. Однако такой способ защиты игнорирует многочисленные интересы субъекта данных искусственного интеллекта и не может эффективно защитить соответствующие права в части способа использования и сферы применения. Более того, традиционная правовая система смежных прав не может разумно регулировать сложные социальные отношения из-за искусственного интеллекта. 3. защита объекта прав на ИИ с помощью коммерческой тайны. Данные искусственного интеллекта хранятся в электронном виде и поэтому считаются подпадающими под категорию технической информации в соответствии с положениями о коммерческой тайне. Субъектом прав будет считаться тот, кто владеет или контролирует такие электронные данные, при этом соответствующий субъект прав определяет способ получения данных и стоимость сделки. Однако основным элементом коммерческой тайны является неразглашение, что противоречит характеристикам совместного использования данных ИИ в реальности, поэтому такой подход может защитить права и интересы данных ИИ лишь в ограниченной степени. Одновременно такой подход затруднит расследование "алгоритмических черных ящиков" и "алгоритмической дискриминации", а такая защита станет законным основанием для отказа правообладателей данных от их раскрытия. 4. регулировать использование данных ИИ с помощью законов о недобросовестной конкуренции. В коммерческом сообществе существуют соответствующие заинтересованные стороны, которые незаконно получают доступ к данным ИИ и похищают их с помощью тех или иных технических средств, и чтобы обеспечить защиту законных прав и интересов правообладателей данных ИИ, необходимо запретить и ограничить злонамеренное конкурентное поведение субъектов бизнеса. Практическое преимущество такого подхода состоит в том, что нет необходимости обсуждать вопрос получения прав на данные искусственного интеллекта, а только судить о разумности конкурентного поведения. Такая защита очень эффективна для судей при рассмотрении дел, но это пассивное право на возмещение ущерба. Однако основной целью закона о борьбе с недобросовестной конкуренцией является обеспечение стабильного конкурентного порядка на рынке, и данный закон не может осуществлять дальнейшее эффективное регулирование и юридическое толкование содержания права на данные ИИ [By Ханьдун, 2023].

Китай активно изучает систему категоризации и иерархической защиты прав собственности на данные, а также проводит соответствующую политику и реализует инициативы по развитию рынка данных. С точки зрения классификации по категориям данные делятся на общедоступные данные, корпоративные данные и персональные данные, и в соответствии с разными типами применяются разные уровни авторизации и степени защиты. На основе характеристик источника данных и формирования данных были установлены три системы распределения прав: права владения ресурсами данных, права на обработку и использование данных и права на

эксплуатацию продуктов данных. В частности, право владения ресурсами данных относится к праву правообладателя на автономное управление данными с целью предотвращения их нарушения или вмешательства в них со стороны других лиц, а также к праву разрешать другим лицам получать доступ к своим данным или передавать их. Целью этого права является определение владельца данных, но это право отличается от права владения в случае владения имуществом, поскольку право владения данными может существовать для нескольких субъектов в течение одного и того же периода времени и не является абсолютным. Право на обработку и использование данных означает, что обработчик данных имеет право выполнять различные действия, такие как проверка, классификация, упорядочивание, шифрование и маркировка данных, в процессе обработки данных их использование не должно выходить за рамки разрешенного законом и согласованного в договоре, для обеспечения безопасности данных обработчики обязаны принимать такие технические меры, как шифрование, анонимизация и деидентификация. Право на эксплуатацию продуктов данных означает, что правообладатель имеет право распоряжаться вновь разработанным продуктом данных и получать доходы. Основная цель этого права - облегчить правообладателям возможность преобразования ресурсов данных в высококачественные продукты и услуги ИИ, а также предотвратить использование другими лицами продуктов и услуг данных правообладателей для получения неправомерной выгоды. Однако в академическом сообществе существуют разные взгляды на взаимосвязь между права владения ресурсами данных, права на обработку и использование данных и права на эксплуатацию продуктов данных. Шэнь Цзюнь считает, что три вышеупомянутых права не могут найти соответствующих юридических определений в законодательстве ЕС, а названия этих трех прав имеют китайскую специфику. В конкретной практике необходимо дополнительно определить содержание и объем каждого права, при этом главный вопрос заключается в том, может ли правом пользоваться только один субъект или одновременно разные субъекты [Шэнь Цзюнь, 2024]. Другими словами, отношения между этими тремя правами являются независимыми или пересекающимися, которые мы не можем четко определить. В то же время Дин Сяодун считает, что активы данных искусственного интеллекта имеют характеристики зависимости от сценария и нестандартизации, эти три права не только направлены на разных субъектов в сделке по купле-продаже данных, но и пересекаются друг с другом, и законные права каждого участника должны быть определены в соответствии с источником и характеристиками данных, такие неисключительные права требуют бихевиористской модели защиты [Дин Сяодун, 2023]. Одним словом, в будущем необходимо уточнить содержание и объем этих трех прав.

В зависимости от источника данных и интересующих отношений субъектами прав собственности на данные ИИ являются физические лица, предприятия и государство. Во-первых, люди в своей жизни генерируют большое количество электронной информации, и большая часть содержимого данных содержит частные данные, такие как личная идентификационная и финансовая информация, поэтому физическое лицо должно самостоятельно принимать решение об осуществлении соответствующих прав, например, выражая свое согласие на продажу или лицензирование персональных данных другим лицам , а также иметь право требовать от соответствующих субъектов обработки своих чувствительных данных, чтобы гарантировать безопасность персональных информационных данных. Когда в отношении персональных данных возникают споры о нарушении, физическое лицо может защитить свои права в соответствии с Гражданским кодексом и соответствующими законами о

защите личной информации, однако в случае возникновения правовых споров, связанных с использованием неперсональных данных, физическое лицо может разрешить их с помощью договорного права и права интеллектуальной собственности. Во-вторых, как наиболее активный субъект цифрового экономического общества предприятия улучшают качество своих услуг и создают новый искусственный интеллект посредством сбора, хранения, сбора, анализа и т. д. В процессе производственно-эксплуатационной деятельности предприятия формируют данные права и интересы, но одновременно существует феномен чрезмерного сбора и неправомерного использования персональных данных в коммерческих целях. Таким образом, чтобы предотвратить монопольное поведение предприятий и нарушение прав на данные личной информации, а также обеспечить разумную защиту имущественных прав предприятий на данные, в рамках гражданского законодательства необходимо регулировать получение и использование предприятиями данных ИИ. В-третьих, в ходе выполнения своих обязанностей и оказания услуг государственные административные органы формируют публичные и непубличные данные, а после удаления информации о личной жизни и национальной безопасности они также получают доход от данных, если предоставляют соответствующие данные на социальный рынок путем получения разрешения или санкции. Однако иногда органы государственной власти и их сотрудники злоупотребляют публичной властью для ущемления прав собственности граждан на данные, что требует специальных ограничений и ограничений в уголовном кодексе или административном законодательстве.

Данные искусственного интеллекта будут генерировать огромную ценность в цифровом обществе, цена данных и стандарты ценообразования станут прямым вопросом для всех правообладателей. Цена данных искусственного интеллекта требует от правообладателей на разных этапах разумной оценки и прогнозирования стоимости данных в ходе рыночного обращения и процесса транзакции. К цене данных ИИ в Китае применяются различные меры защиты в зависимости от стадии сделки, которая в целом делится на три этапа распределения выгоды. В частности, на первом этапе формирования данных ИИ сделки заключаются между предприятиями и физическими лицами, и в этом случае ценообразование на данные ИИ может определяться самими сторонами в соответствии с рыночными условиями, однако необходимо также предотвратить использование предприятиями преимуществ своего сильного положения для заключения нечестных сделок с физическими лицами. Когда предприятия несут затраты на человеческие ресурсы и операции в процессе сбора, передачи, хранения и обезличивания данных, большинство коммерческих организаций признают и выбирают платный метод использования. Если обе стороны являются предприятиями, то цена на данные ИИ определяется на основе стоимости использования, которая будет понесена в течение согласованного периода времени, при этом различные предприятия отрасли могут свободно и справедливо конкурировать в разумных пределах. Что касается цены платного использования открытых данных на определенных условиях, то государству необходимо установить разумные и прозрачные ориентировочные тарифы на соответствующие типы и объемы данных, а также получить разрешение правообладателей на совместное использование конкретных данных с участием других лиц и выплатить им соответствующую компенсацию. Чтобы повысить ценность данных и тем самым увеличить доходную способность данных ИИ, на начальном этапе распределения доходов приоритет отдается защите создателей ценности данных и ценности использования, в соответствии с принципом "кто вносит, тот и получает". На втором и третьем этапах распределения доходов основное внимание уделяется защите общественных

интересов и относительно уязвимых групп населения, а также предотвращению и регулированию формирования монопольного положения на рынке в области данных соответствующими субъектами [Мнения Центрального комитета КПК и Госсовета, 2022]. Эта модель направлена на укрепление прав на использование данных и избежание проблем собственности в рамках традиционной системы прав. Кроме того, Китай четко предложил создать торговые площадки для обмена данными ИИ, которые будут оказывать посреднические услуги, чтобы обеспечить разумный диапазон цен на данные ИИ и регулировать поведение правообладателей в отношении сделок с данными. Конкретные критерии определения цены данных для искусственного интеллекта создают условия для содействия формированию новых производственных отношений в условиях цифровизации.

Выводы

В Китае существует огромная цифровая экономика, и элементы данных играют важную роль в качестве ценных активов. Стремительное развитие искусственного интеллекта выдвинуло новые требования к посреднической функции права, а традиционная модель правового регулирования имеет теоретические и институциональные недостатки перед лицом новых типов юридических дел. В сложившейся ситуации правительство Китая сформулировало ряд нормативных актов, направленных на поддержку и регулирование сфер облачных вычислений, больших данных и Интернета вещей. Китай находится в процессе построения и совершенствования нового типа структуры прав собственности и интересов на данные искусственного интеллекта, а также постоянно исследует субъекта и правила обоснованного определения прав собственности на данные искусственного интеллекта. Перспективное мышление и нормотворчество в области частного права по правовым вопросам, связанным с имущественными правами на данные ИИ, позволит в значительной степени использовать ценность данных ИИ и будет способствовать формированию доброкачественной системы регулирования данных.

Библиография

1. Ву Ханьдун. Законодательный выбор расширения прав и возможностей собственности на данные // Юридическая наука (журнал Северо-Западного университета политики и права). 2023. № 4. С. 44–57.
2. Гао Фупин. О правах владельцев данных — новая парадигма для построения порядка обращения и использования данных // Китайское и зарубежное право. 2020. С. 307–327.
3. Дин Сяодун. Бихевиористская защита новой собственности данных: анализ на основе теории прав собственности // Юридический журнал. 2023. № 2. С. 54–71.
4. Лэй Чжэньвэнь. Обновление прав собственности на данные в перспективе Гражданского кодекса // Китайский научно-практический журнал. 2021. С. 35–55.
5. Мнения Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета о построении системы баз данных для более эффективного выполнения роли элементов данных. 2022. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-12/19/content_5732695.html
6. Правовые признаки и управление рисками «NFT» в условиях цифровой экономики. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/llyj/202305/t20230515_614042.shtml
7. Се Сяо. За пределами принципа различия между собственностью и долгом: о сетевых правах виртуальной собственности как правах контроля над собственностью // Правовая система и социальное развитие. 2023. С. 44–62.
8. Сюн Бинвань, Хэ Цзюань. Подтверждение данных: обоснование, методы и экономическое значение // Правовые исследования. 2023. С. 54–72.
9. Чжан Синьбао. О праве собственности на данные как новом виде права собственности // Общественные науки Китая. 2023. № 4. С. 144–163.

10. Шэнь Цзюнь. Правовая природа персональных данных с точки зрения Франции и ЕС. 2023а. URL: https://cdn.ilawpress.com/lpdpres/html/602445695286247936.html
11. Шэнь Цзюнь. Как подтверждать данные и оценивать их с точки зрения Закона ЕС о цифровом управлении. 2024. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/BFbW9NFSUPdOUvk4BppVig

Property Rights to Artificial Intelligence Data in China

Wei Depeng

Postgraduate Student (Doctoral Candidate),
Southern Federal University,
344006, 105/42, Bolshaya Sadovaya St.,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: 1161961567@qq.com

Abstract

Artificial intelligence has led to a huge increase in the efficiency of production and human life, and has also had a significant impact on civil legal relations. Data is a key element in the operation of artificial intelligence, but at the present stage there is a problem of vague definition of the subject and scope of the right, which has already given rise to a number of legal disputes in social practice. Thus, a correct understanding of the legal nature of AI data property rights will provide a correct basis for the reasonable regulation of the activities of entities interested in the use of AI, and will also be able to effectively prevent the unlawful use or theft of AI data. As one of the countries with rapid development and promotion of AI, China has a strong advantage in terms of big data scale and application scenarios. When considering cases related to artificial intelligence, Chinese courts rely on existing legal provisions and explore a unique path for the protection of data property rights. At the same time, theoretical and legislative research in the field of data property rights is being actively conducted in China to provide legal protection for relevant interested parties in AI data.

For citation

Wei Depeng (2026) Prava sobstvennosti na dannyye iskusstvennogo intellekta v Kitaye [Property Rights to Artificial Intelligence Data in China]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 267-276. DOI: 10.34670/AR.2026.93.14.022

Keywords

Artificial intelligence, data property rights, Chinese law, protection of AI rights and interests, digital economy, personal data, big data, intellectual property, China.

References

1. Ding, Xiaodong. (2023). Bikhevioristskaya zashchita novoy sobstvennosti dannykh: analiz na osnove teorii prav sobstvennosti [Behavioral Protection of New Data Property: Analysis Based on Property Rights Theory]. *Yuridicheskiy zhurnal*, (2), 54-71.
2. Gao, Fuping. (2020). O pravakh vladel'tsev dannykh — novaya paradigma dlya postroeniya poryadka obrashcheniya i ispol'zovaniya dannykh [On the Rights of Data Holders — A New Paradigm for Building the Order of Data Circulation and Utilization]. *Kitayskoe i zarubezhnoe pravo*, 307-327.

3. Lei, Zhenwen. (2021). Obnovlenie prav sobstvennosti na dannye v perspektive Grazhdanskogo kodeksa [Renewal of Data Property Rights from the Perspective of the Civil Code]. *Kitayskiy nauchno-prakticheskiy zhurnal*, 35-55.
4. Legal attributes and risk governance of "NFT" in the context of digital economy. (n.d.). Retrieved from https://www.spp.gov.cn/spp/llyj/202305/t20230515_614042.shtml
5. Opinions of the Central Committee of the Communist Party of China and the State Council on the construction of the database system to better fulfill the role of data elements. (2022). Retrieved from https://www.gov.cn/zhengce/2022-12/19/content_5732695.html
6. Shen, Jun. (2023a). *Pravovaya priroda personal'nykh dannykh s tochki zreniya Frantsii i ES* [The legal nature of personal data from the perspective of France and the EU]. Retrieved from https://cdn.ilawpress.com/lpdpres/html/602445695286247936.html
7. Shen, Jun. (2024). *Kak podtverzhdat' dannye i otsenivat' ikh s tochki zreniya Zakona ES o tsifrovom upravlenii* [How to validate and evaluate data from the perspective of the EU Digital Governance Act]. Retrieved from https://mp.weixin.qq.com/s/BFbW9NFSUPdOUvk4BppVig
8. Wei, D. (2026). Data Ownership in Artificial Intelligence in China.
9. Wu, Handong. (2023). Zakonodatel'nyy vybor rasshireniya prav i vozmozhnostey sobstvennosti na dannye [Legislative Choice to Expand the Rights and Opportunities of Data Ownership]. *Yuridicheskaya nauka (zhurnal Severo-Zapadnogo universiteta politiki i prava)*, (4), 44-57.
10. Xie, Xiao. (2023). Za predelami printsipa razlichiya mezhdu sobstvennost'yu i dolgom: o setevykh pravakh virtual'noy sobstvennosti kak pravakh kontrolya nad sobstvennost'yu [Beyond the Principle of Distinction Between Property and Debt: On Network Virtual Property Rights as Property Control Rights]. *Pravovaya sistema i sotsial'noe razvitie*, 44-62.
11. Xiong, Bingwan, & He, Juan. (2023). Podtverzhdenie dannykh: obosnovanie, metody i ekonomicheskoe znachenie [Data Confirmation: Rationale, Methods and Economic Significance]. *Pravovye issledovaniya*, 54-72.
12. Zhang, Xinbao. (2023). O prave sobstvennosti na dannye kak novom vide prava sobstvennosti [On the Ownership of Data as a New Type of Property Right]. *Obshchestvennye nauki Kitaya*, (4), 144-163.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 378.01 **DOI: 10.34670/AR.2026.70.31.023**

Проблема снижения учебной мотивации студентов в условиях цифровизации образования и возможности ее преодоления с использованием технологий искусственного интеллекта

Рогожкина Тамари Мамукаевна

Преподаватель,
кафедра информационных систем и цифровых сервисов в управлении,
Нижегородский государственный
педагогический университет имени К. Минина,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1;
e-mail: tamara.gvasalia@yandex.ru

Красник Максим Сергеевич

Преподаватель,
кафедра информационных систем и цифровых сервисов в управлении,
Нижегородский государственный
педагогический университет имени К. Минина,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1;
e-mail: krasnikmaksim0@gmail.com

Салахетдинов Руслан Равилевич

Преподаватель,
кафедра информационных систем и цифровых сервисов в управлении,
Нижегородский государственный
педагогический университет имени К. Минина,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1;
e-mail: ruslanamlehanov@gmail.com

Выражаем свою благодарность Нижегородскому государственному педагогическому университету им. К. Минина.

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема снижения учебной мотивации студентов, вызванная особенностями современной цифровой образовательной среды, такими как информационная перегрузка, фрагментация внимания и обезличенность онлайн-взаимодействия. Анализируются ключевые факторы, способствующие демотивации в условиях тотальной цифровизации. Основное внимание уделено потенциалу технологий искусственного интеллекта как инструмента для реактивации вовлеченности. Рассматриваются конкретные направления применения искусственного интеллекта: создание адаптивных обучающих систем для гиперперсонализации

образовательных траекторий, обеспечение мгновенной и качественной обратной связи через интеллектуальных тьюторов, а также предиктивная аналитика для раннего выявления студентов в зоне риска отсева. Делается вывод, что симбиоз человеческого наставничества и интеллектуальных инструментов искусственного интеллекта позволяет создать более мотивирующую, релевантную и поддерживающую образовательную экосистему, преодолевающую негативные последствия цифровой трансформации.

Для цитирования в научных исследованиях

Рогожкина Т.М., Красник М.С., Салахетдинов Р.Р. Проблема снижения учебной мотивации студентов в условиях цифровизации образования и возможности ее преодоления с использованием технологий искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 277-284. DOI: 10.34670/AR.2026.70.31.023

Ключевые слова

Цифровое образование, искусственный интеллект, мотивация, цифровизация, анализ, адаптивное обучение, образовательная среда.

Введение

Цифровизации открыла для сферы образования беспрецедентные перспективы - мгновенный доступ к глобальным знаниям, адаптивный график обучения и широкий выбор интерактивных решений. Тем не менее, за этим технологическим подъёмом скрывается тревожный парадокс, уровень мотивации студентов в онлайн - среде продолжает снижаться.

Перегрузка информацией, постоянное присутствие отвлекающих элементов и дистанцированность взаимодействий способствуют развитию апатии и прокрастинации. Когда лекции можно посмотреть в любое время, а контрольные выполняются автоматизированно, многие студенты лишаются внутреннего импульса, необходимого для систематического труда [Борзова, 2023].

Современная система высшего образования переживает глубокие преобразования, вызванные ускоренной цифровизацией. Внедрение цифровых инструментов в образовательный процесс университетов способствовало преодолению ограничений в доступе к информации и сделало обучение более адаптивным и технологически продвинутым. Тем не менее, наряду с этими положительными тенденциями, преподаватели сталкиваются с существенной проблемой - неуклонным падением интереса студентов к учебе [Косачева, 2022].

Переход к дистанционным и смешанным форматам обучения зачастую сопровождается утратой эмоционального контакта между преподавателем и студентом, чувством социальной изоляции, а также трудностями в управлении собственным вниманием в условиях постоянной информационной избыточности [Строков, 2020]. Традиционные методы стимулирования познавательной активности, эффективные в очном формате, оказываются недостаточно действенными в цифровой среде, где преобладают фрагментарность восприятия и «клиповый» характер мышления.

В связи с этим возникает острая необходимость в поиске новых инструментов, способных не только удержать внимание обучающихся, но и поддержать их внутреннюю мотивацию к самостоятельному освоению материала [Лаптева, 2023]. Технологии искусственного интеллекта сегодня рассматриваются не просто как техническое дополнение к учебным платформам, а как

стратегический ресурс для радикальной трансформации образовательного опыта. Возможность построения адаптивных траекторий, обеспечения мгновенной рефлексивной обратной связи и прогнозирования академических рисков открывает уникальные перспективы для преодоления кризиса вовлеченности.

Обзор литературы

Многие исследователи изучали вопрос проблемы снижения учебной мотивации студентов в условиях цифровизации образования и возможностями её преодоления с использованием технологий искусственного интеллекта. Батталова А.Д. изучила, как частое применение искусственного интеллекта влияет на мотивацию к учебе у первокурсников Школы перспективных исследований ТюмГУ. Используя модель ARCS Дж. Келлера для оценки мотивации, автор обнаружила, что чем чаще студенты использовали персонализированные ИИ-решения, тем выше была их учебная мотивация по всем показателям [Батталова, 2026].

Исследование Стяжковой Н.М. и Лазаревой Л.В.» посвящено изучению влияния современных диалоговых искусственного интеллекта, включая GPT-модели, на мотивацию студентов к обучению. Авторы выявили, что эти технологии обладают потенциалом для повышения мотивации за счет адаптации учебного процесса под индивидуальные потребности, снижения стресса и предоставления мгновенной обратной связи. Однако, наряду с преимуществами, авторы указывает на необходимость учитывать и потенциальные негативные последствия, такие как риск развития зависимости и утраты студентами навыков самостоятельного обучения [Дыганова, 2025; Стяжкова, Лазарева, 2024].

Материалы и методы

Исследование, проведенное среди студентов и преподавателей Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина, было направлено на анализ влияния искусственного интеллекта на современный учебный процесс, то как цифровизация образования влияет на мотивацию студентов [Поначугин, Рогожкина, 2025]. В исследовании приняли участие студенты направлений 09.03.03 Прикладная информатика в менеджменте и 09.03.02 Информационные системы и технологии, преподаватели факультета информационных технологий [Поначугин, Рогожкина, 2025].

Основное внимание уделялось тому, как цифровые технологии трансформируют методы обучения и какие перспективы открываются для развития образования в условиях повсеместной цифровизации. Анализ проблемы снижения учебной мотивации студентов в условиях цифровизации образования и возможности ее преодоления с использованием технологий искусственного интеллекта [Поначугин, Рогожкина, 2025].

Результаты исследования

Исследования проблемы снижения учебной мотивации студентов в условиях цифровизации образования и возможностей её преодоления с помощью искусственного интеллекта показывают двойственный характер влияния технологий. С одной стороны, ИИ - инструменты могут повышать мотивацию за счёт персонализации обучения и оперативной поддержки, с другой - создавать риски снижения самостоятельности и критического мышления. На рисунке № 1 представлены положительные эффекты использования искусственного интеллекта в учебном процессе.

Рисунок 1- Положительные эффекты использования искусственного интеллекта в учебном процессе (составлено авторами)

На рисунке № 2 показаны риски и негативные последствия применения цифровых технологий в образовании.

Риски и негативные последствия применения цифровых технологий в образовании			
Снижение самостоятельности и критического мышления. Когда студенты используют ИИ для получения готовых решений, у них пропадает стимул самостоятельно разбираться в материале. Это может привести к потере способности анализировать, учиться на ошибках или искать творческие способы решения задач.	**Формирование зависимого поведения.** Чрезмерное доверие к ИИ может привести к внешней локус-контролю, что ослабляет внутренние мотивы к учёбе. Некоторые студенты начинают воспринимать ИИ как незаменимого помощника, без которого не могут справиться с заданиями.	**Снижение академической честности.** Есть риск использования ИИ для списывания или генерации плагиата. При этом не все студенты осознают этические риски.	**Эмоциональные и социальные риски.** У некоторых студентов чрезмерное использование технологий вызывает усталость и падение мотивации. Технические сбои и сложные интерфейсы могут провоцировать раздражённость и снижать вовлеченность. Отсутствие личного взаимодействия также воспринимается как негативный фактор.

Рисунок 2- Риски и негативные последствия применения цифровых технологий в образовании (составлено авторами)

В марте 2026 года в Нижегородском государственном педагогическом университете им К. Минина, г. Нижнего Новгорода был проведен анализ среди студентов, влияния искусственного интеллекта на современный учебный процесс, то как цифровизация образования влияет на мотивацию. Группа А 09.03.03 Прикладная информатика в менеджменте, группа Б 09.03.02 Информационные системы и технологии.

В таблице №1 показан сравнительный анализ показателей мотивации и вовлеченности в группах исследования. В данной таблице представлены средние значения ключевых метрик по

истечении 12-недельного цикла обучения.

Таблица 1- сравнительный анализ показателей мотивации и вовлеченности в группах исследования

Метрика	Группа А (контрольная)	Группа Б (экспериментальная)	Изменение (%)	Уровень значимости (p)
Индекс вовлеченности (частота входов)	3.2 ед./день	4.8 ед./день	+50 %	< 0.001
Среднее время отклика	36 часов	<5 секунд	-99.9 %	< 0.0001
Показатель отсева	28 %	9 %	-67 %	<0.1
Уровень внутренней мотивации (по шкале AMS)	3.4 баллов	4.6 баллов	+35%	< 0.05
Средний балл успеваемости	68/100	82/100	+20%	< 0.01

Индекс вовлеченности рассчитывался как среднее количество интерактивных действий в LMS за 24 часа.

В таблице № 2 демонстрируется, какие именно поведенческие маркеры, отслеживаемые искусственного интеллекта, являются наиболее значимыми для прогнозирования академического спада.

Таблица 2 - Классификация предиктивных факторов риска снижения мотивации

Маркер поведения	Вес значимости	Характеристика влияния
Снижение частоты входов	0.35	Ранний индикатор потери интереса.
Увеличение времени выполнения заданий	0.25	Признак когнитивной фрустрации или нехватки навыков.
Отказ от просмотра дополнительных материалов	0.20	Снижение любознательности, переход к «выживательной» стратегии.
Частота обращений к ИИ-тьютору	0.15	Активный запрос на помощь (положительный маркер).
Пропуск промежуточных дедлайнов	0.05	Критическая стадия демотивации

На рисунке 3 представлена динамика вовлеченности студентов

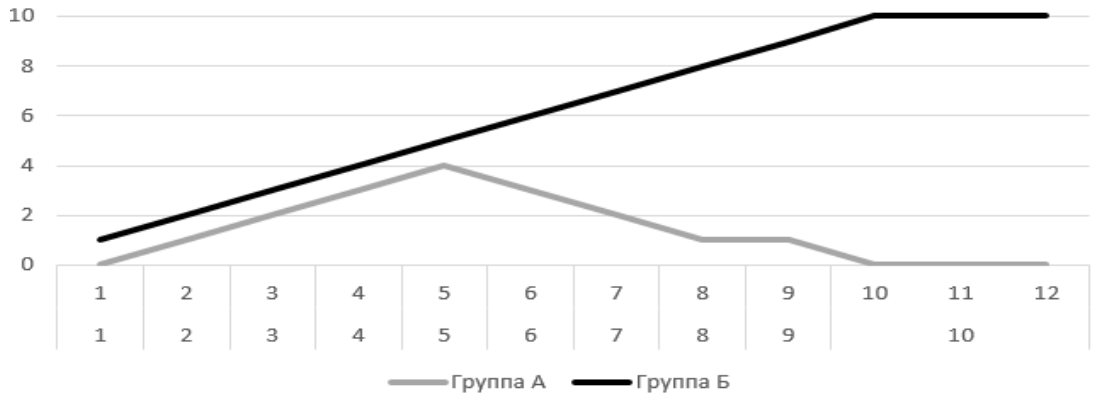

Рисунок 3 - Динамика вовлеченности студентов (усредненное количество входов в LMS в неделю) (составлено авторами)

Линия А - контрольная группа показывает резкое снижение активности к 5-й неделе. Линия Б - экспериментальная группа с поддержкой искусственного интеллекта демонстрирует стабильно высокий уровень активности на протяжении всего семестра.

Обсуждение и заключения

Внедрение цифровых технологий в образование процесс необратимый. Однако его результативность будет определяться нашей готовностью адаптировать методики преподавания к особенностям современного студента, для которого внимание стало ценным и редким ресурсом.

Проблема падения интереса к учёбе в цифровую эпоху требует инновационных решений. Искусственный интеллект открывает беспрецедентные возможности, он способен обеспечивать мгновенную, непрерывную и глубоко индивидуализированную обратную связь, а также формировать учебное пространство, идеально соответствующее потребностям и интересам каждого учащегося [Савченко, Платонова, 2022; Шобонов, Булаева, Зиновьева, 2023].

Библиография

1. Батталова А.Д. Использование искусственного интеллекта и учебная мотивация // Вестник высшей школы. 2026. № 2. DOI 10.20339/AM.02-26.067. URL: https://almavest.ru/ru/archive/4419/6021
2. Борзова Т.А. Мотивация студентов к обучению в современном вузе // МНКО. 2023. №5 (102). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-k-obucheniyu-v-sovremennom-vuze
3. Дыганова Е.А. Роль образовательной среды университета в формировании самообразовательной компетентности студента // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13. № 4. С. 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-4-3
4. Косачева В.О. Мотивация студентов к обучению и профессиональному развитию // МНКО. 2022. №5 (96). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-k-obucheniyu-i-professionalnomu-razvitiyu
5. Лаптева С.В. Информационные технологии в высшем образовании // Современное педагогическое образование. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-vysshem-obrazovanii
6. Поначугин А.В., Рогожкина Т.М. Применение искусственного интеллекта в вузах // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. Т. 31. № 3. С. 86-91. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=83206373
7. Рогожкина Т.М., Красник М.С., Салахетдинов Р.Р. VR контент в образовательном процессе: восприятие обучающимися виртуальной реальности // Вестник педагогических наук. 2025. №6. С. 224-229. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82512432
8. Савченко Л.В., Платонова А.В. Цифровая среда как основной фактор повышения качества образования // МНКО. 2022. №6 (97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sreda-kak-osnovnoy-faktor-povysheniya-kachestva-obrazovaniya
9. Строков А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. 2020. №2 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-problemy-i-perspektivy
10. Стяжкова Н.М., Лазарева Л.В. Проблема эффективности использования цифровых технологий для мотивации студентов к обучению // Ярославский педагогический вестник. 2024. №5 (140). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-effektivnosti-ispolzovaniya-tsifrovyh-tehnologiy-dlya-motivatsii-studentov-k-obucheniyu
11. Шобонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А. Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-1
12. Яицкая Е.А., Теуважуков А.Х. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Журнал прикладных исследований. 2023. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-problemy-i-perspektivy-1

The Problem of Decreasing Student Learning Motivation in the Context of Digitalization of Education and the Possibilities of Overcoming It Using Artificial Intelligence Technologies

Tamari M. Rogozhkina

Lecturer,
Department of Information Systems and Digital Services in Management,
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
603950, 1, Ulyanova St., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: tamara.gvasalia@yandex.ru

Maksim S. Krasnik

Lecturer,
Department of Information Systems and Digital Services in Management,
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
603950, 1, Ulyanova St., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: krasnikmaksim0@gmail.com

Ruslan R. Salakhetdinov

Lecturer,
Department of Information Systems and Digital Services in Management,
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
603950, 1, Ulyanova St., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: ruslanamlehanov@gmail.com

Abstract

The article examines the urgent problem of decreasing student learning motivation caused by the features of the modern digital educational environment, such as information overload, fragmentation of attention, and impersonality of online interaction. Key factors contributing to demotivation in the context of total digitalization are analyzed. The main attention is paid to the potential of artificial intelligence technologies as a tool for reactivating engagement. Specific directions for the application of artificial intelligence are considered: the creation of adaptive learning systems for hyper-personalization of educational trajectories, the provision of instant and high-quality feedback through intelligent tutors, as well as predictive analytics for early identification of students at risk of dropping out. It is concluded that the symbiosis of human mentorship and intelligent artificial intelligence tools makes it possible to create a more motivating, relevant, and supportive educational ecosystem that overcomes the negative consequences of digital transformation.

For citation

Rogozhkina T.M., Krasnik M.S., Salakhetdinov R.R. (2026) Problema snizheniya uchebnoy motivatsii studentov v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya i vozmozhnosti yeye preodoleniya s ispol'zovaniyem tekhnologiy iskusstvennogo intellekta [The Problem of Decreasing Student Learning Motivation in the Context of Digitalization of Education and the Possibilities of Overcoming It Using Artificial Intelligence Technologies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 277-284. DOI: 10.34670/AR.2026.70.31.023

Keywords

Digital education, artificial intelligence, motivation, digitalization, analysis, adaptive learning, educational environment.

References

1. Battalova A.D. (2026). Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta i uchebnaya motivatsiya [The Use of Artificial Intelligence and Learning Motivation]. Vestnik vysshey shkoly, (2). DOI: 10.20339/AM.02-26.067. Retrieved from https://almavest.ru/ru/archive/4419/6021
2. Borzova T.A. (2023). Motivatsiya studentov k obucheniyu v sovremennom vuze [Motivation of Students to Study in a Modern University]. MNKO, (5). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-k-obucheniyu-v-sovremennom-vuze
3. Dyganova E.A. (2025). Rol' obrazovatel'noy sredy universiteta v formirovanii samoobrazovatel'noy kompetentnosti studenta [The Role of the University's Educational Environment in the Formation of a Student's Self-Educational Competence]. Vestnik Mininskogo universiteta, 13(4), 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-4-3
4. Kosacheva V.O. (2022). Motivatsiya studentov k obucheniyu i professional'nomu razvitiyu [Motivation of Students to Study and Professional Development]. MNKO, (5). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-k-obucheniyu-i-professionalnomu-razvitiyu
5. Lapteva S.V. (2023). Informatsionnye tekhnologii v vysshem obrazovanii [Information Technologies in Higher Education]. Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie, (2). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-vysshem-obrazovanii
6. Ponachugin A.V., Rogozhkina T.M. (2025). Primenenie iskusstvennogo intellekta v vuzakh [Application of Artificial Intelligence in Universities]. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya, 31(3), 86-91. Retrieved from https://elibrary.ru/item.asp?id=83206373
7. Rogozhkina T.M., Krasnik M.S., Salakhetdinov R.R. (2025). VR kontent v obrazovatel'nom protsesse: vospriyatie obuchayushchimisya virtual'noy real'nosti [VR Content in the Educational Process: Students' Perception of Virtual Reality]. Vestnik pedagogicheskikh nauk, (6), 224-229. Retrieved from https://elibrary.ru/item.asp?id=82512432
8. Savchenko L.V., Platonova A.V. (2022). Tsifrovaya sreda kak osnovnoy faktor povysheniya kachestva obrazovaniya [The Digital Environment as the Main Factor in Improving the Quality of Education]. MNKO, (6). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sreda-kak-osnovnoy-faktor-povysheniya-kachestva-obrazovaniya
9. Shobonov N.A., Bulaeva M.N., Zinovieva S.A. (2023). Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii [Artificial Intelligence in Education]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya, (79-4). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-1
10. Strokov A.A. (2020). Tsifrovizatsiya obrazovaniya: problemy i perspektivy [Digitalization of Education: Problems and Prospects]. Vestnik Mininskogo universiteta, (2). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-problemy-i-perspektivy
11. Styazhkova N.M., Lazareva L.V. (2024). Problema effektivnosti ispol'zovaniya tsifrovykh tekhnologiy dlya motivatsii studentov k obucheniyu [The Problem of the Effectiveness of Using Digital Technologies to Motivate Students to Learn]. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik, (5). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/problema-effektivnosti-ispolzovaniya-tsifrovyh-tehnologiy-dlya-motivatsii-studentov-k-obucheniyu
12. Yaitskaya E.A., Teuvazhukov A.Kh. (2023). Tsifrovizatsiya obrazovaniya: problemy i perspektivy [Digitalization of Education: Problems and Prospects]. Zhurnal prikladnykh issledovaniy, (8). Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-problemy-i-perspektivy-1

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 346.27 **DOI: 10.34670/AR.2026.54.63.024**

Анализ проблем правового регулирования и правоприменения общей долевой собственности

Воронкова Мария Анатольевна

Студент,
Дальневосточный филиал,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
680020, Российская Федерация, Хабаровск, пер. Восточный, 2а;
e-mail: voronkovamariia@inbox.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ актуальных проблем правового регулирования и правоприменительной практики института общей долевой собственности в российском гражданском праве. На основе новейшего законодательства (включая Федеральный закон от 14.02.2025 № 841857-8), материалов судебной практики Верховного Суда РФ и кассационных судов общей юрисдикции за 2024–2026 годы, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ исследуются ключевые коллизии, возникающие при распоряжении, владении и пользовании общим имуществом, реализации преимущественного права покупки, выделе доли в натуре, определении порядка пользования, принудительном выкупе незначительной доли, а также в сфере оборота земель сельскохозяйственного назначения и общего имущества многоквартирных домов. Особое внимание уделено проблеме микродолей и перспективам реформирования института общей долевой собственности. Выявлены системные недостатки действующего правового регулирования и предложены пути их устранения.

Для цитирования в научных исследованиях

Воронкова М.А. Анализ проблем правового регулирования и правоприменения общей долевой собственности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 285-292. DOI: 10.34670/AR.2026.54.63.024

Ключевые слова

Общая долевая собственность, правовое регулирование, правоприменение, преимущественное право покупки, выдел доли, порядок пользования, микродоли, судебная практика, реформа гражданского законодательства.

Введение

Институт общей долевой собственности является одним из наиболее востребованных и одновременно проблемных в современном российском гражданском праве. Его востребованность обусловлена широким распространением отношений множественности лиц на стороне собственника в таких сферах, как жилая недвижимость, земельные участки сельскохозяйственного назначения, многоквартирные дома, нежилые здания и сооружения. Проблемность же данного института связана с тем, что законодательное регулирование, сконцентрированное главным образом в главе 16 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [Гражданский кодекс РФ, 1994], не всегда успевает за динамикой общественных отношений, а правоприменительная практика демонстрирует существенные разночтения в толковании одних и тех же норм различными судебными инстанциями.

Основная часть

Понятие общей долевой собственности предполагает, что доли в имуществе разграничены изначально и могут быть как равными, так и неравными. Однако, как справедливо отмечается в правовой литературе, главные проблемы начинаются тогда, когда собственники, совместно пользовавшиеся имуществом, принимают решение о его разделе или выделе доли.

Базовым принципом распоряжения общим имуществом выступает положение пункта 1 статьи 246 ГК РФ, согласно которому распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников[Гражданский кодекс РФ, 1994]. Данное императивное требование, направленное на защиту интересов всех сособственников, на практике нередко становится источником конфликтов и правовой неопределенности.

Одна из ключевых проблем заключается в том, что законодатель не устанавливает каких-либо критериев или процедур формирования такого соглашения, а также не предусматривает механизмов преодоления ситуации, когда один или несколько участников немотивированно уклоняются от его дачи. В результате добросовестные сособственники, заинтересованные в эффективном использовании имущества (например, в сдаче его в аренду, реконструкции или продаже), оказываются в правовом тупике, поскольку вынуждены либо искать компромисс с несогласным участником, что не всегда возможно, либо обращаться в суд, что сопряжено со значительными временными и финансовыми издержками.

Действующее законодательство не содержит механизма, позволяющего преодолеть вето одного из сособственников, даже если его доля является незначительной, а предлагаемые условия распоряжения — экономически обоснованными и выгодными для всех участников. Это создает благоприятную почву для злоупотребления правом со стороны миноритарных участников, которые могут блокировать любые юридически значимые действия в отношении общего имущества, преследуя исключительно цель причинить вред другим сособственникам или получить необоснованную выгоду.

Судебная практика в данном вопросе исходит из необходимости защиты права собственности каждого участника, однако в ряде случаев высшие судебные инстанции указывают на недопустимость злоупотребления правом и необходимость учета баланса интересов всех сособственников.

Статья 250 ГК РФ закрепляет преимущественное право участников долевой собственности

на приобретение продаваемой доли по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях (кроме случая продажи с публичных торгов). Несмотря на кажущуюся простоту данной конструкции, ее реализация сопряжена с многочисленными практическими трудностями.

Прежде всего, закон не устанавливает четкого механизма извещения сособственников о намерении продать долю. Продавец доли обязан в письменном виде известить остальных участников долевой собственности о своем намерении продать долю. Однако на практике возникают вопросы: каким способом должно быть направлено извещение (заказное письмо с уведомлением, телеграмма, вручение под расписку), что делать, если место жительства сособственника неизвестно или он уклоняется от получения корреспонденции, можно ли считать надлежащим извещением публикацию в средствах массовой информации и т.д.

Конституционный Суд РФ в своих актах неоднократно обращался к вопросам конституционности положений статьи 250 ГК РФ. Так, в Определении от 30.10.2025 № 2780-О Конституционный Суд РФ рассмотрел жалобу А.А. Романовой, оспаривавшей конституционность пункта 3 статьи 250 ГК РФ, согласно которому при продаже доли с нарушением преимущественного права покупки любой другой участник долевой собственности имеет право требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя[Определение Конституционного Суда РФ № 2780-О, 2025]. Данная правовая позиция подтверждает значимость института преимущественного права покупки как гарантии защиты интересов сособственников.

Следует отметить, что с 1 января 2017 года вступили в силу изменения ГК РФ, предусматривающие, что право преимущественной покупки не применяется при продаже доли в праве общей собственности на земельный участок собственником части расположенного на таком земельном участке здания или сооружения либо собственником помещения в указанных здании или сооружении[Федеральный закон № 315-ФЗ, 2016]. Данная новелла направлена на упрощение оборота земельных участков и зданий, однако создает дополнительные риски для сособственников, которые могут быть лишены возможности сохранить контроль над общим имуществом.

Важным практическим аспектом является также вопрос о нотариальном удостоверении сделок с долями. По общему правилу, сделки по отчуждению долей в праве общей собственности на недвижимое имущество подлежат нотариальному удостоверению. При этом Приказом Росреестра от 26.02.2025 № П/0045/25 утверждена примерная форма извещения о предстоящем выделе в натуре доли в праве общей долевой собственности и об осуществлении согласования местоположения машино-места с участниками общей долевой собственности[Приказ Росреестра № П/0045/25, 2025].

Выдел доли в натуре и раздел общего имущества являются одними из наиболее сложных и конфликтных процедур в рамках института общей долевой собственности. Статья 252 ГК РФ предоставляет участнику долевой собственности право требовать выдела своей доли из общего имущества. Однако реализация этого права на практике сталкивается с серьезными препятствиями.

Во-первых, выдел доли в натуре возможен только в том случае, если он допускается законом и возможен без несоразмерного ущерба имуществу. В отношении жилых помещений (квартир) выдел доли в натуре, как правило, невозможен в силу конструктивных особенностей объекта, что подтверждается и судебной практикой. Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что раздел жилого помещения в натуре возможен только в случае, если имеется техническая

возможность создания изолированных жилых помещений с отдельными входами и самостоятельными коммуникациями.

Во-вторых, существенную сложность представляет собой оценка соразмерности выделяемой доли. Суды вынуждены назначать строительно-технические экспертизы, что затягивает процесс и увеличивает судебные издержки. Как показывает практика, суд первой инстанции может правомерно удовлетворить исковые требования о выделе доли в жилом доме, однако в процессе рассматриваемых дел не всегда учитываются условия компенсации за несоразмерность выделенной доли и другие факторы.

В-третьих, Верховный Суд РФ в 2026 году сформулировал важную правовую позицию, согласно которой допускается раздел долевой собственности вопреки желаниям отдельных владельцев. Данная позиция направлена на преодоление ситуаций, когда один из сособственников немотивированно блокирует раздел имущества, препятствуя тем самым реализации законных прав других участников.

Особого внимания заслуживает Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.06.2024 № 16-КГ24-1-К4, в котором суд указал на необходимость назначения строительно-технической экспертизы при рассмотрении споров о прекращении права общей долевой собственности на жилой дом, поскольку без установления технических характеристик объекта невозможно сделать обоснованный вывод о возможности его раздела в натуре[Приказ Росреестра № П/0045/25, 2025].

Согласно статье 247 ГК РФ, владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия — в порядке, устанавливаемом судом. Участник долевой собственности имеет право на предоставление в его владение и пользование части общего имущества, соразмерной его доле, а при невозможности этого вправе требовать от других участников, владеющих и пользующихся имуществом, приходящимся на его долю, соответствующей компенсации.

Судебная практика по данной категории дел весьма обширна. Как следует из материалов дела № 8Г-6998/2025, рассмотренного Первым кассационным судом общей юрисдикции, при определении порядка пользования общим имуществом суды назначают судебную строительно-техническую экспертизу, которая позволяет установить возможные варианты пользования имуществом с учетом сложившегося порядка, нуждаемости каждого из сособственников и конструктивных особенностей объекта[Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-6998/2025, 2025].

14 февраля 2025 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона № 841857-8, направленный на совершенствование правового регулирования порядка пользования имуществом, находящимся в общей долевой собственности[Проект федерального закона № 841857-8, 2025]. Законопроект предусматривает возможность внесения в ЕГРН сведений об установлении, изменении и прекращении порядка владения и пользования недвижимостью, находящейся в общей долевой собственности. При этом соглашение об установлении порядка пользования подлежит обязательному нотариальному удостоверению, а установленный порядок будет сохраняться при переходе доли в праве собственности к другому лицу. Данные новеллы направлены на повышение стабильности гражданского оборота и защиту прав последующих приобретателей долей.

Одной из острейших проблем современного правоприменения в сфере общей долевой собственности является проблема так называемых «микродолей» — незначительных долей в праве собственности на жилые помещения, которые не могут быть реально выделены и не

представляют для их обладателей существенного интереса с точки зрения проживания. Данная проблема приобрела особую актуальность в связи с распространением практики «резиновых квартир» и иных схем, направленных на обход миграционного законодательства.

Пункт 4 статьи 252 ГК РФ предусматривает, что в случаях, когда доля собственника незначительна, не может быть реально выделена и он не имеет существенного интереса в использовании общего имущества, суд может и при отсутствии согласия этого собственника обязать остальных участников долевой собственности выплатить ему компенсацию.

Верховный Суд РФ в определении № 127-КГ24-16-К4 разъяснил условия, при которых допускается принудительный выкуп доли в праве общей долевой собственности на квартиру с выплатой компенсации вопреки воли одного из сособственников [Определение Верховного Суда РФ № 127-КГ24-16-К4, 2024]. В частности, суд указал, что принудительная выплата компенсации за долю возможна при совокупности следующих условий: доля является незначительной; ее выдел в натуре невозможен; собственник доли не имеет существенного интереса в использовании общего имущества. При этом отсутствие согласия ответчика не является безусловным основанием для отказа, поскольку принудительный выкуп возможен в исключительных случаях.

Показательно, что Государственная Дума РФ намерена ограничить продажу микродолей в квартирах. Как было объявлено 8 апреля 2025 года, в Государственной Думе обсуждается законопроект, предусматривающий запрет на продажу долей, если они составляют менее изолированной комнаты[The State Duma allowed the possibility of restricting the sale of microdots in apartments, 2025]. Данная инициатива направлена на борьбу с практикой дробления жилых помещений на микродоли и предотвращение связанных с этим злоупотреблений.

Отдельного рассмотрения заслуживает специфика правового регулирования общей долевой собственности на земли сельскохозяйственного назначения. Данные отношения регулируются Федеральным законом от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [Федеральный закон № 101-ФЗ, 2002].

С 1 января 2025 года вступили в силу существенные изменения, касающиеся невостребованных земельных долей. Согласно пункту 2 статьи 19.3 Закона № 101-ФЗ, лицо, чья земельная доля признана невостребованной, утрачивает право собственности на такую земельную долю[Письмо Росреестра № 14-6246-ТГ/25, 2025]. Данная норма направлена на вовлечение в сельскохозяйственный оборот земель, собственники которых не проявляют к ним интереса и не осуществляют их использование по целевому назначению.

Кроме того, с 1 марта 2026 года вступили в силу изменения, внесенные Федеральным законом от 01.04.2025 № 52-ФЗ[Федеральный закон № 52-ФЗ, 2025]. Данным законом предусмотрены обширные изменения в земельное законодательство, связанные с охраной земель сельскохозяйственного назначения, включая новый порядок установления и изменения границ сельхозугодий.

Общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме представляет собой особую разновидность общей долевой собственности, характеризующуюся рядом специфических черт. Доля в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме собственника помещения в этом доме пропорциональна размеру общей площади указанного помещения и следует судьбе права собственности на помещение.

Судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к усилению защиты прав собственников помещений на общее имущество. Показательным в этом отношении является Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 июля

2025 г. № 305-ЭС25-2385, в котором суд признал право общей долевой собственности собственников помещений многоквартирного дома на нежилое помещение (подвал) и признал отсутствующим право собственности города на данное помещение в связи с запретом изменения режима общего имущества, несмотря на наличие в ЕГРН записи о регистрации права частной собственности[Федеральный закон № 52-ФЗ, 2025].

Выволы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии системных проблем в правовом регулировании и правоприменении института общей долевой собственности. Действующее законодательство, несмотря на отдельные точечные изменения, не обеспечивает надлежащего баланса интересов сособственников и не предлагает эффективных механизмов разрешения конфликтных ситуаций.

В целях совершенствования правового регулирования представляется необходимым:

1) законодательно закрепить четкий механизм извещения сособственников о намерении продать долю;

2) установить критерии, позволяющие преодолевать немотивированное вето миноритарных участников при распоряжении общим имуществом;

3) детализировать условия и процедуру принудительного выкупа незначительной доли;

4) завершить реформу, направленную на запрет образования и оборота микродолей в жилых помещениях.

Реализация указанных мер позволит повысить эффективность правового регулирования отношений общей долевой собственности и снизить конфликтогенность в данной сфере.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 30.10.2025 № 2780-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Романовой Арины Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.06.2024 № 16-КГ24-1-К4 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.03.2025 по делу № 8Г-6998/2025 [88-9124/2025] // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 127-КГ24-16-К4 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.07.2025 № 305-ЭС25-2385 по делу № А40-88564/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Письмо Росреестра от 26.06.2025 № 14-6246-ТГ/25 «О применении Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ Росреестра от 26.02.2025 № П/0045/25 «Об утверждении примерной формы извещения о предстоящем выделе в натуре доли в праве общей долевой собственности и об осуществлении согласования местоположения машино-места с участниками общей долевой собственности» (Зарегистрировано в Минюсте России 01.04.2025 № 81710) // Официальный интернет-портал правовой информации.
9. Проект федерального закона № 841857-8 «О внесении изменений в статьи 247 и 259.3 части первой, статьи 689 и 700 части второй и статью 1137 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (внесен Правительством РФ 14.02.2025) // Система обеспечения законодательной деятельности.
10. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.
11. Федеральный закон от 03.07.2016 № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание

законодательства РФ. 2016. № 27. Ст. 4248.
12. Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
13. Федеральный закон от 01.04.2025 № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 14. Ст. 2401.
14. The State Duma allowed the possibility of restricting the sale of microdots in apartments // Известия. 2025. 8 апреля. URL: https://en.iz.ru/en/1867526/2025-04-08/state-duma-allowed-possibility-restricting-sale-microdots-apartments

Analysis of Problems of Legal Regulation and Law Enforcement of Common Shared Ownership

Maria A. Voronkova

Student,
Far Eastern Branch,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
680020, 2a, Vostochny Lane, Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: voronkovamariia@inbox.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of current problems of legal regulation and law enforcement practice of the institution of common shared ownership in Russian civil law. Based on the latest legislation (including Federal Law No. 841857-8 of February 14, 2025), materials from judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and cassation courts of general jurisdiction for 2024–2026, as well as legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, key conflicts arising from the disposal, possession and use of common property, the exercise of the preemptive right to purchase, allocation of a share in kind, determination of the procedure for use, compulsory purchase of an insignificant share, as well as in the sphere of circulation of agricultural land and common property of apartment buildings are examined. Special attention is paid to the problem of micro-shares and prospects for reforming the institution of common shared ownership. Systemic shortcomings of the current legal regulation are identified and ways to eliminate them are proposed.

For citation

Voronkova M.A. (2026) Analiz problem pravovogo regulirovaniya i pravoprimeneniya obshchey dolevoy sobstvennosti [Analysis of Problems of Legal Regulation and Law Enforcement of Common Shared Ownership]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 285-292. DOI: 10.34670/AR.2026.54.63.024

Keywords

Common shared ownership, legal regulation, law enforcement, preemptive right to purchase, allocation of a share, procedure for use, micro-shares, judicial practice, reform of civil legislation.

References

1. Federal'nyy zakon ot 01.04.2025 № 52-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law No. 52-FZ of April 1, 2025 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva RF, 2025, no. 14, art. 2401. (In Russ.)
2. Federal'nyy zakon ot 03.07.2016 № 315-FZ «O vnesenii izmeneniy v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law No. 315-FZ of July 3, 2016 «On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva RF, 2016, no. 27, art. 4248. (In Russ.)
3. Federal'nyy zakon ot 08.08.2024 № 237-FZ «O vnesenii izmeneniy v chast' pervuyu i stat'yu 1202 chasti tret'ey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law No. 237-FZ of August 8, 2024 «On Amendments to Part One and Article 1202 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation»]. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. (In Russ.)
4. Federal'nyy zakon ot 24.07.2002 № 101-FZ «Ob oborote zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya» (red. ot 29.12.2025) [Federal Law No. 101-FZ of July 24, 2002 «On the Turnover of Agricultural Land» (as amended on December 29, 2025)]. Sobranie zakonodatel'stva RF, 2002, no. 30, art. 3018. (In Russ.)
5. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 08.08.2024) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on August 8, 2024)]. Sobranie zakonodatel'stva RF, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)
6. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 30.10.2025 № 2780-O [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 30, 2025 No. 2780-O]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
7. Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Pervogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 26.03.2025 po delu № 8G-6998/2025 [88-9124/2025] [Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction of March 26, 2025 in case No. 8G-6998/2025]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
8. Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF № 127-KG24-16-K4 [Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 127-KG24-16-K4]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
9. Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 04.06.2024 № 16-KG24-1-K4 [Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 4, 2024 No. 16-KG24-1-K4]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
10. Opredelenie Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda RF ot 25.07.2025 № 305-ES25-2385 po delu № A40-88564/2023 [Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of July 25, 2025 No. 305-ES25-2385 in case No. A40-88564/2023]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
11. Pis'mo Rosreestra ot 26.06.2025 № 14-6246-TG/25 «O primenenii Federal'nogo zakona ot 24.07.2002 № 101-FZ» [Letter of Rosreestr of June 26, 2025 No. 14-6246-TG/25 «On the Application of Federal Law No. 101-FZ of July 24, 2002»]. SPS «KonsultantPlyus». (In Russ.)
12. Prikaz Rosreestra ot 26.02.2025 № P/0045/25 «Ob utverzhdenii primernoy formy izveshcheniya o predstoyashchem vydelenie v nature doli v prave obshchey dolevoy sobstvennosti i ob osushchestvlenii soglasovaniya mestopolozheniya mashino-mesta s uchastnikami obshchey dolevoy sobstvennosti» [Order of Rosreestr of February 26, 2025 No. P/0045/25]. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. (In Russ.)
13. Proekt federal'nogo zakona № 841857-8 «O vnesenii izmeneniy v stat'i 247 i 259.3 chasti pervoy, stat'i 689 i 700 chasti vtoroy i stat'yu 1137 chasti tret'ey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» (vnesen Pravitel'stvom RF 14.02.2025) [Draft Federal Law No. 841857-8]. Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti. (In Russ.)
14. The State Duma allowed the possibility of restricting the sale of microdots in apartments. Izvestiya, April 8, 2025. Available at: https://en.iz.ru/en/1867526/2025-04-08/state-duma-allowed-possibility-restricting-sale-microdots-apartments

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.736 **DOI: 10.34670/AR.2026.48.10.025**

Сальдирование встречных требований в делах о банкротстве: соотношение частного и публичного интересов

Лепешкин Александр Александрович

Аспирант,
кафедра предпринимательского и корпоративного права,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: lepeshkin90@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется сальдирование встречных требований в делах о банкротстве через призму соотношения частных и публичных интересов. Автор анализирует распространение методологии сальдирования на публично-правовые обязательства в рамках единого налогового счета налогоплательщика.

Для цитирования в научных исследованиях

Лепешкин А.А. Сальдирование встречных требований в делах о банкротстве: соотношение частного и публичного интересов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 293-298. DOI: 10.34670/AR.2026.48.10.025

Ключевые слова

Предпринимательское право, банкротство, сальдирование, кредитор, должник, налоги.

Введение

Под сальдированием понимается не просто учет отдельных исполнений по договору, а сведение в единое целое взаимных предоставлений сторон по конкретному обязательству с последующим определением итогового долга одной из сторон.

Т.П. Шишмарева указывает на сальдо как на особое явление, известное со времен римского права: «…еще в римском праве различали compensatio (зачет встречных требований) и deductio (вычет меньшего долга из большего) … эти конструкции нашли свое развитие в институте несостоятельности и в последующем» [Шишмарева, 2021, с. 97]. По мнению А.В. Егорова, сущность метода сальдо сводится к следующему: суд сопоставляет между собой встречные обязательства сторон, по результатам чего выводится единое итоговое обязательство (сальдо). Именно это окончательное сальдо и подлежит судебной защите [Егоров, 2014, с. 29]. А.Г. Карапетов обращает внимание, что употребляемое в практике понятие «сальдирование» нередко выступает лишь как терминологический эвфемизм, в подавляющем большинстве ситуаций за ним фактически стоит либо действие согласованного сторонами условия об автоматическом прекращении взаимных обязательств, либо обычный зачет взаимосвязанных денежных требований, осуществляемый на основании волеизъявления одной из сторон [Батищев, Громов, Карапетов и др., 2022, с. 1237]. Как отмечает Н.Е. Кантор, появление в практике банкротных дел термина «сальдирование» делает актуальным выделение в гражданском праве особой категории зачетов связанных требований [Кантор, 2021]. Исследователи отмечают, что «сальдирование, по сути, является попыткой решения проблемы недопустимости зачета в банкротстве через критерий взаимности обязательств, их тесной синаллагматической взаимосвязи» [Гричанин, Аралина, 2019, с. 214].

Основная часть

Первоначально сальдирование воспринималось как инструмент преимущественно споров об оспаривании зачета как сделки с предпочтением, когда под видом зачета стороны фактически фиксировали экономический итог уже прекращенного обязательства. Суды стали признавать, что совершение действий по определению сальдо взаимных требований не является сделкой в традиционном понимании, а представляет собой расчет итогового обязательства одной из сторон. Такой подход позволяет защищать соглашения о зачете (сальдировании) от оспаривания по основаниям, предусмотренным статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве. Данный подход существенно расширил возможности для кредиторов по защите своих интересов в делах о банкротстве, создав правовую конструкцию, устойчивую к оспариванию. Фактически судебная практика выработала правовой режим, при котором отдельные расчетные операции оказываются за пределами механизмов оспаривания сделок в банкротстве, что представляется вполне обоснованным.

При применении сальдирования в спорах о субсидиарной ответственности суд оценивает не каждую транзакцию по отдельности, а то, каким в итоге оказалось имущественное положение должника с учетом всех действий контролирующего лица. Если эти действия принесли должнику и вред, и пользу, необходимо определять размер ответственности через итоговое сальдо, а не через суммирование только убытков.

В спорах о включении требований в реестр кредиторов механизм сальдирования работает наиболее очевидно. Когда кредитор обращается с заявлением о включении своих требований,

суд обязан проверить, нет ли у должника встречных требований к этому же лицу. Если они есть, то в реестр должна попасть итоговая разница, а не общая сумма долга. Иное решение означало бы, что кредитор, сам имеющий долг перед должником, получит в реестре больше.

Обращение к сальдированию в спорах о включении требований в реестр кредиторов иллюстрирует активное использование этого инструмента за пределами классических споров об оспаривании сделок.

Возникнув как инструмент преодоления запрета зачета в банкротстве, механизм сальдирования постепенно стал применяться в различных обособленных спорах: при оспаривании сделок, включении требований в реестр и даже при привлечении к субсидиарной ответственности. Подобное расширение сферы применения сальдирования в банкротстве позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, механизм сальдирования позволяет учитывать реальное экономическое содержание отношений сторон. Во-вторых, механизм сальдирования соответствует принципу процессуальной экономии, поскольку позволяет в рамках одного обособленного спора рассмотреть несколько взаимосвязанных требований и определить их итоговый баланс в пользу одной из сторон. Это способствует более быстрому и эффективному разрешению споров. В-третьих, механизм сальдирования обеспечивает защиту интересов добросовестных участников гражданского оборота, предоставляя им возможность определять завершающую обязанность даже в случае банкротства контрагента.

Значимым этапом развития подхода к сальдированию является определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.11.2025 № 305-ЭС25-7442 по делу № А40-277167/2024, которым проверена законность судебных актов по заявлению налогового органа о признании должника банкротом. Хотя в определении прямо не используется термин «сальдирование», суд оперирует категорией отрицательного сальдо единого налогового счета (далее – ЕНС), закрепленной в пункте 3 статьи 11.3 Налогового кодекса РФ, и фактически применяет по отношению к публично-правовой совокупной обязанности налогоплательщика ту же логику, что и к частноправовым обязательствам при сальдировании. В центре спора оказался вопрос: может ли налоговый орган повторно инициировать дело о банкротстве, опираясь на те же требования об уплате задолженности и то же решение о взыскании за счет денежных средств, если после прекращения первого дела о банкротстве сумма требований налогового органа возросла за счет новых недоимок, учтенных на ЕНС.

Суды нижестоящих инстанций прекратили производство по заявлению о банкротстве, сославшись на отсутствие новых требований об уплате и нового решения о взыскании задолженности, в которых должен быть зафиксирован долг. Верховный Суд РФ, напротив, исходя из реформы ЕНС, подчеркнул динамический характер учета совокупной обязанности и связанного с ней отрицательного сальдо: с момента введения ЕНС требование об уплате и решение о взыскании формируются однократно и действуют в пределах меняющегося отрицательного сальдо, а актуальная величина долга отражается в реестре решений и в личном кабинете налогоплательщика без необходимости каждый раз издавать новые акты.

По сути, Верховный Суд РФ указал, что отрицательное сальдо ЕНС представляет собой общеобязательный показатель долга налогоплательщика перед бюджетом, возникающего в результате постоянной сверки совокупной обязанности и единого налогового платежа. Именно это сальдо, а не формальное содержание первоначального требования, должно учитываться при решении вопроса о наличии признаков банкротства.

Верховный Суд РФ предписал при новом рассмотрении установить объем тех налоговых

обязательств, которые не составляли предмет первого дела о банкротстве, то есть фактически предложил судам провести сальдирование совокупной публично-правовой обязанности с учетом добавившейся недоимки и тем самым определить размер задолженности для банкротства.

Таким образом, практика по ЕНС демонстрирует перенос методологического приема сальдирования на сферу публичных требований. Исходя из изложенного можно сделать вывод, что у суда нет задачи механически суммировать формально заявленные когда-то суммы, напротив, он должен исходить из реального сальдо совокупной обязанности на момент обращения в суд. Это позволяет, с одной стороны, защитить публичный интерес в эффективном взыскании обязательных платежей и недопущении искусственного обновления оснований для банкротства путем дробления заявлений, а с другой гарантирует налогоплательщику и другим кредиторам, что в процедуру будет заявлен действительный размер обязательств.

С точки зрения техники правоприменения важно различать ситуации, когда сальдирование допустимо как уточнение и конкретизация уже установленного объема обязательства, и случаи, когда под видом сальдирования фактически осуществляется новый зачет, нарушающий очередность удовлетворения требований.

Именно в этом контексте встает вопрос о соотношении частного и публичного интересов при сальдировании в банкротстве. Частный интерес проявляется в стремлении конкретного кредитора и должника добиться справедливого учета их взаимных исполнений, избежать ситуаций, когда кредитор вынужден платить по своим обязательствам в полном объеме, одновременно предъявляя к должнику требования, которые в конкурсном производстве либо будут удовлетворены частично, либо не удовлетворены вовсе.

Запрет на зачет после возбуждения дела о банкротстве не является технической формальностью, а является механизмом защиты интересов кредиторов. Он не дает отдельному кредитору удовлетворить свои требования за счет обхода очередности и принципа пропорционального удовлетворения требований. При сальдировании в процедуре банкротства не происходит исполнения обязательства как такового, речь идет об определении того, какое именно обязательство существует после учета встречных требований сторон. Суд, по сути, фиксирует итоговый размер действительного долга с учетом взаимных расчетов, и уже это требование попадает в реестр кредиторов.

При таком подходе права конкурсных кредиторов остаются сбалансированными. Более того, отказ от сальдирования дал бы противоположный результат: реестр был бы заполнен завышенными требованиями, что неизбежно исказило бы принцип равенства кредиторов и привело бы к необоснованному перераспределению конкурсной массы.

Заключение

Практика применения единого налогового счета показала, что механизм сальдирования востребован не только в классических гражданско-правовых отношениях, но и в сфере публичных платежей. Тем самым сальдирование фактически выходит за пределы цивилистического инструмента.

Суды и уполномоченные органы ориентируются не на формальное множество требований, а на их реальный суммарный результат, то есть на действительное итоговое обязательство. Именно это позволяет говорить о содержательной справедливости банкротных процедур и большей прозрачности при распределении конкурсной массы.

Библиография

1. Батищев А.О., Громов А.А., Карапетов А.Г. и др. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1496 с.
2. Гричанин К., Аралина Е. Зачетное сальдо в банкротстве // Журнал РШЧП. 2019. Вып. 5. С. 199-215.
3. Егоров А.В. Договор выкупного лизинга. Правила игры от ВАС РФ // Арбитражная практика. 2014. № 8. С. 24-33.
4. Кантор Н.Е. Расчет сальдо в отношении связанных требований // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 9.
5. Шишмарева Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 546 с.

Set-off of Mutual Claims in Bankruptcy Cases: Correlation of Private and Public Interests

Alexander A. Lepeshkin

Postgraduate Student,
Department of Entrepreneurial and Corporate Law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lepeshkin90@mail.ru

Abstract

The article examines the set-off of mutual claims in bankruptcy cases through the prism of the correlation between private and public interests. The author analyzes the extension of the set-off methodology to public law obligations within the framework of a taxpayer's single tax account.

For citation

Lepeshkin A.A. (2026) Sal'dirovaniye vstrechnykh trebovaniy v delakh o bankrotstve: sootnosheniye chastnogo i publichnogo interesov [Set-off of Mutual Claims in Bankruptcy Cases: Correlation of Private and Public Interests]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 293-298. DOI: 10.34670/AR.2026.48.10.025

Keywords

Entrepreneurial law, bankruptcy, set-off, creditor, debtor, taxes.

References

1. Batishchev A.O., Gromov A.A., Karapetov A.G. et al. (2022). Ispolnenie i prekrashchenie obyazatel'stva: kommentariy k stat'yam 307-328 i 407-419 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Fulfillment and termination of obligations: commentary to Articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation]. Ed. by A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos Publ. (In Russ.)
2. Egorov A.V. (2014). Dogovor vykupnogo lizinga. Pravila igry ot VAS RF [Purchase lease agreement. The rules of the game from the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation]. Arbitrazhnaya praktika, (8), 24-33. (In Russ.)
3. Grichanin K., Aralina E. (2019). Zachetnoe sal'do v bankrotstve [The offset balance in bankruptcy]. Zhurnal RShChP, (5), 199-215. (In Russ.)
4. Kantor N.E. (2021). Raschet sal'do v otnoshenii svyazannykh trebovaniy [Calculation of the balance in relation to related

claims]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii, (9). (In Russ.)
5. Shishmareva T.P. (2021). Pravovye sredstva obespecheniya effektivnosti protsedur nesostoyatel'nosti v Rossii i Germanii [Legal means of ensuring the effectiveness of insolvency procedures in Russia and Germany]. Dr. jur. sci. thesis. Moscow. (In Russ.)

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.77 **DOI: 10.34670/AR.2026.10.72.026**

Способ редактирования генома как объект патентного права

Станиславов Павел Денисович

Помощник адвоката,
филиал «Защитник»,
Ростовская областная коллегия
адвокатов им. Д.П. Баранова,
344000, Российская Федерация,
Ростов-на-Дону, ул. Суворова, д. 15;
e-mail: pashastanislavov@yandex.ru

Аннотация

Целью статьи было определить правовые возможности патентования способов редактирования генома животных и растений в РФ с учетом зарубежного опыта и существующих ограничений. При написании работы автор использовал такие методы как аналитика (исследование исторического пути развития изучения генома и разбор проблем, связанных с его патентованием), дедукция (при написании работы происходит переход от общего вопроса патентования генома растений и животных к частным проблемам), абстрагирование (выделение главной идеи, подтверждающей необходимость патентования генома), которые логически завершились следующими результатами: проанализированы правовые режимы генома в странах-лидерах; выявлены пробелы в отечественном законодательстве; оценена применимость существующих объектов интеллектуальной собственности (изобретение, селекционное достижение, ноу-хау) к методам геномного редактирования. Завершая работу, автор приходит к выводам, что патентование способов изменения генома — весьма неоднозначно (система интеллектуального права России благоприятствует внедрению подобного механизма, но увеличение количества генномодифицированных животных может повлечь ухудшение состояния биосферы), а модели выдачи патента на него — многообразны, начиная от способа и заканчивая отдельными соединениями клеток.

Для цитирования в научных исследованиях

Станиславов П.Д. Способ редактирования генома как объект патентного права // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 299-307. DOI: 10.34670/AR.2026.10.72.026

Ключевые слова

Геном, редактирование генов, интеллектуальное право, патент, модели патентования, CRISPR, генная инженерия, биотехнологии.

Введение

В процессе исторического развития человечество демонстрирует устойчивый прогресс, последовательно расширяя границы познания. Биологические дисциплины, в частности генетика как одна из их ключевых подотраслей, также следуют этой закономерности. В настоящее время исследователи не только изучают структуру генома различных организмов, но и стремятся разработать новые подходы к его практическому применению, включая целенаправленную перестройку наследственного материала.

Указанные технологии характеризуются значительным прикладным потенциалом: повышение содержания полезных компонентов в продуктах питания, коррекция физиологических нарушений у эмбрионов, терапия наследственных заболеваний, увеличение продолжительности жизни и другие направления. Перечислить все позитивные эффекты воздействия генной инженерии на существование человека в настоящее время не представляется возможным, поскольку геном остается исследованным далеко не полностью. Вместе с тем дальнейшее развитие данных научных изысканий может быть ускорено и стимулировано.

Несомненно, современный этап изучения генома характеризуется интенсивным развитием во всех странах мира, однако темпы этого движения существенно различаются в зависимости от государства. Высокая скорость прогресса наблюдается в тех юрисдикциях, где сформирована правовая база и действуют юридические механизмы, регламентирующие использование генома. Во-первых, проведение исследований облегчается за счет наличия ясного правового режима: исследователи понимают, какие действия с соответствующим объектом являются правомерными, а какие выходят за допустимые пределы. Во-вторых, легальная возможность применять геном в экспериментах, направленных на повышение качества жизни, стимулирует ученых к выработке новых теоретических моделей и практических способов использования данной технологии.

С учетом изложенного представляется обоснованным вывод о том, что формирование правового режима и отнесение модификаций генома к результатам интеллектуальной деятельности окажут исключительно положительное воздействие как на национальное законодательство, так и на развитие естественнонаучных дисциплин. Помимо прочего, это позволит избежать отставания от мирового сообщества в правовой сфере.

Основная часть

С момента возникновения человеческий социум исследует окружающую действительность – природные объекты, живые существа и самого себя. Подтверждением тому служат многочисленные специализированные разделы химии, биологии, медицины и смежных наук, посвященные антропологической проблематике. Данное самопознание изначально ориентировалось на улучшение качества существования и продление его продолжительности.

В ходе самоисследования в XX столетии ученые открыли и ввели в научный оборот понятие «геном». За этот прорыв научное сообщество должно признать заслугу ботаника Г. Винклера, который осветил совокупность наследственного материала, содержащегося в одной клетке, в своей работе, посвященной растительным гибридам. Именно после 1920 года в науке начало формироваться учение о геноме человека, а его содержание стало предметом активного изучения. В настоящее время мировому сообществу известна полная первичная структура

генома, однако его функциональный потенциал раскрыт лишь в незначительной степени. Этому препятствуют, в частности, недостаточная исследованность соответствующей сферы, отсутствие высокотехнологичного оборудования, а также фрагментарное и медленное формирование нормативно-правовой базы.

Прежде чем переходить к описанию и анализу пробелов в правовом регулировании модификации генома, необходимо отметить, что правовой режим генома в различных странах обладает существенной спецификой. Так, во Франции законодатель установил, что геном не может быть защищен как объект патентного права, однако возможна выдача охранного документа на способ его применения. Кроме того, он входит в список запрещенных для патентования объектов, наряду с клонированием, коммерческим использованием эмбрионов и др [Пономарева, 2021]. В Великобритании разрешается редактировать человеческий геном, но только под надзором государственного органа по оплодотворению и эмбриологии. Целью подобных процедур является интеграция отредактированного материала в организм для излечения от определенных болезней [Reardon, 2015]. Если говорить о США, то там также разрешено использование генов для улучшений клинических условий. Для этого необходимо подать заявку в Управление по контролю за качеством продуктов питания и лекарственных средств, которое начнет трехступенчатую проверку, включающую в себя испытания на добровольцах, сбор результатов и их анализ, а также диагностику восприятия препарата значительной группой испытуемых (от 300 до 3 тыс. человек). Только после завершения всех этапов новый препарат, воздействующий на геном, может быть введен в гражданский оборот [Пестрикова, 2021]. Таким образом, можно заключить, что мировое сообщество постепенно интегрирует механизм регулирования отношений, связанных с геномом, в правовое поле. В этой связи возникает вопрос: в каком направлении развивается в данном контексте Российская Федерация?

На данный момент в России не установлен правовой режим изменения генома человека. Более того, на основании п.4 ст.1349 ГК РФ [Гражданский кодекс РФ, 2024,], изменение генома человека считается способом модификации генетической целостности клеток зародышевой линии, и законодатель прямо запрещает патентование таких объектов. Практическое проявление данного императива можно видеть в решении СИПа от 15.06.2020 № СИП-960/2019 об отказе в признании недействительности решения РосПатента. В рамках данного дела было установлено, что ООО «Научно-производственная фирма ДНК-Технология» обратилось в Федеральную службу интеллектуальной собственности с заявкой на регистрацию способа редактирования генома эмбриона для выработки иммунитета к ВИЧ-инфекции, в чем ему было отказано. Посчитав свои права нарушенными лицо подало исковое заявление в суд, но и там потерпело неудачу, поскольку СИП пояснил, что нельзя редактировать любой элемент генома на любой стадии развития, тем более что редактирование зиготы эмбриона приведет к наследованию особенностей потомками [Решение СИП от 15.06.2020 № СИП-960/2019]. Другим примером неудачной попытки использования технологии изменения генома человека можно считать случай китайского исследователя Хэ Цзянькуя. Он успешно осуществил редактирование генома, в результате чего на свет появились близнецы, обладающие иммунитетом к ВИЧ-инфекции. Однако, несмотря на достигнутый результат, биофизик предварительно не получил необходимых юридических и клинических разрешений, вследствие чего был приговорен к тюремному заключению и штрафу. Помимо негативного отношения со стороны как отечественного, так и зарубежного правоприменителя, следует подчеркнуть, что специалисты в области медицины, биотехнологий и генной инженерии также не усматривают

особой целесообразности во внедрении механизмов редактирования генома в широкую практику. Их сдержанная позиция основывается на том, что в настоящее время существуют иные методы борьбы с заболеваниями на эмбриональной стадии, а именно: предимплантационное тестирование и предимплантационный генетический скрининг. Данные методы позволяют врачам осуществлять более тщательный отбор эмбрионов и сокращать финансовые затраты на экстракорпоральное оплодотворение [Пестрикова, 2022]. Таким образом, введение способа изменения генома эмбриона в число объектов интеллектуальной собственности в настоящее время невозможно, однако это не означает, что технология редактирования генома в отношении иных биологических объектов (не относящихся к человеку) не может быть запатентована.

Прежде чем анализировать возможность включения способа редактирования генома животных или растений в систему объектов интеллектуальных прав, следует обратиться к терминологическому аппарату, используемому в данной сфере в России. Как правило, нормативно-правовая база Российской Федерации достаточно четко определяет те или иные объекты исследований (лекарственное средство [Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах», 2016], биологический материал [Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств», 2010]), чего, к сожалению, пока нельзя утверждать относительно понятий из области генетики. Так, в различных федеральных законах используются неодинаковые обозначения принадлежности к генетико-научной сфере. С 2018 года, после оглашения Послания Президента РФ Федеральному собранию, все чаще применяется термин «геномные исследования», однако без раскрытия его содержания (без указания, что именно к таким исследованиям относится) [Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 2018]. Несмотря на подобную неопределенность, по нашему мнению, внесение генетической коррекции растений и животных в перечень объектов интеллектуального права и ее использование в этом качестве представляются возможными.

В настоящее время российскими правоведами высказывается несколько позиций относительно того, в качестве какого именно объекта следует обозначать геном и методы его преобразования. Существует мнение, согласно которому их необходимо отнести к особым объектам гражданских прав и закрепить в ст. 128 ГК РФ [Левушкин, 2019, с. 100-109]. Другая модель заключается в причислении генов к изобретениям и программам для ЭВМ [Мохов, 2017, с. 29-31]. Третья концепция содержит предложение создать отдельную главу в части четвертой ГК РФ, посвятив ее геному [Синельникова, 2016, с. 19-22].

Прежде чем изложить собственную позицию, представляется необходимым подвергнуть критическому анализу рассмотренные выше доктринальные подходы к определению правовой природы генома и методов его преобразования. Первый подход обосновывается его сторонниками путем указания на определенные свойства, присущие геному. Однако данные свойства имеют не юридическую, а биологическую природу. Использование естественнонаучных характеристик для конструирования гражданско-правового режима нарушает логику правового регулирования: из факта наличия у объекта определенных физических свойств автоматически не вытекает необходимость создания для него обособленного правового института. Кроме того, введение нового объекта в ст. 128 ГК РФ потребовало бы масштабной корректировки всей части 4 ГК РФ, что несоразмерно цели, достижимой с помощью уже существующих конструкций. Второй подход, предлагающий идентифицировать геном и его модификации с программами для электронно-вычислительных машин, вызывает возражения по содержательным основаниям. В соответствии со ст. 1261 ГК

РФ программа для ЭВМ представляет собой представленную в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования компьютеров и других вычислительных устройств с целью получения определенного результата, включая подготовку аудиовизуальных произведений. Геном же как природный объект не создается человеком для управления работой вычислительной техники, его редактирование представляет собой манипуляцию с биологическим материалом, а не создание алгоритма. Отождествление разнородных явлений (биологического и компьютерного) приводит к методологической ошибке и не может служить основой для правового регулирования. Третий подход (выделение генома и методов его редактирования в отдельную главу части 4 ГК РФ) представляется избыточным, хотя и не лишенным определенной логики. Основной аргумент против его реализации заключается в значительной трудоемкость и длительность законотворческого процесса. Разработка и принятие новой главы ГК РФ, как показывает законодательная практика, требует нескольких лет, включая многочисленные чтения, экспертизы и согласования. Такой временной лаг может не только затормозить развитие как научных исследований, так и коммерческого оборота в сфере генетических технологий, но и привести к тому, что к моменту вступления главы в силу ее положения устареют ввиду стремительного прогресса биотехнологий. Кроме того, в российской доктрине уже имеются правовые конструкции, пригодные для охвата геномных модификаций без создания отдельного раздела. В частности, ноу-хау (секрет производства), селекционное достижение и изобретение обладают достаточным нормативным потенциалом для регулирования соответствующих отношений [Белая, 2020]. Таким образом, ни один из трех рассмотренных подходов не может быть принят без существенных оговорок. Наиболее перспективным представляется использование комбинации уже существующих объектов интеллектуальных прав с учетом их адаптации к специфике геномных технологий.

Аргументы в пользу допустимости патентования метода редактирования генома животных и растений подтверждается, во-первых, зарубежным опытом, а именно успешными научными разработками Г. Бойера и С. Коэна, которые создали технологию рекомбинантной ДНК [Berg, Cholij, Ravenscroft, 2020, с. 13]. Во-вторых, указанное утверждение справедливо в силу особенностей российского интеллектуально-правового ландшафта: согласно положениям Гражданского кодекса изобретением, которому предоставляется охрана, считается любой продукт или способ использования, то есть используется широкий подход к патентованию, что обеспечивает возможность защиты технологий как по созданию, так и по работе с генетическим ресурсом. Кроме того, в пользу патентования животных и растений говорит все увеличивающееся под влиянием научно-технического прогресса смешение селекций и модификаций, в результате чего организмы с модифицированной генетикой формально становятся объектами патентного права [Коданева, 2022, с. 42-58]. Указанные три особенности в совокупности с отсутствием в России запрета на изменения генома селекционных достижений позволяют, на наш взгляд, сделать вывод о возможности патентования способов редактирования генов животных и растений.

Помимо вышеперечисленных аргументов в пользу патентования объектов, связанных с геномом, необходимо отметить, что законодатель также предпринимает шаги, направленные на усиление правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности в генетической сфере. Так, 04.09.2025 Правительством РФ было принято Постановление № 1369, которым утверждены правила передачи генетического материала в биоресурсные центры. Данный нормативный акт, наряду с иными целями, ориентирован на упрощение процедуры депонирования генетического материала применительно к патентным процедурам [Постановление Правительства РФ № 1369,

2025]. Другим значимым событием стало проведение заседания рабочей группы при президиуме Совета по реализации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2030 годах. В ходе данного заседания обсуждался текст законопроекта «О генетических технологиях в Российской Федерации». По мнению министра науки и высшего образования, принятие этого закона позволит укрепить нормативно-правовое регулирование в области генетических технологий и обеспечить опережающее развитие отечественной системы правовых актов по сравнению с зарубежными аналогами [Министерство науки и высшего образования РФ, 2025]. Хотя текст документа на настоящий момент не опубликован в открытом доступе, предполагается, что закон будет носить рамочный характер и учитывать отраслевую специфику использования генетических технологий в сельском хозяйстве, в том числе применительно к редактированию генома растений и животных.

В то же время необходимо учитывать, что генные модификации обладают и негативными свойствами. Например, модифицированным организмам требуется большее количество питательных веществ, что может привести не только к их быстрому вымиранию в естественных условиях, но и к негативным последствиям для биосферы в целом. Кроме того, организация патентной защиты ухудшает положение остальных участников рынка, вынуждая их переходить к селекции других семейств растений и животных, а также увеличивает количество судебных споров с лицами, подозреваемыми патентообладателем в нарушении его прав. К тому же, наличие патента порождает монопольное положение правообладателя в конкретной узкой коммерческой сфере, что отражается и на потребительском сегменте.

Прежде чем сформулировать итоговый вывод по результатам проведенного исследования, необходимо рассмотреть вопрос о процедурных аспектах патентования объектов, связанных с геномом. В силу структурных особенностей генома, а также его потенциального влияния на последующие поколения модифицированных организмов, порядок патентования таких объектов не может быть полностью идентичен процедуре, установленной для иных результатов интеллектуальной деятельности. С учетом изложенного представляется возможным выделить несколько стратегических альтернатив.

Первая стратегия заключается в регистрации CRISPR-методов (технологии для редактирования генома, позволяющей осуществлять модификации от замены азотистых оснований до перестройки хромосом) в Роспатенте, как отдельную категорию изобретений;

Вторая стратегия предполагает оставить процедуру патентования без изменений, но дополнительно обязать будущего обладателя патента предоставлять результаты оценки рисков для экосистемы, учитывая фактор опасности для биологического фона модифицированной особи, о чем ранее уже говорилось;

Третья стратегия направлена на повышение уровня охраны интеллектуальных прав и допускает возможность патентования одновременно способа изменения генома и конкретной комбинации генетических клеток, ответственной за определенное свойство организма. Так, например можно обеспечивать патентную защиту и механизму изменения структуры ДНК растения, и новому генномодифицированному виду культуры, не применяя к ней стабильность признаков, как критерий охраноспособности селекционного достижения, поскольку генная модификация может вызывать неярко выраженную мутацию, которая не будет фактически значима для вида, но будет важна формально для Федеральной службы по интеллектуальной собственности, что затруднит получение патента и приведет к повышению нагрузки на судебную систему.

Каждая из перечисленных стратегий, независимо от выбора, предоставляет патентообладателю гарантию защиты его права от посягательств.

Заключение

В заключении необходимо подчеркнуть, что проблема патентования способов редактирования генома характеризуется дихотомическим характером в правовой сфере. С одной стороны, она открывает перед субъектами права широкий спектр новых возможностей и обогащает общество ранее неизвестными представителями флоры и фауны, а с другой – требует от законодателя детальной регламентации ввиду исключительного характера патента и потенциально неограниченного круга лиц, способных нарушить права патентообладателя.

Библиография

1. Белая О.В. Результаты геномных исследований как объекты гражданского права // Юридические исследования. 2020. № 7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33796.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, 2024. 736 с.
3. Коданева С.И. Генетически модифицированные организмы как объект интеллектуальной собственности // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2022. № 4. С. 42-58.
4. Левушкин А.Н. Гражданско-правовой режим генов как объекта гражданских прав // Lex russica. 2019. № 6. С. 100-109.
5. Министерство науки и высшего образования РФ. Текст законопроекта «О генетических технологиях в Российской Федерации» обсудили на заседании рабочей группы по нормативному правовому регулированию в сфере генетических технологий. 2025. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/100340/.
6. Мохов А.А. Правовой режим биомедицинских клеточных продуктов как объектов гражданских прав // Гражданское право. 2017. № 3. С. 29-31.
7. Пестрикова А.А. Правовые и этические нормы редактирования генома человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-eticheskie-normy-redaktirovaniya-genoma-cheloveka.
8. Пестрикова А.А. Преимущества и риски редактирования генома человека — правовой аспект // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 4. С. 65-75. URL: https://sns-journal.ru/ru/archive/.
9. Пономарева Д.В. К вопросу о возможности патентования человеческих генов: опыт правового регулирования России и Франции // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/1015971925/.
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Парламентская газета. 2018. № 8.
11. Постановление Правительства РФ от 04.09.2025 № 1369 «О предоставлении генетического материала объектов интеллектуальных прав в биоресурсный центр». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412538819/.
12. Решение Суда по интеллектуальным правам от 15.06.2020 № СИП-960/2019. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74166154/.
13. Синельникова В.Н. Генно-модификационные организмы и биомедицинские клеточные продукты как объекты интеллектуальной собственности // Судья. 2016. № 2. С. 19-22.
14. Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» от 23.06.2016 № 180-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/71427992/.
15. Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 № 61-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/.
16. Berg T.C., Cholij R., Ravenscroft S. (eds.) Patents on Life: Religious, Moral, and Social Justice Aspects of Biotechnology and Intellectual Property. Cambridge, 2020. P. 13.
17. Reardon S. Leukaemia success herald wave of gene-editing therapies // Nature. 2015. Vol. 527. P. 146-147. URL: https://www.nature.com/news/leukaemia-success-heralds-wave-of-gene-editing-therapies-1.18737.

Genome Editing Method as an Object of Patent Law

Pavel D. Stanislavov

Lawyer's Assistant,
Branch "Zashchitnik",
Rostov Regional Bar Association named after D.P. Baranov,
344000, 15, Suvorov St., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: pashastanislavov@yandex.ru

Abstract

The purpose of the article was to determine the legal possibilities of patenting methods for editing the genome of animals and plants in the Russian Federation, taking into account foreign experience and existing limitations. In writing the work, the author used such methods as analytics (studying the historical path of genome research development and analyzing problems associated with its patenting), deduction (in writing the work, a transition occurs from the general issue of patenting the genome of plants and animals to particular problems), abstraction (highlighting the main idea confirming the need for genome patenting), which logically culminated in the following results: the legal regimes of the genome in leading countries are analyzed; gaps in domestic legislation are identified; the applicability of existing intellectual property objects (invention, breeding achievement, know-how) to genome editing methods is assessed. Concluding the work, the author arrives at the conclusions that patenting methods of genome modification is highly ambiguous (Russia's intellectual property system favors the introduction of such a mechanism, but an increase in the number of genetically modified animals may lead to a deterioration of the biosphere), and the models for granting patents on it are diverse, ranging from the method itself to individual cell combinations.

For citation

Stanislavov P.D. (2026) Sposob redaktirovaniya genoma kak ob"yekt patentnogo prava [Genome Editing Method as an Object of Patent Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 299-307. DOI: 10.34670/AR.2026.10.72.026

Keywords

Genome, gene editing, intellectual property law, patent, patenting models, CRISPR, genetic engineering, biotechnology.

References

1. Belaya O.V. (2020). Rezul'taty genomnykh issledovaniy kak ob"yekty grazhdanskogo prava [Results of genomic research as objects of civil law]. *Yuridicheskiye issledovaniya*, 7. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33796
2. Berg T.C., Cholij R., Ravenscroft S. (Eds.). (2020). *Patents on Life: Religious, Moral, and Social Justice Aspects of Biotechnology and Intellectual Property*. Cambridge.
3. Civil Code of the Russian Federation. Parts One, Two, Three and Four. (2024). Prospekt.
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1369 of September 4, 2025 "On the provision of genetic material of intellectual property objects to the bioresource center". https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412538819/

5. Federal Law "On Biomedical Cell Products" No. 180-FZ of June 23, 2016. https://base.garant.ru/71427992/
6. Federal Law "On Circulation of Medicines" No. 61-FZ of April 12, 2010. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/
7. Kodaneva S.I. (2022). Geneticheski modifitsirovannyye organizmy kak ob"yekt intellektual'noy sobstvennosti [Genetically modified organisms as an object of intellectual property]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki: Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo*, 4, 42-58.
8. Levushkin A.N. (2019). Grazhdansko-pravovoy rezhim genov kak ob"yekta grazhdanskikh prav [Civil legal regime of genes as an object of civil rights]. *Lex russica*, 6, 100-109.
9. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2025). Tekst zakonoproyekta "O geneticheskikh tekhnologiyakh v Rossiyskoy Federatsii" obsudili na zasedanii rabochey gruppy po normativnomu pravovomu regulirovaniyu v sfere geneticheskikh tekhnologiy [The text of the draft law "On Genetic Technologies in the Russian Federation" was discussed at a meeting of the working group on legal regulation in the field of genetic technologies]. https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/100340/
10. Mokhov A.A. (2017). Pravovoy rezhim biomeditsinskikh kletochnykh produktov kak ob"yektov grazhdanskikh prav [Legal regime of biomedical cell products as objects of civil rights]. *Grazhdanskoye pravo*, 3, 29-31.
11. Pestrikova A.A. (2021). Pravovyye i eticheskiye normy redaktirovaniya genoma cheloveka [Legal and ethical norms of human genome editing]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 5. https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-eticheskie-normy-redaktirovaniya-genoma-cheloveka
12. Pestrikova A.A. (2022). Preimushchestva i riski redaktirovaniya genoma cheloveka — pravovoy aspekt [Advantages and risks of human genome editing — legal aspect]. *Sotsial'nyye novatsii i sotsial'nyye nauki*, 4, 65-75. https://sns-journal.ru/ru/archive/
13. Ponomareva D.V. (2021). K voprosu o vozmozhnosti patentovaniya chelovecheskikh genov: opyt pravovogo regulirovaniya Rossii i Frantsii [On the issue of the possibility of patenting human genes: experience of legal regulation in Russia and France]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)*. https://docviewer.yandex.ru/view/1015971925/
14. Presidential Address to the Federal Assembly of March 1, 2018 "Presidential Address to the Federal Assembly". (2018). *Parlamentskaya gazeta*, 8.
15. Reardon S. (2015). Leukaemia success herald wave of gene-editing therapies. *Nature*, 527, 146-147. https://www.nature.com/news/leukaemia-success-heralds-wave-of-gene-editing-therapies-1.18737
16. Ruling of the Intellectual Property Court No. SIP-960/2019 of June 15, 2020. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74166154/
17. Sinelnikova V.N. (2016). Genno-modifikatsionnyye organizmy i biomeditsinskiye kletochnyye produkty kak ob"yekty intellektual'noy sobstvennosti [Genetically modified organisms and biomedical cell products as objects of intellectual property]. *Sud'ya*, 2, 19-22.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.40.88.060**

Арбитрабельность споров в Китае: правовое регулирование и практические аспекты

Цю Сичэн

Аспирант,
кафедра международного частного права,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: xichengqiu@yandex.ru

Аннотация

В данной статье анализируется правовое регулирование арбитрабельности споров в Китае в свете изменений, внесенных арбитражной реформой 2025 года. Рассматриваются общие подходы, закрепленные в новой редакции Закона об арбитраже Китайской Народной Республики, а также специальные правила, касающиеся отдельных категорий споров, включая антимонопольные споры, потребительские споры, споры, связанные с операциями с ценными бумагами, споры о качестве продукции и споры об авторском праве. Автор выявляет тенденции к расширению арбитрабельности в китайском законодательстве при сохранении четких публично-правовых ограничений. Особое внимание уделяется позиции Верховного народного суда Китая в отношении неарбитрабельности гражданских антимонопольных споров. Анализ показывает, что Китай последовательно движется к либерализации доступа к арбитражу, сохраняя баланс между автономией сторон и государственной политикой.

Для цитирования в научных исследованиях

Цю Сичэн. Арбитрабельность споров в Китае: правовое регулирование и практические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 308-315. DOI: 10.34670/AR.2026.40.88.060

Ключевые слова

Международный коммерческий арбитраж, арбитрабельность, Закон КНР об арбитраже 2025 года, гражданско-правовые споры, публичный порядок.

Введение

Арбитрабельность спора представляет собой фундаментальную категорию национального законодательства о международном коммерческом арбитраже, определяющую пределы допустимого вмешательства государства в автономию воли сторон. От того, насколько широко или узко законодатель определяет круг споров, которые могут быть переданы на рассмотрение арбитража, напрямую зависит привлекательность юрисдикции для участников международного коммерческого оборота. В условиях глобальной конкуренции арбитражных центров вопрос о надлежащих границах арбитрабельности приобретает не только доктринальное, но и ярко выраженное практическое значение.

Настоящая статья посвящена анализу правового регулирования арбитрабельности споров в Китае с учетом изменений, внесенных реформой 2025 года. В работе рассматриваются как общие подходы, закрепленные в новом Законе об арбитраже, так и специальные правила в отношении отдельных категорий споров, включая монопольные, потребительские, ценные бумаги, а также споры, возникающие из договоров качества продукции и авторских прав.

Основная часть

Арбитрабельность спора, также известная как предмет арбитража, означает, какие споры могут быть разрешены посредством арбитража, а какие не могут быть переданы на арбитражное рассмотрение, в том числе международный коммерческий арбитраж.

Арбитрабельность является основой правовой системы МКА страны. Она связана со степенью инклюзивности и благоприятности правовой системы определенной страны к арбитражу, степенью, в которой законодательство страны позволяет сторонам передавать споры на рассмотрение арбитражного трибунала на основании их автономию воли, и степенью, в которой оно сохраняет за судами право рассматривать связанные с этим вопросы, основываясь на таких основаниях, как публичный порядок.Термин «арбитрабельность» впервые бы введен в российскую науку С.Н. Лебедевым в его работе «Международый коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон» в 1988 году в отношении французской судебной практики. [Лебедев, 1988]

Арбитрабельность делится на субъективную и объективную. Субъективная арбитрабельность (subjective arbitrability) – юридическое дозволение указанным в законе лицам передавать споры с их участием для разрешения в арбитраж, заключая для этого арбитражное соглашение. Так, государство и местное правительство не имеет возможности участвовать в третейском разбирательстве. Объективная арбитрабельность (Objective arbitrability) – это допустимость передачи спора на рассмотрение арбитража, основанная на характере спорного правоотношения.

Суть арбитрабельности заключается в ограничении, налагаемом государством на автономию воли сторон на основе таких соображений, как публичный порядок. Стороны заключают арбитражное соглашение в соответствии с кругом споров, подлежащих арбитражному разбирательству, как это предусмотрено национальным законодательством. Арбитражные соглашения, выходящие за рамки законодательно определенного круга споров, являются недействительными.

В случаях, когда в деле присутствуют иностранные элементы, применимое право должно быть определено до проведения правового анализа. Вопрос о том, законодательство какой страны должно применяться к арбитрабельности спора, остается спорным, и рассматриваются варианты, включающие законодательство места арбитража, законодательство, применимое к арбитражному соглашению, или их комбинацию.

Арбитрабельность спора обычно обсуждается в два этапа: до начала арбитражного разбирательства и после вынесения арбитражного решения. После вынесения решения на практике практически не возникает споров о том, законодательство какой страны следует применять для отмены или отказа в признании и исполнении решения. Согласно пункту 1(e) ст. V и пункту 2(b) статье V Нью-Йоркской конвенции 1958 года, отмена арбитражного решения основывается на законодательстве страны, где оно было вынесено (т. е., места арбитража), в то время как признание и исполнение арбитражного решения должны определяться на основе законодательства места исполнения. [Нью-Йоркская конвенция, 1958]

Вопрос о том, какое право должно применяться для определения арбитрабельности спора до вынесения арбитражного решения, обычно рассматривается как право места арбитража. Сингапурские суды уже рассматривали этот вопрос ранее, что стало первым подобным случаем в странах Содружества. Апелляционный суд Сингапура постановил, что следует учитывать как применимое право арбитражного соглашения, так и право места проведения арбитража.

После уточнения применимого права вопроса арбитрабельности спора необходимо изучить законодательство об арбитрабельности в различных странах. Нормы, регулирующие арбитьрабельность споров, устанавливаются внутренним законодательством каждой страны и региона, относясь к категории внутреннего права и различаясь от страны к стране.

До арбитражного реформы 2025 года в Китае арбитрабельность споров определялась статьями 2 и 3 Закона КНР об арбитраже (в ред. 2017г.) [Закон КНР об арбитраже, 2017], которые затрагивали как положительные, так и отрицательные аспекты. Статья 2 определяла объем споров, подлежащих арбитражному разбирательству, а статья 3 — объем споров, не подлежащих арбитражному разбирательству. После реформы эти две статьи были объединены в статью 3 нового Закона КНР об арбитраже. [Закон КНР об арбитраже, 2025]

Статья 3 Закона КНР об арбитраже (в ред. 2025г.) гласит: «Договорные споры и другие споры, касающиеся имущественных прав и интересов, между физическими лицами, юридическими лицами и другими неинкорпорированными организациями равного статуса могут быть переданы на арбитражное рассмотрение. Следующие споры не могут быть переданы на арбитражное рассмотрение: 1. Споры, касающиеся брака, усыновления, опеки и попечительство, содержания и наследования; 2. Административные споры, которые должны рассматриваться административными органами в соответствии с законом». Следует отметить, что согласно статье 3, подлежащими арбитражному рассмотрению спорами определяются «договорные споры» и «другие споры, касающиеся имущественных прав и интересов». Хотя термины «договорные споры» и «споры, касающиеся имущественных прав и интересов» кажутся простыми и понятными, их применение сопряжено со значительными проблемами, поскольку эти понятия не имеют единого судебного толкования, и их понимание различается у каждого.

Можно отмечить, что в Китае арбитрабельные споры в основном касаются договорных споров, но также включают в себя некоторые внедоговорные экономические споры. Споры, связанные с неравным статусами между сторонами или права и обязанности которых четко определены отдельными законами, не могут быть разрешены посредством арбитража на основе

принципа автономии воли сторон. Такие споры должны рассматриваться в рамках судебных или административных процедур; в противном случае авторитет национального права будет подорван.

Кроме того, статья 78 нового Закона КНР об арбитраже (статья 65 в предыдущей редакции) предусматривает, что внешнеэкономические и торговые споры, транспортные и морские споры, а также другие внешнеэкономические споры могут быть переданы на арбитражное рассмотрение. Между тем, статья 93 (ранее статья 77) уточняет, что арбитраж трудовых споров, споров по вопросам аренды и управления сельскими землями, а также арбитраж в спорте регулируются положениями «Закона КНР о медиации и арбитраже в трудовых спорах», «Закона КНР о медиации и арбитраже в вопросах аренды и управления сельскими землями», «Закона КНР о спорте» и других соответствующих законов и находятся в юрисдикции специализированных арбитражных учреждений, таких как арбитражные комиссии по трудовым спорам [Закон КНР об арбитраже, 2025]. Следовательно, вышеупомянутые арбитражные разбирательства не подпадают под сферу коммерческого арбитража.

В Китае также действуют соответствующие правила, касающиеся арбитрабельности различных споров. В Китае гражданские споры, касающиеся монополий, не подлежат арбитражному разбирательству.

24 июня 2024 года Верховный народный суд Китая издал «Разъяснение Верховного народного суда по ряду вопросов, касающихся применения права при рассмотрении гражданских споров о монополии». Статья 3 разъяснения гласит: «Если одна сторона подает в народный суд гражданский иск против монополии, а другая сторона утверждает, что народный суд не должен принимать дело к рассмотрению на том основании, что между двумя сторонами существуют договорные отношения и арбитражное соглашение, народный суд не должен его удовлетворить» [Разъяснение Верховного народного суда, 2024]. Впервые разъяснение суда уточняет, что гражданские споры о монополии не подлежат арбитражному разбирательству.

Основные доводы Верховного народного суда КНР в пользу того, что гражданские споры, связанные с монополией, не подлежат арбитражному разбирательству, включают: договор, подписанный сторонами, является лишь средством или инструментом для одной из сторон, позволяющим ей осуществлять монополистическое поведение; монополистические аспекты договора являются источником нарушения и первопричиной причиненного вреда. Стороны не могут исключить юрисдикцию Народного суда, ссылаясь на наличие арбитражного соглашения.

Согласно статье 39, пункту 4 Закона КНР о защите прав потребителей, при возникновении между потребителем и предпринимателем спора, касающегося прав потребителя, и обе стороны достигают арбитражного соглашения, они могут передать спор в арбитражное учреждение для разрешения [Закон КНР о защите прав потребителей]. Это подтверждает возможность арбитражного разбирательства споров о правах потребителей в Китае.

Еще в Китае судебные решения по вопросу арбитрабельности споров, связанных с ценными бумагами, отражают динамичные изменения в китайской судебной практике последних лет. 17 марта 2004 года Управление по законодательным вопросам Государственного совета и Комиссия по регулированию ценных бумаг Китая совместно издали «Уведомление о проведении справедливого и законного арбитражного разбирательства по спорам, связанным с ценными бумагами и фьючерсами» [Уведомление о проведении справедливого и законного арбитражного разбирательства, 2004]. В этом уведомлении прямо указано, что споры между участниками рынка ценных бумаг и фьючерсов, особенно те, которые касаются операций с ценными бумагами и фьючерсами, должны рассматриваться как гражданские или коммерческие

споры между равноправными гражданскими субъектами и разрешаться через арбитражные учреждения.

В июле 2021 года Генеральная канцелярия ЦК КПК и Генеральная канцелярия Государственного совета издали «Постановления о строгом пресечении нарушений законодательства о ценных бумагах в соответствии с законом», в которых требовалось проведение «пилотной программы по созданию арбитражный системы в сфере ценных бумаг» [Постановления о строгом пресечении нарушений законодательства о ценных бумагах, 2021]. В октябре 2021 года Комиссия по регулированию ценных бумаг Китая и Министерство юстиции издали «Постановления о проведении пилотных программ по арбитражу в сфере ценных бумаг и фьючерсов в соответствии с законом», поддерживая и продвигая пилотные программы в Пекине, Шанхае и Шэньчжэне, где ведется деятельность в сфере ценных бумаг и фьючерсов [Постановления о проведении пилотных программ по арбитражу в сфере ценных бумаг и фьючерсов, 2021]. В рамках этих программ создались арбитражные суды (центры) по ценным бумагам и фьючерсам в составе законодательно созданных арбитражных комиссий, применяющие специализированные арбитражные правила для рассмотрения споров, связанных с операциями с ценными бумагами и фьючерсами, возникающих на китайском рынке капитала.

Кроме того, китайское законодательство прямо предусматривает, что споры о качестве продукции и споры об авторских правах подлежат арбитражному разбирательству. Статья 47 Закона КНР о качестве продукции, вступившего в силу 1 сентября 2000 года, предусматривает, что при возникновении гражданских споров, связанных с качеством продукции, стороны могут разрешить их путем переговоров или медиации [Закон КНР о качестве продукции, 2000]. Если стороны не желают разрешать спор путем переговоров или медиации, или если переговоры или медиация не приносят результата, они могут обратиться в арбитражный суд в соответствии со своим соглашением; если стороны не достигли арбитражного соглашения или арбитражное соглашение недействительно, они могут напрямую подать иск в народный суд.

Статья 60 Закона КНР «об авторском праве предусматривает», что споры об авторском праве могут быть урегулированы путем медиации или переданы в арбитражный орган в соответствии с письменным арбитражным соглашением, достигнутым сторонами, или арбитражной оговоркой в договоре об авторском праве [Закон КНР об авторском праве].

Заключение

Китайское законодательство об арбитрабельности споров претерпело в результате реформы 2025 года значительную систематизацию. Закрепленный в новой редакции Закона об арбитраже подход, объединяющий позитивное и негативное определение круга арбитрабельных споров, создает сбалансированную правовую основу, учитывающую как интересы сторон, так и публично-правовые ограничения.

Особенностью китайской модели является ее последовательное расширение: наряду с традиционно арбитрабельными договорными и имущественными спорами законодательство и судебная практика признают допустимость арбитражного разбирательства по спорам о защите прав потребителей, спорам, связанным с операциями с ценными бумагами, а также по спорам о качестве продукции и авторским спорам. При этом сохраняются четкие ограничения, включая неарбитрабельность гражданских споров о монополии, что обосновано необходимостью защиты конкурентной среды.

Библиография

1. Балкаров А. Б. Арбитрабельность споров третейским судам в российской и зарубежной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 12-15.
2. Дэн Цзыцинь. Арбитрабельность антимонопольных споров: конкретизация критериев оценки и механизм реализации // Jinling Law Review. 2024. № 00. С. 252-276.
3. Е Шаньшань. Вызовы арбитрабельности, обусловленные экономическими санкциями, и пути их преодоления // Journal of Shanghai University of International Business and Economics. 2025. Т. 32. № 1. С. 80-94.
4. Еремин В. В. Подходы к определению арбитрабельности: соотношение арбитрабельности, подведомственности и компетенции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 95-107.
5. Закон КНР о качестве продукции : Федеральный закон от 01.09.2000.
6. Закон КНР об авторском праве.
7. Закон КНР о защите прав потребителей.
8. Закон КНР об арбитраже : Федеральный закон от 2017 г.
9. Закон КНР об арбитраже : Федеральный закон от 2025 г.
10. Лай Гуаньнэн. Практическое исследование арбитрабельности дел о гражданско-правовой компенсации по ценным бумагам // Investor. 2025. № 3. С. 109-121.
11. Лебедев С. Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон. М. : ТПП СССР, 1988. С. 61.
12. Ли Шаньшань. Расширение сферы арбитрабельности в международном коммерческом арбитраже и стратегический выбор Китая // Journal of Yunnan Minzu University (Philosophy and Social Sciences Edition). 2023. Т. 40. № 4. С. 152-160.
13. Ли Янь, Ли Синьлянь. Анализ арбитрабельности корпоративных споров с точки зрения правовой среды ведения бизнеса // Juridical Review. 2025. Т. 43. № 6. С. 131-144.
14. Нью-Йоркская конвенция 1958 года. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958).
15. Постановления о проведении пилотных программ по арбитражу в сфере ценных бумаг и фьючерсов в соответствии с законом : Федеральный закон от 2021 г.
16. Постановления о строгом пресечении нарушений законодательства о ценных бумагах в соответствии с законом : Федеральный закон от 2021 г.
17. Разъяснение Верховного народного суда по ряду вопросов, касающихся применения права при рассмотрении гражданских споров о монополии : Федеральный закон от 24.06.2024.
18. Скворцов О. Ю., Савранский М. Ю., Севастьянов Г. В. Международный коммерческий арбитраж : учебник. М. : Статут, 2018. С. 240.
19. Уведомление о проведении справедливого и законного арбитражного разбирательства по спорам, связанным с ценными бумагами и фьючерсами : Федеральный закон от 17.03.2004.
20. Цзян Лили. Ключевые дискуссионные вопросы пересмотра Закона об арбитраже и их теоретические истоки // China Law Review. 2024. № 3. С. 165-185.
21. Чэнь Цзыму. Арбитрабельность споров о действительности патентов: к вопросу о внесении изменений в соответствующие положения Закона об арбитраже // Journal of Entrepreneurship in Science and Technology. 2023. Т. 36. № 12. С. 127-130.

Arbitrability of Disputes in China: Legal Regulation and Practical Aspects

Qiu Xicheng

Postgraduate Student,
Department of Private International Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: xichengqiu@yandex.ru

Abstract

This article analyzes the legal regulation of arbitrability of disputes in China in light of the changes introduced by the arbitration reform of 2025. The general approaches enshrined in the new version of the Arbitration Law of the People's Republic of China are examined, as well as special rules relating to specific categories of disputes, including antitrust disputes, consumer disputes, disputes related to securities transactions, product quality disputes, and copyright disputes. The author identifies trends towards the expansion of arbitrability in Chinese legislation while maintaining clear public law restrictions. Particular attention is paid to the position of the Supreme People's Court of China regarding the non-arbitrability of civil antitrust disputes. The analysis shows that China is consistently moving towards liberalizing access to arbitration, maintaining a balance between party autonomy and state policy.

For citation

Qiu Xicheng (2026) Arbitrabel'nost' sporov v Kitaye: pravovoye regulirovaniye i prakticheskiye aspekty [Arbitrability of Disputes in China: Legal Regulation and Practical Aspects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 308-315. DOI: 10.34670/AR.2026.40.88.060

Keywords

International commercial arbitration, arbitrability, PRC Arbitration Law 2025, civil disputes, public policy.

References

1. Balkarov, A. B. (2010). Arbitrability of Disputes before Arbitration Courts in Russian and Foreign Practice. *Arbitration and Civil Procedure*, (3), 12-15.
2. Chen, Z. (2023). Arbitrability of Patent Validity Disputes: On the Amendment of Relevant Provisions of the Arbitration Law. *Journal of Entrepreneurship in Science and Technology*, 36(12), 127-130.
3. Deng, Z. (2024). Arbitrability of Antitrust Disputes: Specification of Evaluation Criteria and Implementation Mechanism. *Jinling Law Review*, (00), 252-276.
4. Eremin, V. V. (2019). Approaches to Determining Arbitrability: Correlation between Arbitrability, Jurisdiction and Competence. *Current Issues of Russian Law*, (8), 95-107.
5. Jiang, L. (2024). Key Controversial Issues in the Revision of the Arbitration Law and Their Theoretical Origins. *China Law Review*, (3), 165-185.
6. Lai, G. (2025). Practical Study on Arbitrability of Securities Civil Compensation Cases. *Investor*, (3), 109-121.
7. Lebedev, S. N. (1988). *Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh: kompetentsiya arbitrov i soglasheniye storon* [International Commercial Arbitration: Competence of Arbitrators and Agreement of the Parties]. Moscow: USSR Chamber of Commerce and Industry.
8. Li, S. (2023). Expansion of Arbitrability in International Commercial Arbitration and China's Strategic Choice. *Journal of Yunnan Minzu University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 40(4), 152-160.
9. Li, Y., & Li, X. (2025). Analysis of Arbitrability of Corporate Disputes from the Perspective of the Rule of Law in Business Environment. *Juridical Review*, 43(6), 131-144.
10. New York Convention. (1958). *Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards*.
11. Notice on Conducting Fair and Lawful Arbitration of Disputes Related to Securities and Futures. (2004).
12. Provisions on Strictly Cracking Down on Violations of Securities Legislation in Accordance with the Law. (2021).
13. Provisions on Conducting Pilot Programs on Arbitration in the Field of Securities and Futures in Accordance with the Law. (2021).
14. Qiu, X. (2025). Arbitrability of Disputes in China: Legal Regulation and Practical Aspects.
15. Skvortsov, O. Yu., Savransky, M. Yu., & Sevastyanov, G. V. (2018). *Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh* [International Commercial Arbitration]. Moscow: Statut.
16. The Arbitration Law of the People's Republic of China (2017).
17. The Arbitration Law of the People's Republic of China (2025).

18. The Copyright Law of the People's Republic of China.
19. The Law of the People's Republic of China on the Protection of Consumer Rights and Interests.
20. The Law of the People's Republic of China on Product Quality. (2000).
21. The Supreme People's Court's Interpretation on Several Issues Concerning the Application of Law in the Trial of Civil Monopoly Disputes. (2024).
22. Ye, S. (2025). Challenges to Arbitrability Caused by Economic Sanctions and Responses Thereto. *Journal of Shanghai University of International Business and Economics*, 32(1), 80-94.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.63 **DOI: 10.34670/AR.2026.60.58.050**

Актуальные проблемы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в санкционной России: новые вызовы в практике разрешения международных коммерческих споров

Булгакова Оксана Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп.,17;
e-mail: o.bulgakova@mmu.ru

Карташов Иван Вячеславович

Студент,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 17;
e-mail: williebgx@gmail.com

Ковригина Елена Борисовна

Студент,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп.,17;
e-mail: elenakovrigina361@gmail.com

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ правовых рисков, создаваемых санкционными ограничениями и фрагментацией международного правового ландшафта, для российских контрагентов через призму практики разрешения международных коммерческих споров. Авторами рассматриваются актуальные проблемы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в период геополитической эскалации и напряжённости на основе анализа релевантной судебной и арбитражной практики. Выявляются системные проблемы, препятствующие реализации прав российских контрагентов в процессе разрешения международных коммерческих споров. По итогам анализа делается вывод о необходимости системной адаптации действующих процессуальных механизмов, а также выработки альтернативных моделей с учётом сохранения принципа правовой определённости и взаимности в целях развития международного сотрудничества и преодоления возникающих коллизий.

Для цитирования в научных исследованиях

Булгакова О.А., Карташов И.В., Ковригина Е.Б. Актуальные проблемы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений в санкционной России: новые вызовы в практике разрешения международных коммерческих споров // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 316-325. DOI: 10.34670/AR.2026.60.58.050

Ключевые слова

Международное частное право, санкции, разрешение международных коммерческих споров, международный коммерческий арбитраж, признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений, судебная практика.

Введение

Сложившаяся геополитическая напряженность, характеризующаяся беспрецедентном санкционным давлением в отношении России, оказывает влияние на необходимость пересмотра ряда международных обязательств и, как следствие, порождает новые вызовы в практике разрешения международных коммерческих споров, обусловленные потребностью защиты интересов российских контрагентов в условиях дестабилизации основополагающего принципа автономии воли сторон, закреплённого в статье 1210 Гражданского Кодекса Российской Федерации.

Всё это порождает определённые закономерно развивающиеся процессы и новые правовые механизмы, направленные на защиту интересов российских компаний и бизнеса за рубежом: от досудебного урегулирования и претензионной работы до стратегии выбора между международным арбитражем и государственными судами, оптимизации судебных издержек и проблематики признания и исполнения за рубежом.

Основная часть

Актуальные вызовы, с которыми сталкиваются российские компании в новых экономических реалиях это работа с новыми контрагентами (в первую очередь в Азии), использование альтернативных валют и цифровых активов в расчётах, изменение логистических и договорных моделей, а также адаптация арбитражной практики к условиям санкций.

Порождаемое глобализацией развитие и усложнение процессов международного торгового оборота не было бы жизнеспособно без формирования процессуального института, коим было суждено стать международному коммерческому арбитражу, прошедшему, вместе с глобализацией, своё уникальное развитие и эволюцию, выразившуюся в формировании краеугольного и фундаментального принципа – независимости и деполитизированности в вопросах разрешения международных коммерческих споров. Своё закрепление упомянутый принцип нашёл в Нью-Йоркской Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года [Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, 1958], благодаря которой был создан унифицированный правовой режим, обеспечивающий предсказуемость и стабильность международного коммерческого оборота и инвестиций.

Современное международное частное право, традиционно основанное на упомянутом процессе глобализации мирохозяйственных правопорядков, в санкционной России становится реально действующим механизмом правого регулирования как ответная реакция на санкционную политику ряда недружественных государств.

Современная логика частно-правового регулирования оказывается в конфликте с императивными нормами публичного права, соображениями национальной безопасности и внешней политики, что порождает коллизии в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, касающихся вводимых ограничений в отношении активов российского бизнеса со стороны недружественных юрисдикций.

В данных обстоятельствах ключевым инструментом преодоления сложившихся коллизий и одновременно ответным механизмом взаимодействия становится правовой институт оговорки о публичном порядке (статья 1193 Гражданского кодекса РФ), позволяющий суду не применять иностранное право, выбранное сторонами. В связи с чем, специалисты наблюдают тенденцию к увеличению числа дел, рассматриваемых в национальных судах, а не в международных арбитражах, особенно в спорах с участием государств или государственных компаний [Обзор влияния иностранных санкций и контрсанкций РФ на разрешение споров в арбитражных судах, 2023].

В связи с эскалацией санкционного давления, включающего в себя, в том числе, политику дискриминации Российской Федерации и её граждан и организаций, выражающуюся в принятии ограничительных мер, препятствующих справедливому и беспристрастному судебному разбирательству, а также равному доступу к правосудию как таковому, невозможно не отметить кратно возросшее количество дел, при разрешении которых российскими арбитрами применяются основания статьи 248.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее АПК РФ), устанавливающей исключительную компетенцию международных коммерческих арбитражей, расположенных на территории Российской Федерации, по делам в которых фигурируют субъекты, обременённые иностранной санкционной политикой.

В уже ставшем историческим деле АО «Уралтрансмаш» против Общества «РТС ПЕСА Быгдощ» (Польша) в порядке второй кассационной жалобы Верховный Суд РФ [Определение Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955] отметил, что несмотря на невозможность применения положений части 1 статьи 248.1 АПК РФ в силу наличия между сторонами арбитражного соглашения всё равно допускается применение положений части 4 той же статьи и это не требует от изъявившей в одностороннем порядке свою волю на проведение разбирательства в арбитражном суде, расположенном на территории Российской Федерации, доказывать существование ограничения непосредственно к правосудию или для исполнению арбитражной оговорки принятыми иностранным публично-правовым образованием мерами: достаточным является сам факт применения к одной из сторон, участвующих в разбирательстве, любых ограничительных мер со стороны такого образования.

К аналогичному выводу судебная практика пришла и по другим делам (например, по делу А40-132383/2021 [Определение Верховного Суда РФ от 04.07.2023 № А21-10438/2022]). Отдельно судами отмечается, что выбранный способ изложения законодателем пункта 4 части 2 статьи 248.2 АПК РФ также указывает на факультативную природу доказывания (выраженную в формулировке «при их наличии») обстоятельств, порождающих для российского арбитражного суда исключительную компетенцию.

В деле Администрации Советского городского округа против Администрации муниципалитета Пагегяй (Латвия) Верховный Суд РФ отдельно отметил, в дополнение к

установленным в прежде рассмотренных делах принципам выбора исключительной компетенции российских арбитражей, что «то обстоятельство, что партнерское соглашение регулируется законодательством Литовской Республики (пункт 1 параграфа 19) не свидетельствует о неподсудности спора российскому суду, поскольку в силу статьи 14 АПК РФ арбитражный суд Российской Федерации вправе применять нормы иностранного права, если это необходимо для разрешения спора» [Постановление Девятого ААС от 16.06.2022 № А40-132383/21].

Суд также пришёл к выводу, что «фактически введённый властями Литовской Республики» запрет на въезд в указанную республику гражданами Российской Федерации с 19.09.2022 года относится к общеизвестным фактам, которые не подлежат доказыванию. Таким образом, Верховный Суд, по сути, указал, что существование неперсонифицированных (общих) ограничительных мер, направленных против Российской Федерации и её граждан или же организаций, такие как отказ во въезде на территорию иностранного государства, в выдаче виз или иных разрешений, не требуют доказательства существования ограничительных мер, принятых иностранным публично-правовым образованием, в отношении конкретного лица, являющегося стороной разбирательства в международном коммерческом арбитраже.

Важно отметить, что в том же решении Верховный Суд отдельно подчёркивает, что со стороны Российской Федерации не были приняты аналогичные ограничительные меры в отношении недружественных государств, а значит, что рассмотрение спора вопреки арбитражной оговорке или соглашению, а также основаниям, указанным в статье 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации, в российском арбитраже по основаниям, указанным в статье 248.1 АПК РФ, не создаёт препятствий и не нарушает прав другой стороны разбирательства. Также надлежит учитывать, что в силу статьи 14 АПК РФ, российский арбитражный суд вправе применять нормы иностранного права в случае, если это необходимо для разрешения спора.

Существование ограничений, связанных с невозможностью оплаты арбитражного сбора в иностранных судах (такие, как исключение Российской Федерации и её банковских учреждений от международных платёжных систем Visa и MasterCard, блокировка системы SWIFT для российских банков), не позволяет применять положения статьи 248.1 АПК РФ без доказывания таких обстоятельств, что вытекает из решения по делу №А55-24707/2022 [Определение АС Самарской области от 24.08.2022 № А55-24707/2022]. Из материалов дела следовало, что исковое заявление ООО «Европейские Биологические Технологии» к Компании «Cabinplant A/S» (Дания) было возвращено, поскольку в суд не были представлены доказательства невозможности оплаты арбитражного сбора в Арбитражном институте Торговой палаты г. Стоглольма. Вынесенное решение по данному делу примечательно тем, что несмотря на членство в Европейском Союзе Королевств Дании (место регистрации ответчика) и Швеции (место рассмотрения спора в соответствии с арбитражным соглашением сторон договора), внесённом в перечень недружественных государств на основании Распоряжения Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» [Распоряжение Правительства РФ № 430-р, 2022], что породило у истца сомнения в объективности и возможной предвзятости (на основании участия в ООО «Европейские Биологические Технологии» акционерного общества «Корпорация развития Самарской области» и ВЭБ.РФ) со стороны арбитров Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма, Арбитражный суд Самарской области указал на предположительный характер доводов истца, а также на то, что указанные основания (членство

в Европейском Союзе двух государств, с которыми тесно связано разбирательство, осуществлялось оно в точности в соответствии с заключенным арбитражным соглашением, а также невозможность оплаты арбитражного сбора из-за существующих санкционных ограничений в сфере трансграничных переводов, что, по мнению авторов, является общеизвестным фактом) не являются достаточными для применения положений статьи 248.1 АПК РФ.

Из вышеизложенного следует, что наличие какого-либо общего (неперсонифицированного) ограничения в отношении российских лиц не всегда влечёт за собой возможность рассмотрения спора в российской юрисдикции. Данное заключение подтверждается решением по другому делу – Калинина Светлана Ивановна против MANDALE CONSTRUCTION LIMITED и MANDALE INVESTMENTS LIMITED [Постановление Десятого ААС от 15.05.2023 № А41-15847/23], где Постановлением Десятого Арбитражного апелляционного суда г. Москвы было отмечено, что существование запретительного приказа, вынесенного судебными органами Великобритании, запрещающего истцам обращаться в суд без предварительного получения разрешения, на который ссылался истец по рассматриваемому делу, не препятствует его обращению в компетентный суд Великобритании за подобным разрешением и не порождает безусловных оснований для применения положений статьи 248.1 АПК РФ. Доказательств такого обращения истцом или же отказа в получении такого разрешения также не было предоставлено вместе с исковым заявлением.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в случае введения персонифицированных ограничений (против конкретного лица), не возникает необходимость доказывания невозможности получения доступа к правосудию. В случае же действия неперсонифицированных ограничений (против Российской Федерации или неограниченного числа её граждан и организаций), доказывать невозможность рассмотрения спора в иностранной юрисдикции отпадает лишь в определённых случаях (отказ во въезде, в выдаче виз, но не при запрете на участие в судопроизводстве по факту обладания российским гражданством).

Приведённый выше анализ арбитражной практики наглядно демонстрирует примеры правоприменения, когда иностранный контрагент действовал или был вынужден действовать в силу характера национального и международно-правового регулирования (например, законодательства межгосударственного объединения, членом которого является государства, резидентом которого считается контрагент), а не в силу обоснованной собственной политической позицией или оценки происходящих в геополитической плоскости событий.

В связи с чем, представляется необходимым остановиться на сложившейся практике рассмотрения российскими арбитражными судами отдельных аспектах поведения иностранных контрагентов, основанных на аргументах санкционной политики (под чем авторы понимают отсутствие юридической обязанности соблюдать субъектом ограничительный режим санкционной политики).

Ярким примером является дело № А40-149699/2021 [Определение АС Московского округа от 11.03.2022 № А40-149699/2021] – ООО «Сименс Энергетика» против ООО «Кантрева» – в котором ответчик (российская компания) обратился в кассационную инстанцию с целью приостановления исполнения судебных актов. Ходатайство обосновывалось позицией группы компаний АО «СИМЕНС АКЦИЕНГЕЗЕЛЬШАФТ» (Siemens AG), контролирующей российский филиал конгломерата, выраженной в отказе от всех договорных связей с российскими контрагентами и поддержке санкционной политики недружественных государств [Siemens приостановила поставки и новые проекты в России, 2022]. Суд счёл такую позицию как намеренный отказ ООО «Сименс Энергетика» от исполнения судебных предписаний по

исполнению договорных обязательств.

Помимо этого, ответчик указал, что за прошедший 2020 год финансовый отчёт российского энергетического подразделения Siemens показал отрицательное значение чистой прибыли, исчисляемое более чем 100 миллионами рублей, а проведённый обязательный аудит бухгалтерской отчётности выявил величину чистых активов общества ниже минимально установленного размера уставного капитала, в связи с чем был высок риск банкротства ООО «Сименс Энергетика» в случае предъявления её контрагентами требований по прекращённым договорам. ООО «Кантрева» заявила, что в случае исполнения обжалуемого им решения, поворот исполнения при отмене судебных актов будет либо значительно затруднён, либо фактически невозможен. Кассационная инстанция сочла аргументацию ответчика достаточной и удовлетворила заявленные требования.

Исходя из анализа, принятого судом решения, напрашивается вывод о том, что заявленная контролирующей группой компаний российского подразделения немецкого технологического гиганта позиция сыграла существенную роль в принятом решении, поскольку оно демонстрировало, что судом было отдельно отмечено, неизбежный риск банкротства компании. Их разрешение требует не только законодательных корректировок, но и глубокого переосмысления баланса между международными обязательствами, национальными интересами и частно-правовыми началами. Полагаем, что формируемая судебная практика будет иметь несомненное определяющее значение в новой геополитической реальности.

В условиях санкционного давления выполнение контрактных обязательств становится все труднее и труднее. Особенно это связано с поставкой оборудования или товаров из-за рубежа. К примеру, в деле А56-56603/2022 [Решение АС г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.08.2022 № А56-56603/2022] покупатель требовал возврата уплаченного аванса по договору от 16.02.2022 за товар, поставляемый из Черниговской области Украины, а также пени за просрочку до даты расторжения. Требования покупателя были удовлетворены лишь в части возврата аванса: пени не было взыскано с поставщика, поскольку в деле имело место форс-мажорное обстоятельство.

Данное дело примечательно аргументацией истца, указавшего, что ответчиком не были предоставлены ни заключения, ни иные документы Торгово-промышленной палаты или иного уполномоченного органа о форс-мажоре, а конкретно – о том, что решение о проведении специальной военной операции на территории Украины, принятое Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным 24.02.2022, является обстоятельством непреодолимой силы. Суд отметил, что материалами дела такие обстоятельства были подтверждены, что выражено в Спецификации к договору, где производителем товара числится украинское предприятие «РАПИД», которое, в силу проведения специальной военной операции, не смогло исполнить свои обязательства перед ответчиком, который, в свою очередь, предпринял все необходимые действия для исполнения своих обязательств перед истцом.

Авторы считают необходимым отметить, что приведённый пример иллюстрирует суть влияния форс-мажорных обстоятельств, рассматриваемых в данной работе, на частно-правовые отношения, осложнённые иностранным элементом, в том числе санкционных мер: для признания введённых ограничений обстоятельством непреодолимой силы необходимо оценить степень их влияния на невозможность осуществления конкретных договорных обязательств, что означает невозможность признания ограничительных мер иностранных публично-правовых образований против Российской Федерации и её граждан и организаций форс-мажором в абсолюте. Каждая мера оценивается после детального рассмотрения договора и иных документов, на содержание которых она могла оказать воздействие.

Столь масштабная атака на экономическое благополучие России не осталась незамеченной со стороны государства. Ответные меры, выразившиеся в том числе в издании Указа Президента РФ от 28.02.2022 № 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» [Решение АС Приморского края от 07.06.2022 № А51-2787/2022], легализовавшего режим параллельного импорта, создали для российских предпринимателей возможность пережить оказываемое внешнее давление.

К сожалению, некоторые предприниматели пользуются данной возможностью недобросовестно, что может быть проиллюстрировано в деле Дальневосточной электронной таможни против ООО «ВЕТЕР УДАЧИ» [Решение АС Приморского края от 07.06.2022 № А51-2787/2022], в котором ответчик ссылался на вышеупомянутый указ в качестве обоснования своих действий по вводу в гражданский оборот продукции без соответствующего разрешения правообладателя. Судом было отмечено, что президентский указ вступил в силу лишь с 01.04.2022, а значит он не обладает свойством относимости к рассматриваемому спору, поскольку события, являющиеся предметом спора, произошли ещё годом ранее.

Данное судебное решение наглядно демонстрирует правоприменителю, что даже в случае изменения у иностранных контрагентов или же правообладателей позиции в связи с принятыми против Российской Федерации ограничениями, российские контрагенты не могут руководствоваться новыми юридическими фактами, такими как позиции иностранных контрагентов, введение в действие ограничительных мер против Российской Федерации или её граждан и организаций, предпринятых контрсанкционных мер со стороны российских публично-правовых образований и должностных лиц, в правоотношениях, возникших до указанных событий.

Заключение

И в заключении, хотелось бы процитировать слова выдающегося российского классика Л.Н. Толстого из книги «Война и мир» в «Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть!». Действующий санкционный режим порождает в российской арбитражной системе новую реальность, где ограничительные меры носят уже не форму внешнего давления, а служат фактором, оказывающим серьёзно влияние на форму, подсудность и содержание обязательств в осложнённых иностранным элементом гражданско-правовых отношениях. Учитывая, что каждое действие порождает противодействие, выражаемое, в данном случае, в адаптации российской экономике к новым ограничениям (которые, в свою очередь, также видоизменяются вследствие изменения экономической модели Российской Федерации), авторы предполагают возможность фундаментального изменения и пересмотра прежних подходов и принципов в международном коммерческом арбитраже с учётом сложившейся практики в отношении России и возросшей политизированности экономической сферы по всему миру.

Помните «Существует лишь несколько типов уловок и открытых действий. Тем не менее вы можете сочетать их бесчисленным количеством способов. Количество путей, ведущих к победе, бесконечно» [Искусство войны и искусство управления, 2002].

Библиография

1. Искусство войны и искусство управления / Сунь-цзы, Галиарди Г.; пер. с англ. А. Чех. СПб.: Нева, 2002. 159 с. (Искусство войны). ISBN 5-7654-2459-7.

2. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.). URL: https://base.garant.ru/407764710/.
3. Обзор влияния иностранных санкций и контрсанкций РФ на разрешение споров в арбитражных судах, 2023 год. URL: https://zakon.ru/blog/2023/09/09/obzorpraktiki_na_vvedennye_sankcii_i_otvetnye_mery_rf.
4. Определение Арбитражного Суда Московского Округа от 11 марта 2022 г. по делу № А40-149699/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b1bcfd08-5abe-435f-a245-24d9ecbe345b/033d1aea-e492-4adb-84a3-22b74ffc2f96/A40-149699-2021_20220311_Opredelenie.pdf.
5. Определение Арбитражного Суда Самарской Области от 24 августа 2022 г. по делу № А55-24707/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fbdb649a-7e9b-4c05-942a-f844de624391/ed8fc8fe-c875-4fd6-b6e0-786bf36de869/A55-24707-2022_20220824_Opredelenie.pdf.
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июля 2023 г. по делу № А21-10438/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/deca8591-0647-49c4-864e-5430bc0f7e82/4be208ad-83bc-4dc1-b83e-b124db765ec3/A21-10438-2022_20230704_Opredelenie.pdf.
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2021 г. по делу №309-ЭС21-6955 (1-3). URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/99ce7aa2-7f06-4615-baa5-94473b980771/1f0d228b-cefb-435f-a5f1-8950060144da/A60-36897-2020_20211209_Opredelenie.pdf.
8. Постановление Десятого Арбитражного Апелляционного Суда от 15 мая 2023 г. по делу № А41-15847/23. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5cedc61f-8f50-4300-bf65-a7c82fa4f64e/8f37c33b-56b9-4f69-ac95-c91d077a1cbd/A41-15847-2023_20230515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf.
9. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного Суда от 16 июня 2022 г. по делу № А40-132383/21. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9628aaed-906a-4b4a-b534-87edb0db03d6/1aa4da2b-c828-4374-8d27-cb9a46c5c8fc/A40-132383-2021_20220616_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf.
10. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/.
11. Решение Арбитражного Суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19 августа 2022 г. по делу № А56-56603/2022. URL: https://sudact.ru/arbitral/case/BsOJpIqLTAU1/area/nkVvvHUs3kJ9/.
12. Решение Арбитражного Суда Приморского края от 7 июня 2022 г. по делу № А51-2787/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6abc5560-3eeb-436b-bbb1-15073b7f778e/ea091caa-b5c2-4bb3-a320-fc525ffadca7/A51-2787-2022_20220607_Reshenie.pdf.
13. Siemens приостановила поставки и новые проекты в России. URL: https://www.rbc.ru/business/02/03/2022/621f72a39a794708e0171539.
14. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417/.

Current Problems of Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Sanctioned Russia: New Challenges in the Practice of International Commercial Dispute Resolution

Oksana A. Bulgakova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure,
Researcher at the Research Department,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: o.bulgakova@mmu.ru

Ivan V. Kartashov

Student,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: williebgx@gmail.com

Elena B. Kovrigina

Student,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: elenakovrigina361@gmail.com

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the legal risks created by sanctions restrictions and the fragmentation of the international legal landscape for Russian counterparties through the prism of the practice of international commercial dispute resolution. The authors examine current problems of recognition and enforcement of foreign arbitral awards during a period of geopolitical escalation and tension based on an analysis of relevant judicial and arbitral practice. Systemic problems impeding the realization of the rights of Russian counterparties in the process of international commercial dispute resolution are identified. Based on the results of the analysis, a conclusion is drawn about the need for systemic adaptation of existing procedural mechanisms, as well as the development of alternative models, taking into account the preservation of the principle of legal certainty and reciprocity in order to develop international cooperation and overcome emerging conflicts.

For citation

Bulgakova O.A., Kartashov I.V., Kovrigina E.B. (2026) Aktual'nyye problemy priznaniya i privedeniya v ispolneniye inostrannykh arbitrazhnykh resheniy v sanktsionnoy Rossii: novyye vyzovy v praktike razresheniya mezhdunarodnykh kommercheskikh sporov [Current Problems of Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Sanctioned Russia: New Challenges in the Practice of International Commercial Dispute Resolution]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 316-325. DOI: 10.34670/AR.2026.60.58.050

Keywords

Private international law, sanctions, international commercial dispute resolution, international commercial arbitration, recognition and enforcement of foreign arbitral awards, judicial practice.

References

1. Analytical article "Review of the impact of foreign sanctions and counter-sanctions of the Russian Federation on dispute resolution in arbitration courts, 2023". (2023). https://zakon.ru/blog/2023/09/09/obzorpraktiki_na_vvedennye_sankcii_i_otvetnye_mery_rf
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 79 of February 28, 2022 (as amended on June 9, 2022, with amendments of May 20, 2024) "On the application of special economic measures in connection with the unfriendly

actions of the United States of America and foreign States and international organizations that have joined them". (2022). ConsultantPlus legal reference system. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417/
3. Decree of the Government of the Russian Federation No. 430-r of March 5, 2022 (as amended on October 29, 2022) "On Approval of the List of Foreign States and Territories Committing Unfriendly Acts against the Russian Federation, Russian Legal Entities and Individuals". (2022). ConsultantPlus legal reference system. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/
4. Decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai of June 7, 2022 in case No. A51-2787/2022. (2022). https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6abc5560-3eeb-436b-bbb1-15073b7f778e/ea091caa-b5c2-4bb3-a320-fc525ffadca7/A51-2787-2022_20220607_Reshenie.pdf
5. Decision of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and the Leningrad Region of August 19, 2022 in case No. A56-56603/2022. (2022). https://sudact.ru/arbitral/case/BsOJpIqLTAU1/area/nkVvvHUs3kJ9/
6. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of June 16, 2022 in case No. A40-132383/21. (2022). https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9628aaed-906a-4b4a-b534-87edb0db03d6/1aa4da2b-c828-4374-8d27-cb9a46c5c8fc/A40-132383-2021_20220616_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf
7. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal of May 15, 2023 in case No. A41-15847/23. (2023). https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5cedc61f-8f50-4300-bf65-a7c82fa4f64e/8f37c33b-56b9-4f69-ac95-c91d077a1cbd/A41-15847-2023_20230515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf
8. Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of March 11, 2022 in case No. A40-149699/2021. (2022). https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b1bcfd08-5abe-435f-a245-24d9ecbe345b/033d1aea-e492-4adb-84a3-22b74ffc2f96/A40-149699-2021_20220311_Opredelenie.pdf
9. Ruling of the Arbitration Court of the Samara Region of August 24, 2022 in case No. A55-24707/2022. (2022). https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fbdb649a-7e9b-4c05-942a-f844de624391/ed8fc8fe-c875-4fd6-b6e0-786bf36de869/A55-24707-2022_20220824_Opredelenie.pdf
10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of December 9, 2021 in case No. 309-ES21-6955 (1-3). (2021). https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/99ce7aa2-7f06-4615-baa5-94473b980771/1f0d228b-cefb-435f-a5f1-8950060144da/A60-36897-2020_20211209_Opredelenie.pdf
11. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of July 4, 2023 in case No. A21-10438/2022. (2023). https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/deca8591-0647-49c4-864e-5430bc0f7e82/4be208ad-83bc-4dc1-b83e-b124db765ec3/A21-10438-2022_20230704_Opredelenie.pdf
12. Siemens has suspended supplies and new projects in Russia. (2022). https://www.rbc.ru/business/02/03/2022/621f72a39a794708e0171539
13. Sun Tzu, Galiardi G. (2002). *The Art of War and the Art of Management*. Neva.
14. UN Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, June 10, 1958). (1958). https://base.garant.ru/407764710/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.342 **DOI: 10.34670/AR.2026.70.50.061**

Актуальные проблемы банкротства наследодателя и наследника

Вронская Мария Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент,
Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Владивостокский государственный университет,
690014, Российская Федерация, Владивосток, ул. Гоголя, 41;
e-mail: m.vronskaya@mail.ru

Калинченко Андрей Игоревич

Магистрант,
Владивостокский государственный университет,
690014, Российская Федерация, Владивосток, ул. Гоголя, 41;
e-mail: kalinchenkota@gmail.com

Аннотация

Представленная научная статья посвящена комплексному исследованию правовых коллизий и практических проблем, возникающих на стыке наследственного права и законодательства о несостоятельности. В условиях стремительного роста закредитованности населения и увеличения числа процедур банкротства физических лиц вопросы правопреемства долговых обязательств, а также конкуренции прав кредиторов наследодателя и наследника приобретают острую практическую значимость. Исследование сфокусировано на анализе актуальных проблем, связанных с правовым статусом наследников в деле о банкротстве умершего, механизмом перехода субсидиарной ответственности, оспариванием отказа от наследства при банкротстве самого наследника, а также синхронизацией нотариальных процедур и процедур, применяемых в деле о банкротстве. В статье выявляются ключевые пробелы материального и процессуального права, после чего формулируются строгие, практически ориентированные предложения по изменению действующего законодательства, направленные на обеспечение баланса интересов участников гражданского оборота и устранение правовой неопределенности без использования избыточных теоретических конструкций.

Для цитирования в научных исследованиях

Вронская М.В., Калинченко А.И. Актуальные проблемы банкротства наследодателя и наследника // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 326-334. DOI: 10.34670/AR.2026.70.50.061

Ключевые слова

Банкротство гражданина, наследственная масса, банкротство умершего, наследники, кредиторы, финансовый управляющий, субсидиарная ответственность, универсальное правопреемство, оспаривание сделок, конкурсная масса.

Введение

В современной российской правовой действительности институт несостоятельности граждан претерпевает существенные трансформации, обнажая глубинные противоречия между консервативной природой наследственного права и динамичным инструментарием законодательства о банкротстве. Наследственное право исторически ориентировано на сохранение имущества внутри семьи, обеспечение стабильности гражданского оборота через механизм универсального правопреемства и защиту интересов близких родственников умершего. Законодательство о банкротстве, напротив, подчинено цели максимально полного и соразмерного удовлетворения требований независимых кредиторов за счет любых ликвидных активов должника. Точка пересечения этих двух фундаментальных отраслей неизбежно порождает сложнейшие правовые конфликты, требующие немедленного разрешения, что составляет цель исследования в настоящей научной статье.

Основная часть

Банкротство наследодателя как правовая категория связано прежде всего с ситуацией, при которой гражданин-должник умирает в ходе уже возбуждённого дела о несостоятельности либо когда после его смерти обнаруживается, что стоимость оставленного имущества недостаточна для погашения накопленных долгов. З.У. Гасанов указывает, что несостоятельность наследственной массы представляет собой самостоятельный правовой институт, находящийся на стыке наследственного и банкротного законодательства и требующий специального регулирования ввиду отсутствия у наследственной массы статуса юридического лица [Гасанов, 2025, с. 33]. Данная позиция подчёркивает особую природу субъекта в подобных правоотношениях: наследственная масса не является полноправным участником гражданского оборота, однако выступает объектом конкурсных процедур.

Д.А. Волкова обращает внимание на то, что институциональные особенности банкротства гражданина в случае его смерти обусловлены необходимостью сохранения баланса интересов кредиторов умершего должника и лиц, претендующих на получение наследства [Волкова, 2024, с. 11]. Именно это противоречие лежит в основе правового регулирования данной сферы: с одной стороны, кредиторы вправе рассчитывать на удовлетворение своих требований, с другой – наследники не должны нести бремя чужих обязательств сверх стоимости полученного имущества.

Понятие банкротства наследника принципиально отличается от понятия банкротства наследственной массы. В первом случае речь идёт о ситуации, при которой сам наследник является несостоятельным должником, принимающим либо отказывающимся от наследства. Д.М. Касаткин отмечает, что отказ от наследства в условиях банкротства наследника может квалифицироваться как злоупотребление правом, направленное на уменьшение конкурсной массы в ущерб интересам кредиторов [Касаткин, 2025, с. 116]. Таким образом, действия наследника в отношении наследственного имущества приобретают публично-правовое измерение, выходящее за рамки частных интересов.

Е.В. Ермолова констатирует, что нотариальная практика сталкивается с существенными затруднениями при оформлении наследства в случаях, когда либо наследственная масса, либо сам наследник находятся в процедуре несостоятельности, поскольку действующее законодательство не содержит исчерпывающего регулирования подобных ситуаций [Ермолова,

2024, с. 15]. Это свидетельствует о том, что теоретическая неопределённость в понятийном аппарате непосредственно влечёт практические трудности.

В.В. Журавлёв указывает на то, что наследник в процедуре несостоятельности умершего гражданина занимает особое процессуальное положение, поскольку одновременно является субъектом наследственного правопреемства и потенциальным участником конкурсного производства [Журавлёв, 2025, с. 107]. Двойственность правового статуса наследника обусловливает сложность его взаимодействия с финансовым управляющим, кредиторами и судом.

И.Д. Борисова и А.В. Начарова подчёркивают, что ответственность наследников по долгам наследодателя носит ограниченный характер и не может превышать стоимости перешедшего к ним имущества, что является одной из фундаментальных гарантий защиты их имущественных прав [Борисова, Начарова, 2024, с. 74]. Данный принцип ограниченной ответственности органично вписывается в общую концепцию наследственного права, однако в условиях банкротства его реализация приобретает дополнительную процессуальную сложность.

С.Д. Рабина разграничивает пределы ответственности наследников в деле о банкротстве наследственной массы в зависимости от объёма принятого ими наследства и характера обязательств наследодателя, выделяя при этом случаи, когда границы такой ответственности могут быть оспорены кредиторами [Рабина, 2025, с. 298]. Это разграничение имеет ключевое значение для правоприменительной практики, поскольку позволяет определить конкретный объём обязательств, переходящих к каждому из наследников.

Т.П. Шишмарева рассматривает переход к наследникам бизнеса, обременённого долгами, как особую форму универсального правопреемства, при которой наследник фактически становится субъектом существующих несостоятельных правоотношений [Шишмарева, 2024, с. 356]. Такой подход расширяет традиционное понимание банкротства наследника, включая в него не только пассивное принятие имущества с долгами, но и активное участие в урегулировании имущественных претензий.

Ю.В. Моцар и С.И. Атмачев характеризуют банкротство наследственной массы как особую правовую конструкцию, в рамках которой объектом конкурсных процедур выступает не гражданин, а совокупность имущества и обязательств, оставшихся после его смерти [Моцар, Атмачев, 2023, с. 169]. Подобная трактовка позволяет обеспечить автономность процедуры несостоятельности от личности умершего должника и сосредоточить правовое регулирование на имущественных отношениях.

Экономические реалии свидетельствуют о лавинообразном росте объемов потребительского и коммерческого кредитования граждан. Физические лица все чаще выступают поручителями по обязательствам юридических лиц, привлекаются к субсидиарной ответственности как контролирующие должника лица, а также накапливают значительные личные долги. Смерть такого гражданина не прекращает имущественные обязательства, поскольку они по общему правилу неразрывно не связаны с личностью должника. Следовательно, долговое бремя трансформируется в составную часть наследственной массы. В ситуации, когда размер долгов превышает стоимость активов, закон предусматривает специальную процедуру банкротства гражданина в случае его смерти, или банкротства наследственной массы.

Параллельно наблюдается и обратная ситуация, когда в процедуру банкротства вступает сам наследник. Потенциальное принятие им наследства рассматривается его кредиторами и финансовым управляющим как единственный источник пополнения конкурсной массы. В

обоих случаях возникает потребность в четком законодательном регулировании, которое на данный момент изобилует пробелами, двусмысленными формулировками и концептуальными противоречиями. Судебная практика, включая разъяснения высших судебных инстанций, вынуждена компенсировать дефекты закона путем создания прецедентных правил, что нередко приводит к нарушению принципа правовой определенности.

Особую остроту проблематике придает фактор времени. Процедура банкротства требует оперативности для предотвращения сокрытия активов и обесценивания конкурсной массы, тогда как гражданское законодательство устанавливает длительный шестимесячный срок для принятия наследства, в течение которого статус имущества и круг правопреемников остаются неопределенными. Указанные обстоятельства обуславливают критическую необходимость проведения глубокого догматического и практического анализа существующих проблем и разработки конкретных, прикладных законодательных предложений, способных обеспечить справедливый баланс прав кредиторов и наследников, исключая при этом возможность злоупотребления правом с обеих сторон.

Глубинный анализ правоприменительной практики позволяет выделить комплекс системных проблем, препятствующих эффективному функционированию института банкротства с участием наследодателя и наследников. Базовой проблемой выступает правовая неопределенность статуса наследника в период между открытием наследства и получением свидетельства о праве на него в контексте открытого дела о банкротстве умершего. Согласно нормам гражданского права, принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия. Однако в рамках дела о банкротстве арбитражные суды и финансовые управляющие сталкиваются с невозможностью полноценного привлечения таких лиц к участию в обособленных спорах, поскольку до истечения шестимесячного срока формально невозможно окончательно установить весь круг наследников и их доли. Это приводит к блокировке процедур реализации имущества, приостановлению торгов и увеличению текущих расходов на обеспечение сохранности наследственной массы, что напрямую ущемляет имущественные права кредиторов [Гасанов, 2025, с.34].

Самостоятельную и крайне спорную в доктринальном плане проблему представляет механизм правопреемства по обязательствам, вытекающим из привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Длительное время господствовала позиция, согласно которой субсидиарная ответственность носит деликтный характер, тесно связана с виновными действиями конкретной личности и, следовательно, не может входить в состав наследственной массы вопреки положениям об универсальном правопреемстве. Однако судебная практика радикально изменила вектор, признав долг по субсидиарной ответственности обычным имущественным обязательством, подлежащим включению в наследственную массу. Концептуальным изъяном данного подхода является сложность оценки пределов ответственности наследников, которая по закону ограничена стоимостью перешедшего к ним имущества. Проблема заключается в определении момента, на который должна рассчитываться эта стоимость: на дату открытия наследства, на дату вынесения судебного акта о правопреемстве или на момент фактической реализации имущества. В условиях волатильности рынков унаследованные активы могут существенно потерять в цене к моменту их изъятия кредиторами по долгам наследодателя, в результате чего наследник рискует не только потерять все унаследованное имущество, но и оказаться втянутым в многолетние судебные тяжбы за свой счет.

Не менее сложным является конфликт интересов при совмещении банкротства наследодателя и собственного банкротства наследника. Когда наследник, уже признанный несостоятельным и находящийся в процедуре реализации имущества, призывается к наследованию, его финансовый управляющий расценивает наследственную массу как источник погашения требований кредиторов самого наследника. Однако в наследственной массе могут быть собственные ипотечные обременения или притязания кредиторов умершего [Ермолова, 2024, с.15]. В законе отсутствует четкий алгоритм сегрегации активов в подобной ситуации. Возникает правовой хаос, при котором кредиторы наследодателя, обладающие приоритетом в отношении имущества умершего согласно логике наследственного права, вынуждены вступать в конкуренцию с кредиторами наследника в деле о банкротстве последнего. Отсутствие механизма выделения обособленной наследственной массы внутри дела о банкротстве наследника приводит к непредсказуемым решениям арбитражных судов и нарушению очередности удовлетворения требований.

Важнейшей проблемой выступает квалификация отказа от наследства в преддверии или в процессе банкротства самого наследника. Гражданский кодекс гарантирует свободу принятия наследства и отказа от него без объяснения причин. Вместе с тем, в парадигме конкурсного права отказ неплатежеспособного гражданина от обогащения в виде наследства трактуется как сделка, совершенная во вред имущественным правам кредиторов, и подлежит оспариванию по правилам специальной главы Закона о банкротстве. Признание отказа от наследства недействительным принудительно наделяет должника статусом наследника против его воли, попирая фундаментальный принцип добровольности правопреемства. Суды искусственно стирают грань между распоряжением уже принадлежащим имуществом и отказом от приобретения нового имущества. Это порождает коллизию конституционного уровня, поскольку гражданин лишается неотъемлемого права не принимать на себя нежелательные активы правового предшественника, которые могут требовать затрат на содержание или иметь морально-этическую неприемлемость для наследника [Маркова, 2024].

Критическим упущением законодателя является также проблема информационного вакуума и отсутствия надлежащего взаимодействия между нотариатом и институтом арбитражного управления. Нотариус, открывающий наследственное дело, не всегда располагает оперативными данными о том, что в отношении умершего уже возбуждено дело о банкротстве, равно как и финансовый управляющий может месяцами не знать о факте смерти должника и открытии наследственного дела. Это приводит к параллельному осуществлению взаимоисключающих действий: нотариус выдает свидетельства и разрешает распоряжаться деньгами на похороны за счет счетов должника, в то время как эти счета уже заблокированы финансовым управляющим, обязанным контролировать каждую транзакцию. Возникает патовая ситуация, ущемляющая как базовые права родственников умершего на организацию погребения, так и обязанности управляющего по сохранению конкурсной массы.

Во исполнение задачи преодоления обозначенных правовых коллизий требуется внедрение системы строгих, конкретных изменений в действующее законодательство Российской Федерации, исключающих двойное толкование и декларативность. В первую очередь необходимо реформировать Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части процедурного статуса наследников. Предлагается ввести в закон норму, согласно которой с момента получения финансовым управляющим или арбитражным судом сведений о смерти гражданина-должника суд по ходатайству заинтересованных лиц обязан назначить временного представителя наследственной массы из числа лиц, подавших нотариусу заявление о

вступлении в наследство, даже если шестимесячный срок еще не истек. Данный представитель должен быть наделен исключительно процессуальными правами в рамках дела о банкротстве без права распоряжения имуществом. Это позволит суду непрерывно рассматривать обособленные споры, оспаривать сделки и проводить инвентаризацию с соблюдением принципа состязательности, не дожидаясь выдачи нотариальных свидетельств [Павлюк, 2024, с.239].

Для разрешения проблемы оценки стоимости унаследованного имущества, в пределах которой наследник отвечает по долгам наследодателя, в том числе по субсидиарной ответственности, необходимо дополнить Гражданский кодекс и Закон о банкротстве жестким императивным правилом. Оценка стоимости наследственного имущества должна производиться финансовым управляющим с привлечением независимого оценщика строго по состоянию на день открытия наследства. В законе следует прямо указать, что любой последующий риск обесценивания, гибели или повреждения унаследованного имущества, произошедший не по умыслу наследника, относится на кредиторов наследодателя, а предельная сумма ответственности наследника подлежит пропорциональному снижению на сумму такого обесценивания. Данная мера защитит имущественный иммунитет наследника от непредвиденных рыночных колебаний в длительных банкротных спорах.

Относительно проблемы совмещения банкротства наследника и банкротства наследодателя предлагается внедрить в Закон о банкротстве механизм субсчета и обособления конкурсной массы. Если должник, находящийся в процедуре несостоятельности, получает имущество в порядке наследования, такое имущество должно формировать специальную обособленную конкурсную массу внутри действующего дела о банкротстве гражданина. Удовлетворение требований кредиторов наследодателя должно осуществляться исключительно за счет этой обособленной массы в приоритетном порядке. Только в случае образования остатка средств после полных расчетов с кредиторами умершего, данный профицит может интегрироваться в основную конкурсную массу наследника для расчетов с его личными кредиторами. Данное решение полностью ликвидирует конкуренцию требований и восстановит логику гражданского законодательства о целевом характере наследственных долгов.

Для устранения концептуального противоречия, связанного с оспариванием отказа от наследства в делах о банкротстве, необходимо внести изменения в главу III.1 Закона о банкротстве, прямо исключающие возможность признания недействительным отказа от наследства, совершенного неплатежеспособным должником, за исключением случаев наличия сговора [Волкова, 2024, с.12]. Закон должен закрепить презумпцию того, что непринятие наследства или официальный отказ от него не является умалением существующей конкурсной массы, так как право на приобретение актива не тождественно самому активу. В качестве компромиссного варианта защиты кредиторов предлагается наделить финансового управляющего правом оспорить отказ от наследства исключительно в том случае, если будет доказано, что отказ совершен в пользу конкретных лиц с фактическим сохранением контроля должника над отказанным имуществом через скрытые фидуциарные соглашения. В отсутствие таких доказательств отказ от наследства должен признаваться безусловным и неоспоримым личным неимущественным правом гражданина.

В целях ликвидации информационного вакуума и пресечения параллельных действий нотариусов и управляющих требуется разработка и законодательное закрепление алгоритма автоматизированного межведомственного обмена. Предлагается обязать Федеральную нотариальную палату и оператора Единого федерального реестра сведений о банкротстве внедрить автоматический API-шлюз. При открытии наследственного дела система нотариата должна в автоматическом режиме осуществлять запрос в ЕФРСБ на предмет наличия дела о

банкротстве в отношении наследодателя. При положительном ответе нотариус обязан в течение трех рабочих дней официально уведомить финансового управляющего о составе известных наследников и заявленном имуществе, а исполнительные действия нотариуса по выдаче свидетельств на имущество, включенное в конкурсную массу, подлежат приостановлению до вынесения соответствующего определения арбитражного суда. Аналогичным образом, финансовый управляющий при получении сведений о смерти должника через органы ЗАГС должен быть обязан незамедлительно опубликовать данную информацию в ЕФРСБ, что автоматически сформирует уведомление в нотариальную систему [Бандурина, 2025, с.60].

Заключение

Реализация предложенного комплекса мер позволит нивелировать существующие правовые пробелы, обеспечит синхронизацию различных отраслей права и создаст предсказуемую, прозрачную правовую среду, в которой будут в равной степени защищены как конституционное право наследования, так и законные имущественные интересы независимых кредиторов в процедурах банкротства. Системный подход к модернизации процессуального статуса наследников, правил оценки имущества и межведомственного взаимодействия исключит возможность для злоупотреблений и существенно повысит эффективность правосудия в арбитражных судах.

Библиография

1. Гасанов З.У. Несостоятельность (банкротство) наследственной массы: проблемы теории и практики / З.У. Гасанов // Наследственное право, 2025. – № 2. – С. 33-36.
2. Волкова Д.А. Институциональные особенности банкротства гражданина в случае его смерти / Д.А. Волкова // Агентство "Слияния и Поглощения", 2024. – № 5 (30). – С. 11-14.
3. Касаткин Д.М. Отказ от наследства как форма злоупотребления правом / Д.М. Касаткин // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право, 2025. – № 1. – С. 116-125.
4. Ермолова Е.В. Некоторые вопросы, возникающие в нотариальной практике при оформлении наследства в случае банкротства наследственной массы или наследника / Е.В. Ермолова // Нотариальный вестник, 2024. – № 4. – С. 15-22.
5. Журавлёв В.В. Наследник как ключевая фигура процедуры несостоятельности в случае смерти гражданина / В.В. Журавлёв // Юридические исследования, 2025. – № 9. – С. 107-124.
6. Борисова И.Д. Ограниченная ответственность наследников по долгам наследодателя / И.Д. Борисова, А.В. Начарова // Диалог, 2024. – № 4 (30). – С. 74-76.
7. Рабина С.Д. Пределы ответственности наследников по долгам наследодателя в деле о банкротстве наследственной массы / С.Д. Рабина // Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2025. – С. 298-301.
8. Шишмарева Т.П. Правовое регулирование перехода к наследникам бизнеса, обремененного долгами / Т.П. Шишмарева // Москва: Проспект, 2024. – С. 356-364.
9. Моцар Ю.В. Банкротство наследственной массы: правовые аспекты регулирования / Ю.В. Моцар, С.И. Атмачев // Евразийский юридический журнал, 2023. – № 6 (181). – С. 169-170.
10. Маркова Л.В. Процессуальные особенности процедуры банкротства в случае смерти должника / Л.В. Маркова // Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 145-148.
11. Павлюк Ю.Б. О некоторых аспектах судебной практики, связанной с включением в конкурсную массу жилых помещений умершего должника / Ю.Б. Павлюк // Образование и право, 2024. – № 7. – С. 237-240.
12. Бандурина Н.В. Проблемы реализации завещательного отказа на жилые помещения в современной практике / Н.В. Бандурина // Законы России: опыт, анализ, практика, 2025. – № 10. – С. 59-65.
13. Фрик О.В. Защита имущественных прав супруга при банкротстве: некоторые вопросы теории и практики / О.В. Фрик // Нотариальный вестник, 2025. – № 11. – С. 47-55.
14. Шишмарева Т.П. Правовое регулирование перехода к наследникам бизнеса, обремененного долгами / Т.П. Шишмарева // Москва: Проспект, 2024. – С. 356-364.

Current Problems of Bankruptcy of the Testator and the Heir

Maria V. Vronskaya

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Vladivostok State University,
690014, 41, Gogolya St., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: m.vronskaya@mail.ru

Andrey I. Kalinchnko

Master's Student,
Vladivostok State University,
690014, 41, Gogolya St., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: kalinchenkota@gmail.com

Abstract

This scientific article is devoted to a comprehensive study of legal conflicts and practical problems arising at the intersection of inheritance law and insolvency legislation. In the context of the rapid growth of household debt and an increase in the number of individual bankruptcy procedures, issues of succession of debt obligations, as well as competition between the rights of the testator's creditors and the heir, are becoming acutely practically significant. The study focuses on the analysis of current problems related to the legal status of heirs in the bankruptcy case of the deceased, the mechanism for the transfer of subsidiary liability, challenging the renunciation of inheritance in the bankruptcy of the heir themselves, as well as the synchronization of notarial procedures and procedures applied in bankruptcy cases. The article identifies key gaps in substantive and procedural law, after which strict, practically oriented proposals for amending current legislation are formulated, aimed at ensuring a balance of interests of participants in civil transactions and eliminating legal uncertainty without resorting to excessive theoretical constructs.

For citation

Vronskaya M.V., Kalinchnko A.I. (2026) Aktual'nyye problemy bankrotstva nasledodatelya i naslednika [Current Problems of Bankruptcy of the Testator and the Heir]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 326-334. DOI: 10.34670/AR.2026.70.50.061

Keywords

Bankruptcy of a citizen, inheritance estate, bankruptcy of the deceased, heirs, creditors, financial manager, subsidiary liability, universal succession, challenging transactions, bankruptcy estate.

Reference

1. Gasanov Z.U. (2025). Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo) nasledstvennoy massy: problemy teorii i praktiki [Insolvency (Bankruptcy) of the Hereditary Estate: Problems of Theory and Practice]. *Nasledstvennoye pravo*, 2, 33-36.
2. Volkova D.A. (2024). Institutsional'nyye osobennosti bankrotstva grazhdanina v sluchaye yego smerti [Institutional

Features of Bankruptcy of a Citizen in the Event of His Death]. *Agentstvo "Slivaniya i Pogloshcheniya"*, 5(30), 11-14.
3. Kasatkin D.M. (2025). Otkaz ot nasledstva kak forma zloupotrebleniya pravom [Renunciation of Inheritance as a Form of Abuse of Rights]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo*, 1, 116-125.
4. Ermolova E.V. (2024). Nekotoryye voprosy, voznikayushchiye v notarial'noy praktike pri oformlenii nasledstva v sluchaye bankrotstva nasledstvennoy massy ili naslednika [Some Issues Arising in Notarial Practice When Registering Inheritance in Case of Bankruptcy of the Hereditary Estate or the Heir]. *Notarial'nyy vestnik*, 4, 15-22.
5. Zhuravlyov V.V. (2025). Naslednik kak klyuchevaya figura protsedury nesostoyatel'nosti v sluchaye smerti grazhdanina [The Heir as a Key Figure in the Insolvency Procedure in the Event of a Citizen's Death]. *Yuridicheskiye issledovaniya*, 9, 107-124.
6. Borisova I.D., Nacharova A.V. (2024). Ogranichennaya otvetstvennost' naslednikov po dolgam nasledodatelya [Limited Liability of Heirs for the Debts of the Testator]. *Dialog*, 4(30), 74-76.
7. Rabina S.D. (2025). Predely otvetstvennosti naslednikov po dolgam nasledodatelya v dele o bankrotstve nasledstvennoy massy [Limits of Heirs' Liability for the Debts of the Testator in a Bankruptcy Case of the Hereditary Estate]. In *Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky* (pp. 298-301). Omsk.
8. Shishmareva T.P. (2024). Pravovoye regulirovaniye perekhoda k naslednikam biznesa, obremenennogo dolgami [Legal Regulation of the Transfer to Heirs of a Business Encumbered with Debts]. In *Moscow: Prospekt* (pp. 356-364). Moscow.
9. Motsar Yu.V., Atmachev S.I. (2023). Bankrotstvo nasledstvennoy massy: pravovyye aspekty regulirovaniya [Bankruptcy of the Hereditary Estate: Legal Aspects of Regulation]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 6(181), 169-170.
10. Markova L.V. (2024). Protsessual'nyye osobennosti protsedury bankrotstva v sluchaye smerti dolzhnika [Procedural Features of the Bankruptcy Procedure in the Event of the Debtor's Death]. In *Penza: Penza State Agricultural University* (pp. 145-148). Penza.
11. Pavlyuk Yu.B. (2024). O nekotorykh aspektakh sudebnoy praktiki, svyazannykh s vklyucheniyem v konkursnuyu massu zhilykh pomeshcheniy umershego dolzhnika [On Some Aspects of Judicial Practice Related to the Inclusion of Residential Premises of a Deceased Debtor in the Bankruptcy Estate]. *Obrazovaniye i pravo*, 7, 237-240.
12. Bandurina N.V. (2025). Problemy realizatsii zaveshchatel'nogo otkaza na zhilyye pomeshcheniya v sovremennoy praktike [Problems of Implementing a Testamentary Gift of Residential Premises in Contemporary Practice]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 10, 59-65.
13. Frik O.V. (2025). Zashchita imushchestvennykh prav supruga pri bankrotstve: nekotoryye voprosy teorii i praktiki [Protection of a Spouse's Property Rights in Bankruptcy: Some Issues of Theory and Practice]. *Notarial'nyy vestnik*, 11, 47-55.
14. Shishmareva T.P. (2024). Pravovoye regulirovaniye perekhoda k naslednikam biznesa, obremenennogo dolgami [Legal Regulation of the Transfer to Heirs of a Business Encumbered with Debts]. In *Moscow: Prospekt* (pp. 356-364). Moscow.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.6 **DOI: 10.34670/AR.2026.80.86.027**

Уголовно-правовая природа психического расстройства: место в системе признаков тяжести вреда здоровью, механизм причинения и уголовно-правовая оценка

Юрченко Ирина Александровна

Кандидат юридических наук, \
доцент кафедры уголовного права,
Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: iajurchenko@msal.ru

Аннотация

В статье исследуется три ключевых аспекта уголовно-правовой природы психического расстройства. Автором установлено, что в системе квалифицирующих признаков тяжести вреда, причиненного здоровью человека, не представляется возможным четко определить место психического расстройства из-за несогласованности медицинских и юридических критериев. Предлагается изменить содержание норм, указанных в статьях 111, 112, 115 УК, путем включения в них психического расстройства как альтернативы иному заболеванию, и связать его с утратой общей трудоспособности или длительностью расстройства здоровья. Делается вывод о том, что психическое расстройство может являться единственным преступным результатом психологического воздействия на потерпевшего. Для каждого из вариантов причинения вреда здоровью предложены правила уголовно-правовой оценки его степени тяжести. Предлагается включить в нормативный ведомственный акт об определении степени тяжести вреда здоровью указание на такие способы причинения вреда в виде психического расстройства, как травматическое, интоксикационное и психогенное воздействие на потерпевшего. Обосновывается необходимость исключения возможности квалификации особых страданий близких лиц, присутствующих при совершении преступления, совершаемого с особой жестокостью, по совокупности преступлений против здоровья.

Для цитирования в научных исследованиях

Юрченко И.А. Уголовно-правовая природа психического расстройства: место в системе признаков тяжести вреда здоровью, механизм причинения и уголовно-правовая оценка // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 335-343. DOI: 10.34670/AR.2026.80.86.027

Ключевые слова

Тяжкий вред здоровью, психическое расстройство, длительность расстройства здоровья, утрата общей трудоспособности, уголовно-правовая оценка, особая жестокость, квалификация преступлений, судебно-психиатрическая экспертиза, причинение вреда здоровью, Уголовный кодекс РФ.

Введение

В сентябре 2025 года вступили в силу новые правила определения степени тяжести вреда здоровью, утвержденные приказом Минздрава России от 08.04.2025 № 172н [Приказ Минздрава России № 172н, 2025]. Впервые в практике применения действующего российского уголовного законодательства психическое расстройство может быть квалифицировано как тяжкий и средней тяжести вред здоровью в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.» [Постановление Конституционного Суда РФ № 1-П, 2024]. Несмотря на указанные акты, с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года [Уголовный кодекс РФ, 1996] и до настоящего времени законодатель формально связывает психическое расстройство только с тяжким вредом здоровью (ст. 111), т.к. уголовно-правовые нормы, предусмотренные в статьях 112 и 115 УК, указание на данный признак не содержат. Ранее действующие нормативные правовые акты органов здравоохранения поддерживали данную позицию.

Основная часть

Содержание действующего уголовного закона в части указания на психическое расстройство только в ст. 111 УК текстуально не изменилось, но Конституционным Судом РФ и органами здравоохранения уголовно-правовым нормам, предусмотренным ст. 111, 112 и 115 УК, дано расширительное толкование. В частности, Конституционный Суда РФ приходит к выводу, что само по себе психическое расстройство не может автоматически и формально приравниваться к иным физическим признакам тяжкого вреда здоровью, предусмотренным ст. 111 УК, без учета его влияния на жизнедеятельность человека. В свою очередь, Минздрав России, опираясь на положения постановления Конституционного Суда РФ, в п. 5.1.8 приказа конкретизировал этот подход. К тяжкому вреду относятся лишь хронические и затяжные расстройства, характеризующиеся тяжелым течением или постоянно обостряющимися болезненными проявлениями, а остальные расстройства психики относятся оцениваются по признакам утраты трудоспособности или длительности расстройства здоровью. При этом приказ не уточняет критерии разграничения психических расстройств средней и лёгкой степени тяжести, что создает правовую неопределенность.

Исторический экскурс показывает, что подход к оценке душевных болезней менялся. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1945 г. ответственность за действия, повлекшие возникновение душевной болезни у потерпевшего, дифференцировалась в зависимости от вида умственного расстройства и способа его причинения. Уголовная ответственность за причинение умственного расстройства предусматривалась в самостоятельных нормах, но по наказуемости неизлечимое расстройство здоровью приравнивалось к тяжкому увечью, а излечимое – к менее тяжкому. В качестве способов причинения умственного расстройства предусматривались предумышленное отравление ядом или сильнодействующим веществом и умышленное расстройство другими средствами [Уложение о наказания уголовных и исправительных, 1845, с. 503–504]. В этот исторический период степень тяжести вреда являлось предметом особого фактического вопроса,

разрешаемого не на основе медицинского свидетельства, а по внутреннему убеждению судей [Таганцев, 1915, с. 911, 913]. В статье 149 УК 1922 г. душевная болезнь перечисляется наравне с иными последствиями: «Умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее … душевную болезнь…» [Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., 1922]. К менее тяжкому вреду здоровья (ст. 150 УК 1922 г.) относились посттравматические синдромы, [Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., 1922], нервные болезни [Немировский, 1924, с. 263–264]. В кодексах 1926 г. и 1960 г. душевная болезнь относилась к тяжкому вреду здоровья и рассматривалась как разновидность утраты трудоспособности: «Умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой … душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со значительной потерей трудоспособности» (ст. 142 УК 1926 г.) [Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., 1926], «Умышленное телесное повреждение, опасное для жизни или повлекшее за собой… душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть…» (ст. 108 УК 1960 г.) [Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., 1960]. При этом не имело значение носит ли душевная болезнь острый или хронический характер. Вместе с тем, высказывалось мнение, что душевная болезнь может быть причинена не только путем физического воздействия, но возникнуть в результате психического потрясения потерпевшего. [Советское уголовное право, 1951, с. 199–200]. В 60-90-х годах XX века душевная болезнь определялась как психическое расстройство, связанное с нарушением интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер психической деятельности человека (шизофрения, эпилепсия, слабоумие и т.п.). Учету подлежала длительность психического заболевания. Непродолжительные по времени психические расстройства не рассматривались как тяжкий вред здоровью [Ткаченко, 1977, с. 72]. До 2024 года в доктрине и судебной практике сложились разные мнения по поводу уголовно-правовой оценки психического расстройства. Большинство ученых, опираясь на действующее законодательство, считали, что психическое расстройство «независимо от его тяжести, продолжительности, излечимости» является тяжким вредом здоровью [Курс уголовного права, 2002, с. 167]. Однако некоторые авторы отмечали, что в рамках ст. 111 УК должны учитываться только те расстройства психики, которые характерны для признания лица невменяемым [Коробеев, 2012, с. 185]. Такое мнение нашло поддержку со стороны медицинского сообщества [Клевно, Ткаченко, Чибисова, Кононов, 2015, с. 11–12]. По мнению ряда научно-практических специалистов в области психиатрии, введение в УК 1996 г. обобщенной категории «психическое расстройство» хотя и соответствует Международной классификации болезней 10 пересмотра, но никак не характеризует степень выраженности социальной дезадаптации лица, длительность, стойкость и влияние психического расстройства на качество жизни в дальнейшем [Клевно, Кононов, 2017, с. 23–24]. Интересно, что в отдельных случаях суды и ранее использовали дифференцированный подход к оценке психического расстройства. По одному из уголовных дел кассационная инстанция признала справедливым приговор, которым Ф. была признана виновной за причинение вреда здоровью средней тяжести. В обоснование принятого решения кассационная инстанция сослалась на заключение судебно-психиатрической экспертизы, согласно которой у потерпевшей обнаружено расстройство адаптации в форме пролонгированной депрессивной реакции средней степени, что представляет собой длительное расстройство здоровью свыше 21 дня [Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции № 77-1073/2023, 2023]. Таким образом, говоря о месте психического расстройства в системе квалифицирующих признаков тяжести вреда, причиненного здоровью человека, необходимо указать на то, что предлагаемый

законодательный и судебный подход к оценке психического расстройства является не бесспорным из-за несогласованности медицинских и юридических критериев. Парадоксальной представляется ситуация, когда, с одной стороны, Конституционный Суд разрешил квалифицировать психическое расстройство как вред средней тяжести, а с другой – законодатель не внес правки в текст УК. Это порождает ряд проблем. Не вполне ясно, каким образом следует оценивать степень тяжести вреда здоровью, если в результате возникшего психического расстройства лицо будет признано временно (на срок не более пяти лет) непригодным к осуществлению профессиональной деятельности. Может ли судья считать в данном случае психическое расстройство, хотя и временным, но стойким и выраженным, а утрату профессиональной трудоспособности полной, но в рамках определенного периода? Тем более, что оценку психического расстройства и его влияние на социальное благополучие лица суд будет осуществлять лишь на основе прогнозов врачей-психиатров. Представляется также, что определенную дискриминацию можно увидеть в случае, когда одно и то же психическое расстройство, возникшее в результате посягательства на взрослого или ребенка, будет оцениваться различным образом. Если психическое расстройство пусть временно, но лишило взрослого лица возможности осуществлять профессиональную деятельность, то для суда данное обстоятельство может стать дополнительным аргументом признать его тяжким вредом здоровья, поскольку в ст. 111 УК психическое расстройство не связано с иными признаками тяжкого вреда здоровью, а его характер и последствия для лица носят оценочный характер. В случае же наступления психического расстройства у ребенка оно будет оцениваться в зависимости от его длительности или утраты общей трудоспособности, которые в ст. 112, 115 УК имеют четкие количественные показатели. Кроме того, диспозиции ст. 112 и 115 УК не содержат указание на психическое расстройство, которое приравнивается, по сути, к иными другим заболеваниям, т.е. для правоприменителя психическое расстройство в данных составах не имеет особого статуса в отличии от уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 111 УК. Вследствие неравнозначного статуса психического расстройства в ст. 111, с одной стороны, и в ст. 112, 115 УК – с другой, представляется невозможным провести сопоставительный количественный анализ степени тяжести вреда здоровью в виде психического расстройства в процентах утраты трудоспособности или в днях продолжительности болезни, что могло бы быть первым шагом для квалификации содеянного по ст. 111, 112, 115 УК. В целом следует применительно к ст. 111 УК отказаться от идеи оценивать вред здоровью в виде психического расстройства через оценочные категории.

В качестве разрешения указанных противоречий и возникших вопросов можно предложить модифицировать редакции статей, действующих в советский период:

Статья 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

1. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, выразившегося в … психическом расстройстве или ином расстройстве здоровья, соединенным с длительностью такого расстройства или со значительной стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть либо с заведомо для виновного полной утратой профессиональной трудоспособности.

Статья 112. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, … выразившегося в … психическом расстройстве или ином расстройстве здоровья, соединенным с длительностью такого расстройства или со значительной стойкой утратой общей трудоспособности менее чем

на одну треть.

Статья 115. Умышленное причинение легкого вреда здоровью

1. Умышленное причинение легкого вреда здоровью, … выразившегося в … психическом расстройстве или ином расстройстве здоровья, соединенным с кратковременностью такого расстройства или с незначительной стойкой утратой общей трудоспособности.

В изложенных редакциях статей предлагается отказаться от терминов «повлекшего за собою…» (ст. 111 УК), «вызвавшего…» (ст. 112, 115 УК), т.к. они лишают психическое расстройство и иные признаки вреда здоровью самостоятельной роли. Получается, что признаки вреда здоровью – «психическое расстройство», «утрата общей трудоспособности», «длительное расстройство здоровью» являются вторичными последствиями, которые возникают вследствии некоего тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью, что не отражает действительности. В связи с этим юридически некорректно называть последствия преступления, в том числе психическое расстройство, квалифицирующими признаками. Они являются скорее разновидностями такого вреда, возникших в результате физических повреждений (например, тяжелой черепно-мозговой травмы) или психического либо психологического воздействия на потерпевшего. В более раннем нормативном акте «О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз» [Приказ Минздрава РФ № 407, 1996] отмечалось, что психическое расстройство может быть самостоятельным проявлением вреда здоровью. В теории уголовного права безусловно признается тот факт, что психическое расстройство может быть единственным общественно опасным последствием физического воздействия на потерпевшего, но зачастую отрицается возможность причинения психического расстройства путем психических страданий. Такая позиция обосновывается тем, что любое преступление вызывает нравственные страдания у жертвы, но они не должны получать отдельную уголовно-правовую оценку и их необходимо рассматривать как моральный вред, подлежащий компенсации [Полубинская, Галюкова, 2023, с. 125]. Но в судебной практике на определенном временном этапе появилась иная позиция по данному вопросу. Так, причинение вреда здоровью в виде психического расстройства путем психологического воздействия стало возможно в случае совершения преступления (например, убийства) с особой жестокостью, если виновный осознает, что на месте преступления присутствует близкое для потерпевшего лицо, которому причиняются особые страдания. Одним из многочисленных примеров является уголовное дело, рассмотренное Омским областным судом, приговором которого подсудимая была признана виновной в убийстве с особой жестокостью (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК), совершенном в присутствии малолетнего ребенка, у которого, согласно заключению психолого-психиатрической экспертизы, возникло психическое заболевание в форме смешанного расстройства эмоций и поведения (п. «б» ч. 4 ст. 111 УК) [Приговор Омского областного суда № 2-28/2023, 2023]. Таким образом, в судебной практике сложилось неоднозначное правило двойного вменения фактических обстоятельств, связанных с особыми страданиями близкого лица, когда они одновременно образуют признак особой жестокости убийства и отдельный состав умышленного причинения вреда здоровью в виде психического расстройства, возникшего у близкого потерпевшему лица. Представляется, что уголовно-правовая оценка особых страданий близких по совокупности со ст. 111, 112 УК нарушает принцип справедливости, поскольку позволяет квалифицировать одни и те же действия лица дважды. В связи с этим является необходимым дать разъяснения Верховным Судом РФ данной квалификации в постановлениях, где упоминается особая жестокость. В случае, когда особые страдания при совершении

убийства, изнасилования и насильственных действиях сексуального характера вызвали наступление психического расстройства у близкого потерпевшему лица, то содеянное не требует дополнительной квалификации по ст. 111, 112, 115 УК. Вывод о том, что психическое расстройство может иметь только психогенное происхождение, был сделан апелляционным судом, указавшим, что «доводы адвоката о принципиальной невозможности причинения вреда здоровью при отсутствии применения к потерпевшей физического воздействия (насилия), основаны на субъективном мнении автора жалобы» и признал, что психическое расстройство, не связанное с повреждением или болезнью мозга, возникло у потерпевшей в связи с систематическим психологическим и психическим воздействием со стороны виновного [Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 77-1661/2024, 2024].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы: 1) в действующие редакции ст. 111, 112, 115 УК следует включить психическое расстройство, как альтернативу иным заболеванием, и связать его с утратой общей трудоспособности или длительностью расстройства здоровью ; 2) необходимо отказаться от терминов «повлекшего за собою…» (ст. 111 УК), «вызвавшего…» (ст. 112, 115 УК), т.к. они лишают психическое расстройство и иные признаки вреда здоровью самостоятельного уголовно-правового значения; 3) в пункт 5.1.8 приказа Минздрава России от 08.04.2025 № 172н предлагается более четко механизмы причинения вреда здоровью в виде психического расстройства; 4) требуется исключить путем разъяснений Верховного Суда РФ возможность квалификации посягательств, совершенных с особой жестокостью, которая выразилась в причинении страданий только близкому для потерпевшего лицу, по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 111, 112, 115 УК.

Библиография

1. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 мая 2024 г. по делу № 77-1661/2024. URL: (дата обращения: 22.04.2026).
2. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2023 по делу № 77-1073/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Клевно В.А., Кононов Р.В. Определение «психического расстройства» при оценке тяжести вреда, причиненного здоровью человека // Судебная медицина. 2017. Т. 3. № 4. С. 23–26.
4. Клевно В.А., Ткаченко А.А., Чибисова И.А., Кононов Р.В. Теория и практика оценки степени тяжести вреда здоровью в форме психического расстройства // Судебная медицина. 2015. Т. 1. № 3. С. 11–15.
5. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 320 с.
6. Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3: учебник для вузов / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: ИКД Зерцало-М, 2002. 470 с.
7. Немировский Э.Я. Советское уголовное право: пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного кодекса СССР: ч. общая и особенная. Одесса, 1924. 292 с.
8. Полубинская С.В., Галюкова М.И. Уголовно наказуемый вред психическому здоровью: содержание и признаки // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 3 (148). С. 115–130.
9. Постановление Конституционного суда РФ от 11.01.2024 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.» // Российская газета. Федеральный выпуск. 2024. № 20 (9262). 31 января.
10. Правила для составления заключений о тяжести повреждений: утв. Наркомздравом РСФСР, Наркомюстом

РСФСР, циркуляр от 16.11.1922 № 146. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17604
11. Приговор Омского областного суда от 11 октября 2023 г. по делу № 2-28/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dw74CWKLTvVW/
12. Приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н (ред. от 19.08.2025) «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.06.2025 № 82483). URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020040
13. Приказ Минздрава РФ от 10.12.1996 № 407 (ред. от 05.03.1997) «О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14169/
14. Советское уголовное право: Часть особенная: учебник для юридических вузов. М.: Госюриздат, 1951. 432 с.
15. Таганцев Н.С. (ред.) Уложение о наказания уголовных и исправительных 1885 года. 18-е изд., пересмотр. и доп. Петроград: Государственное издательство, 1915. 714 с.
16. Ткаченко В.И. Квалификация преступлений против жизни и здоровья по советскому уголовному праву: учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1977. 104 с.
17. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/901757375
18. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374
19. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/9037819
20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891
21. Уложение о наказания уголовных и исправительных. СПб.: Типография Второго Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с.

Criminal Legal Nature of Mental Disorder: Its Place in the System of Criteria for the Gravity of Harm to Health, Mechanism of Infliction, and Criminal Legal Assessment

Irina A. Yurchenko

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: iajurchenko@msal.ru

Abstract

The article examines three key aspects of the criminal legal nature of mental disorder. The author establishes that in the system of qualifying criteria for the gravity of harm caused to human health, it is not possible to clearly determine the place of mental disorder due to the inconsistency of medical and legal criteria. It is proposed to change the content of the norms specified in Articles 111, 112, 115 of the Criminal Code of the Russian Federation by including mental disorder as an alternative to another disease and linking it to the loss of general ability to work or the duration of the health disorder. It is concluded that a mental disorder may be the sole criminal result of psychological impact on the victim. For each of the options for causing harm to health, rules for criminal legal assessment of its degree of gravity are proposed. It is proposed to include in the regulatory departmental act on determining the degree of gravity of harm to health an indication of such methods of causing harm in the form of mental disorder as traumatic, intoxication, and psychogenic impact on the victim. The necessity of excluding the possibility of qualifying the special suffering of close persons present during the commission of a crime committed with particular cruelty as a combination of crimes against health is substantiated.

For citation

Yurchenko I.A. (2026) Ugolovno-pravovaya priroda psikhicheskogo rasstroystva: mesto v sisteme priznakov tyazhesti vreda zdorov'yu, mekhanizm prichineniya i ugolovno-pravovaya otsenka [Criminal Legal Nature of Mental Disorder: Its Place in the System of Criteria for the Gravity of Harm to Health, Mechanism of Infliction, and Criminal Legal Assessment]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 335-343. DOI: 10.34670/AR.2026.80.86.027

Keywords

Serious harm to health, mental disorder, duration of health disorder, loss of general ability to work, criminal legal assessment, particular cruelty, qualification of crimes, forensic psychiatric examination, causing harm to health, Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Cassation Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-1661/2024 of May 23, 2024. (2024).
2. Cassation Ruling of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-1073/2023 of June 27, 2023. (2023). ConsultantPlus Legal Reference System.
3. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. (1915). N.S. Tagantsev (Ed.). Petrograd: State Publishing House.
4. Code of Criminal and Correctional Punishments. (1845). St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery.
5. Criminal Code of the RSFSR of 1922. (1922). Retrieved from https://docs.cntd.ru/document/901757375
6. Criminal Code of the RSFSR of 1926. (1926). Retrieved from https://docs.cntd.ru/document/901757374
7. Criminal Code of the RSFSR of 1960. (1960). Retrieved from https://docs.cntd.ru/document/9037819
8. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on February 20, 2026). (1996). Retrieved from http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891
9. Criminal Law Course. Special Part. Volume 3: Textbook for Universities. (2002). G.N. Borzenkov, V.S. Komissarov (Eds.). Moscow: IKD Zertsalo-M.
10. Klevno, V.A., & Kononov, R.V. (2017). Opredelenie "psikhicheskogo rasstroystva" pri otsenke tyazhesti vreda, prichinennogo zdorov'yu cheloveka [Definition of "Mental Disorder" in Assessing the Severity of Harm Caused to Human Health]. *Sudebnaya meditsina*, 3(4), 23-26.
11. Klevno, V.A., Tkachenko, A.A., Chibisova, I.A., & Kononov, R.V. (2015). Teoriya i praktika otsenki stepeni tyazhesti vreda zdorov'yu v forme psikhicheskogo rasstroystva [Theory and Practice of Assessing the Severity of Harm to Health in the Form of a Mental Disorder]. *Sudebnaya meditsina*, 1(3), 11-15.
12. Korobeev, A.I. (2012). *Prestupnye posyagatel'stva na zhizn' i zdorov'e cheloveka* [Criminal Attacks on Human Life and Health]. Moscow: Yurlitinform.
13. Nemirovsky, E.Ya. (1924). *Sovetskoe ugolovnoe pravo* [Soviet Criminal Law]. Odessa.
14. Order of the Ministry of Health of Russia No. 172n of April 8, 2025 (as amended on August 19, 2025) "On Approval of the Procedure for Determining the Severity of Harm Caused to Human Health". (2025). Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020040
15. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 407 of December 10, 1996 (as amended on March 5, 1997) "On the Introduction of the Rules for Conducting Forensic Medical Examinations". (1996). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14169/
16. Polubinskaya, S.V., & Galyukova, M.I. (2023). Ugolovno nakazuemyy vred psikhicheskomu zdorov'yu: soderzhanie i priznaki [Criminally Punishable Harm to Mental Health: Content and Signs]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 18(3)148, 115-130.
17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-P of January 11, 2024 "On the Case of Verifying the Constitutionality of Part One of Article 111 and Part One of Article 112 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as Clause 3 of the Rules for Determining the Severity of Harm Caused to Human Health, in Connection with the Complaint of Citizen B." (2024). *Rossiyskaya gazeta. Federal Issue*, (20)9262.
18. Rules for Drawing Up Conclusions on the Severity of Injuries. (1922). Approved by the People's Commissariat of Health of the RSFSR, People's Commissariat of Justice of the RSFSR, Circular No. 146 of November 16, 1922. Retrieved from https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17604
19. Soviet Criminal Law. Special Part: Textbook for Law Schools. (1951). Moscow: Gosyurizdat.

20. Tkachenko, V.I. (1977). *Kvalifikatsiya prestupleniy protiv zhizni i zdorov'ya po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Qualification of Crimes against Life and Health under Soviet Criminal Law]. Moscow: VYUZI.
21. Verdict of the Omsk Regional Court No. 2-28/2023 of October 11, 2023, in Case No. 2-28/2023. (2023). Retrieved from https://sudact.ru/regular/doc/dw74CWKLTvVW/
22. Yurchenko, I.A. (2026). Criminal Law Nature of Mental Disorder: Place in the System of Signs of Severity of Harm to Health, Mechanism of Infliction and Criminal Law Assessment.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 364.632 **DOI: 10.34670/AR.2026.41.75.028**

Психологические деструкции в семье — ключевой фактор формирования противоправного поведения у детей

Староверова Надежда Васильевна

Соискатель,
Юго-Западный государственный университет,
305040, Российская Федерация, Курск, ул. 50 лет Октября, 94;
e-mail: savinceva.82@mail.ru

Аннотация

В статье представлен анализ по проблеме взаимоотношений родителей и детей с деструктивным поведением. Обсуждаются вопросы распространенности деструктивного поведения в подростковом возрасте, роль взаимоотношений родителя и ребёнка. Рассматриваются особенности подростков, склонных к противоправному поведению, особенности детско-родительских взаимоотношений в семьях с детьми, склонными к деструктивному поведению.

Для цитирования в научных исследованиях

Староверова Н.В. Психологические деструкции в семье — ключевой фактор формирования противоправного поведения у детей // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 344-350. DOI: 10.34670/AR.2026.41.75.028

Ключевые слова

Деструкции, деструктивное поведение, семья, подростковый возраст, детско-родительские взаимоотношения, противоправное поведение, психологические особенности, социальная адаптация.

Введение

Семья – это главное звено в жизни человека, которое является надежной защитой. Взаимоотношения между старшими и младшими поколениями постоянно подкрепляются любовью, существующей вне зависимости от жизненных ситуаций. Подобное взаимопонимание может быть в семье, где родители любят себя и чувствуют полную уверенность в своих действиях. Но в мире все не так идеально и сегодня много семей с противоположным типом – деструктивным. Жизнь в данных взаимоотношениях вносит сильные изменения в поведение ребенка, у которого развивается много комплексов, психических изменений [Заика, Крейдун, Ячина, 1990, с. 83–91].

Развитие ребенка во многом зависит от благополучной ситуации в его семье и адекватного участия родителей в его становлении, как в физическом, так и в нравственном. Именно семья знакомит ребёнка с традициями, нормами, принятыми в обществе, этот возраст является сенситивным периодом для формирования ценностей и мировоззрений [Захаров, 2007, с. 59–61].

Основная часть

В деструктивной семье дети не получают родительской любви, а жизненные позиции не идут в сравнении с нормальными семьями, то есть в них отсутствуют: общение, построенное на доверии, взаимопомощь, поддержка друг друга, уважение. Большинство родителей из данных семей сами воспитывались в таких же условиях.

Следует отметить, что деструктивная семья неравнозначна неблагополучной. Дисфункциональные отношения возникают там, где родители страдают от зависимостей, не имеют стабильной работы, ведут асоциальный образ жизни. Но нередко деструктивной или токсичной для ребенка становится семья внешне благополучная, в которой оба родителя включены в социум, ведут здоровый образ жизни и имеют хороший доход.

Социальные последствия взрослой жизни для таких детей являются серьезной проблемой. Выявить деструктивность и вовремя купировать влияние таких родителей на ребенка очень сложно, и только спустя многие годы можно распознать токсичность в поведении родителей.

В токсичной семье не чувствует себя любимым, перенимает от родителей плохие привычки и деструктивные взгляды на жизни, постоянно ощущает себя виноватым и регулярно испытывает негативные эмоции — обиду, страх, ненависть, беспомощность. Бегство из такой семьи часто невозможно ввиду психологического состояния ребенка: даже если он достаточно взрослый, чтобы жить самостоятельно, он не чувствует в себе силы, чтобы начать жить отдельно, и предпочитает иные формы «побега» – с помощью наркотических средств и алкоголя.

Основные симптомы деструктивных семей:

– Обесценивание ребенка, его мыслей и чувств, его достижений.
– Излишняя строгость, стремление контролировать каждый шаг либо, напротив, полное безразличие к тому, где находится и чем занимается ребенок.
– Постоянное принижение качеств ребенка. Токсичные родители постоянно называют его бездарем, глупым, неудачником, сулят плохие последствия за непослушание.
– Игнорирование желаний и стремлений ребенка, ограничение его свободы выбора. Взрослые предпочитают сами решать, где учиться ребенку, какие кружки посещать,

какую профессию выбрать. Решения преподносятся в ультимативной форме.

– Сверхэмоциональное общение, скандалы, манипулирование, полное игнорирование конфликтных ситуаций, которые в результате разрешаются только спустя много лет или не разрешаются никогда.
– Стремление «вынести сор из избы»: родители постоянно рассказывают своим друзьям и знакомым о ребенке, делятся его секретами, иногда даже высмеивая его недостатки.

Воспитание в деструктивной семье не делает ребенка сильнее и упорнее. Напротив, он фактически лишается поддержки родителей, не чувствует уверенности в себе, старается быть незаметным и не верит, что его желания когда-нибудь могут сбыться.

Часто деструктивными являются неполные семьи, семьи, где есть тяжело больной или зависимый человек, где один из супругов сильно — эмоционально и психически — устает на работе. Родители нередко даже не осознают, что становятся токсичными по отношению к своим детям, и не понимают последствий. А этими последствиями становятся алкоголизм, наркомания, суицидальное или просто асоциальное поведение.

Основными характеристиками деструктивных семей являются низкий уровень взаимопонимания между членами семьи, выраженный дефицит любви и заботы, а также деструктивные модели общения. В таких семьях часто отсутствует атмосфера безопасности, что приводит к чувству незащищенности у детей. Взрослые, как правило, находятся в состоянии постоянного стресса или депрессии, что негативно сказывается на их способности к воспроизводству здоровых отношений. Это создает замкнутый круг, в котором стресс порождает агрессию и неадекватное поведение, что, в свою очередь, усугубляет эмоциональное состояние всех членов семьи.

В семьях с деструктивной динамикой дети часто остаются без поддержки и понимания. Эмоциональное отстранение родителей сопровождается игнорированием потребностей ребёнка в общении и близости. В результате у детей формируется мнение о том, что они не заслуживают любви или внимания, что становится причиной низкой самооценки и чувства неполноценности. Когда взрослые не могут учить детей здоровым способам общения и разрешения конфликтов, это ведет к проблемам во взаимодействии с окружающими в дальнейшем.

Общая атмосфера деструктивной семьи часто пронизана чувством недовольства, конфликтами и высокими эмоциональными нагрузками. Можно отметить, что эмоциональное насилие встречается так же часто, как и физическое, и может быть столь же разрушительным. Оскорбления, унижения, манипуляции и внушение чувства вины — всё это формирует у детей искажённое восприятие своей личности и мира вокруг. В итоге, такое эмоциональное насилие становится не видимым, но по своей сути может «оставлять раны» на всю жизнь.

Модель поведения родителей оказывает значительное влияние на формирование у детей различных стилей привязанности. Часто дети, растущие в деструктивных семьях, не способны выстраивать доверительные отношения, боятся близости и избегают эмоциональной зависимости, так как воспринимают её как источник боли и страха. Избегающее поведение становится защитной реакцией на пережитые травмы.

Некоторые дети, наоборот, приобретают «спасательский» комплекс, стремясь исправить поведение родителей или других членов семьи. Это создает излишнюю ответственность на детские плечи и угнетает их потребности. Такие модели поведения часто сохраняются и в зрелом возрасте, что приводит к выбору партнёров, склонных к манипуляциям и эмоциональной зависимости.

«Проблемные», «трудные», «непослушные» подростки — это результат неправильно

сложившихся взаимоотношений в их семьях. Отчужденность ребёнка от семьи приводит к повышенной тревоге, внутренней напряженности, неуверенности, страху, неуверенности, чувству одиночества, обиде и пр. В большинстве случаев, подобные переживания могут привести к деструктивным проявлениям в поведении подростков.

В силу того, что подростки не обладают навыками самостоятельного преодоления стрессовых ситуаций и выработки стиля без отклоняющихся форм поведения, то они поступают как «принято и модно» [Заика, Крейдун, Ячина, 1990, с. 83–84; Кузнецова, 2018b, с. 18–19].

В настоящее время, в информационном обществе высокий уровень влияния индивида на социум, а, следовательно, последствия деструктивных действий могут быть совершенно непредвиденными. Таким образом, можно отметить, что проблема взаимоотношений детей и родителей влияет на развитие деструктивного поведения среди подростков, и на сегодняшний день является актуальной.

Ребенок, который не видел положительного примера взаимодействия с окружающими, часто не умеет выстраивать отношения с ровесниками. Отсутствие навыков общения приводит к социальной изоляции, что в свою очередь усугубляет чувство одиночества и неуверенности. Дети из таких семей могут также испытывать трудности с установлением границ — или, наоборот, становятся чрезмерно агрессивными и пытаются отстоять свое «я» за счет других.

Эмоциональные реакции детей также становятся неадекватными. Непонимание своих эмоций становится нормой, а негативные чувства, такие как гнев или печаль, подавляются или, наоборот, проявляются в избыточной форме. Это делает их слишком уязвимыми к внешним влияниям и повышает шансы на развитие зависимостей.

Дети часто переносят ответственность за родительские конфликты или насилие, убеждая себя, что если бы они были «лучшими», то все было бы по-другому. Непонимание любви и привязанности также остается серьезным наследием деструктивной среды. Дети, вырастающие в таких условиях, могут не осознавать, как выглядит здоровая привязанность. Они растут с искаженным восприятием отношений, что может привести к повторению травмирующего опыта в их собственной взрослой жизни. Часто такие дети становятся жертвами или агрессорами в будущих романтических и дружеских отношениях.

Подростковому возрасту свойственны следующие особенности: эмоциональная незрелость, резкие колебания настроения, недостаточно развитое умение контролировать собственное поведение, соразмерять желания и возможности в удовлетворении своих потребностей, повышенная внушаемость, желание самоутвердиться и стать взрослым, повышенная чувствительность к оценке посторонних, категоричные суждения по отношению к окружающим. В этом возрасте дети менее предсказуемы, они чаще совершают поступки, выходящие за рамки общественных норм [Заика, Крейдун, Ячина, 1990; Злоказов, 2016; Кузнецова, 2018b; Кулагина, 2008].

За деструктивным поведением, как правило, стоят искаженная картина мира и асоциальные установки в морально-психологическом плане. Для того, чтобы установка соответствовала поведению, необходимо, чтобы установка личности подростка была чёткой [Реан, 2015, с. 281–286].

Для подростка деструктивное поведение является адекватной реакцией на ненормальные для него условия (социальные или микросоциальные), в которых он оказался [Злоказов, 2016; Кузнецова, 2018b; Реан, Коновалов, Новикова, 2015].Важно отметить, что такие реакции подростка, как отказ или протест, являются, как правило, результатом эмоционально зависимых, дисгармоничных семейных отношений.

Подводя итог, можно отметить, что способы помощи таким детям должны быть

разнообразными и учитывать их индивидуальные потребности. Важно создать пространство, где ребенок может поделиться своими переживаниями и научиться распознавать свои эмоции. Создание безопасного и поддерживающего окружения в школе имеет ключевое значение. Объединение усилий родителей, педагогов и психотерапевтов, а также поддержка общественных организаций могут существенно изменить ситуацию к лучшему.

В учебных заведениях создание безопасной и поддерживающей среды может быть реализовано через формирование групп поддержки, где ученики смогут свободно делиться своими переживаниями. Педагоги должны быть готовы слушать ребят, обращать внимание на их эмоциональные состояния и направлять на помощь, если необходимо. Безопасная атмосфера также предполагает уважительное отношение к каждому ребенку, независимо от его семейного фона.

Работа с родительской аудиторией также требует применения специфических методов. Родители должны быть вовлечены в процессы, создаваемые в учебных заведениях для поддержки их детей. Образовательные семинары и тренинги на темы самопомощи, управления стрессом и эмоциональной поддержки могут стать важным вкладом в образовательный процесс.

Родителям стоит помнить, что даже если они не могут изменить семейную ситуацию ребенка, они могут стать его защитниками. Это подразумевает активное участие в жизни ребенка, проявление заботы и внимания к его потребностям. Простой жест поддержки, такой как выполнение домашних заданий вместе или совместные прогулки, могут создать чувство защиты и уменьшить чувство одиночества у детей. Родители должны научиться распознавать признаки неблагополучия у своих детей и быть готовыми оказывать им необходимую помощь.

Интеграция специализированных психологических служб в образовательные учреждения также является необходимой мерой. Взаимодействие с общественными организациями, которые занимаются вопросами семьи и детства, помогает расширить спектр доступных ресурсов и программ для семей в трудных жизненных ситуациях.

Каждый ребенок уникален, и поэтому к нему необходим индивидуальный подход. Важно, чтобы и педагоги, и родители работали совместно, создавая сеть поддержки, которая даст возможность ребенку ощущать безопасность и уверенность в будущем.

Заключение

В заключение, стоит отметить, что каждому ребенку, выросшему в деструктивной семье, требуется понимание и поддержка. Работая над изменением своей среды и создавая позитивные отношения, можно помочь этим детям преодолеть прошлые травмы и начать новую главу своей жизни. Семья должна быть фактором эффективной социализации личности и социальной адаптации. Некоторые агрессивные подростки не могут разрешать конфликт иным способом, потому что не имеют знаний и конструктивном решении возникшей трудной ситуации. Важно отметить, что потребность в любви и уважении является для человека одной из главных потребностей.

Библиография

1. Заика Е. В., Крейдун Н. П., Ячина А. С. Психологическая характеристика личности подростков с отклоняющимся поведением // Вопросы психологии. 1990. № 4. С. 83–91.
2. Захаров А. И. Психологические особенности восприятия детьми роли родителей // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 59–68.
3. Злоказов К. В. Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе //

Педагогическое образование в России. 2016. № 5. С. 71–81.
4. Ипатов, А. В. Личностные особенности деструктивных подростков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (64). С. 210–214.
5. Клейберг, Ю. А. Типология деструктивного поведения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1. С. 130–135.
6. Кузнецова М. Н. Теоретические аспекты психологии деструктивного поведения у подростков // Научный поиск: материалы X научной конференции аспирантов и докторантов. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018a. С. 124–131.
7. Кузнецова М. Н. Особенности подростков, склонных к деструктивному поведению // Психология в меняющемся мире: проблемы, гипотезы, исследования: сборник материалов международной студенческой научно-практической конференции. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018b. С. 18–23.
8. Кулагина И. Ю. Возрастная психология. М.: Сфера, 2008. 463 с.
9. Реан А. А., Коновалов И. А., Новикова М. А. Семья в представлении подростков с просоциальным и асоциальным поведением // Мир психологии. 2015. № 1 (93). С. 75–86.
10. Реан А. А. Влияние семьи и социальных установок на асоциальное поведение несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 281–288.
11. Трошина Н. В. Формы агрессивного выражения деструктивности в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7(81). С. 193–195.
12. Фетискин Н. П. Личностные особенности несовершеннолетних делинквентов // Педагогическое образование в России. 2017. № 1(11). С. 105–108.

Psychological Destructions in the Family as a Key Factor in the Formation of Unlawful Behavior in Children

Nadezhda V. Staroverova

Doctoral Candidate,
Southwestern State University,
305040, 94, 50 let Oktyabrya St., Kursk, Russian Federation;
e-mail: savinceva.82@mail.ru

Abstract

The article presents an analysis of the problem of parent-child relationships with destructive behavior. The issues of the prevalence of destructive behavior in adolescence and the role of parent-child relationships are discussed. The characteristics of adolescents prone to unlawful behavior and the features of child-parent relationships in families with children prone to destructive behavior are examined.

For citation

Staroverova N.V. (2026) Psikhologicheskiye destruktsii v semye — klyuchevoy faktor formirovaniya protivopravnogo povedeniya u detey [Psychological Destructions in the Family as a Key Factor in the Formation of Unlawful Behavior in Children]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 344-350. DOI: 10.34670/AR.2026.41.75.028

Keywords

Destructions, destructive behavior, family, adolescence, child-parent relationships, unlawful behavior, psychological characteristics, social adaptation.

References

1. Fetiskin, N.P. (2017). Lichnostnye osobennosti nesovershennoletnikh delinkventov [Personal Characteristics of Juvenile Delinquents]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, (1)11, 105-108.
2. Ipatov, A.V. (2014). Lichnostnye osobennosti destruktivnykh podrostkov [Personal Characteristics of Destructive Adolescents]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (4)64, 210-214.
3. Kleiberg, Yu.A. (2018). Tipologiya destruktivnogo povedeniya [Typology of Destructive Behavior]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, (1), 130-135.
4. Kulagina, I.Yu. (2008). *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental Psychology]. Moscow: Sfera.
5. Kuznetsova, M.N. (2018a). Teoreticheskie aspekty psikhologii destruktivnogo povedeniya u podrostkov [Theoretical Aspects of the Psychology of Destructive Behavior in Adolescents]. In *Nauchnyy poisk: Proceedings of the X Scientific Conference of Postgraduate and Doctoral Students* (pp. 124-131). Chelyabinsk: SUSU Publishing House.
6. Kuznetsova, M.N. (2018b). Osobennosti podrostkov, sklonnykh k destruktivnomu povedeniyu [Characteristics of Adolescents Prone to Destructive Behavior]. In *Psikhologiya v menyayushchemsya mire: problemy, gipotezy, issledovaniya* (pp. 18-23). Chelyabinsk: SUSU Publishing House.
7. Rean, A.A. (2015). Vliyanie semi i sotsial'nykh ustanovok na asotsial'noe povedenie nesovershennoletnikh [The Influence of Family and Social Attitudes on Antisocial Behavior of Minors]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (7), 281-288.
8. Rean, A.A., Konovalov, I.A., & Novikova, M.A. (2015). Sem'ya v predstavlenii podrostkov s prosotsial'nym i asotsial'nym povedeniem [The Family in the Perception of Adolescents with Prosocial and Antisocial Behavior]. *Mir psikhologii*, (1)93, 75-86.
9. Staroverova, N.V. (2026). Psychological Destruction in the Family as a Key Factor in the Formation of Unlawful Behavior in Children.
10. Tishina, N.V. (2017). Formy agressivnogo vyrazheniya destruktivnosti v sovremennom obshchestve [Forms of Aggressive Expression of Destructiveness in Modern Society]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (7)81, 193-195.
11. Zaika, E.V., Kreydun, N.P., & Yachina, A.S. (1990). Psikhologicheskaya kharakteristika lichnosti podrostkov s otklonyayushchimsya povedeniem [Psychological Characteristics of the Personality of Adolescents with Deviant Behavior]. *Voprosy psikhologii*, (4), 83-91.
12. Zakharov, A.I. (2007). Psikhologicheskie osobennosti vospriyatiya det'mi roli roditeley [Psychological Features of Children's Perception of the Role of Parents]. *Voprosy psikhologii*, (1), 59-68.
13. Zlokazov, K.V. (2016). Sotsial'no-psikhologicheskie predposylki destruktivnogo povedeniya podrostkov v shkole [Socio-Psychological Prerequisites for Destructive Behavior of Adolescents at School]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, (5), 71-81.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 364.632 **DOI: 10.34670/AR.2026.11.48.029**

Дисфункциональные отношения в семье как значимый фактор криминализации

Староверова Надежда Васильевна

Соискатель,
Юго-Западный государственный университет,
305040, Российская Федерация, Курск, ул. 50 лет Октября, 94;
e-mail: savinceva.82@mail.ru

Аннотация

В статье представлен анализ по проблеме взаимоотношений родителей и детей с деструктивным поведением. Обсуждаются вопросы распространенности деструктивного поведения в подростковом возрасте, роль взаимоотношений родителя и ребёнка. Рассматриваются особенности подростков, склонных к противоправному поведению, особенности детско-родительских взаимоотношений в семьях с детьми, склонными к деструктивному поведению.

Для цитирования в научных исследованиях

Староверова Н.В. Дисфункциональные отношения в семье как значимый фактор криминализации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 351-357. DOI: 10.34670/AR.2026.11.48.029

Ключевые слова

Деструкции, деструктивное поведение, семья, подростковый возраст, детско-родительские взаимоотношения, криминализация, дисфункциональные отношения, асоциальное поведение.

Введение

Семья – это главное звено в жизни человека, которое является надежной защитой. Взаимоотношения между старшими и младшими поколениями постоянно подкрепляются любовью, существующей вне зависимости от жизненных ситуаций. Подобное взаимопонимание может быть в семье, где родители любят себя и чувствуют полную уверенность в своих действиях. Но в мире все не так идеально и сегодня много семей с противоположным типом – деструктивным. Жизнь в данных взаимоотношениях вносит сильные изменения в поведение ребенка, у которого развивается много комплексов, психических изменений [Заика, Крейдун, Ячина, 1990, с. 83–91].

Развитие ребенка во многом зависит от благополучной ситуации в его семье и адекватного участия родителей в его становлении, как в физическом, так и в нравственном. Именно семья знакомит ребёнка с традициями, нормами, принятыми в обществе, этот возраст является сенситивным периодом для формирования ценностей и мировоззрений [Захаров, 2007, с. 59–61].

Основная часть

В деструктивной семье дети не получают родительской любви, а жизненные позиции не идут в сравнении с нормальными семьями, то есть в них отсутствуют: общение, построенное на доверии, взаимопомощь, поддержка друг друга, уважение. Большинство родителей из данных семей сами воспитывались в таких же условиях.

Следует отметить, что деструктивная семья неравнозначна неблагополучной. Дисфункциональные отношения возникают там, где родители страдают от зависимостей, не имеют стабильной работы, ведут асоциальный образ жизни. Но нередко деструктивной или токсичной для ребенка становится семья внешне благополучная, в которой оба родителя включены в социум, ведут здоровый образ жизни и имеют хороший доход.

Социальные последствия взрослой жизни для таких детей являются серьезной проблемой. Выявить деструктивность и вовремя купировать влияние таких родителей на ребенка очень сложно, и только спустя многие годы можно распознать токсичность в поведении родителей.

В токсичной семье не чувствует себя любимым, перенимает от родителей плохие привычки и деструктивные взгляды на жизни, постоянно ощущает себя виноватым и регулярно испытывает негативные эмоции — обиду, страх, ненависть, беспомощность. Бегство из такой семьи часто невозможно ввиду психологического состояния ребенка: даже если он достаточно взрослый, чтобы жить самостоятельно, он не чувствует в себе силы, чтобы начать жить отдельно, и предпочитает иные формы «побега» – с помощью наркотических средств и алкоголя.

Основные симптомы деструктивных семей:

– Обесценивание ребенка, его мыслей и чувств, его достижений.
– Излишняя строгость, стремление контролировать каждый шаг либо, напротив, полное безразличие к тому, где находится и чем занимается ребенок.
– Постоянное принижение качеств ребенка. Токсичные родители постоянно называют его бездарем, глупым, неудачником, сулят плохие последствия за непослушание.
– Игнорирование желаний и стремлений ребенка, ограничение его свободы выбора. Взрослые предпочитают сами решать, где учиться ребенку, какие кружки посещать,

какую профессию выбрать. Решения преподносятся в ультимативной форме.

– Сверхэмоциональное общение, скандалы, манипулирование, полное игнорирование конфликтных ситуаций, которые в результате разрешаются только спустя много лет или не разрешаются никогда.

– Стремление «вынести сор из избы»: родители постоянно рассказывают своим друзьям и знакомым о ребенке, делятся его секретами, иногда даже высмеивая его недостатки.

Воспитание в деструктивной семье не делает ребенка сильнее и упорнее. Напротив, он фактически лишается поддержки родителей, не чувствует уверенности в себе, старается быть незаметным и не верит, что его желания когда-нибудь могут сбыться.

Часто деструктивными являются неполные семьи, семьи, где есть тяжело больной или зависимый человек, где один из супругов сильно — эмоционально и психически — устает на работе. Родители нередко даже не осознают, что становятся токсичными по отношению к своим детям, и не понимают последствий. А этими последствиями становятся алкоголизм, наркомания, суицидальное или просто асоциальное поведение.

Основными характеристиками деструктивных семей являются низкий уровень взаимопонимания между членами семьи, выраженный дефицит любви и заботы, а также деструктивные модели общения. В таких семьях часто отсутствует атмосфера безопасности, что приводит к чувству незащищенности у детей. Взрослые, как правило, находятся в состоянии постоянного стресса или депрессии, что негативно сказывается на их способности к воспроизводству здоровых отношений. Это создает замкнутый круг, в котором стресс порождает агрессию и неадекватное поведение, что, в свою очередь, усугубляет эмоциональное состояние всех членов семьи.

В семьях с деструктивной динамикой дети часто остаются без поддержки и понимания. Эмоциональное отстранение родителей сопровождается игнорированием потребностей ребёнка в общении и близости. В результате у детей формируется мнение о том, что они не заслуживают любви или внимания, что становится причиной низкой самооценки и чувства неполноценности. Когда взрослые не могут учить детей здоровым способам общения и разрешения конфликтов, это ведет к проблемам во взаимодействии с окружающими в дальнейшем.

Общая атмосфера деструктивной семьи часто пронизана чувством недовольства, конфликтами и высокими эмоциональными нагрузками. Можно отметить, что эмоциональное насилие встречается так же часто, как и физическое, и может быть столь же разрушительным. Оскорбления, унижения, манипуляции и внушение чувства вины — всё это формирует у детей искажённое восприятие своей личности и мира вокруг. В итоге, такое эмоциональное насилие становится не видимым, но по своей сути может «оставлять раны» на всю жизнь.

Модель поведения родителей оказывает значительное влияние на формирование у детей различных стилей привязанности. Часто дети, растущие в деструктивных семьях, не способны выстраивать доверительные отношения, боятся близости и избегают эмоциональной зависимости, так как воспринимают её как источник боли и страха. Избегающее поведение становится защитной реакцией на пережитые травмы.

Некоторые дети, наоборот, приобретают «спасательский» комплекс, стремясь исправить поведение родителей или других членов семьи. Это создает излишнюю ответственность на детские плечи и угнетает их потребности. Такие модели поведения часто сохраняются и в зрелом возрасте, что приводит к выбору партнёров, склонных к манипуляциям и эмоциональной зависимости.

«Проблемные», «трудные», «непослушные» подростки — это результат неправильно

сложившихся взаимоотношений в их семьях. Отчужденность ребёнка от семьи приводит к повышенной тревоге, внутренней напряженности, неуверенности, страху, неуверенности, чувству одиночества, обиде и пр. В большинстве случаев, подобные переживания могут привести к деструктивным проявлениям в поведении подростков.

В силу того, что подростки не обладают навыками самостоятельного преодоления стрессовых ситуаций и выработки стиля без отклоняющихся форм поведения, то они поступают как «принято и модно» [Заика, Крейдун, Ячина, 1990, с. 83–84; Кузнецова, 2018b, с. 18–19].

В настоящее время, в информационном обществе высокий уровень влияния индивида на социум, а, следовательно, последствия деструктивных действий могут быть совершенно непредвиденными. Таким образом, можно отметить, что проблема взаимоотношений детей и родителей влияет на развитие деструктивного поведения среди подростков, и на сегодняшний день является актуальной.

Ребенок, который не видел положительного примера взаимодействия с окружающими, часто не умеет выстраивать отношения с ровесниками. Отсутствие навыков общения приводит к социальной изоляции, что в свою очередь усугубляет чувство одиночества и неуверенности. Дети из таких семей могут также испытывать трудности с установлением границ — или, наоборот, становятся чрезмерно агрессивными и пытаются отстоять свое «я» за счет других.

Эмоциональные реакции детей также становятся неадекватными. Непонимание своих эмоций становится нормой, а негативные чувства, такие как гнев или печаль, подавляются или, наоборот, проявляются в избыточной форме. Это делает их слишком уязвимыми к внешним влияниям и повышает шансы на развитие зависимостей.

Дети часто переносят ответственность за родительские конфликты или насилие, убеждая себя, что если бы они были «лучшими», то все было бы по-другому. Непонимание любви и привязанности также остается серьезным наследием деструктивной среды. Дети, вырастающие в таких условиях, могут не осознавать, как выглядит здоровая привязанность. Они растут с искаженным восприятием отношений, что может привести к повторению травмирующего опыта в их собственной взрослой жизни. Часто такие дети становятся жертвами или агрессорами в будущих романтических и дружеских отношениях.

Подростковому возрасту свойственны следующие особенности: эмоциональная незрелость, резкие колебания настроения, недостаточно развитое умение контролировать собственное поведение, соразмерять желания и возможности в удовлетворении своих потребностей, повышенная внушаемость, желание самоутвердиться и стать взрослым, повышенная чувствительность к оценке посторонних, категоричные суждения по отношению к окружающим. В этом возрасте дети менее предсказуемы, они чаще совершают поступки, выходящие за рамки общественных норм [Заика, Крейдун, Ячина, 1990; Злоказов, 2016; Кузнецова, 2018b; Кулагина, 2008].

За деструктивным поведением, как правило, стоят искаженная картина мира и асоциальные установки в морально-психологическом плане. Для того, чтобы установка соответствовала поведению, необходимо, чтобы установка личности подростка была чёткой [Реан, 2015b, с. 281–286].

Для подростка деструктивное поведение является адекватной реакцией на ненормальные для него условия (социальные или микросоциальные), в которых он оказался [Злоказов, 2016; Кузнецова, 2018b; Реан, Коновалов, Новикова, 2015]. Важно отметить, что такие реакции подростка, как отказ или протест, являются, как правило, результатом эмоционально зависимых, дисгармоничных семейных отношений.

Подводя итог, можно отметить, что способы помощи таким детям должны быть разнообразными и учитывать их индивидуальные потребности. Важно создать пространство, где ребенок может поделиться своими переживаниями и научиться распознавать свои эмоции. Создание безопасного и поддерживающего окружения в школе имеет ключевое значение. Объединение усилий родителей, педагогов и психотерапевтов, а также поддержка общественных организаций могут существенно изменить ситуацию к лучшему.

В учебных заведениях создание безопасной и поддерживающей среды может быть реализовано через формирование групп поддержки, где ученики смогут свободно делиться своими переживаниями. Педагоги должны быть готовы слушать ребят, обращать внимание на их эмоциональные состояния и направлять на помощь, если необходимо. Безопасная атмосфера также предполагает уважительное отношение к каждому ребенку, независимо от его семейного фона.

Работа с родительской аудиторией также требует применения специфических методов. Родители должны быть вовлечены в процессы, создаваемые в учебных заведениях для поддержки их детей. Образовательные семинары и тренинги на темы самопомощи, управления стрессом и эмоциональной поддержки могут стать важным вкладом в образовательный процесс.

Родителям стоит помнить, что даже если они не могут изменить семейную ситуацию ребенка, они могут стать его защитниками. Это подразумевает активное участие в жизни ребенка, проявление заботы и внимания к его потребностям. Простой жест поддержки, такой как выполнение домашних заданий вместе или совместные прогулки, могут создать чувство защиты и уменьшить чувство одиночества у детей. Родители должны научиться распознавать признаки неблагополучия у своих детей и быть готовыми оказывать им необходимую помощь.

Интеграция специализированных психологических служб в образовательные учреждения также является необходимой мерой. Взаимодействие с общественными организациями, которые занимаются вопросами семьи и детства, помогает расширить спектр доступных ресурсов и программ для семей в трудных жизненных ситуациях.

Каждый ребенок уникален, и поэтому к нему необходим индивидуальный подход. Важно, чтобы и педагоги, и родители работали совместно, создавая сеть поддержки, которая даст возможность ребенку ощущать безопасность и уверенность в будущем.

Заключение

В заключение, стоит отметить, что каждому ребенку, выросшему в деструктивной семье, требуется понимание и поддержка. Работая над изменением своей среды и создавая позитивные отношения, можно помочь этим детям преодолеть прошлые травмы и начать новую главу своей жизни. Семья должна быть фактором эффективной социализации личности и социальной адаптации. Некоторые агрессивные подростки не могут разрешать конфликт иным способом, потому что не имеют знаний и конструктивном решении возникшей трудной ситуации. Важно отметить, что потребность в любви и уважении является для человека одной из главных потребностей.

Библиография

1. Заика Е. В., Крейдун Н. П., Ячина А. С. Психологическая характеристика личности подростков с отклоняющимся поведением // Вопросы психологии. 1990. № 4. С. 83–91.
2. Захаров А. И. Психологические особенности восприятия детьми роли родителей // Вопросы психологии. 2007.

№ 1. С. 59–68.
3. Злоказов К. В. Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе // Педагогическое образование в России. 2016. № 5. С. 71–81.
4. Ипатов, А. В. Личностные особенности деструктивных подростков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (64). С. 210–214.
5. Клейберг, Ю. А. Типология деструктивного поведения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1. С. 130–135.
6. Кузнецова М. Н. Теоретические аспекты психологии деструктивного поведения у подростков // Научный поиск: материалы X научной конференции аспирантов и докторантов. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018a. С. 124–131.
7. Кузнецова М. Н. Особенности подростков, склонных к деструктивному поведению // Психология в меняющемся мире: проблемы, гипотезы, исследования: сборник материалов международной студенческой научно-практической конференции. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018b. С. 18–23.
8. Кулагина И. Ю. Возрастная психология. М.: Сфера, 2008. 463 с.
9. Реан А. А., Коновалов И. А., Новикова М. А. Семья в представлении подростков с просоциальным и асоциальным поведением // Мир психологии. 2015a. № 1 (93). С. 75–86.
10. Реан А. А. Влияние семьи и социальных установок на асоциальное поведение несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2015b. № 7. С. 281–288.
11. Трошина Н. В. Формы агрессивного выражения деструктивности в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7(81). С. 193–195.
12. Фетискин Н. П. Личностные особенности несовершеннолетних делинквентов // Педагогическое образование в России. 2017. № 1(11). С. 105–108.

Dysfunctional Family Relationships as a Significant Factor of Criminalization

Nadezhda V. Staroverova

Doctoral Candidate,
Southwestern State University,
305040, 94, 50 let Oktyabrya St., Kursk, Russian Federation;
e-mail: savinceva.82@mail.ru

Abstract

The article presents an analysis of the problem of relationships between parents and children with destructive behavior. Issues of the prevalence of destructive behavior in adolescence and the role of parent-child relationships are discussed. The features of adolescents prone to unlawful behavior and the features of parent-child relationships in families with children prone to destructive behavior are examined.

For citation

Staroverova N.V. (2026) Disfunktsional'nyye otnosheniya v semye kak znachimyy faktor kriminalizatsii [Dysfunctional Family Relationships as a Significant Factor of Criminalization]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 351-357. DOI: 10.34670/AR.2026.11.48.029

Keywords

Destructions, destructive behavior, family, adolescence, parent-child relationships, criminalization, dysfunctional relationships, antisocial behavior.

References

1. Fetiskin, N.P. (2017). Lichnostnye osobennosti nesovershennoletnikh delinkventov [Personal Characteristics of Juvenile Delinquents]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, (1)11, 105-108.
2. Ipatov, A.V. (2014). Lichnostnye osobennosti destruktivnykh podrostkov [Personal Characteristics of Destructive Adolescents]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (4)64, 210-214.
3. Kleiberg, Yu.A. (2018). Tipologiya destruktivnogo povedeniya [Typology of Destructive Behavior]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, (1), 130-135.
4. Kulagina, I.Yu. (2008). *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental Psychology]. Moscow: Sfera.
5. Kuznetsova, M.N. (2018a). Teoreticheskie aspekty psikhologii destruktivnogo povedeniya u podrostkov [Theoretical Aspects of the Psychology of Destructive Behavior in Adolescents]. In *Nauchnyy poisk: Proceedings of the X Scientific Conference of Postgraduate and Doctoral Students* (pp. 124-131). Chelyabinsk: SUSU Publishing House.
6. Kuznetsova, M.N. (2018b). Osobennosti podrostkov, sklonnykh k destruktivnomu povedeniyu [Characteristics of Adolescents Prone to Destructive Behavior]. In *Psikhologiya v menyayushchemsya mire: problemy, gipotezy, issledovaniya* (pp. 18-23). Chelyabinsk: SUSU Publishing House.
7. Rean, A.A. (2015b). Vliyanie semi i sotsial'nykh ustanovok na asotsial'noe povedenie nesovershennoletnikh [The Influence of Family and Social Attitudes on Antisocial Behavior of Minors]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (7), 281-288.
8. Rean, A.A., Konovalov, I.A., & Novikova, M.A. (2015a). Sem'ya v predstavlenii podrostkov s prosotsial'nym i asotsial'nym povedeniem [The Family in the Perception of Adolescents with Prosocial and Antisocial Behavior]. *Mir psikhologii*, (1)93, 75-86.
9. Staroverova, N.V. (2026). Dysfunctional Family Relationships as a Significant Factor in Criminalization.
10. Tishina, N.V. (2017). Formy agressivnogo vyrazheniya destruktivnosti v sovremennom obshchestve [Forms of Aggressive Expression of Destructiveness in Modern Society]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (7)81, 193-195.
11. Zaika, E.V., Kreydun, N.P., & Yachina, A.S. (1990). Psikhologicheskaya kharakteristika lichnosti podrostkov s otklonyayushchimsya povedeniem [Psychological Characteristics of the Personality of Adolescents with Deviant Behavior]. *Voprosy psikhologii*, (4), 83-91.
12. Zakharov, A.I. (2007). Psikhologicheskie osobennosti vospriyatiya det'mi roli roditeley [Psychological Features of Children's Perception of the Role of Parents]. *Voprosy psikhologii*, (1), 59-68.
13. Zlokazov, K.V. (2016). Sotsial'no-psikhologicheskie predposylki destruktivnogo povedeniya podrostkov v shkole [Socio-Psychological Prerequisites for Destructive Behavior of Adolescents at School]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, (5), 71-81.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.01 **DOI: 10.34670/AR.2026.31.14.030**

Развитие принципа справедливости в уголовном законодательстве России

Аршба Алан Джонович

Адъюнкт,
Краснодарский университет МВД России,
350005, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ярославская, 128;
e-mail: alan_boom@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется эволюция принципа справедливости в отечественном уголовном законодательстве от Уложения о наказаниях 1845 г. до Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. На примере норм об ответственности за преступления против жизни прослеживается, как менялось нормативное содержание справедливости в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. На основе сравнительного анализа санкций за убийство по шести нормативным актам установлена закономерность: принцип соразмерности наиболее полно воплощался тогда, когда законодатель обеспечивал последовательную дифференциацию санкций. Выявлена генетическая связь между советской наркополитикой и диспропорциями в системе санкций действующего УК РФ. Обосновывается вывод о том, что ст. 6 УК РФ адресует принцип справедливости суду, но не законодателю, что образует нормативный пробел, требующий устранения. Сформулировано предложение о дополнении ст. 6 УК РФ положением, распространяющим принцип справедливости на законодательную деятельность по конструированию санкций.

Для цитирования в научных исследованиях

Аршба А.Д. Развитие принципа справедливости в уголовном законодательстве России // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 358-366. DOI: 10.34670/AR.2026.31.14.030

Ключевые слова

Принцип справедливости, уголовное законодательство, история уголовного права, дифференциация ответственности, наказание, преступления против жизни, санкции, соразмерность наказания, убийство, сравнительный анализ.

Введение

Принцип справедливости в уголовном праве обладает особой природой: он одновременно выступает нравственным требованием к законодателю, критерием оценки правоприменительной практики и мерилом отношения общества к уголовному закону. При этом, как точно заметил В. И. Тихонов, данный принцип не тождественен общим началам назначения наказания, закрепленным в ст. 60 УК РФ, поскольку имеет более широкое содержание и задает саму цель уголовно-правовой деятельности, а не только правила ее осуществления [Тихонов, 2017, с. 145]. Идея справедливого воздаяния присутствовала в отечественном уголовном законодательстве задолго до того, как получила прямое нормативное выражение. Лишь с принятием УК РФ 1996 г. она была закреплена в качестве самостоятельного принципа, обязательного как для законодателя, так и для правоприменителя [Зубкова, 2018, с. 14].

Между тем вопрос о том, насколько действующий закон реально воплощает этот принцип, остается дискуссионным. Чтобы ответить на него, необходимо понять, как складывалось нормативное содержание справедливости на протяжении более полутора веков отечественного уголовного законодательства. Именно этой цели посвящено настоящее исследование, основанное на анализе уголовных кодексов дореволюционного, советского и постсоветского периодов на примере норм об ответственности за преступления против жизни.

Методологическую основу работы составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также метод системного анализа нормативных источников. Хронологические рамки охватывают период с 1845 по 1996 г.

Теоретические основы принципа справедливости

Идея соразмерности наказания преступлению имеет длительную историю. Чезаре Беккариа в трактате «О преступлениях и наказаниях» сформулировал ее с предельной четкостью: именно соразмерность, а не суровость наказания обеспечивает его предупредительное и воспитательное воздействие на общество [Зубкова, 2018, с. 14]. Это положение стало основой классической школы уголовного права и в разных вариациях воспроизводилось во всей последующей доктрине.

В отечественной науке принцип справедливости получил развитие прежде всего в контексте учения о наказании. Н. С. Таганцев рассматривал справедливость как соответствие меры наказания значению совершенного преступления для правопорядка: несправедливое наказание, по его убеждению, подрывает само основание уголовной репрессии [Таганцев, 1902, с. 892]. Б. А. Кистяковский подходил к этому вопросу шире, указывая, что справедливость образует нравственный фундамент всей правовой системы и не сводится к формальному равенству перед законом [Кистяковский, 1916, с. 341].

В современной науке сложилось устойчивое понимание двух измерений данного принципа. Уравнительный аспект предполагает равенство всех граждан перед уголовным законом. Дифференцирующий аспект требует учета характера и степени общественной опасности деяния, обстоятельств его совершения и личности виновного при назначении наказания [Кузнецова, Тяжкова, 2002, с. 58]. А. В. Тищенко обоснованно рассматривает справедливость как стандарт правоприменительной деятельности в целом, выступающий гарантом правовой защищенности личности [Тищенко, 2018, с. 64]. К. В. Корсаков, исследуя современные

пенологические теории, приходит к выводу о том, что требование соразмерности запечатлено как в нравственных интуициях человека, так и в рациональных основаниях права, что и делает его неустранимым из уголовного закона [Корсаков, 2025, с. 520].

Принципиально важным представляется разграничение, введенное в научный оборот в учебном курсе под редакцией Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой: справедливость уголовного закона как требование к законодателю при криминализации деяний и конструировании санкций, и справедливость наказания как требование к суду при его назначении в конкретном деле образуют два самостоятельных, хотя и взаимосвязанных уровня реализации данного принципа [Кузнецова, Тяжкова, 2002, с. 62]. Именно это двуединое содержание определяет сложность как его нормативного закрепления, так и практического применения на протяжении всей истории отечественного уголовного права.

Принцип справедливости в дореволюционном уголовном законодательстве

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не содержало нормы, прямо закрепляющей принцип справедливости. Тем не менее идея соразмерности последовательно воплощалась через разветвленную систему санкций, дифференцированных в зависимости от формы вины, тяжести последствий и обстоятельств совершения преступления [Уложение о наказаниях 1845 г., 1845]. Применительно к убийству Уложение различало несколько составов: умышленное убийство с заранее обдуманным намерением, убийство без такового умысла, убийство в состоянии аффекта, убийство по неосторожности. Каждому из них соответствовала своя мера наказания, что свидетельствует о стремлении законодателя соразмерить наказание тяжести содеянного. В сущности, это и есть дифференциация уголовной ответственности в ее историческом начале как инструмент воплощения справедливости в законе [Санжаров, 2018, с. 183].

Уголовное уложение 1903 г., подготовленное под руководством Н. С. Таганцева, стало вершиной дореволюционного нормативного развития этой идеи. В нем была выстроена логически последовательная система градации наказаний за убийство в зависимости от степени общественной опасности деяния и формы вины [Уголовное уложение 1903 г., 1903]. За убийство при отягчающих обстоятельствах предусматривалась бессрочная каторга, за простое умышленное убийство от восьми до десяти лет каторги, за привилегированные составы убийства значительно более мягкие санкции. Подобная конструкция прямо воплощала философию соразмерного воздаяния, при которой мера наказания определяется тяжестью содеянного, а не соображениями устрашения. Именно это Уложение в наибольшей мере среди дореволюционных источников реализовало принцип справедливости как нормативное начало уголовного закона, хотя само это понятие в тексте закона по-прежнему отсутствовало [Уголовное уложение 1903 г., 1903].

Таким образом, дореволюционный период характеризуется имплицитным присутствием принципа справедливости: не будучи закрепленным прямо, он последовательно воплощался через технику дифференцированных санкций, построенных на критерии соразмерности.

Трансформация принципа справедливости в советский период

Октябрьская революция 1917 г. повлекла коренной пересмотр философских оснований уголовного права. Советская доктрина первых лет отвергла концепцию возмездия и

соразмерного наказания, заменив ее идеей социальной защиты общества от опасных элементов. Как показал А. И. Рарог, уголовное законодательство советского периода было принципиально непоследовательным в формулировании целей наказания: на протяжении нескольких десятилетий их перечень неоднократно менялся, что порождало длительные и безрезультатные дискуссии в доктрине [Рарог, 2021, с. 126].

УК РСФСР 1922 г. воплотил этот идеологический перелом в полной мере. Наказание трактовалось как мера социальной защиты, ориентированная на предупреждение новых преступлений, а не как возмездие за вину [УК РСФСР 1922 г., 1922]. Принцип соразмерности фактически уступил место принципу целесообразности. А. В. Шеслер убедительно показывает: отказ от карательного характера наказания в советской доктрине имел серьезные системные последствия, поскольку без критерия соразмерности уголовный закон утрачивал внутреннюю логику и открывал путь для произвольного применения наказания исходя из политической конъюнктуры [Шеслер, 2019, с. 548].

УК РСФСР 1926 г. закрепил «меры социальной защиты» вместо наказаний и окончательно отказался от терминологии возмездия [УК РСФСР 1926 г., 1926]. Санкции за убийство в этот период отличались широкими пределами судейского усмотрения, что de facto означало законодательный отказ от принципа соразмерности: суд был вправе применять меры исходя из «опасности» деятеля, а не из тяжести совершенного.

Частичный возврат к дифференцированному подходу произошел с принятием УК РСФСР 1960 г. [УК РСФСР 1960 г., 1960]. Статья 103 (простое убийство) предусматривала лишение свободы от трех до десяти лет, тогда как ст. 102 (убийство при отягчающих обстоятельствах) от восьми до пятнадцати лет или смертную казнь. Одновременно ст. 20 этого кодекса впервые сформулировала цели наказания: исправление, перевоспитание осужденных и предупреждение новых преступлений. Восстановление социальной справедливости среди целей наказания так и не появилось. С. Т. Сулейманова убедительно показывает, что советское право последовательно отдавало предпочтение утилитарным целям наказания перед ретрибутивной целью восстановления справедливости, что принципиально отличало его от классической традиции и от подходов, характерных для правовых систем других государств [Сулейманова, 2016, с. 89].

Сравнительный анализ регулирования ответственности за убийство в российском уголовном законодательстве

Для наглядного представления того, как изменялись санкции за убийство от кодекса к кодексу, приведем сводную таблицу, охватывающую все рассматриваемые исторические периоды (табл. 1).

Таблица 1 - Сравнительный анализ санкций за убийство в уголовном законодательстве России (1845-1996)

Нормативный акт	Простое убийство	Убийство при отягчающих обстоятельствах	Привилегированные составы
Уложение о наказаниях 1845 г.	Каторжные работы от 12 до 15 лет	Каторга бессрочная или на максимальный срок	Смягченные санкции (убийство в аффекте, по неосторожности)
Уголовное уложение 1903 г.	Каторга от 8 до 10 лет	Каторга бессрочная	Заключение в исправительный дом или тюрьму

Нормативный акт	Простое убийство	Убийство при отягчающих обстоятельствах	Привилегированные составы
УК РСФСР 1922 г.	Лишение свободы от 8 лет	Расстрел или лишение свободы от 10 лет	Смягчение при признании меньшей социальной опасности деятеля
УК РСФСР 1926 г.	Лишение свободы до 10 лет	Расстрел или лишение свободы до 10 лет с поражением в правах	Судейское усмотрение в широких пределах
УК РСФСР 1960 г.	Лишение свободы от 3 до 10 лет	Лишение свободы от 8 до 15 лет или смертная казнь	Лишение свободы от 1 до 3 лет (ст.104, 106)
УК РФ 1996 г.	Лишение свободы от 6 до 15 лет	Пожизненное лишение свободы, смертная казнь или лишение свободы от 8 до 20 лет	Лишение свободы от 2 до 5 лет (ст.106, 107, 108)

Приведенные данные в табл. 1 позволяют сделать ряд выводов. Дореволюционное законодательство обеспечивало наиболее последовательную внутреннюю логику санкций: разрыв между наказаниями за простое и квалифицированное убийство был значительным и отражал реальные различия в степени общественной опасности деяний. Советские кодексы 1922 и 1926 г. утратили эту логику, размыв границы между составами и предоставив суду чрезмерно широкое усмотрение. Кодекс 1960 г. восстановил дифференциацию, однако нижняя граница санкции за простое убийство (три года) оказалась явно несоразмерной тяжести этого преступления. УК РФ 1996 г. поднял нижнюю границу санкции за убийство до шести лет, что ближе к требованиям соразмерности, хотя и сохранил ряд противоречий, о которых будет сказано далее.

Законодательное закрепление принципа справедливости в УК РФ 1996 г.

Принятие УК РФ 1996 г. стало подлинным переломом в нормативном развитии принципа справедливости. Статья 6 впервые прямо закрепила его содержание: наказание и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [УК РФ 1996 г., 1996]. Одновременно ч. 2 ст. 43 УК РФ назвала восстановление социальной справедливости первой среди целей наказания, чего не знало ни одно из советских уложений.

В. И. Зубкова выделяет несколько нормативных проявлений данного принципа: справедливость криминализации деяний, справедливость конструирования санкций и справедливость назначения наказания в конкретном деле [Зубкова, 2018, с. 15]. Вместе с тем исследователь фиксирует существенное ограничение: ст. 6 УК РФ по существу адресована правоприменителю и говорит о соразмерности применяемого наказания, тогда как требование справедливости к самому законодателю при установлении санкций остается за рамками нормативного определения [Зубкова, 2018, с. 17]. Это создает нормативный пробел: принцип, декларированный в законе, не связывает того, кто этот закон принимает.

Представляется, что данный пробел не является неизбежным. Действующая редакция ст. 6 УК РФ ограничивает адресата принципа справедливости фигурой суда, назначающего наказание. Между тем исторический анализ, проведенный в настоящей статье, наглядно показывает: наибольшие отступления от принципа справедливости в отечественном уголовном законодательстве были обусловлены не судейским произволом, а именно законодательными

решениями о величине санкций. Именно законодатель в советский период подменил соразмерность целесообразностью, именно законодатель перенес в УК РФ 1996 г. диспропорции, унаследованные от советской наркополитики. Суд в этих условиях мог лишь применять несправедливо сконструированные санкции. Ограничивая принцип справедливости рамками правоприменения, ст. 6 УК РФ фактически снимает с законодателя ответственность за системные несоответствия в архитектуре Особенной части.

В. Г. Татарников убедительно показывает, что принцип справедливости реализуется прежде всего через систему общих начал назначения наказания и требование ч. 1 ст. 60 УК РФ является системообразующим по отношению ко всем прочим началам [Татарников, 2018, с. 33]. Ф. И. Санжаров указывает, что дифференциация уголовной ответственности в законе создает нормативную основу для справедливой индивидуализации наказания [Татарников, 2018, с. 33]. Все это верно, но предполагает, что сама законодательная дифференциация санкций уже выдержана с позиций соразмерности. Когда это условие не выполнено, ни общие начала назначения наказания, ни судейское усмотрение не способны восстановить справедливость.

Именно такая ситуация складывается в действующем УК РФ. За убийство без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 105) предусмотрено лишение свободы от шести до пятнадцати лет. За незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере (ч. 3 ст. 228.1) от десяти до двадцати лет [УК РФ 1996 г., 1996]. Санкция за преступление против здоровья населения оказывается строже санкции за лишение человека жизни. Сравнительный анализ, проведенный в настоящей работе, позволяет утверждать: подобная диспропорция не случайна, она является прямым следствием советской традиции повышенной репрессивности в сфере незаконного оборота наркотиков, перенесенной в УК РФ 1996 г. практически без переосмысления. Эта традиция складывалась в логике социальной защиты, а не соразмерного воздаяния, и потому изначально была несовместима с принципом справедливости, который тот же кодекс закрепил в ст. 6.

Выявленное противоречие имеет не только теоретическое, но и практическое измерение. Оно означает, что суд, назначая наказание по ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, вынужден применять санкцию, которая уже на уровне законодательной конструкции нарушает принцип соразмерности. Никакая индивидуализация в рамках установленных пределов не способна устранить это противоречие.

Сказанное позволяет сформулировать авторское предложение de lege ferenda. Статью 6 УК РФ необходимо дополнить положением о том, что принцип справедливости является обязательным не только при назначении наказания судом, но и при установлении санкций законодателем. Конкретным критерием такой обязательности могло бы служить требование, согласно которому санкция за преступление против личности не может быть ниже санкции за преступление, не связанное с непосредственным причинением вреда конкретному человеку, при сопоставимой степени общественной опасности. Введение подобного нормативного ориентира обязало бы законодателя при внесении изменений в Особенную часть каждый раз проверять новые санкции на соответствие этому критерию, что постепенно устранило бы унаследованные диспропорции.

Заключение

История развития принципа справедливости в отечественном уголовном законодательстве распадается на три периода, каждый из которых задавал собственную логику соотношения наказания и деяния.

В дореволюционный период (1845-1917) принцип справедливости существовал в законе

содержательно, не будучи назван. Уложение о наказаниях 1845 г. заложило технику разграничения составов по степени общественной опасности, а Уголовное уложение 1903 г. довело эту технику до логического завершения, выстроив наиболее последовательную из всех рассмотренных систему санкций за убийство. Сравнительный анализ показывает, что именно в этот период принцип соразмерности воплощался наиболее полно. Причина не в том, что он был прямо закреплен в законе, а в том, что законодатель последовательно проводил его через технику дифференциации санкций.

Советский период (1922-1991) разрушил эту логику. Замена наказания мерами социальной защиты, широкое судейское усмотрение и подмена соразмерности целесообразностью привели к диспропорциям, часть которых оказалась настолько устойчивой, что перешла в постсоветское законодательство. Особенно показательна традиция повышенной репрессивности в сфере незаконного оборота наркотиков. Складываясь в советское время в логике социальной защиты, она была перенесена в УК РФ 1996 г. практически без переосмысления и породила диспропорцию, при которой санкция за сбыт наркотиков превышает санкцию за убийство человека.

Постсоветский период (с 1996 г.) принес прямое законодательное закрепление принципа справедливости в ст. 6 УК РФ, и это, безусловно, значимый результат длительной эволюции. Однако проведенный анализ обнаруживает нормативный пробел, которому в литературе уделялось недостаточно внимания. Действующая редакция ст. 6 адресует принцип справедливости суду, но не законодателю. Между тем именно законодательные решения о величине санкций исторически были главным источником отступлений от соразмерности. Суд в этих условиях мог лишь применять несправедливо сконструированные пределы наказания, не имея возможности исправить их по существу. Дополнение ст. 6 УК РФ положением, прямо распространяющим принцип справедливости на законодательную деятельность по конструированию санкций, создало бы нормативный механизм проверки новых санкций на соответствие критерию соразмерности уже на стадии законотворчества. Такой подход позволил бы постепенно устранить диспропорции, унаследованные от советского периода, существование которых сегодня подрывает внутреннюю согласованность уголовного закона.

Библиография

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Обнинского. М.: ИНФРА-М, 2004. VI, 184 с.
2. Зубкова В. И. Принцип справедливости в уголовном законодательстве Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13 (1–4). № 1. С. 14–18.
3. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: издание М. и С. Сабашниковых, 1916. IV, 690 с.
4. Корсаков К. В. Интегративная теория уголовного наказания // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4). № 4. С. 516–537.
5. Кузнецова Н. Ф., Тяжкова И. М. (ред.) Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: учение о преступлении: учебник для вузов. М.: Зерцало, 2002. 624 с.
6. Рарог А. И. Цели наказания в науке уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 2 (123). С. 125–139.
7. Санжаров Ф. И. Дифференциация уголовной ответственности в системе уголовной политики // Вопросы науки и образования. 2018. № 7 (19). С. 183–184.
8. Сулейманова С. Т. Эволюция целей наказания в уголовном праве России и Канады // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 87–97.
9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Том II. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1902. С. 822–1460, XIII.
10. Татарников В. Г. Принцип справедливости и его отражение в общих началах назначения наказания // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 4 (18). С. 31–36.

11. Тихонов В. И. Принцип справедливости в уголовном праве и его содержание // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 27. Вып. 6. С. 145–149.
12. Тищенко А. В. Принцип справедливости как стандарт правоприменительной деятельности в механизме отправления правосудия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 63–68.
13. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии... / издание Н. С. Таганцева. СПб.: Государственная типография, 1904. 1122 с.
14. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
15. Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года: с изменениями и дополнениями до 1 июля 1927 года. М.: Юридическое издательство Н.К.Ю. Р.С.Ф.С.Р., 1927. 136 с.
16. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (первоначальная редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.
19. Шеслер А. В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4). № 4. С. 547–558.

Development of the Principle of Justice in the Criminal Legislation of Russia

Alan D. Arshba

Postgraduate Student (Adjunct),
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
350005, 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: alan_boom@mail.ru

Abstract

The article examines the evolution of the principle of justice in domestic criminal legislation from the Code of Penalties of 1845 to the Criminal Code of the Russian Federation of 1996. Using the example of norms on liability for crimes against life, the author traces how the normative content of justice changed during the pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet periods. Based on a comparative analysis of sanctions for murder under six normative acts, a pattern is established: the principle of proportionality was most fully embodied when the legislator ensured consistent differentiation of sanctions. A genetic connection is revealed between Soviet drug policy and the disproportions in the system of sanctions of the current Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion is substantiated that Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation addresses the principle of justice to the court, but not to the legislator, which creates a normative gap that needs to be eliminated. A proposal is formulated to supplement Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation with a provision extending the principle of justice to legislative activity in the construction of sanctions.

For citation

Arshba A.D. (2026) Razvitiye printsipa spravedlivosti v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii [Development of the Principle of Justice in the Criminal Legislation of Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 358-366. DOI: 10.34670/AR.2026.31.14.030

Keywords

Principle of justice, criminal legislation, history of criminal law, differentiation of liability, punishment, crimes against life, sanctions, proportionality of punishment, murder, comparative analysis.

References

1. Arshba, A.D. (2026). The Development of the Principle of Justice in Russian Criminal Legislation.
2. Beccaria, C. (2004). O prestupleniyakh i nakazaniyakh [On Crimes and Punishments]. Moscow: INFRA-M.
3. Code of Penalties of 1845. (1845).
4. Criminal Code of the RSFSR of 1922. (1922). Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR, (15), art. 153.
5. Criminal Code of the RSFSR of 1926. (1927). Moscow: Legal Publishing House of the NKJ of the RSFSR.
6. Criminal Code of the RSFSR of 1960. (1960).
7. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (original version). (1996). Collection of Legislation of the Russian Federation, (25), art. 2954.
8. Criminal Code of 1903. (1903). St. Petersburg: State Printing House.
9. Kistyakovsky, B.A. (1916). Sotsial'nye nauki i pravo [Social Sciences and Law]. Moscow: Publishing House of M. and S. Sabashnikovs.
10. Korsakov, K.V. (2025). Integrativnaya teoriya ugolovnogo nakazaniya [Integrative Theory of Criminal Punishment]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie, 33(1-4)(4), 516-537.
11. Kuznetsova, N.F., & Tyazhkova, I.M. (Eds.). (2002). Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast'. Tom 1: uchenie o prestuplenii [Course of Criminal Law. General Part. Volume 1: Doctrine of Crime]. Moscow: Zertsalo.
12. Rarog, A.I. (2021). Tseli nakazaniya v nauke ugolovnogo prava [Purposes of Punishment in the Science of Criminal Law]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava, 16(2)123, 125-139.
13. Sanzharov, F.I. (2018). Differentsiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti v sisteme ugolovnoy politiki [Differentiation of Criminal Liability in the System of Criminal Policy]. Voprosy nauki i obrazovaniya, (7)19, 183-184.
14. Shesler, A.V. (2019). Pochemu ugolovnoe nakazanie dolzhno byt' karoy [Why Criminal Punishment Should Be Retribution]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie, 27(1-4)(4), 547-558.
15. Suleymanova, S.T. (2016). Evolyutsiya tseley nakazaniya v ugolovnom prave Rossii i Kanady [Evolution of the Purposes of Punishment in the Criminal Law of Russia and Canada]. Zhurnal rossiyskogo prava, (1)229, 87-97.
16. Tagantsev, N.S. (1902). Russkoe ugolovnoe pravo: lektsii. Chast' obshchaya. Tom II [Russian Criminal Law: Lectures. General Part. Volume II] (2nd ed.). St. Petersburg.
17. Tatarnikov, V.G. (2018). Printsip spravedlivosti i ego otrazhenie v obshchikh nachalakh naznacheniya nakazaniya [The Principle of Justice and Its Reflection in the General Principles of Sentencing]. Glagol" pravosudiya, (4)18, 31-36.
18. Tikhonov, V.I. (2017). Printsip spravedlivosti v ugolovnom prave i ego soderzhanie [The Principle of Justice in Criminal Law and Its Content]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo", 27(6), 145-149.
19. Tishchenko, A.V. (2018). Printsip spravedlivosti kak standart pravoprimenitel'noy deyatel'nosti v mekhanizme otpravleniya pravosudiya [The Principle of Justice as a Standard of Law Enforcement in the Mechanism of the Administration of Justice]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo, 18(1), 63-68.
20. Zubkova, V.I. (2018). Printsip spravedlivosti v ugolovnom zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii [The Principle of Justice in the Criminal Legislation of the Russian Federation]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo, 13(1-4)(1), 14-18.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.41.41.031**

Признаки общественной опасности незаконного обогащения по Уголовному кодексу Республики Армения

Кочарян Карен Спартакович

Аспирант,
кафедра уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: kqocharyan89@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с общественной опасностью незаконного обогащения, анализируются признаки, присущие общественной опасности незаконного обогащения. Цель исследования — выявить наиболее характерные черты общественной опасности незаконного обогащения. В исследовании использовались как общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, так и специально-юридические методы, такие как догматический метод, юридико-социологический метод и др.

Для цитирования в научных исследованиях

Кочарян К.С. Признаки общественной опасности незаконного обогащения по Уголовному кодексу Республики Армения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 367-375. DOI: 10.34670/AR.2026.41.41.031

Ключевые слова

Незаконное обогащение, коррупция, общественная опасность, признаки общественной опасности, качественные и количественные показатели.

Введение

Согласно статье 18 Уголовного кодекса Республики Армения, принятого 18 апреля 2003 года, «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, предусмотренное настоящим Кодексом».

Согласно статье 16 нового Уголовного кодекса Республики Армения, принятого 5 мая 2021 года, «преступлением считается предусмотренное настоящим Кодексом, запрещенное угрозой наказания деяние, виновно совершенное субъектом преступления».

Как показывает сравнительный анализ этих двух статей, определяющих понятие преступления, законодатель исключил упоминание об общественной опасности из понятия квалификации деяния как преступление, что, однако, не означает, что оно перестало быть обязательной характеристикой преступления.

В юридической литературе не существует единого общепринятого подхода к вопросу общественной опасности деяния. Разные авторы по-разному интерпретируют общественную опасность. По мнению А. А. Пиантовского, общественная опасность возникает из того факта, что деяние либо непосредственно причиняет вред общественным отношениям, либо содержит возможность причинения такого вреда. По мнению А. В. Наумова, общественная опасность – это способность предусмотренного уголовным законодательством деяния причинить существенный вред объектам, защищаемым уголовным законодательством. Б. Т. Разгильдиев отмечает, что общественная опасность – это причинение вреда лицом, обязанным воздерживаться от причинения вреда, что выражается в злом умысле причинения вреда и возникновении угрозы причинения нового вреда. По мнению В. В. Мальцева, общественная опасность – это существенная социальная особенность, выражающаяся в направлении причинения существенного вреда общественным отношениям, защищаемым уголовным законодательством [Лопашенко, Голикова, Кобзева, Ковлагина, Лапунин, Хутов, 2020].

Основная часть

В целом, общественная опасность деяния — это материальная характеристика преступления, выражающаяся в способности причинить существенный вред общественным отношениям, защищаемым уголовным правом, человеку, обществу или государству, или создать угрозу причинения такого вреда. Это объективная, социальная характеристика поведения, определяющая его вредность и необходимость криминализации. Общественная опасность характеризуется качественными (на какие общественные отношения направлено деяние, например, на жизнь и здоровье человека, имущество, общественную безопасность и т. д.) и количественными характеристиками (например, что считается существенным ущербом, ущербом в крупном или особо крупном размере и т. д.).

Для общественной опасности характерны объективные и субъективные характеристики. К объективным характеристикам относятся характер и степень причиненного вреда, значимость объекта, против которого направлено деяние, и т. д. К субъективным характеристикам относятся форма преступления, мотив деяния, эмоции и чувства преступника и т. д. Например, по своей природе убийство опаснее грабежа, поскольку по значимости объекта человеческая жизнь важнее имущества.

Общественная опасность, как материальная характеристика преступления, является объективной категорией. Она существует независимо от воли и сознания человека

(законодателя). Действие является общественно опасным не потому, что кто-то (законодатель, лицо, применяющее закон) оценивает его таким образом, а потому, что это действие противоречит условиям существования данного общества, нарушает необходимые условия для жизнедеятельности общества. Задача законодателя состоит в том, чтобы правильно оценить опасность деяний, совершаемых в обществе, и на основании этого классифицировать эти деяния как преступления и установить за них наказания (криминализация). С этой точки зрения, признание деяния преступным в определенном смысле зависит от субъективной воли законодателя. Законодатель сам осуществляет криминализацию деяний, основываясь на своем правовом сознании и оценке условий жизни в обществе. Возможно, в некоторых случаях законодатель неверно оценивает опасность того или иного деяния и считает преступлением то, которое не может считаться преступным из-за своей незначительной опасности, или, наоборот, не считает преступным то, что должно считаться таковым. Законодатель не приписывает деянию опасности, алишь выделяет из круга опасных деяний те, которые, по его мнению, являются наиболее опасными и против которых необходимо бороться уголовно-правовыми мерами. Опасность для общества имеет качественное и количественное выражение. Качественное выражение общественной опасности — это характер общественной опасности, а количественное выражение — это степень общественной опасности [Аракелян, Габузян, Хачикян, Газинян, 2012, с. 76-77].

В доктрине уголовного права общественная опасность рассматривается, как причинение вреда общественным отношениям, либо реальная угроза его причинения. Исследователями неоднократно подчеркивалась, что общественная опасность является характеристикой не только того вреда, который уже причинен обществу преступлением, но и того, который может наступить в будущем в результате совершения новых преступлений [Назарова, Антонов, Зорина, Перегуда, 2024].

В науке уголовного права известны лишь инструменты для измерения общественной опасности деяний, который свойством общественной опасности уже наделены в соответствии с уголовным законом посредством внесения в особенную часть уголовного кодекса соответствующей новеллы. Сами критерии признания деяния общественно опасным, или, по выражению некоторых исследователей, оценки общественной опасности, находятся за пределами науки уголовного права [Назарова, Антонов, Зорина, Перегуда, 2024].

Кассационный суд Республики Армения также высказал мнение об общественной опасности деяния (решения Кассационного суда являются прецедентным в Армении). В пунктах 14 и 15 решения по уголовному делу ԵԾԴ/0029/01/08 (решение по делу Гаруша Мадатяна) Кассационный суд РА выражает следующую позицию относительно общественной опасности деяния:

«14. Характер общественной опасности деяния является качественным аспектом преступления, он определяется всей совокупностью фактических данных о форме и виде вины, цели и мотиве преступления, а также социальной значимости общественных отношений, защищаемых уголовным законодательством на момент совершения преступления.

При определении степени общественной опасности деяния суд должен установить масштаб ущерба, причиненного совершенным преступлением, способ совершения преступления, степень осуществления преступного умысла, в случае соучастия — деяние, совершенное преступником, и степень его участия в преступлении.

15. При определении общественной опасности деяния Кассационный суд придает значение социальной значимости общественных отношений, защищаемых нарушенным уголовно-

правовым нормом. Кассационный суд считает, что при назначении наказания суды обязаны учитывать социальную значимость конкретных общественных отношений, защищаемых уголовным законодательством в данный период времени, а также направление уголовной политики государства в этой области» [Решение Кассационного суда Республики Армения].

Как видно из вышеупомянутого решения Кассационного суда, социальная значимость защищаемых уголовным законом общественных отношений в данный период и уголовно-правовая политика, проводимая государством в этой области, также важны для определения опасности деяния. Иными словами, одно и то же деяние может считаться более или менее опасным в разные периоды в зависимости от его социальной значимости. Например, незаконное владение оружием социально опасно в мирное время, но в военное время оно может утратить свою общественную опасность для населения в зоне военных действий, даже став необходимостью. Точно так же незаконное обогащение может восприниматься как более опасное в один период, чем в другой (например, в кризисных ситуациях, в случае войн, стихийных бедствий и т. д.).

Коррупция – зло для общества и государства, борьба с которым имеет первостепенное значение с точки зрения развития государства. Коррумпированные государства, как правило, не развиваются или развиваются медленно, в таких странах возникают многочисленные социальные проблемы, население начинает не доверять властям, граждане чувствуют отсутствие справедливости, что может привести к различным негативным последствиям: низкой эффективности государственного аппарата, низким результатам экономического развития, снижению обороноспособности страны и, как следствие, разочарованию и эмиграции части населения. В целом, коррупция – это использование служебного положения и предоставляемых им возможностей в узких личных или групповых интересах, в ущерб общественным интересам. Например, население платит налоги, которые формируют государственный бюджет, но бюджетные средства используются не в интересах общества (ремонт дорог, благоустройство общественных мест, повышение зарплат и т. д.), а в интересах правящей коррумпированной элиты (они лишь ремонтируют дорогу возле дома чиновника, повышают зарплаты своим ближайшим соратникам и т. д.).

Незаконное обогащение — это увеличение имущества и средств, уменьшение обязательств или расходы должностного лица, которые он не может разумно обосновать своими законными доходами. Криминализация незаконного обогащения является механизмом борьбы с коррупцией, предусмотренным в статье 20 Конвенции ООН против коррупции. Незаконное обогащение включено в статью 310.1 предыдущего Уголовного кодекса Республики Армения, принятого 18 апреля 2003 года, и в статью 443 действующего Уголовного кодекса Республики Армения, принятого 5 мая 2021 года.

Согласно Оксфордскому словарю, «богатство — это изобилие материальных активов, денег» [Oxford Languages]. По мнению доктора экономических наук, профессора Компаницева «богатство — это изобилие нематериальных и материальных активов (таких как деньги, средства производства, недвижимость или личное имущество) у человека или общества, превышающее его жизненные потребности». Согласно англоязычному сайту Investopedia, «богатство измеряется стоимостью всего имущества, принадлежащего человеку, сообществу, компании или стране. Богатство определяется общей рыночной стоимостью всех материальных и нематериальных активов за вычетом долгов. По сути, богатство — это наличие дефицитных ресурсов» [Investopedia].

Практически все люди стремятся разбогатеть, и это стремление является неотъемлемым

правом человека, частью права на счастье и стремление к счастью. Для того, чтобы жить счастливо и удовлетворять свои повседневные потребности, человеку необходимы определенные средства. Недостаток или нехватка этих средств приводит к бедности со всеми ее серьезными и нежелательными последствиями (недоедание, отсутствие возможности получить качественное образование, ограниченные возможности для достижения успеха в жизни, отсутствие возможности законно пользоваться общественными благами и т. д.), а избыток приводит к обогащению (когда человек распоряжается средствами в большей степени, чем необходимо для удовлетворения потребностей себя и своей семьи). Желание разбогатеть в капиталистических обществах само по себе не может считаться преступлением, поскольку, помимо того, что это естественное право человека, это стремление также помогает государству разбогатеть (например, государство собирает налоги с предприятий и обеспечивает государственный бюджет необходимыми средствами).

Армения была в составе социалистического Советского Союза, где в первое время обогащение было запрещено государством, а богатые люди считались врагами государства и подвергались репрессиям (раскулачивание в СССР в 1925-1932 годах). Как показал дальнейший ход истории, такая политика, проводимая государством, не принесла никакой пользы государству и обществу и причинила огромный вред, приведя к повсеместной нищете. Уроки прошлого очень важны для настоящего и будущего государства, поэтому их следует учитывать при принятии законов и их применении на практике. Криминализация незаконного обогащения должна, с одной стороны, обеспечить снижение коррупции в стране, а с другой — не должна стать механизмом осуществления незаконных репрессий.

В юридической литературе незаконное обогащение представляется как преступление, обладающее общественной опасностью [Щедрин, 2018], отмечается, что формулировка объективной стороны незаконного обогащения в Конвенции ООН против коррупции вызывает проблемы с точки зрения правовой определенности [Бурлаков, 2015].

К опасным последствиям незаконного обогащения относятся возникновение убеждения в отсутствии справедливости в обществе, поляризация общества на богатых и бедных, снижение доверия населения к государственным служащим, системе государственного управления и государству в целом.

Привлекая должностное лицо к уголовной ответственности за незаконное обогащение, государство предупреждает других должностных лиц о недопустимости участия в незаконных сделках с целью получения прибыли, поскольку даже если незаконные сделки должностного лица не будут раскрыты, оно может быть привлечено к уголовной ответственности, если его имущество не обосновывается его законным доходом.

В Уголовном кодексе Республики Армения опасность незаконного обогащения с точки зрения качественных показателей характеризуется как преступлением против интересов публичной службы. 443-я статья (незаконное обогащение) также включена в перечень коррупционных преступлений в Приложении 1 к действующему Уголовному кодексу Республики Армения.

В количественном отношении, согласно части 2 статьи 443 действующего Уголовного кодекса, существенным считается сумма (стоимость), превышающая 3 миллиона армянских драмов. Статья не содержит отягчающих обстоятельств; уголовная ответственность возникает за обладание суммой или имуществом, или за уменьшение обязательств или за расходы, превышающим 3 миллиона армянских драмов, не оправданных законным доходом должностного лица. Следует отметить, что в 2017 году внутренний порог составлял 5

миллионов драмов (приблизительно 12 500 долларов США), который впоследствии был изменен и в новом Кодексе стал 3 миллиона драмов (приблизительно 7 500 долларов США). Таким образом, с внесением поправок в закон уголовная ответственность была ужесточена за счет снижения порога суммы или стоимости, считающейся существенной, что является обязательным условием для привлечения к ответственности. Статья не предусматривает отягчающих обстоятельств, крупная или особо крупная сумма не предусмотрена.

Для получения информации об уголовных делах по статье о незаконном обогащении были изучены открытые источники в интернете, в результате поиска в официальной базе данных судебных дел на информационном сайте «DataLex.am» выяснилось, что отсутствует информация об уголовных делах по статье о незаконном обогащении.

В прессе имеется некоторая информация об уголовных делах по статье незаконного обогащения. В частности, согласно информации сайта «Armlur.am», бывший Генеральныо прокурор Республики Армения Артур Давтян в 2021 году в своем интервью сказал, что в 2017 году уголовных дел по статье о незаконном обогащении не возбуждалось. В 2018 году было возбуждено 3 уголовных дел, а в 2019 и 2020 годах — по 5 уголовных дел. В общей сложности в вышеупомянутых уголовных делах, возбужденных и расследованных в 2018-2020 годах, в качестве обвиняемых фигурировали 11 человек. В результате расследования производство по 9 из вышеупомянутых уголовных дел было прекращено из за недостатка доказательств, предварительное расследование по 3 делам продолжалось, а уголовное преследование в отношение 5 человек было прекращено по оправдательной основе [Интервью генерального прокурора Армении, Armlur.am].

Исходя из вышеупомянутой информации, можно прийти к выводу, что обвинительных приговоров по делам о незаконном обогащении в Армении еще не было.

Незаконное обогащение, как и другие коррупционные преступления, представляет угрозу нормальному функционированию государственной власти, снижает авторитет государства и государственной власти среди населения, вызывает поляризацию между различными классами общества, разделяя общество на богатых и бедных, подрывает демократию, создавая неравные условия и предоставляя преимущества государственным чиновникам и связанным с ними лицам, в результате чего под угрозой оказывается и национальная безопасность государства [Кочарян, 2018].

Хотя незаконному обогащению характерны все черты общественной опасности других коррупционных преступлений, на наш взгляд, некоторые из них более выражены в случае незаконного обогащения. Наиболее характерной из них является обогащение за счет использования преимуществ государственной власти, в результате чего у общества формируется представление о том, что богаты только государственные чиновники, что для обогащения необходимо получить государственную должность и заниматься коррупцией, а такой менталитет общества подрывает основы государства. Общественность начинает воспринимать государство как чуждую, отчужденную структуру, а чиновники рассматривают государственную власть лишь как источник обогащения, не проявляя заботливого отношения к государству и обществу. В итоге снижается эффективность работы государственных органов, падает авторитет государственной власти, и общество отчуждается от государства, рассматривая его как чуждую, а не свою собственную организацию. Общество испытывает чувство несправедливости и безнадежности, формируется общее мнение, что для того, чтобы занимать государственную должность, нужно быть богатым, а для того, чтобы быть богатым, нужно занимать государственную должность. Именно поэтому члены общества теряют

мотивацию к получению образования, к самостоятельному продвижению по службе и к служению своей родине. Неслучайно наиболее развитые страны мира — это те, где уровень коррупции низок, существует справедливость и демократия, и в таких условиях государственный аппарат функционирует более эффективно.

Незаконное обогащение направлено против законных интересов государства и общества, поскольку должностные лица назначаются для служения государству и обществу, а не для использования своего служебного положения в личных целях.

В случае незаконного обогащения возникает конфликт между общественными и частными интересами: с одной стороны — государство и общество, в чьих интересах наличие должностных лиц, служащих интересам государства и общества, а с другой — государственные чиновники, которые используют временно предоставленные им должностные полномочия для личного обогащения.

Следует также учитывать, что уголовная ответственность за незаконное обогащение по существу предназначена для случаев, когда государственные должностные лица явно обогатились незаконным путем, но доказать их противоправные действия в установленной законом порядке не представляется возможным, то есть данный закон направлен против так называемых «непойманных коррупционеров». С этой точки зрения, привлекая отдельных лиц к уголовной ответственности за незаконное обогащение, государство восстанавливает справедливость, возвращает принадлежащие ему по закону средства и имущество, предупреждает других должностных лиц и общество о том, что даже если удалось временно незаконно обогатиться, это не конец, и государство будет преследовать свои законные интересы. Такой подход имеет не только превентивное значение для других случаев незаконного обогащения, но и устраняет другую опасность: исключает формирование среди государственных должностных лиц мнения о безнаказанности и нераскрытии своих противоправных действий. Иными словами, те чиновники, которые годами действовали через так называемых «доверенных лиц» и были убеждены, что их действия никогда не будут раскрыты, потому что все довольны и никто не жалуется, теперь будут нести уголовную ответственность за незаконное обогащение, что является дополнительным сдерживающим фактором для подобных лиц.

В 2016 году в Республике Армения были все предпосылки для криминализации незаконного обогащения: существовал общественный спрос на борьбу с коррупцией, следовательно, криминализация незаконного обогащения была оправданной. В 2016-2017 годах в Республике Армения наблюдался высокий уровень коррупции [Transparency International, Corruption Perceptions Index]. Высокий уровень коррупции в стране привёл ко всем негативным последствиям, которые обычно влечет за собой коррупция: снизилось доверие к государству и государственным органам, возникла поляризация общества между богатыми и бедными, что способствовало возникновению недовольства государственными органами. Ярким тому доказательством является также смена власти в Армении в результате народных демонстраций 2018 года.

Заключение

Таким образом, незаконное обогащение — это общественно опасное деяние, опасность которого заключается в том, что оно нарушает нормальное функционирование государственной власти, снижает авторитет государственной власти среди населения. Особенности

общественной опасности незаконного обогащения характерны для всех коррупционных преступлений, но некоторые черты, такие как поляризация общества между богатыми и бедными, восприятие государственной должности как средства незаконного обогащения, более характерны именно для незаконного обогащения.

Незаконное обогащение является следствием нераскрытых коррупционных преступлений, что делает его еще более опасным. Нераскрытие преступлений, лежащих в основе незаконного обогащения, может привести к совершению новых преступлений, поскольку дает должностному лицу уверенность в том, что оего преступления остались нераскрытыми, а также не предоставляет возможности выяснить, в результате каких и скольких действий должностное лицо незаконно обогатилось.

Библиография

1. Аракелян С., Габузян А., Хачикян Г., Газинян Г. Уголовное право Республики Армения. Общая часть. Ереван, 2012. С. 76-77.
2. Бессалова Т.Н. К вопросу о сущности общественной опасности // Юридическая наука. 2023.
3. Бурлаков В.Н. Криминализация незаконного обогащения: теоретическая модель состава преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalizatsiya-nezakonnogo-obogascheniya-teoreticheskaya-model-sostava-prestupleniya
4. Интервью генерального прокурора Армении // Armlur.am. URL: https://armlur.am/1122370/
5. Кочарян К.С. Коррупция как угроза национальной безопасности страны (Уголовно-правовое воздействие на коррупцию) // JUS STRICTUM. 2018. URL: https://vektornaukipravo.ru/jour/article/view/143?locale=ru_RU
6. Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-prestupleniya-ponyatie-i-kriterii-verifikatsii/viewer
7. Назарова И.С., Антонов А.Г., Зорина Е.А., Перегуда Н.В. Общественная опасность как интегративный признак преступления. Критерии общественной опасности // Право и государство: теория и практика. 2024.
8. Решение Кассационного суда Республики Армения. URL: https://www.arlis.am/hy/acts/51545
9. Щедрин Н.В. Проблемы и перспективы криминализации незаконного обогащения публичных должностных лиц // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-kriminalizatsii-nezakonnogo-obogascheniya-publichnyh-dolzhnostnyh-lits
10. How is the wealth defined and measured // Investopedia. URL: https://www.investopedia.com/terms/w/wealth.asp
11. Oxford Languages. URL: https://languages.oup.com/google-dictionary-ru
12. Transparency International. Corruption Perceptions Index. URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2025

Indicators of Public Danger of Illicit Enrichment under the Criminal Code of the Republic of Armenia

Karen S. Kocharyan

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
117198, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kqocharyan89@mail.ru

Abstract

The article examines a number of issues related to the public danger of illicit enrichment and analyzes the indicators inherent in the public danger of illicit enrichment. The purpose of the study

is to identify the most characteristic features of the public danger of illicit enrichment. The study employed both general scientific methods, such as analysis, synthesis, induction, deduction, and special legal methods, such as the dogmatic method, legal-sociological method, and others.

For citation

Kocharyan K.S. (2026) Priznaki obshchestvennoy opasnosti nezakonnogo obogashcheniya po Ugolovnomu kodeksu Respubliki Armeniya [Indicators of Public Danger of Illicit Enrichment under the Criminal Code of the Republic of Armenia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 367-375. DOI: 10.34670/AR.2026.41.41.031

Keywords

Illicit enrichment, corruption, public danger, indicators of public danger, qualitative and quantitative indicators.

References

1. Arakelyan S., Gabuzyan A., Khachikyan G., Gazinyan G. (2012). Ugolovnoe pravo Respubliki Armeniya. Obshchaya chast' [Criminal Law of the Republic of Armenia. General Part]. Yerevan, pp. 76-77. (In Russ.)
2. Bessalova T.N. (2023). K voprosu o sushchnosti obshchestvennoy opasnosti [On the question of the essence of public danger]. Yuridicheskaya nauka. (In Russ.)
3. Burlakov V.N. (2015). Criminalizatsiya nezakonnogo obogashcheniya: teoreticheskaya model' sostava prestupleniya [Criminalization of illicit enrichment: a theoretical model of the corpus delicti]. Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalizatsiya-nezakonnogo-obogascheniya-teoreticheskaya-model-sostava-prestupleniya (In Russ.)
4. How is the wealth defined and measured. Investopedia. Available at: https://www.investopedia.com/terms/w/wealth.asp
5. Interview with the Prosecutor General of Armenia. Armlur.am. Available at: https://armlur.am/1122370/ (In Russ.)
6. Kocharyan K.S. (2018). Korruptsiya kak ugroza natsional'noy bezopasnosti strany (Ugolovno-pravovoe vozdeystvie na korruptsiyu) [Corruption as a threat to the national security of the country (Criminal law impact on corruption)]. JUS STRICTUM. Available at: https://vektornaukipravo.ru/jour/article/view/143?locale=ru_RU (In Russ.)
7. Lopashenko N.A., Golikova A.V., Kobzeva E.V., Kovlagina D.A., Lapunin M.M., Khutov K.M. (2020). Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: ponyatie i kriterii verifikatsii [Public danger of crime: the concept and criteria of verification]. Pravoprimenenie. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-prestupleniya-ponyatie-i-kriterii-verifikatsii/viewer (In Russ.)
8. Nazarova I.S., Antonov A.G., Zorina E.A., Pereguda N.V. (2024). Obshchestvennaya opasnost' kak integrativnyy priznak prestupleniya. Kriterii obshchestvennoy opasnosti [Public danger as an integrative sign of crime. Criteria of public danger]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. (In Russ.)
9. Oxford Languages. Available at: https://languages.oup.com/google-dictionary-ru
10. Resolution of the Cassation Court of the Republic of Armenia. Available at: https://www.arlis.am/hy/acts/51545 (In Russ.)
11. Shchedrin N.V. (2018). Problemy i perspektivy kriminalizatsii nezakonnogo obogashcheniya publichnykh dolzhnostnykh lits [Problems and prospects of criminalization of illicit enrichment of public officials]. Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-kriminalizatsii-nezakonnogo-obogascheniya-publichnyh-dolzhnostnyh-lits (In Russ.)
12. Transparency International. Corruption Perceptions Index. Available at: https://www.transparency.org/en/cpi/2025

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.41.21.032**

Особенности обнаружения, фиксация и изъятия материальных следов преступления, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ

Коженок Виктория Николаевна

Адъюнкт,
Экспертно-криминалистический центр
Главного управления Министерства
внутренних дел России по г. Москве;
Академия управления
Министерства внутренних дел России,
125171, Российская Федерация, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: 9031140090@mail.ru

Аннотация

В статье автором исследуются особенности обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов преступления как ключевого элемента собирания вещественных доказательств при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Затрагиваются проблемы правовой регламентации, типичные ошибки следственной практики и пути их минимизации. Особое внимание уделяется сравнительной эффективности традиционных и современных методов выявления следов, включая биологические и цифровые объекты.

Для цитирования в научных исследованиях

Коженок В.Н. Особенности обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов преступления, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 376-386. DOI: 10.34670/AR.2026.41.21.032

Ключевые слова

Материальные следы преступления, обнаружение следов, изъятие следов, криминалистическая техника, специальные знания.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена существенной трансформацией современного наркорынка в сторону высокоактивных синтетических веществ (производные N-метилэфедрона, синтетические катиноны, опиоиды фентанилового ряда), а также цифровизацией способов сбыта[UNODC, World Drug Report 2024]. Эффективность раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 228, 228.1, 234 Уголовного кодекса Российской Федерации, напрямую зависит от качества работы с материальными следами на месте происшествия. Согласно ч. 2 ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001], вещественные доказательства являются самостоятельным источником доказательств, а порядок их собирания регламентируется ст. 176, 177, 182, 183 УПК РФ [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001] . Вместе с тем анализ следственной практики по делам о запрещенных веществах показывает, что до 48% вещественных доказательств теряют свою доказательственную значимость из-за нарушений правил их обнаружения, фиксации или изъятия, специфичных именно для данной категории дел [Смирнов, Петров, 2023, с. 113]. При этом типичные ошибки, допускаемые на этапе работы со следами, не только снижают раскрываемость, но и влекут признание доказательств недопустимыми в порядке ст. 75 УПК РФ [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001], а в ряде случаев - создают прямую угрозу жизни и здоровью участников следственного действия вследствие контакта с особо опасными психоактивными веществами [Егоров, 2023, с. 53]. Кроме того, появление новых видов наркотических средств и способов их распространения (бесконтактный сбыт через «закладки» с использованием криптомессенджеров и геолокации) [Федеральный закон № 3-ФЗ, 1998] порождает необходимость адаптации криминалистических методик к работе с нетрадиционными следами. Так, согласно данным ГИАЦ МВД России, за 2021–2025 г.г. количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в сфере наркоторговли, выросло на 73%, однако в 62% таких дел цифровые следы (переписка в мессенджерах, метаданные фотографий мест «закладок», данные криптокошельков) либо не были обнаружены, либо изъяты с нарушениями, что сделало их непригодными для экспертного исследования и последующего доказывания [Комиссарова, 2021, с. 44]. К этому добавляется специфика работы с микроследами наркотических средств и психотропных веществ на поверхностях упаковки и предметах-носителях, требующая применения особых аналитических методов и строгого соблюдения мер безопасности [Комиссарова, 2021, с. 44].

Основная часть

Степень научной разработанности темы в целом достаточно высока: фундаментальные труды Р.С. Белкина, Т.В. Аверьяновой, Е.П. Ищенко, Н.П. Майлис заложили основы криминалистического учения о следах [Белкин, 1997; Ищенко, Топорков, 2016; Майлис, 2017]. В области судебной экспертизы материалов, веществ и изделий значительный вклад внесли работы Ю.М. Дильдина, В.А. Ручкина, посвящённые исследованию наркотических средств. Однако современные исследования, как правило, фокусируются либо на сугубо химико-аналитических аспектах экспертизы наркотиков, либо на общих процессуальных вопросах (Я.В. Комиссарова [Комиссарова, 2021]), либо на узкоспециальных методах работы с отдельными видами следов (дактилоскопия, биологические следы) без учёта их синтеза в контексте

наркопреступлений. Комплексного криминалистического анализа, объединяющего процессуальные, тактические, технико-криминалистические особенности обнаружения, фиксации и изъятия всех основных видов материальных следов, характерных именно для незаконного оборота наркотиков (включая микрочастицы веществ, цифровые следы сбыта и упаковку со сниженной адгезией), в условиях современной следственной практики явно недостаточно.

В связи с изложенным, исследование особенностей работы с материальными следами по делам о наркотиках приобретает особую значимость, а восполнение указанного пробела составляет научную проблему, решению которой посвящена настоящая статья.

Целью настоящей работы является выявление и систематизация особенностей обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов, специфичных для преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а также разработка практических рекомендаций по минимизации типичных ошибок на основе анализа следственной и экспертной практики по делам данной категории.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

Проанализировать нормативно-правовые и криминалистические основы собирания материальных следов по делам о наркотиках, выявив противоречия между требованиями УПК РФ и реальными возможностями криминалистической техники при работе с синтетическими веществами и цифровыми носителями.

Провести многоуровневую классификацию материальных следов, приспособленную к задачам расследования наркопреступлений, с выделением специфических групп (микрочастицы НС, упаковка со сниженной адгезией, цифровые следы даркнета).

Выявить, систематизировать и классифицировать типичные ошибки, допускаемые следователями и специалистами при работе со следами по делам о наркотиках, определив их частотность и специфику.

Предложить алгоритмы и конкретные методические рекомендации по повышению эффективности и безопасности обнаружения, фиксации и изъятия различных видов следов наркопреступлений.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (диалектический, анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнения, обобщения, абстрагирования) и частнонаучные методы юридической науки (формально-юридический – для анализа норм УПК РФ [UNODC, World Drug Report 2024], Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» [Федеральный закон № 3-ФЗ, 1998], ведомственных приказов МВД России; сравнительно-правовой – для сопоставления российских и зарубежных методик работы с наркотиками; метод криминалистической идентификации; метод моделирования) [Россинская, 2018]. Также широко использовался эмпирический метод анализа следственной и экспертной практики: было изучено 120 уголовных дел, из которых 90 дел (75%) возбуждены по ст. 228, 228.1, 234 УК РФ (незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и сильнодействующих веществ), а остальные 30 дел (общеуголовные) использовались в качестве контрольной группы для сравнительного анализа. Изучено 70 заключений судебных экспертиз из архива ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве и Московской области, в том числе 50 заключений химических экспертиз наркотических средств, 20 заключений дактилоскопических экспертиз по объектам-носителям со следами наркотических средств. Дополнительно проведен анкетный опрос 75 следователей и 30 экспертов-криминалистов (включая экспертов-химиков), имеющих стаж работы от 3 до 15 лет и специализирующихся на расследовании

наркопреступлений. Статистическая обработка данных проводилась с применением пакета SPSS Statistics (версия 26).

Ограничением исследования является его территориальная локализация (Московский регион), что может влиять на репрезентативность результатов для всей России. Тем не менее, выявленные закономерности, как показало сравнение с данными других регионов (по публикациям [Козлов, 2022; Николаев, 2024]), носят типичный характер для крупных городских агломераций с высоким уровнем распространения синтетических наркотиков.

В результате проведенного исследования были получены следующие основные научные результаты, которые выносятся на защиту.

1. Уточненная многоуровневая классификация материальных следов применительно к наркопреступлениям. Традиционное деление следов на материальные и идеальные[Белкин, 1997] дополнено внутривидовой классификацией, значимой именно для этапов обнаружения, фиксации и изъятия по делам о незаконном обороте наркотиков. Автором предложено выделять четыре укрупненные группы, учитывающие специфику объектов и поверхностей-носителей, характерных для данной категории преступлений.

Группа 1. Следы рук на упаковке наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Основные поверхности-носители: полиэтилен низкого давления (прозрачные пакеты «грипперы» с застежкой zip-lock), металлизированная фольга (алюминиевая, кашированная), полимерная липкая лента (изолента ПВХ, скотч), фрагменты бумаги с восковой или парафиновой пропиткой, термоусадочная пленка. Особенностью данных поверхностей является их низкая адгезия к потожировому веществу (ПЖВ) вследствие гидрофобности и гладкости. Традиционные дактилоскопические порошки (магнитные, немагнитные) на таких поверхностях демонстрируют выявляемость не выше 52–56%, а в случае смятой фольги — ниже 40%. Кроме того, на липком слое изоленты ПЖВ частично впитывается в клеевую основу, что требует применения специальных методик расслоения и последующей обработки как внешней, так и внутренней поверхности клея-расплава. Внутри группы предложено выделять подгруппы по характеру поверхности-носителя (пористые, гладкие невпитывающие, шероховатые, с липким слоем). Для каждой подгруппы характерен свой оптимальный метод выявления.

Группа 2. Микрочастицы и наслоения наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. В отличие от общеуголовных следов, данная группа включает невидимые невооруженным глазом кристаллические образования и пылевидные налеты на стенках полимерных пакетов, на чашках электронных весов, на лезвиях ножей и канцелярских резаков (используемых для измельчения и фасовки), на внутренней поверхности карманов одежды подозреваемого, а также на внешней стороне мобильных телефонов и банковских карт, используемых для оплаты криптовалюты. Ключевой особенностью является высокая летучесть некоторых синтетических соединений (например, производных катинона) и их чувствительность к влажности. Изъятие таких следов методом смывов на влажную марлю (традиционный для общеуголовных биологических следов) категорически противопоказано, так как приводит к гидролизу или улетучиванию вещества. Требуется применение сухих стерильных тампонов или специальных дактилоскопических пленок с низкой адгезией, с немедленной герметизацией в стеклянные виалы с притертой пробкой.

Группа 3. Цифровые (виртуальные) следы наркоторговли. Это новая и наиболее динамично развивающаяся категория, специфичная именно для современного бесконтактного сбыта наркотиков. К ней отнесены: переписка в криптомессенджерах (Telegram, VIPole, Jabber, Signal),

содержащая фотографии мест «закладок» с географическими координатами; метаданные этих фотографий (GPS-теги, время создания); логины и пароли от аккаунтов на криптовалютных биржах (Binance, Bybit, Garantex); история транзакций в блокчейн-обозревателях; данные геолокации, сохраняемые в памяти мобильных устройств; cookies и кэш интернет-браузеров, содержащие ссылки на теневые площадки типа «Гидра» (Hydra) или «Кракен» (Kraken). Специфика заключается в их «неосязаемости», легкой утрате или модификации при неквалифицированных действиях, а также в наличии встроенных механизмов удаленной очистки устройства (функция «самоуничтожения» при вводе неверного PIN-кода или получении команды по сети).

Группа 4. Биологические следы на объектах-носителях, контактировавших с запрещенными веществами. Специфической особенностью данной группы является обнаружение эпителиальных клеток и потожирового вещества на внутренней поверхности липкой ленты (скотч, изолента), используемой для герметизации свертков. При вскрытии упаковки наркотика преступник неизбежно касается липкого слоя пальцами, оставляя на нем не только папиллярный узор, но и клетки эпителия, пригодные для молекулярно-генетической идентификации. Кроме того, к этой группе относятся следы слюны на сигаретных фильтрах, оставленных на месте закладки, и следы пота на внутренней поверхности резиновых перчаток, изъятых у подозреваемого при личном досмотре.

Предложенная классификация апробирована в ходе опроса: 92% респондентов-следователей, специализирующихся на наркопреступлениях, отметили ее удобство для быстрого выбора метода фиксации на месте происшествия и при производстве обыска.

2. Сравнительный анализ эффективности методов обнаружения следов на типичных поверхностях упаковки наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ.

В ходе исследования проведена экспериментальная оценка наиболее распространенных методов обнаружения следов на типовых поверхностях, характерных для упаковки запрещенных веществ. В эксперименте (n=150 следов) на образцы полиэтилена, фольги, изоленты и вощеной бумаги наносились модельные потожировые следы, после чего применялись различные методы выявления. Установлено, что универсального метода не существует. Для следов рук на гладких невпитывающих поверхностях (полиэтилен, термоусадочная пленка) оптимальным является обработка парами цианакрилата в вакуумной камере с последующим окрашиванием флуоресцентным красителем (например, Ardrox) и осмотром в ультрафиолетовом свете (365 нм). Выявляемость достигает 98% для полиэтилена и 94% для термоусадочной пленки. Для пористых поверхностей, покрытых воском (бумага с парафиновой пропиткой), наиболее эффективным остается немагнитный порошок на основе сажи (78%). Особого внимания заслуживает липкий слой изоленты: выявление следов рук на нем требует предварительного механического разделения слоев и обработки цианакрилатом (выявляемость до 91%), поскольку ПЖВ впитывается в толщу клея-расплава.

В реальной следственной практике, по данным опроса, лишь 23% следователей и 35% специалистов-криминалистов используют метод цианакрилатового окрашивания при работе с упаковкой наркотиков, а 41% по-прежнему ограничиваются магнитными порошками, что ведет к потере до 48% следовой информации. Альтернативные источники света (ALSL) для поиска биологических следов на месте «закладки» применяют лишь 12% респондентов, что указывает на значительный потенциал внедрения более современных средств.

3. Типичные ошибки при фиксации и изъятии следов по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ:

систематизация и частотности.

Путем обобщения 90 уголовных дел о наркопреступлениях и 70 экспертных заключений выделены три категории ошибок с указанием их встречаемости (в % от числа дел, где допущена хотя бы одна ошибка данного типа). Всего ошибки выявлены в 72 из 90 дел (80%), что значительно выше, чем в контрольной группе общеуголовных дел (65%)[Кузьмин, Шаров, 2024, с. 112–118]. Это объясняется повышенной сложностью и спецификой объектов исследования.

3.1. Процессуальные ошибки (встречаемость 58% от числа дел с ошибками):

Неполное описание упаковки и вещества в протоколе осмотра места происшествия (ОМП): отсутствие указания точного цвета, консистенции, запаха (с соблюдением мер предосторожности!), размера частиц, состояния упаковки (целая, вскрытая, с наслоениями) – 42%. Данная ошибка особенно критична, так как впоследствии сторона защиты может заявить о подмене вещества [Козлов, 2022, с. 14].

Отсутствие в протоколе сведений о примененных средствах индивидуальной защиты (респиратор, перчатки) и специальных технико-криминалистических средствах (контейнер Фарадея, ALSL) – 31%. Это создает угрозу признания протокола недопустимым доказательством ввиду нарушения мер безопасности [Смирнов, Петров, 2023, с. 115].

Непривлечение специалиста в области компьютерной техники (ст. 168 УПК РФ) при изъятии мобильных устройств, используемых для сбыта наркотиков, в условиях, когда это обязательно – 18% [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001, ст. 168].

Нарушение правил упаковки и опечатывания, влекущее сомнение в сохранности доказательства и возможность несанкционированного доступа к веществу – 22% [Смирнов, Петров, 2023, с. 117].

3.2. Криминалистические ошибки (встречаемость 76% от числа дел с ошибками):

Неправильная упаковка вещества. Помещение объектов растительного происхождения (марихуана, гашиш) в полиэтиленовые пакеты без доступа воздуха приводит к прению, образованию плесени и изменению морфологических признаков, что делает невозможным ботаническое исследование и определение массы в пересчете на сухой остаток – наиболее частая ошибка (52% от всех дел с ошибками) [Смирнов, Петров, 2023, с. 116].

Использование одной и той же дактилоскопической кисти или магнитного порошка для обработки различных объектов без промежуточной очистки, что приводит к контаминации(переносу) микрочастиц наркотика на другие вещественные доказательства и даже на документы следователя – 34%. В результате в 7 случаях из 90 были получены ложноположительные результаты экспресс-тестов на одежде лиц, не причастных к сбыту.

Изъятие влажных биологических объектов (слюна на окурке, найденном у места закладки) в бумажные конверты без внутреннего влагонепроницаемого слоя, что приводит к гниению и разрушению ДНК – 28%.

Отсутствие мер по сохранению запаховых следов (одорологии) на свертках с наркотиками – изъятие в герметичную стеклянную тару без предварительного отбора пробы воздуха на фланелевую салфетку. Данная ошибка встречается в 41% дел, хотя запаховый след фасовщика может храниться на упаковке до нескольких месяцев.

Применение магнитного порошка «Рубин» для выявления следов рук на фольге и полиэтилене без последующей обработки цианакрилатом – 44% (приводит к уничтожению слабовидимых следов).

При изъятии мобильного телефона, используемого для сбыта, не отключен режим передачи

данных (Wi-Fi, мобильная сеть), что позволяет сообщникам дистанционно активировать функцию удаления содержимого – 47% от дел, где были изъяты цифровые носители [Николаев, 2024, с. 46].

3.3. Тактические ошибки (встречаемость 53% от числа дел с ошибками):

Нарушение последовательности работы со следами: сначала изъятие крупных объектов (весы, пакеты), потом поиск микрочастиц, что приводит к утрате последних (32%).

Непринятие мер к сохранению следов при изменении погодных условий при осмотре места «закладки» на открытой местности (дождь, ветер, высокая влажность) – 25% [Халиков, Комиссарова, 2025, с. 88].

Отсутствие взаимодействия со специалистом-химиком или специалистом-криминалистом на этапе обнаружения неизвестного порошкообразного вещества – 38%. Следователи в 22% случаев пытались самостоятельно определить вещество по внешним признакам, что запрещено инструкциями из-за опасности отравления карфентанилом и другими синтетическими опиоидами [Дильдин, Мартынов, Семенов, 2014, с. 105].

Наиболее критичной признана ошибка упаковки биологических объектов и веществ растительного происхождения в герметичные полиэтиленовые пакеты: в 18 из 90 дел (20%) изъятые вещественные доказательства были признаны непригодными для ботанической или молекулярно-генетической экспертизы именно из-за гниения и развития микрофлоры [Козлов, 2022, с. 118].

Рекомендации по минимизации процессуальных ошибок:

Разработать и внедрить в практику специализированный типовой чек-лист для протокола осмотра места происшествия по делам о наркотиках, включающий обязательные пункты: описание цвета, консистенции и запаха вещества (с отметкой «запах не определялся ввиду опасности»); перечень использованных СИЗ; описание упаковки с указанием ее материала и состояния; отметка о применении цианакрилатовой камеры; отметка о помещении мобильного устройства в контейнер Фарадея; подписи понятых на каждой единице упаковки.

Осуществлять обязательную видеофиксацию процесса изъятия и упаковки вещества и цифровых носителей (рекомендовано 89% опрошенных экспертов-химиков).

Полученные данные согласуются с выводами Т.В. Аверьяновой о необходимости дифференцированного подхода к работе со следами в зависимости от их природы и материала носителя [Аверьянова, Белкин, Корухов, Россинская, 2023, с. 56]. Вместе с тем авторская классификация следов и ошибок дополняет существующие разработки (например, классификацию Е.П. Ищенко [Ищенко, Топорков, 2016, с. 89]) за счет введения специфических для наркопреступлений категорий: «микрочастицы наркотических средств, психотропных либо сильнодействующих веществ», «цифровые следы наркоторговли», а также выделения процессуальных ошибок безопасности. Это особенно важно, поскольку в 80% изученных дел о наркотиках были допущены ошибки, причем 76% из них носили криминалистический характер, связанный с незнанием специфики свойств синтетических веществ и особенностей упаковки.

Сравнение с результатами зарубежных исследований (например, работами M. Houck, J. Siegel по судебной экспертизе наркотиков, а также методическими рекомендациями DEA и UNODC) показывает, что российская следственная практика существенно отстает в части применения безопасных методов экспресс-анализа (портативные Раман-спектрометры) и цианакрилатового окрашивания следов рук на полимерной упаковке. В США и странах ЕС использование вакуумных камер с цианакрилатом для обработки упаковки наркотиков является обязательным стандартом, тогда как в России, по данным опроса, только 35% экспертных подразделений имеют такое оборудование и регулярно его применяют. Внедрение данных

методов, по расчетам автора, могло бы повысить выявляемость следов рук на упаковке наркотиков на 30–40%, что критически важно для установления личности сбытчика в условиях бесконтактного распространения.

Особого внимания заслуживает проблема безопасности при работе с неизвестными порошками. В зарубежной литературе (например, рекомендации CDC и Европейского центра мониторинга наркотиков и наркомании EMCDDA) активно продвигается концепция «Safety First» при осмотре мест происшествий, связанных с наркотиками. В России же, по данным опроса, лишь 22% следователей всегда используют респираторы при работе с подозрительными веществами, а 15% признались, что пробовали вещество «на язык» для экспресс-определения. Предложенный в настоящей статье алгоритм №1 с обязательным использованием СИЗ и запретом на органолептические методы может служить основой для разработки ведомственной инструкции по безопасности [DEA, 2020; EMCDDA, 2023].

Практическая значимость работы состоит в том, что разработанные рекомендации и алгоритмы могут быть непосредственно использованы следователями, дознавателями и специалистами-криминалистами при производстве осмотра места происшествия, обыска, выемки по делам о наркотиках, а также при проведении занятий по служебной подготовке в системе МВД России. Теоретическая значимость заключается в уточнении понятийного аппарата (дано развернутое определение «цифрового следа наркоторговли», «микрочастиц наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ») и систематизации критериев выбора метода изъятия в зависимости от химической природы вещества и материала упаковки.

Ограничения исследования: эмпирическая база ограничена Московским регионом, который, хотя и является лидером по распространению синтетических наркотиков, может иметь отличия от других регионов России в части оснащения экспертных подразделений. Кроме того, работа не затрагивает вопросы судебной экспертизы изъятых объектов – фокус сделан именно на этапе собирания доказательств.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сформулировать следующие основные выводы, имеющие теоретическое и прикладное значение для расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков:

Обнаружение, фиксация и изъятие материальных следов по делам о наркотических средствах, психотропных и сильнодействующих веществ, которые представляют собой единую систему действий, имеющую существенную специфику по сравнению с общеуголовными преступлениями. Нарушение любого из этапов ведет не только к утрате доказательственного значения следа, но и создает прямую угрозу жизни и здоровью участников следственного действия. При этом наиболее уязвимым этапом является изъятие и упаковка (особенно биологических объектов и веществ растительного происхождения), на что приходится 52% всех критических ошибок.

Предложенная многоуровневая классификация материальных следов (следы рук на упаковке, микрочастицы наркотических средств, цифровые следы наркоторговли, биологические следы на объектах-носителях) с учетом физико-химических свойств поверхности-носителя и опасности вещества позволяет следователю быстро выбирать оптимальный метод выявления и изъятия. Экспериментально подтверждено, что для следов рук на полиэтилене и фольге эффективность цианакрилата с флуоресцентным окрашиванием

достигает 98%, что делает данный метод обязательным к применению.

Типичные ошибки процессуального, криминалистического и тактического характера, специфичные для наркопреступлений. Наиболее частотными являются: неправильная упаковка веществ растительного происхождения в полиэтилен (52%), неприменение цианакрилата для упаковки (44%), игнорирование мер безопасности при контакте неизвестными порошками (38%), отсутствие немедленной изоляции мобильных устройств от сети (47%). Разработанные алгоритмы (№1–4) позволяют минимизировать эти ошибки.

Цифровые следы наркоторговли требуют принципиально иного подхода, включающего обязательную изоляцию устройства в контейнер Фарадея, привлечение специалиста и особую фиксацию в протоколе. Существующая практика (лишь 34% следователей владеют соответствующими навыками) требует срочного совершенствования профессиональной подготовки и внедрения специализированных курсов повышения квалификации.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: разработка унифицированных межведомственных инструкций по безопасной работе с синтетическими наркотиками на месте происшествия; внедрение портативных спектральных анализаторов (Раман) для экспресс-идентификации вещества без вскрытия упаковки; создание обучающих симуляторов для отработки навыков изъятия цифровых следов и упаковки опасных веществ; изучение возможностей использования искусственного интеллекта для анализа цифровых следов наркосбыта.

Практическая реализация предложенных рекомендаций, способна повысить долю вещественных доказательств, признанных допустимыми и достоверными, по делам о наркотиках с текущих 52–60% до 85–90%, что напрямую повлияет на качество предварительного расследования и судебного разбирательства по ст. 228–234 УК РФ.

Библиография

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 992 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2 : Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997. 464 с.
3. Дильдин Ю.М., Мартынов В.В., Семенов А.Ю. Криминалистическое исследование наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ : учебное пособие. М. : ЭКЦ МВД России, 2014. 256 с.
4. Егоров Н.Н. Криминалистические аспекты безопасности при работе с синтетическими наркотиками на месте происшествия // Вестник криминалистики. 2023. № 4. С. 52-57.
5. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Е.П. Ищенко. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2016. 784 с.
6. Ищенко Е.П., Егоров Н.Н. Криминалистика : учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2023. 617 с.
7. Козлов В.Е. Тактические особенности осмотра места происшествия по делам о незаконном обороте наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 85-90.
8. Комиссарова Я.В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник криминалистики. 2021. № 2. С. 42-48.
9. Кузьмин С.А., Шаров В.И. Тактико-методические особенности осмотра и изъятия наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров // Вестник криминалистики. 2024. № 3. С. 112-118.
10. Майлис Н.П. Судебная трасология : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 319 с.
11. Мартынов А.В., Удальцов А.А. Особенности противодействия незаконному обороту наркотиков в цифровую эпоху: вызовы и перспективы // Правовая информатика. 2025. № 2. С. 45-52.
12. Николаев С.В. Цифровые следы наркоторговли: проблемы обнаружения, фиксации и изъятия // Российский следователь. 2024. № 3. С. 44-48.
13. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 736 с.
14. Смирнов А.В., Петров И.Н. Типичные ошибки при изъятии и упаковке вещественных доказательств: анализ следственной практики // Эксперт-криминалист. 2023. № 3. С. 112-118.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
16. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
17. Халиков Э.А., Комиссарова Я.В. О криминалистическом обеспечении производства следственных действий // Российский следователь. 2025. № 1. С. 8-13.
18. CDC. Fentanyl: Safety Recommendations for First Responders / Centers for Disease Control and Prevention. Atlanta : CDC, 2021. 15 p.
19. DEA. Fentanyl Safety Recommendations for First Responders / U.S. Drug Enforcement Administration. Washington, D.C. : DEA, 2020. 24 p.
20. EMCDDA. Health and safety interventions for drug users and first responders: a systematic review / European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. Lisbon : EMCDDA, 2022. 98 p.
21. EMCDDA. Synthetic Cathinones : A European Perspective / European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. Lisbon : EMCDDA, 2023. 86 p.
22. Houck M.M., Siegel J.A. Fundamentals of Forensic Science. 3rd ed. London : Academic Press, 2015. 736 p.
23. UNODC. Guidelines for the Forensic Examination of Drug Packaging / United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna : UNODC, 2020. 112 p.
24. UNODC. World Drug Report 2024 / United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna : United Nations, 2024.

Peculiarities of Detection, Recording and Seizure of Material Traces of Crime Related to Illicit Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic and Potent Substances

Viktoria N. Kozhenok

Adjunct,
Expert Forensic Center of the Main Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow;
Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
125171, 8, Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 9031140090@mail.ru

Abstract

In the article, the author examines the peculiarities of detection, recording and seizure of material traces of crime as a key element of gathering physical evidence in the investigation of crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic and potent substances. The problems of legal regulation, typical mistakes of investigative practice and ways to minimize them are touched upon. Particular attention is paid to the comparative effectiveness of traditional and modern methods of trace detection, including biological and digital objects.

For citation

Kozhenok V.N. (2026) Osobennosti obnaruzheniya, fiksatsii i iz"yatiya material'nykh sledov prestupleniya, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh i sil'nodeystvuyushchikh veshchestv [Peculiarities of Detection, Recording and Seizure of Material Traces of Crime Related to Illicit Trafficking of Narcotic Drugs, Psychotropic and Potent Substances]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 376-386. DOI: 10.34670/AR.2026.41.21.032

Keywords

Material traces of crime, detection of traces, seizure of traces, criminalistic technique, special knowledge.

References

1. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. (2023). Kriminalistika [Criminalistics]. 5th ed. Moscow: Norma : INFRA-M Publ. (In Russ.)
2. Belkin R.S. (1997). Kurs kriminalistiki. T. 2: Chastnye kriminalisticheskie teorii [Course of Criminalistics. Vol. 2: Private Criminalistic Theories]. Moscow: Yurist Publ. (In Russ.)
3. CDC. (2021). Fentanyl: Safety Recommendations for First Responders. Atlanta: CDC.
4. DEA. (2020). Fentanyl Safety Recommendations for First Responders. Washington, D.C.: DEA.
5. Dildin Yu.M., Martynov V.V., Semenov A.Yu. (2014). Kriminalisticheskoe issledovanie narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh i sil'nodeystvuyushchikh veshchestv [Forensic Examination of Narcotic Drugs, Psychotropic and Potent Substances]. Moscow: EKTs MVD Rossii Publ. (In Russ.)
6. Egorov N.N. (2023). Kriminalisticheskie aspekty bezopasnosti pri rabote s sinteticheskimi narkotikami na meste proisshestviya [Forensic safety aspects when working with synthetic drugs at the crime scene]. Vestnik kriminalistiki, (4), 52-57. (In Russ.)
7. EMCDDA. (2022). Health and safety interventions for drug users and first responders: a systematic review. Lisbon: EMCDDA.
8. EMCDDA. (2023). Synthetic Cathinones: A European Perspective. Lisbon: EMCDDA.
9. Federal Law No. 3-FZ of January 8, 1998 (as amended on December 28, 2024) «O narkoticheskikh sredstvakh i psikhotropnykh veshchestvakh» [On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances]. (In Russ.)
10. Houck M.M., Siegel J.A. (2015). Fundamentals of Forensic Science. 3rd ed. London: Academic Press.
11. Ishchenko E.P., Egorov N.N. (2023). Kriminalistika [Criminalistics]. 4th ed. Moscow: Yurayt Publ. (In Russ.)
12. Ishchenko E.P., Toporkov A.A. (2016). Kriminalistika [Criminalistics]. 3rd ed. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russ.)
13. Khalikov E.A., Komissarova Ya.V. (2025). O kriminalisticheskom obespechenii proizvodstva sledstvennykh deystviy [On forensic support for investigative actions]. Rossiyskiy sledovatel', (1), 8-13. (In Russ.)
14. Komissarova Ya.V. (2021). Virtual'nye i tsifrovye sledy: novyy podkhod v ponimanii [Virtual and digital traces: a new approach in understanding]. Vestnik kriminalistiki, (2), 42-48. (In Russ.)
15. Kozlov V.E. (2022). Takticheskie osobennosti osmotra mesta proisshestviya po delam o nezakonnom oborote narkotikov [Tactical features of the crime scene examination in cases of illegal drug trafficking]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, (5), 85-90. (In Russ.)
16. Kuzmin S.A., Sharov V.I. (2024). Taktico-metodicheskie osobennosti osmotra i iz'yatiya narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh prekursorov [Tactical and methodological features of examination and seizure of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors]. Vestnik kriminalistiki, (3), 112-118. (In Russ.)
17. Mailis N.P. (2017). Sudebnaya trasologiya [Forensic Trasology]. Moscow: YuNITI-DANA Publ. (In Russ.)
18. Martynov A.V., Udaltsev A.A. (2025). Osobennosti protivodeystviya nezakonnomu oborotu narkotikov v tsifrovuyu epokhu: vyzovy i perspektivy [Features of countering drug trafficking in the digital era: challenges and prospects]. Pravovaya informatika, (2), 45-52. (In Russ.)
19. Nikolaev S.V. (2024). Tsifrovye sledy narkotorgovli: problemy obnaruzheniya, fiksatsii i iz'yatiya [Digital traces of drug trafficking: problems of detection, recording and seizure]. Rossiyskiy sledovatel', (3), 44-48. (In Russ.)
20. Rossinskaya E.R. (2018). Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom protsesse [Forensic Examination in Civil, Arbitrazh, Administrative and Criminal Proceedings]. 4th ed. Moscow: Norma : INFRA-M Publ. (In Russ.)
21. Smirnov A.V., Petrov I.N. (2023). Tipichnye oshibki pri iz'yatii i upakovke veshchestvennykh dokazatel'stv: analiz sledstvennoy praktiki [Typical errors in seizure and packaging of physical evidence: analysis of investigative practice]. Ekspert-kriminalist, (3), 112-118. (In Russ.)
22. UNODC. (2020). Guidelines for the Forensic Examination of Drug Packaging. Vienna: UNODC.
23. UNODC. (2024). World Drug Report 2024. Vienna: United Nations.
24. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 25.12.2023) [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on December 25, 2023)]. (In Russ.)

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 316.6.01 **DOI: 10.34670/AR.2026.50.18.033**

Ценностно-смысловая технология эффективного противодействия экстремизму

Курбатов Андрей Всеволодович

Кандидат технических наук, директор,
Центр досуговой и социально-воспитательной работы
для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей
«Православная гимназия Святителя Алексия,
митрополита Московского и всея Руси чудотворца,
Свято-Алексиевской гимназии «Ольсово»»,
143050, Российская Федерация, с/п Успенское, д. Ольсово, ул. Ольсовская, 9;
e-mail: Kurbatov@mail.ru

Курбатова Людмила Анатольевна

Кандидат педагогических наук,
Заслуженный учитель Российской Федерации,
директор,
Автономная некоммерческая организация
содействия развития актуальных инноваций
в области культуры «Центр ценностно-смысловой культуры»,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Арбат, 1;
e-mail: Kurbatov@mail.ru

Курбатов Всеволод Андреевич

Преподаватель,
Лицей Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: Kurbatov@mail.ru

Аннотация

Анализ статистических данных, характеризующих криминологические показатели вовлеченности молодых людей в деятельность экстремистского характера, свидетельствует о том, что несмотря на пристальное внимание, уделяемое этой угрозе органами власти, ситуация продолжает ухудшаться. Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин заявил, что по итогам 2025 года число террористических преступлений выросло на 60 %. При этом в 2,5 раза увеличилось количество террористических преступлений, совершенных несовершеннолетними. Тревожная статистика требует принятия безотлагательных мер для стабилизации ситуации, которая ухудшается уже длительное время. В частности, в 2022 году количество

преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, совершенных молодыми людьми, возросло в 2,7 раза по сравнению с 2019 годом, а количество преступлений террористического характера в 2022 году в 1,3 раза превысило количество аналогичных преступлений в 2018 году. Данная тенденция может свидетельствовать о том, что в Российской Федерации уделяется недостаточное внимание внедрению отечественных социальных технологий, позволяющих осуществлять не только качественную профилактику вовлеченности граждан в экстремистскую террористическую деятельность, но и позитивную трансформацию мировоззрения лиц, нравственному здоровью которых нанесен ущерб воздействием деструктивной идеологии. Статья посвящена ценностно-смысловой технологии противодействия экстремизму, прошедшей успешную 20-летнюю государственную апробацию.

Для цитирования в научных исследованиях

Курбатов А.В., Курбатова Л.А., Курбатов В.А. Ценностно-смысловая технология эффективного противодействия экстремизму // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 387-394. DOI: 10.34670/AR.2026.50.18.033

Ключевые слова

Экстремизм, терроризм, деятельность, молодежь, вовлечение, технология, ценности, смыслы, трансформация, система, управление, противодействие экстремизму, ценностно-смысловая динамика.

Введение

Тенденции распространения молодежного экстремизма в России находятся в центре внимания исследователей в течение длительного времени в связи с тем, что они представляют угрозу национальной безопасности и целостности государства. Особая опасность заключается в том, что многими гражданами экстремизм воспринимается в качестве допустимого инструмента противостояния в разрешении политических противоречий. В условиях идеологического многообразия, установленного ст. 13 Конституции РФ, восприятие экстремизма как допустимого средства разрешения межидеологических, межконфессиональных, межнациональных и межкультурных отношений становится фактором дестабилизации общественной жизни и государственной деятельности [Конституция РФ, 2020]. Социально-экономические реформы и общественно-политические преобразования, развивающиеся в Российской Федерации с конца восьмидесятых годов прошлого века, способствовали возникновению неформальных сообществ и субкультур в молодежной среде, тяготеющих к деятельности экстремистского характера. Одной из причин этого явления следует считать объективную неготовность кадровой политики в образовании, культуре и СМИ к обеспечению высокого качества духовно-нравственного и патриотического воспитания в условиях идеологического многообразия и конституционных запретов на государственную идеологию и цензуру.

Основная часть

В СССР воспитание в государственных учреждениях понималось как формирование мировоззрения, соответствующего государственной идеологии, то есть строителя коммунизма.

Однако даже при решении этой более простой задачи, поддерживаемом государственной цензурой, главной проблемой признавался кадровый голод и низкая квалификация кадров. Поэтому новая ситуация необходимости осуществления духовно-нравственного воспитания в условиях идеологического многообразия и свободы совести, а также объявление, что высшими ценностями Конституции являются «человек, его права и свободы», а обязанность государства - «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина», вызвало шок у специалистов, не готовых к решению подобных задач. Таким образом, актуальность этой проблемы отмечается лидерами государства уже более сорока лет, но ситуация становится все напряженнее. Официальная оценка, приведенная в статье 20 Основ государственной политики по сохранению и укреплению российских духовно-нравственных ценностей, констатирует: «В дальнейшем ситуация может развиваться по позитивному либо негативному сценарию» [Указ Президента РФ № 809, 2022]. Не случайно Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов в докладе Июньскому Пленуму ЦК КПСС 1983 года отмечал, что «главные наши противники на этом пути – формализм, шаблон, робость, а порой и леность мысли» [Андропов, 1983]. К сожалению, эти недостатки не изжиты и сегодня, в 2025 году, поэтому представляется закономерным, что 28 декабря 2024 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» (далее Стратегия) [Указ Президента РФ № 1124, 2024]. Следует отметить, что главной проблемой, вызывающей рост экстремизма, является кадровый голод, о котором упоминалось в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в феврале 2024 года, и сложности с внедрением «суверенных технологий», несмотря на то, что на использовании их потенциала настаивает Глава государства, и лично «Путин провел мозговой штурм об утолении кадрового голода» [Послание Президента Федеральному Собранию, 2024; Зубов, 2023].

В соответствии со ст. 8 Стратегии, противодействием экстремизму признается деятельность, направленная на прогнозирование, профилактику, выявление, предупреждение, пресечение экстремистских проявлений, минимизацию и ликвидацию их последствий, а также выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистского характера [Указ Президента РФ № 1124, 2024].

Интенсивная разработка принципиально новых методов решения перечисленных выше задач была организована после Июньского Пленума ЦК КПСС в 1983 году. В соответствии с указанием Главы СССР Ю.В. Андропова, которого современные СМИ называют «Советским Путиным», были разработаны точные гуманитарные науки, позволяющие достоверно прогнозировать проявления экстремизма на основе количественных оценок особенностей мировоззрения граждан и их способности к осмыслению новой информации [Бесков, www…]. Применение точных гуманитарных наук к решению задачи прогнозирования экстремистских проявлений с помощью анализа ценностно-смысловой динамики и числовых показателей, определяющих ее качество, позволило обеспечить гарантию успешности профилактики всех форм проявления экстремизма [Азаров, Азарова, 2020; Курбатов, Курбатова, Курбатов, Капируля, 2019; Курбатов, Курбатова, 2020; Сумнительный, 2005]. Наличие возможности обеспечения гарантии получения заданного результата позволило разработать специализированный кластер ценностно-смысловых технологий противодействия экстремизму.

Другими словами, с помощью ценностно-смысловых технологий, основанных на применении точных гуманитарных наук: ценностно-смысловой философии, ценностно-смысловой психологии, ценностно-смысловой социологии, ценностно-смысловой пропедевтики, ценностно-смысловой педагогики можно гарантированно успешно осуществлять

не только прогнозирование и профилактику, но и выявление, предупреждение и пресечение экстремистских проявлений [Капируля, 2021; Курбатов, Курбатова, 2021b; Курбатов, Курбатова, 2021a; Курбатов, Курбатова, 2022; Курбатов, 2022]. Прикладные аспекты точных гуманитарных наук позволяют не только адекватно оценивать специфические характеристики мировоззрения и возможности осмысления гражданами новой информации, но и осуществлять разработку точно выверенного позитивного воздействия, устраняющего причины возникновения социальных напряжений, вызывающих процессы, приводящие к различным проявлениям экстремизма [Курбатов, Курбатова, Курбатов, Капируля, 2019; Курбатов, Курбатов, 2020].

Таким образом, внутри социума, постоянный мониторинг состояния которого осуществляется с помощью ценностно-смысловых технологий противодействия экстремизму, возникновение и развитие процессов, приводящих к проявлениям экстремизма, становится невозможным. Поэтому для полного исключения проявлений экстремизма необходимо уделять особое внимание процессам взаимодействия социума, контролируемого ценностно-смысловыми технологиями противодействия экстремизму, с внешней средой. Например, проблемы роста количества преступлений, совершаемых мигрантами в России, могут быть решены в порядке профилактики, если ценностно-смысловая технология противодействия экстремизму будет принята на вооружение сотрудниками служб, осуществляющих контроль за миграционными процессами.

Минимизация и ликвидация последствий экстремистских проявлений также наиболее успешно осуществляется с помощью ценностно-смысловых технологий, позволяющих не только качественно, но и количественно точно определить состояние мировосприятия лиц, понесших ущерб от различных проявлений экстремизма, и точно определить характер и силу воздействия, необходимого для минимизации и ликвидации нежелательных последствий. Ценностно-смысловые технологии противодействия экстремизму показали уникальную эффективность при выявлении и устранении причин и условий, способствующих проявлениям экстремизма, благодаря открытию новых явлений – болевого порога осмысления и методов точной числовой оценки уровня неприемлемого ущерба, после которого деструктивные процессы могут принять необратимый характер.

Апробация ценностно-смысловых технологий проводилась в процессе двадцатилетнего государственного эксперимента, организованного в самом криминогенном районе города Москвы, при систематическом ежеквартальном мониторинге показателей ценностно-смысловой динамики, здоровья, интеллекта, обученности, обучаемости, креативности и коммуникативности участников. В течение двадцати лет наблюдений все показатели изменялись только в положительную сторону [Курбатов, Курбатова, Курбатов, Капируля, 2019; Курбатов, Курбатов, 2020]. Аномально высокая интенсивность проявлений экстремизма, наблюдавшаяся до начала применения ценностно-смысловых технологий противодействия экстремизму, ежегодно сокращалась на 25% от стартового показателя, и через четыре года все проявления экстремизма полностью прекратились. Необходимо отметить, что главным условием успешного применения ценностно-смысловых технологий противодействия экстремизму является квалификация кадров, владеющих авторскими методиками использования прикладных аспектов точных гуманитарных наук для управления качеством ценностно-смысловой динамики. Подготовка кадров, осуществлявших применение ценностно-смысловых технологий противодействия экстремизму, в процессе 20-летнего государственного эксперимента осуществлялась в течение трех лет до начала эксперимента под авторским

сопровождением. Система непрерывного ценностно-смыслового образования, включающая пакет ценностно-смысловых технологий противодействия экстремизму, получила название «Антикризисная система образования» и была признана победителем Всероссийского профессионального конкурса «Инновации в образовании» в 2009 году, получив статус «Жемчужина российского образования» [Курбатов, 2011; Курбатов, Курбатова, 2021a; Курбатов, Курбатова, Курбатов, Капируля, 2019].

Заключение

Главным отличием специалистов, подготовленных по авторской технологии, является способность точно оценивать количественные показатели болевого порога осмысления и неприемлемого ущерба при управлении ценностно-смысловой динамикой. Данная особенность обеспечивает гарантию безопасности и эффективности применения ценностно-смысловых технологий противодействия экстремизму в любых условиях, открывая безграничные перспективы для достижения целей устойчивого развития цивилизации.

Библиография

1. Азаров Ю. П., Азарова Л. Н. Энергия красоты. 2-е изд. М.: Новый формат, 2020. 547 с. ISBN 978-5-91556-804-3.
2. Андропов Ю.В. Речь на Июньском пленуме ЦК КПСС 1983 года. URL: https://biblio.kz/m/articles/view/
3. Бесков А. А. «Советский Путин»: почему речь Юрия Андропова актуальна спустя 40 лет. URL: https://dzen.ru/a/ZTJ-6ws-RWgj8VS6
4. Зубов М. Путин провел мозговой штурм об утолении кадрового голода. 2023. URL: https://monocle.ru/2023/09/22/putin-provel-mozgovoy-shturm-ob-utolenii-kadrovogo-goloda/
5. Капируля Н. А. Ценностно-смысловая педагогика — интеллектуальный ресурс национальной безопасности и устойчивого развития цивилизации // Педагогический журнал. 2021. Т. 11, № 5-А. С. 27–38.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок). // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
7. Курбатов А. В. Антикризисная модель образования // Уровень жизни населения регионов России. 2011. Февраль. С. 106–116.
8. Курбатов А. В., Курбатов В. А. Ценностно-смысловое самоуправление — средство гармонизации процесса трансформации идейных взглядов // Инновационные исследования как локомотив развития современной науки: от теоретических парадигм к практике. М.: НИЦ МИСИ, 2020. С. 33–53.
9. Курбатов А. В., Курбатова Л. А. Ценностно-смысловая философия // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». 2021b. № 5. С. 142–150.
10. Курбатов А. В., Курбатова Л. А. Система ценностно-смыслового образования интеллектуальной экономики устойчивого мира // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2020. № 3 (72). Ч. 4. С. 17–32.
11. Курбатов А. В., Курбатова Л. А. Ценностно-смысловая психология в информационном обществе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021a. Т. 10. № 2А. С. 199–210.
12. Курбатов А. В., Курбатова Л. А. Педагогическая технология ценностно-смысловой социологии // Управление образованием: теория и практика / Education Management Review. 2022. Т. 12. № 4. С. 132–147.
13. Курбатов А. В., Курбатова Л. А., Курбатов В. А., Капируля Н. А. Становление ценностно-смысловой системы образования. М.: Перо, 2019. 357 с. ISBN 978-5-00150-680-5.
14. Курбатов А. В., Курбатов В. А., Курбатова Л. А., Капируля Н. А. Ценностно-смысловая идеология многополярного мира // Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 17 октября 2024 г.). Том 1. М.: Инфинити, 2024. С. 35–45.
15. Курбатов В. А. Ценностно-смысловая пропедевтика — критическая технология формирования глобальной компетентности // Управление образованием: теория и практика. 2022. Т. 12. № 2 (48). С. 67–81.
16. Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585
17. Сумнительный К. Е. Школа инноваций // Школа полного дня. Серия «Управление школой». 2005. № 4. С. 22–24.
18. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502
19. Указ Президента РФ от 28.12.2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/76020
20. Kurbatov A. V., Kurbatova L. A., Kurbatov V. A., Kapirulya N. A. Value-semantic initiation of intellectual resources — technology for managing the actualization of human capital // Proceedings of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration». Beijing, 2024. P. 28–36.

Value-Semantic Technology for Effective Counteraction to Extremism

Andrey V. Kurbatov

PhD in Technical Sciences, Director,
Center for Leisure and Social-Educational
Work for Orphans and Children without Parental Care
"Orthodox Gymnasium of St. Alexius,
Metropolitan of Moscow and Wonderworker of All Russia,
St. Alexius Gymnasium 'Olsovo'",
143050, 9, Olsovskaya St., Olsovo Village,
Uspenskoye Rural Settlement, Russian Federation;
e-mail: Kurbatov@mail.ru

Lyudmila A. Kurbatova

PhD in Pedagogy,
Honored Teacher of the Russian Federation,
Director,
Autonomous Non-Profit Organization
for the Promotion of Relevant Innovations in the Field of Culture
"Center for Value-Semantic Culture",
119019, 1, Arbat St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Kurbatov@mail.ru

Vsevolod A. Kurbatov

Teacher,
Lyceum of the National Research University
"Higher School of Economics",
101000, 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Kurbatov@mail.ru

Abstract

The analysis of statistical data characterizing the criminological indicators of the involvement of young people in extremist activities indicates that, despite the close attention paid to this threat by the authorities, the situation continues to worsen. The Chairman of the Investigative Committee of Russia, Alexander Bastrykin, stated that following 2025, the number of terrorist crimes increased by 60%. At the same time, the number of terrorist crimes committed by minors increased by 2.5

times. This alarming statistics require urgent measures to stabilize the situation, which has been deteriorating for a long time. In particular, in 2022, the number of crimes related to extremist activities committed by young people increased by 2.7 times compared to 2019, and the number of terrorist crimes in 2022 exceeded the number of similar crimes in 2018 by 1.3 times. This trend may indicate that insufficient attention is being paid in the Russian Federation to the implementation of domestic social technologies that allow not only for high-quality prevention of citizens' involvement in extremist terrorist activities, but also for the positive transformation of the worldview of persons whose moral health has been damaged by the influence of destructive ideology. The article is devoted to the value-semantic technology for countering extremism, which has successfully passed 20 years of state testing.

For citation

Kurbatov A.V., Kurbatova L.A., Kurbatov V.A. (2026) Tsennostno-smyslovaya tekhnologiya effektivnogo protivodeystviya ekstremizmu [Value-Semantic Technology for Effective Counteraction to Extremism]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 387-394. DOI: 10.34670/AR.2026.50.18.033

Keywords

Extremism, terrorism, activity, youth, involvement, technology, values, meanings, transformation, system, management, counteraction to extremism, value-semantic dynamics.

References

1. Andropov, Yu.V. (1983). *Rech na Iyun'skom plenume TsK KPSS 1983 goda* [Speech at the June Plenum of the CPSU Central Committee in 1983]. Retrieved from https://biblio.kz/m/articles/view/
2. Azarov, Yu.P., & Azarova, L.N. (2020). *Energiya krasoty* [The Energy of Beauty] (2nd ed.). Moscow: Novyy format.
3. Beskova, A.A. (n.d.). *"Sovetskiy Putin": pochemu rech' Yuriya Andropova aktual'na spustya 40 let* ["Soviet Putin": Why Yuri Andropov's Speech is Still Relevant 40 Years Later]. Retrieved from https://dzen.ru/a/ZTJ-6ws-RWgj8VS6
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, as amended). (2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (31), art. 4398.
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". (2022). Retrieved from http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 of December 28, 2024 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation". (2024). Retrieved from http://www.kremlin.ru/acts/news/76020
7. Kapirulya, N.A. (2021). Tsennostno-smyslovaya pedagogika — intellektual'nyy resurs natsional'noy bezopasnosti i ustoychivogo razvitiya tsivilizatsii [Value-Semantic Pedagogy — an Intellectual Resource for National Security and Sustainable Development of Civilization]. *Pedagogicheskiy zhurnal*, 11(5A), 27-38.
8. Kurbatov, A.V. (2011). Antikrizisnaya model' obrazovaniya [Anti-Crisis Model of Education]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, (February), 106-116.
9. Kurbatov, A.V., & Kurbatov, V.A. (2020). Tsennostno-smyslovoe samoupravlenie — sredstvo garmonizatsii protsessa transformatsii ideynykh vzglyadov [Value-Semantic Self-Government as a Means of Harmonizing the Process of Transforming Ideological Views]. In *Innovatsionnye issledovaniya kak lokomotiv razvitiya sovremennoy nauki* (pp. 33-53). Moscow: NITs MISI.
10. Kurbatov, A.V., & Kurbatova, L.A. (2020). Sistema tsennostno-smyslovogo obrazovaniya intellektual'noy ekonomiki ustoychivogo mira [The System of Value-Semantic Education for the Intellectual Economy of a Sustainable World]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh (ESU)*, (3)72, 17-32.
11. Kurbatov, A.V., & Kurbatova, L.A. (2021a). Tsennostno-smyslovaya psikhologiya v informatsionnom obshchestve [Value-Semantic Psychology in the Information Society]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 10(2A), 199-210.
12. Kurbatov, A.V., & Kurbatova, L.A. (2021b). Tsennostno-smyslovaya filosofiya [Value-Semantic Philosophy]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya "Poznanie"*, (5), 142-150.
13. Kurbatov, A.V., & Kurbatova, L.A. (2022). Pedagogicheskaya tekhnologiya tsennostno-smyslovoy sotsiologii

[Pedagogical Technology of Value-Semantic Sociology]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika / Education Management Review*, 12(4), 132-147.
14. Kurbatov, A.V., Kurbatova, L.A., Kurbatov, V.A., & Kapirulya, N.A. (2019). *Stanovlenie tsennostno-smyslovoy sistemy obrazovaniya* [Formation of a Value-Semantic Education System]. Moscow: Pero.
15. Kurbatov, A.V., Kurbatov, V.A., Kurbatova, L.A., & Kapirulya, N.A. (2024). Tsennostno-smyslovaya ideologiya mnogopolyarnogo mira [Value-Semantic Ideology of a Multipolar World]. In *Vysshaya shkola: nauchnye issledovaniya* (Vol. 1, pp. 35-45). Moscow: Infiniti.
16. Kurbatov, V.A. (2022). Tsennostno-smyslovaya propedevtika — kriticheskaya tekhnologiya formirovaniya global'noy kompetentnosti [Value-Semantic Propaedeutics — a Critical Technology for the Formation of Global Competence]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*, 12(2)48, 67-81.
17. Kurbatov, A.V., Kurbatova, L.A., Kurbatov, V.A., & Kapirulya, N.A. (2024). Value-semantic initiation of intellectual resources — technology for managing the actualization of human capital. In *Proceedings of the International Conference "Scientific research of the SCO countries: synergy and integration"* (pp. 28-36). Beijing.
18. Presidential Address to the Federal Assembly on February 29, 2024. (2024). Retrieved from http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585
19. Sumnitelny, K.E. (2005). Shkola innovatsiy [School of Innovations]. In *Shkola polnogo dnya. Seriya "Upravlenie shkoloy"*, (4), 22-24.
20. Zubov, M. (2023, September 22). *Putin provel mozgovoy shturm ob utolenii kadrovogo goloda* [Putin Held a Brainstorming Session on Alleviating the Personnel Shortage]. Retrieved from https://monocle.ru/2023/09/22/putin-provel-mozgovoy-shturm-ob-utolenii-kadrovogo-goloda/

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.54 **DOI: 10.34670/AR.2026.99.71.034**

Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий

Магомедов Давди Бадавиевич

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Коркмасова, 8;
e-mail: mdb2@mail.ru

Булатова Мадина Гаирбеговна

Магистрант 1 курса Юридического института,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Коркмасова, 8;
e-mail: bulatova.madina2003@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются проблемы уголовно-правовой квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий (статьи 150 и 151 УК РФ). На основе анализа федерального законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и региональной судебной практики выявляются типичные ошибки правоприменения, проблемы доказывания субъективной стороны и разграничения смежных составов. Формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Для цитирования в научных исследованиях

Магомедов Д.Б., Булатова М.Г. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 395-399. DOI: 10.34670/AR.2026.99.71.034

Ключевые слова

Вовлечение несовершеннолетних, преступление, антиобщественные действия, судебная практика, уголовная ответственность, несовершеннолетний потерпевший, склонение.

Введение

Проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий является одной из наиболее острых в современной криминологической и уголовно-правовой науке. Несовершеннолетние в силу возрастных психологических особенностей, к числу которых относятся повышенная внушаемость, склонность к подражанию, неспособность в полной мере оценивать последствия своих действий, выступают наиболее уязвимой категорией для криминального влияния со стороны взрослых лиц [Пудовочкин, 2023, с. 45].

Основная часть

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (статья 150) и за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (статья 151) [Уголовный кодекс РФ, 1996]. Статья 150 УК РФ устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом. Как справедливо отмечает А.А. Бимбинов, для квалификации действий по статье 150 УК РФ не имеет значения, удалось ли взрослому лицу фактически вовлечь несовершеннолетнего в совершение преступления — состав является формальным и считается оконченным с момента совершения действий, направленных на вовлечение [Бимбинов, 2024, с. 33].

Квалифицирующие признаки статьи 150 УК РФ включают: вовлечение родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (часть 2); вовлечение с применением насилия или угрозой его применения (часть 3); вовлечение в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также вовлечение в преступную группу (часть 4). Как отмечает Е.В. Хромов, при квалификации действий по ч. 3 ст. 150 УК РФ необходимо устанавливать, что насилие применялось именно как способ вовлечения, а не в процессе совместного совершения преступления [Бимбинов, 2024, с. 33].

Статья 151 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством. Ключевым признаком объективной стороны является систематичность действий, то есть вовлечение должно осуществляться не менее двух раз [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1, 2011]. Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ статья 151 УК РФ была дополнена частью 2.1, устанавливающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни (склонение к суициду, заведомое оставление в опасности и тому подобные действия) [Федеральный закон № 157-ФЗ, 2023].

Анализ судебной практики показывает, что наиболее распространенным способом вовлечения являются обещания материального вознаграждения. Так, Промышленным районным судом г. Оренбурга было рассмотрено уголовное дело, в котором взрослое лицо вовлекло несовершеннолетних в совершение кражи путем обещания получения выгоды. Суд квалифицировал действия виновного по ч. 1 ст. 150 УК РФ, указав, что он является исполнителем содеянного путем посредственного причинения, поскольку преступление

совершено несовершеннолетними, не подлежащими уголовной ответственности [Приговор Промышленного районного суда г. Оренбурга № 1-302/2017, 2017].

На практике нередко возникают сложности при разграничении вовлечения в совершение преступления и вовлечения в совершение антиобщественных действий. Основным критерием разграничения выступает характер действий, в которые вовлекается несовершеннолетний. Если действия являются преступными (то есть запрещены УК РФ под угрозой наказания), то ответственность наступает по статье 150 УК РФ. Если же действия не являются преступными, но являются антиобщественными (например, систематическое употребление спиртных напитков), то ответственность наступает по статье 151 УК РФ [Коряковцева, 2024, с. 136].

Одной из наиболее сложных проблем является доказывание субъективной стороны вовлечения. Для признания лица виновным по статьям 150 или 151 УК РФ необходимо установить, что оно действовало умышленно, то есть осознавало, что вовлекает именно несовершеннолетнего. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что для привлечения к ответственности по статьям 150 и 151 УК РФ необходимо установить, что взрослое лицо знало или допускало, что вовлекает несовершеннолетнего [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1, 2011]. Если взрослый добросовестно заблуждался относительно возраста (например, несовершеннолетний выглядел значительно старше своих лет), ответственность исключается [Пудовочкин, 2023, с. 92].

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие типичные ошибки, допускаемые судами при рассмотрении дел о вовлечении несовершеннолетних: неправильное определение момента окончания преступления; необоснованная квалификация действий как вовлечения при отсутствии признаков систематичности; смешение составов, предусмотренных статьями 150 и 151 УК РФ; недостаточное внимание к доказыванию субъективной стороны; неправильное отграничение вовлечения от соучастия [Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, за 2022-2024 годы, 2025].

Заключение

Таким образом, противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий является одной из приоритетных задач современной уголовной политики. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о системном характере данной проблемы, требующем дальнейшего совершенствования как законодательного регулирования, так и правоприменительных подходов.

Библиография

1. Бимбинов А.А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений: вопросы квалификации // Российский следователь. 2024. № 5. С. 32-38.
2. Коряковцева О.А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 134-140.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, за 2022-2024 годы : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2025 // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.
5. Приговор Промышленного районного суда г. Оренбурга от 26.10.2017 по делу № 1-302/2017 // Судебные и

нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/regular/doc/GCT0s83rh6Ht/
6. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по уголовному праву России. М.: Юрлитинформ, 2023. 312 с.
7. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : ред. от 28.02.2025 // СПС КонсультантПлюс.
8. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 28.04.2023 № 157-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
9. Хромов Е.В. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025. 312 с.

Involvement of Minors in the Commission of Crimes and Antisocial Acts

Davdi B. Magomedov

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Dagestan State University,
367000, 8, Korkmasova St., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: mdb2@mail.ru

Madina G. Bulatova

1st Year Master's Student, Law Institute,
Dagestan State University,
367000, 8, Korkmasova St., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: bulatova.madina2003@mail.ru

Abstract

The article examines the problems of criminal law qualification of the involvement of minors in the commission of crimes and antisocial acts (Articles 150 and 151 of the Criminal Code of the Russian Federation). Based on the analysis of federal legislation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and regional judicial practice, typical law enforcement errors, problems of proving the subjective side, and differentiation of related offenses are identified. Proposals are formulated for improving law enforcement practice.

For citation

Magomedov D.B., Bulatova M.G. (2026) Vovlecheniye nesovershennoletnikh v sovershenіye prestupleniya i antiobshchestvennykh deystviy [Involvement of Minors in the Commission of Crimes and Antisocial Acts]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 395-399. DOI: 10.34670/AR.2026.99.71.034

Keywords

Involvement of minors, crime, antisocial acts, judicial practice, criminal liability, minor victim, inducement.

References

1. Bimbinov A.A. (2024). Vovlechenie nesovershennoletnikh v sovershenie prestupleniy: voprosy kvalifikatsii [Involvement of minors in the commission of crimes: issues of qualification]. Rossiyskiy sledovatel', (5), 32-38. (In Russ.)
2. Federal Law No. 157-FZ of April 28, 2023 «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation]. (In Russ.)
3. Khromov E.V. (2025). Kommentariy k otdel'nym polozheniyam Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v resheniyakh Verkhovnogo Suda RF i Konstitutsionnogo Suda RF (postateyniy) [Commentary on certain provisions of the Criminal Code of the Russian Federation in the decisions of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation (article-by-article)]. 2nd ed. Moscow. (In Russ.)
4. Koryakovtseva O.A. (2024). Vovlechenie nesovershennoletnikh v sovershenie prestupleniy i antiobshchestvennykh deystviy: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty [Involvement of minors in the commission of crimes and antisocial acts: criminal law and criminological aspects]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, (2), 134-140. (In Russ.)
5. Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po delam o prestupleniyakh, sovershennykh nesovershennoletnimi, za 2022-2024 gody [Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation on crimes committed by minors for 2022-2024]. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 15, 2025. (In Russ.)
6. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 № 1 (red. ot 29.11.2016) «O sudebnoy praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoy otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of February 1, 2011 (as amended on November 29, 2016)]. Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, 2011, no. 4. (In Russ.)
7. Prigovor Promyshlennogo rayonnogo suda g. Orenburga ot 26.10.2017 po delu № 1-302/2017 [Verdict of the Industrial District Court of Orenburg of October 26, 2017 in case No. 1-302/2017]. (In Russ.)
8. Pudovochkin Yu.E. (2023). Otvetstvennost' za prestupleniya protiv nesovershennoletnikh po ugolovnomu pravu Rossii [Responsibility for crimes against minors under Russian criminal law]. Moscow: Yurlitinform Publ. (In Russ.)
9. Russian Federation. Laws. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : Federal'nyy zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 28.02.2025) [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on February 28, 2025)]. (In Russ.)

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.44.42.035**

Сравнительно-правовой анализ семейного законодательства стран СНГ: лишение родительских прав

Устинов Андрей Анатольевич

Кандидат юридических наук, доцент
научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
Доцент,
кафедра правового регулирования бизнеса
и гражданского судопроизводства,
Московский университет «Синергия»,
129090, Российская Федерация, Москва, ул. Мещанская, 9/14 стр. 1;
e-mail: ustin33@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Институт лишения родительских прав представляет собой крайнюю меру семейно-правовой ответственности, направленную на защиту прав и интересов ребенка. В странах Содружества Независимых Государств, Государств, несмотря на общность исторических корней семейного законодательства, его реализация имеет специфические, национальные особенности. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу норм семейного законодательства стран СНГ, регламентирующих основания, порядок и последствия как лишения родительских прав, так и их восстановление. На основании проведенного анализа сформулированы отдельные предложения по совершенствованию правового регулирования института лишения родительских прав в семейном законодательстве Российской Федерации, в частности, расширение круга уголовно-наказуемых преступлений, влекущих лишение родительских прав, а также предоставление возможности лицу, лишенному родительских прав, общаться со своим несовершеннолетним ребенком с разрешения его опекуна (попечителя) и органа опеки и попечительства, если это не оказывает на него негативного влияния. Особый интерес представляет, анализ данного института в привязке к уголовно-исполнительной системе поскольку определенное количество лиц, лишаемых родительских прав, отбывают или отбывали уголовное наказание, связанное с изоляцией от общества в местах лишения свободы.

Для цитирования в научных исследованиях

Устинов А.А., Слабкая Д.Н. Сравнительно-правовой анализ семейного законодательства стран СНГ: лишение родительских прав // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 400-409. DOI: 10.34670/AR.2026.44.42.035

Ключевые слова

Семейное право, сравнительное правоведение, СНГ, лишение родительских прав, восстановление в родительских правах, уголовно-исполнительная система, изоляция от общества, отбывание наказания, судебная практика.

Введение

Семейное законодательство государств участников Содружества Независимых Государств, формировавшееся в постсоветский период на базе общих исторических и правовых традиций, сохраняет значительную степень правовой схожести в регулировании вопросов ответственности родителей. Однако дифференциация социально-экономических условий правовых систем обусловила возникновение национальных особенностей в применении такой крайней меры, как лишение родительских прав.

Законодательные системы СНГ едины в том, что семья, забота о детях и защита их благополучия считаются фундаментальными основами общества.

Так, статья 38 Конституции Российской Федерации провозглашает, что забота о детях и их воспитание обязанность родителей, а материнство и детство, семья находятся под защитой государства [Конституция РФ]. Ей вторит Конституция Республики Беларусь: «брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» (ст. 32). Конституция Республики Узбекистан предусматривает, что семья является основной ячейкой общества и находится под охраной общества и государства (ст. 76). Сходные положения содержатся и в основных законах других стран СНГ.

Законодательством всех стран СНГ предусмотрены взаимные права и обязанности родителей и детей. Тем не менее, в целях запиты интересов детей государство в установленных законом случаях может лишить родителей предусмотренных законом родительских прав.

Модельный закон СНГ «О воспитании детей и молодежи» от 14 мая 2009 г. предусматривает возможность лишения родительских прав (ст. 17), однако данным законом не конкретизируются его основания, последствия и порядок, а также возможность и порядок восстановления в родительских правах. Нормы законодательства стран СНГ, регламентирующие лишение водительских прав, в значительной степени подобны друг другу, однако имеют и определенные различия, анализ которых составляет цель настоящей статьи.

Основное содержание

Лишение родительских прав по законодательству всех стран СНГ осуществляется исключительно в судебном порядке и является крайней мерой семейно-правовой ответственности, направленной на защиту интересов ребенка [Краснова, 2015, с. 144]. Перечни оснований для лишения родительских прав в большинстве стран СНГ являются исчерпывающими, за исключением Семейного кодекса (далее – СК) Молдовы, согласно ст. 67 которого суд может применить лишение родительских прав и «в других случаях, когда этого

требуют интересы ребенка».

Представляется возможным выделить следующие общие для всех стран СНГ основания лишения родительских прав.

Неисполнение родительских обязанностей. В большинстве стран, как частный случай неисполнения родительских обязанностей отдельно предусматривается уклонение родителей от уплаты алиментов в пользу детей.

Злоупотребление родительскими правами, законодатель не разъясняет данное понятие, однако в теории и практике его понимают как использование родительских прав вопреки интересам детей. Следует согласиться с мнением авторов, признающих злоупотребление правами оценочной категорией, наличие которой определяется судом исходя из фактических обстоятельств каждой конкретной ситуации [Калюжная, 2025, с. 139; Фарафонтова, 2024, с. 114].

Жестокое обращение с ребенком чаще всего представляет собой физическое и психическое насилие, однако следует иметь в виду, что понятие «жестокое обращение» шире понятия «насилие». Под физическим насилием понимают умышленное противоправное применение физической силы к потерпевшему, под психическим насилием угрозу применения физической силы к потерпевшему или иным лицам [Котельникова, 2008]. Постановление Пленума ВС РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 не дает разъяснения понятия «жестокое обращение», указывая лишь, что оно может выражаться в физическом и психическом насилии над детьми, в покушении на их половую неприкосновенность. Однако жестокое обращение, как свидетельствует судебная практика, может включать в себя также и бездействие со стороны родителей – систематическое оставление детей без присмотра, без ухода, неисполнение обязанностей по созданию условий для проживания детей, несоблюдение санитарно-гигиенических норм, ставящее под угрозу здоровье детей. В литературе жестокое обращение определяется не только как насилие, но и как любые действия или бездействие членов семьи по отношению к ребенку, в результате которых создаются условия, мешающие его развитию [Беседина, 2013].

Законодательством стран СНГ предусматриваются и иные основания лишения родительских прав. Так, законодательство Беларуси, Армении, Молдовы, Туркменистана содержит такое основание, как аморальное поведение родителей, отрицательно влияющее на ребенка. При этом нормативные акты не дают определения «аморального поведения», относя установление его наличия в сферу судейского усмотрения [Левушкин, 2011]. По нашему частно-научному мнению, формулировка «аморальное поведение» чрезмерно расширяет пределы судейского усмотрения при решении вопроса о лишении родительских прав, и ее применение вряд ли может быть целесообразным.

Законодательством стран СНГ, кроме Беларуси и Казахстана, в качестве основания лишения родительских прав предусмотрено заболевание хроническим алкоголизмом или наркоманией. СК Армении и СК Туркменистана предусматривают также заболевание токсикоманией, СК Казахстана – злоупотребление азартными играми, участие в пари, спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами и (или) их аналогами. Считаем, что категория «злоупотребление» является недостаточно определенной, в отличие от понятий «хронический алкоголизм» и «наркомания», имеющих медицинские критерии. Бесспорно, родители, злоупотребляющие спиртным или употребляющие наркотики, не страдая при этом хроническим алкоголизмом или наркоманией, могут причинять вред нормальному развитию детей, однако в таких случаях основанием для лишения родительских прав должны являться неисполнение родительских обязанностей, злоупотребление родительскими правами или

жестокое обращение с ребенком.

Совершение умышленного преступления в отношении детей либо других членов семьи предусмотрено в качестве основания лишения родительских прав законодательством всех стран СНГ, кроме Беларуси. Как правило, в качестве данных преступлений указываются умышленные преступления против жизни и здоровья, за исключением Армении, где в качестве основания лишения родительских прав предусмотрено «умышленное преступление против своих детей» (п. «е» ст. 59 СК Армении). Представляется не вполне целесообразным ограничивать преступлений категория только данных круг преступлениями против жизни и здоровья. Существует категория умышленных преступлений, дополнительным объектом которых являются жизнь и здоровье, но при этом по основному объекту они относятся к иным категориям (против общественной безопасности, против здоровья населения и общественной нравственности и т.д.) Поэтому следует обозначить данные преступления в более широком смысле, как «умышленные преступления, посягающие на жизнь и здоровье».

Кроме того, в перечень указанных преступлений целесообразно включить преступления против половой свободы и половой неприкосновенности членов семьи. Совершение данных преступлений родителем в отношении своих детей является основанием для лишения родительских прав. Однако совместно с родителем могут проживать не только дети, но и его подопечные, иные члены семьи, и совершение преступлений против их половой свободы и половой неприкосновенности, безусловно, наносит вред нормальному развитию и благополучию детей, воспитываемых в семье.

На наш частно-научный взгляд, такая формулировка в наибольшей степени соответствует защите интересов ребенка, так как преступное посягательство в отношении любых совместно проживающих лиц, несомненно, представляет угрозу для нормального развития ребенка и, как правило, свидетельствует о нецелесообразности сохранения родительских прав за виновным лицом. Поэтому представляется наиболее приемлемым определить преступления, совершение которых является основанием для лишения родительских прав в следующей редакции: «умышленное преступление, посягающее на жизнь и здоровье, половую свободу и половую неприкосновенность, против своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо иного члена семьи».

Последствия лишения родительских прав формулируются законодательством всех стран СНГ практически единообразно. Родители, лишенные родительских прав, утрачивают все права, основанные на факте родства с ребенком, в том числе на получение от него содержания, а также на все льготы и выплаты, связанные с наличием детей, однако не освобождаются от обязанности содержать детей. За ребенком сохраняются имущественные права, основанные на факте родства с родителями, лишенными родительских прав, и другими родственниками, в том числе на получение наследства, а также право собственности на жилое помещение или право пользования им. Вопрос о совместном проживании ребенка и родителя, лишенного родительских прав, решается в соответствии с жилищным законодательством. Так, согласно ч.2 ст. 91 ЖК РФ, если совместное проживание ребенка и родителя, лишенного родительских прав, будет признано судом невозможным, то родитель, пользующийся жилым помещением по договору социального найма, может быть выселен без предоставления другого жилого помещения, если иное не предусмотрено законодательством.

Ребенок, родитель которого лишен родительских прав, передается другому родителю, а если это невозможно или родительских прав лишены оба родителя, либо единственный родитель – на попечение органа опеки и попечительства. СК Кыргызстана предусматривает, что В таком

случае на попечение уполномоченного государственного органа по защите детей передается также имущество и жилая площадь ребенка (ч. 5 ст. 77).

Ребенок может быть усыновлен, как правило, если родительских прав лишены оба родителя или единственный родитель. Однако ч. 7 ст. 77 Кодекса Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье предусматривает, что с согласия другого родителя допускается усыновление ребенка и в том случае, если родительских прав лишен один из родителей. Усыновление может быть осуществлено по истечении определенного срока с момента вступления решения суда о лишении родительских прав в законную силу. В большинстве стран СНГ он составляет 6 месяцев (в Туркменистане – 1 год).

По законодательству всех стран СНГ, при определенных условиях лица, лишенные родительских прав, могут быть в них восстановлены. Данная мера призвана стимулировать положительное поведение родителей, уменьшать нагрузку на бюджет государства, воспитательные учреждения, в том числе сокращать так называемое «социальное сиротство» [Доржиева, 2017, с. 106].

Восстановление в родительских правах осуществляется судом в порядке искового производства, по иску родителя, лишенного родительских прав, а также прокурора (Туркменистан). При рассмотрении дела предусматривается обязательное участие органа опеки и попечительства, а также, по законодательству некоторых стран – прокурора. Ответчиком является родитель, не лишенный родительских прав, опекун (попечитель), иные лица, воспитывающие ребенка, а также орган опеки и попечительства либо учреждение, где ребенок воспитывается [Имамалиева, 2022]. Срок, по истечении которого допускается восстановление в родительских правах, в большинстве стран законом не определен, кроме Республики Беларусь, где он установлен в 6 месяцев после вступления в законную силу решения суда о лишении родительских прав (ст. 84 Кодекса РБ о браке и семье).

Основанием для восстановления в родительских правах является изменение родителем, лишенным родительских прав, своего поведения, образа жизни и (или) отношения к воспитанию ребенка. СК Молдовы содержит более общую формулировку «если исчезли и отсутствуют обстоятельства, приведшие к лишению родительских прав, и восстановление осуществляется в интересах ребенка» (ст. 70).

При восстановлении в родительских правах предусматривается учет мнения ребенка, в отношении которого родитель лишен родительских прав. Законодательством большинства стран СНГ установлен возраст ребенка, по достижении которого суд учитывает его мнение – 10 лет. СК Молдовы не устанавливает конкретной возрастной границы, однако указывает, что при восстановлении в родительских правах учитывается мнение ребенка «в соответствии с его возрастом и степенью зрелости» (ст. 70). Если ребенок был усыновлен и усыновление не отменено, восстановление в родительских правах не допускается. Однако СК Молдовы предусмотрено, что в таком случае суд может отменить решение о лишении родительских прав без восстановления родительских прав и обязанностей.

Одной из проблем, связанных с восстановлением в родительских правах, является отсутствие права родителя, лишенного родительских прав, на общение с ребенком, на что указывалось в научной литературе [Доржиева, 2017]. При этом возникает проблема – законодательство всех стран СНГ предусматривает при решении вопроса о восстановлении в родительских правах обязательный учет мнения ребенка. Однако, при отсутствии возможности общения с родителем, ребенок неспособен сделать вывод о том, что родитель изменил свое поведение, образ жизни и отношение к ребенку, и выразить суду свое мнение относительно

восстановления родителя в родительских правах.

Законодательством Российской Федерации, Азербайджана, Армении, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана для лиц, лишенных родительских прав, права на общение с ребенком не предусматривается. Однако Кодекс Республики Беларусь о браке и семье предусматривает, что родитель, лишенный родительских прав, может общаться со своим ребенком с разрешения его опекуна (попечителя). В случае его отказа предоставить родителю такую возможность порядок общения определяет орган опеки и попечительства, за исключением случаев, когда такое общение не отвечает интересам ребенка (ст. 83). Сходные нормы предусмотрены Кодексом Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье (ст. 77), СК Молдовы (ст. 69), СК Туркменистана (ст. 96).

Данный подход представляется целесообразным. По нашему частно-научному мнению, следует поддержать позицию авторов, согласно которой следует предусмотреть в СК РФ норму, предусматривающую возможность родителя, лишенного родительских прав, с разрешения опекуна (попечителя) и органа опеки и попечительства, общаться с ребенком, если это не оказывает на него негативного влияния. Данная возможность позволит органам опеки и попечительства и суду, в случае ходатайства о восстановлении в родительских правах, объективно оценить характер и степень исправления родителем своего поведения, отношения к ребенку, прийти к обоснованному выводу о фактическом устранении обстоятельств, явившихся основанием для лишения родительских прав.

Рассмотрим основания лишения родительских прав в связи с отбыванием уголовного наказания. Как уже отмечалось выше основания для лишения родительских прав в законодательстве стран СНГ во многом унифицированы и закреплены в семейных кодексах. Ключевым для рассматриваемого контекста является «уклонение от выполнения обязанностей родителей». Однако сам факт отбывания наказания в виде лишения свободы не является безусловным основанием для лишения прав. Решающее значение имеет поведение родителя до, а иногда и во время отбывания наказания.

В Российской Федерации ст. 69 Семейного кодекса РФ прямо не упоминает осуждение к лишению свободы, но судебная практика последовательно рассматривает длительное пребывание в местах лишения свободы как форму уклонения от родительских обязанностей, если родитель не проявляет интереса к судьбе ребенка [Гаврилова, Селезнева и др., 2021]. Аналогичный подход закреплен в ст. 80 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье и в ст. 67 Кодекса Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье.

Важным нормативным актом, опосредованно влияющим на процедуру, является уголовно-исполнительное законодательство, которое регламентирует возможность поддержания социально-полезных связей, в том числе семейных [Москвитина, 2022; Грушин, 2020]. Например, ст. 89 УИК РФ предусматривает право осужденных на телефонные разговоры и свидания, которыми родитель может воспользоваться для поддержания связи с ребенком, что позволит не только определить степень исправления родителя, желание его изменить свое поведение и восстановить связь с ребенком, но и может стать стимулом законопослушного поведения при отбывании наказания, на что указывали и другие авторы [Глебова, 2023]. При предоставлении такого права, как и по отношению к другим лицам, лишенным родительских прав, необходимо заключение органа опеки и попечительства об отсутствии отрицательного влияния общения с родителем на нормальное психическое и нравственное развитие ребенка, основанное, в том числе, на характеристике поведения осужденного во время отбывания наказания, составленной администрацией исправительного учреждения или сотрудником

уголовно-исполнительной инспекции. Однако неиспользование осужденными вышепоименованных возможностей часто фигурирует в судебных решениях о лишении родительских прав как доказательство уклонения от выполнения обязанностей родителя.

Заключение

Нормы законодательства стран СНГ, регламентирующие лишение родительских прав и восстановление в них, в значительной степени единообразны, тем не менее, в отдельных странах СНГ действуют специфические правовые нормы, часть из которых, могла бы быть имплементирована российским законодательством – нормы, предусматривающие возможность общения родителя, лишенного родительских прав, со своим ребенком, а также расширение круга преступлений, совершение которых признается основанием для лишения виновного родительских прав.

Проведенный анализ позволяет заключить, что семейное законодательство стран СНГ, при общности базовых принципов, предоставляет судам широкие дискреционные полномочия при рассмотрении дел о лишении родительских прав в отношении осужденных. Факт нахождения в местах лишения свободы оценивается не изолированно, а в системе доказательств, демонстрирующих отношение родителя к своим обязанностям. Уголовно-исполнительная система выполняет в этом процессе пассивную, но значимую информационно-доказательственную функцию. Тенденцией последних лет является ужесточение требований к доказательственной базе и акцент на выяснении реального, а не формального отношения осужденного родителя к ребенку, что соответствует принципу приоритетной защиты прав несовершеннолетних, закрепленному как в национальном законодательстве, так и в международных обязательствах государств СНГ.

Библиография

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. №278-З // [Электронный ресурс]: https://etalonline.by/document/ ?regnum=hk9900278&ysclid=mnhi4f1ayj630880506
2. Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26 декабря 2011 г. № 518-IV // [Электронный ресурс]: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518
3. Семейный кодекс Республики Армения от 9 ноября 2004 г. // [Электронный ресурс]: https://www.arlis.am/hy/acts/62819
4. Семейный кодекс Республики Молдова от 26 октября 2000 г. №1316-XIV // [Электронный ресурс]: https://prg.kz/document/ ?doc_id=30398164
5. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. №682 // [Электронный ресурс]: https://prg.kz/document/?doc_id=30445181
6. Семейный кодекс Республики Туркменистан от 10 января 2012 г. №258-IV // [Электронный ресурс]: https://prg.kz/document/?doc_id= 31343599
7. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30 апреля 1998 г. №608-I // [Электронный ресурс]: https://prg.kz/document/?doc_id= 30421452
9. Беседина О.А. Феномен «жестокое обращение с детьми» как научная категория: сущность, формы и основные факторы // Дискуссия. 2013. №3 (33) С. 58-63.
10. Глебова Е.В. Проблемы осуществления родительских прав лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. №9. С. 16-23.
11. Грушин, Ф. В. Гарантии реализации некоторых прав и законных интересов осужденных к лишению свободы, являющихся родителями / Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2020. - № 36. С. 48-55. DOI 10.17223/22253513/36/5.
12. Доржиева С.В., Мурзина Е.А. Актуальные проблемы восстановления в родительских правах //Евразийская

адвокатура. 2017. № 4 (29), С. 104-106.
13. Имамалиева Д.И., Мухитдинов Ш.А. Отмена ограничения и лишения родительских прав // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences, vol. 2, no. 5, 2022, pp. 72-77.
14. Имомова, Н. М. Уклонение от выполнения родительских обязанностей как основание для лишения родительских прав / Н. М. Имомова //Юридический вестник. 2020. № 1(1). – С. 53-58.
15. Калюжная, Я.С. Злоупотребление правом как основание лишения родительских прав // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2025. №№2 (52). С. 137-141.
16. Костина, С.Е. Восстановление родительских прав как мера защиты прав ребенка. – современное состояние и перспективы развития // Вестник СГЮА. 2019. №1 (126). С. 119-123.
17. Краснова, Т.В. Лишение родительских прав: концептуальные ошибки законодателя и проблемы правоприменительной практики // Вестник ОмГУ. Серия. Право, 2015. №3 (44). С. 143-152.
18. Котельникова Е.Л. О законодательной регламентации понятия «насилие» // Пробелы в российском законодательстве. 2008 №1. С. 228
19. К вопросу о лишении родительских прав граждан, отбывших наказания в местах лишения свободы / О. В. Гаврилова, М. Ю. Селезнев, А. П. Носенков, М. В. Минаена // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 20 мая 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2021. С. 50-58. EDN ZMIYOR.
20. Левушкин А.Н. Сходства и различия института лишения родительских прав в странах Содружества Независимых Государств (на примере Украины, Республики Беларусь и Республики Казахстан) //Общество и право. 2011. №3 (35). С. 119-123.
21. Москвитина М.М., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Пенитенциарный социум. Осужденные женщины с детьми в домах ребенка при исправительном учреждении. Эмпирика исследования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2022. Т. 11. № 3-1. С. 60-68. DOI: 10.34670/AR.2022.53.37.029
22. Мухтарова, Е. А. Основания лишения родительских прав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы / Е. А. Мухтарова, Н. А. Никулина // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе сборник научных трудов. Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 137-142. Вологда:
23. Фарафонтова, Д.С. Ограничение и лишение родительских прав как меры юридической ответственности в семейном праве Российской Федерации: дис... к.ю.н. Специальность 5.1.3 частно-правовые (цивилистические) науки. М., 2024. – 199 с.
24. Шагдарова, Б. Э. Уклонение от выполнения родительских обязанностей как одно из оснований для лишения родительских прав / Б. Э. Шагдарова // Проблемы совершенствования прокурорской деятельности и правоприменительной практики: Сборник статей. Том Выпуск 2. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», 2017. - С. 106-111.
25. Шахбиева М.М., Сайдумов Д.Х. Родительские обязанности лиц, ограниченных и лишенных родительских прав // StudNet, vol. 3, no. 10, 2020, pp. 159.

Comparative Legal Analysis of Family Legislation of CIS Countries: Deprivation of Parental Rights

Andrey A. Ustinov

PhD in Law, Associate Professor,
Research Associate of Research Center No. 2,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a, Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
Associate Professor,
Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings,
Moscow University "Synergy",
129090, Building 1, 9/14, Meshchanskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ustin33@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a, Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The institution of deprivation of parental rights represents an extreme measure of family legal responsibility aimed at protecting the rights and interests of the child. In the countries of the Commonwealth of Independent States, despite the common historical roots of family legislation, its implementation has specific, national features. The article is devoted to a comparative legal analysis of the norms of family legislation of the CIS countries regulating the grounds, procedure and consequences of both deprivation of parental rights and their restoration. Based on the analysis carried out, specific proposals are formulated for improving the legal regulation of the institution of deprivation of parental rights in the family legislation of the Russian Federation, in particular, expanding the range of criminally punishable offenses entailing deprivation of parental rights, as well as providing the person deprived of parental rights with the opportunity to communicate with his/her minor child with the permission of his/her guardian and the guardianship authority, if this does not have a negative impact on the child. Particular interest lies in the analysis of this institution in conjunction with the penal enforcement system, since a certain number of persons deprived of parental rights are serving or have served criminal sentences involving isolation from society in places of imprisonment.

For citation

Ustinov A.A., Slabkaya D.N. (2026) Sravnitel'no-pravovoy analiz semeynogo zakonodatel'stva stran SNG: lisheniye roditel'skikh prav [Comparative Legal Analysis of Family Legislation of CIS Countries: Deprivation of Parental Rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 400-409. DOI: 10.34670/AR.2026.44.42.035

Keywords

Family law, comparative law, CIS, deprivation of parental rights, restoration of parental rights, penal enforcement system, isolation from society, serving a sentence, judicial practice.

References

1. "Konstituciya Rossijskoj Federacii\" (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020)
2. Kodeks Respubliki Belarus' o brake i sem'e ot 9 iyulya 1999 g. №278-Z // [Elektronnyj resurs]: https://etalonline.by/document/ ?regnum=hk9900278&ysclid=mnhi4f1ayj630880506
3. Semejnyj kodeks Respubliki Armeniya ot 9 noyabrya 2004 g. // [Elektronnyj resurs]: https://www.arlis.am/hy/acts/62819
4. Semejnyj kodeks Respubliki Moldova ot 26 oktyabrya 2000 g. №1316-XIV // [Elektronnyj resurs]: https://prg.kz/document/ ?doc_id=30398164
5. Semejnyj kodeks Respubliki Tadzhikistan ot 13 noyabrya 1998 g. №682 // [Elektronnyj resurs]: https://prg.kz/document/?doc_id=30445181
6. Semejnyj kodeks Respubliki Turkmenistan ot 10 yanvarya 2012 g. №258-IV // [Elektronnyj resurs]: https://prg.kz/document/?doc_id= 31343599
7. Semejnyj kodeks Respubliki Uzbekistan ot 30 aprelya 1998 g. №608-I // [Elektronnyj resurs]:

https://prg.kz/document/?doc_id= 30421452
8. Kodeks Respubliki Kazahstan o brake (supruzhestve) i sem'e ot 26 dekabrya 2011 g. № 518-IV // [Elektronnyj resurs]: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518
9. Besedina O.A. Fenomen «zhestokoe obrashchenie s det'mi» kak nauchnaya kategoriya: sushchnost', formy i osnovnye faktory // Diskussiya. 2013. №3 (33) S. 58-63.
10. Glebova E.V. Problemy osushchestvleniya roditel'skih prav licami, otbyvayushchimi nakazanie v mestah lisheniya svobody // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2023. №9. S. 16-23.
11. Grushin, F. V. Garantii realizacii nekotoryh prav i zakonnyh interesov osuzhdennyh k lisheniyu svobody, yavlyayushchihsya roditelyami / F. V. Grushin, I. A. Davydova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. - 2020. - № 36. S. 48-55. DOI 10.17223/22253513/36/5.
12. Dorzhieva S.V., Murzina E.A. Aktual'nye problemy vosstanovleniya v roditel'skih pravah //Evrazijskaya advokatura. 2017. № 4 (29), S. 104-106.
13. Imamalieva D.I., Muhitdinov Sh.A. Otmena ogranicheniya i lisheniya roditel'skih prav // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences, vol. 2, no. 5, 2022, pp. 72-77.
14. Imomova, N. M. Uklonenie ot vypolneniya roditel'skih obyazannostej kak osnovanie dlya lisheniya roditel'skih prav / N. M. Imomova //Yuridicheskij vestnik. 2020. № 1(1). – S. 53-58.
15. Kalyuzhnaya, Ya.S. Zloupotreblenie pravom kak osnovanie lisheniya roditel'skih prav // Vestnik HGU im. N.F. Katanova. 2025. №№2 (52). S. 137-141.
16. Kostina, S.E. Vosstanovlenie roditel'skih prav kak mera zashchity prav rebenka. – sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Vestnik SGYuA. 2019. №1 (126). C. 119-123.
17. Krasnova, T.V. Lishenie roditel'skih prav: konceptual'nye oshibki zakonodatelya i problemy pravoprimenitel'noj praktiki // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo, 2015. №3 (44). S. 143-152.
18. Kotel'nikova E.L. O zakonodatel'noj reglamentacii ponyatiya «nasilie» // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2008 №1. S. 228
19. K voprosu o lishenii roditel'skih prav grazhdan, otbyvshih nakazaniya v mestah lisheniya svobody / O. V. Gavrilova, M. Yu. Seleznev, A. P. Nosenkov, M. V. Minaena // Pravozashchitnaya deyatel'nost' v sovremennoj Rossii: problemy i ih reshenie: sbornik nauchnyh trudov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg, 20 maya 2021 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet tekhnologij upravleniya i ekonomiki, 2021. S. 50-58. EDN ZMIYOR.
20. Levushkin A.N. Skhodstva i razlichiya instituta lisheniya roditel'skih prav v stranah Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv (na primere Ukrainy, Respubliki Belarus' i Respubliki Kazahstan) //Obshchestvo i pravo. 2011. №3 (35). S. 119-123.
21. Moskvitina M.M., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Penitenciarnyj socium. Osuzhdennye zhenshchiny s det'mi v domah rebenka pri ispravitel'nom uchrezhdenii. Empirika issledovaniya // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya, 2022. T. 11. № 3-1. C. 60-68. DOI: 10.34670/AR.2022.53.37.029
22. Muhtarova, E. A. Osnovaniya lisheniya roditel'skih prav lic, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody / E. A. Muhtarova, N. A. Nikulina // Aktual'nye voprosy deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy na sovremennom etape sbornik nauchnyh trudov. Vologodskij institut prava i ekonomiki Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, 2018. S. 137-142. Vologda:
23. Farafontova, D.S. Ogranichenie i lishenie roditel'skih prav kak mery yuridicheskoj otvetstvennosti v semejnom prave Rossijskoj Federacii: dis... k.yu.n. Special'nost' 5.1.3 chastno-pravovye (civilisticheskie) nauki. M., 2024. – 199 s.
24. Shagdarova, B. E. Uklonenie ot vypolneniya roditel'skih obyazannostej kak odno iz osnovanij dlya lisheniya roditel'skih prav / B. E. Shagdarova // Problemy sovershenstvovaniya prokurorskoj deyatel'nosti i pravoprimenitel'noj praktiki: Sbornik statej. Tom Vypusk 2. Irkutsk: Irkutskij yuridicheskij institut (filial) FGKOU VO «Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii», 2017. - S. 106-111.
25. Shahbieva M.M., Sajdumov D.H. Roditel'skie obyazannosti lic, ogranichennyh i lishennyh roditel'skih prav // StudNet, vol. 3, no. 10, 2020, pp. 159.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.86.22.036**

Институциональные условия массовой инкарцерации в пенитенциарной системе США

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен анализу институциональных условий, способствующих феномену массовой инкарцерации в пенитенциарной системе США. На материалах американской социальной и пенитенциарной политики автором рассматривается трансформация лишения свободы из исключительной меры правосудия в отношении лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления, в инструмент реагирования на бедность, психические расстройства, наркотическую зависимость и отсутствие социальной поддержки. В работе демонстрируется, что беспрецедентный рост численности лиц, содержащихся в изоляторах, не был следствием роста преступной активности, а результатом изменений в законодательстве (обязательные минимальные сроки, законы о трех правонарушениях), правоприменительной практике и системного отказа от инвестиций в социальную инфраструктуру. Особое внимание уделяется взаимосвязи массовой изоляции с деинституционализацией психиатрической помощи, а также политической экономией пенитенциарной системы ... Пандемия COVID-19 рассматривается как естественный эксперимент, обнаживший эпидемиологические и социальные издержки уголовно-исполнительной системы. Заключительная часть посвящена анализу инерционности сложившегося порядка и условиям перехода к модели включения через реституцию, терапию и реинтеграцию.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Институциональные условия массовой инкарцерации в пенитенциарной системе США // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 410-417. DOI: 10.34670/AR.2026.86.22.036

Ключевые слова

Пенитенциарная система, осужденные, институционализация бедности, обязательные минимальные сроки, законы о трех правонарушениях (Three strikes laws), деинституционализация психиатрической помощи, расовый дисбаланс в правосудии, политическая экономия наказания, социальная инфраструктура, реинтеграция.

Введение

Массовая инкарцерация в Соединенных Штатах Америки представляет собой один из наиболее ярких и тревожных феноменов современной криминологии и социальной политики. Начиная с 1970-х годов, число осужденных в американских пенитенциарных учреждениях выросло в геометрической прогрессии, достигнув к настоящему времени отметки более двух миллионов человек. Это ставит США на первое место в мире по уровню инкарцерации как в абсолютном, так и в относительном выражении [Нагорная, 2015]. Однако такой взрывной рост не может быть объяснен исключительно криминогенной ситуацией или индивидуальными патологиями. Скорее, он является прямым следствием сложного набора институциональных условий, которые были сознательно созданы и поддерживаются на протяжении десятилетий.

Американское общество столкнулось с ситуацией, когда лишение свободы перестало быть исключительной прерогативой правосудия в отношении лиц, совершивших тяжкие насильственные деяния, и превратилось в универсальный ответ на бедность, психические расстройства, наркотическую зависимость и отсутствие социальной поддержки. Диагностированный в середине второго десятилетия XXI века сбой не является артефактом прошлого; его последствия продолжают разворачиваться в настоящем, требуя пересмотра самой философии социального регулирования [Carl, Looman, 2024; Clear, Austin, 2009; Cloud et al., 2023; Donelson, 2022; Gottschalk, 2011; Robinson, Seaman, 2024; Taylor, 2024; Tonry, 2024; White, 2022; Wildeman, Wang, 2017].

Основная часть

Для понимания масштаба рассматриваемого явления необходимо зафиксировать количественные параметры, которые в настоящее время приобрели характер национальной аномалии. На протяжении почти четырех десятилетий, начиная с середины 1970-х годов, США демонстрировали беспрецедентный рост численности лиц, содержащихся в изоляторах различного типа. Если на протяжении большей части XX века уровень изоляции оставался стабильным, то с указанного рубежа началось экспоненциальное расширение [Carl, Looman, 2024; Clear, Austin, 2009; Donelson, 2022; Gottschalk, 2011; LeMasters et al., 2022; White, 2022; Wildeman, Wang, 2017]. В абсолютных цифрах речь шла о более чем двукратном росте относительно исторических показателей, а в относительном исчислении Америка вышла на уровень, в пять–десять раз превышающий аналогичные показатели западноевропейских стран. Наиболее поразительным являлся тот факт, что при населении, составляющем примерно одну двадцатую часть человечества, страна сосредоточила у себя почти четверть всех лиц, находящихся в местах принудительной изоляции в глобальном масштабе [Carl, Looman, 2024]. При этом спецконтингент состоял преимущественно из молодых мужчин с низким уровнем формального образования, страдающих от недиагностированными психическими нарушений, наркотических зависимостей и отсутствия элементарных трудовых навыков. Система изоляции стала конечным пунктом для самых маргинализированных слоев населения – для тех, с кем другие социальные институты (образование, здравоохранение, социальное обеспечение) не смогли работать [Wildeman, Wang, 2017].

Начиная с конца 1980-х годов и особенно в 1990-е фиксировалось устойчивое снижение большинства категорий преступлений, включая тяжкие насильственные деяния, причем

уровень криминальной активности достиг исторических минимумов именно в период наиболее быстрого расширения пенитенциарной системы [White, 2022] . То есть, не рост преступности вызвал расширение системы изоляции, а изменения в политике назначения наказаний и правоприменительной практике привели к тому, что все большее число людей направлялось в изоляторы за деяния, ранее не влекшие столь суровых последствий. Данный феномен получил наименование институционализации бедности: места изоляции стали выполнять функции, традиционно принадлежавшие психиатрическим лечебницам, центрам социальной реабилитации и благотворительным приютам, но с неизмеримо более разрушительными социальными и психологическими последствиями.

Логика этого институционального сдвига требует анализа конкретных механизмов, трансформировавших лишение свободы из крайней меры в стандартную операционную процедуру. Ключевую роль здесь сыграли изменения в законодательстве и судебной практике последних двух десятилетий XX века, включая введение обязательных минимальных сроков за определенные категории деяний, принятие законов о трех правонарушениях (англ. Three strikes laws), предписывающих пожизненное лишение свободы при третьем преступлении, даже если все три являются ненасильственными [Новиков, 2026], а также ужесточение правил досрочного освобождения. Эти нормативные правовые изменения ограничили судейское усмотрение, ранее позволявшее учитывать индивидуальные обстоятельства дела и личность обвиняемого. Прокуроры получили рычаг давления в виде угрозы применения обязательных минимальных сроков, что стимулировало признание вины вне зависимости от фактической тяжести деяния. Результатом стало не только увеличение числа направляемых в изоляцию, но и рост продолжительности их пребывания там: даже при снижении числа арестов за насильственные преступления общая численность изолированного спецконтингента продолжала расти исключительно за счёт того, что каждый отдельный субъект проводил в системе значительно больше времени, чем ранее [Taylor, 2024].

Особого внимания заслуживает взаимосвязь между политикой массовой изоляции и проблемой психического здоровья. Распространенный нарратив связывает рост численности спецконтингента с процессом деинституционализации психиатрической помощи, начавшимся еще в 1950-е годы и приведшим к закрытию многих государственных психиатрических больниц. Значительная доля лиц, находящихся в изоляции, страдает от тяжелых психических расстройств; в некоторых пенитенциарных учреждениях число таких лиц превышает количество пациентов в сохранившихся психиатрических клиниках. Но закрытие больниц не породило напрямую рост численности спецконтингента – скорее, мы имеем дело с параллельными процессами, коренящимися в отказе государства от инвестиций в социальную инфраструктуру поддержки уязвимых групп населения [Cloud et al., 2023; LeMasters et al., 2022; Wildeman, Wang, 2017]. Индивиды с психическими нарушениями оказываются в исправительной системе не только потому, что совершили преступления, а потому, что для них не существует иного способа получить какую-либо социально-психологическую помощь.

В классической теории наказания выделяются несколько обосновывающих целей: возмездие, неотвратимость наказания, лишение возможности совершать преступления и исправление. Однако существует точка «насыщения», после которой дальнейшее увеличение масштабов системы начинает приносить вред, превышающий исходную социальную проблему. Американское общество, согласно консенсусу аналитиков, достигло этого порога еще в конце

1980-х годов, а к середине 2010-х находилось уже далеко за его пределами [Donelson, 2022; Gottschalk, 2011; Robinson, Seaman, 2024; Taylor, 2024; Tonry, 2024; White, 2022; Wildeman, Wang, 2017]. Вред от избыточной тяжести наказания принимает множество форм, а менно: разрушение семейных связей при длительном удалении из домохозяйства одного из родителей или трудоспособного члена; дестабилизация целых территориальных сообществ, особенно в городских районах с высокой концентрацией бедности, где значительная доля взрослого мужского населения имеет опыт пребывания в местах лишения свободы; колоссальные бюджетные расходы, которые могли бы быть направлены на образование, здравоохранение и социальную помощь; подрыв легитимности правовой системы в отдельных социальных группах, непропорционально часто становящихся объектами правопринуждения.

Кроме того, в США для молодых людей из некоторых меньшинств вероятность попасть в изоляцию в течение жизни становится столь высокой, что это воспринимается как нормативная «биографическая веха». Данная ситуация порождает глубокий кризис доверия к правоохранительным институтам и устойчивые социальные разрывы, которые воспроизводят себя из поколения в поколение, подрывая не только экономический потенциал сообществ (через потерю трудовых доходов и накопление долгов), но и их социальную структуру (через ослабление брачных связей и дефицит родительстких ролей) [Carl, Looman, 2024; Cloud et al., 2023; LeMasters et al., 2022; Wildeman, Wang, 2017].

Описанная динамика приобрела новое измерение в контексте пандемии коронавирусной инфекции. Это событие выступило в роли естественного эксперимента, обнажившего уязвимости и патологии системы массовой изоляции от общества. Высокая концентрация спецконтингента, невозможность соблюдения дистанции, недостаточная вентиляция и ограниченный доступ к санитарным средствам превратили места лишения свободы в среду для распространения инфекции; показатели заболеваемости среди осужденных многократно превышали общие популяционные показатели. Учитывая постоянную ротацию персонала, контакты с семьями и посетителями, а также перемещение осужденных между учреждениями и судами, эти институты стали центрами распространения инфекции. Пандемия вынудила административные и судебные органы предпринять действия, которые ранее казались политически утопичными: массовое досрочное освобождение лиц, осужденных за ненасильственные деяния, прекращение приема новых лиц в следственные изоляторы, широкое использование электронного мониторинга и других альтернатив [LeMasters et al., 2022]. Это стало вынужденным признанием того факта, что пенитенциарная система США представляет собой не просто социальную несправедливость, но и прямую эпидемиологическую угрозу.

Период, следующий за острой фазой пандемии, характеризуется сложным и противоречивым равновесием. На уровне штатов принят ряд законодательных актов, направленных на смягчение наиболее жестких положений – отмена или сокращение обязательных минимальных сроков за ненасильственные наркопреступления, реформа системы денежного залога, расширение программ лечения вместо изоляции для лиц с наркотической зависимостью [Clear, Austin, 2009; Donelson, 2022; Gottschalk, 2011; Robinson, Seaman, 2024; Tonry, 2024; White, 2022]. Однако статистические данные демонстрируют устойчивость системы: хотя пиковые значения численности контингента несколько снизились, США по-прежнему удерживают уровень изоляции, сопоставимый с периодами самого высокого их уровня. Спад, вызванный пандемией и временным закрытием судов, оказался частично

компенсирован возвращением к устоявшимся практикам в постпандемийный период [LeMasters et al., 2022] .

Массовая система изоляции от общества стала причиной формирования экономических структур, заинтересованные в ее поддержании [Слабкая, 2026]. Речь идет не только о частных компаниях, управляющих некоторыми учреждениями, но и о профсоюзах работников пенитенциарной системы. Меньшее число подопечных означает меньшее количество рабочих мест и экономический упадок в сельских регионах, где эти учреждения часто являются основным работодателем. Таким образом, проблема приобретает пространственное измерение: интересы экономического развития депрессивных территорий вступают в противоречие с требованиями социальной справедливости. Сохраняется также разрыв между академическим консенсусом о неэффективности длительных сроков за ненасильственные деяния и общественным мнением, формируемым медийными образами и политической риторикой, которая по-прежнему апеллирует к нарративам о мягкости оппонентов в вопросах преступности [Clear, Austin, 2009; Donelson, 2022; Gottschalk, 2011; Robinson, Seaman, 2024; Tonry, 2024; White, 2022].

Пока общество не построит эффективную альтернативную инфраструктуру поддержки для уязвимых групп населения, пенитенциарная система США используется как утилитарный инструмент. Лица с психическими расстройствами оказываются в карательной системе не потому, что правосудие считает это наилучшим решением, а потому, что психиатрическая помощь недоступна или неадекватна. Лица с наркотической зависимостью направляются в изоляцию не потому, что это способствует их излечению, а потому, что программы лечения (реабилитации) в сообществе отсутствуют или имеют длительные листы ожидания. Лица без жилья и работы попадают в систему не потому, что они представляют угрозу общественной безопасности, а потому, что для них не существует иного института, готового обеспечить базовый уровень и контроль. Система изоляции выполняет функцию абсорбции социальных издержек, которую с большей эффективностью и меньшими побочными эффектами могли бы выполнять системы здравоохранения, социального обеспечения и трудовой реабилитации. Но пока эти системы остаются недофинансированными и фрагментированными, пенитенциарные учреждения вынуждена брать на себя их функции с разрушительными последствиями. Система изоляции стала самым заметным и самым легким инструментом решения социальных проблем.

Обществу необходимо построить эффективную и доступную систему общественного психиатрического здоровья, сеть центров лечения зависимостей в сообществах, запустить программы гарантированной трудовой реабилитации и жилья для освободившихся, а также воссоздать правовую и социальную инфраструктуру, позволяющую работодателям принимать обратно тех, кто отбыл наказание. Это требует больших ресурсов, чем содержание системы мест лишения свободы, по крайней мере на переходном этапе.

Заключение

Проведенный анализ позволяет зафиксировать концептуальный сдвиг, выходящий далеко за пределы сугубо криминологической проблематики. Превращение лишения свободы из крайней меры социальной защиты в механизм реагирования на бедность, психические расстройства и зависимости свидетельствует о глубинной патологии модели государственного

регулирования, при которой карательный институт систематически подменяет собой отсутствующую или недофинансированный элемент инфраструктуры здравоохранения, социального обеспечения и трудовой реабилитации.

Ключевым выводом является признание того, что количественная экспансия системы изоляции в Соединенных Штатах на протяжении последних четырех десятилетий не была прямым следствием роста преступности, а результатом целенаправленных изменений в законодательстве и правоприменительной практике, а также следствием неспособности гражданского общества создать эффективные альтернативы для наиболее уязвимых групп населения.

Библиография

1. Нагорная, И. И. Избыточная уголовная репрессия в США / И. И. Нагорная // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 3. – С. 157-167.
2. Нагорных, Р. В. Системные, институциональные и идиосинкразические факторы коррупции в зарубежных пенитенциарных системах: опыт противодействия административной дискреции / Р. В. Нагорных // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16, № 4(60). – С. 417-424. – DOI 10.46741/2686-9764.2022.60.4.008.
3. Новиков А.В. Институт обязательных минимальных наказаний в уголовной системе Соединенных Штатов Америки // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 2-1. С. 622-629. DOI: 10.34670/AR.2026.74.52.070
4. Смирнов, О. А. Обобщение опыта США имплементации концепции восстановительного правосудия в пенитенциарной системе: аспекты применения системы образования / О. А. Смирнов, А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Педагогический журнал. – 2024. – Т. 14, № 4-1. – С. 65-72.
5. Слабкая, Д. Н. Эволюция экономической модели пенитенциарной системы США: управление бюджетом в условиях структурной трансформации / Д. Н. Слабкая // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 7-1. – С. 455-462.
6. Слабкая Д.Н. Международный опыт приватизации пенитенциарных учреждений: на примере уголовно-исполнительной политики США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Том 16. № 1А. С. 477-483. DOI: 10.34670/AR.2026.38.81.048
7. Тепляшин, П. В. Неолиберальное институциональное развитие пенитенциарных систем: компаративистский аспект / П. В. Тепляшин // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 244-249. – DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.244-249. – EDN KDIPRV..2025.80.91.046.
8. Унтеров, В. А. Особенности подготовки кадров для пенитенциарной системы в США / В. А. Унтеров, Е. Ю. Еремеева // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 5(36). – С. 144-148. – DOI 10.37523/SUI.2019.36.5.025.
9. Carl J. D., Looman M. D. A country called prison: mass incarceration and the making of a new nation. – Oxford University Press, 2024.
10. Clear T. R., Austin J. Reducing mass incarceration: Implications of the iron law of prison populations //Harv. L. & Pol'y Rev. – 2009. – Т. 3. – С. 307.
11. Cloud D. H. et al. Public health and prisons: priorities in the age of mass incarceration //Annual review of public health. – 2023. – Т. 44. – №. 1. – С. 407-428.
12. Donelson R. The Inherent Problem with Mass Incarceration //Okla. L. Rev. – 2022. – Т. 75. – С. 51.
13. Gottschalk M. The past, present and future of mass incarceration in the United States //Criminology & Pub. Pol'y. – 2011. – Т. 10. – С. 483.
14. LeMasters K. et al. Carceral epidemiology: mass incarceration and structural racism during the COVID-19 pandemic //The Lancet Public Health. – 2022. – Т. 7. – №. 3. – С. e287-e290.
15. Robinson P. H., Seaman J. "Mass Incarceration" Myths and Facts: Aiming Reform at the Real Problems //Am. J. Crim. L. – 2024. – Т. 50. – С. 1.
16. Taylor D. E. Prisons, jails, and the environment: why environmentalists should care about mass incarceration? //American Behavioral Scientist. – 2024. – Т. 68. – №. 4. – С. 449-485.
17. Tonry M. Why mass incarceration is uniquely American //Crime and Justice. – 2024. – Т. 53. – №. 1. – С. 347-389.
18. White A. R. Political participation amid mass incarceration //Annual Review of Political Science. – 2022. – Т. 25. – С. 111-130.
19. Wildeman C., Wang E. A. Mass incarceration, public health, and widening inequality in the USA //The Lancet. – 2017. – Т. 389. – №. 10077. – С. 1464-1474.

Institutional Conditions of Mass Incarceration in the US Penitentiary System

Alexey V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor,
Chief Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement Activities,
Astrakhan State University,
414056, 20a, Tatishcheva St., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The presented material is devoted to the analysis of the institutional conditions contributing to the phenomenon of mass incarceration in the US penitentiary system. Drawing on materials from American social and penitentiary policy, the author examines the transformation of imprisonment from an exceptional measure of justice against persons who have committed serious violent crimes into a tool for responding to poverty, mental disorders, drug addiction, and lack of social support. The study demonstrates that the unprecedented growth in the number of persons held in detention facilities was not a consequence of increased criminal activity, but rather the result of changes in legislation (mandatory minimum sentences, three-strikes laws), law enforcement practices, and a systemic withdrawal of investment in social infrastructure. Special attention is paid to the relationship between mass incarceration and the deinstitutionalization of psychiatric care, as well as the political economy of the penitentiary system... The COVID-19 pandemic is examined as a natural experiment that exposed the epidemiological and social costs of the penal enforcement system. The final part is devoted to an analysis of the inertia of the established order and the conditions for transitioning to a model of inclusion through restitution, therapy, and reintegration.

For citation

Novikov A.V. (2026) Institutsional'nyye usloviya massovoy inkartsiratsii v penitentsiarnoy sisteme SShA [Institutional Conditions of Mass Incarceration in the US Penitentiary System]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 410-417. DOI: 10.34670/AR.2026.86.22.036

Keywords

Penitentiary system, convicted persons, institutionalization of poverty, mandatory minimum sentences, three-strikes laws, deinstitutionalization of psychiatric care, racial disparity in justice, political economy of punishment, social infrastructure, reintegration.

References

1. Nagornaya, I. I. Izbytochnaya ugolovnaya repressiya v SShA / I. I. Nagornaya // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2015. – № 3. – S. 157-167.
2. Nagornyh, R. V. Sistemnye, institucional'nye i idiosinkrazicheskie faktory korrupcii v zarubezhnyh penitenciarnyh sistemah: opyt protivodejstviya administrativnoj diskrecii / R. V. Nagornyh // Penitenciarnaya nauka. – 2022. – T. 16,

№ 4(60). – S. 417-424. – DOI 10.46741/2686-9764.2022.60.4.008.
3. Novikov A.V. Institut obyazatel'nyh minimal'nyh nakazanij v ugolovnoj sisteme Soedinennyh Shtatov Ameriki // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2026. Tom 16. № 2-1. S. 622-629. DOI: 10.34670/AR.2026.74.52.070
4. Smirnov, O. A. Obobshchenie opyta SShA implementacii koncepcii vosstanovitel'nogo pravosudiya v penitenciarnoj sisteme: aspekty primeneniya sistemy obrazovaniya / O. A. Smirnov, A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Pedagogicheskij zhurnal. – 2024. – T. 14, № 4-1. – S. 65-72.
5. Slabkaya, D. N. Evolyuciya ekonomicheskoj modeli penitenciarnoj sistemy SShA: upravlenie byudzhetom v usloviyah strukturnoj transformacii / D. N. Slabkaya // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. – 2025. – T. 15, № 7-1. – S. 455-462.
6. Slabkaya D.N. Mezhdunarodnyj opyt privatizacii penitenciarnyh uchrezhdenij: na primere ugolovno-ispolnitel'noj politiki SShA // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2026. Tom 16. № 1A. S. 477-483. DOI: 10.34670/AR.2026.38.81.048
7. Teplyashin, P. V. Neoliberal'noe institucional'noe razvitie penitenciarnyh sistem: komparativistskij aspekt / P. V. Teplyashin // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. – 2019. – T. 14, № 3. – S. 244-249. – DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.244-249. – EDN KDIPRV..2025.80.91.046.
8. Unterov, V. A. Osobennosti podgotovki kadrov dlya penitenciarnoj sistemy v SShA / V. A. Unterov, E. Yu. Eremeeva // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2019. – № 5(36). – S. 144-148. – DOI 10.37523/SUI.2019.36.5.025.
9. Carl J. D., Looman M. D. A country called prison: mass incarceration and the making of a new nation. – Oxford University Press, 2024.
10. Clear T. R., Austin J. Reducing mass incarceration: Implications of the iron law of prison populations //Harv. L. & Pol\'y Rev. – 2009. – T. 3. – S. 307.
11. Cloud D. H. et al. Public health and prisons: priorities in the age of mass incarceration //Annual review of public health. – 2023. – T. 44. – №. 1. – S. 407-428.
12. Donelson R. The Inherent Problem with Mass Incarceration //Okla. L. Rev. – 2022. – T. 75. – S. 51.
13. Gottschalk M. The past, present and future of mass incarceration in the United States //Criminology & Pub. Pol\'y. – 2011. – T. 10. – S. 483.
14. LeMasters K. et al. Carceral epidemiology: mass incarceration and structural racism during the COVID-19 pandemic //The Lancet Public Health. – 2022. – T. 7. – №. 3. – S. e287-e290.
15. Robinson P. H., Seaman J. \"Mass Incarceration\" Myths and Facts: Aiming Reform at the Real Problems //Am. J. Crim. L. – 2024. – T. 50. – S. 1.
16. Taylor D. E. Prisons, jails, and the environment: why environmentalists should care about mass incarceration? //American Behavioral Scientist. – 2024. – T. 68. – №. 4. – S. 449-485.
17. Tonry M. Why mass incarceration is uniquely American //Crime and Justice. – 2024. – T. 53. – №. 1. – S. 347-389.
18. White A. R. Political participation amid mass incarceration //Annual Review of Political Science. – 2022. – T. 25. – S. 111-130.
19. Wildeman C., Wang E. A. Mass incarceration, public health, and widening inequality in the USA //The Lancet. – 2017. – T. 389. – №. 10077. – S. 1464-1474.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.67.75.037**

Трансформация подходов к причинам агрессивных инцидентов в зарубежных пенитенциарных учреждениях

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен анализу феномена агрессивных действий осужденных в отношении сотрудников в условиях зарубежных пенитенциарных систем. Показано, что в современных исследованиях обосновывается тезис о том, что агрессивные инциденты не являются спонтанными вспышками фрустрации, а представляют собой продукт сложной интеракционной динамики в поле напряженного взаимодействия между административным персоналом и стремлением осужденных к сохранению квази автономии. Эмпирически обосновываются устойчивые паттерны: большинство инцидентов происходит в утренние и дневные часы в коридорах и переходах в конфигурации «один на один», показано, что процедуры конвоирования представляют собой зону повышенного уязвимости. Рассматриваются факторы риска, трансформирующие феномен в современных условиях: рост доли лиц с тяжелыми психическими расстройствами, нелегального оборота синтетических наркотиков, деятельность организованных криминальных сообществ внутри пенитенциарных учреждений, а также кадровый кризис и профессиональное выгорание сотрудников. Показано, что стратегии снижения агрессии, сосредоточенные исключительно на репрессивных мерах неэффективны, при этом агрессивный инцидент интерпретируется как форма потери надежды на формирование эффективной коммуникации и отражением системного кризиса пенитенциарных систем.

Для цитирования в научных исследвоаниях

Новиков А.В. Трансформация подходов к причинам агрессивных инцидентов в зарубежных пенитенциарных учреждениях // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 418-426. DOI: 10.34670/AR.2026.67.75.037

Ключевые слова

Пенитенциарная система, агрессия в отношении персонала, осужденные, триггеры эскалации, депривация, остаточная автономия, конвоирование, организованные криминальные сообщества, профессиональное выгорание, деэскалация.

Введение

Феномен агрессивных действий, направленных осужденными против представителей администрации и сотрудников пенитенциарных учреждений, долгое время рассматривался в зарубежных исследованиях только с позиции макроструктурных объяснительных моделей, наиболее распространенным в криминологической мысли [Антонян, 2012]. Традиционные подходы склонялись к дихотомии (греч. διχοτομία – сечение на два): с одной стороны, атрибуция агрессивного поведения патологическим особенностям личности содержащихся в местах лишения свободы лиц, с другой – акцент на депривационных эффектах самого института изоляции. Однако развитие ситуативной микросоциологии позволило исследовать данный феномен в контексте непосредственного взаимодействия между основными акторами пенитенциарной системы. Именно этот знаниевый сдвиг образовал концептуальную основу для понимания агрессивных инцидентов не как спонтанных вспышек фрустрации или манифестации неизменных криминальных диспозиций, но как продукта сложной интеракционной динамики в специфическом организационном контексте [Boudoukha et al., 2013; Horowitz et al., 2026].

Основная часть

Центральная идея, сформулированная исследователями на основании пересмотра теоретических оснований состоит в признании того, что среда изоляции представляет собой поле напряженного взаимодействия двух разнонаправленных сил. С одной стороны, администрация пенитенциарного учреждения последовательно стремится к поддержанию порядка, предсказуемости и тотального контроля над перемещениями и коммуникациями. С другой стороны, лица, лишенные свободы, демонстрируют настойчивое, хотя и ограниченное институциональными рамками, стремление к сохранению «остаточной автономии», личного достоинства и субъектности [Ferraresso, Elling Peterson, 2025; Regehr et al., 2021; Schenk, Fremouw, 2012]. В этой дилемме пенитенциарный сотрудник в рутинных, повседневных действиях реализует те самые болезненные аспекты изоляции, которые превращают абстрактное наказание в психологический опыт. Агрессивные действия в отношении персонала, согласно данному подходу, почти никогда не возникают на без причины; они, как правило, инициируются нарушением ситуативных норм, регулирующих повседневный порядок сосуществования на закрытой территории [Детков, 2012].

Типология ситуативных триггеров, разработанная в рамках данной теоретической традиции, включает широкий спектр повторяющихся сценариев эскалации [Steiner, Butler, Ellison, 2014]. Среди них – необъяснимые с точки зрения внешнего наблюдателя инциденты, приказы сотрудника (надзирателя), воспринимаемые как произвольные или унизительные, открытые протесты против действий администрации, пресечение драк между осужденными, принудительное перемещение по территории учреждения, конфискация предметов, находящихся в нелегальном обороте, формальные дисциплинарные процедуры, а также ситуации, связанные с проявлением эмоциональной нестабильности у любой из сторон. Важно подчеркнуть, что данные сценарии не являются жестко детерминированными или взаимоисключающими; скорее, они образуют типичные паттерны, в рамках которых происходит эскалация конфликта от вербальной стадии к физической [Новиков, Слабкая, 2020].

Ключевым теоретическим вкладом рассматриваемого подхода является принцип взаимной «молчаливой кооперации» как необходимого условия мирного сосуществования в пенитенциарном учреждении. Для поддержания стабильности сотрудник и осужденный

вынуждены взаимодействовать, избегая жесткого, максималистского применения формальных правил [Steiner, Wooldredge, 2019]. Осужденный соглашается на символическое подчинение, а сотрудник, как правило, игнорирует незначительные нарушения и ритуальные формы сопротивления. Эта неформальная рабочая договоренность представляет собой хрупкое равновесие, которое может быть нарушено действием любой из сторон. Демонстративно-агрессивный инцидент становится формой коммуникации – способом восстановить попранное чувство справедливости или личного достоинства в ситуации, когда вербальные каналы давления исчерпаны или недоступны. Приказ «надзирателя», воспринятый как унизительный или идущий вразрез с неформальными нормами криминального социума, может быть интерпретирован как экзистенциальная угроза остаточной автономии конкретного осужденного. Аналогичным образом обыск, проведенный с демонстративным пренебрежением к личности, превращается из рутинной процедуры в символическую агрессию, в последующем трансформирующуюся в физическое противостояние.

Переходя от общетеоретических положений к эмпирическим обобщениям, необходимо рассмотреть количественные характеристики феномена. Систематические исследования позволяют установить базовые показатели распространенности наиболее серьезных форм агрессивных действий. Общая частота инцидентов, требующих медицинского вмешательства сверх объема неотложной первой помощи, обычно исчисляется десятками на сто тысяч содержащихся лиц в год. При этом наиболее тяжелые случаи, требующие госпитализации в связи с угрозой жизни, встречаются с частотой менее одного на сто тысяч [Boudoukha et al., 2013; Ferraresso, Elling Peterson, 2025; Regehr et al., 2021; Sorensen et al., 2011; Sorensen, Cihan, Reidy, 2025; Steiner, Butler, Ellison, 2014; Steiner, Wooldredge, 2017; Steiner, Wooldredge, 2019]. Такие цифры интерпретировались некоторыми авторами как свидетельство высокого уровня профессионализма персонала и эффективности процедур управления рисками. Однако данные из различных юрисдикций с 2010-х демонстрируют значительный рост показателей: в некоторых системах количество серьезных инцидентов в пересчете на стандартизированную единицу спецконтингента может быть на порядок выше статистических оценок. Эта динамика требует критического пересмотра оптимистических выводов и признания того, что низкие базовые показатели, зафиксированные в определенных выборках, возможно, были не универсальной константой пенитенциарной системы в зарубежных странах, а историческим артефактом конкретного периода, предшествовавшего волнам массового переполнения учреждений, постпандемийной дезорганизации и кризису легитимности [Steiner, Butler, Ellison, 2014; Ferraresso, Elling Peterson, 2025] .

В отношении лиц, совершающих агрессивные действия, эмпирические исследования выявляют устойчивый профиль. Непропорционально высокую долю среди них составляют молодые люди из определенных расовых и этнических групп, принадлежащие к организованным криминальным сообществам внутри учреждений и отбывающие наказание за насильственные преступления. Эти корреляции подтверждаются обширной литературой и соответствует криминологической теории. Значительно более интересен ситуационный анализ обстоятельств инцидентов. Агрессивные действия происходят преимущественно в утренние и дневные часы, а наиболее распространенным местом выступают коридоры и переходы. Подавляющее большинство инцидентов совершается в конфигурации один нападающий против одной жертвы. Более половины атак не используют каких-либо орудий, однако в значительной доле случаев применяются ножи, самодельные острые предметы (заточки) или иные импровизированные средства [Sorensen et al., 2011; Sorensen, Cihan, Reidy, 2025; Steiner, Butler, Ellison, 2014; Steiner, Wooldredge, 2019].

Среди факторов, ассоциированных с повышенным риском агрессии, особого внимания

заслуживает перемещение осужденных по территории учреждения. Процесс конвоирования – перевода из камеры в столовую, в медицинский пункт, к месту дисциплинарного взыскания или в другое учреждение – представляет собой момент повышенной уязвимости [Усеев, 2025]. В этих ситуациях формальная власть «надзирателя» наиболее очевидна и наименее опосредована неформальными договоренностями, а возможности для ситуативной деэскалации минимальны. Современные данные фиксируют инциденты, выходящие за рамки спонтанной реакции на приказ или обыск: речь идет о предумышленных, тщательно спланированных действиях с использованием нестандартных, но крайне эффективных средств для нанесения максимального урона [Sorensen, Cihan, Reidy, 2025].

Не менее значимым фактором риска выступает состояние психического здоровья лиц, находящихся в изоляции. За последние десятилетия доля людей с тяжелыми психическими расстройствами среди осужденных выросла многократно, в то время как ресурсы для их лечения и даже базового наблюдения во многих зарубежных юрисдикциях сокращались [Boudoukha et al., 2013; Regehr et al., 2021; Schenk, Fremouw, 2012; Steiner, Butler, Ellison, 2014]. Человек в состоянии психотического возбуждения, с нарушенной способностью к восприятию реальности и ослабленным импульс-контролем, представляет собой непредсказуемого агента агрессии. Ситуационное взаимодействие с таким субъектом радикально отличается от взаимодействия с рациональным, даже если и враждебно настроенным, лицом. Классические модели деэскалации, основанные на вербальном убеждении и торге, здесь оказываются неэффективны. В условиях хронического кадрового дефицита, когда один сотрудник вынужден контролировать большое количество людей, несколько из которых могут находиться в остром психотическом состоянии, безопасность персонала оказывается под серьезной угрозой, а вопрос заключается не в том, произойдет ли инцидент, а в том, насколько серьезным он будет [Новиков, 2021].

Организованные криминальные сообщества внутри пенитенциарных учреждений заслуживают отдельного рассмотрения как фактор, систематически повышающий риск агрессии в отношении персонала [Sorensen, Cihan, Reidy, 2025]. В современных условиях банды эволюционировали от локальных групп, защищающих территорию и контролирующих нелегальные рынки внутри учреждения, до транснациональных организаций, координирующих деятельность через зашифрованные каналы связи, контролирующих внешние поставки наркотических средств и оружия и поддерживающих дисциплину среди своих членов с помощью насилия, которое часто направлено в т.ч. и на сотрудников. Агрессивное действие, совершенное членом «банды», не всегда является личным актом мести или сопротивления; оно может быть санкционированным решением, рассчитанным на демонстрацию силы, запугивание администрации или отвлечение ресурсов от расследования иной деятельности. Такие инциденты – более сложные, более скоординированные и более опасные, чем единичные вспышки агрессии, описывавшиеся в ранних исследованиях.

Психологические последствия виктимизации для сотрудников образуют важное, хотя и не всегда явно артикулируемое, измерение проблемы. Сотрудник, подвергшийся агрессии, испытывает не только непосредственный «физический ущерб», но и страх перед тем, как учреждение отреагирует на инцидент – будет ли оказана адекватная поддержка, назначена компенсация и восстановлена справедливость [Ромашов, 2023]. Эта озабоченность последствиями является прямым подтверждением тезиса о том, что агрессия представляет собой функцию нарушения нормативного порядка в более широкой социальной системе. Когда сотрудник теряет уверенность в способность учреждения адекватно ответить на насилие, направленное против него, он сталкивается с выбором: либо покинуть профессию, либо перейти к тактике превентивного жесткого контроля и внеправового воздаяния.

Проблема нелегального оборота предметов и веществ, запрещенных к использованию на

территории пенитенциарных учреждений, в современных условиях приобрела технологическое и фармакологическое измерение, многократно увеличивающее потенциал агрессии [Schenk, Fremouw, 2012; Steiner, Butler, Ellison, 2014]. Если в прошлом нелегальный оборот означал преимущественно оружие, алкоголь или табачные изделия, то сегодня доминирующей угрозой являются синтетические наркотические средства, которые могут быть впитаны в бумагу и отправлены по почте. Попытки сотрудников перехватить такие отправления или провести обыск в поисках пропитанной корреспонденции создают новые, ранее не существовавшие точки конфликта. Осужденный, страдающий от тяжелой абстиненции или защищающий источник наркотика, представляет собой гораздо более отчаянного и непредсказуемого агрессора, чем тот, чье поведение описывалось в классических исследованиях. В ответ администрации внедряют политику копирования всей входящей корреспонденции и уничтожения оригиналов, что с точки зрения содержащихся лиц является грубейшим вмешательством в право на приватность и конфиденциальность. Все это становится источником для реализации протестных сценариев и конфликтов, связанных с обысками.

Современные инициативы по реформированию зарубежных пенитенциарных систем демонстрируют постепенное признание актуальности интеракционного подхода на уровне практической политики [Horowitz et al., 2026; Sorensen, Cihan, Reidy, 2025; Steiner, Wooldredge, 2017; Steiner, Wooldredge, 2019; Steiner, Butler, Ellison, 2014]. Некоторые реформаторские идеи и проекты направлены не на дальнейшее ужесточение режима и технологическое перевооружение, а на повышение профессиональных компетенций персонала в области предотвращения агрессии и управления конфликтами. Вместо продолжения гонки репрессивных средств фокус переносится на подготовку сотрудников к раннему распознаванию взаимодействующих триггеров эскалации и деэскалации еще до того, как конфликт перейдет в физическую фазу. Цель такого обучения состоит в улучшении способности профессионалов выявлять факторы риска и своевременно реагировать на эскалацию агрессии [Слабкая, 2022]. Это признание того, что агрессивные инциденты являются продуктом взаимодействия, и, изменив характер взаимодействия, можно предотвратить насилие, даже не меняя радикально структурные условия изоляции.

Однако, несмотря на продуктивность взаимодействующего подхода, современные данные вынуждают к критической рефлексии относительно категории немотивированных или необъяснимых с позиции формальных критериев инцидентов. Ситуация. которая оценивается как немотивированное агрессивное действие в статистическом отчете, в реальном интеракционном контексте может быть актом вражды, местью за подачу жалобы или результатом хронического стресса и эмоционального выгорания персонала в условиях нехватки кадров и запредельных профессиональных нагрузок [Sorensen, Cihan, Reidy, 2025]. Недостаточная продолжительность начальной подготовки, из которой лишь малая часть посвящена техникам самообороны и деэскалации, постоянная недоукомплектованность подразделений, ситуации, где малое число сотрудников вынуждено контролировать большой по численности контингент, отбывающих наказание за тяжкие преступления, психологическая усталости от постоянного соблюдения мер предосторожности, являются прямыми факторами профессионального кризиса пенитенциарной системы.

Теория взаимодействия показывает, что стратегии снижения агрессивных инцидентов, сосредоточенные исключительно на ограничительных мерах – более высоких физических барьерах, жестких санкциях, технологичном наблюдении неэффективны, если они игнорируют микросоциологию повседневного взаимодействия. Это означает не только необходимость справедливой оплаты труда сотрудников, адекватной штатной численности и качественной профессиональной подготовки, но и признание «человеческого фактора» у лиц, лишенных

свободы, важность процедурной справедливости в каждой рутинной команде и создание эффективных каналов коммуникации, позволяющих разрешать конфликты до того, как они найдут свое выражение в физической агрессии [Steiner, Wooldredge, 2019].

Вывод о том, что подавляющее большинство инцидентов совершается в режиме один на один, опровергает популярный нарратив о массовых беспорядках как основной угрозе персоналу и требует соответствующей корректировки программ тренировок по самообороне. Заключение о том, что коридоры и переходы являются наиболее опасными зонами, требует пересмотра архитектурных решений: мертвые зоны, плохая видимость, отсутствие путей отхода – все это факторы, которые могут быть изменены при проектировании или реконструкции учреждений. Тезис о том, что перемещение осужденных сопряжено с повышенным риском, требует, чтобы процедуры конвоирования были максимально стандартизированы, а соотношение количества сотрудников к числу перемещаемых лиц было увеличено в зонах повышенного риска.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что феномен агрессивных действий в отношении сотрудников пенитенциарных учреждений не может быть адекватно оценен в рамках устаревших макроструктурных дихотомий, апеллирующих исключительно к криминальной диспозиции осужденного или депривационному эффекту изоляции. Сдвиг в сторону ситуативной микросоциологии позволил не просто переместить фокус внимания, но и предложить принципиально иную онтологию самого феномена: агрессивный инцидент предстает не как спонтанный сбой или патологическая манифестация, а как продукт сложной динамики. Любое действие, воспринимаемое осужденными как произвольное, унизительное или нарушающее эту процедурную справедливость, потенциально превращается в триггер эскалации, где приказ, обыск или перемещение перестают быть рутинными операциями и обретают символическое измерение экзистенциальной угрозы.

Современные исследования показывают, что рост частоты нападений, появление предумышленных скоординированных действий со стороны организованных криминальных сообществ, использование новых форм импровизированного оружия и, что особенно важно, существенное увеличение доли лиц с тяжелыми психическими расстройствами, для которых классические модели деэскалации оказываются неэффективными. Коридоры и переходы, утренние и дневные часы, процедуры конвоирования и перемещение осужденных – именно эти обстоятельства образуют эпицентр угрозы, требуют не абстрактных дисциплинарных разборов инцидентов, а архитектурных, процедурных и кадровых решений.

Библиография

1. Антонян, Е. А. Причины насильственных действий осужденных в отношении администрации исправительных учреждений / Е. А. Антонян // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 3(24). – С. 275-280.
2. Багреева, Е. Г. О международном опыте профессиональной подготовки служащих пенитенциарных систем / Е. Г. Багреева, С. Х. Шамсунов // Образование и право. – 2020. – № 12. – С. 232-237. – DOI 10.24411/2076-1503-2020-11236.
3. Детков, А. П. Теоретические обоснования причинности возникновения пенитенциарных конфликтов / А. П. Детков // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 1. – С. 152-163.
4. Кутаков, Н. Н. Безопасность персонала пенитенциарных учреждений зарубежных стран: современное состояние и национальные подходы к совершенствованию / Н. Н. Кутаков // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2023. – № 2(49). – С. 81-90. – DOI 10.34988/2226-2326.2023.40.28.010.
5. Коллинз, Р. Программа теории ритуала интеракции / Р. Коллинз // Журнал социологии и социальной

антропологии. – 2004. – Т. 7, № 1. – С. 27-39.
6. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Феномен пенитенциарной агрессии в субкультуре насилия. Разрешение проблемы контроля различных видов агрессии у осужденных // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 1-1. С. 81-87. DOI: 10.34670/AR.2020.45.1.010
7. Новиков, А. В. Психокоррекционная работа с осужденными, проявляющими агрессивно-деструктивные формы поведения / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2021. – Т. 10, № 1-1. – С. 146-152. – DOI 10.34670/AR.2021.19.53.020.
8. Ромашов, Р. А. Виктимность как фактор пенитенциарной конфликтогенности / Р. А. Ромашов // Пенитенциарная наука. – 2023. – Т. 17, № 4(64). – С. 348-356. – DOI 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001. – EDN VSMEBV.
9. Скобелева, О. О. Пенитенциарный стресс как фактор формирования деструктивного поведения сотрудников пенитенциарных систем зарубежных стран / О. О. Скобелева, И. А. Сластунин // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 4(45). – С. 137-143. – DOI 10.37523/SUI.2021.45.4.021.
10. Слабкая, Д. Н. Психологические приемы, применяемые персоналом пенитенциарных учреждений за рубежом. Ретроспективный взгляд / Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11, № 1-1. – С. 226-233. – DOI 10.34670/AR.2022.13.29.026.
11. Усеев, Р. З. Конвоирование осужденных к лишению свободы: новый Порядок, объект исследования и правоприменение / Р. З. Усеев // Вестник Самарского юридического института. – 2025. – № 1(62). – С. 62-67. – DOI 10.37523/SUI.2025.62.1.008.
12. Boudoukha A. H. et al. Inmates-to-staff assaults, PTSD and burnout: Profiles of risk and vulnerability //Journal of interpersonal violence. – 2013. – Т. 28. – №. 11. – С. 2332-2350.
13. Ferraresso R., Elling Peterson B. It'sa dangerous job! A systematic review of the predictors of correctional officer victimization by incarcerated individuals in US prisons and jails //Trauma, Violence, & Abuse. – 2025. – С. 15248380251320991.
14. Horowitz V. et al. Considering the pervasiveness of the "danger imperative" in prisons: Perspectives from reform-oriented correctional officers //Punishment & Society. – 2026. – С. 14624745261436436.
15. Regehr C. et al. Prevalence of PTSD, depression and anxiety disorders in correctional officers: A systematic review //Corrections. – 2021. – Т. 6. – №. 3. – С. 229-241.
16. Schenk A. M., Fremouw W. J. Individual characteristics related to prison violence: A critical review of the literature //Aggression and Violent Behavior. – 2012. – Т. 17. – №. 5. – С. 430-442.
17. Sorensen J. R. et al. Serious assaults on prison staff: A descriptive analysis //Journal of Criminal Justice. – 2011. – Т. 39. – №. 2. – С. 143-150.
18. Sorensen J. R., Cihan A., Reidy T. J. Gang affiliation and prison violence: a comparison of matching analyses: JR Sorensen et al //Journal of Experimental Criminology. – 2025. – Т. 21. – №. 3. – С. 1055-1080.
19. Steiner B., Butler H. D., Ellison J. M. Causes and correlates of prison inmate misconduct: A systematic review of the evidence //Journal of Criminal Justice. – 2014. – Т. 42. – №. 6. – С. 462-470.
20. Steiner B., Wooldredge J. Individual and environmental influences on prison officer safety //Justice Quarterly. – 2017. – Т. 34. – №. 2. – С. 324-349.
21. Steiner B., Wooldredge J. Understanding and reducing prison violence: An integrated social control-opportunity perspective. – Routledge, 2019.

Transformation of Approaches to the Causes of Aggressive Incidents in Foreign Penitentiary Institutions

Alexey V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor,
Chief Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement Activities,
Astrakhan State University,
414056, 20a, Tatishcheva St., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The presented material is devoted to the analysis of the phenomenon of aggressive acts by convicts against staff in foreign penitentiary systems. It is shown that modern research substantiates the thesis that aggressive incidents are not spontaneous outbursts of frustration, but represent a product of complex interactional dynamics within the field of tense interaction between administrative personnel and the desire of convicts to maintain quasi-autonomy. Stable patterns are empirically substantiated: most incidents occur in the morning and afternoon hours in corridors and passageways in a "one-on-one" configuration; it is shown that escort procedures represent a zone of increased vulnerability. Risk factors transforming the phenomenon in modern conditions are examined: the growing proportion of persons with severe mental disorders, the illicit trafficking of synthetic drugs, the activities of organized criminal communities within penitentiary institutions, as well as the staffing crisis and professional burnout of employees. It is shown that aggression reduction strategies focused exclusively on repressive measures are ineffective, while an aggressive incident is interpreted as a form of loss of hope for establishing effective communication and a reflection of the systemic crisis of penitentiary systems.

For citation

Novikov A.V. (2026) Transformatsiya podkhodov k prichinam agressivnykh intsidentov v zarubezhnykh penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh [Transformation of Approaches to the Causes of Aggressive Incidents in Foreign Penitentiary Institutions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 418-426. DOI: 10.34670/AR.2026.67.75.037

Keywords

Penitentiary system, aggression against staff, convicts, escalation triggers, deprivation, residual autonomy, escorting, organized criminal communities, professional burnout, de-escalation.

References

1. Antonyan, E. A. Prichiny nasil'stvennyh dejstvij osuzhdennyh v otnoshenii administracii ispravitel'nyh uchrezhdenij / E. A. Antonyan // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2012. – № 3(24). – S. 275-280.
2. Bagreeva, E. G. O mezhdunarodnom opyte professional'noj podgotovki sluzhashchih penitenciarnyh sistem / E. G. Bagreeva, S. H. Shamsunov // Obrazovanie i pravo. – 2020. – № 12. – S. 232-237. – DOI 10.24411/2076-1503-2020-11236.
3. Detkov, A. P. Teoreticheskie obosnovaniya prichinnosti vozniknoveniya penitenciarnyh konfliktov / A. P. Detkov // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. – 2012. – № 1. – S. 152-163.
4. Kutakov, N. N. Bezopasnost' personala penitenciarnyh uchrezhdenij zarubezhnyh stran: sovremennoe sostoyanie i nacional'nye podhody k sovershenstvovaniyu / N. N. Kutakov // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. – 2023. – № 2(49). – S. 81-90. – DOI 10.34988/2226-2326.2023.40.28.010.
5. Kollinz, R. Programma teorii rituala interakcii / R. Kollinz // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. – 2004. – T. 7, № 1. – S. 27-39.
6. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Fenomen penitenciarnoj agressii v subkul'ture nasiliya. Razreshenie problemy kontrolya razlichnyh vidov agressii u osuzhdennyh // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2020. T. 9. № 1-1. S. 81-87. DOI: 10.34670/AR.2020.45.1.010
7. Novikov, A. V. Psihokorrekcionnaya rabota s osuzhdennymi, proyavlyayushchimi agressivno-destruktivnye formy povedeniya / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2021. – T. 10, № 1-1. – S. 146-152. – DOI 10.34670/AR.2021.19.53.020.
8. Romashov, R. A. Viktimnost' kak faktor penitenciarnoj konfliktogennosti / R. A. Romashov // Penitenciarnaya nauka. – 2023. – T. 17, № 4(64). – S. 348-356. – DOI 10.46741/2686-9764.2023.64.4.001. – EDN VSMEBV.
9. Skobeleva, O. O. Penitenciarnyj stress kak faktor formirovaniya destruktivnogo povedeniya sotrudnikov penitenciarnyh sistem zarubezhnyh stran / O. O. Skobeleva, I. A. Slastunin // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2021. –

№ 4(45). – S. 137-143. – DOI 10.37523/SUI.2021.45.4.021.
10. Slabkaya, D. N. Psihologicheskie priemy, primenyaemye personalom penitenciarnyh uchrezhdenij za rubezhom. Retrospektivnyj vzglyad / D. N. Slabkaya, A. V. Novikov // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. – 2022. – T. 11, № 1-1. – S. 226-233. – DOI 10.34670/AR.2022.13.29.026.
11. Useev, R. Z. Konvoirovanie osuzhdennyh k lisheniyu svobody: novyj Poryadok, ob"ekt issledovaniya i pravoprimenenie / R. Z. Useev // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2025. – № 1(62). – S. 62-67. – DOI 10.37523/SUI.2025.62.1.008.
12. Boudoukha A. H. et al. Inmates-to-staff assaults, PTSD and burnout: Profiles of risk and vulnerability //Journal of interpersonal violence. – 2013. – T. 28. – №. 11. – S. 2332-2350.
13. Ferraresso R., Elling Peterson B. It'sa dangerous job! A systematic review of the predictors of correctional officer victimization by incarcerated individuals in US prisons and jails //Trauma, Violence, & Abuse. – 2025. – S. 15248380251320991.
14. Horowitz V. et al. Considering the pervasiveness of the "danger imperative" in prisons: Perspectives from reform-oriented correctional officers //Punishment & Society. – 2026. – S. 14624745261436436.
15. Regehr C. et al. Prevalence of PTSD, depression and anxiety disorders in correctional officers: A systematic review //Corrections. – 2021. – T. 6. – №. 3. – S. 229-241.
16. Schenk A. M., Fremouw W. J. Individual characteristics related to prison violence: A critical review of the literature //Aggression and Violent Behavior. – 2012. – T. 17. – №. 5. – S. 430-442.
17. Sorensen J. R. et al. Serious assaults on prison staff: A descriptive analysis //Journal of Criminal Justice. – 2011. – T. 39. – №. 2. – S. 143-150.
18. Sorensen J. R., Cihan A., Reidy T. J. Gang affiliation and prison violence: a comparison of matching analyses: JR Sorensen et al //Journal of Experimental Criminology. – 2025. – T. 21. – №. 3. – S. 1055-1080.
19. Steiner B., Butler H. D., Ellison J. M. Causes and correlates of prison inmate misconduct: A systematic review of the evidence //Journal of Criminal Justice. – 2014. – T. 42. – №. 6. – S. 462-470.
20. Steiner B., Wooldredge J. Individual and environmental influences on prison officer safety //Justice Quarterly. – 2017. – T. 34. – №. 2. – S. 324-349.
21. Steiner B., Wooldredge J. Understanding and reducing prison violence: An integrated social control-opportunity perspective. – Routledge, 2019.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 342.565.2 **DOI: 10.34670/AR.2026.94.91.038**

Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределённым процессуальным статусом

Лебин Василий Витальевич

Аспирант,
адвокат МКА «АдвоПро»,
Московский государственный юридический
университет имени О.А. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: Qwerty5L@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется роль Конституционного Суда Российской Федерации в формировании правовых позиций, направленных на защиту прав лиц, фактически вовлечённых в уголовное судопроизводство, но не наделённых определённым процессуальным статусом в системе УПК РФ. На основе анализа ключевых постановлений и определений Конституционного Суда РФ (от 27.06.2000 № 11-П, от 13.05.2021 № 18-П, от 17.06.2021 № 29-П, от 01.10.2024 № 42-П, от 17.12.2025 № 46-П) выявлены основные доктринальные подходы, которыми руководствуется Конституционный Суд РФ при разрешении вопросов о правах указанных лиц. Показано, что Конституционный Суд РФ последовательно формирует доктрину приоритета фактического положения лица над его процессуальным статусом. Сделан вывод о необходимости системного законодательного решения, которое бы закрепило минимальный набор прав для лиц с неопределённым процессуальным статусом, что позволит уменьшить объём обращений в Конституционный Суд РФ и обеспечить единообразие правоприменения.

Для цитирования в научных исследованиях

Лебин В.В. Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределённым процессуальным статусом // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 427-437. DOI: 10.34670/AR.2026.94.91.038

Ключевые слова

Конституционный Суд РФ, правовые позиции, неопределённый процессуальный статус, участники уголовного судопроизводства, защита прав, судебный контроль, уголовный процесс, правовая определённость, доступ к правосудию.

Введение

Обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлечённых в сферу уголовного судопроизводства, является одним из фундаментальных требований правового государства, вытекающих из статей 2, 45, 46 и 52 Конституции Российской Федерации [Конституция РФ, 1993]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) в пункте 58 статьи 5 определяет участников уголовного судопроизводства как лиц, принимающих участие в уголовном процессе [УПК РФ, 2001]. Вместе с тем раздел II УПК РФ содержит исчерпывающий перечень участников, чей процессуальный статус детально регламентирован. Однако данный перечень не охватывает всех лиц, фактически вовлекаемых в производство по уголовному делу.

Основная часть

В практике уголовного судопроизводства значительное число лиц вступает в уголовно-процессуальные отношения, не будучи наделёнными определённым процессуальным статусом. Как справедливо отмечал П.Г. Марфицин, лицо, вовлечённое в уголовно-процессуальные отношения без чёткого круга прав и обязанностей, ощущает себя ущемлённым, а характер своего участия считает формальным [Марфицин, 1993]. Данная проблема порождает правовую неопределённость и создаёт условия для уязвимости таких лиц.

В условиях, когда законодатель не предусмотрел системного регулирования правового положения указанных лиц, существенную роль в восполнении нормативных пробелов играет Конституционный Суд Российской Федерации. Именно через практику Конституционного Суда РФ формируются доктринальные подходы к определению объёма гарантий прав лиц, не обладающих процессуальным статусом.

Проблема участия в уголовном процессе лиц, чьё правовое положение не определено либо определено лишь фрагментарно, была впервые системно обозначена в отечественной науке И.В. Смольковой, которая указала на целый ряд субъектов, фактически вовлекаемых в уголовно-процессуальные отношения, но не отнесённых УПК РФ к числу участников с определённым процессуальным статусом [Смолькова, 2017]. К числу таких лиц И.В. Смолькова отнесла: заявителя о преступлении; очевидца; лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении; лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, но ещё не наделённое статусом подозреваемого; собственника или законного владельца имущества, на которое наложен арест; лиц, чьи конституционные права ограничиваются при производстве следственных действий (обыске, выемке); поручителя; залогодателя; близких родственников умершего обвиняемого (подозреваемого); реабилитируемое лицо; лицо, запрашиваемое к выдаче (экстрадируемое лицо) [Смолькова, 2017].

Данный перечень не является исчерпывающим. Как подчёркивает О.С. Морозова, глава 8 УПК РФ не содержит полного перечня лиц, реально участвующих в уголовном деле [Морозова, 2024а]. В свою очередь, А.А. Давлетов, обращая внимание на положение лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, констатирует, что такое лицо фактически подвергается уголовному преследованию, не будучи наделённым соответствующими процессуальными правами [Давлетов, 2015].

Объединяющей чертой всех указанных лиц является то, что они фактически вовлекаются в уголовно-процессуальные отношения, их права и законные интересы затрагиваются

процессуальными действиями и решениями, однако закон не предусматривает для них чёткого процессуального статуса с соответствующим набором прав, обязанностей и гарантий. Именно в отношении этих лиц Конституционный Суд РФ на протяжении более двадцати лет формирует правовые позиции, направленные на компенсацию законодательных пробелов.

Фундаментальное значение для защиты прав лиц с неопределённым процессуальным статусом имеет Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу гражданина В.И. Маслова [Постановление КС РФ № 11-П, 2000]. Данное решение было вынесено в связи с жалобой лица, которое в ходе расследования уголовного дела было фактически задержано, подвергнуто обыску, опознанию и допросу в качестве свидетеля, однако при этом ему было отказано в праве на помощь адвоката на том основании, что по своему формальному процессуальному положению он являлся свидетелем, а не подозреваемым [Постановление КС РФ № 11-П, 2000].

Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, которая стала базовой доктриной защиты прав лиц с неопределённым статусом. Конституционный Суд РФ указал, что понятия «задержанный» и «обвиняемый» должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им уголовно-процессуальным законом более узком смысле. В целях реализации конституционного права на защиту необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование [Постановление КС РФ № 11-П, 2000].

При этом Конституционный Суд РФ разъяснил, что факт уголовного преследования может подтверждаться не только формальными актами (постановлением о возбуждении дела, протоколом задержания), но и иными мерами, предпринимаемыми в целях изобличения лица или свидетельствующими о наличии подозрений против него, — в частности, проведением следственных действий (обыска, опознания, допроса) и разъяснением права не давать показаний против себя самого [Постановление КС РФ № 11-П, 2000].

Значение данного решения является принципиальным для рассматриваемой проблематики. Конституционный Суд РФ сформировал конституционно-правовой критерий установления момента, с которого лицо вправе рассчитывать на процессуальные гарантии, так этим моментом является не наделение процессуальным статусом, а фактическое затрагивание прав и свобод лица действиями, связанными с уголовным преследованием. Как отмечается в доктрине, данный подход стал методологической основой для последующего расширения гарантий прав лиц, не имеющих процессуального статуса [Витрук, 2005].

Дальнейшее развитие этой доктрины отразилось в Постановлении от 01 октября 2024 г. № 42-П по жалобе гражданина А.С. Ткаченко [Постановление КС РФ № 42-П, 2024]. В данном деле заявитель, содействовавший изобличению взяткополучателя и участвовавший в оперативно-розыскном мероприятии, не был признан потерпевшим, несмотря на то что его права и законные интересы были непосредственно затронуты преступным деянием. Суды отклонили доводы заявителя, мотивируя отказ тем, что объектом преступления (взяточничества) являются интересы государственной службы, а не конкретного лица [Постановление КС РФ № 42-П, 2024]

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из его фактического положения и лишь процессуально оформляется соответствующим решением, но не формируется им [Постановление КС РФ № 42-П, 2024]. Конституционный Суд РФ указал, что лицо, добровольно участвовавшее в изобличении преступника, имеет выраженный процессуальный интерес и необходимость активного участия

в уголовном судопроизводстве, что не исключает необходимости защиты и восстановления его нарушенных прав путём признания за ним статуса потерпевшего [Постановление КС РФ № 42-П, 2024].

Тем самым Конституционный Суд РФ продолжил последовательное развитие указанной правовой позиции, так объём процессуальных гарантий определяется не наделением процессуальным статусом, а реальным затрагиванием прав и законных интересов лица в ходе уголовного судопроизводства.

Значительный массив правовых позиций Конституционного Суда РФ связан с защитой имущественных прав лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, но чьё имущество затрагивается в ходе уголовного судопроизводства. Данная категория дел наиболее наглядно демонстрирует системный характер проблемы неопределённого процессуального статуса.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к вопросу о наложении ареста на имущество лиц, не являющихся участниками уголовного дела. В Определении от 17 ноября 2011 г. № 1551-О-О Конституционный Суд РФ рассматривал ситуацию, в которой арест был наложен на квартиру, приобретённую третьим лицом у лица, связанного с обвиняемыми, и констатировал, что наложение ареста на имущество, находящееся у других лиц, когда имеются достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого или обвиняемого, обусловлено необходимостью обеспечения публично-правовых целей уголовного судопроизводства [Определение КС РФ № 1551-О-О, 2011]. Вместе с тем, как отмечается в литературе, собственник арестованного имущества, не будучи стороной по делу, оказывается в заведомо уязвимом положении [Мурылева-Казак, 2023]

Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2025 г. № 46-П стало одним из наиболее значимых актов в данной сфере [Постановление КС РФ № 46-П, 2025]. Конституционный Суд РФ признал положения ч. 1 и ч. 3 ст. 115 УПК РФ частично не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой действующее регулирование не обеспечивает эффективного механизма защиты прав лиц, чьё имущество арестовано в рамках уголовного дела [Постановление КС РФ № 46-П, 2025]. Данное решение подтвердило, что существующие нормы недостаточны для обеспечения баланса между публичным интересом в обеспечении возможной конфискации и частным интересом собственника в сохранении имущества.

Особую значимость проблема неопределённого процессуального статуса приобрела в контексте института залога как меры пресечения. Показательным является дело гражданина С.А. Филиппова, ставшее предметом рассмотрения Конституционного Суда в Постановлении от 17 июня 2021 г. № 29-П Постановление КС РФ № 29-П, 2021]. Защитник обвиняемого, выступивший залогодателем, внёс 8 миллионов рублей на депозит суда. Денежные средства оставались заблокированными более восьми лет Постановление КС РФ № 29-П, 2021]. При этом суды последовательно отказывали залогодателю в рассмотрении его жалоб, указывая, что вопросы избрания и применения залога не могут быть предметом проверки суда в порядке ст. 125 УПК РФ.

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что лицо, права и законные интересы которого затронуты в ходе досудебного или судебного производства, в том числе залогодатель, вправе заявить ходатайство дознавателю, следователю либо в суд о принятии процессуальных решений для обеспечения своих прав и законных интересов, в том числе об отмене залога Постановление КС РФ № 29-П, 2021]. Суд признал положения ст. 106, 110 и 389.2 УПК РФ не

соответствующими Конституции в той мере, в какой они допускали бессрочное применение залога и исключали возможность апелляционного обжалования отказа в его отмене Постановление КС РФ № 29-П, 2021].

Во исполнение данного постановления был принят Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ, установивший предельный двухмесячный срок залога с возможностью продления и закрепивший механизм апелляционного обжалования [Федеральный закон № 383-ФЗ, 2022]. Данная совокупность приведённых судебных актов свидетельствует о том, что дефицит процессуального статуса залогодателя приводил к многолетнему ограничению его имущественных прав, и только вмешательство Конституционного Суда РФ позволило устранить системное нарушение.

В научной литературе обоснованно указывается на необходимость более чёткого определения правового положения поручителя и залогодателя. В частности, А.В. Закомолдин отмечает, что требования к поручителю в законе неопределённы и необходима поправка в ст. 103 УПК РФ, расширяющая и упорядочивающая применение личного поручительства [Закомолдин, 2018]. В свою очередь, О.В. Баландюк подчёркивает, что эффективность залога во многом зависит от чёткого определения прав и обязанностей залогодателя как самостоятельного участника соответствующих отношений [Баландюк, 2014].

Постановление от 13 мая 2021 г. № 18-П затронуло ещё один аспект защиты прав лиц с неопределённым процессуальным статусом — возмещение расходов на юридическую помощь реабилитированным [Постановление КС РФ № 18-П, 2021]. Конституционный Суд РФ констатировал, что действующее регулирование не обеспечивает надлежащего возмещения расходов на юридическую помощь лицам, в отношении которых уголовное преследование прекращено, и признал соответствующие нормы частично не соответствующими Конституции РФ [Постановление КС РФ № 18-П, 2021].

Данное постановление подтвердило, что даже при наличии развитого института реабилитации отдельные аспекты восстановления прав реабилитированного остаются нерешёнными. Как отмечают в научной литературе А.Е. Федюнин и Ю.В. Перетятько, реабилитированный не назван участником процесса в главе 8 УПК РФ, что порождает значительную вариативность правоприменения и не обеспечивает предсказуемости механизма восстановления нарушенных прав [Федюнин, Перетятько, 2020].

Право на квалифицированную юридическую помощь, гарантированное статьёй 48 Конституции Российской Федерации, имеет универсальный характер. Конституционный Суд РФ последовательно подчёркивает, что данное право не может быть обусловлено приобретением процессуального статуса.

В уже упомянутом Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П Конституционный Суд РФ указал, что право пользоваться помощью адвоката (защитника) является конкретизацией более общего конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, которое не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах [Постановление КС РФ № 11-П, 2000]. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что юридическая помощь должна быть предоставлена каждому лицу, в том числе в рамках уголовного преследования в любых его формах [Постановление КС РФ № 11-П, 2000].

Применительно к лицам, вовлечённым в экстрадиционные процедуры, Конституционный Суд РФ в Определении от 4 апреля 2006 г. № 101-О указал, что меры пресечения к экстрадируемым не могут применяться вне порядка, предусмотренного УПК РФ для подозреваемых и обвиняемых [Определение КС РФ № 101-О, 2006]. Тем самым

Конституционный Суд РФ распространил гарантии права на защиту на категорию лиц, чей процессуальный статус в уголовном судопроизводстве определён недостаточно.

Вместе с тем практика свидетельствует о том, что позиции Конституционного Суда РФ не всегда воспринимаются нижестоящими судами и правоприменителями. На стадии доследственной проверки лицо, в отношении которого она проводится, формально не является ни подозреваемым, ни обвиняемым, что нередко используется как основание для отказа в допуске адвоката. В частности, Н.А. Логинов констатирует, что на практике такое лицо не обладает какими-либо процессуальными правами и при этом отсутствует обязанность должностных лиц уведомлять его о проведении проверки [Определение КС РФ № 101-О, 2006].

Показательна в этом отношении правовая позиция, выраженная в Постановлении от 01 октября 2024 г. № 42-П, в котором Конституционный Суд РФ указал, что когда лицо содействовало правоохранительным органам ещё до возбуждения уголовного дела, его права и законные интересы могут быть затронуты деятельностью, которая хотя и не является частью уголовного преследования, но по сути неразрывно с ним связана [Постановление КС РФ № 42-П, 2024] Данная позиция расширяет временные границы действия процессуальных гарантий, распространяя их на период, предшествующий возбуждению уголовного дела.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что Конституционный Суд РФ фактически выполняет функцию средства восполнения пробелов уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения прав лиц с неопределённым процессуальным статусом. Каждое из рассмотренных решений представляет собой реакцию на конкретное нарушение прав, обусловленное дефицитом нормативного регулирования.

При этом складывается модель, при которой противоречия правоприменения устраняются Конституционным Судом РФ уже после того, как конкретное лицо уже испытало ограничение прав и прошло все инстанции судебной системы. Залогодатель С.А. Филиппов ожидал возврата денежных средств более восьми лет; гражданин А.С. Ткаченко, содействовавший изобличению лица, совершившего коррупционное преступление, был лишён статуса потерпевшего на протяжении всего производства по делу; собственники имущества, арестованного в рамках уголовных дел, на протяжении длительного времени были лишены эффективных средств судебной защиты.

Как отмечается в научной литературе, процессуальные гарантии должны соответствовать характеру охраняемого интереса [Волколуп, Чупилкин, 2005], а их действие должно начинаться с момента фактического вовлечения лица в сферу уголовного судопроизводства, а не с момента формального признания его участником [Гладышева, 2013]. Эти теоретические положения полностью согласуются с доктриной Конституционного Суда РФ, однако на уровне отраслевого законодательства системной реализации не получили.

С учётом множества правовых позиций Конституционного Суда РФ, сформированных за более чем два десятилетия, суды общей юрисдикции должны ими руководствоваться при рассмотрении конкретных дел. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что обеспечение гарантированных Конституцией РФ прав и свобод в уголовном судопроизводстве обусловлено не процессуальным признанием лица тем или иным участником, а наличием определённых сущностных признаков, характеризующих фактическое положение лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права [Постановление КС РФ № 11-П, 2000]. Данная позиция была последовательно подтверждена и развита в Постановлении от 01 октября 2024 г. № 42-П, указавшем, что оставление лица без надлежащего процессуального статуса неоправданно ограничивает его доступ к правосудию [Постановление КС РФ № 42-П, 2024].

Тем не менее практика показывает, что правоприменители не во всех случаях руководствуются данным позициям. Как отмечает И.Р. Хроменков, суды первой инстанции нередко отказывают в принятии или рассмотрении жалоб лиц, не обладающих процессуальным статусом, тогда как вышестоящие суды последовательно корректируют данную практику [Хроменков, 2022]. В научной литературе В.А. Семенцов и О.В. Гладышева подчёркивают, что судебная деятельность в досудебном производстве имеет самостоятельное значение и не может быть ограничена формальными критериями определения круга лиц, имеющих право на обращение в суд [Хроменков, 2022]. Кроме того, Э.Р. Миргородская обращает внимание на необходимость расширения предмета судебного контроля на стадии возбуждения уголовного дела [Хроменков, 2022].

Ситуация, при которой все противоречия в правоприменении в отношении участников с неопределённым процессуальным статусом приходится устранять Конституционному Суду РФ, свидетельствует о наличии системного пробела в законодательстве. Как справедливо указывает А.А. Давлетов, отсутствие норм о правах указанных участников объясняется тем, что исторически их роль считалась незначительной, и полагалось, что общих гарантий достаточно [Давлетов, 2015]. Однако современные подходы требуют иного решения.

Анализ рассмотренных постановлений Конституционного Суда РФ позволяет выделить ряд общих принципов, которые, по существу, составляют единую доктрину: во-первых, объём гарантий определяется фактическим положением лица, а не процессуальным статусом (Постановление от 27.06.2000 № 11-П); во-вторых, ограничение имущественных прав третьих лиц должно сопровождаться эффективным механизмом судебной защиты (Постановление от 17.12.2025 № 46-П [Постановление КС РФ № 46-П, 2025]); в-третьих, бессрочное применение мер, затрагивающих права лиц без процессуального статуса, недопустимо (Постановление от 17.06.2021 № 29-П [Постановление КС РФ № 29-П, 2021]); в-четвёртых, компенсационные механизмы должны обеспечивать возмещение вреда (Постановление от 13.05.2021 № 18-П [Постановление КС РФ № 29-П, 2021]); в-пятых, лицо, содействующее правосудию, не может быть лишено процессуальных прав в силу формальных критериев (Постановление от 01.10.2024 № 42-П [Постановление КС РФ № 42-П, 2024]).

Совокупность указанных принципов создаёт основу для формирования минимального набора прав лиц с неопределённым процессуальным статусом, включающего: право на информирование о принятых процессуальных решениях, затрагивающих права и законные интересы лица; право на участие в рассмотрении вопросов, связанных с ограничением прав или свобод; право на обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц; право на помощь адвоката с момента фактического вовлечения в производство; право на возмещение вреда, причинённого незаконными процессуальными действиями.

Данные права, по существу, уже вытекают из правовых позиций Конституционного Суда РФ, однако их закрепление в качестве общей нормы УПК РФ позволило бы суды и правоприменительные органы сориентировать в вопросе об объёме правомочий таких лиц, обеспечить единообразие правоприменения и уменьшить объём обращений в Конституционный Суд РФ, которому не пришлось бы неоднократно возвращаться к разрешению аналогичных вопросов. Как справедливо отмечает О.С. Морозова, оптимизация состава участников уголовного досудебного производства является актуальной задачей законодателя [Морозова, 2024б].

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Конституционный Суд Российской Федерации на протяжении более двух десятилетий последовательно формирует доктрину защиты прав лиц с неопределённым процессуальным статусом в уголовном судопроизводстве. Центральным элементом этой доктрины является принцип приоритета фактического положения лица над его процессуальным статусом, впервые сформулированный в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П и получивший развитие в последующей практике.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ охватывают широкий спектр вопросов: от права на юридическую помощь на стадии доследственной проверки до защиты имущественных прав собственников арестованного имущества, от прав залогодателя до компенсационных гарантий реабилитированных лиц. В каждом из рассмотренных случаев Конституционный Суд РФ указывал, что пробелы правового регулирования не могут служить основанием для лишения лица возможности защищать свои права.

Вместе с тем необходимо констатировать, что действующая модель, при которой правовая неопределённость устраняется преимущественно посредством конституционного правосудия, имеет восстановительный характер и является недостаточно эффективной. Каждое обращение в Конституционный Суд РФ предполагает, что лицо уже подверглось нарушению прав, исчерпало иные средства правовой защиты и затратило значительное время и ресурсы. Сложившаяся практика свидетельствует о необходимости системного законодательного решения, которое бы закрепило минимальный набор процессуальных прав для лиц, фактически вовлечённых в уголовное судопроизводство, но не наделённых процессуальным статусом.

Такое решение не подменяло бы деятельность Конституционного Суда, а, напротив, обеспечивало бы реализацию тех принципов, которые Конституционный Суд РФ последовательно формулирует, на уровне отраслевого законодательства. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в данной сфере создают для этого необходимую и достаточную доктринальную основу.

Библиография

1. Баландюк О.В. (2014). Исполнение обязательств залогодателем при реализации ст. 106 УПК РФ. Научный вестник Омской академии МВД России, 1 (52), 56–62.
2. Витрук Н.В. (2005). Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. Москва: Норма.
3. Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. (2005). Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации (2-е изд.). Краснодар: Кубанский государственный университет.
4. Гладышева О.В. (2013). Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Автореферат диссертации доктора юридических наук. Москва.
5. Давлетов А.А. (2015). Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела. Российский юридический журнал, 4 (103), 61–67.
6. Закомолдин А.В. (2018). Личное поручительство в системе мер пресечения: проблемы правоприменения. Jus strictum, 4, 10–14.
7. Ковтун Н.Н., Ярцев Р.В. (2008). Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ) (2-е изд.). Нижний Новгород.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
9. Логинов Н.А. (2019). Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах – членах СНГ. Диссертация кандидата юридических наук. Москва.
10. Марфицин П.Г. (1993). Участники уголовного процесса с неопределенным правовым положением. В Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы правоприменительной деятельности (с. 22–28). Омск:

Омская высшая школа милиции МВД России.
11. Миргородская Э.Р. (2024). Судебный порядок рассмотрения жалоб на стадии возбуждения уголовного дела. Диссертация кандидата юридических наук. Челябинск.
12. Морозова О.С. (2024а). Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 1 (101), 125–132.
13. Морозова О.С. (2024б). Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства. Сибирское юридическое обозрение, 21 (2), 260–270.
14. Мурылева-Казак В.В. (2023). Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства. Диссертация кандидата юридических наук. Москва.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 101-О.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1551-О-О.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 18-П.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2021 № 29-П.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.10.2024 № 42-П.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2025 № 46-П.
22. Семенцов В.А., Гладышева О.В. (2012). Сущность и направления судебной деятельности в досудебном уголовном производстве. Вестник ЮУрГУ. Серия «Право», 7, 60–65.
23. Смолькова И.В. (2017). Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом. Известия Байкальского государственного университета, 27 (2), 207–215.
24. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025).
25. Федеральный закон от 07.10.2022 № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».
26. Федюнин А.Е., Перетятько Ю.В. (2020). Обеспечение прав и законных интересов реабилитированного как участника уголовного судопроизводства. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 31 (2), 275–284.
27. Хроменков И.Р. (2022). Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства. Диссертация кандидата юридических наук. Москва.

The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in Forming Legal Positions on the Protection of the Rights of Persons with Indeterminate Procedural Status

Vasily V. Lebin

Postgraduate Student,
Advocate at the "AdvoPro" Bar Association,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Qwerty5L@mail.ru

Abstract

The article examines the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in forming legal positions aimed at protecting the rights of persons who are actually involved in criminal proceedings but are not endowed with a definite procedural status under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on an analysis of key judgments and rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation (Nos. 11-P of 27.06.2000, 18-P of 13.05.2021, 29-P of 17.06.2021, 42-P of 01.10.2024, 46-P of 17.12.2025), the main doctrinal approaches guiding the Constitutional Court of the Russian Federation in resolving issues concerning the rights of these persons are identified. It is shown that the Constitutional Court of the Russian Federation

consistently develops a doctrine of the priority of a person's actual situation over their procedural status. A conclusion is drawn about the necessity of a systemic legislative solution that would establish a minimum set of rights for persons with indeterminate procedural status, which would reduce the number of appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation and ensure uniformity in law enforcement.

For citation

Lebin V.V. (2026) Rol' Konstitutsionnogo Suda RF v formirovanii pravovykh pozitsiy po zashchite prav lits s neopredelyonnym protsessual'nym statusom [The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in Forming Legal Positions on the Protection of the Rights of Persons with Indeterminate Procedural Status]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 427-437. DOI: 10.34670/AR.2026.94.91.038

Keywords

Constitutional Court of the Russian Federation, legal positions, indeterminate procedural status, participants in criminal proceedings, protection of rights, judicial control, criminal process, legal certainty, access to justice.

References

1. Balandyuk, O.V. (2014). Ispolnenie obyazatel‘stv zalogodatelem pri realizatsii st. 106 UPK RF [Execution of the pledgor’s obligations under Article 106 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii, 1(52), 56–62.
2. Constitutional Court of the Russian Federation. (2000). *Postanovlenie № 11-P ot 27.06.2000* [Judgment No. 11-P of June 27, 2000].
3. Constitutional Court of the Russian Federation. (2006). *Opredelenie № 101-O ot 04.04.2006* [Ruling No. 101-O of April 4, 2006].
4. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011). *Opredelenie № 1551-O-O ot 17.11.2011* [Ruling No. 1551-O-O of November 17, 2011].
5. Constitutional Court of the Russian Federation. (2021). *Postanovlenie № 18-P ot 13.05.2021* [Judgment No. 18-P of May 13, 2021].
6. Constitutional Court of the Russian Federation. (2021). *Postanovlenie № 29-P ot 17.06.2021* [Judgment No. 29-P of June 17, 2021].
7. Constitutional Court of the Russian Federation. (2024). *Postanovlenie № 42-P ot 01.10.2024* [Judgment No. 42-P of October 1, 2024].
8. Constitutional Court of the Russian Federation. (2025). *Postanovlenie № 46-P ot 17.12.2025* [Judgment No. 46-P of December 17, 2025].
9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote of July 1, 2020).
10. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended of February 28, 2025).
11. Davletov, A.A. (2015). Problema statusa ugolovno-presleduemogo litsa v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [The problem of the status of a criminally prosecuted person at the stage of initiating a criminal case]. Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal, 4(103), 61–67.
12. Federal Law No. 383-FZ of October 7, 2022 “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”.
13. Fedunin, A.E., & Peretyat‘ko, Yu.V. (2020). Obespechenie prav i zakonnykh interesov reabilitirovannogo kak uchastnika ugolovnogo sudoproizvodstva [Ensuring the rights and legitimate interests of a rehabilitated person as a participant in criminal proceedings]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 31(2), 275–284.
14. Gladysheva, O.V. (2013). Teoreticheskaya model‘ mekhanizmov obespecheniya prav i zakonnykh interesov cheloveka i grazhdanina v ugolovnom sudoproizvodstve [Theoretical model of mechanisms for ensuring the rights and legitimate interests of a person and citizen in criminal proceedings]. Abstract of Doctoral dissertation. Moscow.

15. Khromenkov, I.R. (2022). Obespechenie sudom pravovykh interesov v dosudebnykh stadiyakh rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva [Judicial protection of legal interests in the pre-trial stages of Russian criminal proceedings]. PhD dissertation. Moscow.
16. Kovtun, N.N., & Yartsev, R.V. (2008). Sudebnyy kontrol‘ za zakonnost‘yu i obosnovannost‘yu deystviy i resheniy dolzhnostnykh lits, osushchestvlyayushchikh ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii [Judicial control over the legality and validity of actions and decisions of officials conducting criminal proceedings in Russia] (2nd ed.). Nizhny Novgorod.
17. Loginov, N.A. (2019). Obespechenie prava na zashchitu v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela v Rossiyskoy Federatsii i inykh gosudarstvakh – chlenakh SNG [Ensuring the right to defense at the stage of initiating a criminal case in the Russian Federation and other CIS member states]. PhD dissertation. Moscow.
18. Marfitsin, P.G. (1993). Uchastniki ugolovnogo protsessa s neopredelennym pravovym polozheniem [Participants in criminal proceedings with undefined legal status]. In Ugolovno-protsessual‘nye i kriminalisticheskie problemy pravoprimenitel‘noy deyatel‘nosti (pp. 22–28). Omsk: Omsk Higher School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
19. Mirgorodskaya, E.R. (2024). Sudebnyy poryadok rassmotreniya zhalob na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Judicial procedure for considering complaints at the stage of initiating a criminal case]. PhD dissertation. Chelyabinsk.
20. Morozova, O.S. (2024a). Uchastniki stadii predvaritel‘nogo rassledovaniya s neopredelennym protsessual‘nym statusom [Participants in the pre-trial investigation stage with undefined procedural status]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 1(101), 125–132.
21. Morozova, O.S. (2024b). Optimizatsiya sostava uchastnikov ugolovnogo dosudebnogo proizvodstva [Optimization of the composition of participants in pre-trial criminal proceedings]. Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie, 21(2), 260–270.
22. Muryleva-Kazak, V.V. (2023). Protsessual‘nye sredstva zashchity imushchestvennykh prav lits, ne yavlyayushchikhsya uchastnikami ugolovnogo sudoproizvodstva [Procedural means of protecting property rights of persons who are not participants in criminal proceedings]. PhD dissertation. Moscow.
23. Sementsov, V.A., & Gladysheva, O.V. (2012). Sushchnost‘ i napravleniya sudebnoy deyatel‘nosti v dosudebnom ugolovnom proizvodstve [The essence and directions of judicial activity in pre-trial criminal proceedings]. Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo», 7, 60–65.
24. Smolkova, I.V. (2017). Uchastniki ugolovnogo sudoproizvodstva s neopredelennym protsessual‘nym statusom [Participants in criminal proceedings with undefined procedural status]. Izvestiya Baykal‘skogo gosudarstvennogo universiteta, 27(2), 207–215.
25. Vitruk, N.V. (2005). Konstitutsionnoe pravosudie. Sudebno-konstitutsionnoe pravo i protsess [Constitutional justice. Judicial constitutional law and procedure]. Moscow: Norma.
26. Volkolup, O.V., & Chupilkin, Yu.B. (2005). Garantii prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii [Guarantees of the rights of participants in criminal proceedings of the Russian Federation] (2nd ed.). Krasnodar: Kuban State University.
27. Zakomoldin, A.V. (2018). Lichnoe poruchitel‘stvo v sisteme mer presecheniya: problemy pravoprimeneniya [Personal surety in the system of preventive measures: problems of law enforcement]. Jus strictum, 4, 10–14.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.73.59.039**

Криминология побегов из-под стражи в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран: аналитический обзор

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В статье на основе обобщения зарубежных исследований последних лет критически пересматриваются устоявшиеся представления о феномене самовольного оставления мест лишения свободы, а ограничения свободы. Показано, что массовое сознание, кинематограф и судебная практика зачастую опираются на «теорию пороховой бочки», формирующую образ побега как редкого, технологически сложного и насильственного события. Эмпирические данные опровергают этот миф: большинство побегов, как правило носит ненасильственный, оппортунистический и импульсивный характер, совершается в учреждениях с минимальным уровнем безопасности, а преобладающая часть совершивших побег в итоге возвращаются сотрудниками правоохранительных органов под надзор. Особое внимание уделяется психологическим триггерам, как вариант негативным новостям о правовом статусе осужденного (отказ в УДО, перевод на более строгий режим, новое обвинение). Анализируются различия в правовом определении побега в международных юрисдикциях и их влияние на сравнительную статистику. В заключении обосновывается необходимость перехода к дифференцированной, психологически ориентированной и технологически обеспеченной модели противодействия рассматриваемому феномену.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Криминология побегов из-под стражи в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран: аналитический обзор // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 438-445. DOI: 10.34670/AR.2026.73.59.039

Ключевые слова

Пенитенциарная система, осужденные, побег из-под стражи, оппортунистический побег, ненасильственный побег, психологические триггеры, катализирующие события, профилактика побегов, социально-психологическая поддержка, конвоирование, правовая квалификация побега, дифференциация наказания, ресоциализация.

Введение

Самовольное оставление места лишения свободы, известное с момента возникновения организованных систем изоляции человека, продолжает привлекать внимание исследователей в XXI веке. Несмотря на многовековую историю противодействия этому феномену, он сохраняет актуальность, одновременно обрастая устойчивыми стереотипами, зачастую не соответствующими эмпирическим данным [Dirga, 2025; Fontes, 2022; Khimedenova, Tarikin, 2025; Pakes, Gunnlaugsson, 2024; Peterson, 2024]. Современная криминология, опирающаяся на доказательный подход, предлагает пересмотреть устоявшиеся представления о природе, динамике и профилактике побегов. Настоящий анализ обобщает результаты зарубежных исследований последних лет, позволяя составить комплексную картину проблемы.

Побег из-под стражи рассматривается как экстремальная форма девиантного поведения осужденных, реализуемая вопреки режимным требованиям и физическим барьерам. Значительная часть зарубежных исследований опирается на теорию рационального выбора: осужденный оценивает вероятность успеха, тяжесть возможного наказания и наличие ресурсов.

Основная часть

Традиционно массовое сознание, подкрепленное кинематографом и журналистскими стереотипами, формирует образ побега как редкого, технологически сложного и обязательно сопряженного с опасностью события, что создает так называемую «теорию пороховой бочки» – представление о том, что любой случай оставления места содержания под стражей представляет собой акт грубого насилия и серьезной угрозы для общества. Однако данные эмпирических исследований опровергают данную модель. Побеги за рубежом являются относительно распространенным, но систематически недооцениваемым явлением, подавляющее большинство инцидентов происходит не в учреждениях с максимальным уровнем безопасности, а на объектах с минимальным контролем [Dirga, 2025; Fontes, 2022; Khimedenova, Tarikin, 2025; Pakes, Gunnlaugsson, 2024; Peterson, 2024]. Это фундаментальное наблюдение смещает анализ в область повседневной рутины пенитенциарной системы.

Необходимость нового взгляда обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, произошла технологическая эволюция: если ранее способы побега включали преимущественно рытье подкопов или преодоление фортификационных преград, то теперь известны случаи использования беспилотных летательных аппаратов для доставки запрещенных предметов, взлома электронных средств контроля и подавления сигналов спутниковой навигации [Fontes, 2022; Khimedenova, Tarikin, 2025; Peterson et al., 2023; Peterson, 2024]. Кроме того, изменился уровень организованности преступных сообществ: за многими резонансными случаями стоят криминальные группировки с устойчивым финансированием, внешней разведкой и логистической поддержкой. Сам побег из мест лишения свободы превратился не только в юридический факт уклонения от наказания, но и в значимое медиасобытие, способное нанести существенный урон репутации всей правоохранительной системы [Fontes, 2022; Pakes, Gunnlaugsson, 2024; Khimedenova, Tarikin, 2025; Peterson, 2024]. В совокупности эти изменения требуют пересмотра теоретических моделей и практических мер реагирования.

Ключевым открытием криминологов последних лет стал тезис о том, что массовое сознание систематически формирует ошибочный образ изучаемого явления. Вопреки голливудским сценариям реальность оказывается прозаичнее, но от этого не менее важна для понимания.

Большинство побегов носит ненасильственный характер, что прямо противоречит распространенному страху перед «опасными беглецами», не имеющему статистических оснований. Значительная доля таких инцидентов относится к категории оппортунистических: осужденный использует случайно возникшую возможность – ослабление контроля, техническую неисправность оборудования либо человеческий фактор со стороны персонала. Речь идет именно о спонтанном решении в условиях временно ослабленного надзора. Статистика возвращения служит дополнительным аргументом: более 92 % лиц, самовольно оставивших место содержания под стражей, в итоге оказываются вновь взятыми под надзор [Peterson, 2024]. Это опровергает миф о том, что «идеальный побег» является частым или реалистичным явлением. Напротив, планы оставления места лишения свободы, если и существуют в формализованном виде, редко бывают сложными или хорошо продуманными; чаще они импульсивны, плохо подготовлены и заканчиваются как правило задержанием в ближайшее время.

Особого внимания заслуживают психологические триггеры, побуждающие осужденного к данному шагу. Ключевой вывод, полученный в зарубежных исследованиях, заключается в том, что непосредственным толчком часто служит не длительное вынашивание замысла, а конкретное катализирующее событие – феномен, получивший образное наименование «эффект захлопнувшейся клетки». Лицо, отбывающее наказание или находящееся под следствием, получает негативные новости о своем правовом статусе: отказ в условно-досрочном освобождении, известие о переводе в учреждение с более строгим режимом либо предъявление обвинения в новом преступлении. В такой момент психологическое давление становится трудно переносимым, и побег начинает восприниматься не как спланированный акт, а как единственный доступный, пусть и иррациональный, способ избежать краха надежд на скорое освобождение [Fontes, 2022; Pakes, Gunnlaugsson, 2024; Khimedenova, Tarikin, 2025; Schneider, 2023]. Многие авторы подтверждают, что состояние стрессовой нестабильности является значимым маркером повышенной «побеговой активности». Таким образом, психологический профиль лица, склонного к оставлению мест лишения свободы, включает черты человека, переживающего острый экзистенциальный и правовой кризис [Fontes, 2022; Pakes, Gunnlaugsson, 2024].

Социальный профиль (портрет) «беглеца», реконструируемый на основе современных данных, имеет как общие, так и национально-специфические черты. В международном контексте это, как правило, мужчина трудоспособного возраста, ранее судимый, чаще всего совершавший побег из учреждений с минимальным уровнем безопасности или во время работы за пределами колонии [Модестов и др., 2024]. Однако интерес представляет не столько демографическая характеристика, сколько механизм принятия решения. Мировая пенитенциарная система фиксирует перманентное снижение абсолютного числа побегов, что свидетельствует о повышении уровня контроля и внедрении новых информационных технологий, однако само явление остается проблемой, требующей комплексного междисциплинарного подхода [Khimedenova, Tarikin, 2025; Schneider, 2023].

Международный сравнительный анализ осложняется разрывом в правовой дефиниции самого понятия «стража» в различных юрисдикциях. Верховный суд Нью-Йорка в деле People v. Antwine (2008) постановил, что побег считается совершенным в момент физического освобождения от контроля конвоира, даже если лицо не покинуло здание больницы. Напротив, Девятый окружной апелляционный суд США в деле U.S. v. Burke (2012) указал, что самовольный уход из центра реинтеграции является нарушением условий освобождения, но не

образует состава побега из-под стражи в уголовно-правовом смысле [Dirga, 2025; Fontes, 2022; Khimedenova, Tarikin, 2025; Pakes, Gunnlaugsson, 2024; Peterson, 2024; Peterson et al., 2023]. Без учета подобных различий любое международное сопоставление статистических данных или правовых последствий становится некорректным, что требует тщательного доктринального анализа и унификации понятийно-категориального аппарата термина «побег из-под стражи».

Переходя к вопросам профилактики, следует отметить, что наиболее распространенный подход строился преимущественно на фортификации – увеличении высоты стен, установке дополнительных решеток, вооруженной охране и технических средствах блокирования. Однако исследования последних лет, включая результаты, опубликованные в 2025 году, предлагают сместить фокус на социально-психологическую поддержку [Khimedenova, Tarikin, 2025]. В научный оборот вводится понятие программ поддержки в период перехода и после освобождения. Возвращаясь к выводу о катализирующей роли негативных новостей, эффективным ответом становится не просто усиление изоляции после получения лицом «плохих известий», а предоставление усиленной психологической помощи именно в кризисный момент. Такой подход базируется на модели оценки индивидуальных рисков и потребностей. Программы поддержки должны начинаться до освобождения, продолжаться после него и быть персонализированными, ориентированными на факторы, повышающие уязвимость индивида к импульсивному решению о побеге [Новиков, 2020]. Психологическая работа становится не дополнением к физической охране, а центральным элементом системы профилактики.

Отдельный пласт проблемы – побеги во время конвоирования. Анализ действий специальных подразделений показывает, что преступные схемы постоянно эволюционируют: используется не только физическое воздействие, но и психологическое давление на сотрудников пенитенциарных учреждений, методы отвлечения внимания, а также инженерные особенности транспортных средств. В качестве ответа предлагается внедрение технологий отслеживания перемещений конвоируемых лиц посредством трекеров и систем спутниковой навигации для спецконтингента, а также улучшение межведомственного взаимодействия. Современные рекомендации перекликаются с более ранними зарубежными данными о необходимости усиления контроля за перемещением осужденных с поправкой на специфику конвойной службы, где фактор внезапности и ограниченного пространства играет особую роль.

Значение приведенных выводов для уголовно-исполнительной системы трудно переоценить. П. Петерсон и его коллеги обнаружили, что федеральные суды в США зачастую назначают неоправданно суровые приговоры подсудимым, у которых в прошлом были случаи побега из-под стражи. Судьи исходят из неявного предположения, что раз человек уже сбегал, значит, он представляет повышенную опасность для общества [Peterson, 2024]. Между тем, как уже отмечалось подавляющее большинство побегов совершается ненасильственно и оппортунистически, без угрозы для окружающих. Юридические последствия, однако, зачастую не делают различия между лицом, самовольно ушедшим за пределами колонии и вернувшимся через день, и субъектом, применившим физическое принуждение к сотруднику УИС.

Отметим, современное научное понимание феномена побегов предлагает дифференцированную модель, учитывающую психологические триггеры, оппортунистический характер большинства действий, высокую вероятность возвращения и, главное, ненасильственную природу типичного случая. Прогресс в этой сфере лежит не в плоскости дальнейшего ужесточения режима. Наиболее перспективные решения находятся в области точного психологического прогнозирования и социальной инженерии. Лицо, склонное к побегу, – это не «профессиональный преступник», а отчаявшийся человек, находящийся в критической

ситуации после получения разрушительных новостей о своем правовом статусе. Соответственно, эффективными инструментами профилактики становятся своевременная психологическая поддержка, позволяющая погасить импульс к оппортунистическому действию, и персонифицированные системы контроля, повышающие неизбежность возвращения под надзор. Технологии слежения сами по себе не предотвращают желание бежать, но значительно снижают вероятность успеха побега из-под стражи, действуя как рациональный сдерживающий фактор.

Побеги останутся частью пенитенциарной реальности в обозримом будущем, однако профилактика рассматриваемого феномена постепенно переходит из разряда сугубо физической охраны в разряд поведенческой аналитики и социальной работы. Это не означает отказа от технических средств надзора и контроля или смягчения ответственности за совершенные противоправные деяния. Речь идет о трансформации парадигмы в системе, в которой равное место занимает понимание психологии лица, содержащегося под стражей, и своевременное вмешательство в момент его психологического кризиса. Такой комплексный подход, сочетающий гуманные и технологические компоненты, позволяет не только снизить абсолютное число побегов, но и сделать систему более справедливой, дифференцированной и адекватной реальной природе явления.

Заключение

Проведенный анализ, основанный на современных зарубежных исследованиях, позволяет не только констатировать устойчивое несоответствие между массовыми стереотипами и реальной природой побегов из мест лишения свободы, но и предложить концептуально новый подход к пониманию и профилактике данного явления.

Ключевым выводом становится признание того, что типичный побег из-под стражи – это социально-психологический феномен, коренящийся в кризисе конкретного человека, столкнувшегося с крушением надежд ... Оппортунистический, ненасильственный и плохо спланированный характер большинства таких действий, а также точечная природа психологических триггеров («эффект захлопнувшейся клетки») принципиально меняют акценты в профилактике. Вместо наращивания фортификационных мер на передний план выходят технологии поведенческой аналитики и своевременной социально-психологической поддержки, превращающие систему в инструмент управления рисками и ресоциализации.

Будущее предотвращения побегов заключается в междисциплинарном синтезе криминологии, психологии и цифровых технологий контроля. Своевременная кризисная интервенция, персонализированные программы поддержки на этапе перехода к освобождению и умные системы мониторинга, повышающие неизбежность возвращения.

Библиография

1. Андриянов, Р. В. Уголовно-правовая ответственность за побег из пенитенциарных учреждений по законодательству зарубежных стран / Р. В. Андриянов // Право и политика. – 2016. – № 3. – С. 321-325. – DOI 10.7256/1811-9018.2016.3.15806. – EDN VPVARF.
2. Алгоритм и прогноз поведенческих реакций индивида при совершении побега из-под стражи или уклонения от отбывания уголовного наказания : учебно-методическое пособие / С. А. Модестов, Д. Е. Дикопольцев, О. В. Бесчастнова [и др.]. – Москва : ООО "Сам Полиграфист", 2024. – 120 с. – (Криминология). – ISBN 978-5-00227-409-3. – EDN UPYPTA.
3. Дикопольцев, Д. Е. Анализ особенностей индивида, совершившего побег из-под стражи или уклоняющегося от

отбывания наказания / Д. Е. Дикопольцев, Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 8-1. – С. 151-158. – EDN TMOOMM.
4. Епифанов С.С., Ткаченко Н.И., Шерхов Р.Р. Предупреждение и раскрытие побегов осужденных: оперативно-розыскной, юридико-психологический и криминологический аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4(232). С. 467-471. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_4_467
5. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Стратегия и тактика пенитенциарной педагогики в отношении осужденных без изоляции от общества. Концептуальный подход // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 5-1. С. 255-261. DOI:10.34670/AR.2020.22.33.025
6. Новиков, А. В. Актуальные проблемы пенитенциарного воздействия на осужденных лиц, склонных к захвату заложников, по признаку вероятности совершения противоправных деяний / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 3-1. – С. 115-121. – DOI 10.34670/AR.2020.93.3.019. – EDN KBDWKB.
7. Некишев, В. Л. Проблемные стороны состава преступления: побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи / В. Л. Некишев, В. П. Ежов // Гуманитарные научные исследования. – 2019. – № 4(92). – С. 7.
8. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2026618541 Российская Федерация. Программное средство «Алгоритм и прогноз поведенческих реакций индивида при совершении побега или уклонения от отбывания уголовного наказания» : заявл. 11.03.2026 : опубл. 25.03.2026 / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая, Е. Г. Царькова [и др.] ; заявитель Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний».
9. Aebi M. F., Cocco E. Prisons and prisoners in Europe 2023: Key findings of the SPACE I report. – 2024.
10. Dirga L. When, How and Where: Recapturing Prison Escapees //Sociológia-Slovak Sociological Review. – 2025. – Т. 57. – №. 6. – С. 505-525.
11. Fontes A. W. Becoming fugitive: Prison breaks and the space of punishment //Environment and Planning D: Society and Space. – 2022. – Т. 40. – №. 5. – С. 786-804.
12. Fontes A. W. Becoming fugitive: Prison breaks and the space of punishment //Environment and Planning D: Society and Space. – 2022. – Т. 40. – №. 5. – С. 786-804.
13. Khimedenova D. N., Tarikin V. K. Shadows of Freedom: a modern look at escaping from correctional institutions //Police and investigative activities. – 2025. – №. 1. – С. 71-82.
14. Pakes F., Gunnlaugsson H. Prison break—or a break from prison? Reflections on escapes from Icelandic prisons //Nordic Journal of Criminology. – 2024. – Т. 26. – №. 1. – С. 1-18.
15. Peterson B. E. Catch ‘em if you can: examining how often and how quickly people who escape from prisons and jails are recaptured: BE Peterson //Security Journal. – 2024. – Т. 37. – №. 3. – С. 1123-1143.
16. T. Schneider L. Let me take a vacation in prison before the streets kill me! Rough sleepers’ longing for prison and the reversal of less eligibility in neoliberal carceral continuums //Punishment & Society. – 2023. – Т. 25. – №. 1. – С. 60-79.
17. Warr J. The imposition of power through touch: A sensory criminology approach to understanding body searches //Body searches and imprisonment. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – С. 7-25.
18. Peterson B. et al. Prison contraband: Prevalence, impacts, and interdiction strategies //Corrections. – 2023. – Т. 8. – №. 5. – С. 428-445.

Criminology of Escapes from Custody in Penitentiary Institutions of Foreign Countries: An Analytical Review

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15-a, Narvskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

Based on a synthesis of recent foreign studies, the article critically revises established ideas about the phenomenon of unauthorized absence from places of imprisonment and restriction of

liberty. It is shown that mass consciousness, cinema, and judicial practice often rely on the "powder keg theory," which shapes the image of an escape as a rare, technologically complex, and violent event. Empirical data refute this myth: the majority of escapes are typically non-violent, opportunistic, and impulsive in nature, occur in minimum-security institutions, and the predominant number of those who escape are eventually returned to supervision by law enforcement officers. Particular attention is paid to psychological triggers, such as negative news about the legal status of a convict (denial of parole, transfer to a stricter regime, new charges). Differences in the legal definition of escape across international jurisdictions and their impact on comparative statistics are analyzed. In conclusion, the necessity of transitioning to a differentiated, psychologically oriented, and technologically supported model of counteracting the phenomenon under consideration is substantiated.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) Kriminologiya pobegov iz-pod strany v penitenciarnyh uchrezhdeniyah zarubezhnyh stran: analyticheskiy obzor [Criminology of Escapes from Custody in Penitentiary Institutions of Foreign Countries: An Analytical Review]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 438-445. DOI: 10.34670/AR.2026.73.59.039

Keywords

Penitentiary system, convicts, escape from custody, opportunistic escape, non-violent escape, psychological triggers, catalyzing events, escape prevention, socio-psychological support, escorting, legal qualification of escape, differentiation of punishment, resocialization.

References

1. Andriyanov, R. V. Ugolovno-pravovaya otvetstvennost' za pobeg iz penitenciarnyh uchrezhdenij po zakonodatel'stvu zarubezhnyh stran / R. V. Andriyanov // Pravo i politika. – 2016. – № 3. – S. 321-325. – DOI 10.7256/1811-9018.2016.3.15806. – EDN VPVARF.
2. Algoritm i prognoz povedencheskih reakcij individa pri sovershenii pobega iz-pod strazhi ili ukloneniya ot otbyvaniya ugolovnogo nakazaniya : uchebno-metodicheskoe posobie / S. A. Modestov, D. E. Dikopol'cev, O. V. Beschastnova [i dr.]. – Moskva : OOO \"Sam Poligrafist\", 2024. – 120 s. – (Kriminologiya). – ISBN 978-5-00227-409-3. – EDN UPYPTA.
3. Dikopol'cev, D. E. Analiz osobennostej individa, sovershivshego pobeg iz-pod strazhi ili uklonyayushchegosya ot otbyvaniya nakazaniya / D. E. Dikopol'cev, D. N. Slabkaya, A. V. Novikov // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2024. – T. 14, № 8-1. – S. 151-158. – EDN TMOOMM.
4. Epifanov S.S., Tkachenko N.I., Sherhov R.R. Preduprezhdenie i raskrytie pobegov osuzhdennyh: operativno-rozysknoj, yuridiko-psihologicheskij i kriminologicheskij aspekty // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 4(232). S. 467-471. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_4_467
5. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Strategiya i taktika penitenciarnoj pedagogiki v otnoshenii osuzhdennyh bez izolyacii ot obshchestva. Konceptual'nyj podhod // Pedagogicheskij zhurnal. 2020. T. 10. № 5-1. S. 255-261. DOI:10.34670/AR.2020.22.33.025
6. Novikov, A. V. Aktual'nye problemy penitenciarnogo vozdejstviya na osuzhdennyh lic, sklonnyh k zahvatu zalozhnikov, po priznaku veroyatnosti sovershen'ya protivopravnyh deyanij / A. V. Novikov // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2020. – T. 10, № 3-1. – S. 115-121. – DOI 10.34670/AR.2020.93.3.019. – EDN KBDWKB.
7. Nekishev, V. L. Problemnye storony sostava prestupleniya: pobeg iz mest lisheniya svobody, iz-pod aresta ili iz-pod strazhi / V. L. Nekishev, V. P. Ezhov // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. – 2019. – № 4(92). – S. 7.
8. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlya EVM № 2026618541 Rossijskaya Federaciya. Programmnoe sredstvo «Algoritm i prognoz povedencheskih reakcij individa pri sovershenii pobega ili ukloneniya ot otbyvaniya ugolovnogo nakazaniya» : zayavl. 11.03.2026 : opubl. 25.03.2026 / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya, E. G. Car'kova [i dr.] ; zayavitel' Federal'noe kazennoe uchrezhdenie «Nauchno-issledovatel'skij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij».

9. Aebi M. F., Cocco E. Prisons and prisoners in Europe 2023: Key findings of the SPACE I report. – 2024.
10. Dirga L. When, How and Where: Recapturing Prison Escapees //Sociológia-Slovak Sociological Review. – 2025. – T. 57. – №. 6. – S. 505-525.
11. Fontes A. W. Becoming fugitive: Prison breaks and the space of punishment //Environment and Planning D: Society and Space. – 2022. – T. 40. – №. 5. – S. 786-804.
12. Fontes A. W. Becoming fugitive: Prison breaks and the space of punishment //Environment and Planning D: Society and Space. – 2022. – T. 40. – №. 5. – S. 786-804.
13. Khimedenova D. N., Tarikin V. K. Shadows of Freedom: a modern look at escapin3 from correctional institutions //Police and investigative activities. – 2025. – №. 1. – S. 71-82.
14. Pakes F., Gunnlaugsson H. Prison break—or a break from prison? Reflections on escapes from Icelandic prisons //Nordic Journal of Criminology. – 2024. – T. 26. – №. 1. – S. 1-18.
15. Peterson B. E. Catch ‘em if you can: examining how often and how quickly people who escape from prisons and jails are recaptured: BE Peterson //Security Journal. – 2024. – T. 37. – №. 3. – S. 1123-1143.
16. T. Schneider L. Let me take a vacation in prison before the streets kill me! Rough sleepers’ longing for prison and the reversal of less eligibility in neoliberal carceral continuums //Punishment & Society. – 2023. – T. 25. – №. 1. – S. 60-79.
17. Warr J. The imposition of power through touch: A sensory criminology approach to understanding body searches //Body searches and imprisonment. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – S. 7-25.
18. Peterson B. et al. Prison contraband: Prevalence, impacts, and interdiction strategies //Corrections. – 2023. – T. 8. – №. 5. – S. 428-445.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.1 **DOI: 10.34670/AR.2026.63.60.047**

Трансформация подхода к доказыванию и переосмысление системы источников доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации под влиянием результатов применения информационных технологий

Шикула Ильмира Рифкатьевна

Профессор, академик РАЕН,
кафедра прикладного правоведения
и междисциплинарных юридических исследований,
факультет Высшая школа прикладной юриспруденции,
Российский государственный гуманитарный университет;
Главный научный сотрудник,
научно-исследовательская лаборатория изучения актуальных вопросов права,
Донбасский государственный университет юстиции;
член экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ
по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства,
125047, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Булгакова Оксана Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский проспект, 17;
e-mail: o.bulgakova@mmu.ru

Панов Александр Вадимович

Студент,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский проспект, 17;
e-mail: panov.sasha02@gmail.com

Аннотация

Авторами статьи исследуется процесс трансформации системы источников доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации в условиях активного применения информационных технологий, анализируются исторический контекст, проблемы использования цифровых следов, судебная практика Верховного Суда РФ 2022–2025 гг., а также позиции ведущих процессуалистов по данной проблематике. Особое внимание уделено авторским предложениям по закреплению электронных (цифровых)

доказательств как самостоятельного седьмого вида источников доказательств в ст. 74 УПК РФ и внесению конкретных изменений в статьи 82, 88, 164.1, 185 и 186.1 УПК РФ.

Для цитирования в научных исследованиях

Шикула И.Р., Булгакова О.А., Панов А.В. Трансформация подхода к доказыванию и переосмысление системы источников доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации под влиянием результатов применения информационных технологий // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 446-456. DOI: 10.34670/AR.2026.63.60.047

Ключевые слова

Электронные доказательства, цифровые доказательства, источники доказательств, уголовное судопроизводство, цифровизация, достоверность, блокчейн.

Введение

Цифровизация общественных отношений и внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в сферу уголовного судопроизводства обусловили существенные изменения в механизме формирования и исследования доказательственной базы. Расширение практики использования электронных данных в качестве доказательств актуализирует проблему трансформации системы источников доказательств, закрепленной в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Изменения объективно ставят под сомнение достаточность классической модели источников доказательств, закрепленной в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Основная часть

Нормативная конструкция, предусмотренная ст. 74 УПК РФ, формирует исчерпывающий перечень видов доказательств, ориентированный на традиционные формы фиксации информации, предполагающие наличие материального носителя. Вместе с тем современная правоприменительная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к активному использованию результатов применения информационных технологий — электронных документов, цифровых следов, данных, содержащихся на электронных носителях и в информационных системах. Указанные сведения обладают специфическими свойствами, такими как: нематериальный характер, воспроизводимость, изменяемость, зависимость от технических средств верификации - что затрудняет их интеграцию в существующую систему доказательств без соответствующей теоретико-правовой адаптации.

Дополнительную актуальность исследуемой проблеме придают изменения уголовно-процессуального законодательства последних лет, включая введение норм, регламентирующих использование электронных документов на досудебной и судебной стадиях, а также разъяснения высших судебных инстанций, направленные на формирование единых подходов к оценке цифровых данных. Вместе с тем отсутствие легального определения электронных (цифровых) доказательств и единых стандартов их получения, фиксации и исследования обуславливает неоднородность судебной практики и повышает риски признания таких доказательств недопустимыми. В юридической науке сформировались различные подходы к

определению правовой природы электронных доказательств и их месту в системе источников доказательств. Одни исследователи обосновывают необходимость их выделения в самостоятельный вид доказательств, другие исходят из возможности их квалификации в рамках уже существующих категорий при условии совершенствования процессуальной регламентации. Отсутствие единства научных позиций свидетельствует о наличии теоретической и прикладной проблемы, требующей комплексного исследования.

В связи с этим представляется необходимым системный анализ действующего уголовно-процессуального регулирования, судебной практики и доктринальных подходов к проблеме использования результатов применения информационных технологий в доказывании, направленный на выявление существующих пробелов и формирование предложений по совершенствованию законодательства.

Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном уголовно-процессуальным законом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Перечень видов доказательств закрытый: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта, специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы. Все это представлено в материалах дела на физических носителях информации, и составлено следователем. Информация, зафиксированная на физическом носителе, трудно поддается изменениям и фальсификации, которые будут не заметны при исследовании специалистом. Это является важным принципом классических доказательств, входящих в систему доказывания.

Формально-юридический анализ предоставляет информацию о том, что традиционная система ориентирована на материальные носители и вербальные формы фиксации, что было указано выше. Электронная информация изначально не встраивалась в данную структуру, однако ее пытались подводить либо под вещественные доказательства по ст. 81 УПК РФ, либо под иные документы по ст. 84 УПК РФ, согласно нормам о доказательствах, применяемых в судебном делопроизводстве. Однако, такой подход игнорировал специфику цифровых данных, а именно их динамичность, возможность мгновенного копирования, риск фальсификации без видимых следов и необходимость специальных средств верификации данных.

Результаты применения ИТ (данные с электронных носителей, переписка в мессенджерах, скриншоты, файлы, цифровые следы) обладают принципиально иной правовой природой. Это сведения, представленные в электронной не физической форме изначально и пригодные для восприятия человеком (следователем, дознавателем, судьей) с помощью технических средств. Они отвечают требованиям относимости, допустимости и достоверности согласно ст. 88 УПК РФ, однако требуют особого порядка изучения и получения оригинала информации в соответствии со статьями: ч. 2.1 ст. 82, ст. 164.1, 185, 186.1 УПК РФ - осмотр, выемка с участием специалиста, фиксация целостности. Но, в связи с неоднозначностью понятия «электронных доказательств», по причине отсутствия их физических оригиналов, в процессуальной научной сфере по вопросам законодательной практике и уголовно-процессуальном законе, сложились две полярные позиции.

Первая - за признание и развитие электронных доказательств. За нее выступают: М.И. Воронин, обосновывающий необходимость выделения их («электронных доказательств») в самостоятельный вид доказательств: «современные технологии порождают принципиально новые формы фиксации информации, которые не укладываются в традиционные

процессуальные категории». Он подчеркивает динамическую природу цифровых данных и риски игнорирования их специфики [Воронин, 2019].

В статье «Электронные доказательства в УПК: быть или не быть?» (Lex russica. 2019. № 7. С. 74-84) М.И. Воронин развивает эту мысль и прямо указывает: «Попытки подвести электронные доказательства под понятие вещественных или письменных доказательств игнорируют их динамическую природу, особенности собирания и исследования» (с. 81). Эта позиция подкреплена практикой: Постановление Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37 прямо ориентирует суды на оценку электронных следов в делах о компьютерных преступлениях и преступлениях, совершенных с использованием ИТ-сетей. Как показывает анализ данного Постановления, суды обязаны проверять относимость, допустимость и достоверность электронных данных путем их сопоставления с иными доказательствами (п. 5, 10-12, 20-22 Постановления). Предполагается, что это разъяснение Пленума уже закладывает основу трансформации взгляда на доказывание, поскольку впервые на высшем судебном уровне подчеркивается специфика цифровых следов и необходимость особого подхода к их оценке. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 15.10.2024 № 4-УД24-41-А1 по делу о производстве и сбыте наркотиков наглядно демонстрирует применение этого подхода: данные с мобильного телефона, ноутбука и переписка в мессенджерах были признаны допустимыми доказательствами умысла на серийное производство и сбыт. Судебная коллегия прямо указала, что цифровые следы могут выступать самостоятельным источником сведений при условии их надлежащей фиксации и верификации метаданных. Аналогичную позицию занимает кассационное определение ВС РФ от 13.06.2024 № 224-УД24-12-А6, где электронные носители с идеолого-пропагандистскими материалами были приняты после проверки целостности. Такой же подход последовательно применяют нижестоящие суды. Например, в приговоре Октябрьского районного суда г. Уфы от 25.04.2024 по делу № 1-238/2024 переписка в мессенджере была принята как допустимое доказательство после осмотра с участием специалиста и верификации метаданных. Апелляционная инстанция Челябинского областного суда (определение от 10.07.2024) и кассационный суд (Седьмой кассационный суд общей юрисдикции, определение от 07.02.2025 по делу № 77-267/2025) оставили это решение в силе, подтвердив, что цифровые следы могут использоваться самостоятельно при соблюдении процедуры.

С.В. Зуев, предлагающий систему информационно-технологических и правовых мер для оптимизации собирания и фиксации электронных доказательств [Зуев, 2020].

В работе «Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве» (2020) С.В. Зуев подчеркивает, что «электронные доказательства в уголовном судопроизводстве становятся привычным делом» и предлагает четкие критерии допустимости, относимости и достоверности, включая обязательную фиксацию целостности данных. Подход подтверждается судебной практикой: в кассационных определениях ВС РФ 2024-2025 гг. по делам о дистанционных преступлениях электронные документы, заверенные квалифицированной электронной подписью, были признаны равнозначными бумажным и использованы для доказывания вины (с учетом ст. 474.1 и 474.2 УПК РФ), что обеспечило процессуальную экономию и соблюдение разумного срока.

Но, существует и противоположное мнение позиции о внесении изменений. Ряд ученых - процессуалистов, изучающие вопрос о новых видах доказательств, высказываются о том, что «электронные доказательства» не требуют отдельных изменений в статьях или же выделения новой. По их мнению, нынешний УПК требует лишь некоторых корректировок и внесения

дополнительных формулировок. Против широкого введения и самостоятельного статуса высказываются некоторые исследователи.

А.М. Баранов, называющий электронные доказательства «иллюзией уголовного процесса XXI в.»: они не обладают самостоятельной природой и должны относиться к иным документам или вещественным доказательствам после надлежащей фиксации [Баранов, 2019]. В статье «Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в.» (Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64-69)

А.М. Баранов прямо пишет, что «электронные данные, будучи зафиксированными на материальном носителе, приобретают свойства вещественного доказательства», а их содержание обычно воспроизводится в письменном виде, что окончательно сближает их с традиционными видами. Критика подкреплена практикой: кассационное Определение Верховного суда РФ от 05.10.2024, где скриншоты переписки с дефектами изображения исключены как недостоверные; апелляционные и кассационные определения 2023-2024 гг., в которых электронные носители, изъятые без участия специалиста (нарушение ст. 164.1 УПК РФ), признавались недопустимыми, что приводило к отмене приговоров и возвращению дел прокурору. Аналогичные случаи встречаются и на уровне районных судов. Например, в определении от 21.05.2025 по делу № 2-45/2024 Верховный Суд РФ отметил, что телефоны как электронные носители были изъяты без участия специалиста в нарушении ст. 164.1 УПК РФ, что повлекло исключение доказательств уже на стадии апелляции и кассации.

Ю.Н. Соколов, акцентирующий системные пробелы: отсутствие легального определения, противоречия с институтом обыска, угрозы конституционным правам [Соколов, 2017].

В статье «Электронный носитель информации в уголовном процессе» (Информационное право. 2017. № 3. С. 12-15) Ю.Н. Соколов подчеркивает отсутствие легального определения электронных доказательств, противоречия с институтом обыска и реальные угрозы конституционным правам граждан. Выводы иллюстрируются судебной практикой: определения ВС РФ 2024-2025 гг., где электронные носители, осмотренные без соблюдения ст. 164.1 УПК РФ, исключались из доказательственной базы; Постановление Пленума ВС РФ № 37 (2022) косвенно подтверждает риски, требуя от судов особой осторожности при оценке электронных следов.

Исходя из изучения материалов данных статей, можно сделать предварительный вывод о несовершенстве закона в отношении «электронных доказательств». В нынешний форме, данные доказательства подводятся под имеющуюся статью, однако отсутствует стандартизация по вопросам изъятия и хранения. Согласно судебной практики, суды принимают и квалифицируют «электронные доказательства» исходя из установленных норма закона не учитывающих специфику. Так же они отклоняют данные доказательства на основе статей и постановлений, которые игнорируют особенности новых форм доказательств.

В уголовно-процессуальном законе переломным периодом, явилось принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. Им была введена ст. 474.1 УПК РФ - порядок использования электронных документов в судебном производстве, а также Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ. Уже этим Федеральным законом была введена ст. 474.2 УПК РФ - порядок в досудебном производстве, а также изменения ст. 222 УПК РФ. Данные изменения позволили начаться дискуссиям о статусе доказательств с новой силой. Теперь ходатайства, жалобы, представления, копии обвинительного заключения могут подаваться и направляться в электронной форме с усиленной квалифицированной электронной подписью. С незначительными поправками на наличии технической возможности и отсутствии охраняемой

тайны. Это напрямую повлияло на систему источников доказательств: электронные документы приобретают равный статус с бумажными, а результаты ИТ интегрируются в процессуальные действия на всех стадиях.

Основные проблемы - это обеспечение достоверности и целостности, риск модификации, фальсификации, участие специалиста, соблюдение процедуры по ст. 164.1 УПК РФ. А также появляющийся вопрос о соотношении с тайной личной жизни и тайной переписки. Эти положения закреплены Конституцией Российской федерации в статье 23.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.12.2022 № 37 разъясняет судам порядок оценки электронных следов: суды обязаны проверять относимость, допустимость и достоверность таких данных путем сопоставления с иными доказательствами (ст. 87-88 УПК РФ). Предполагается, что данное Постановление стало поворотным моментом: практика 2023-2025 годов показывает, что суды все чаще применяют его разъяснения, однако отсутствие законодательного закрепления понятия «электронное доказательство» приводит к неоднородности оценок. В кассационных определениях Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховный суд РФ 2023-2025 гг. неоднократно подчеркивалось, что электронные доказательства допустимы только при фиксации специалистом, верификации метаданных и отсутствии признаков фальсификации. Примерами являются дела, где скриншоты и данные с телефонов исключены из-за нарушения порядка изъятия, а также дела, где электронные копии обвинительных заключений (ст. 474.2) признаны равнозначными бумажным. В частности, кассационное определение ВС РФ от 27.03.2025 № 4-УД24-58- по делу об организации преступного сообщества подтвердило, что данные с электронных устройств могут служить самостоятельным доказательством участия в ОПС только при строгом соблюдении ст. 164.1 УПК РФ. Это еще раз подчеркивает авторскую позицию: без введения отдельного вида доказательств практика будет продолжать «подгонять» цифровые следы под устаревшие категории, что создает риски как для обвинения, так и для защиты.

Исходя из выше изложенного следует подчеркнуть, что практика судов устанавливает новое положение «электронных доказательств», а значит сама система доказывания трансформируется на их основе. Доказательства, полученные через ИТ теперь классифицируются не только как дополнительные, но и как вещественные. Однако все еще, механизма, позволяющего стандартизировать процедуры нет. Суды, защита и обвинения исходят из рекомендации и постановлений и в разных ситуациях одинаково полученные электронные доказательства, могут классифицироваться по-разному, тем самым иметь разный вес или вовсе быть признанными несущественными или полученными с нарушениями.

Примененные методы позволили объективно показать, что использование результатов ИТ как доказательств обусловило изменение парадигмы доказывания и переосмысление системы источников доказательств по УПК РФ. Формально-юридический анализ норм и доктринальных позиций (Воронин, Зуев - за; Баранов, Соколов - против), подкрепленных примерами судебной практики Верховного суда РФ (Постановление Пленума № 37, кассационные определения 2022-2025 гг.), выявил как преимущества в виде процессуальная экономия, скорость, так и риски в виде нарушения прав, недопустимость.

В результате рассмотренных в работе вопросов, и работы с поставленными целями можно констатировать, что цифровые следы уже давно перестали быть вспомогательным материалом и превратились в самостоятельный, полноценный источник доказательств. Сегодня они обладают собственной правовой природой, которая не укладывается в рамки традиционных категорий ст. 74 УПК РФ. Поэтому появилась острая необходимость законодательно закрепить

понятие «электронное (цифровое) доказательство» как отдельный, седьмой вид доказательств. Без этого суды и следователи будут продолжать «подгонять» новые реалии под старые нормы, что приводит к неоднородной практике, отменам приговоров и нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства.

Но среди практиков так же сходит дискурс: а зачем вообще выделять электронные доказательства в отдельный вид и вносить изменения в уголовно-процессуальный закон? Так как сейчас их и так принимают: то, как вещественные, то, как иные документы. Без глубокого правового анализа кажется, что все работает. Но чем глубже изучалась данная тема и существующие судебные практики, тем очевиднее становилось, что нынешний подход создает настоящую проблему. Суды в разных регионах по одним и тем же цифровым данным выносят совершенно разные решения. Один суд признает переписку в мессенджере полноценным доказательством вины, другой вполне может и даже исключает те же самые скриншоты из-за «отсутствия физического оригинала» или нарушения порядка осмотра. Следователи тратят лишнее время на споры, как именно оформить изъятие телефона, чтобы доказательство не «развалилось» в суде. Адвокаты получают мощный инструмент для обжалования, а потерпевшие и обвиняемые остаются в подвешенном состоянии. В итоге страдает главное - объективная истина и разумный срок. Именно поэтому высказано убеждение, что выделение электронных доказательств в самостоятельный вид - это не дань моде и не теоретические изыски. Это практическая необходимость, которая наконец-то внесет ясность в правила ведения дела для всех участников процесса, снимет лишние споры и позволит закону реально идти в ногу с цифровой реальностью. Следует дополнить, что «электронные доказательства» не призваны полностью изменить систему, а предлагаются как ее усовершенствование, то есть как механизм стандартизации сбора доказательств иной (нематериальной) природы. С четким алгоритмом действий, который защитит всех участников уголовного процесса и позволит рассматривать все аспекты в рамках тех или иных преступлений.

Для практической реализации этого вывода предлагается внести следующие конкретные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации:

1. Дополнить часть 2 статьи 74 УПК РФ новым пунктом 7 следующего содержания: «7) электронные (цифровые) доказательства - сведения в электронной форме, полученные, зафиксированные и исследованные в порядке, установленном настоящим Кодексом, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию».

2. Внести изменения в статьи 82, 164.1, 185 и 186.1 УПК РФ, предусмотрев обязательное участие специалиста при осмотре и выемке электронных носителей, фиксацию хеш-сумм файлов, метаданных и времени создания копий, а также возможность хранения электронных доказательств в специализированных защищенных хранилищах государственных информационных систем и использование систем «block chain».

3. Дополнить статью 88 УПК РФ положением, устанавливающим особый порядок оценки достоверности электронных доказательств с учетом их динамической природы и риска удаленной фальсификации.

Эти поправки не потребуют радикальной перестройки всего уголовно-процессуального закона, но дадут четкие правила действий в сборе, исследовании и использовании «электронных доказательств» для всех участников процесса и снимут большинство противоречий, которые наблюдаются на данный момент и в практике 2022-2026 гг.

Говоря о перспективах дальнейшей цифровизации доказывания, видна картина, которая уже

не кажется фантастикой, а вполне реализуема в ближайшие 5-7 лет. В пример можно привести создание единой федеральной цифровой платформы уголовного судопроизводства, где каждое электронное доказательство с момента его изъятия получает уникальный цифровой сертификат на основе технологии «block chain». Метаданные автоматически записываются в распределенный реестр, и любая попытка изменения мгновенно становится видимой для всех сторон процесса: от следователя до адвоката и суда. Искусственный интеллект в режиме реального времени анализирует переписку, геолокацию и цифровые следы, выделяя ключевые связи и предлагая следователю возможные версии событий, но окончательное решение, как и прежде, остается за человеком. Ходатайства, протоколы допросов и даже обвинительные заключения перемещаются между участниками процесса за секунды с помощью квалифицированной электронной подписи. Тайна переписки и личной жизни при этом не страдает, потому что доступ к данным строго регламентирован и контролируется судебным решением. Такая система не только резко сократит сроки расследования и судебного разбирательства, но и повысит уровень доверия граждан к правосудию. Так как когда каждый участник процесса видит один и тот же оригинал цифрового доказательства, защищенный от подделки, исчезает почва для подозрений в фальсификации и манипуляциях. Конечно, переход к такой модели потребует серьезных инвестиций в инфраструктуру и обучение сотрудников правоохранительных органов. Но первые шаги уже сделаны: электронные документы в судах, система «Электронное правосудие» и пилотные проекты по цифровизации досудебного производства в отдельных регионах показывают, что путь выбран верный.

Заключение

Таким образом, трансформация взгляда на доказывание, начавшаяся с появлением первых электронных следов, должна завершиться законодательным признанием электронных доказательств как самостоятельного вида доказательств. Только тогда уголовно-процессуальное право Российской Федерации действительно сможет победить противоречия, вызываемые стремительным развитием технологий, сохранив при этом главные принципы - законность, объективность и уважение к правам человека.

Библиография

1. Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64-69.
2. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7. С. 74-84.
3. Жмурова А.И., Вытовтов А.Е. К вопросу об использовании электронных (цифровых) доказательств в уголовном судопроизводстве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (16). С. 44-50.
4. Зуев С.В. Основы теории электронных доказательств: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 400 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
6. Ларионов О.Ю. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: теоретические и правоприменительные проблемы // Вестник Уральского государственного юридического университета. 2025. № 2. С. 45-58.
7. Нечаева М.С. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы правового регулирования и пути их решения // Научный вестник Брянского государственного университета. 2025. № 1. С. 292-300.
8. Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 1. С. 270-295.
9. Платонов В.В. Значение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 124-132.

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных технологий» // Российская газета. 2022. 28 декабря.
11. Соколов Ю.Н. Электронный носитель информации в уголовном процессе // Информационное право. 2017. № 3. С. 12-15.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
13. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3882.
14. Федеральный закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru.
15. Holt T.J. Digital Evidence in Criminal Investigations // European Journal of Criminology. 2023. Vol. 20. No. 4. P. 112-130.

Transformation of the Approach to Evidence and Reconsideration of the System of Sources of Evidence in Criminal Proceedings of the Russian Federation under the Influence of Results of the Use of Information Technologies

Ilmira R. Shikula

Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
Department of Applied Legal Studies and Interdisciplinary Legal Research,
Faculty of the Higher School of Applied Jurisprudence,
Russian State University for the Humanities;
Chief Researcher,
Research Laboratory for the Study of Current Legal Issues,
Donbass State University of Justice;
Member of the Expert Council of the Committee
of the State Duma of the Russian Federation on Family Protection,
Issues of Fatherhood, Motherhood and Childhood,
125047, 6, Miusskaya Square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Oksana A. Bulgakova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Civil and Criminal Law and Procedure,
Researcher of the Research Department,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: o.bulgakova@mmu.ru

Alexander V. Panov

Student,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: panov.sasha02@gmail.com

Abstract

The authors of the article investigate the process of transformation of the system of sources of evidence in criminal proceedings of the Russian Federation under conditions of the active use of information technologies, analyzing the historical context, problems of using digital traces, judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2022–2025, as well as the positions of leading procedural scholars on this issue. Special attention is paid to the authors' proposals for establishing electronic (digital) evidence as an independent seventh type of source of evidence in Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and introducing specific amendments to Articles 82, 88, 164.1, 185, and 186.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

For citation

Shikula I.R., Bulgakova O.A., Panov A.V. (2026) Transformatsiya podkhoda k dokazyvaniyu i pereosmysleniye sistemy istochnikov dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii pod vliyaniyem rezul'tatov primeneniya informatsionnykh tekhnologiy [Transformation of the Approach to Evidence and Reconsideration of the System of Sources of Evidence in Criminal Proceedings of the Russian Federation under the Influence of Results of the Use of Information Technologies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 446-456. DOI: 10.34670/AR.2026.63.60.047

Keywords

Electronic evidence, digital evidence, sources of evidence, criminal proceedings, digitalization, reliability, blockchain.

References

1. Baranov A.M. (2019). Elektronnyye dokazatel'stva: illyuziya ugolovnogo protsessa XXI v. [Electronic evidence: an illusion of criminal procedure of the 21st century]. *Ugolovnaya yustitsiya*, 13, 64-69.
2. Constitution of the Russian Federation. (1993). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2014(31), Art. 4398.
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on March 8, 2026). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2001(52), Art. 4921.
4. Federal Law No. 220-FZ of June 23, 2016 "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the use of electronic documents in the activities of judicial authorities". (2016). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 26(1), Art. 3882.
5. Federal Law No. 672-FZ of December 25, 2023 "On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". (2023). Official Internet Portal of Legal Information. http://publication.pravo.gov.ru
6. Holt T.J. (2023). Digital Evidence in Criminal Investigations. *European Journal of Criminology*, 20(4), 112-130.
7. Larionov O.Yu. (2025). Elektronnyye dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve: teoreticheskiye i pravoprimenitel'nyye problemy [Electronic evidence in criminal proceedings: theoretical and law enforcement problems]. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta*, 2, 45-58.
8. Nechaeva M.S. (2025). Elektronnyye dokazatel'stva v ugolovnom protsesse: problemy pravovogo regulirovaniya i puti ikh resheniya [Electronic evidence in criminal proceedings: problems of legal regulation and ways to solve them]. *Nauchnyy vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 292-300.

9. Pastukhov P.S. (2023). Kontseptsiya elektronnogo dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve [The concept of electronic evidence in criminal proceedings]. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(1), 270-295.
10. Platonov V.V. (2024). Znacheniye elektronnykh dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve [The importance of electronic evidence in criminal proceedings]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 8, 124-132.
11. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Resolution No. 37 of December 15, 2022 "On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication technologies". (2022). *Rossiyskaya gazeta*, December 28.
12. Sokolov Yu.N. (2017). Elektronnyy nositel' informatsii v ugolovnom protsesse [Electronic information carrier in criminal proceedings]. *Informatsionnoye pravo*, 3, 12-15.
13. Voronin M.I. (2019). Elektronnyye dokazatel'stva v UPK: byt' ili ne byt'? [Electronic evidence in the Criminal Procedure Code: to be or not to be?]. *Lex Russica*, 7, 74-84.
14. Zhmurova A.I., Vytovtov A.E. (2022). K voprosu ob ispol'zovanii elektronnykh (tsifrovykh) dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve [On the issue of using electronic (digital) evidence in criminal proceedings]. *Nauchnyy daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2(16), 44-50.
15. Zuev S.V. (2020). *Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv* [Fundamentals of the theory of electronic evidence]. Yurlitinform.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343 **DOI: 10.34670/AR.2026.94.91.048**

Уголовно-правовые риски распространения информации в социальных сетях: современные вызовы

Шикула Ильмира Рифкатьевна

Профессор, академик РАЕН,
кафедра прикладного правоведения
и междисциплинарных юридических исследований,
факультет Высшая школа прикладной юриспруденции,
Российский государственный гуманитарный университет;
Главный научный сотрудник,
научно-исследовательская лаборатория изучения актуальных вопросов права,
Донбасский государственный университет юстиции;
член экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ
по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства,
125047, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Булгакова Оксана Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 17;
e-mail: o.bulgakova@mmu.ru

Садовская Арина Дмитриевна

Студент,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 17;
e-mail: a-sadovskaya-05@mail.ru.

Аннотация

Сеть «Интернет» стала неотъемлемой частью жизни каждого гражданина. Общение в социальных сетях, мгновенный доступ к любой интересующей информации стали обыденными. Вместе с тем сеть «Интернет» может быть не только полезным инструментом, но и нести повышенную общественную опасность. Авторами рассмотрены основные уголовно-правовые риски и предложены рекомендации для пользователей по их минимизации, а также вызовы, с которыми сталкивается современное общество.

Для цитирования в научных исследованиях

Шикула И.Р., Булгакова О.А., Садовская А.Д. Уголовно-правовые риски распространения информации в социальных сетях: современные вызовы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 457-467. DOI: 10.34670/AR.2026.94.91.048

Ключевые слова

Уголовная ответственность, уголовно-правовые риски, современные вызовы, сеть «Интернет», социальные сети, рекомендации пользователям социальных сетей, распространение информации.

Введение

В условиях глобализации и цифровизации медиапространства, фейковые новости и дезинформация становятся серьезной угрозой, способной дестабилизировать общественно-политическую ситуацию и нарушить государственные интересы.

Так, в научной литературе справедливо отмечается: «Фейковая информация представляет собой ложные или искаженные сведения, которые распространяются с целью манипуляции общественным мнением, влияния на политические процессы, создания паники или подрыва доверия к государственным институтам. В условиях цифровизации информации, когда новости распространяются через социальные сети, мессенджеры и другие онлайн-платформы, такие материалы могут быстро охватить большие аудитории» [Яковенко, 2025].

Основная часть

В свою очередь, социальная сеть *(далее соцсети)* — это среда взаимодействия при помощи Интернета, в которой пользователи общаются, создают группы, сообщества и коллективы, обмениваются информацией, идеями, сообщениями и другим контентом. Главное отличие социальных сетей от классических сайтов и интернет-дневников заключается в том, что они формируются благодаря контенту, который создают сами пользователи сети. На персональных, корпоративных или новостных сайтах только ограниченный круг людей может публиковать информацию, для них существуют значительные ограничения на типы загружаемой информации. Социальная сеть предоставляет возможность публикации всем участникам [Монахов, 2012; Молотников, Архипов, 2017].

Согласно исследованию компании Mediascope (это технологичная исследовательская компания, лидер российского рынка медиаисследований, мониторинга рекламы и СМИ, анализа аудитории) по состоянию на октябрь 2025 года в сети «Интернет» регулярно бывает 105 млн человек — это 86% россиян старше 12 лет. При этом среднее время в сети - 4 часа 21 минута в день. Более половины времени в «Интернете» приходится на социальные медиа [TenChat, 2025].

Статистические данные, свидетельствующие о ежемесячной аудитории соцсетей в России в 2025 году [VC.ru, 2025]: в Контакте – 93.82 млн человек; Telegram – 90.57 млн человек; Rutube – 70.5 млн. человек позволяют сделать вывод, что большая часть населения пользуется сетью «Интернет», социальными сетями, следовательно, важно осознавать возрастающую значимость изучения уголовной ответственности, возможные риски за действия в социальных сетях в условиях цифровизации и высокой общественной опасности распространения ложной,

деструктивной информации.

Согласно статье 2 пункту 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Федеральный закон № 149-ФЗ, 2006] распространение информации – это действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц. Исходя из этого мы сталкиваемся с вызовами в области определения и борьбы с интернет-экстремизмом из-за сложностей в определении границы между свободой выражения и запрещенным контентом.

Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» [Федеральный закон № 114-ФЗ, 2002] определяет правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливает ответственность за её осуществление. Экстремистская деятельность (экстремизм) – это насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации, публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и др.

В соответствии с пунктом 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 №11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Постановление Пленума ВС РФ № 11, 2011] акт перепостинга предполагает размещение материала в сети «Интернет» или других информационных и телекоммуникационных сетях. Этот материал может быть создан самим пользователем или другим лицом, и им можно поделиться на своей странице или на страницах других пользователей.

Процесс репостирования информации включает передачу или повторное публикование контента, созданного другим пользователем, на своей собственной странице или профиле в социальных сетях или других платформах. Данный процесс может быть выполнен следующим образом [Феоктистов, 2023, с. 75]:

1. Обнаружение контента.

2. Выбор опции репоста: пользователь выбирает опцию репоста, которая доступна на платформе социальных сетей.

3. Добавление комментария (при необходимости).

4. Публикация репоста: пользователь публикует на своей странице или профиле, чтобы другие пользователи могли увидеть контент, который он репостит.

5. Видимость и распространение: этот контент становится доступным для просмотра и взаимодействия другими пользователями, которые могут его комментировать, отмечать («лайкать»), репостить дальше и т.д.

Согласно пункту 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11, информация, которой пользователь делится посредством репоста, должна соответствовать определенным критериям, а содержание как самой информации, так и всей личной страницы пользователя должно недвусмысленно указывать на потенциальное и осознанное намерение опубликовать ее и причинить вред другим [Решняк, 2020, с. 118].

Репост «экстремистского» материала на относительно непопулярной странице может иметь различное влияние на публику в зависимости от конкретных обстоятельств. Однако, несмотря на небольшую популярность страницы, все равно существует потенциальный риск и влияние

такого репоста.

Начиная с 2022 года в уголовном законодательстве Российской Федерации усилилось применение специальных преступных составов, связанных с публичной информацией, что привело к увеличению числа уголовных дел за посты и репосты в соцсетях. Массово освещались в СМИ случаи возбуждения уголовных дел против блогеров, пользователей и групп за публикации, признанные «дискредитирующими» или «заведомо ложными». Практические сложности доказывания (умысла, публичности, авторства) и задачи процессуальной фиксации делают такие дела сложными и многоаспектными.

В целях надлежащей квалификации уголовно-правовых деяний, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, а именно, статьей 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», статьей 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ», статьей 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» правоприменителю надлежит учитывать тот факт, что данные деяния, совершаются только с прямым умыслом и с намерением побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности.

Важно учитывать позицию не только правоприменительной, но и судебной практики, отраженную в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 №11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», где указано, что размещение лицом в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, в частности, на своей странице или на страницах других пользователей материала (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом, включая информацию, ранее признанную судом экстремистским материалом, может быть квалифицировано по перечисленным статьям Уголовного кодекса РФ только в случаях, когда установлено, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело намерение побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности, совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, либо цель возбудить ненависть или вражду, унизить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе [Постановление Пленума ВС РФ № 11, 2011].

Заслуживает отдельного внимания высказанное специалистами мнение о необходимости повышения цифровой грамотности, критического мышления и медийной грамотности, что бесспорно имеет важное значение для противодействия влиянию террористических и экстремистских идеологий в сети «Интернет». Так, важно отметить, что, предоставляя людям возможность распознавать экстремистский контент и критически реагировать на него, общество может коллективно способствовать предотвращению радикализации и содействию мирному диалогу [Феоктистов, 2023, с. 72-79].

Анализ ныне действующего уголовного законодательства позволяет выделить основные уголовно-правовые риски распространения информации в социальных сетях, такие, как: распространение заведомо ложной информации, представляющей общественную опасность, дискредитация и публичные призывы/оправдание (экстремизм, терроризм), клевета, незаконное распространение порнографии и материалов среди несовершеннолетних, а также вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, доведение до самоубийства и др.

Распространение заведомо ложной информации, представляющей общественную опасность. В этой связи, следует отметить значимость вступившего в марте 2022 г. в законную силу на фоне возникающих информационных провокаций, могущих нанести ущерб

национальным интересам государства Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Федеральный закон № 32-ФЗ, 2022]. Данным нормативным правовым актом установлена уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов государства, и общества, поддержания международного мира и безопасности. Ответственность по статье 207.3 Уголовного кодекса РФ: штраф в размере от семисот тысяч до полутора миллионов рублей или размер заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо исправительные работы на срок до одного года, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Следует отдельно особенно выделить такие преступления, как дискредитация и публичные призывы/оправдание (экстремизм, терроризм). Статья 280.3. Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, - наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок.

А также статья 280 Уголовного Кодекса РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», Статья 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности Уголовного Кодекса РФ, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма».

В ряде случаев первично могут применяться административные статьи (например, статья 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Кодекс РФ об административных правонарушениях, 2001]), а затем уголовные меры при рецидиве либо при наличии квалифицирующих признаков. Важно понимать: если материал признан экстремистским либо внесён в соответствующие реестры, риск уголовного преследования резко возрастает.

Нередко в соцсетях легко допускаются оскорбительные и ложные утверждения, которые при массовом распространении могут причинить вред чести или деловой репутации. Комментарии и репосты усугубляют вред и повышают вероятность уголовного преследования, особенно если субъектом является публичное лицо. Статья 128.1 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за клевету (то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию), содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, - наказывается штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до двух месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Особо уязвимой категорией лиц при незаконном распространении порнографии и материалов являются несовершеннолетние. В связи с этим законодателем уделяется оправданно повышенное внимание вопросу вовлечения несовершеннолетних. В частности, статья 242 Уголовного Кодекса РФ предусматривает ответственность за риски для администраторов каналов, пользователей, рассылающих или хранящих запрещённые материалы. При этом нужно помнить, что закрытые чаты не исключают ответственности. «Незаконные изготовление и (или) перемещение через Государственную границу Российской Федерации в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования либо распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов - наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок» [Уголовный кодекс РФ, 1996, ст. 242].

К сожалению, отечественное уголовное законодательство характеризуется наличием определенных пробелов в части установления ответственности за деяния в отношении несовершеннолетних, совершаемые в сети «Интернет» и социальных сетях, которые были лишь отчасти устранены в связи с принятием Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» [Соловьев, 2016, с. 60-72].

В частности, статья 242 Уголовного Кодекса РФ была дополнена квалифицирующим обстоятельством - распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних, а также вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, совершенные лицом, достигшим 18-летнего возраста.

При этом, следует подчеркнуть, что на данном этапе российское законодательство оставлено без внимания в части ряда преступлений, включая торговлю детьми, часто осуществляемую через интернет-площадки, главным образом через социальные сети.

Важно не забывать и о рисках при публикации в соцсетях служебных данных, военной информации, медицинских данных и т.п. Причем для государственных служащих и военнослужащих уровень уголовно-правовой ответственности особенно высок.

Статья 283 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную или иную охраняемую тайну: разглашение сведений, составляющих государственную тайну, лицом, которому она была доверена или стала известна по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством РФ, если эти сведения стали достоянием других лиц, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 275 Уголовного кодекса РФ (государственная измена) и 276 Уголовного кодекса РФ (шпионаж), - наказывается арестом на срок от четырех до шести месяцев либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового [Уголовный кодекс РФ, 1996, ст. 283].

Отметим, что публикации, инструкции, видео по изготовлению/приему наркотических средств гражданином могут стать основанием для уголовного преследования, несмотря на то что первоначально это относится к административному правонарушению (Статья 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [Кодекс РФ об административных правонарушениях, 2001].

Нельзя забывать, что информация, подлежащая распространению в социальных сетях,

может служить источником доведения до самоубийства. Статья 110 Уголовного кодекса РФ гласит: деяние в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), -наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового [Уголовный кодекс РФ, 1996, ст. 110].

Вышеприведенный анализ позволяет выделить современные вызовы в контексте прогнозирования уголовно-правовых рисков распространения информации в социальных сетях:

Во-первых, это анонимность преступников. Анонимные аккаунты и возможность создания фальшивых профилей усложняют идентификацию авторов контента, что затрудняет привлечение к ответственности за распространение незаконной информации. Основными проблемами являются сложности в идентификации (анонимные аккаунты и возможность использования псевдонимов затрудняют правоохранительным органам идентификацию пользователей, совершивших преступления, такие как кибербуллинг, клевета или распространение запрещенной информации), «отсутствие ответственности» (пользователи могут чувствовать себя защищенными от последствий своих действий, так как анонимность, на первый взгляд, может способствовать безнаказанности) и трудности в сборе доказательств (пользователи могут удалять или изменять свои аккаунты, что усложняет процесс сбора доказательств для уголовных дел).

Среди предлагаемых возможных решений упомянутым проблемам следует назвать возможность инициирования разработки и внедрения более строгих правил регистрации и верификации (проверка достоверности информации) пользователей на платформах, а также сотрудничество между владельцами, администраторами, создателями социальных сетей и правоохранительными органами для обмена данными в случаях расследования преступлений.

Во-вторых, это глобальный охват социальных сетей. Сеть «Интернет» не имеет географических границ, что позволяет злоумышленникам действовать из любой точки мира. Глобальный характер соцсетей создает сложности в применении национального законодательства к трансграничным случаям нарушения прав.

Здесь кроется ряд ключевых проблем, таких как различия в национальном законодательстве (многие соцсети действуют на международном уровне, соответственно, законы о защите информации, авторских правах и кибербезопасности могут существенно различаться в отдельных юрисдикциях, что порождает правовые пробелы и коллизии в правоприменительной практике). Зачастую определение правопорядка для преследования преступлений, совершенных через сеть «Интернет» и соцсети, затруднителен, потому что преступник и жертва могут иметь различную национальную принадлежность и находиться в разных странах. Наконец, сеть «Интренет» способствует быстрому распространению дезинформации (глобальный охват позволяет быстро распространять ложную информацию, сведения, фейковые новости, из-за чего могут возникнуть негативные последствия для отдельных лиц или общества).

В качестве возможных путей решения обозначенных проблем видится разработка международных договоров и стандартов для регулирования категорий контента в социальных сетях, и как следствие, разработка и установление механизмов сотрудничества между странами для расследования и преследования.

В-третьих, преступления в соцсетях и сети «Интернет» требуют узкопрофильных, специальных и технических знаний для их раскрытия и расследования, не все

правоохранительные органы обладают необходимыми ресурсами. В основе такой модернизации, на наш взгляд, лежит ряд современных факторов, таких как, эволюция технологий (быстрое развитие технологий, таких как искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения, может быть использовано для облегчения совершения преступлений), сложность анализа данных (обработка и анализ огромного объема информации, генерируемых пользователями соцсетей, требует значительных ресурсов и специализированных знаний), уязвимость в безопасности (технические недостатки Интернет-платформ могут привести к утечкам данных или несанкционированному доступу к личной информации пользователей, благодаря которым преступники могут активнее совершать преступления) и разнообразие платформ (соцсети разнообразны и имеют свои уникальные правила и алгоритмы, в свою очередь, это создает сложности в понимании, как различные платформы регулируют контент, приводя к потенциальным правовым рискам).

Современные вызовы настоятельно требуют выделения финансирования в улучшение технологий кибербезопасности, разработки более надежных систем защиты данных граждан и, конечно, периодическое повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в сфере IT технологий и методики анализа данных для более эффективного расследования преступлений.

Очевидно, что каждый из этих вызовов требует комплексного подхода как со стороны законодателей, так и со стороны пользователей для минимизации уголовно-правовых рисков при использовании социальных сетей.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что распространение информации в соцсетях сопряжено с множеством уголовно-правовых рисков: от преступлений небольшой тяжести и дел частного обвинения, например, клеветы, до тяжких и особо тяжких преступлений и дел публичного обвинения, например, составов, направленных на дискредитацию и распространение ложной информации.

В целях минимизации уголовно-правовых рисков в отношении пользователей соцсетей настоятельно рекомендуем проявлять осторожность при репостах непроверенной информации, а также тщательно проверять источники, подлежащей распространению информации; проверять настройку приватности и публичности личного аккаунта; воздерживаться от контента, который может быть квалифицирован как разжигающий ненависть, оправдывающий терроризм или дискредитирующий действия органов власти; помнить, что своевременное удаление спорного контента не всегда снимает ответственность, поэтому лучше не публиковать сомнительный материал.

Помните, у каждого пользователя соцсетей есть цифровой след и практически любые данные, однажды попавшие в Сеть, с большой долей вероятности остаются там навсегда, в том числе, в веб-архивах.

Библиография

1. Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Маликов С.В., Чучаев А.И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // Lex Russica. 2020. № 1 (158). С. 147-150.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026). URL: http://pravo.gov.ru.

3. Мазур А.А. Актуальные вопросы предупреждения преступности в отношении детей и подростков в сети Интернет // Вестник РУК. 2019. № 4 (38). С. 124-127.
4. Молотников А.Е., Архипов Е.В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // Предпринимательское право. 2017. № 4. С. 38-47.
5. Монахов В.Н. Социальные сети как объект регулирования. М., 2012. 172 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Решняк М.Г. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: проблемные особенности и пути совершенствования уголовного законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 118.
8. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 60-72.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). URL: http://pravo.gov.ru.
10. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/.
11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). URL: https://base.garant.ru/407764710/.
12. Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (последняя редакция). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Феоктистов М.С. Проблемы уголовно-правовых конструкций составов преступлений террористического и экстремистского характера в социальных сетях // StudArctic Forum. 2023. Т. 8. № 3. С. 72-79.
14. Яковенко К.А. Правовые основы противодействия распространению фейковой информации в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник науки. 2025. № 4 (85). С. 368-371.
15. Официальный сайт TenChat. URL: https://tenchat.ru/media/4085659-auditoriya-interneta-2025-dannyye-mediascope.
16. Официальный сайт VC.ru. URL: https://vc.ru/id2306259/1822522-auditoriya-socsetei-v-rossii-telegram-vkontakte-youtube-i-rutube-yanvar-2025.

Criminal Legal Risks of Information Dissemination in Social Networks: Contemporary Challenges

Ilmira R. Shikula

Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
Department of Applied Jurisprudence and Interdisciplinary Legal Research,
Faculty of the Higher School of Applied Jurisprudence,
Russian State University for the Humanities;
Chief Researcher,
Research Laboratory for the Study of Current Legal Issues,
Donbass State University of Justice;
Member of the Expert Council of the Committee
of the State Duma of the Russian Federation on Family Protection,
Issues of Fatherhood, Motherhood and Childhood,
125047, 6, Miusskaya Square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Oksana A. Bulgakova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Civil and Criminal Law and Procedure,
Researcher of the Research Department,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: o.bulgakova@mmu.ru

Arina D. Sadovskaya

Student,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: a-sadovskaya-05@mail.ru

Abstract

The Internet has become an integral part of every citizen's life. Communication on social networks, instant access to any information of interest have become commonplace. At the same time, the Internet can be not only a useful tool, but also carry increased public danger. The authors examine the main criminal legal risks and offer recommendations for users on how to minimize them, as well as the challenges facing modern society.

For citation

Shikula I.R., Bulgakova O.A., Sadovskaya A.D. (2026) Ugolovno-pravovyye riski rasprostraneniya informatsii v sotsial'nykh setyakh: sovremennyye vyzovy [Criminal Legal Risks of Information Dissemination in Social Networks: Contemporary Challenges]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 457-467. DOI: 10.34670/AR.2026.94.91.048

Keywords

Criminal liability, criminal legal risks, contemporary challenges, the Internet, social networks, recommendations for social network users, dissemination of information.

References

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on March 23, 2026). (2001). http://pravo.gov.ru
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on April 9, 2026). (1996). http://pravo.gov.ru
3. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 (as amended on October 27, 2025) "On Counteracting Extremist Activity". (2002). ConsultantPlus legal reference system. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/
4. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended on June 24, 2025) "On Information, Information Technologies and the Protection of Information" (with amendments and additions, effective from September 1, 2025). (2006). https://base.garant.ru/407764710/
5. Federal Law No. 32-FZ of March 4, 2022 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" (latest edition). (2022). ConsultantPlus legal reference system.

6. Feoktistov M.S. (2023). Problemy ugolovno-pravovykh konstruktsiy sostavov prestupleniy terroristicheskogo i ekstremistskogo kharaktera v sotsial'nykh setyakh [Problems of criminal law constructions of terrorist and extremist crimes in social networks]. *StudArctic Forum*, 8(3), 72-79.
7. Gracheva Yu.V., Korobeev A.I., Malikov S.V., Chuchaev A.I. (2020). Ugolovno-pravovyye riski v sfere tsifrovykh tekhnologiy: problemy i predlozheniya [Criminal law risks in the field of digital technologies: problems and suggestions]. *Lex Russica*, 1(158), 147-150.
8. Mazur A.A. (2019). Aktual'nyye voprosy preduprezhdeniya prestupnosti v otnoshenii detey i podrostkov v seti Internet [Current issues of crime prevention in relation to children and adolescents on the Internet]. *Vestnik RUK*, 4(38), 124-127.
9. Molotnikov A.E., Arkhipov E.V. (2017). Sotsial'nyye seti i kompanii-agregatory: pravovyye aspekty deyatel'nosti [Social networks and aggregator companies: legal aspects of activity]. *Predprinimatel'skoye pravo*, 4, 38-47.
10. Monakhov V.N. (2012). *Sotsial'nyye seti kak ob"yekt regulirovaniya* [Social networks as an object of regulation]. Moscow.
11. Official website of TenChat. (2025). https://tenchat.ru/media/4085659-auditoriya-interneta-2025-dannyye-mediascope
12. Official website of VC.ru. (2025). https://vc.ru/id2306259/1822522-auditoriya-socsetei-v-rossii-telegram-vkontakte-youtube-i-rutube-yanvar-2025
13. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Resolution No. 11 of June 28, 2011 (as amended on October 28, 2021) "On judicial practice in criminal cases of extremist crimes". (2011). ConsultantPlus legal reference system.
14. Reshnyak M.G. (2020). Publichnyye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti, publichnoye opravdaniye terrorizma ili propaganda terrorizma: problemnyye osobennosti i puti sovershenstvovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva [Public calls to carry out terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism: problematic features and ways to improve criminal legislation]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 1, 118.
15. Solovyov V.S. (2016). Prestupnost' v sotsial'nykh setyakh Interneta (kriminologicheskoye issledovaniye po materialam sudebnoy praktiki) [Crime in Internet social networks (criminological research based on judicial practice)]. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 10(1), 60-72.
16. Yakovenko K.A. (2025). Pravovyye osnovy protivodeystviya rasprostraneniyu feykovoy informatsii v kontekste obespecheniya natsional'noy bezopasnosti [The legal basis for countering the spread of fake information in the context of ensuring national security]. *Vestnik nauki*, 4(85), 368-371.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34.343 **DOI: 10.34670/AR.2026.95.52.049**

Уголовная ответственность за кибербуллинг в отношении несовершеннолетних: проблемы профилактики

Шикула Ильмира Рифкатьевна

Профессор, академик РАЕН,
кафедра прикладного правоведения
и междисциплинарных юридических исследований,
факультет Высшая школа прикладной юриспруденции,
Российский государственный гуманитарный университет;
Главный научный сотрудник,
научно-исследовательская лаборатория изучения актуальных вопросов права,
Донбасский государственный университет юстиции;
член экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ
по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства,
125047, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Аннотация

Исследование автора посвящено элементам таких распространенных в наше время понятий как «кибербуллинг». Исследуются вопросы кибербуллинга в отношении несовершеннолетних, защиты прав, свобод и законных интересов ребенка в киберпространстве. В статье автор делает акцент на распространение таких явлений среди несовершеннолетних и рассматривает вопросы о привлечении к уголовной ответственности за противоправные действия, профилактики данного криминального явления в российском и зарубежном законодательстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Шикула И.Р. Уголовная ответственность за кибербуллинг в отношении несовершеннолетних: проблемы профилактики // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 468-474. DOI: 10.34670/AR.2026.95.52.049

Ключевые слова

Несовершеннолетний, кибербуллинг, уголовное наказание, возраст, уголовная ответственность, родительский контроль, образовательная организация, педагог, профилактика, российский и зарубежный опыт.

Введение

Согласно Федеральному закону от 24 июня 1999 года №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» под несовершеннолетними *понимается лицо, не достигшее возраста 18 лет, то есть лицо, не обладающее полной гражданской дееспособностью, а это значит, что оно не способно полностью реализовать свои права*[Шикула, Кандабарова, Афанасьев, 2024]. Несовершеннолетние наделяются правами и обязанностями, а также действующим законодательством определяются формы и виды ответственности. Объем прав и обязанностей несовершеннолетнего зависит от его возраста и сферы правоотношений. Нормами Семейного кодекса Российской Федерации определено, что помимо права на воспитание своими родителями ребенок имеет право на образование, обеспечение его интересов, всесторонне развитие, получение содержания от своих родителей и других членов семьи. Конвенция о правах ребенка признает, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания [Федеральный закон № 120-ФЗ, 1999].

Однако не всегда дети воспитываются в полных семьях и не познают той самой радости семейной жизни. Как показывает практика большинство несовершеннолетних, вышедших из неполных семей либо находящихся на воспитании в детских домах, становятся на путь преступлений и все то зло и обида, которая накопилась у них с рождения, перекладывается ими на нормальных, психически здоровых детей. Причем нередко такие «бой» несовершеннолетние раскрывают свои «таланты» именно в коллективах школ и средних профессиональных учебных заведениях [Конвенция о правах ребенка, 1989].

В соответствии с ч.1 ст.87 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту УК РФ) несовершеннолетними признаются физические лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет.

Обратим внимание на криминальное явление в отношении несовершеннолетних, совершаемое в кибепространстве - «кибербуллинг». Современные исследователи Е.А. Макарова, Е.Л. Макарова и Е.А. Махрина определяют «кибербуллинг» как нестандартную форму буллинга, которая включает и моральную и психологическую агрессию, наличие власти и принуждения, бойкот или изоляцию, террор, шантаж, угрозы, реализуемые по средствам электронной коммуникации [Шикула, Кандабарова, Афанасьев, 2024, с. 341-349].

Основная часть

Современное общество характеризуется активным развитием высоких технологий, всеобщей цифровизацией общества, постоянным увеличением числа пользователей ресурсами информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что влечет значительные преимущества: возможность применения электронных средств платежа, молниеносное распространение информации из виртуальных библиотек, научных и образовательных центров, архивов, различных справочно-правовых систем. Сеть «Интернет» объединяет мировые правительственные и финансовые, научные и образовательные, иные организационные формы и, в целом, фонд информации в различных сферах бытия и познания, как совокупности процессов и процедур, методов получения знаний о явлениях и закономерностях объективного

мира [Макарова, Макарова, Махрина, 2016, с. 293-311].

Под информационной безопасностью несовершеннолетних в Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 08.08.2024) *«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»* следует понимать *комплекс организационных и правовых средств, регламентирующих права несовершеннолетних в информационной сфере, а также обеспечивающих защиту несовершеннолетних от влияния вредной (негативной) информации, влекущей за собой опасность для их жизни и здоровья, либо могущей причинить вред их нормальному нравственному, духовному, психическому и физическому развитию.*

Указанный выше Федеральный закон регулирует отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от информации в сети интернет, но законодательство не совершенно, поскольку в настоящее время для защиты от кибербуллинга несовершеннолетних нет специальных правовых механизмов, однако, в законодательстве остро стоит вопрос о защите от кибербуллинга и иных форм онлайн-преследований несовершеннолетних.

Развитие высоких технологий, открытость России мировому сообществу привели к незащищенности детей от противоправного контента в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, усугубили проблемы, связанные с торговлей детьми, детской порнографией и проституцией [Турунова, 2023, с. 18].

По данным Федеральной службы по надзору в Сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с 2020 по 2023 гг. внесены в реестр и заблокированы более 350 тыс. интернет-ресурсов с запрещенной к распространению информацией, из которых: более чем на 92 тыс. сайтов осуществлялся незаконный оборот наркотиков из них удалено 81 660 сайтов или страниц сайтов, к 11 088 сайтам доступ ограничен (в последние годы в ряде субъектов Российской Федерации отмечают стремительное омоложение наркобизнеса (средний возраст сбытчика составляет 19 лет) и увеличение числа фактов вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков посредством сети Интернет[Распоряжение Правительства РФ № 996-р, 2015]);

Активное использование информации и информационных технологий во всех областях жизнедеятельности человека привело к возникновению информационных угроз, которые выражаются в нарушении целостности, адекватности, конфиденциальности, полноты и доступности информации [Российская газета, URL].

На наш взгляд, кибербуллинг (интернет-травля) – *это намеренные оскорбления, угрозы, сообщение другим компрометирующих данных с помощью современных средств коммуникации: компьютеров, мобильных телефонов, электронной почты, Интернета, социальных сетей, блогов, чатов и Интернет-травля может осуществляться также через показ и отправление резких, грубых или жестоких текстовых сообщений, передразнивание жертвы в режиме онлайн, размещение в открытом доступе личной информации, фото или видео с целью причинения вреда или смущения жертвы; создание фальшивой учетной записи в социальных сетях, электронной почты, веб-страницы для преследования и издевательств над другими от имени жертвы и т.д.*

Цифровая среда, с одной стороны, обладает уникальным потенциалом обеспечения равных возможностей для получения доступного и качественного образования, свободного выбора

личностью обучающих курсов, как в нашей стране, так и за рубежом. С другой стороны, интернет и социальные сети являются пространством, где агрессивное поведение проявляется в кибербуллинге.

Появление Интернет-площадки, быстро распространило новый вид травли, где стало возможным осуществлять насилие над личностью, не взаимодействуя со своей жертвой непосредственно, а общаясь в виртуальном пространстве. Агрессивное преследование человека приобрело новые формы с применением разнообразных современных технологий [Шикула, Кандабарова, Афанасьев, 2024, с. 341-349].

Так, рассмотрев несколько точек зрения на понятия «буллинг» и «кибербуллинг», мы видим, что все они практически одинаковы в одном, что в этих действиях присутствует либо физическое, либо психическое насилие. В случае с «кибербуллингом» конечно же, это насилие психологическое. Главная особенность этих общественно опасных действий в том, что они совершаются систематически и несут за собой общественно-опасные последствия. Признаки преступлений в данных действиях просматриваются. Нет только одного признака преступления - это наказуемость за данные совершенные деяния. Представляется, что для того, чтобы ввести отдельную уголовно-правовую норму, предусматривающую уголовную ответственность за «буллинг» и «кибербуллинг» необходимо данным понятиям придать законодательное определение. В настоящее время в уголовном законе отсутствуют такие понятия [Собакин, Смыслова, 2014; Шикула, Кандабарова, Афанасьев, 2024, с. 341-349].

Заключение

Необходимо поддержать предложения о внесении определенных изменений в федеральное законодательство:

– в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепить компетенцию образовательных организаций, направленную на формирование у обучающегося медиаграмотности в целях обеспечения единства этического, гражданско-патриотического, культурно-эстетического развития несовершеннолетнего и безопасности ребенка в информационной среде [Шикула, Кандабарова, Афанасьев, 2024, с. 341-349];

– в Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» закрепить обязательное проведение производителем и (или) распространителем экспертиз (социальная, психологическая, педагогическая) по компьютерным играм с элементами агрессии и насилия [Кузнецова, 2019, с. 25];

– в Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» установить запрет на пропаганду криминальной субкультуры и формирование представления о привлекательности криминального образа жизни [Кузнецова, 2019, с. 26];

– в Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и Федеральном законе от

27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепить обязанность Роспотребнадзора или привлеченного им оператора реестра в течение десяти суток уведомлять МВД России о случаях включения в реестр информации, запрещенной или ограниченной к обороту среди несовершеннолетних [Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, 2022, с. 141].

Следует также поддержать подготовленный Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации законопроект, направленный на пресечения случаев школьной травли. Согласно документу, выявленных буллеров и их родителей предлагается направлять на специальные исправительные курсы, а образовательные учреждения смогут обращаться за помощью в комиссию по делам несовершеннолетних. В таких случаях предлагается проводить проверку, и, при подтверждении факта травли, назначить буллеру и его родителям обязательное посещение специальных исправительных курсов. Программа «курсов исправления» может включать в себя работу с психологом, участие в волонтерских проектах и другие мероприятия, направленные на коррекцию поведения агрессивного ребенка [Кузнецова, 2019; Шикула, Кандабарова, Афанасьев, 2024, с. 341-349].

Библиография

1. Антонян Е.А., Баумштейн А.Б. Буллинг в школе как криминологическая проблема и угроза безопасности детей // Социально-политические науки. 2019. Т. IX. № 4. С. 46.
2. Воронцов Д.Б. Особенности буллинга в школе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 2. С. 130.
3. Григоренко Д. В Госдуме предложили отправлять школьников на «курс исправления» за травлю. 2024. URL: https://vz.ru/news/2024/9/22/1288599.html.
4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).
5. Кузнецова Е.В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети интернет: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Курск, 2019. 25 с.
6. Курбенков В.А., Новосельцев А.Ю. Буллинг в российских школах: правовые проблемы профилактики // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 95-102.
7. Лейн Д.А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лейна, Э. Миллера. СПб.: Питер, 2011. С. 240-274.
8. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Российский психологический журнал. 2016. № 3. С. 293-311.
9. Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: монография / под ред. П.В. Агапова. М.: Проспект, 2022. 192 с.
10. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://orkce.apkpro.ru/doc/konf/pwrpnt5_cnf_jn15.pdf.
11. Собакин В.С., Смыслова М.М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 2. С. 71-86.
12. Турунова М.Н. Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. СПб., 2023. 18 с.
13. Федеральный закон от 24 июня 1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с послед. изм. и доп. от 14.06.2022 № 262-ФЗ). URL: http://pravo.gov.ru/.
14. Хоружий В.В. Кибербуллинг: социально-правовой аспект // Вестник науки. № 12 (21). Т. 5. С. 118-120.
15. Шикула И.Р. Уголовно-правовая охрана прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений: проблемы теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 238 с.
16. Шикула И.Р., Кандабарова Т.С., Афанасьев М.В. Уголовная ответственность за буллинг и кибербуллинг в отношении несовершеннолетних: проблемы криминализации // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 12-1. С. 341-349.

Criminal Liability for Cyberbullying Against Minors: Problems of Prevention

Ilmira R. Shikula

Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
Department of Applied Law and Interdisciplinary Legal Research,
Faculty of the Higher School of Applied Jurisprudence,
Russian State University for the Humanities;
Chief Researcher,
Research Laboratory for the Study of Current Legal Issues,
Donbass State University of Justice;
Member of the Expert Council of the Committee
of the State Duma of the Russian Federation
on Family Protection, Fatherhood, Motherhood and Childhood,
125047, 6, Miusskaya Square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ila.vnii@mail.ru

Abstract

The author's research is devoted to the elements of such widespread concepts in our time as "cyberbullying." The issues of cyberbullying against minors, the protection of the rights, freedoms, and legitimate interests of the child in cyberspace are investigated. In the article, the author focuses on the spread of such phenomena among minors and examines issues of bringing to criminal liability for unlawful acts, the prevention of this criminal phenomenon in Russian and foreign legislation.

For citation

Shikula I.R. (2026) Ugolovnaya otvetstvennost' za kiberbulling v otnoshenii nesovershennoletnikh: problemy profilaktiki [Criminal Liability for Cyberbullying Against Minors: Problems of Prevention]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 468-474. DOI: 10.34670/AR.2026.95.52.049

Keywords

Minor, cyberbullying, criminal punishment, age, criminal liability, parental control, educational organization, teacher, prevention, Russian and foreign experience.

References

1. Antonyan E.A., Baumstein A.B. (2019). Bullying v shkole kak kriminologicheskaya problema i ugroza bezopasnosti detey [Bullying at school as a criminological problem and a threat to children's safety]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki*, IX(4), 46.
2. Convention on the Rights of the Child (adopted by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990).
3. Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 "On the Fundamentals of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" (as amended on June 14, 2022 No. 262-FZ). (1999). http://pravo.gov.ru/
4. Grigorenko D. (2024). V Gosdume predlozhili otpravlyat' shkol'nikov na "kurs ispravleniya" za travlyu [The State Duma proposed sending schoolchildren to "correction courses" for bullying]. https://vz.ru/news/2024/9/22/1288599.html
5. Khoruzhiy V.V. (n.d.). Kiberbulling: sotsial'no-pravovoy aspekt [Cyberbullying: socio-legal aspect]. *Vestnik nauki*,

12(21), 5, 118-120.
6. Kurbenkov V.A., Novoseltsev A.Yu. (2020). Bullying v rossiyskikh shkolakh: pravovyye problemy profilaktiki [Bullying in Russian schools: legal problems of prevention]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 3, 95-102.
7. Kuznetsova E.V. (2019). *Preduprezhdeniye delinkventnogo povedeniya nesovershennoletnikh, produtsiruyemogo kontentom seti internet* [Prevention of delinquent behavior of minors produced by Internet content] (Abstract of Candidate's dissertation). Kursk.
8. Lane D.A. (2011). Shkol'naya travlya (bullying) [School bullying]. In D. Lane, A. Miller (Eds.), *Detskaya i podrostkovaya psikhoterapiya* (pp. 240-274). Piter.
9. Makarova E.A., Makarova E.L., Makhrina E.A. (2016). Psikhologicheskiye osobennosti kiberbullinga kak formy internet-prestupleniya [Psychological features of cyberbullying as a form of Internet crime]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 3, 293-311.
10. Order of the Government of the Russian Federation No. 996-r of May 29, 2015 "On approval of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the period up to 2025". (2015). http://orkce.apkpro.ru/doc/konf/pwrpnt5_cnf_jn15.pdf
11. Shikula I.R. (2020). *Ugolovno-pravovaya okhrana prav i svobod poterpevshego, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii, ot nasil'stvennykh prestupleniy: problemy teorii i praktiki* [Criminal law protection of the rights and freedoms of a victim in a helpless state from violent crimes: problems of theory and practice]. Yurlitinform.
12. Shikula I.R., Kandabarova T.S., Afanasyev M.V. (2024). Ugolovnaya otvetstvennost' za bullying i kiberbulling v otnoshenii nesovershennoletnikh: problemy kriminalizatsii [Criminal Liability for Bullying and Cyberbullying against Minors: Problems of Criminalization]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 14(12-1), 341-349.
13. Sobakin V.S., Smyslova M.M. (2014). Bullying v stenakh shkoly: vliyaniye sotsiokul'turnogo konteksta [Bullying within the walls of the school: the influence of socio-cultural context]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 5(2), 71-86.
14. Turunova M.N. (2023). *Protivodeystviye vliyaniyu seti "Internet" na prestupnoye povedeniye nesovershennoletnikh* [Countering the influence of the Internet on the criminal behavior of minors] (Abstract of Candidate's dissertation). St. Petersburg.
15. Vorontsov D.B. (2020). Osobennosti bullinga v shkole [Features of bullying at school]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 130.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 343.9:343.35 **DOI: 10.34670/AR.2026.88.46.059**

Коррупционная составляющая при расследовании налоговых преступлений: уголовно-правовой и криминологический анализ

Раджабов Шамиль Раджабович

Кандидат юридических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;
e-mail: shamil.1503@mail.ru

Заирбекова Эльмира Магомедовна

Магистр,
по направлению подготовки «Юриспруденция»,
Северо-Кавказский институт (филиал),
Всероссийского государственного университета юстиции,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Керимова, 61;
e-mail: shamil.1503@mail.ru

Аннотация

В статье на основе комплексного уголовно-правового и криминологического анализа раскрывается проблема коррупционной составляющей при расследовании налоговых преступлений. Актуальность темы обусловлена высокой степенью общественной опасности как налоговой, так и коррупционной преступности для экономической безопасности государства, а также их тесной взаимосвязью на всех этапах уголовного судопроизводства. Цель: выявление ключевых форм и механизмов проявления коррупции в процессе выявления, возбуждения и расследования уголовных дел о налоговых преступлениях, определение основных детерминант данного явления, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию мер противодействия, включая изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. В ходе исследования использовались диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход), а также частнонаучные методы (формально-юридический, статистический, метод правового моделирования). В работе представлена авторская классификация форм коррупционной составляющей, включающая коррупционное бездействие должностных лиц на стадии выявления признаков преступления, коррупционное содействие в реализации преступных схем уклонения от уплаты налогов и коррупционное манипулирование процессуальными решениями. Аргументирован вывод о том, что высокий уровень латентности данной категории преступлений напрямую связан с коррупционным противодействием сотрудников контролирующих и правоохранительных органов. Обосновывается необходимость внесения изменений в статьи 290 и 285 Уголовного кодекса РФ, реформирования процессуального порядка возбуждения и расследования налоговых дел, внедрения механизмов ротации кадров и усиления антикоррупционных стандартов.

Для цитирования в научных исследованиях

Раджабов Ш.Р., Заирбекова Э.М. Коррупционная составляющая при расследовании налоговых преступлений: уголовно-правовой и криминологический анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 475-485. DOI: 10.34670/AR.2026.88.46.059

Ключевые слова

Коррупция, налоговая преступность, экономическая безопасность, уклонение от уплаты налогов, расследование налоговых преступлений, взяточничество, латентность, противодействие коррупции, уголовная политика, межведомственное взаимодействие, изменение УК РФ, детерминанты коррупции, правоприменительная практика.

Введение

Обеспечение экономической безопасности государства является одной из стратегических задач современной уголовно-правовой политики России. Налоговые преступления, посягающие на установленный порядок формирования доходной части бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, представляют собой повышенную общественную опасность, угрожая стабильности функционирования публично-правовых институтов. Как справедливо отмечает В.Е. Батюкова, «преступления, которые посягают на установленный порядок налогообложения, в некоторой степени посягают и на экономическую безопасность России. Нередко эти преступления связаны с такими опасными негативными проявлениями, как коррупция, организованная преступность» [Батюкова, 2019, с. 22]. Приведённое суждение указывает на глубинную взаимосвязь налоговой и коррупционной преступности, которая проявляется не только на этапе совершения общественно опасных деяний, но и в ходе их выявления и расследования. Развивая эту мысль, И.Н. Соловьёв подчёркивает, что «латентность налоговых преступлений во многом предопределяется закрытостью корпоративных финансов, коррупционным прикрытием и отсутствием реальной оперативной составляющей в работе правоохранительных органов» [Соловьёв, 2021, с. 34].

Криминологическая ситуация в сфере налогообложения осложняется тем, что коррупционная составляющая может присутствовать на всех стадиях уголовного процесса – от искажения результатов налоговых проверок до принятия необоснованных процессуальных решений. Подобный симбиоз налоговой преступности и коррупции, особенно в крупном и особо крупном размерах, приобретает характер системной угрозы, поскольку приводит не только к прямым материальным потерям для государства, но и к деформации правосознания хозяйствующих субъектов, подрыву доверия к правоохранительным органам и дискредитации судебной системы. Как показывают исследования П.С. Яни, в сфере выявления налоговых преступлений нередко формируются устойчивые коррупционные сети, связывающие недобросовестных предпринимателей и коррумпированных чиновников, что превращает данный сегмент экономической преступности в особо сложный для уголовного преследования [Яни, 2022, с. 42].

Основная часть

Традиционно внимание учёных сосредоточено на вопросах квалификации налоговых

преступлений и анализе способов их совершения налогоплательщиками, в то время как проблема ангажированности и коррумпированности самих субъектов правоприменения остаётся на периферии доктринального анализа. Между тем именно коррупционная составляющая в деятельности должностных лиц, призванных выявлять и расследовать налоговые преступления, превращает налоговую преступность в особо латентное и трудно раскрываемое явление, что актуализирует необходимость углублённого научного осмысления данной проблемы и разработки конкретных законодательных мер противодействия.

Под коррупционной составляющей при расследовании налоговых преступлений предлагается понимать совокупность противоправных коррупционных деяний (действий или бездействия), совершаемых сотрудниками контролирующих (налоговых) и (или) правоохранительных органов (подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, органов предварительного следствия) в связи с выявлением признаков налоговых преступлений, их процессуальной фиксацией, а также принятием ключевых решений по уголовным делам данной категории [Ларичев, 2024, с. 25]. Такое определение позволяет охватить не только собственно взяточничество, но и иные коррупционные проявления, включая злоупотребление должностными полномочиями, служебный подлог, превышение полномочий, совершённые в интересах лиц, уклоняющихся от уплаты налогов. Схожего подхода придерживается А.П. Зрелов, рассматривающий коррупционные риски в налоговой сфере как «совокупность факторов, создающих реальную возможность для использования должностными лицами своих служебных полномочий вопреки интересам службы в целях получения выгод имущественного характера» [Зрелов, 2023, с. 61].

Данный правовой феномен характеризуется высокой степенью латентности, что, по мнению О.В. Харченко, выступает одной из ключевых проблем правоприменительной практики: «к числу проблем отнесены высокий уровень латентности коррупционных преступлений, использование преступниками опыта современной практики, сложность и длительность расследования» [Харченко, 2024, с. 20–22]. Следует подчеркнуть, что латентность коррупционной составляющей при расследовании налоговых преступлений носит двойной характер. С одной стороны, она обусловлена естественной скрытостью самих коррупционных сделок, совершаемых, как правило, в условиях конфиденциальности. С другой – она искусственно поддерживается за счёт процессуальных решений, принимаемых коррумпированными должностными лицами (отказ в возбуждении уголовного дела при фактическом наличии состава преступления, необоснованное прекращение уголовного преследования и т.п.). В результате формируется замкнутый круг: коррупция порождает латентность, а латентность создаёт благоприятные условия для дальнейших коррупционных злоупотреблений.

Структурно коррупционную составляющую можно классифицировать по нескольким основаниям, что позволяет провести её детальный анализ. По стадиям уголовного процесса выделяются: коррупционные проявления на стадии выявления признаков преступления (в ходе проведения выездных и камеральных налоговых проверок); коррупция на стадии возбуждения уголовного дела (принятие решения об отказе в возбуждении дела при фактическом наличии состава преступления либо, напротив, о необоснованном возбуждении с целью оказания давления на бизнес); коррупционные деяния на стадии предварительного расследования (затягивание сроков следствия, фальсификация доказательств, необоснованное прекращение дела). По субъектному составу коррупционная составляющая подразделяется на коррупцию со стороны должностных лиц налоговых органов, коррупцию в оперативных подразделениях

органов внутренних дел, коррупцию в органах предварительного следствия (Следственный комитет, МВД) и смешанные (многосубъектные) коррупционные схемы, охватывающие взаимосвязанные действия налоговиков, оперативных сотрудников и следователей. Как показывает анализ правоприменительной практики, многосубъектные схемы представляют наибольшую общественную опасность, поскольку в них задействованы должностные лица различных ведомств, что существенно затрудняет выявление и документирование преступной деятельности [Панов, 2021, с. 43]. Подобная интеграция коррупционных усилий требует особого внимания со стороны правоохранительных органов и разработки специализированных методик раскрытия и расследования. Рассмотренные структурные элементы коррупционной составляющей наглядно проявляются в конкретных формах противоправной деятельности, прежде всего – в деятельности налоговых органов, где и зарождается большинство коррупционных схем.

Наиболее распространённой формой коррупции в налоговых органах является получение должностными лицами взяток за совершение заведомо незаконных действий по фальсификации результатов налоговых проверок и занижению сумм выявленной недоимки. Характерный пример приводит И.И. Кучеров, описывая схему, при которой «инспектор, выявив сокрытие налогов на значительную сумму, предлагает налогоплательщику "урегулировать" вопрос путём передачи незаконного вознаграждения, после чего в акте проверки отражается лишь незначительная часть действительной недоимки» [Кучеров, 2020, с. 105]. Аналогичные механизмы действуют и при незаконном возмещении налога на добавленную стоимость. По оценке П.С. Яни, масштабные махинации с «бумажным НДС» практически всегда предполагают участие коррумпированных сотрудников налоговых органов, без попустительства которых реализация подобных схем была бы невозможна [Яни, 2022, с. 44]. Следует констатировать, что незаконное возмещение НДС относится к числу наиболее высокодоходных коррупционных схем, поскольку позволяет недобросовестным налогоплательщикам получать бюджетные средства в особо крупных размерах, а коррумпированным чиновникам – извлекать стабильный преступный доход пропорционально суммам незаконно возмещённого налога. Подобное «сотрудничество» не только наносит прямой ущерб федеральному бюджету, но и искажает конкурентную среду, ставя законопослушных предпринимателей в заведомо невыгодное положение.

По обоснованному утверждению А.Ю. Панова, «эффективной составляющей деятельности по выявлению рассматриваемых преступлений является контроль финансового положения должностного лица с целью определения соответствия его доходов расходам» [Панов, 2021, с. 30–31]. Это положение в полной мере коррелирует с установленной законом обязанностью государственных служащих предоставлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Однако, как показывают эмпирические данные, формальный подход к контролю за доходами и расходами не позволяет своевременно выявлять факты незаконного обогащения: значительная часть активов оформляется на членов семьи и приближённых лиц, что целенаправленно используется для сокрытия происхождения средств. Следовательно, необходимо совершенствование аналитических инструментов, позволяющих выявлять признаки несоответствия уровня жизни официальным доходам вне зависимости от формальной принадлежности имущества. Ограничиваться анализом коррупционных рисков лишь в деятельности налоговых органов было бы неверным, поскольку переход материалов в правоохранительные органы открывает новый спектр коррупционных угроз.

Действующий порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях

предусматривает, что поводом для возбуждения уголовного дела служат материалы, направленные налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах (п. 3 ст. 32 НК РФ). Данный механизм, введённый с целью защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования, вместе с тем породил и новые коррупционные риски. Профессор Э. Панеях справедливо указывает, что «передача материалов исключительно из налоговых органов создаёт почву для избирательности: одни материалы могут быть направлены, другие – "зависнуть" на неопределённый срок» [Панеях, 2023]. С другой стороны, появление в структуре региональных управлений Следственного комитета специализированных отделов по расследованию налоговых преступлений актуализирует проблему коррупционных рисков в среде самих следователей, обладающих монопольным правом на принятие ключевых процессуальных решений, таких как избрание меры пресечения, наложение ареста на имущество, прекращение уголовного дела. Концентрация процессуальных полномочий в руках ограниченного круга лиц создаёт благоприятную почву для коррупционных злоупотреблений.

Практика свидетельствует о многочисленных случаях привлечения к уголовной ответственности как налоговых инспекторов, так и сотрудников органов внутренних дел и Следственного комитета за получение взяток от представителей бизнеса, подозреваемых в уклонении от уплаты налогов. Эти примеры подтверждают наличие системной проблемы, обусловленной не только личной корыстной мотивацией отдельных должностных лиц, но и недостатками институционального характера. Как отмечает В.Д. Ларичев, «организация взаимодействия подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел с налоговыми органами и органами предварительного следствия при выявлении и возбуждении уголовных дел по налоговым преступлениям» [Ларичев, 2024, с. 3] является одним из приоритетных направлений современной правоохранительной деятельности, причём в качестве самостоятельной задачи выступает именно профилактика коррупционных проявлений среди самих субъектов такого взаимодействия. Вместе с тем эффективность этого взаимодействия остаётся недостаточной: по экспертным оценкам, признаки преступления следователи находят только в 1–2 из 10 материалов, поступающих от налоговой службы, что в значительной степени объясняется латентным характером налоговых преступлений и недостатком оперативной составляющей. Низкий процент выявляемости косвенно указывает на возможное наличие коррупционных фильтров на этапе передачи материалов. Таким образом, коррупционная составляющая пронизывает все стадии движения материалов налоговых проверок и уголовных дел. Для разработки эффективных мер противодействия необходимо прежде всего установить детерминанты этого явления.

Высокий уровень коррупционной поражённости сферы расследования налоговых преступлений обусловлен комплексом факторов, каждый из которых заслуживает самостоятельного научного анализа. Экономический фактор проявляется в том, что значительные суммы предполагаемой недоимки делают потенциальные взятки сопоставимыми с бюджетом небольших муниципальных образований, что создаёт мощный коррупционный соблазн для должностных лиц. По данным социологических исследований, 56,6% опрошенных считают, что истоки коррупции кроются в недостаточном контроле деятельности государственных и муниципальных служащих и в недостаточной эффективности наказания за коррупционные преступления [Радионова, 2023, с. 178–180]. Данный фактор усугубляется тем обстоятельством, что субъектами налоговых преступлений, как правило, являются предприниматели и руководители организаций, обладающие значительными финансовыми ресурсами и готовые направлять их на подкуп должностных лиц для минимизации налоговых

рисков. В результате формируется устойчивый «рынок коррупционных услуг», на котором спрос со стороны недобросовестных налогоплательщиков встречает предложение со стороны коррумпированных чиновников.

Правовой фактор заключается в сложности и неоднозначности налогового законодательства, что создаёт условия, при которых коррумпированный чиновник может под видом «усмотрения» толковать правовые нормы в пользу заинтересованных лиц. Как справедливо отмечено Н.А. Гришко, «закон, переложив бремя выявления налоговых преступлений на налоговые органы, сделал их квазиправоохранительными органами, не имеющими полномочий проводить оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия» [Гришко, 2022, с. 15]. Подобная двойственность правового статуса налоговых органов, сочетающая контрольные функции с элементами правоохранительной деятельности, создаёт предпосылки для коррупционных злоупотреблений. Неопределённость норм и возможность их расширительного толкования позволяют должностным лицам либо завышать налоговые претензии с целью вымогательства взятки, либо, напротив, необоснованно занижать суммы доначислений за незаконное вознаграждение. По мнению А.П. Зрелова, «именно размытость признаков налоговых правонарушений и сложность доказывания умысла на уклонение от уплаты налогов создают идеальную среду для коррупционных сделок между проверяющими и проверяемыми» [Зрелов, 2023, с. 64].

Организационный фактор проявляется в недостаточной эффективности внутриведомственного контроля и отсутствии действенных антикоррупционных барьеров при межведомственном взаимодействии. Так, 45% респондентов связывают причины коррупции с низким нравственным уровнем чиновников, 43% – с низким уровнем правовой культуры в обществе, 37,7% – с несовершенством законодательной базы [Радионова, 2023, с. 179]. Кроме того, 45,4% опрошенных указывают на излишние притязания, проверки и бюрократию со стороны должностных лиц, что, по сути, провоцирует коррупционные отношения [Радионова, 2023, с. 179]. Таким образом, организационные недостатки создают среду, в которой коррупционные практики становятся не исключением, а системным явлением, воспроизводимым в повседневной деятельности.

Нравственно-психологический фактор выступает одной из основных детерминант как налоговой, так и коррупционной преступности. Л.В. Платонова выделяет здесь три аспекта: негативное отношение к существующей налоговой системе, низкий уровень правовой культуры и корыстную мотивацию [Гришко, 2022]. Применительно к коррупционной составляющей особое значение приобретает деформация профессионального правосознания должностных лиц, выражающаяся в готовности использовать служебные полномочия в целях личного обогащения. Подобная деформация не возникает одномоментно, а формируется под влиянием длительного нахождения в среде, где коррупционные действия воспринимаются как норма и не влекут неотвратимого наказания. Наконец, кадровый фактор связан с недостаточным уровнем профессиональной подготовки и правовой культуры отдельных категорий сотрудников правоохранительных органов, а также с отсутствием действенных механизмов ротации кадров. Длительное замещение должностей, связанных с выполнением контрольных и надзорных функций, неизбежно приводит к возникновению неформальных отношений между проверяющими и проверяемыми, что существенно повышает коррупционные риски. Отсутствие регулярной ротации позволяет формироваться устойчивым коррупционным сетям, разрушить которые впоследствии значительно сложнее.

Проведённый анализ детерминант создаёт основу для перехода к формулированию

конкретных научно обоснованных мер, направленных на нейтрализацию выявленных факторов, причём центральное место в системе таких мер должны занять изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Осознание глубины и многоаспектности коррупционной составляющей при расследовании налоговых преступлений приводит к выводу о необходимости реализации комплекса взаимосвязанных мер, в котором первостепенную роль играет модернизация уголовно-правовых норм. В настоящее время уголовный закон не содержит специальных норм, которые адекватно отражали бы повышенную общественную опасность коррупционных деяний, сопряжённых с налоговыми преступлениями. Это порождает ситуацию, при которой должностные лица, содействующие уклонению от уплаты налогов за взятку, несут ответственность по общим составам получения взятки (ст. 290 УК РФ) или злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), без учёта того ущерба, который причиняется бюджетной системе в результате их действий. П.С. Яни, анализируя данную проблему, подчёркивает, что «отсутствие специального квалифицирующего признака, связанного с налоговыми преступлениями, не позволяет в полной мере оценить масштаб содеянного и назначить наказание, соразмерное характеру и степени общественной опасности» [Яни, 2022, с. 47]. В связи с этим предлагается дополнить статью 290 УК РФ квалифицирующим признаком: «получение должностным лицом взятки за действия (бездействие), связанные с незаконным уменьшением налоговых обязательств, необоснованным возмещением налогов либо воспрепятствованием законному производству по делу о налоговом преступлении». Наличие такого признака позволит дифференцировать ответственность и назначать наказание, соразмерное масштабу причинённого вреда, а также окажет сдерживающее воздействие на потенциальных коррупционеров. Одновременно необходимо усилить санкцию ч. 1 ст. 285 УК РФ применительно к случаям, когда злоупотребление должностными полномочиями совершается в целях содействия совершению налогового преступления, установив минимальный предел лишения свободы от трёх лет. Подобный шаг коррелирует с выводами Т.Ю. Радионовой о том, что латентность и безнаказанность коррупционных проявлений во многом обусловлены недостаточной строгостью наказания [Радионова, 2023, с. 179].

Не менее значимым направлением является реформирование порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях. Существующая модель, закреплённая в п. 3 ст. 32 НК РФ и корреспондирующих нормах УПК РФ, фактически отдаёт решение вопроса о начале уголовного преследования на откуп налоговым органам, что создаёт благоприятную почву для злоупотреблений. Восстановление права следователя возбуждать уголовное дело о налоговом преступлении при наличии достаточных данных, полученных из иных источников, помимо материалов налоговой проверки, позволит разорвать монополию и снизить коррупциогенный потенциал. Разумеется, такой возврат должен сопровождаться усилением прокурорского надзора за законностью возбуждения дел данной категории и обязательным уведомлением налогового органа. Как указывает В.Д. Ларичев, именно отсутствие прямого оперативного доступа к информации о признаках налоговых преступлений снижает эффективность взаимодействия [Ларичев, 2024, с. 45]. Расширение процессуальных возможностей следователя, подкреплённое судебным контролем за ключевыми решениями (прекращение дела, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу), позволит создать систему «сдержек и противовесов», препятствующую как необоснованному преследованию, так и коррупционному прекращению дел.

Важнейшим организационным условием противодействия коррупционной составляющей

выступает регулярная ротация сотрудников, задействованных в выявлении и расследовании налоговых преступлений. Длительное пребывание на одной должности неизбежно ведёт к формированию неформальных отношений с проверяемыми субъектами, поэтому закрепление периодичности ротации (не реже одного раза в три года) на уровне ведомственных нормативных актов, а в перспективе – и в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации», станет эффективным барьером для возникновения устойчивых коррупционных связей. Одновременно необходимо внедрить систему углублённого контроля за соответствием расходов должностных лиц их официальным доходам, основанную на межведомственном электронном документообороте между налоговыми органами, Росреестром, ГИБДД и кредитными организациями. Создание единой защищённой цифровой платформы такого обмена не только исключит возможность фальсификации материалов на этапе передачи, но и позволит в автоматизированном режиме выявлять признаки незаконного обогащения, что прямо реализует рекомендацию А.Ю. Панова о необходимости контроля за финансовым положением должностного лица [Панов, 2021, с. 30–31].

Существенным вкладом в противодействие коррупции должно стать совершенствование оперативно-розыскного обеспечения. Как показывает практика, выявление и документирование коррупционных преступлений в налоговых органах требует применения специализированных методик, адаптированных к налоговым правоотношениям [Панов, 2021, с. 43]. Внедрение передовых оперативно-розыскных методик, включая проведение оперативных экспериментов и контрольных закупок, позволит повысить качество документирования преступной деятельности и создать условия для неотвратимости ответственности. Научная база для такой работы уже сформирована: вопросы теории и практики оперативно-розыскного обеспечения налоговой безопасности исследованы достаточно глубоко [Оперативно-розыскное обеспечение, 2023], что облегчает их внедрение в деятельность подразделений экономической безопасности.

Вместе с тем никакие институциональные реформы не принесут должного эффекта без целенаправленной профилактической работы с кадрами. Поэтому завершающим элементом системы мер должно стать формирование устойчивого антикоррупционного правосознания сотрудников. Регулярное антикоррупционное обучение и тестирование, обязательное декларирование конфликта интересов с последующей проверкой полученных сведений, а также совершенствование механизмов внутреннего контроля, основанных на анализе доходов и расходов, позволят воздействовать на нравственно-психологические детерминанты коррупционного поведения. Социологические данные показывают, что 90,4% респондентов видят цель коррупционных действий в достижении личных выгод [Радионова, 2023, с. 179], следовательно, устранение самих условий, порождающих корыстную мотивацию, должно идти параллельно с жёсткими правовыми и организационными мерами. Только системный подход, при котором законодательные новации сочетаются с организационной перестройкой и воспитательной работой, способен существенно снизить уровень коррупционной поражённости сферы расследования налоговых преступлений.

Заключение

Проведённое исследование позволило установить, что коррупционная составляющая при расследовании налоговых преступлений представляет собой сложное, многоаспектное криминальное явление, которое проявляется в форме преступного бездействия, содействия в реализации схем уклонения от уплаты налогов, а также в манипулировании процессуальными

решениями со стороны должностных лиц налоговых и правоохранительных органов. Высокий уровень латентности данной категории деяний, а также значительные суммы потенциального ущерба бюджетной системе Российской Федерации обусловливают необходимость выработки комплексного подхода к противодействию. Детерминантами коррупционной составляющей выступают экономические, правовые, организационные, нравственно-психологические и кадровые факторы, каждый из которых требует целенаправленного воздействия.

Предложенная система мер включает конкретные изменения уголовного закона – внесение в ст. 290 и 285 УК РФ квалифицирующих признаков, отражающих связь с налоговыми преступлениями, – а также реформирование процессуального порядка возбуждения дел с восстановлением права следователя на самостоятельное инициирование уголовного преследования при условии прокурорского надзора и судебного контроля. Организационные меры (обязательная ротация кадров, создание единой защищённой платформы межведомственного документооборота, усиление контроля за расходами чиновников) и профилактические мероприятия по формированию антикоррупционного правосознания дополняют законодательные преобразования и в совокупности создают многоуровневый барьер для коррупционных проявлений. Только такой системный подход, сочетающий уголовно-правовые, процессуальные, организационные и воспитательные меры, позволит минимизировать коррупционные риски и обеспечить неотвратимость ответственности за совершение налоговых преступлений.

Библиография

1. Батюкова В.Е. Некоторые вопросы, касающиеся совершенствования уголовно-правовой политики в сфере противодействия налоговым преступлениям // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 4. С. 21–27.
2. Гришко Н.А. К вопросу о сущности обеспечения оперативно-розыскного выявления и раскрытия налоговых преступлений оперативными подразделениями ОВД // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3. С. 12–18.
3. Зрелов А.П. Налоговые преступления и коррупционные риски: выявление и предупреждение // Налоговед. 2023. № 2. С. 58–66.
4. Кучеров И.И. Налоговые преступления: теория и практика расследования. М.: Норма, 2020. 312 с.
5. Ларичев В.Д., Панкратьев А.Н. Организация взаимодействия подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел с налоговыми органами и органами предварительного следствия при выявлении и возбуждении уголовных дел по налоговым преступлениям: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 198 с.
6. Оперативно-розыскное обеспечение налоговой безопасности (вопросы теории и практики). 2023. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 11.05.2026).
7. Панов А.Ю. Направления оперативно-розыскного обеспечения противодействия коррупционным преступлениям в налоговых органах // Налоговые и таможенные проблемы, финансовое право, бюджетное право. 2021. № 8. С. 42–48.
8. Панеях Э. Почему следователи хотят возбуждать налоговые дела без чужой помощи. Forbes (Россия). 2023. URL: https://enforce.spb.ru/chronicle/publications-of-the-media/6114-ella-paneyakh-forbes-pochemu-sledovateli-khotyat-vozbuzhdat-nalogovye-dela-bez-chuzhoj-pomoshchi
9. Платонова Л.В. Криминологическая характеристика преступлений в сфере налогообложения // Проблемы борьбы с новыми видами экономических преступлений в России и США: материалы международной конференции. М.: ЮрИнфоР-МГУ, 1997. URL: http://jurinfor.ru/conf/law/1997-002/97002-24.php
10. Радионова Т.Ю. Криминогенные детерминанты коррупционной преступности // Молодой учёный. 2023. № 6 (453). С. 178–180.
11. Соловьёв И.Н. Налоговые преступления: практика расследования и проблемы правоприменения. М.: ЮрИнфоР, 2021. 256 с.
12. Харченко О.В. Криминологическое исследование противодействия налоговым преступлениям как угрозе экономической безопасности // GIEF Journal. 2024. С. 19–22.
13. Яни П.С. Коррупция в налоговой сфере: квалификация и доказывание // Законность. 2022. № 5. С. 41–48.

Corruption Component in the Investigation of Tax Crimes: Criminal Law and Criminological Analysis

Shamil R. Radzhabov

PhD in Law, Associate Professor,
Dagestan State University,
367000, 43a, M. Gadzhieva St., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: shamil.1503@mail.ru

Elmira M. Zairbekova

Master's Graduate,
Majoring in "Jurisprudence",
North Caucasus Institute (branch),
All-Russian State University of Justice,
367000, 61, Kerimova St., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: shamil.1503@mail.ru

Abstract

Based on a comprehensive criminal law and criminological analysis, the article reveals the problem of the corruption component in the investigation of tax crimes. The relevance of the topic is due to the high degree of public danger of both tax and corruption crimes for the economic security of the state, as well as their close interrelation at all stages of criminal proceedings. Objective: to identify key forms and mechanisms of corruption manifestation in the process of detecting, initiating, and investigating criminal cases of tax crimes, to determine the main determinants of this phenomenon, and to develop scientifically substantiated proposals for improving countermeasures, including amendments to criminal and criminal procedure legislation. The research employed the dialectical method of understanding socio-legal phenomena, general scientific methods (analysis, synthesis, systems approach), as well as specific scientific methods (formal-legal, statistical, legal modeling method). The work presents the author's classification of forms of the corruption component, including: corrupt inaction of officials at the stage of detecting signs of a crime; corrupt assistance in the implementation of criminal schemes for tax evasion; and corrupt manipulation of procedural decisions. The conclusion is substantiated that the high level of latency of this category of crimes is directly related to corrupt opposition from employees of regulatory and law enforcement agencies. The necessity is substantiated of amending Articles 290 and 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, reforming the procedural procedure for initiating and investigating tax cases, implementing personnel rotation mechanisms, and strengthening anti-corruption standards.

For citation

Radzhabov Sh.R., Zairbekova E.M. (2026) Korruptsionnaya sostavlyayushchaya pri rassledovanii nalogovykh prestupleniy: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy analiz [Corruption Component in the Investigation of Tax Crimes: Criminal Law and Criminological Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 475-485. DOI: 10.34670/AR.2026.88.46.059

Keywords

Corruption, tax crime, economic security, tax evasion, investigation of tax crimes, bribery, latency, anti-corruption measures, criminal policy, interagency cooperation, amendment of the Criminal Code of the Russian Federation, determinants of corruption, law enforcement practice.

References

1. Batyukova, V. E. (2019). Nekotorye voprosy, kasayushchiesya sovershenstvovaniya ugolovno-pravovoy politiki v sfere protivodeystviya nalogovym prestupleniyam [Some issues concerning the improvement of criminal law policy in the field of counteracting tax crimes]. *Bulletin of the Russian Law Academy*, (4), 21-27.
2. Grishko, N. A. (2022). K voprosu o sushchnosti obespecheniya operativno-rozysknogo vyyavleniya i raskrytiya nalogovykh prestupleniy operativnymi podrazdeleniyami OVD [On the issue of the essence of providing operational-search detection and disclosure of tax crimes by operational units of the Department of Internal Affairs]. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, (3), 12-18.
3. Kharchenko, O. V. (2024). Kriminologicheskoe issledovanie protivodeystviya nalogovym prestupleniyam kak ugroze ekonomicheskoy bezopasnosti [Criminological study of counteracting tax crimes as a threat to economic security]. *GIEF Journal*, 19-22.
4. Kucherov, I. I. (2020). *Nalogovye prestupleniya: teoriya i praktika rassledovaniya* [Tax crimes: Theory and practice of investigation]. Norma.
5. Larichev, V. D., & Pankratyev, A. N. (2024). *Organizatsiya vzaimodeystviya podrazdeleniy ekonomicheskoy bezopasnosti i protivodeystviya korruptsii organov vnutrennikh del s nalogovymi organami i organami predvaritelnogo sledstviya pri vyyavlenii i vozbuzhdenii ugolovnykh del po nalogovym prestupleniyam* [Organization of interaction between economic security and anti-corruption units of internal affairs bodies with tax authorities and preliminary investigation bodies in the detection and initiation of criminal cases for tax crimes]. Yurlitinform.
6. Operativno-rozysknoe obespechenie nalogovoy bezopasnosti (voprosy teorii i praktiki) [Operational-search support for tax security (issues of theory and practice)]. (2023). Retrieved from https://cyberleninka.ru
7. Paneyakh, E. (2023). Pochemu sledovateli khotyat vozbuzhdat nalogovye dela bez chuzhoy pomoshchi [Why investigators want to initiate tax cases without outside help]. *Forbes (Russia)*. Retrieved from https://enforce.spb.ru/chronicle/publications-of-the-media/6114-ella-paneyakh-forbes-pochemu-sledovateli-khotyat-vozbuzhdat-nalogovye-dela-bez-chuzhoj-pomoshchi
8. Panov, A. Yu. (2021). Napravleniya operativno-rozysknogo obespecheniya protivodeystviya korruptsionnym prestupleniyam v nalogovykh organakh [Directions of operational-search support for countering corruption crimes in tax authorities]. *Tax and Customs Problems, Financial Law, Budget Law*, (8), 42-48.
9. Platonova, L. V. (1997). Kriminologicheskaya kharakteristika prestupleniy v sfere nalogooblozheniya [Criminological characteristics of crimes in the field of taxation]. In *Problems of combating new types of economic crimes in Russia and the USA: Proceedings of the international conference*. YurInfoR-MGU. Retrieved from http://jurinfor.ru/conf/law/1997-002/97002-24.php
10. Radionova, T. Yu. (2023). Kriminogennye determinanty korruptsionnoy prestupnosti [Criminogenic determinants of corruption crime]. *Young Scientist*, (6), 178-180.
11. Solovyov, I. N. (2021). *Nalogovye prestupleniya: praktika rassledovaniya i problemy pravoprimeneniya* [Tax crimes: Investigation practice and law enforcement problems]. YurInfoR.
12. Yani, P. S. (2022). Korruptsiya v nalogovoy sfere: kvalifikatsiya i dokazyvanie [Corruption in the tax sphere: Qualification and proof]. *Legality*, (5), 41-48.
13. Zrelov, A. P. (2023). Nalogovye prestupleniya i korruptsionnye riski: vyyavlenie i preduprezhdenie [Tax crimes and corruption risks: Detection and prevention]. *Taxologist*, (2), 58-66.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.48.92.062**

Проблемные вопросы установления признаков специального субъекта по статье 156 УК РФ

Пахомова Виктория Вячеславовна

Аспирант,
Московский государственный юридический
университет имени О.А. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: stafeeva_victoria@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются доктринальные и правоприменительные проблемы установления признаков специального субъекта преступления по статье 156 УК РФ. Рассматриваются разнородные правовые основания обязанностей по воспитанию: нормативно-правовые акты, договорные обязательства, служебные функции и фактические семейные обстоятельства, выявляются концептуальные разногласия научной доктрины. Автор предлагает включить в число субъектов анализируемого состава преступления фактических воспитателей, которые в практике зачастую участвуют в самом процессе воспитания несовершеннолетних, несмотря на отсутствие такой обязанности у них в Семейном кодексе РФ, при этом исключить из текста самой статьи упоминание о профессиональных организациях с целью избежание громоздкости в формулировке состава, включив данных субъектов в понятие «иные лица». На основе проведенного исследования автор предлагает авторскую редакцию диспозиции статьи 156 УК РФ.

Для цитирования в научных исследованиях

Пахомова В.В. Проблемные вопросы установления признаков специального субъекта по статье 156 УК РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 486-496. DOI: 10.34670/AR.2026.48.92.062

Ключевые слова

Статья 156 УК РФ, специальный субъект, обязанности по воспитанию, жестокое обращение, фактические воспитатели.

Введение

Несовершеннолетние – одни из самых незащищенных слоев населения, требующие особой защиты от государства. В настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК) предусмотрена статься 156, устанавливающая ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по воспитанию несовершеннолетних.

Субъект преступления, о котором идет речь в статье 156 УК, является специальным. Законодатель, определяя его признаки, использовал довольно громоздкие формулировки, к тому же, допуская логические противоречия. В одном случае, он указывает на профессию, в другом, на должность лица, в третьем, на вид его обязанностей по отношению к ребенку. Это обстоятельство затрудняет применение статьи 156 УК на практике.

Основное содержание

Вначале рассмотрим общую структуру признаков субъекта, опираясь на текст статьи.

Субъект преступления, о котором идет речь в статье 156 УК, является специальным. Исходя из содержания диспозиции анализируемой нормы, к уголовной ответственности могут быть привлечены:

1) родители;

2) иные лица, на которых возложены эти обязанности;

3) педагогические работники, работники образовательных, медицинских и социальных организаций, иных организаций.

В России родителями считаются лица, сведения о которых внесены в запись акта о рождении ребенка (ст. 51 СК РФ). Их права и обязанности возникают с момента рождения ребенка и прекращаются, когда он достигает совершеннолетия, вступает в брак или проходит эмансипацию (ст. 61 СК РФ, ч. 2 ст. 21, ч. 2 ст. 27 ГК РФ). Для квалификации по статье 156 УК недостаточно одного подтверждения биологического родства. С точки зрения уголовного закона родительские права и обязанности возникают у лица только по достижении 16-летнего возраста (ч. 2 ст. 62 СК РФ). До этого несовершеннолетнему родителю назначается опекун для совместного осуществления воспитательных функций, либо органы опеки и попечительства оказывают содействие в воспитании ребенка. Статья 63 СК РФ закрепляет приоритетный статус родителей в воспитании детей перед иными лицами. Лица, лишенные или ограниченные в родительских правах судебным решением, освобождаются от обязанностей по воспитанию и не подлежат ответственности по статье 156 УК.

К иным лица, имеющим обязанность заботиться о несовершеннолетних, закон относит усыновителей, опекунов, попечителей и приемных родителей. Усыновление, приемная семья, опека и попечительство являются основными формами устройства детей, лишённых родительского попечения.

Усыновители приобретают родительские права в соответствии со статьей 137 Кодекса. Их права и обязанности приравниваются к правам и обязанностям родственников по происхождению, соответственно, они должны нести уголовную ответственность за неисполнение/ненадлежащее исполнений обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Так поступил один из судов Московской области, осудив М. по статье 156, которая усыновив малолетнего ребенка Д., периодически избивала сына, оскорбляла его, унижала честь и достоинство [Западнова, 2021, с. 60-61]. При этом, хотим отметить, что в судебной практике

редко встречаются подобные субъекты преступления.

Обязанности по воспитанию ребенка возлагаются также на опекунов (ст. 148 СК РФ), попечителей (ст. 36 ГК РФ), приемных родителей (ст. 153 СК РФ). В связи с этим, данные лица тоже могут быть признаны субъектами преступления. Таковой суд признал опекуна Калашникову, которая не покупала ребенку одежду, не предоставляла в доме спальное место, не готовила еду, не давала ему учиться, заставляя при этом десятилетнего ребенка выполнять тяжелую работу: приготовление на всех членов семьи еды, мытье за всеми посуды, уборка по дому; если подопечная выполняла работу некачественно, наказывала ее, запрещала общаться со сверстниками [Западнова, 2021, с. 60-61].

К., будучи приемным родителем четырех несовершеннолетних, ненадлежащим образом исполняла возложенные на нее обязанности по их воспитанию и содержанию. Виновная не обеспечивала условий для полноценного развития подопечных, допускала применение насилия и систематически уклонялась от организации необходимого медицинского обследования и лечения. Кроме того, она нарушала режим сна и отдыха несовершеннолетних, применяя методы воспитания, включающие унижение человеческого достоинства, словесные оскорбления и эксплуатацию детей. Под угрозой лишения пищи она ежедневно поднимала их в 4:30 утра и принуждала к выполнению тяжелой физической работы. В результате таких действий был нарушен нормальный режим отдыха несовершеннолетних, что негативно отразилось на их способности полноценно осваивать школьную программу. Кроме того, К., игнорируя право детей на общение с родителями и другими родственниками, без достаточных оснований ограничивала их телефонные контакты с близкими [Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Ершовского района по делу № 1-22/2021, 2021].

В научных кругах к иным лицам предлагают также относить близких родственников несовершеннолетнего, а также иных лиц, осуществляющих фактическое воспитание ребенка [Защитить права детей..., 2009, с. 62; Александров, Антонов и др., 2007, с. 271]. При этом возникают различные теоретические проблемы в процессе классификации таких правонарушителей. Следует отметить, что передача несовершеннолетнего на воспитание другому лицу не регулируется законом, хотя в реальной жизни это часто происходит, например, во время праздников или болезни ребенка могут передать близким родственникам; при рождении второго или третьего ребенка родители просят бабушек и дедушек позаботиться о первом ребенке. В семейном праве таких лиц относят к фактическим воспитателям (глава 15), под которыми понимают тех лиц, кто содержит и воспитывает ребенка, даже если они не связаны с ним формальными родственными узами и не несут такой ответственности в силу закона [Апанович, Трифонова (сост.), 2014, с. 75].

В Семейном кодексе (ст. 67) прописано, что бабушки, дедушки, братья, сестра и другие родственники имеют право на общение с ребенком, которое обеспечивается органами опеки и попечительства либо судом в случае, если родители нарушают данное право; в главе 15 Закона упоминается, что на фактических воспитателей может быть возложена обязанность уплачивать алименты на их содержание, но сама возможность передачи ребенка им на определенное время для осуществления воспитания прямо не предусмотрена. Отсюда, некоторые авторы считают, что они не могут быть признаны субъектами преступления. В случае жестокого обращения с ребенком в подобных случаях виновные могут быть привлечены к уголовной ответственности на общих основаниях (побои, причинение вреда здоровью и т.д.). Примером такого подхода к оценке субъекта может послужить один из изученных нами приговоров. После первого брака у женщины остались две маленькие девочки. Ее новый супруг занялся воспитанием детей, когда

последние не смогли выполнить его очередное требование, он схватил шнур от телефонной зарядки, и начал наносить удары, продолжив бить их ремнем брюк, вследствие чего у девочек остались кровоподтеки и ссадины. Как позже выяснило следствие, подобные методы воспитания отчим применял к несовершеннолетним систематически [Серебровская, www...]. Суд не признал отчима субъектом преступления, предусмотренного статьей 156 УК, и привлек его к ответственности за истязание.

На сегодняшний день фактические воспитатели не признаются субъектами рассматриваемого состава преступления, однако в УК предусмотрено отягчающее обстоятельство, содержащееся в п. «п» ч. 1 ст. 63 УК. В нем выделяются лица, проживающие совместно с несовершеннолетним и оказывающие воспитательное воздействие на него. Несмотря на то, что указанные лица не могут быть привлечены к ответственности по статье 156 УК, закон акцентирует внимание правоприменителя на том, что они занимают важное место в жизни несовершеннолетнего, могут принимать непосредственное участие в воспитании ребенка, и данное обстоятельство необходимо учитывать как отягчающее. Данное отягчающее обстоятельство по рассматриваемой категории лиц была внесена Федеральным законом № 38-ФЗ в УК 06.03.2022 г., практика по ним не многочисленна, в основном, она направлена на лиц, совместно, проживающих с несовершеннолетними (отчимы и мачехи) [Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-2677/2023, 2023; Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-3076/2024, 2024; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-1960/2025, 2025], иные родственники нам пока не встречались в приговорах судов, однако предпосылки для введения их впоследствии в качестве субъектов преступлений по статье 156 УК уже имеются.

Нами были выявлены решения, в которых некоторые суды тоже считают, что нельзя пренебрегать тем, что фактические воспитатели также имеют не малое значение в процессе развития личности несовершеннолетнего. В одном из обзоров судебной практики, к примеру, отмечается, что воспитывать детей могут и другие лица, не являющиеся официальными опекунами и попечителями, но взявшие к себе детей на постоянное воспитание [Обобщение практики рассмотрения уголовных дел по ст. 156 УК РФ (Ивдельский городской суд), www...; Обобщение судебной практики рассмотрения уголовных дел по ст. 156 УК РФ (судебный участок Гайского района), www...], а потому и они могут быть признаны субъектами преступления, предусмотренного статьей 156 УК. Данная позиция представляется убедительной, основанной на том, что анализируемая норма призвана противодействовать противозаконным «воспитательным методам», исходящим от лиц, воспринимаемых ребенком как близкие лица. Тем более, нередко фактические воспитатели без надлежащего оформления всех документов неофициально принимают непосредственное участие в воспитании несовершеннолетнего, забирая его от родителей на неопределенный период времени.

В связи с распространенностью данных ситуаций в октябре 2020 г. в Госдуму даже был внесен проект федерального закона № 1030390-7, касающийся временного пребывания детей у дедушек, бабушек, совершеннолетних братьев, сестер и других близких родственников. Законопроект предлагал внести дополнение в пункт 1 статьи 55 Семейного кодекса, добавив абзац следующего содержания: «Ребенок по собственному желанию и с согласия родителей вправе временно проживать у дедушек, бабушек, совершеннолетних братьев, сестер и других близких родственников».

В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что в действующем семейном законодательстве недостаточно отражены традиционные для российского общества

представления о роли близких родственников в воспитании детей. В воспитательном процессе особое участие традиционно принимают бабушки и дедушки. Тем не менее, по нынешнему законодательству временное пребывание ребенка с близкими родственниками не отличается от ситуации, когда он находится с посторонними лицами. Юридически это квалифицируется как отсутствие родительского попечения, что переводит данные отношения в сферу компетенции органов опеки и попечительства.

На практике такая ситуация чаще всего формализуется нотариальными доверенностями, содержание которых ограничивается разрешением со стороны родителей бабушкам и дедушкам находиться с внуками и защищать их интересы. Однако правовая природа таких доверенностей вызывает споры, поскольку они временно делегируют полномочия законного представителя другому лицу, что противоречит действующему законодательству. Время, проведенное с бабушками и дедушками или другими родственниками, часто воспринимается как лишение родительских прав. Такая ситуация разрушительна с точки зрения традиций российского общества и противоречит его устоям. Аналогичная ситуация возникает, когда родители не могут исполнять свои обязанности по уважительным причинам: назначение родственников временными опекунами и попечителями осуществляется так же, как и в случае с посторонними лицами, несмотря на то, что эти родственники и так часто активно участвуют в воспитании ребенка [Законопроект № 1030390-7, www...]. Однако данный законопроект все еще находится на рассмотрении.

В научных кругах нет единого мнения по рассматриваемому вопросу. Есть мнение, что нельзя вменять в вину не совершение тех действий по воспитанию несовершеннолетнего, которые не входили в круг его обязанностей [Гуль, 2005, с. 159-162]. Некоторые ученые полагают, что в качестве субъекта преступления следует признавать лиц, фактически присматривающих за ребенком [Андреев, 2011, с. 74]. Эта позиция заслуживает внимания, так как сегодня родители в силу различных обстоятельств оставляют на определенное время ребенка для присмотра посторонним лицам, однако, на наш взгляд, нельзя привлекать всех, кто временно присматривает за ребенком, так как воспитание несовершеннолетнего – это обязанность сугубо каждой семьи, поэтому мы считаем, что необходимо сузить круг субъектов до родственников несовершеннолетнего. Отказ от привлечения фактических воспитателей к уголовной ответственности не способствует обеспечению всесторонней защиты прав и законных интересов несовершеннолетних от преступных посягательств. Тем более, что семейное законодательство прописывает, что нельзя препятствовать общению ребенка с близкими родственниками. При этом, в практике довольно сложно ограничить участие ближайших родственников в процессах воспитания и формирования личностного развития несовершеннолетнего. Аналогичную позицию занимает О.М. Шаганова, которая предлагает дополнить диспозицию исследуемой нормы субъектами преступления, фактически реализующими функции воспитания ребенка, с обязательным указанием на их деятельность в рамках законодательства РФ [Шаганова, 2014, с. 10]. Л.А. Авдеева предлагает расширить субъектный состав статьи 156 УК, включив в него лиц, обязанных осуществлять надзор (присмотр) за несовершеннолетним [Авдеева, 2009, с. 20]. Нам трудно согласиться с данными мнением, так как воспитание и надзор отличаются друг от друга по своей сущности. Так, водитель школьного автобуса, обеспечивающий безопасность ребенка в пути, не наделен обязанностями по его воспитанию. Н.В. Коваль считает возможным привлекать к уголовной ответственности по рассматриваемой статье тех, от кого несовершеннолетний находится в материальной или иной зависимости [Коваль, 2014, с. 104]. Но, на наш взгляд, эта точка зрения

выходит за пределы уголовно-правовой охраны. В рамках указанной концепции лицо, лишенное родительских прав, в том числе права на воспитание ребенка, подлежит привлечению к уголовной ответственности по ст. 156 УК, что противоречит конструктивному содержанию объективной стороны данного состава преступления. Д.З. Зиядова предлагает расширить субъектный состав статьи 156 УК до любого дееспособного совершеннолетнего лица с трансформацией статуса родителей и законных представителей в квалифицирующий признак, повышающий общественную опасность деяния [Зиядова, 2004, с. 37]. Указанный подход не учитывает специфику объекта правовой охраны статьи 156 УК — общественных отношений, направленных на обеспечение физического, психического, духовного и нравственного развития несовершеннолетнего в процессе воспитания. Совершеннолетнее лицо в общем порядке не обладает обязанностями по надзору за несовершеннолетними и, соответственно, не наделено правами и обязанностями по осуществлению их воспитания.

На наш взгляд, исключать из списка субъектов преступления бабушек, дедушек, братьев и сестер, довольно скоропостижное решение, так как они наравне с родителями могут причинить не только физический вред, но и нанести ребенку сильную психологическую травму. В соответствии со ст. 14 СК РФ близкими родственниками несовершеннолетнему выступают родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушки, бабушки и внуки), полнородные и неполнородные (имеющими общих отца или мать) братья и сестры. Такая же позиция изложена и в ст. 5 УПК РФ, ст. 25.6 КоАП РФ и т.п. Близкие родственники на то и близкие, что всегда оказывают влияние на несовершеннолетних, эти люди не только постоянно окружают ребенка своим вниманием и заботой, но также и в некоторых случаях причиняют вред. Явно жестокое обращение с несовершеннолетним со стороны бабушки будет восприниматься потерпевшим острее, нежели если то же самое деяние совершит воспитатель детского сада.

Интересным является вопрос о том, подпадают ли под категорию «иные лица» няни, гувернантки, гувернеры и т.п. С нашей точки зрения, указанные лица не могут квалифицироваться в качестве субъектов анализируемого состава. Они не несут обязанностей по обеспечению всех жизненно важных интересов и потребностей несовершеннолетнего, включая предоставление питания, одежды, учебных принадлежностей и литературы. Договор с ними заключается родителями, усыновителями или опекунами и представляет собой гражданско-правовое соглашение об оказании конкретных платных услуг, не включающее функции воспитания несовершеннолетним.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в контексте диспозиции статьи 156 УК под «иными лицами, на которых возложены обязанности по воспитанию» следует понимать субъектов с обязанностями воспитания, установленными нормативно-правовыми актами, договорными обязательствами, служебными/трудовыми функциями, а также родственников, фактически осуществляющих воспитание в период, определенный родителями. Не должны признаваться субъектами преступления лица, которые не имеют родственных связей с детьми, в случае причинения ими вреда здоровью несовершеннолетнему, их следует привлекать по иным статьям УК. Во избежание разночтений на этапе правоприменительной практики данную проблему мог бы разрешить Пленум Верховного Суда РФ, разъяснив, что под иными лицами следует понимать тех, на кого возложены обязанности по воспитанию в силу закона, обязательств договорного характера, а также тех, кто осуществляет фактическое воспитание ребенка в силу сложившихся обстоятельств (братьев, сестер, дедушек, бабушек). Целесообразно дополнить Семейный кодекс положением о праве лиц, обязанных воспитывать

несовершеннолетнего, передавать ребенка на определенный срок лицам, фактически осуществляющим его воспитание и, соответственно, обязанность близких родственников, обладающих правом на общение с несовершеннолетним ребенком, оказывать положительное влияние на несовершеннолетнего в процессе воспитания в соответствии с действующим законодательством. Помимо изложенного, на наш взгляд, стоит внести в саму статью 156 УК в качестве субъектов преступления близких родственников ребенка, а родителей сделать субъектами квалифицированного состава статьи 156 УК.

К третьей группе субъектов преступления законодатель относит лиц, которые обязаны осуществлять надзор за несовершеннолетним в различных организациях. В этой связи необходимо уяснить, во-первых, перечень организаций, в которых этот «надзор» осуществляется, во-вторых, кто эти лица, призванные его осуществлять.

Из содержания уголовного закона следует, что открытым является как перечень организаций, так и перечень лиц, уполномоченных этот надзор осуществлять. В статье 156 УК к организациям, осуществляющим надзор, закон относит образовательную, медицинскую организации; организации, оказывающие социальные услуги либо иные организации, у которых есть данная обязанность. Для того чтобы понять, что закон подразумевает под иными организациями, следует обратиться к статье 4 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», где указывается, что к ним также относятся: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции). В данной статье определены те органы, которые так или иначе вовлечены в профилактику безнадзорности среди несовершеннолетних, при этом с ними постоянно взаимодействуют министерства и ведомства.

К субъектам с профессиональными обязанностями по надзору за несовершеннолетними относятся сотрудники образовательных, медицинских, социальных организаций и иных структур, на которые законодательство возлагает соответствующие функции. При квалификации деяния по рассматриваемой статье в каждой ситуации необходимо установить объем полномочий сотрудника. Примером анализируемой категории субъекта преступления может послужить действия виновной Вербицкой, являющейся педагогическим работником образовательной организации КОУ ВО «Г. казачий кадетский корпус». По причине того, что несовершеннолетняя, по мнению виновной, не раз нарушала дисциплину в образовательном учреждении, Вербицкая неоднократно применяла физическое и психологическое насилие в отношении потерпевшей. Так, в марте 2022 г. во дворе образовательного учреждения дождалась ребенка, схватила его за шею и начала душить. В апреле 2022 г. повторила те же самые противоправные действия в отношении того же ребенка в бытовке. Деяние также сопровождалось высказываниями в грубой форме. Своими умышленными преступными действиями Вербицкая допустила в отношении своей воспитанницы жестокое обращение, вызвавшее у нее физическую боль и психические страдания, что выражалось в чувстве обиды из-за причиненного насилия, страхе перед его повторением, невозможности защититься в силу возраста и состояния здоровья, а также тревоге за собственное благополучие и ощущении беззащитности перед данным сотрудником учреждения. Педагог был привлечен к ответственности по ст. 156 УК [Приговор мирового судьи судебного участка № 2 в Острогожском судебном районе по делу № 1-10/2023, 2023].

К указанной категории также относятся лица, на которых локальными нормативными актами возложены обязанности по надзору за несовершеннолетними. Для квалификации действий таких лиц по статье 156 УК требуется установить: 1) нормативно-правовую основу их деятельности; 2) конкретные функциональные обязанности, нарушение которых выразилось в жестоком обращении с ребенком.

На наш взгляд, обширный перечень работников организаций с обязанностями по воспитанию несовершеннолетних создает нормативную громоздкость статьи 156 УК, а также порождает сложности в толковании и проблемы разграничения специальных субъектов преступления. Считаем, что категория субъектов «иные лица, на которых возложены обязанности по воспитанию» также может включать в себя и работников иных организаций, обязанности которых будут закреплены в нормативных правовых актах, а также предусмотрены в трудовом договоре, должностных инструкция и в иных локальных документах. На наш взгляд, нецелесообразно и неоправданно выделять их в отдельную категорию. Данная корректировка упростит понимание самой статьи, а также оставит открытым список обязанных лиц.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, полагаем необходимым расширить круг субъектов, подлежащих ответственности по статье 156 УК, с указанием на то, что к иным лицам относятся лица, фактически осуществляющее обязанности по воспитанию ребенка, выделить родителей в качестве субъектов преступления в отдельную квалифицированную часть статьи 156 УК и исключить из анализируемого состава преступления формулировку «педагогический работник, работник образовательной, медицинской и социальной организации, а также иной организации», так как перечисление указанных лиц является излишним в рассматриваемом составе. Таким образом, при описании субъектов рассматриваемого преступления представить статью 156 УК в следующей редакции:

1. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего опекуном, попечителем или иным лицом, фактически осуществляющим обязанности по воспитанию несовершеннолетнего или на которое возложены эти обязанности…

2. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем, усыновителем…».

Библиография

1. Западнова Ю.А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: уголовно-правовой и криминологический аспекты: монография / Ю.А. Западнова. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. С. 60-61.
2. Приговор мирового судьи судебного участка N 2 Ершовского района от 03.12.2021по делу № 1-22/2021 // КонсультантПлюс: СПС [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.04.2026).
3. Защитить права детей. Методические рекомендации по выявлению и привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 156 УК РФ // Участковый. 2009. № 5. С. 62; Уголовный закон в практике мирового судьи: научно-практическое пособие / [А. Н. Александров, Ю. И. Антонов и др.]; под ред. А. В. Галаховой; Российская академия правосудия. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2007. С. 271.
4. Семейное право: учебное пособие / сост. Е. С. Апанович, Т. А. Трифонова. – Иркутск. 2014. С 75.
5. Е. Серебровская. Отчим-гастарбайтер жестоко избил 4-летнюю девочку за то, что не смогла сосчитать до пяти//Комсомольская Правда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.krsk.kp.ru/daily/26819.5/3856358/ (дата обращения 12.04.2026).
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.06.2023 по делу № 77-2677/2023;

Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.08.2024 по делу № 77-3076/2024; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.07.2025 по делу № 77-1960/2025 // КонсультантПлюс: СПС [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.04.2026).
7. Обобщение практики рассмотрения в 2008 году уголовных дел по ст. 156 УК РФ// Ивдельский городской суд Свердловской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ivdelsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=56 (дата обращения: 12.04.2026); Обобщение судебной практики рассмотрения уголовных дел по ст. 156 УК РФ // Официальный сайт судебного участка в административно-территориальных границах Гайского района Оренбургской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gair.kodms.ru/press/obobschenie-sudebnoj-praktikirassmotreniya-ugolov/(дата обращения: 12.04.2026).
8. Законопроект № 1030390-7 о внесении изменений в статью 55 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 13 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» (в части временного пребывания детей у дедушек, бабушек, совершеннолетних братьев, сестёр и других близких родственников) // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1030390-7#bh_note (дата обращения: 12.04.2026).
9. Гуль Н. В. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Журнал Российского права. 2005. № 3. С. 159-162.
10. Андреев В. Л. Направление реализации уголовной политики в сфере уголовно-правовой охраны интересов семьи и несовершеннолетних // Вестник СПБУ МВД России. 2011. № 1. С. 74.
11. Шаганова О. М. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омская акад. МВД России, 2014. С. 10.
12. Авдеева Л. А. Уголовно-правовая охрана семейных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. 2009. С. 20.
13. Коваль Н. В. К вопросу о специальном субъекте неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Современные тенденции развития российского уголовного законодательства: сборник материалов круглого стола. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2014. С. 104.
14. Зиядова Д. З. Роль правовой защиты несовершеннолетних в предупреждении преступности в подростковой среде // Следователь. 2004. № 8. С. 37.
15. Приговор мирового судьи судебного участка N 2 в Острогожском судебном районе Воронежской области от 15.12.2023 по делу № 1-10/2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ostrogozhsk2.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=83353786&delo_id=1540006 (дата обращения: 12.04.2026).

Problematic Issues in Establishing the Characteristics of a Special Subject under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation

Viktoria V. Pakhomova

Postgraduate Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: stafeeva_victoria@mail.ru

Abstract

The article examines doctrinal and law enforcement problems in establishing the characteristics of a special subject of a crime under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation. Heterogeneous legal grounds for duties of upbringing are considered: normative legal acts, contractual obligations, official functions, and actual family circumstances; conceptual disagreements in the scientific doctrine are identified. The author proposes to include among the subjects of the analyzed criminal offense actual caregivers, who in practice often participate in the very process of upbringing minors, despite the absence of such a duty for them in the Family Code

of the Russian Federation, while at the same time excluding from the text of the article itself any mention of professional organizations in order to avoid cumbersomeness in the formulation of the offense, including these subjects within the concept of "other persons." Based on the conducted research, the author proposes an original wording for the disposition of Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation.

For citation

Pakhomova V.V. (2026) Problemnyye voprosy ustanovleniya priznakov spetsial'nogo sub"yekta po stat'ye 156 UK RF [Problematic Issues in Establishing the Characteristics of a Special Subject under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 486-496. DOI: 10.34670/AR.2026.48.92.062

Keywords

Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation, special subject, duties of upbringing, cruel treatment, actual caregivers.

References

1. Zapadnova Yu.A. Failure to fulfill responsibilities for the upbringing of a minor: criminal-legal and criminological aspects: monograph / Yu.A. Zapadnova. - Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. Pp. 60-61.
2. Verdict of the Justice of the Peace of Judicial District No. 2 of the Yershovsky District dated 03.12.2021 in case No. 1-22/2021 // ConsultantPlus: SPS [Electronic resource]: http://www.consultant.ru/ (date accessed: 12.04.2026).
3. Protect the rights of children. Methodological recommendations for the identification and prosecution of persons who have committed crimes under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation // District Police Officer. 2009. No. 5. P. 62; Criminal Law in the Practice of a Justice of the Peace: A Scientific and Practical Handbook / [A. N. Alexandrov, Yu. I. Antonov et al.]; edited by A. V. Galakhova; Russian Academy of Justice. 2nd ed., suppl. Moscow: Norma, 2007. P. 271.
4. Family Law: A Textbook / compiled by E. S. Apanovich, T. A. Trifonova. – Irkutsk. 2014. P. 75.
5. E. Serebrovskaya. A Migrant Worker Stepfather Brutally Beat a Four-Year-Old Girl Because She Couldn't Count to Five//Komsomolskaya Pravda. [Electronic resource]. – Available at: https://www.krsk.kp.ru/daily/26819.5/3856358/ (accessed on 12.04.2026).
6. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 01.06.2023 in Case No. 77-2677/2023; Cassation Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated 13.08.2024 in Case No. 77-3076/2024; Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 02.07.2025 in Case No. 77-1960/2025 // ConsultantPlus: SPS [Electronic resource]: http://www.consultant.ru/ (date accessed: 12.04.2026).
7. Generalization of the practice of considering criminal cases under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2008 // Ivdel City Court of Sverdlovsk Region. [Electronic resource]. – Access mode: http://ivdelsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=56 (date accessed: 12.04.2026); Generalization of judicial practice in considering criminal cases under Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation // Official website of the judicial precinct within the administrative-territorial boundaries of the Gaisky District of the Orenburg Region. [Electronic resource]. – Access mode: http://gair.kodms.ru/press/obobschenie-sudebnoj-praktikirassmotreniya-ugolov/ (date accessed: 12.04.2026).
8. Bill No. 1030390-7 on Amendments to Article 55 of the Family Code of the Russian Federation and Article 13 of the Federal Law "On Guardianship and Trusteeship" (regarding the temporary stay of children with grandparents, adult brothers, sisters, and other close relatives) // System for Ensuring Legislative Activity. [Electronic resource]. - Access mode: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1030390-7#bh_note (date accessed: 12.04.2026).
9. Gul N.V. Criminal Liability for Failure to Fulfill Duties to Raise a Minor // Journal of Russian Law. 2005. No. 3. Pp. 159-162.
10. Andreev V. L. Direction of implementation of criminal policy in the sphere of criminal-legal protection of interests of family and minors // Bulletin of SPBU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1. P. 74.
11. Shaganova O. M. Criminal liability for failure to fulfill duties to raise a minor: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences: 12.00.08. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. P. 10.

12. Avdeeva L. A. Criminal-legal protection of family relations: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences: 12.00.08. 2009. P. 20.
13. Koval N. V. On the issue of a special subject of failure to fulfill duties to raise a minor // Modern trends in the development of Russian criminal legislation: collection of materials from a round table. M.: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2014. P. 104.
14. Ziyadova D. Z. The Role of Legal Protection of Minors in Preventing Crime Among Teens // Investigator. 2004. No. 8. P. 37.
15. Verdict of the Magistrate of Judicial Precinct No. 2 in the Ostrogozhsk Judicial District of the Voronezh Region dated 15.12.2023 in Case No. 1-10/2023. [Electronic resource]. – Access mode: https://ostrogozhsk2.vrn.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=83353786&delo_id=1540006 (accessed: 12.04.2026).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 34 **DOI: 10.34670/AR.2026.62.10.001**

Отечественный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия экстремистским преступлениям, совершаемые членами религиозных сект

Сошников Илья Дмитриевич

Аспирант,
Всероссийский государственный университет юстиции,
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, 2к1;
e-mail: ilya.soshnikov.01@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу отечественного и зарубежного опыта уголовно-правового противодействия экстремистским преступлениям, совершаемым членами религиозных сект. Основное внимание уделяется российской правоприменительной практике по статье 282.2 УК РФ, которая криминализирует организацию деятельности и участие в деятельности экстремистской организации. На примере конкретных судебных решений (в отношении организаций «Свидетели Иеговы», «Ат-Такфир ва-ль-Хиджра», «Алтын адам – Алтын жүрек») раскрывается специфика отечественного подхода, основанного на судебном запрете организации с последующей уголовной ответственностью за любые действия по её продолжению или воссозданию, независимо от формального статуса. Особенностью российского механизма является его превентивная направленность и приоритет формально-юридического критерия, что порождает дискуссии о соразмерности ограничения свободы религии и объединений. В сравнительном аспекте рассматриваются подходы ряда зарубежных государств (Германия, Великобритания, США), где противодействие чаще сочетает уголовные, административные и профилактические меры с акцентом на конкретные противоправные действия. Делается вывод о комплексном характере российской модели, сочетающей судебный запрет, оперативно-розыскные мероприятия и уголовное преследование, что отражает её жесткую превентивную ориентацию в борьбе с организованными формами религиозно-мотивированного экстремизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Сошников И.Д. Отечественный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия экстремистским преступлениям, совершаемым членами религиозных сект // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 497-504. DOI: 10.34670/AR.2026.62.10.001

Ключевые слова

Религиозные секты, уголовно-правовое противодействие, экстремистская организация, судебная практика, свобода вероисповедания, запрет деятельности, сравнительный правовой анализ, превентивные меры.

Введение

Проблема противодействия экстремизму, реализуемому в рамках деятельности религиозных объединений и сект, занимает одно из центральных мест в повестке дня современных государств [Ахмадуллина, 2024]. Сложность данного явления обусловлена его двойственной природой: с одной стороны, оно эксплуатирует фундаментальное право человека на свободу совести и вероисповедания, гарантированное международными нормами (например, ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических прав от 16.12.1966) и национальными конституциями, а с другой – представляет реальную угрозу общественной безопасности, конституционному строю, правам и законным интересам граждан. Российская Федерация, как и большинство стран мира, стоит перед необходимостью выстраивания сбалансированной правовой политики, которая, с одной стороны, эффективно пресекала бы деструктивную деятельность, а с другой – не нарушала бы гарантированные свободы. В этой связи представляется исключительно актуальным сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта уголовно-правового противодействия экстремистским преступлениям, совершаемым в религиозной сфере. Российский подход, сформированный в последние два десятилетия, характеризуется уникальным двухэтапным правовым механизмом, сочетающим административный запрет организации и последующую уголовную ответственность за любую деятельность, направленную на ее продолжение, этот механизм регламентирован, прежде всего, Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 282.2 УК РФ (в ред. от 23.07.2025 № 216-ФЗ).

Основная часть

Квалифицирующим признаком ст. 282.2 УК РФ выступает совершение этих деяний лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3). Основное значение для правоприменения имеет примечание к статье, которое создает стимул для выхода из запрещенной организации: лицо, впервые совершившее преступление и добровольно прекратившее участие в деятельности экстремистской организации, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления (в ред. Федеральных законов от 06.07.2016 № 375-ФЗ, от 23.07.2025 № 216-ФЗ). Для корректной квалификации по ст. 282.2 УК РФ необходимым условием является наличие вступившего в законную силу судебного решения о признании конкретной организации экстремистской и запрете ее деятельности, это решение выносится в порядке административного судопроизводства по заявлению уполномоченных государственных органов на основании Федерального закона № 114-ФЗ. Итак, российская модель построена на последовательности: сначала организация запрещается судом как экстремистская, и лишь затем любая попытка ее воссоздания или продолжения ее работы влечет уголовную репрессию, данная логика делает норму формальной и превентивной: преступным признается уже сам факт организации или участия после запрета, независимо от того, сопровождались ли эти конкретные действия актами насилия или прямыми призывами к нему в данный момент.

Судебная практика по делам данной категории является репрезентативной иллюстрацией действия данного механизма. Так, апелляционное определение Орловского областного суда от 08.04.2024 по делу № 22-306/2024, оставившее без изменения приговор в отношении трех лиц, осужденных по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, базировалось на решении Орловского областного суда от

14.06.2016 (подтвержденном апелляционным определением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2016) о ликвидации местной религиозной организации «Свидетели Иеговы» в г. Орле. Суд установил, что осужденные, будучи старейшинами, после вступления запрета в силу в 2019-2020 гг. организовали деятельность, идентичную ликвидированной: проводили собрания через Zoom, координировали проповеди, собирали пожертвования, применяли конспирацию. Несмотря на доводы защиты о нарушении свободы совести (ст. 28 Конституции Российской Федерации, суд указал, что данное право не распространяется на продолжение деятельности запрещенного экстремистского объединения.

Аналогичная фабула присутствует в приговоре Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 25.03.2024 по делу № 1-6/2024 (УИД 18RS0009-01-2021-003206-13), где основанием стало решение Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2017 по делу № АКПИ17-238 о ликвидации «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России». Подсудимые, организовавшие после публикации этого решения (18.08.2017 в «Российской газете» № 184) деятельность ликвидированной местной организации, включая распространение экстремистской литературы («Священное Писание – Перевод нового мира»), были осуждены по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ [Батюкова, 2024].

Сфера действия ст. 282.2 УК РФ не ограничивается организациями, подобными «Свидетелям Иеговы», она активно применяется для противодействия радикальному исламистскому экстремизму. Приговор Каспийского городского суда Республики Дагестан от 19.02.2025 по делу № 1-368/2024 (УИД 05RS0021-01-2024-003545-91) в отношении М.М.М., осужденного по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, наглядно демонстрирует это. Подсудимый признан виновным в участии в деятельности запрещенной международной организации «Ат-Такфир валь-Хиджра». В приговоре детально описана структура «джамаата» (общины) с наличием «амира», систематическое изучение идеологии Сейида Кутба и Шукри Мустафы, сбор средств, пропаганда установления «шариатской формы правления» и практика «такфира». Данный пример показывает, как российские правоохранительные органы, используя оперативно-розыскные мероприятия, доказывают не только формальное участие, но и осознание лицом противоправности своих действий, их направленность на продолжение работы запрещенной структуры. Еще один показательный случай – приговор Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 02.10.2025 по делу № 1-152/2025 в отношении участников группы «Алтын адам – Алтын жүрек» («Золотой человек – Золотое сердце»), запрещенной решением Самарского областного суда. Здесь действия организатора были квалифицированы по ч. 1, а рядовых участников – по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ. В основу обвинения легли не только показания и материалы оперативно-розыскных мероприятий, но и заключения социолого-религиоведческой экспертизы, что подчеркивает комплексный подход к доказыванию.

Характерной чертой российской практики является то, что суды последовательно отклоняют доводы защиты, основанные на том, что после запрета юридического лица верующие вправе собираться как религиозная группа без образования юридического лица для совместного исповедания веры. Как следует из проанализированных решений, суды рассматривают такие действия не как реализацию конституционного права, а как целенаправленное продолжение деятельности именно той организационной структуры, которая была ликвидирована судом за экстремизм, особенно если эта деятельность координируется бывшими руководителями (старейшинами) и воспроизводит прежние формы и цели, это отражает формально-юридический приоритет российского подхода: главным является не субъективное восприятие

деятельности участниками, а ее объективное соответствие признакам продолжения работы запрещенного объединения [Глибовец, 2021].

Переходя к анализу зарубежного опыта, необходимо отметить его значительное разнообразие. В отличие от российской модели с ее единой, детализированной нормой о продолжении деятельности запрещенной организации, многие зарубежные правопорядки используют более диверсифицированный и часто более казуальный подход, сочетающий уголовные, административные и гражданско-правовые инструменты. При этом общим для большинства демократических государств является акцент на доказывании не самого факта участия в запрещенном объединении (хотя и такие нормы есть, например, в законодательстве о терроризме), а конкретных противоправных действий: разжигания ненависти, призывов к насилию, причинения вреда здоровью, получению доступа к конфеденциальной информации [Вольдимарова, 2021], финансовых махинаций [Восканян, 2019].

В Великобритании, например, основным законодательным актом в сфере противодействия ненависти является Закон о публичном порядке (Public Order Act) 1986 года, который дополнен положениями о религиозной ненависти Законом о расовой и религиозной ненависти (Racial and Religious Hatred Act) 2006 года. Данные нормы криминализируют угрозы, оскорбительные или унижающие высказывания, направленные на разжигание ненависти по признаку религии. Отдельно стоит Закон о предотвращении терроризма (Prevention of Terrorism Act) 2005 года и последующие антитеррористические законы, которые позволяют запрещать организации, связанные с терроризмом. Однако специальной нормы, аналогичной российской ст. 282.2 УК РФ, в британском праве нет. Противодействие деструктивным культам (сектам) часто ведется через механизмы гражданского права, регулирование благотворительной деятельности, контроль за сбором средств, а также через программы поддержки лиц, пострадавших от деятельности сект.

В Германии правовая система также предусматривает комплекс мер. Конституция ФРГ (Основной закон) в статье 9 позволяет запрещать объединения, цели или деятельность которых направлены против конституционного строя. На этом основании, например, были запрещены некоторые радикальные организации. Уголовный кодекс ФРГ содержит ряд relevantных норм: § 166 (Оскорбление вероисповедания, религиозных обществ и мировоззренческих объединений), § 130 (Подстрекательство к ненависти), § 129 (Создание преступных организаций) и § 129a (Создание террористических организаций). Норма § 129 УК ФРГ о создании преступной организации в некоторой степени функционально схожа со ст. 282.2 УК РФ, однако для ее применения требуется доказать, что организация создана для совершения конкретных преступных деяний (Straftaten). Немецкий подход к сектам (так называемым «психокультам») часто делает акцент на гражданско-правовой защите членов от манипуляций, на информационно-просветительской работе и консультировании, что координируется, в том числе, специальными государственными и общественными центрами по сектантству [Фоменко, 2023].

В США, в силу особенностей федеративного устройства и сильной традиции защиты Первой поправки к Конституции (свобода слова, религии, собраний), прямое запрещение религиозных организаций по признаку экстремистской идеологии крайне затруднено и происходит в исключительных случаях, обычно в связи с доказанными актами насилия или терроризма. Основной правовой инструментарий включает: 1) антидискриминационное законодательство и законодательство о «преступлениях на почве ненависти» (hate crimes), которое усиливает наказание за преступления, мотивированные, в том числе, религиозной

ненавистью; 2) законодательство о борьбе с терроризмом (например, Патриотический акт), позволяющее признавать организации иностранными террористическими и вводить против них санкции; 3) налоговое законодательство и законодательство о благотворительности, через которое осуществляется контроль за финансовыми потоками; 4) гражданские иски о причинении вреда, которые часто используются бывшими членами сект против лидеров. Акцент делается не на запрете идеологии, а на преследовании конкретных противоправных действий (мошенничество, причинение вреда здоровью, неуплата налогов, планирование террористических актов) и на программах дерадикализации.

Международно-правовое сотрудничество в данной сфере развивается, в частности, в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 и Конвенция ШОС по противодействию экстремизму от 09.06.2017 создают общие рамки для взаимодействия государств-членов, включая Россию, Китай, страны Центральной Азии, в вопросах криминализации экстремистской деятельности, выдачи лиц и правовой помощи [Глухов, 2024].

Проведенный сравнительный анализ позволяет выявить отличия и сходства подходов. Главное отличие российской модели – ее жесткая превентивность и формализм [Иванов, 2021]. Уголовная ответственность по ст. 282.2 УК РФ наступает за сам факт «продолжения деятельности» после судебного запрета, что позволяет правоохранительным органам действовать на ранней стадии, не дожидаясь реализации конкретных насильственных планов, что расширяет возможности государства в борьбе с законспирированными ячейками, но одновременно создает риски избыточного вмешательства в сферу религиозной жизни и возможных злоупотреблений [Иванов, 2019]. Зарубежные модели (в частности, германская, британская, американская) в большей степени ориентированы на принцип «вредного действия»: уголовная репрессия следует за конкретным, доказанным актом или призывом к насилию, разжиганию ненависти или иному существенному правонарушению, это обеспечивает более высокий уровень защиты свободы совести, но может снижать оперативность противодействия быстро радикализирующимся подпольным группам. Общим для всех рассматриваемых правопорядков является стремление отделить религиозные убеждения как таковые от противоправных действий. Ни в России, ни в Германии, ни в США не преследуется исповедание той или иной религии. Однако если под прикрытием религиозной практики осуществляются действия, направленные на разжигание вражды, подрыв конституционного строя, причинение вреда здоровью или обман, государство применяет весь арсенал правовых средств для их пресечения. Разница заключается в том, какой инструмент является первичным и какова степень формализации критериев преступности.

Таким образом, отечественный опыт уголовно-правового противодействия экстремизму в религиозной сфере, сформированный вокруг ст. 282.2 УК РФ и ФЗ-114, представляет собой целостную, жесткую и высокопревентивную модель. Ее эффективность в плане недопущения реанимации запрещенных структур и пресечения организованных форм религиозно-мотивированного экстремизма подтверждается обширной судебной практикой, включая приговоры в отношении «Свидетелей Иеговы» [запрещенная в России организация], «Ат-Такфир ва-ль-Хиджра» [запрещенная в России организация] и других организаций. Вместе с тем, эта модель порождает устойчивые дискуссии о ее соразмерности с точки зрения баланса между общественной безопасностью и индивидуальными свободами.

Зарубежный опыт, будучи более фрагментированным и акцентированным на конкретных деяниях, предлагает альтернативные, часто более мягкие и комплексные пути, сочетающие

уголовное право с административным регулированием, гражданско-правовыми исками и социально-профилактическими программами. Выбор той или иной модели определяется историческим контекстом, правовой традицией, структурой угроз и ценностными приоритетами конкретного общества. Для России, столкнувшейся с серьезными вызовами религиозного экстремизма и сепаратизма, жесткая превентивная модель представляется обоснованным ответом, хотя ее применение требует от правоприменителей высочайшей степени юридической точности и взвешенности, чтобы избежать произвола и необоснованного ограничения прав верующих [Иванов, 2010].

Заключение

На основе проведенного сравнительного анализа отечественного и зарубежного опыта уголовно-правового противодействия экстремизму в религиозной сфере представляется целесообразным сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование российской правоприменительной практики и усиление ее эффективности при сохранении необходимых гарантий прав граждан.

Для обеспечения единообразия судебной практики и четкого разграничения между уголовно наказуемым продолжением деятельности запрещенной организации и реализацией права на свободу совести в форме религиозной группы, Пленуму Верховного Суда Российской Федерации следует дать дополнительные разъяснения в новом постановлении, конкретизирующие объективные критерии такого разграничения (например, наличие координационного центра, воспроизводство иерархической структуры, целенаправленное распространение идеологии признанной экстремистской).

Учитывая превентивный характер ст. 282.2 УК РФ, необходимо развивать и законодательно закрепить комплекс мер социально-профилактического и реабилитационного характера, направленных на работу с рядовыми участниками запрещенных организаций, включая программы психологической помощи, социальной адаптации и правового просвещения, что успешно применяется в практике ряда европейских стран.

Для повышения качества доказывания и объективности судебных решений представляется важным совершенствование методик проведения комплексных судебных экспертиз (религиоведческих, психолого-лингвистических, социологических), которые должны не просто констатировать наличие признаков экстремизма в материалах, но и анализировать их функциональную роль в деятельности конкретной группы.

Целесообразно рассмотреть возможность внедрения в правоприменительную практику механизмов, стимулирующих добровольный отказ от участия в деятельности экстремистской организации на ранних стадиях, помимо уже существующего примечания к ст. 282.2 УК РФ, например, путем развития института сотрудничества со следствием с четкими процессуальными гарантиями.

Для более эффективного противодействия транснациональным религиозно-экстремистским сетям необходимо активизировать использование потенциала международных договоров, таких как Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г., в части обмена оперативной информацией, проведения совместных мероприятий и гармонизации подходов к криминализации. Наконец, учитывая дискуссионность вмешательства государства в религиозную сферу, следует обеспечить максимальную прозрачность и обоснованность процедуры судебного запрета организаций по ФЗ-114, включая

широкое привлечение независимых экспертов и обеспечение состязательности процесса, что будет способствовать повышению общественного доверия к применяемым мерам и их восприятию как соразмерных и необходимых в демократическом обществе.

Библиография

1. Ахмадуллина Р. Д. Противодействие проявлениям экстремизма средствами прокурорского надзора // Законность. 2024. № 6. С. 18 - 23.
2. Батюкова В. Е. Некоторые тенденции развития молодежного экстремизма в России // Современное право. 2024. № 5. С. 86 - 89.
3. Глибовец И. С. Профилактика правонарушений экстремистской направленности в деятельности религиозных объединений // Законность. 2021. № 11. С. 23 - 26.
4. Вольдимарова Н. Г. Проблемы регламентации уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны // Безопасность бизнеса. 2021. № 3. С. 34-39.
5. Восканян Р. О. Финансовые аспекты преступлений против мира // Преступления против мира: сборник трудов Международной научно- практической конференции, Москва, 30 ноября 2018 года / отв. ред. Б. В. Яцеленко. – Москва: РГ-Пресс, 2019. – С. 55-61.
6. Фоменко Е. В. Правовые основы противодействия терроризму. Уголовно-правовой и криминологический аспекты. – 2-е издание. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 186 с.
7. Глухов Е. А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. 2024. № 9. С. 30 - 40.
8. Иванов Н. Г. Рассуждения о терроризме в рамках андеграунда // Уголовное судопроизводство. 2021. № 1. С. 32-37.
9. Иванов Н. Г. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учебное пособие. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 145 с.
10. Иванов Н. Г. Реформирование нормы о содействии террористической деятельности // Уголовное право. 2010. № 5. С. 26-30.

Domestic and Foreign Experience of Criminal Legal Counteraction to Extremist Crimes Committed by Members of Religious Sects

Ilya D. Soshnikov

Postgraduate Student,
All-Russian State University of Justice,
117638, 2k1, Azovskaya St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ilya.soshnikov.01@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of domestic and foreign experience in criminal legal counteraction to extremist crimes committed by members of religious sects. The main attention is paid to Russian law enforcement practice under Article 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, which criminalizes the organization of activities and participation in the activities of an extremist organization. Using the example of specific court decisions (against the organizations "Jehovah's Witnesses", "At-Takfir wal-Hijra", "Altyn adam – Altyn zhurek"), the specifics of the domestic approach are revealed, based on a judicial ban of the organization followed by criminal liability for any actions to continue or recreate it, regardless of formal status. A feature of the Russian mechanism is its preventive orientation and priority of the formal legal criterion, which gives rise to discussions about the proportionality of restricting freedom of religion and association. In a

comparative aspect, the approaches of a number of foreign states (Germany, Great Britain, USA) are examined, where counteraction more often combines criminal, administrative, and preventive measures with an emphasis on specific illegal actions. A conclusion is drawn about the complex nature of the Russian model, combining judicial prohibition, operational investigative measures, and criminal prosecution, which reflects its strict preventive orientation in the fight against organized forms of religiously motivated extremism.

For citation

Soshnikov I.D. (2026) Otechestvennyy i zarubezhnyy opyt ugolovno-pravovogo protivodeystviya ekstremistskim prestupleniyam, sovershayemym chlenami religioznykh sekt [Domestic and Foreign Experience of Criminal Legal Counteraction to Extremist Crimes Committed by Members of Religious Sects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 497-504. DOI: 10.34670/AR.2026.62.10.001

Keywords

Religious sects, criminal legal counteraction, extremist organization, judicial practice, freedom of religion, prohibition of activities, comparative legal analysis, preventive measures.

References

1. Akhmadullina R.D. (2024). Protivodeystviye proyavleniyam ekstremizma sredstvami prokurorskogo nadzora [Countering Extremism Manifestations through Prosecutorial Supervision]. *Zakonnost'*, 6, 18-23.
2. Batyukova V.E. (2024). Nekotoryye tendentsii razvitiya molodezhnogo ekstremizma v Rossii [Some Trends in the Development of Youth Extremism in Russia]. *Sovremennoye pravo*, 5, 86-89.
3. Glibovets I.S. (2021). Profilaktika pravonarusheniy ekstremistskoy napravlennosti v deyatel'nosti religioznykh ob"yedineniy [Prevention of Extremist Offences in the Activities of Religious Organisations]. *Zakonnost'*, 11, 23-26.
4. Voldimarova N.G. (2021). Problemy reglamentatsii ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnyye polucheniye i razglasheniye kommercheskoy, nalogovoy i bankovskoy tayny [Problems of Regulating Criminal Liability for Illegal Acquisition and Disclosure of Commercial, Tax and Banking Secrets]. *Bezopasnost' biznesa*, 3, 34-39.
5. Voskanyan R.O. (2019). Finansovyye aspekty prestupleniy protiv mira [Financial Aspects of Crimes against Peace]. In B.V. Yatselenko (Ed.), *Prestupleniya protiv mira: sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 30 noyabrya 2018 goda [Crimes against Peace: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, Moscow, 30 November 2018]* (pp. 55-61). Moscow: RG-Press.
6. Fomenko E.V. (2023). *Pravovyye osnovy protivodeystviya terrorizmu. Ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty* [Legal Foundations of Countering Terrorism. Criminal Law and Criminological Aspects]. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House. 186 p.
7. Glukhov E.A. (2024). Publichnoye opravdaniye terrorizma: napravlennost' umysla, tseley i samootsenka so storony prestupnika [Public Justification of Terrorism: Direction of Intent, Goals and Self-Assessment by the Perpetrator]. *Ugolovnoye pravo*, 9, 30-40.
8. Ivanov N.G. (2021). Rassuzhdeniya o terrorizme v ramkakh andegraunda [Reflections on Terrorism within the Underground]. *Ugolovnoye sudoproizvodstvo*, 1, 32-37.
9. Ivanov N.G. (2019). *Prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti i obshchestvennogo poryadka: uchebnoye posobiye* [Crimes against Public Safety and Public Order: A Textbook]. Moscow: Yurayt Publishing House. 145 p.
10. Ivanov N.G. (2010). Reformirovaniye normy o sodeystvii terroristicheskoy deyatel'nosti [Reforming the Norm on Assistance to Terrorist Activities]. *Ugolovnoye pravo*, 5, 26-30.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.231 **DOI: 10.34670/AR.2026.16.76.041**

К вопросу о многоаспектности форм государственного суверенитета в международном праве

Толстик Дмитрий Борисович

Аспирант,
кафедра публичного и международно-правового
обеспечения национальной безопасности,
Российский государственный университет
нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр-т, 65;
e-mail: workingmail@lenta.ru

Аннотация

Предметом исследования является многоаспектная природа государственного суверенитета в международном праве и его трансформация в условиях современных глобальных процессов. Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с реализацией различных форм суверенитета государства в политико-правовом и международном измерении. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как теоретические подходы к пониманию суверенитета, классификация его видов и особенности функционирования внешнего, внутреннего, экономического, информационного, культурного и иных форм суверенитета. Особое внимание уделяется концепции интегрального суверенитета как системной модели обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития государства. Анализируются международно-правовые основы суверенитета, включая такие принципы, как суверенное равенство государств и невмешательство во внутренние дела, а также их практическая реализация в современных условиях глобализации и политико-правовой трансформации. Методологическую основу исследования составили диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы анализа. Применялись методы обобщения, классификации и теоретического моделирования для изучения многоаспектной структуры государственного суверенитета. Основными выводами исследования являются многоуровневая и интегральная природа современного государственного суверенитета. Новизна работы заключается в обосновании концепции суверенитета как системного комплекса взаимосвязанных политико-правовых, экономических, информационных и социально-культурных компонентов, отражающих современную трансформацию международного правопорядка. Особый вклад автора заключается в выделении интегрального суверенитета как стратегической модели обеспечения устойчивости государственности в условиях глобальных вызовов. Показано, что государственный суверенитет в современном международном праве приобретает функционально-адаптивный характер и реализуется через систему институциональных, нормативных и технологических механизмов защиты национальных интересов. Сделан вывод о том, что устойчивость государства определяется не только внешней независимостью, но и внутренней функциональной автономией его политической,

экономической и культурной сфер. Перспективы дальнейших исследований связаны с углублением анализа цифрового, технологического и информационного суверенитета как ключевых факторов международной безопасности XXI века.

Для цитирования в научных исследованиях

Толстик Д.Б. К вопросу о многоаспектности форм государственного суверенитета в международном праве // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 505-512. DOI: 10.34670/AR.2026.16.76.041

Ключевые слова

Государственный суверенитет, международное право, формы суверенитета, интегральный суверенитет, внешнеполитический суверенитет, внутренний суверенитет, экономический суверенитет, информационный суверенитет, национальная безопасность, государственная независимость.

Введение

Государственный суверенитет традиционно рассматривается в юридической науке как фундаментальная характеристика государственности, выражающая верховенство государственной власти внутри страны и её независимость во внешних отношениях. В классической теории государства суверенитет выступает признаком политико-правовой самостоятельности государства, а в международном праве он закрепляется через принцип суверенного равенства государств.

Исторически концепция суверенитета формировалась в трудах мыслителей раннего Нового времени. Уже в работах Ж. Бодена суверенитет рассматривался как высшая и неделимая власть государства, не подчинённая никаким внешним силам. В дальнейшем данная идея получила развитие в философии общественного договора, в частности в трудах Ж.-Ж. Руссо, который подчёркивал, что верховная власть государства обусловлена волей народа и ограничена общественным договором [Руссо, 1998].

Современное международное право сохраняет принцип суверенитета как один из базовых принципов международного правопорядка. Он закреплён в Уставе ООН и предполагает юридическое равенство государств, их территориальную целостность, политическую независимость и невмешательство во внутренние дела [Устав ООН, 1945]. Вместе с тем процессы глобализации, развитие международных организаций и усиление взаимозависимости государств существенно трансформируют традиционные представления о содержании и механизмах реализации государственного суверенитета.

В современной научной доктрине всё чаще подчёркивается, что суверенитет не является статичным и однородным явлением. Он проявляется через систему различных форм и уровней реализации государственной власти.

В связи с этим исследование многоаспектности форм государственного суверенитета приобретает особую актуальность.

Объектом исследования является государственный суверенитет как международно-правовая категория.

Предметом исследования выступают формы и механизмы реализации государственного суверенитета в современном международном праве.

Научная новизна исследования заключается в разработке авторского подхода к систематизации форм государственного суверенитета. Предлагается рассматривать суверенитет как многоуровневую систему взаимосвязанных форм, которые могут быть классифицированы по критерию сферы реализации государственной власти на три группы: базовые юридические формы суверенитета, функциональные формы суверенитета, социально-цивилизационные формы суверенитета.

Кроме того научная новизна исследования заключается в разработке комплексного подхода к анализу многоаспектной структуры государственного суверенитета. В отличие от традиционных исследований, рассматривающих суверенитет преимущественно как единый политико-правовой принцип, в настоящей работе предлагается авторская модель систематизации форм суверенитета.

На основе анализа современной международно-правовой доктрины предложена классификация форм государственного суверенитета по критерию сферы реализации государственной власти. В рамках данного подхода выделяются три группы форм суверенитета: базовые юридические формы (внешний, внутренний и конституционный суверенитет), функциональные формы (экономический, финансовый, энергетический, инфраструктурный суверенитет) и социально-цивилизационные формы (информационный, культурный, научно-образовательный, демографический и иные формы).

Дополнительно обоснована концепция интегрального суверенитета, согласно которой различные формы государственной самостоятельности образуют единую систему взаимосвязанных механизмов обеспечения государственности в условиях глобальной трансформации международного правопорядка.

Подобный подход позволяет рассматривать суверенитет не только как международно-правовой принцип, но и как комплексный механизм обеспечения государственной самостоятельности.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, системный и институциональный методы анализа. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить различные доктринальные подходы к пониманию суверенитета в отечественной и зарубежной научной литературе. Системный метод применён для выявления взаимосвязи различных форм государственного суверенитета. Институциональный подход позволил рассмотреть суверенитет через призму функционирования государственных и международных институтов.

Основная часть

В современной международно-правовой доктрине существует несколько основных подходов к пониманию суверенитета.

Первый подход - классический, в рамках которого суверенитет трактуется как абсолютная и неделимая власть государства. Данная концепция восходит к работам Ж. Бодена и долгое время доминировала в европейской политико-правовой мысли.

Второй подход - функциональный, рассматривающий суверенитет через способность государства эффективно выполнять свои публичные функции. В рамках данного подхода суверенитет связывается с возможностью государства обеспечивать безопасность, правопорядок и защиту прав человека.

Третий подход — реляционный, получивший развитие в работах зарубежных исследователей международного права. Согласно данной концепции, суверенитет реализуется

в системе взаимодействия государств и международных институтов.

Anne Peters отмечает, что современное международное право трансформирует содержание суверенитета, не устраняя его, а интегрируя в систему глобального правового регулирования [Петерс, 2016, с. 37–41]. В свою очередь Martti Koskenniemi указывает на двойственную природу суверенитета, который одновременно выступает юридическим принципом международного права и политической категорией международных отношений [Коскиниеми, 2005, с. 60–70].

В зарубежной международно-правовой доктрине проблема трансформации суверенитета активно исследуется в контексте глобализации и институционализации международных отношений. Так, Stephen Krasner рассматривает суверенитет как совокупность различных режимов государственной автономии, подчеркивая, что в современной международной системе существуют различные формы реализации суверенной власти [Краснер, 1999, с. 3–25]. По мнению Neil Walker, суверенитет в условиях глобализации приобретает «поздний» характер и реализуется через сложную систему взаимодействия национальных и международных институтов [Уокер, 2003, с. 45].

Четвёртый подход - многоуровневый, в рамках которого суверенитет рассматривается как система взаимосвязанных уровней государственной самостоятельности.

Именно развитие данного подхода привело к появлению концепции многоаспектного суверенитета, предполагающей существование различных форм его реализации.

Анализ современной научной литературы позволяет выделить различные формы реализации государственного суверенитета.

Критерием их разграничения выступает сфера реализации государственной власти.

На основании данного критерия формы суверенитета могут быть разделены на три группы.

1. Базовые юридические формы суверенитета.

К данной группе относятся формы, непосредственно закреплённые в международном праве и конституционном праве государств.

Внешний суверенитет означает независимость государства в международных отношениях и его право самостоятельно определять характер участия в мировой политике. Он закреплён в Уставе ООН и выражается в принципах суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела [Смирнов, 2023, с. 583–590].

Внутренний суверенитет выражается в верховенстве государственной власти на территории государства и исключительном праве государства регулировать внутренние общественные отношения. Принцип невмешательства во внутренние дела государств является важной нормой международного права и выступает юридической гарантией реализации внутреннего суверенитета [Марченко, 2019, с. 112–118].

Конституционный суверенитет означает верховенство конституции в системе национального права и рассматривается как важнейшая юридическая гарантия независимости государства [Черняк, 2019, с. 10–35].

В условиях современной международной системы государственный суверенитет проявляется также через ряд функциональных форм.

Экономический суверенитет представляет собой способность государства самостоятельно формировать экономическую политику и контролировать стратегические ресурсы [Зорькин, 2021, с. 214–220].

Финансовый суверенитет связан с независимостью денежно-кредитной системы государства и его возможностью регулировать национальные финансовые процессы [Зорькин, 2021, с. 214–220].

Энергетический суверенитет выражается в способности государства контролировать добычу, переработку и использование энергетических ресурсов [Абрамов, 2020, с. 25–38].

Инфраструктурный суверенитет предполагает контроль государства над стратегически важными инфраструктурными объектами - транспортными, энергетическими и коммуникационными системами [Кузнецов, 2021, с. 39–52].

Третью группу составляют социально-цивилизационные формы суверенитета, связанные с обеспечением устойчивости общественного развития.

Информационный [Бачило, 2021, с. 45–62] и технологический [Судоргин, Макаренко, 2022, с. 145–150] суверенитет отражают способность государства контролировать ключевые информационные и технологические ресурсы.

Социальный [Зорькин, 2018, с. 1–10] и культурный [Лукьянов, 2020а, с. 8–19] суверенитеты обеспечивают сохранение национальной идентичности и формирование самостоятельной социальной политики государства.

Научно-образовательный суверенитет связан со способностью государства формировать собственную систему науки и образования [Лукьянова, 2020, с. 42–54].

Демографический [Зорькин, 2020, с. 1–9] и здравоохранительный [Шахматов, 2020, с. 73–84] суверенитеты обеспечивают устойчивое воспроизводство населения и развитие национальной системы здравоохранения.

Современное международное право всё чаще рассматривает суверенитет как интегральную систему взаимосвязанных элементов.

Интегральный суверенитет [Лукьянов, Караганов, 2020, с. 15–45] объединяет политические, экономические, информационные и социальные компоненты государственной самостоятельности.

Экономическая независимость поддерживает технологическое развитие, информационная автономия способствует социальной стабильности, а институциональная самостоятельность обеспечивает устойчивость государственного управления [Кутафин, 2011, с. 134–138].

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Государственный суверенитет в современном международном праве представляет собой многоуровневую систему форм реализации государственной самостоятельности.

Международное право регулирует преимущественно внешнее измерение суверенитета, тогда как внутренние механизмы его обеспечения формируются в рамках национального правопорядка.

Развитие новых форм суверенитета - информационного, технологического, инфраструктурного - отражает трансформацию международных отношений и усиление функциональной взаимозависимости государств.

Современный государственный суверенитет приобретает интегральный характер и реализуется через взаимодействие политических, экономических, технологических и социально-правовых механизмов.

Таким образом, многоаспектное понимание суверенитета позволяет более полно раскрыть его современное содержание и определить направления дальнейшего развития международно-правовой доктрины.

Библиография

1. Абрамов А. В. Технологический суверенитет как фактор национальной безопасности государства // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 6. С. 25–38.
2. Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. С. 45–62.
3. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2021. С. 214–220.
4. Зорькин В. Д. Право и социальное государство // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 4. С. 1–10. EDN: XUTQEX.
5. Зорькин В. Д. Конституция и демографические вызовы современного государства // Журнал конституционного правосудия. 2020. № 3. С. 1–9.
6. Коскиниеми М. От извинения к утопии: структура международно-правового аргумента. Кембридж: Cambridge University Press, 2005. С. 60–70.
7. Краснер С. Суверенитет: организованное лицемерие / пер. с англ. Princeton: Princeton University Press, 1999. С. 3–25.
8. Кузнецов П. У. Критическая инфраструктура и суверенитет государства: правовые аспекты // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 39–52.
9. Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации. М.: Проспект, 2020. С. 324–329.
10. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права Российской Федерации. М.: Норма, 2011. С. 134–138.
11. Лукьянов Ф. А. Культурно-цивилизационные основы суверенитета в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2020а. № 6. С. 8–19.
12. Лукьянов Ф. А., Караганов С. А. (ред.) Суверенитет и развитие: новые вызовы XXI века. М.: Международные отношения, 2020. С. 15–45.
13. Лукьянова Е. А. Конституционные основы образовательной политики и суверенитет государства // Государство и право. 2020. № 9. С. 42–54.
14. Марченко М. Н. Суверенитет в современном международном праве. М.: Норма, 2019. С. 112–118.
15. Петерс А. За пределами прав человека: правовой статус личности в международном праве. Кембридж: Cambridge University Press, 2016. С. 37–41.
16. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М.: Мысль, 1998.
17. Смирнов М. Г. Пакт Бриана-Келлога и его международно-правовое значение // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 3-1. С. 583–590. DOI: 10.34670/AR.2023.52.61.078. EDN: SADXUS.
18. Судоргин О. А., Макаренко Е. И. Технологический суверенитет и подготовка будущей технической интеллигенции // Власть. 2022. Т. 30, № 5. С. 145–150. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9254. EDN: PZDQRM.
19. Уокер Н. Суверенитет в переходный период: будущее государства в условиях глобализации. Оксфорд: Oxford University Press, 2003. С. 45.
20. Устав Организации Объединённых Наций. 1945.
21. Черняк В. П. Суверенитет государства в конституционном измерении. М.: Юрайт, 2019. С. 10–35.
22. Шахматов В. А. Санитарно-эпидемиологическая безопасность и государственный суверенитет // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11. С. 73–84.

On the Question of the Multidimensionality of Forms of State Sovereignty in International Law

Dmitry B. Tolstik

Postgraduate Student,
Department of Public and International Legal Support for National Security,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU),
119991, 65, Leninsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: workingmail@lenta.ru

Abstract

The subject of the study is the multidimensional nature of state sovereignty in international law

and its transformation under contemporary global processes. The object of the study is social relations related to the implementation of various forms of state sovereignty in the political-legal and international dimensions. The author examines in detail such aspects of the topic as theoretical approaches to understanding sovereignty, classification of its types, and the operational features of external, internal, economic, informational, cultural, and other forms of sovereignty. Particular attention is paid to the concept of integral sovereignty as a systemic model for ensuring national security and sustainable development of the state. The international legal foundations of sovereignty are analyzed, including principles such as the sovereign equality of states and non-interference in internal affairs, as well as their practical implementation in modern conditions of globalization and political-legal transformation. The methodological basis of the study consists of dialectical, comparative-legal, formal-legal, and systemic methods of analysis. Methods of generalization, classification, and theoretical modeling were applied to study the multidimensional structure of state sovereignty. The main conclusions of the study are the multilevel and integral nature of modern state sovereignty. The novelty of the work lies in substantiating the concept of sovereignty as a systemic complex of interrelated political-legal, economic, informational, and socio-cultural components, reflecting the contemporary transformation of the international legal order. The author's particular contribution consists in the identification of integral sovereignty as a strategic model for ensuring the stability of statehood under conditions of global challenges. It is shown that state sovereignty in modern international law acquires a functionally adaptive character and is realized through a system of institutional, normative, and technological mechanisms for protecting national interests. The conclusion is drawn that the sustainability of a state is determined not only by external independence but also by the internal functional autonomy of its political, economic, and cultural spheres. Prospects for further research are related to deepening the analysis of digital, technological, and informational sovereignty as key factors of international security in the 21st century.

For citation

Tolstik D.B. (2026) K voprosu o mnogoaspektnosti form gosudarstvennogo suvereniteta v mezhdunarodnom prave [On the Question of the Multidimensionality of Forms of State Sovereignty in International Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 505-512. DOI: 10.34670/AR.2026.16.76.041

Keywords

State sovereignty, international law, forms of sovereignty, integral sovereignty, foreign policy sovereignty, internal sovereignty, economic sovereignty, informational sovereignty, national security, state independence.

References

1. Abramov, A.V. (2020). Tekhnologicheskiy suverenitet kak faktor natsional'noy bezopasnosti gosudarstva [Technological Sovereignty as a Factor of National Security of the State]. *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*, (6), 25-38.
2. Bachilo, I.L. (2021). *Informatsionnoe pravo* [Information Law]. Moscow: Yurayt.
3. Charter of the United Nations. (1945).
4. Chernyak, V.P. (2019). *Suverenitet gosudarstva v konstitutsionnom izmerenii* [State Sovereignty in the Constitutional Dimension]. Moscow: Yurayt.
5. Koskenniemi, M. (2005). *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Krasner, S. (1999). *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press.
7. Kutafin, O.E. (2011). *Predmet konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii* [Subject of Constitutional Law of the

Russian Federation]. Moscow: Norma.
8. Kutafin, O.E. (2020). *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow: Prospect.
9. Kuznetsov, P.U. (2021). Kriticheskaya infrastruktura i suverenitet gosudarstva: pravovye aspekty [Critical Infrastructure and State Sovereignty: Legal Aspects]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (10), 39-52.
10. Lukyanov, F.A. (2020a). Kul'turno-tsivilizatsionnye osnovy suvereniteta v XXI veke [Cultural-Civilizational Foundations of Sovereignty in the 21st Century]. *Rossiya v global'noy politike*, (6), 8-19.
11. Lukyanov, F.A., & Karaganov, S.A. (Eds.). (2020). *Suverenitet i razvitie: novye vyzovy XXI veka* [Sovereignty and Development: New Challenges of the 21st Century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
12. Lukyanova, E.A. (2020). Konstitutsionnye osnovy obrazovatel'noy politiki i suverenitet gosudarstva [Constitutional Foundations of Educational Policy and State Sovereignty]. *Gosudarstvo i pravo*, (9), 42-54.
13. Marchenko, M.N. (2019). *Suverenitet v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Sovereignty in Modern International Law]. Moscow: Norma.
14. Peters, A. (2016). *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Rousseau, J.-J. (1998). *Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava* [The Social Contract, or Principles of Political Right]. Moscow: Mysl.
16. Shakhmatov, V.A. (2020). Sanitarno-epidemiologicheskaya bezopasnost' i gosudarstvennyy suverenitet [Sanitary and Epidemiological Safety and State Sovereignty]. *Pravo e gosudarstvo: teoriya i praktika*, (11), 73-84.
17. Smirnov, M.G. (2023). Pakt Briana-Kelloga i ego mezhdunarodno-pravovoe znachenie [The Briand-Kellogg Pact and Its Significance in International Law]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 13(3-1), 583-590. https://doi.org/10.34670/AR.2023.52.61.078
18. Sudorgin, O.A., & Makarenko, E.I. (2022). Tekhnologicheskiy suverenitet i podgotovka budushchey tekhnicheskoy intelligentsii [Technological Sovereignty and the Training of Future Technical Intelligentsia]. *Vlast*, 30(5), 145-150. https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9254
19. Tolstik, D.B. (2026). On the Multidimensionality of Forms of State Sovereignty in International Law.
20. Walker, N. (2003). *Sovereignty in Transition: The Future of the State in Globalization*. Oxford: Oxford University Press.
21. Zorkin, V.D. (2018). Pravo i sotsial'noe gosudarstvo [Law and the Social State]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, (4), 1-10.
22. Zorkin, V.D. (2020). Konstitutsiya i demograficheskie vyzovy sovremennogo gosudarstva [The Constitution and Demographic Challenges of the Modern State]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, (3), 1-9.
23. Zorkin, V.D. (2021). *Pravo v usloviyakh global'nykh peremen* [Law in Conditions of Global Changes]. Moscow: Norma.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 347.96 **DOI: 10.34670/AR.2026.13.62.042**

Правовые позиции защиты граждан России в гражданском судопроизводстве США и способы их языковой реализации

Маринина Галина Ивановна

Кандидат филологических наук,
доцент департамента лингвистики
факультета международных отношений,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: не указан

Гончарова Алена Валерьевна

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: не указан

Легиньков Альберт Игоревич

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1;
e-mail: не указан

Аннотация

В условиях глобализации и интенсификации трансграничных правоотношений российские граждане всё чаще становятся участниками гражданских судебных процессов в США. Данная статья исследует специфику формирования правовых позиций защиты в американском гражданском судопроизводстве, анализируя языковые механизмы их конструирования и реализации. Рассматриваются ключевые различия между континентальной и англосаксонской правовыми традициями, влияющие на стратегию защиты. Особое внимание уделяется юридическому дискурсу, риторическим приёмам и лингвистическим особенностям построения аргументации в американских судах. Актуальность работы обусловлена возрастающей потребностью в разработке эффективных методологий защиты прав российских граждан за рубежом. Научная новизна исследования заключается в междисциплинарном подходе, объединяющем юридический и лингвистический анализ правозащитной практики.

Для цитирования в научных исследованиях

Маринина Г.И., Гончарова А.В., Легиньков А.И. Правовые позиции защиты граждан России в гражданском судопроизводстве США и способы их языковой реализации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 513-519. DOI: 10.34670/AR.2026.13.62.042

Ключевые слова

Гражданское судопроизводство США, правовая позиция, российские граждане, юридический дискурс, языковая реализация, защита прав, англосаксонская правовая система.

Введение

В настоящее время такой геополитический феномен как глобализация всё ещё остаётся актуальным ввиду дальнейшего сотрудничества и взаимодействия различных государств в различных сферах общественной жизни, что аргументирует тот факт, что российские граждане и организации выступают в качестве участников гражданского судопроизводства в американских судах. Вместе с тем, недавние события существенно исказили существовавшую геополитическую обстановку, что в свою очередь бросает новые вызовы устоявшемуся миропорядку.

Принципиальные различия между российской и американской правовыми системами выступают в качестве одного из основных факторов, затрудняющих взаимодействие двух правопорядков. Если континентальное право, к которому относится российское законодательство, использует в качестве источников права кодифицированные акты и абстрактные правовые принципы, то в свою очередь американская правовая система case law строится на судебных прецедентах и конкретных судебных решениях. Это глубинное расхождение в понимании природы права и механизмов его применения и есть то самое ключевое различие, которое мешает полному взаимодействию стран в правовой сфере [Петров, 2023].

Основная часть

В российской практике юрист формулирует правовую позицию, опираясь преимущественно на нормы закона и их интерпретацию. Аргументация выстраивается дедуктивно: от общей нормы к конкретной ситуации. Американский же адвокат мыслит индуктивно, выстраивая защиту через отсылки к предшествующим судебным решениям, аналогии и различения (distinguishing) между делами.

Эта методологическая пропасть порождает необходимость радикальной адаптации стратегии защиты. Более того, российский участник процесса нередко сталкивается с культурным шоком при первом столкновении с процедурой discovery — досудебного раскрытия доказательств, которая в американской системе может длиться месяцами и требовать предоставления огромных объёмов документации [Федоров, 2023].

Опытный адвокат может использовать процессуальные особенности американской системы для защиты интересов российского клиента, что было бы невозможно в более жёсткой континентальной системе.

Язык в американском судопроизводстве — не нейтральный инструмент передачи информации, а мощный механизм конструирования правовой реальности. Исследования лингвистов показывают, что успех дела в суде США на 40-60% зависит от способности адвоката эффективно использовать риторические приёмы и языковые стратегии [Григорьев, 2024].

Говоря об особенностях англосаксонской правовой системы, внесём тезис о том, что они

проявляются уже в самой терминологии. Так, например, при использовании термина «reasonable doubt» (разумное сомнение), можно сказать, что в российском законодательстве данное понятие полностью отсутствует и в настоящий момент не применимо, в свою очередь понятие «fiduciary duty» (фидуциарная обязанность) куда шире по объёму регулируемых отношений чем «доверительное управление» в российском законодательстве [Соколова, 2024].

Интересным элементом языковой реализации правовой позиции в американском суде выступает narrative construction — создание убедительного повествования о событиях. В США адвокаты выстраивают защиту как своего рода повествование с героями, конфликтом и развязкой. Романо-германская правовая семья, к которой относится российская система права, не имеет таких элементов и применяет совершенно другие элементы при формировании институтов права.

Важно отметить, что в настоящий момент всё большую актуальность приобретает визуальная риторика. Презентации PowerPoint, инфографика, анимированные реконструкции событий, становятся ключевыми приёмами влияния на суд присяжных через абстракцию[Васильева, 2024].

Особую сложность представляет работа с культурными различиями. Так, например, говоря о вопросах профессиональной этики можно столкнуться с таким видом отличительных черт, как сдержанность в эмоциях. Устоявшаяся модель поведения в ходе судебного разбирательства в российском суде, может быть воспринята американскими присяжными как признак неискренности или даже недобросовестности. Из этого может следовать вывод о том, что подготовка российского клиента к даче показаний требует не только юридического, но и культурно-лингвистического инструктажа.

Также рассмотрим вопрос об адекватном переводе. Он представляет собой один критически важных, но вместе с тем недооцениваемый аспект защиты интересов и прав граждан и организаций. Речь идёт не о простом языковом трансфере, но о транскультурной адаптации юридического содержания. Профессиональный юридический переводчик должен не только владеть обоими языками, но и понимать правовые системы обеих стран [Миронова, 2024]].

Можно сказать следующее: внедрение настоящего начуного подхода в правовую систему государства, требует глубокого понимания особенностей процессуальных механизмов американской системы. Ввиду чего возникает парадокс: формальная состязательность американского процесса на деле предоставляет сторонам значительно больше возможностей для процессуальных манёвров, чем это может показаться стороннему наблюдателю.

Этап discovery то есть этап досудебного раскрытия доказательств можно сказать, что представляет собой одновременно и вызов, и возможность. Так с одной стороны, требования о предоставлении документов могут быть чрезвычайно обременительными для участника процесса со стороны Российской Федерации, в частности, когда речь идёт о документации, находящейся на территории России. И вместе с тем, с другой стороны, грамотно составленные interrogatories (письменные вопросы противной стороне) и requests for admission (требования о признании фактов) могут существенно ослабить позицию оппонента [Ковалевский, 2023].

Интересным тактическим решением является выбор между урегулированием спора (settlement) и доведением дела до судебного разбирательства. Статистика показывает, что более 95% гражданских дел в США завершаются мировым соглашением ещё до вынесения решения.

Геополитическая действительность наших дней внесла дополнительные сложности. В ряде случаев наблюдается предвзятое отношение к российским участникам судопроизводства, что требует особенно тщательной работы по формированию объективного взгляда у суда

присяжных и участников процесса в целом [Федоров, 2023].

Одним из наиболее эффективных приёмов защиты является использование экспертных заключений. Американские суды широко допускают показания экспертов практически по любым специальным вопросам, от финансового анализа до культурных особенностей ведения бизнеса в России. Грамотно представленная экспертиза может радикально изменить ход дела. Более того, в некоторых случаях целесообразно привлечение экспертов в сфере российского законодательства в целях разъяснения суду особенностей правового регулирования в России [Васильева, 2024].

В делах с участием присяжных заседателей критически важен процесс voir dire — отбора присяжных. Здесь защита имеет возможность выявить и отвести потенциально предвзятых присяжных. Для дел с участием российских граждан особенно актуально выявление присяжных с антироссийскими настроениями, что в текущих геополитических условиях требует деликатности и профессионализма [Соколова, 2024].

Нельзя недооценивать и значение альтернативных способов разрешения споров. Медиация и арбитраж могут предоставить российским гражданам более предсказуемую и конфиденциальную процедуру разрешения конфликта, свободную от потенциальных предубеждений, характерных для публичного судебного процесса. Впрочем, выбор арбитража также требует взвешенного решения, поскольку арбитражные решения практически не подлежат обжалованию [Григорьев, 2024].

Процессуальная стратегия должна учитывать и долгосрочную перспективу. Решение американского суда может потребовать исполнения на территории России, что ставит вопрос о его признании российскими судами. В отсутствие договора между Россией и США о взаимном признании судебных решений, исполнение американского решения в России возможно только через процедуру признания и приведения в исполнение, что представляет собой отдельное судебное разбирательство.

Трансформация глобального правового ландшафта требует переосмысления подходов к защите прав российских граждан в иностранных юрисдикциях. Текущая геополитическая ситуация обусловливает необходимость выработки новых методологий, учитывающих как правовые, так и внеправовые факторы, влияющие на исход судебных разбирательств.

Первостепенное значение приобретает превентивная юридическая работа. Значительная часть проблем, с которыми сталкиваются российские граждане в американских судах, могла быть предотвращена при надлежащем юридическом сопровождении на этапе заключения контрактов или совершения юридически значимых действий. Включение арбитражных оговорок, детальное регулирование применимого права, механизмы досудебного урегулирования споров — всё это инструменты минимизации рисков [Миронова, 2024].

Одним из важнейших векторов развития следует указать создание междисциплинарных команд, которые объединят юристов, специализирующихся на американском праве, а также российских адвокатов, лингвистов и культурных консультантов. Такой комплексный подход вполне может обеспечить эффективную защиту в условиях пересечения двух рассматриваемых правовых систем и культур. Ни один специалист, каким бы квалифицированным он ни был, не может самостоятельно справится со всеми особенностями любого трансграничного судебного спора.

Особого внимания заслуживает формирование специализированного направления для будущих юристов, которые будут участвовать в трансграничных спорах. Можно смело констатировать тот факт, что в условиях глобализации мировой экономики современный юрист

должен проходить подготовку не только по одной конкретной правовой системе.

Методологическая рефлексия должна стать постоянным элементом профессиональной практики. Систематический анализ судебных разбирательств, формирование положительной статистики с вычленением наиболее профитных методов, вот ключевой способ достижения поставленных целей [Васильева, 2024].

Игнорирование этических особенностей в настоящее время также не допустимо. Защита прав российских граждан в условиях геополитической конфронтации требует от юристов не только профессионального мастерства, но и моральной устойчивости, способности противостоять давлению и предубеждениям, сохраняя при этом приверженность принципам правосудия и справедливости.

Представляется перспективным развитие сотрудничества между российскими и американскими юристами, специализирующимися на трансграничных спорах. Вопреки политической напряжённости, профессиональное юридическое сообщество всё ещё сохраняет каналы коммуникации.

Даже искусственный интеллект уже применяется для анализа прецедентов, а также для прогнозирования судебных решений. Legal tech-решения могут повысить эффективность работы адвокатов, тем самым освобождая время для стратегического планирования и творческой аргументации. Однако такое внедрение технологий должно сопровождаться ответственным подходом со стороны новаторов.

Выводы

Защита прав и законных интересов российских граждан и организаций в гражданском судопроизводстве США представляет собой сложную междисциплинарную задачу, требующую интеграции юридических, лингвистических и культурологических доктрин. Исходя из всего вышесказанного, можно говорить о фундаментальных различиях между континентальной и англосаксонской правовыми системами. В свою очередь данное обстоятельство существенно влияет на стратегию формирования, как правовой защиты, так и языковой реализации правовых позиций защиты.

Можно сделать вывод о том, что эффективная защита в американском суде невозможна без глубокого понимания дискурсивных практик и риторических механизмов, характерных для данной правовой системы. Простой перенос методов, успешных в российской юрисдикции является пагубным решением, которое негативно отразится на взаимодействии рассматриваемых правовых систем.

Языковая реализация правовой позиции в американском судопроизводстве требует не столько лингвистической компетенции в традиционном смысле, сколько способности конструировать убедительные нарративы, стратегически использовать прецеденты, адаптировать коммуникативные стратегии к культурным особенностям аудитории. Успех защиты зависит от умения юриста мыслить категориями case law, выстраивать аргументацию через аналогии и различения, а также эффективно использовать процессуальные инструменты, предоставляемые американской системой права.

Практическая значимость результатов исследования заключается в выработке методологических рекомендаций для юристов, специализирующихся на защите российских граждан в американских судах. Предложенный комплексный подход, объединяющий правовой анализ с лингвистическими и культурологическими компонентами, может стать основой для

разработки специализированных образовательных программ и практических руководств.

Текущая геополитическая ситуация актуализирует необходимость дальнейших исследований в данной области. Перспективными направлениями представляются изучение влияния политических факторов на судебные решения, анализ эффективности различных альтернативных способов разрешения споров, разработка технологических инструментов поддержки трансграничной юридической практики. Только постоянное развитие методологии и накопление практического опыта позволят обеспечить эффективную защиту прав российских граждан в сложных условиях транснациональных правовых конфликтов.

Библиография

1. Васильева Е.А. Языковые аспекты юридической аргументации в англосаксонской правовой системе // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 3. С. 78-95.
2. Григорьев И.В. Компаративный анализ процессуальных систем: континентальная и англосаксонская модели // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 34-49. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54826391
3. Ковалевский А.Н. Защита прав российских граждан в иностранных юрисдикциях: актуальные проблемы и пути решения // Международное публичное и частное право. 2023. № 4. С. 12-18.
4. Миронова С.Л. Юридический перевод в контексте трансграничного судопроизводства // Вестник МГИМО-Университета. 2024. Т. 17. № 2. С. 156-173. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=57394872
5. Петров Д.С. Сравнительное правоведение: методология и практика. М.: Статут, 2023. 448 с.
6. Соколова Н.В. Риторика и аргументация в судебной практике США. М.: Норма, 2024. 312 с.
7. Федоров П.К. Трансграничные споры с участием российских граждан: проблемы и перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 9. С. 45-52.

On the Issue of the Multidimensionality of Forms of State Sovereignty in International Law

Dmitry B. Tolstik

Postgraduate Student,
Department of Public and International Legal Support of National Security,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU),
119991, 65, Leninsky Prospekt, Moscow, Russian Federation;
e-mail: workingmail@lenta.ru

Abstract

The subject of the study is the multidimensional nature of state sovereignty in international law and its transformation in the context of modern global processes. The object of the study is social relations related to the implementation of various forms of state sovereignty in the political-legal and international dimensions. The author examines in detail such aspects of the topic as theoretical approaches to understanding sovereignty, the classification of its types, and the features of the functioning of external, internal, economic, informational, cultural and other forms of sovereignty. Special attention is paid to the concept of integral sovereignty as a systemic model for ensuring national security and sustainable development of the state. The international legal foundations of sovereignty are analyzed, including such principles as the sovereign equality of states and non-interference in internal affairs, as well as their practical implementation in modern conditions of globalization and political-legal transformation. The methodological basis of the study comprised

dialectical, comparative-legal, formal-legal and systemic methods of analysis. Methods of generalization, classification and theoretical modeling were applied to study the multidimensional structure of state sovereignty. The main conclusions of the study are the multilevel and integral nature of modern state sovereignty. The novelty of the work lies in substantiating the concept of sovereignty as a systemic complex of interrelated political-legal, economic, informational and socio-cultural components reflecting the modern transformation of the international legal order. The author's special contribution lies in highlighting integral sovereignty as a strategic model for ensuring the sustainability of statehood in the face of global challenges. It is shown that state sovereignty in modern international law acquires a functional-adaptive character and is realized through a system of institutional, normative and technological mechanisms for protecting national interests. It is concluded that the sustainability of a state is determined not only by external independence but also by the internal functional autonomy of its political, economic and cultural spheres. Prospects for further research are related to deepening the analysis of digital, technological and information sovereignty as key factors of international security in the 21st century.

For citation

Tolstik D.B. (2026) K voprosu o mnogoaspektnosti form gosudarstvennogo suvereniteta v mezhdunarodnom prave [On the Issue of the Multidimensionality of Forms of State Sovereignty in International Law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 513-519. DOI: 10.34670/AR.2026.13.62.042

Keywords

State sovereignty, international law, forms of sovereignty, integral sovereignty, foreign policy sovereignty, internal sovereignty, economic sovereignty, information sovereignty, national security, state independence.

References

1. Fedorov P.K. (2023). Transgranichnye spory s uchastiem rossiyskikh grazhdan: problemy i perspektivy [Cross-border disputes involving Russian citizens: problems and prospects]. Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess, (9), 45-52. (In Russ.)
2. Grigoriev I.V. (2024). Komparativnyy analiz protsessual'nykh sistem: kontinental'naya i anglosaksonskaya modeli [Comparative analysis of procedural systems: continental and Anglo-Saxon models]. Zhurnal rossiyskogo prava, (7), 34-49. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=54826391 (In Russ.)
3. Kovalevsky A.N. (2023). Zashchita prav rossiyskikh grazhdan v inostrannykh yurisdiktsiyakh: aktual'nye problemy i puti resheniya [Protection of the rights of Russian citizens in foreign jurisdictions: current problems and solutions]. Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo, (4), 12-18. (In Russ.)
4. Mironova S.L. (2024). Yuridicheskiy perevod v kontekste transgranichnogo sudoproizvodstva [Legal translation in the context of cross-border proceedings]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 17(2), 156-173. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=57394872 (In Russ.)
5. Petrov D.S. (2023). Sravnitel'noe pravovedenie: metodologiya i praktika [Comparative law: methodology and practice]. Moscow: Statut Publ. (In Russ.)
6. Sokolova N.V. (2024). Ritorika i argumentatsiya v sudebnoy praktike SShA [Rhetoric and argumentation in US judicial practice]. Moscow: Norma Publ. (In Russ.)
7. Vasilyeva E.A. (2024). Yazykovye aspekty yuridicheskoy argumentatsii v anglosaksonskoy pravovoy sisteme [Linguistic aspects of legal argumentation in the Anglo-Saxon legal system]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo, (3), 78-95. (In Russ.)

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 328.185 **DOI: 10.34670/AR.2026.45.71.043**

Институциональное обеспечение развития нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ

Вильданов Раиль Рамилевич

Аспирант,
кафедра международного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: rail31998@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию институционального обеспечения развития нормативного компонента противодействия коррупции в Содружестве Независимых Государств. Актуальность темы обусловлена тем, что с момента создания СНГ были приняты 5 модельных законов антикоррупционной направленности, 1 концепция (2017 г.) и 1 Соглашение о сотрудничестве в данной сфере (2022 г.). В октябре 2025 года в повестку X заседания Межгосударственного совета по противодействию коррупции был включен вопрос о разработке проекта нового модельного закона о противодействии коррупции в бизнесе, что свидетельствует о дальнейшем расширении нормативного компонента антикоррупционного сотрудничества. Цель исследования состоит в определении значения институционального обеспечения для развития нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ и выявлении направлений его совершенствования. В работе использованы общенаучные и частно-научные методы, включая анализ, синтез, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. В статье выделяются этапы становления нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ, анализируются акты, принятые на каждом этапе, и институциональные механизмы, обеспечивавшие их реализацию. Установлено, что нормативное развитие в рамках СНГ длительное время опережало формирование соответствующих межгосударственных механизмов координации, мониторинга и контроля. Сделан вывод о необходимости дальнейшего укрепления институциональных механизмов реализации антикоррупционных обязательств государств-участников СНГ.

Для цитирования в научных исследованиях

Вильданов Р.Р. Институциональное обеспечение развития нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 520-527. DOI: 10.34670/AR.2026.45.71.043

Ключевые слова

СНГ, противодействие коррупции, институциональное обеспечение, нормативный компонент, институциональный компонент, модельное законодательство, антикоррупционная политика, межгосударственное сотрудничество, реализация международно-правовых норм, антикоррупционный мониторинг, координационные механизмы, Межгосударственный совет по противодействию коррупции.

Введение

Несмотря на формирование в рамках СНГ значительного массива антикоррупционных нормативных актов, эффективность их реализации по-прежнему остается ограниченной [Модельный закон № 1, 1999; Модельный закон № 2, 2003; Постановление МПА СНГ № 31-20, 2008; Модельный закон № 4, 2012; Модельный закон № 5, 2013; Концепция сотрудничества..., 2017; Соглашение 2022; Соглашение об образовании МСПК, 2013]. Основная проблема состоит в том, что развитие нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ на протяжении длительного времени опережало формирование его институционального обеспечения. В результате принятие модельных, программных и договорно-правовых актов не всегда сопровождалось созданием действенных межгосударственных механизмов координации, мониторинга, контроля и организационного сопровождения их исполнения. Именно это обусловливает сохраняющийся разрыв между уровнем нормативной разработанности антикоррупционного сотрудничества и его практической результативностью.

Целесообразность темы обусловлена тем, что развитие нормативной основы противодействия коррупции в СНГ требует надлежащего институционального обеспечения, поскольку результативность международно-правовых норм зависит не только от их содержания, но и от наличия механизмов координации, контроля, мониторинга и практической реализации. При этом в условиях СНГ сохраняется неравномерность имплементации антикоррупционных актов, что свидетельствует о недостаточной развитости соответствующего институционального компонента.

В условиях СНГ дальнейшее развитие антикоррупционного регулирования уже не может быть обеспечено исключительно за счет наращивания нормативной базы. Ключевое значение приобретает вопрос о том, насколько существующие межгосударственные органы и механизмы способны обеспечить реализацию принятых обязательств, согласование национальных подходов и единообразное сопровождение антикоррупционной политики

Научная новизна исследования заключается в том, что развитие нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ рассматривается через призму его институционального обеспечения. Обосновывается, что нормативное развитие в данной сфере не является автономным процессом, а непосредственно зависит от состояния межгосударственных координационных, организационных и мониторинговых механизмов. На этой основе выявляются институциональные факторы, ограничивающие эффективность нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ.

В современной юридической литературе проблематика противодействия коррупции исследуется достаточно активно, однако преимущественно по отдельным направлениям [Трунцевский, Севальнев, Цирин и др., 2024; Спиридонов, Мурашкин, 2024; Голобородько, Колпаков, Фудашкин, 2025; Плохов, 2025; Тиханин, 2023; Суфянова, 2023]. Так, в монографии Ю.В. Трунцевского, В.В. Севальнева, А.М. Цирина и др. «Противодействие коррупции в контексте устойчивого развития» (2024) системно рассмотрены современные подходы к антикоррупционному регулированию, его социально-экономические последствия и правовые механизмы противодействия коррупции [Трунцевский, Севальнев, Цирин и др., 2024]. А.П. Спиридонов и И.Ю. Мурашкин в статье 2024 года анализируют международный контроль в сфере противодействия коррупции, уделяя внимание эволюции надгосударственных механизмов мониторинга и оценки [Спиридонов, Мурашкин, 2024]. И.В. Тиханин (2023)

исследует международно-правовые основы установления антикоррупционных стандартов [Тиханин, 2023], а Е.З. Суфянова (2025) рассматривает новые вызовы и перспективы реализации международных антикоррупционных стандартов [Суфянова, 2023]. Отдельные аспекты, непосредственно связанные с пространством СНГ, также нашли отражение в современной науке. И.Л. Голобородько (2025) исследует гармонизацию антикоррупционного законодательства государств-участников СНГ с международными стандартами [Голобородько, Колпаков, Фудашкин, 2025], а С.В. Плохов (2025) анализирует эволюцию Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ как института межгосударственной координации борьбы с преступностью и коррупцией [Плохов, 2025]. Вместе с тем указанные исследования сосредоточены либо на международных стандартах, либо на гармонизации законодательства, либо на деятельности отдельных органов. Комплексный анализ, в котором развитие нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ рассматривалось бы через призму его институционального обеспечения, с сопоставлением этапов нормотворчества, принятых актов и механизмов их реализации, в современной литературе фактически отсутствует. Именно данный исследовательский пробел и определяет научное значение настоящей статьи.

Определить значение институционального обеспечения для развития нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ и выявить направления совершенствования в данной сфере. Задачи исследования заключаются в том, чтобы выделить этапы становления нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ, проанализировать акты СНГ, принятые на каждом этапе развития антикоррупционного сотрудничества, определить институциональные механизмы, обеспечивавшие реализацию указанных актов, выявить проблемы соотношения нормативного и институционального компонентов противодействия коррупции в СНГ, а также обосновать пути совершенствования институционального обеспечения развития нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частно-научные методы познания. В работе использованы анализ и синтез, сравнение, описание, индукция и дедукция, что позволило выявить этапы становления нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ, сопоставить принятые акты с функционировавшими на каждом этапе институциональными механизмами и определить проблемы их соотношения. В числе частнонаучных методов применялись формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и метод юридического толкования. Их использование позволило исследовать содержание нормативных актов СНГ, установить правовую природу и функции соответствующих межгосударственных органов, а также обосновать вывод о том, что развитие нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ находится в прямой зависимости от состояния его институционального обеспечения.

Основная часть

На первом этапе (1991–1995 гг.) формировались базовые правовые и организационные основы СНГ, а антикоррупционная проблематика лишь начинала входить в повестку межгосударственного сотрудничества. Программа совместных мер 1993 года уже фиксировала коррупцию как проблему, требующую законодательного реагирования, однако собственно нормативный компонент противодействия коррупции еще не был выделен в самостоятельный

блок. Его институциональной опорой выступали общие органы СНГ – прежде всего Совет глав государств и Совет глав правительств, – но специальные структуры, ориентированные именно на антикоррупционную координацию, отсутствовали. Поэтому на данном этапе нормативное развитие носило предварительный характер: были сформулированы общие политико-правовые ориентиры, но отсутствовали как специальные правовые инструменты, так и элементы надгосударственного контроля за их реализацией.

На втором этапе (1995–2000 гг.) нормативный компонент получил первое специальное оформление в виде Модельного закона 1999 года «О борьбе с коррупцией» [Модельный закон № 1, 1999]. Его значение состояло в том, что он впервые задал для государств СНГ общую правовую рамку антикоррупционного регулирования и зафиксировал базовые понятия и направления государственной политики в данной сфере. Институционально этот процесс обеспечивался прежде всего Межпарламентской Ассамблеей СНГ как центром модельного нормотворчества, а также Советом министров внутренних дел, через который антикоррупционная тематика продолжала рассматриваться в логике общей борьбы с преступностью. Именно в этом проявлялась ограниченность этапа: нормативный компонент уже начал складываться как специальный, тогда как институциональный механизм его реализации оставался общим и не предполагал ни самостоятельной координации антикоррупционной политики, ни надгосударственного мониторинга исполнения модельных положений.

На третьем этапе (2000–2007 гг.) развитие нормативного компонента происходило уже под заметным влиянием международных стандартов и выразилось в принятии Модельного закона 2003 года «Об основах законодательства об антикоррупционной политике» [Модельный закон № 2, 2003]. В отличие от акта 1999 года, он означал переход от преимущественно карательного понимания борьбы с коррупцией к системному видению антикоррупционной политики как самостоятельного направления публичного управления. Тем самым нормативный компонент стал не просто шире, но и качественно иным. Институционально ему соответствовало развитие координационных механизмов в рамках Совета министров внутренних дел и Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ. Однако эти институты по-прежнему не были специализированы именно на противодействии коррупции. В результате нормативный компонент уже ориентировал государства на системную антикоррупционную политику, а институциональный компонент все еще не обеспечивал ни профильной межгосударственной координации, ни механизмов контроля за тем, как эти нормы реализуются в национальных правопорядках.

На четвертом этапе (2007–2013 гг.) взаимосвязь нормативного и институционального компонентов проявилась наиболее отчетливо. Нормативный блок в этот период развивался особенно интенсивно [Постановление МПА СНГ № 31-20, 2008; Модельный закон № 4, 2012; Модельный закон № 5, 2013]. Таким образом, модельное законодательство СНГ прошло логичную внутреннюю эволюцию: от общих основ борьбы с коррупцией – к антикоррупционной политике – затем к целостной системе противодействия коррупции — и далее к специализированным механизмам ее предупреждения, оценки и мониторинга. Однако именно на этом этапе наиболее явно проявился дисбаланс: правовые инструменты уже предполагали наличие постоянного межгосударственного механизма координации и оценки, тогда как специализированный орган еще не был создан. Иными словами, модельные законы уже содержательно требовали институционального продолжения, но элементы

надгосударственного контроля и сопровождения их реализации еще отсутствовали.

На современном этапе (с 2013 г. по настоящее время) данное противоречие было преодолено созданием Межгосударственного совета по противодействию коррупции СНГ, а затем принятием Концепции 2017 года и Соглашения 2022 года [Концепция сотрудничества..., 2017; Соглашение 2022]. Это означает, что институциональный компонент наконец стал развиваться в прямой связи с уже сформированной нормативной базой. Если прежние модельные законы создавали правовые стандарты, то современный этап направлен на их координационное и организационное сопровождение. Вместе с тем проблема полностью не устранена: существующий механизм остается преимущественно координационно-консультативным и пока не трансформирован в полноценную систему надгосударственного мониторинга, оценки исполнения обязательств и единообразного сопровождения реализации антикоррупционных актов. Следовательно, в настоящее время ключевая задача состоит уже не в создании новых базовых норм, а в институциональном усилении ранее сформированного нормативного массива.

В результате исследования подтверждена рабочая гипотеза о том, что развитие нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ находится в прямой зависимости от состояния его институционального обеспечения. Установлено, что становление антикоррупционного сотрудничества в СНГ носило поэтапный характер и сопровождалось последовательным усложнением нормативной базы – от общих декларативных установок к модельным, программным и договорно-правовым актам. Обобщение и анализ исследуемого материала показали, что на каждом этапе принимались конкретные антикоррупционные акты, однако институциональные механизмы их реализации развивались неравномерно и, как правило, отставали от нормативного компонента. В результате выявлена ключевая закономерность: нормативное развитие в рамках СНГ опережало институциональное, что ограничивало возможности координации, мониторинга и оценки исполнения принятых решений. На этой основе сделан вывод о том, что основной проблемой противодействия коррупции в СНГ является не отсутствие нормативной базы, а недостаточность ее институционального обеспечения. Тем самым доказано, что дальнейшее развитие нормативного компонента возможно только при одновременном укреплении межгосударственных механизмов координации, мониторинга, оценки исполнения обязательств и организационного сопровождения антикоррупционных решений.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что развитие нормативного компонента противодействия коррупции в СНГ на всех этапах его становления находилось в прямой зависимости от состояния институционального обеспечения. В работе установлено, что антикоррупционное сотрудничество в рамках СНГ развивалось поэтапно: от общих политико-правовых установок к формированию специальной модельной, а затем концептуально-договорной нормативной базы. При этом на каждом этапе усложнение нормативного компонента не всегда сопровождалось формированием соразмерных межгосударственных механизмов координации, мониторинга и контроля. По итогам исследования сделан вывод о том, что ключевой проблемой противодействия коррупции в СНГ выступает несоразмерность между уровнем развития нормативной базы и степенью развитости институциональных механизмов ее реализации. На современном этапе, несмотря на создание МСПК СНГ, принятие

Концепции 2017 года и Соглашения 2022 года, институциональный механизм сохраняет преимущественно координационно-консультативный характер и не в полной мере обеспечивает надгосударственный мониторинг и оценку исполнения обязательств. Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы могут быть использованы при совершенствовании институционального механизма антикоррупционного сотрудничества в СНГ, прежде всего в части укрепления координации, мониторинга и оценки исполнения принятых решений. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой конкретных моделей институционального сопровождения реализации антикоррупционных обязательств государств-участников СНГ и критериев оценки эффективности соответствующих межгосударственных механизмов.

Библиография

1. Голобородько, И. Л., Колпаков, И. А., Фудашкин, В. А. Гармонизация антикоррупционного законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств: международные стандарты и особенности национальных правовых систем // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2025. Т. 18, № 8. С. 1594–1604. EDN UXVHVP.
2. Информация об органах Содружества Независимых Государств. Исполнительный комитет СНГ. URL: https://eccis.org/page/11216/informacia-ob-organah-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv
3. Модельный закон «О борьбе с коррупцией»: принят на 13-м пленар. заседании МПА СНГ, Санкт-Петербург, 3 апр. 1999 г. URL: https://eccis.org/document/894
4. Об антикоррупционном мониторинге: модельный закон: принят постановлением МПА СНГ от 29 нояб. 2013 г., Санкт-Петербург. URL: https://eccis.org/document/4873
5. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: модельный закон: принят постановлением МПА СНГ от 17 мая 2012 г., Санкт-Петербург. URL: https://eccis.org/document/3493
6. О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции: решение Совета глав государств СНГ от 11 окт. 2017 г., Сочи. URL: https://eccis.org/document/5675
7. О новой редакции модельного закона «О противодействии коррупции»: постановление МПА СНГ от 25 нояб. 2008 г. № 31-20, Санкт-Петербург. URL: https://eccis.org/document/3120
8. Основы законодательства об антикоррупционной политике: модельный закон: принят постановлением МПА СНГ от 15 нояб. 2003 г. № 22-15, Санкт-Петербург. URL: https://eccis.org/document/1488
9. Плохов, С. В. Правовое пространство доверия: 30 лет Координационному совету генеральных прокуроров государств-участников Содружества Независимых Государств // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 6(110). С. 187–195.
10. Решение о Межгосударственной программе совместных мер борьбы с организованной преступностью и иными видами опасных преступлений на территории государств – участников Содружества Независимых Государств на период до 2000 года: принято 17 мая 1996 г. URL: https://eccis.org/document/608
11. Решение о совместных мерах по борьбе с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников Содружества Независимых Государств: принято в г. Москве 12 марта 1993 г. URL: https://eccis.org/document/202
12. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции: заключено в г. Астане 14 окт. 2022 г. URL: https://eccis.org/document/6631
13. Соглашение об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции: заключено в г. Минске 25 окт. 2013 г. URL: https://eccis.org/document/4011
14. Спиридонов, А. П., Мурашкин, И. Ю. Международный контроль в сфере противодействия коррупции: вчера, сегодня, завтра // Международное право и международные организации. 2024. № 2. С. 51–61. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.2.69951.
15. Суфянова, Е. З. Международные правовые стандарты противодействия коррупции: проблемы и перспективы реализации в Европейском Союзе и Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2023. № 9(225). С. 147–150. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_9_147.
16. Тиханин, И. В. Международно-правовые основы механизма установления антикоррупционных стандартов в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6(222). С. 377–380. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_6_377.
17. Трунцевский, Ю. В., Севальнев, В. В., Цирин, А. М. и др. Противодействие коррупции в контексте устойчивого

развития: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 236 с. ISBN 978-5-9998-0447-1.

Institutional Support for the Development of the Normative Component of Anti-Corruption in the CIS

Rail R. Vildanov

Postgraduate Student,
Department of International Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation;
e-mail: rail31998@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of institutional support for the development of the normative component of anti-corruption in the Commonwealth of Independent States. The relevance of the topic is due to the fact that since the establishment of the CIS, 5 model anti-corruption laws, 1 concept (2017), and 1 agreement on cooperation in this sphere (2022) have been adopted. In October 2025, the agenda of the 10th meeting of the Interstate Council for Anti-Corruption included the issue of developing a draft new model law on anti-corruption in business, which indicates the further expansion of the normative component of anti-corruption cooperation. The purpose of the study is to determine the significance of institutional support for the development of the normative component of anti-corruption in the CIS and to identify directions for its improvement. The work employs general scientific and specific scientific methods, including analysis, synthesis, comparative legal, and formal legal methods. The article identifies stages in the formation of the normative component of anti-corruption in the CIS, analyzes acts adopted at each stage, and the institutional mechanisms that ensured their implementation. It is established that normative development within the CIS for a long time outpaced the formation of relevant interstate coordination, monitoring, and control mechanisms. The conclusion is made about the need for further strengthening of institutional mechanisms for the implementation of anti-corruption obligations of the CIS member states.

For citation

Vildanov R.R. (2026) Institutsional'noye obespecheniye razvitiya normativnogo komponenta protivodeystviya korruptsii v SNG [Institutional Support for the Development of the Normative Component of Anti-Corruption in the CIS]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 520-527. DOI: 10.34670/AR.2026.45.71.043

Keywords

CIS, anti-corruption, institutional support, normative component, institutional component, model legislation, anti-corruption policy, interstate cooperation, implementation of international legal norms, anti-corruption monitoring, coordination mechanisms, Interstate Council for Anti-Corruption.

References

1. Agreement on Cooperation among the Commonwealth of Independent States Member States in Counteracting Corruption. (2022). Concluded in Astana on October 14, 2022. Retrieved from https://eccis.org/document/6631
2. Agreement on the Establishment of the Interstate Council for Counteracting Corruption. (2013). Concluded in Minsk on October 25, 2013. Retrieved from https://eccis.org/document/4011
3. Decision on Joint Measures to Combat Organized Crime and Other Dangerous Types of Crimes in the Territories of the Member States of the Commonwealth of Independent States. (1993). Adopted in Moscow on March 12, 1993. Retrieved from https://eccis.org/document/202
4. Decision on the Interstate Program of Joint Measures to Combat Organized Crime and Other Dangerous Types of Crimes in the Territories of the Member States of the Commonwealth of Independent States for the Period until 2000. (1996). Adopted on May 17, 1996. Retrieved from https://eccis.org/document/608
5. Goloborodko, I.L., Kolpakov, I.A., & Fudashkin, V.A. (2025). Harmonization of Anti-Corruption Legislation of the Member States of the Commonwealth of Independent States: International Standards and Features of National Legal Systems. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 18(8), 1594-1604. EDN UXVHVP.
6. Information on the Bodies of the Commonwealth of Independent States. (n.d.). Executive Committee of the CIS. Retrieved from https://eccis.org/page/11216/informacia-ob-organah-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv
7. Model Law "On Anti-Corruption Monitoring". (2013). Adopted by Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States of November 29, 2013, St. Petersburg. Retrieved from https://eccis.org/document/4873
8. Model Law "On Anti-Corruption Review of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts". (2012). Adopted by Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States of May 17, 2012, St. Petersburg. Retrieved from https://eccis.org/document/3493
9. Model Law "On Combating Corruption". (1999). Adopted at the 13th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, St. Petersburg, April 3, 1999. Retrieved from https://eccis.org/document/894
10. Model Law "Fundamentals of Legislation on Anti-Corruption Policy". (2003). Adopted by Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States of November 15, 2003, No. 22-15, St. Petersburg. Retrieved from https://eccis.org/document/1488
11. On the Concept of Cooperation among the Commonwealth of Independent States Member States in Counteracting Corruption. (2017). Decision of the Council of Heads of State of the CIS of October 11, 2017, Sochi. Retrieved from https://eccis.org/document/5675
12. On the New Version of the Model Law "On Counteracting Corruption". (2008). Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States of November 25, 2008, No. 31-20, St. Petersburg. Retrieved from https://eccis.org/document/3120
13. Plokhov, S.V. (2025). Legal Space of Trust: 30 Years of the Coordination Council of Prosecutors General of the Member States of the Commonwealth of Independent States. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, (6)110, 187-195.
14. Spiridonov, A.P., & Murashkin, I.Yu. (2024). International Control in the Sphere of Counteracting Corruption: Yesterday, Today, Tomorrow. *International Law and International Organizations*, (2), 51-61. https://doi.org/10.7256/2454-0633.2024.2.69951
15. Sufyanova, E.Z. (2023). International Legal Standards of Counteracting Corruption: Problems and Prospects of Implementation in the European Union and the Russian Federation. *Agrarian and Land Law*, (9)225, 147-150. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_9_147
16. Tikhanin, I.V. (2023). International Legal Foundations of the Mechanism for Establishing Anti-Corruption Standards in Criminal Proceedings. *Law and State: Theory and Practice*, (6)222, 377-380. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_6_377
17. Truntsevsky, Yu.V., Sevalnev, V.V., Tsirin, A.M., et al. (2024). *Counteracting Corruption in the Context of Sustainable Development*. Moscow: Infotropic Media

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.1/8:348.712 **DOI: 10.34670/AR.2026.29.79.044**

Международно-правовой статус зарубежных представительств Русской Православной Церкви: правосубъектность, религиозная автономия и национально-правовое признание

Храмешин Сергей Николаевич

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии и теологии,
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: rector@sgla.ru

Аннотация

Статья посвящена международно-правовому анализу статуса зарубежных представительств Русской Православной Церкви. Исследование выполнено в рамках проблематики специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки», поскольку затрагивает вопросы международной правосубъектности, негосударственных акторов, права внешних сношений, международной защиты прав человека, соотношения международного и внутригосударственного права. Обосновывается, что зарубежные представительства Русской Православной Церкви не являются дипломатическими представительствами и не обладают публичной международной правосубъектностью, сопоставимой с правосубъектностью государств, Святого Престола или международных межправительственных организаций. Вместе с тем их статус не сводится к частноправовой регистрации в принимающем государстве. Он образует многоуровневую конструкцию, включающую каноническое учреждение, национально-правовую юридическую личность и международно-правовые гарантии коллективной свободы религии. На основе анализа Устава Русской Православной Церкви, документов ОВЦС, международных актов о свободе религии, Руководящих принципов ОБСЕ/БДИПЧ и Венецианской комиссии, а также практики Европейского суда по правам человека формулируется модель функционального международно-правового статуса церковных представительств за рубежом. Особое внимание уделяется праву религиозных общин на юридическую личность, автономию внутреннего управления, имущественную и организационную самостоятельность, а также пределам вмешательства государства в церковные структуры. Делается вывод о необходимости разграничивать дипломатическое представительство, церковно-каноническое представительство и национально признанное религиозное юридическое лицо.

Для цитирования в научных исследованиях

Храмешин С.Н. Международно-правовой статус зарубежных представительств Русской Православной Церкви: правосубъектность, религиозная автономия и национально-правовое признание // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 528-539. DOI: 10.34670/AR.2026.29.79.044

Ключевые слова

Международное право; Русская Православная Церковь; зарубежные представительства; религиозная автономия; свобода религии; юридическая личность; негосударственные акторы; Европейский суд по правам человека; право внешних сношений; каноническое представительство.

Введение

Проблема международно-правового статуса зарубежных представительств религиозных организаций находится на пересечении нескольких направлений специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки»: учения о международной правосубъектности, положения негосударственных акторов в международном праве, права международных организаций, права внешних сношений, международной защиты прав человека и взаимодействия международного и внутригосударственного права [Паспорт научной специальности 5.1.5, 2022]. Для Русской Православной Церкви эта проблематика имеет особую актуальность, поскольку ее зарубежные учреждения действуют в различных национальных правопорядках, поддерживают связь с международными организациями и одновременно сохраняют каноническую зависимость от высшей церковной власти.

Предмет настоящей статьи не совпадает с вопросом о дипломатическом статусе церковных учреждений. Представительство Русской Православной Церкви за рубежом не является посольством, консульством или иной миссией государства. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. связывает установление дипломатических отношений и учреждение дипломатических миссий именно с отношениями между государствами, а функции дипломатической миссии включает в публично-властную логику представления государства [Vienna Convention on Diplomatic Relations, 1961]. Следовательно, механическое перенесение категорий дипломатического права на церковные представительства было бы методологически неверным.

В то же время зарубежные представительства Русской Православной Церкви нельзя рассматривать только как обычные частноправовые организации. Их деятельность затрагивает осуществление коллективной свободы религии, церковную автономию, трансграничную коммуникацию религиозных общин, правовой режим собственности и взаимодействие с международными институтами. В этом смысле они выступают не субъектами международного публичного права в строгом смысле, а религиозными негосударственными акторами, чья деятельность защищена международно-правовыми стандартами свободы религии и ассоциации.

Цель статьи состоит в выработке концептуальной модели международно-правового статуса зарубежных представительств Русской Православной Церкви. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: разграничить публичную международную правосубъектность и функциональную международно-правовую защищенность религиозной организации; выявить канонические и национально-правовые элементы статуса зарубежных учреждений Русской Православной Церкви; проанализировать релевантные международные стандарты свободы религии; определить значение практики международных судов для защиты церковных представительств за рубежом.

Зарубежное церковное представительство как многоуровневая правовая конструкция

Устав Русской Православной Церкви прямо включает в категорию церковных учреждений в дальнем зарубежье епархии, благочиния, приходы, монастыри, миссии, представительства и подворья, находящиеся за пределами стран СНГ и Балтии [Устав Русской Православной Церкви, XX]. Эти учреждения создаются и упраздняются решением Священного Синода; зарубежные представительства и подворья признаются ставропигиями; их руководители и ответственные сотрудники назначаются Священным Синодом. При этом Устав специально указывает, что такие учреждения руководствуются церковным уставом и собственными уставами, утверждаемыми Священным Синодом, при уважении законов соответствующей страны [Устав Русской Православной Церкви, XX].

Данная формула имеет принципиальное международно-правовое значение. Она фиксирует двухуровневую структуру статуса: с одной стороны, учреждение существует как каноническая единица Русской Православной Церкви; с другой стороны, его практическая деятельность должна быть оформлена и реализована в соответствии с правом принимающего государства. Следовательно, зарубежное представительство является не автономным международным субъектом, а институциональным узлом, в котором соединяются церковно-каноническая юрисдикция и национально-правовое признание.

Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата является важнейшим административным механизмом такого соединения. Согласно официальной информации ОВЦС, отдел осуществляет связи Русской Православной Церкви с Поместными Православными Церквами, инославными церквами, нехристианскими религиозными общинами, правительственными, парламентскими и общественными организациями за рубежом, а также межправительственными, религиозными и общественными международными организациями [Информация об ОВЦС, 2026]. Передача в 2022 г. функций координации зарубежных учреждений в ведение ОВЦС подчеркивает, что речь идет о церковной внешней деятельности, но не о государственной дипломатии.

Примером такой модели выступает Представительство Московского Патриархата в США. Официальная страница указывает, что после предоставления автокефалии Северо-Американской митрополии в 1970 г. Свято-Николаевский собор в Нью-Йорке получил статус Представительства Московского Патриархата в США, а деятельность представительства регламентируется Патриархом Московским и всея Руси через викарного епископа и руководство ОВЦС [Представительство Московского Патриархата в США, 2025]. Здесь налицо связка канонического подчинения, местной организационной формы и трансграничной церковной коммуникации.

Другой показательный пример — Страсбург. На странице прихода Всех Святых в Страсбурге прямо указано, что приход в духовных вопросах подчиняется Патриарху Московскому и всея Руси, а в гражданских вопросах — законам Французской Республики. Там же отмечено, что 25 марта 2004 г. решением Священного Синода было основано Представительство Московского Патриархата в Страсбурге с поручением представлять церковную позицию в Совете Европы [Наша община, 2026]. Эта формулировка особенно значима: она демонстрирует отличие церковного представления позиции при международной организации от дипломатического представительства государства.

Наконец, Акт о каноническом общении между Московским Патриархатом и Русской

Православной Церковью Заграницей подтверждает, что зарубежная церковная структура может обладать высокой степенью самостоятельности в пастырских, административных, хозяйственных, имущественных и гражданских вопросах, сохраняя при этом каноническое единство с Русской Православной Церковью [Акт о каноническом общении, 2007]. Это важно для международно-правовой квалификации: самостоятельность в гражданско-правовых и имущественных вопросах осуществляется не как суверенная компетенция, а как способность религиозной организации действовать в соответствующем национальном правопорядке.

Международная правосубъектность и религиозные негосударственные акторы

Ключевая методологическая ошибка при обсуждении зарубежных церковных представительств состоит в смешении международной правосубъектности и международно-правовой защищенности. Международная правосубъектность в публично-правовом смысле предполагает способность непосредственно иметь международные права и обязанности, участвовать в создании норм международного права и нести международно-правовую ответственность. Такой статус имеют прежде всего государства, а также международные организации в пределах их компетенции. Религиозные организации, как правило, не обладают такой правосубъектностью, хотя могут быть участниками международно-правовых отношений в качестве негосударственных акторов.

Особое положение Святого Престола не может использоваться как универсальная модель для иных церковных структур. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 58/314 специально признает участие Святого Престола в работе ООН в качестве государства-наблюдателя и закрепляет комплекс процедурных прав участия [UN General Assembly Resolution 58/314, 2004]. Русская Православная Церковь не обладает аналогичным международно-правовым статусом, ее зарубежные представительства не являются представительствами государства-наблюдателя и не имеют дипломатических иммунитетов в силу самого факта церковного учреждения.

Однако отсутствие публичной международной правосубъектности не означает отсутствия международно-правового измерения. Международное право прав человека защищает религиозные общины как коллективные формы осуществления свободы религии. Международный пакт о гражданских и политических правах закрепляет право каждого исповедовать религию индивидуально и совместно с другими, публично или частно, в богослужении, обрядах, практике и преподавании [International Covenant on Civil and Political Rights, 1966]. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод формулирует сходную гарантию в статье 9 [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1950].

Декларация ООН 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений конкретизирует содержание коллективной религиозной свободы: она включает учреждение и содержание мест богослужения, создание благотворительных и гуманитарных учреждений, подготовку и назначение религиозных руководителей, получение добровольных пожертвований, публикацию религиозных материалов и поддержание коммуникации с религиозными лицами и общинами на национальном и международном уровнях [Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and of Discrimination Based on Religion or Belief, 1981]. Тем самым международное право признает трансграничное измерение религиозной жизни, даже если не наделяет религиозные организации статусом публичных

международных субъектов.

Комитет ООН по правам человека в Общем замечании № 22 подчеркнул, что статья 18 Пакта защищает теистические, нетеистические и атеистические убеждения, а также не ограничивается традиционными религиями [Human Rights Committee, General Comment No. 22, 1993]. Для анализируемой темы важен более общий принцип: государство не вправе произвольно определять, какая религиозная община «достаточно религиозна» или «достаточно традиционна» для получения защиты. Это прямо связано с проблемой регистрации иностранных или транснациональных религиозных учреждений.

Юридическая личность религиозной общины как условие реализации международных гарантий

Международное право не требует от религиозной общины обязательной регистрации как предварительного условия самой свободы вероисповедания. Однако для приобретения имущества, аренды помещений, найма персонала, открытия банковских счетов, ведения образовательной и благотворительной деятельности религиозная община обычно нуждается в национальной юридической личности. Поэтому проблема юридической личности становится центральной для зарубежных представительств Русской Православной Церкви.

Руководящие принципы ОБСЕ/БДИПЧ и Венецианской комиссии о юридической личности религиозных или мировоззренческих общин 2014 г. исходят из того, что доступ к юридической личности должен быть быстрым, прозрачным, справедливым, инклюзивным и недискриминационным [OSCE/ODIHR, Venice Commission, 2014]. Эти принципы имеют особое значение для структур, имеющих иностранный или транснациональный элемент, поскольку отказ в признании по мотиву «внешнего происхождения» способен фактически лишить общину возможности осуществлять коллективную религиозную свободу.

В докладе Специального докладчика ООН по вопросу свободы религии или убеждений A/HRC/19/60 также подчеркивается, что официальное признание и процедуры регистрации не должны превращаться в инструмент контроля над религиозной жизнью; напротив, государство обязано обеспечивать такие правовые условия, при которых религиозные общины могут эффективно выполнять свои функции [Report of the Special Rapporteur, A/HRC/19/60]. Для зарубежного церковного представительства это означает, что принимающее государство вправе требовать соблюдения общих правил регистрации, отчетности и публичного порядка, но не вправе произвольно уничтожать церковную автономию под видом регистрационной процедуры.

Европейский суд по правам человека последовательно связывает юридическую личность религиозной организации с реальным осуществлением свободы религии. В деле Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova отказ в признании автономной православной церковной структуры был признан вмешательством в свободу религии [Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova, 2001]. Суд подчеркнул, что отсутствие признания лишало церковь возможности организовывать религиозную жизнь и защищать свои интересы. Для представительств Русской Православной Церкви это решение важно не по конфессиональному результату спора, а по правовому стандарту: признание юридической личности является средством, без которого коллективная свобода религии может оказаться иллюзорной.

В деле Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia Европейский суд рассмотрел отказ в перерегистрации религиозной организации в контексте статей 9 и 11 Конвенции [Moscow

Branch of the Salvation Army v. Russia, 2006]. Этот прецедент имеет значение для любых религиозных объединений с международными связями: государство не может использовать формальные или стигматизирующие мотивы для того, чтобы фактически устранить организацию из правового поля.

В деле Church of Scientology Moscow v. Russia Суд также указал на недопустимость произвольного отказа в регистрации религиозной организации [Church of Scientology Moscow v. Russia, 2007]. Независимо от конфессиональной оценки конкретной организации, международно-правовой смысл решения состоит в том, что регистрационный режим должен быть предсказуемым и недискриминационным. Для церковных представительств с зарубежным элементом этот стандарт означает необходимость отделять проверку законности деятельности от идеологической оценки религиозной принадлежности.

В деле Religionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and Others v. Austria Суд признал нарушение, связанное с чрезмерно длительным отказом предоставить религиозной общине полноценный статус юридически признанной религиозной организации [Religionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and Others v. Austria, 2008]. Этот подход позволяет сформулировать общий критерий: государство вправе устанавливать разумные процедуры признания, но не вправе создавать неопределенность, которая на протяжении длительного времени блокирует нормальное существование религиозной общины.

Религиозная автономия и пределы государственного вмешательства

Юридическая личность религиозной общины не исчерпывает ее международно-правовую защиту. Не менее существенен принцип автономии религиозных организаций. Он означает, что государство должно сохранять нейтралитет и беспристрастность в вопросах вероучения, внутреннего управления, назначения духовенства и разрешения церковных споров, если такие вопросы не выходят за пределы законных целей защиты публичного порядка и прав других лиц.

В деле Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church (Metropolitan Inokentiy) and Others v. Bulgaria Европейский суд рассматривал вмешательство государства в конфликт руководства внутри Болгарской Православной Церкви [Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church v. Bulgaria, 2009]. Правовой вывод дела принципиален: государственная власть не должна подменять собой религиозный орган, определяя легитимность церковного руководства, если такая оценка выходит за пределы нейтрального применения закона. Для зарубежных представительств Русской Православной Церкви это означает, что принимающее государство должно уважать канонические решения компетентных церковных органов, если они не нарушают императивные нормы местного права.

В деле Sindicatul “Păstorul cel Bun” v. Romania Большая палата Европейского суда признала, что автономия Румынской Православной Церкви может быть релевантным основанием для отказа в регистрации профсоюза священнослужителей [Sindicatul “Păstorul cel Bun” v. Romania, 2013]. Этот прецедент показывает «обратную сторону» религиозной автономии: она защищает не только внешнюю свободу общины от запретов, но и внутреннюю способность религиозной организации структурировать отношения духовенства и церковного управления в соответствии с собственным уставом.

Европейский суд в тематическом обзоре по автономии религиозных организаций исходит

из того, что автономное существование религиозных общин является необходимым условием плюрализма в демократическом обществе [ECHR-KS, Autonomy of Religious Organisations, 2026]. Соответственно, зарубежное представительство Русской Православной Церкви должно рассматриваться не как филиал иностранного государства, а прежде всего как институциональная форма коллективного осуществления свободы религии. Иное возможно лишь при наличии конкретных доказательств противоправной деятельности, а не на основании самой транснациональной церковной связи.

При этом принцип автономии не отменяет действия национального права. Церковное представительство обязано соблюдать закон принимающего государства в вопросах регистрации, налогообложения, трудовых отношений, строительства, защиты персональных данных, публичной безопасности и имущественного оборота. Международно-правовой стандарт состоит не в освобождении от права принимающего государства, а в запрете использовать это право как инструмент дискриминационного ограничения религиозной общины.

Представительство при международных организациях: церковная репрезентация, а не дипломатическая миссия

Особого внимания требует статус представительств Русской Православной Церкви при международных организациях. Страсбургское представительство, согласно опубликованным данным, было создано с поручением представлять церковную позицию в Совете Европы [Наша община, 2026]. В научной литературе также отмечается институциональное присутствие Русской Православной Церкви при Совете Европы и его значение для обсуждения религиозных прав, свободы выражения мнения и традиционных ценностей [Haft, 2021].

Однако представление церковной позиции при международной организации не означает автоматического приобретения статуса субъекта международного права. Здесь следует различать как минимум три режима. Первый — участие государств и международных организаций, обладающих публичной международной правосубъектностью. Второй — участие субъектов со специальным статусом, например Святого Престола как государства-наблюдателя при ООН [UN General Assembly Resolution 58/314, 2004]. Третий — участие религиозных, общественных и экспертных структур как негосударственных акторов, имеющих возможность коммуникации, консультаций или экспертного влияния, но не обладающих правом выступать от имени государства.

Русская Православная Церковь в зарубежном и международном пространстве относится именно к третьему типу. Ее представительства могут участвовать в межрелигиозном и экспертном диалоге, направлять позиции по вопросам свободы религии, защиты христиан, биоэтики, образования, семейной политики, культурного наследия. Но такая деятельность не должна квалифицироваться как дипломатическая деятельность Российской Федерации. Международно-правовая корректность требует избегать терминологического смешения: церковная репрезентация не равна государственной миссии.

Именно здесь возникает наиболее тонкая практическая проблема. С одной стороны, религиозные организации вправе поддерживать международные контакты и публично выражать позицию по вопросам, затрагивающим верующих. С другой стороны, принимающие государства могут опасаться политизации религиозных структур, особенно в условиях

международной напряженности. Для правовой оценки таких ситуаций необходимо использовать не презумпцию подозрения, а критерий конкретного поведения: нарушает ли данное учреждение закон принимающего государства, либо оно осуществляет защищенную международным правом религиозную, просветительскую, благотворительную и коммуникационную деятельность.

Концептуальная модель статуса зарубежных представительств Русской Православной Церкви

Проведенный анализ позволяет предложить модель трехуровневого статуса зарубежного представительства Русской Православной Церкви.

Первый уровень — канонический. Представительство создается решением компетентной церковной власти, действует в системе церковной юрисдикции, имеет назначенного руководителя, внутренние церковные задачи и связь с ОВЦС либо иным церковным органом. Этот уровень определяет церковную идентичность учреждения и его легитимность внутри Русской Православной Церкви.

Второй уровень — национально-правовой. В принимающем государстве представительство приобретает или использует правовую форму, предусмотренную национальным законодательством: религиозная организация, ассоциация, приход, фонд, некоммерческое учреждение, культовая ассоциация или иной допустимый статус. Именно на этом уровне решаются вопросы собственности, банковских счетов, строительства, найма персонала, социальной и образовательной деятельности.

Третий уровень — международно-правовой защитный. Он не превращает представительство в публичного международного субъекта, но обеспечивает минимальные гарантии: свободу религии, свободу ассоциации, недискриминационный доступ к юридической личности, автономию религиозного управления, защиту имущества и возможность трансграничной религиозной коммуникации. Этот уровень выводится из статьи 18 Международного пакта, статьи 9 Европейской конвенции, Декларации ООН 1981 г., Руководящих принципов ОБСЕ/БДИПЧ и Венецианской комиссии и практики международных судов [International Covenant on Civil and Political Rights, 1966; Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1950; Declaration, 1981; OSCE/ODIHR, Venice Commission, 2014].

Практическим следствием такой модели является необходимость документальной ясности. Для каждого зарубежного представительства должны быть четко разграничены: канонический акт учреждения; национальный устав или регистрационный документ; имущественный режим; компетенция руководителя; источники финансирования; порядок взаимодействия с государственными и международными организациями; характер деятельности — богослужебный, просветительский, благотворительный, культурный или экспертно-коммуникационный.

Такая юридическая архитектура снижает риски конфликтов. Для самой церковной организации она позволяет защитить автономию и имущество. Для принимающего государства она делает деятельность прозрачной и предсказуемой. Для международного правопорядка она демонстрирует, что транснациональная религиозная организация способна действовать в рамках права, не претендуя на государственный дипломатический статус, но и не утрачивая международно признанных гарантий свободы религии.

Заключение

Международно-правовой статус зарубежных представительств Русской Православной Церкви следует определять не через категорию дипломатического представительства, а через категорию многоуровневой религиозной институциональности. Эти представительства не обладают публичной международной правосубъектностью, сопоставимой с государствами, международными организациями или Святым Престолом. Они не имеют дипломатических иммунитетов и не вправе выступать от имени государства.

Вместе с тем они обладают функциональной международно-правовой защищенностью как формы коллективного осуществления свободы религии. Эта защищенность выражается в праве на юридическую личность, религиозную автономию, имущественную самостоятельность, назначение духовенства, поддержание трансграничных церковных связей и участие в межрелигиозной и экспертной коммуникации. Практика Европейского суда по правам человека подтверждает, что отказ в признании религиозной организации, вмешательство в ее внутреннее управление или дискриминационное применение регистрационных процедур способны нарушать международно-правовые стандарты свободы религии и ассоциации.

Для российской и международной правовой науки предложенная модель позволяет избежать двух крайностей: с одной стороны, необоснованного наделения церковных представительств дипломатическим статусом; с другой — редукции их деятельности к обычной частноправовой регистрации. Наиболее точной является формула: зарубежное представительство Русской Православной Церкви — это канонически учрежденная религиозная структура, действующая в национальном правопорядке принимающего государства и пользующаяся международно-правовыми гарантиями коллективной свободы религии, автономии и недискриминационного доступа к юридической личности.

Библиография

1. Акт о каноническом общении // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. URL: https://mospat.ru/ru/documents/87602-akt-o-kanonicheskom-obshchenii/ (дата обращения: 26.04.2026).
2. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 36/55 от 25 ноября 1981 г. // OHCHR. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-all-forms-intolerance-and-discrimination (дата обращения: 26.04.2026).
3. Информация об Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата // ОВЦС. URL: https://mospat.ru/ru/department/ (дата обращения: 26.04.2026).
4. Наша община // Строительство православного храма Всех Святых в Страсбурге. URL: https://www.ruhram.eu/ru/prihod/ (дата обращения: 26.04.2026).
5. Паспорт научной специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» // МГИМО. URL: https://mgimo.ru/upload/2022/08/5.1.5-mezhdunarod-pravovye-nauki.pdf (дата обращения: 26.04.2026).
6. Представительство и Патриаршие приходы Московского Патриархата в США // Русская Православная Церковь в США. URL: https://ruschurchusa.org/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/ (дата обращения: 26.04.2026).
7. Устав Русской Православной Церкви. XX. Церковные учреждения в дальнем зарубежье // ОВЦС. URL: https://mospat.ru/de/documents/87551-tserkovnye-uchrezhdeniya-v-dalnem-zarubezhe/ (дата обращения: 26.04.2026).
8. Church of Scientology Moscow v. Russia: judgment of the European Court of Human Rights, application no. 18147/02, 5 April 2007. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-80038 (дата обращения: 26.04.2026).
9. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Council of Europe. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG (дата обращения: 26.04.2026).
10. ECHR-KS. Key Theme - Article 9. Autonomy of Religious Organisations. URL:

https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/autonomy-of-religious-organisations (дата обращения: 26.04.2026).
11. Haft H. The Russian Orthodox Church at the Council of Europe: Religious Rights, Free Expression and Traditional Values // New York University Journal of International Law and Politics. 2021. Vol. 53. P. 953-990. URL: https://www.nyujilp.org/wp-content/uploads/2021/08/NYUJILP_53.3_Helen-Haft_Russian-Orthodox.pdf (дата обращения: 26.04.2026).
12. Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church (Metropolitan Inokentiy) and Others v. Bulgaria: judgment of the European Court of Human Rights, applications nos. 412/03 and 35677/04, 22 January 2009. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90788 (дата обращения: 26.04.2026).
13. Human Rights Committee. General Comment No. 22: Article 18 (Freedom of Thought, Conscience or Religion), CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, 30 July 1993. URL: https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1993/13375 (дата обращения: 26.04.2026).
14. International Covenant on Civil and Political Rights: adopted by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966 // OHCHR. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights (дата обращения: 26.04.2026).
15. Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova: judgment of the European Court of Human Rights, application no. 45701/99, 13 December 2001. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+METROPOLITAN+CHURCH+OF+BESSARABIA+AND+OTHERS+v.+MOLDOVA.pdf&id=001-59985&library=ECHR&logEvent=False (дата обращения: 26.04.2026).
16. Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia: judgment of the European Court of Human Rights, application no. 72881/01, 5 October 2006. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-77249 (дата обращения: 26.04.2026).
17. OSCE/ODIHR, Venice Commission. Guidelines on the Legal Personality of Religious or Belief Communities. CDL-AD(2014)023. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282014%29023-e (дата обращения: 26.04.2026).
18. Religionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and Others v. Austria: judgment of the European Court of Human Rights, application no. 40825/98, 31 July 2008. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-88022 (дата обращения: 26.04.2026).
19. Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief, Heiner Bielefeldt, A/HRC/19/60, 22 December 2011. URL: https://docs.un.org/en/a/hrc/19/60 (дата обращения: 26.04.2026).
20. Sindicatul "Păstorul cel Bun" v. Romania: judgment of the European Court of Human Rights, application no. 2330/09, 9 July 2013. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122763 (дата обращения: 26.04.2026).
21. United Nations General Assembly Resolution 58/314. Participation of the Holy See in the work of the United Nations, 1 July 2004. URL: https://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/pdf-diplomazia/2004-july1-Resolution%20ONU%20Holy%20See.pdf (дата обращения: 26.04.2026).
22. Vienna Convention on Diplomatic Relations, 1961 // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/doc/treaties/1964/06/19640624%2002-10%20am/ch_iii_3p.pdf (дата обращения: 26.04.2026).

International Legal Status of Foreign Representations of the Russian Orthodox Church: Legal Personality, Religious Autonomy, and National-Legal Recognition

Sergey N. Khrameshin

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy and Theology,
Belgorod State National Research University,
308015, 85, Pobedy St., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: rector@sgla.ru

Abstract

The article is devoted to the international legal analysis of the status of foreign representations of the Russian Orthodox Church. The research is carried out within the framework of the specialty

5.1.5 "International Legal Sciences," as it addresses issues of international legal personality, non-state actors, the law of external relations, international protection of human rights, and the relationship between international and domestic law. It is substantiated that foreign representations of the Russian Orthodox Church are not diplomatic missions and do not possess public international legal personality comparable to that of states, the Holy See, or international intergovernmental organizations. At the same time, their status is not reduced to private law registration in the host state. It forms a multi-level structure, including canonical establishment, national-legal legal personality, and international legal guarantees of collective religious freedom. Based on an analysis of the Charter of the Russian Orthodox Church, documents of the Department for External Church Relations, international acts on religious freedom, the OSCE/ODIHR and Venice Commission Guidelines, as well as the practice of the European Court of Human Rights, a model of the functional international legal status of church representations abroad is formulated. Special attention is paid to the right of religious communities to legal personality, autonomy of internal governance, property and organizational independence, as well as the limits of state intervention in church structures. The conclusion is made about the necessity of distinguishing between diplomatic representation, ecclesiastical-canonical representation, and nationally recognized religious legal entities.

For citation

Khrameshin S.N. (2026) Mezhdunarodno-pravovoy status zarubezhnykh predstavitel'stv Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: pravosub"yektnost', religioznaya avtonomiya i natsional'no-pravovoye priznaniye [International Legal Status of Foreign Representations of the Russian Orthodox Church: Legal Personality, Religious Autonomy, and National-Legal Recognition]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 528-539. DOI: 10.34670/AR.2026.29.79.044

Keywords

International law; Russian Orthodox Church; foreign representations; religious autonomy; freedom of religion; legal personality; non-state actors; European Court of Human Rights; law of external relations; canonical representation.

References

1. Akt o kanonicheskom obshchenii [Act of Canonical Communion]. Available at: https://mospat.ru/ru/documents/87602-akt-o-kanonicheskom-obshchenii/ (accessed 26 April 2026).
2. Charter of the Russian Orthodox Church. XX. Church Institutions in the Far Abroad. Available at: https://mospat.ru/de/documents/87551-tserkovnye-uchrezhdeniya-v-dalnem-zarubezhe/ (accessed 26 April 2026).
3. Church of Scientology Moscow v. Russia, ECtHR, application no. 18147/02, 5 April 2007. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-80038 (accessed 26 April 2026).
4. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Available at: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG (accessed 26 April 2026).
5. Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and of Discrimination Based on Religion or Belief, 1981. Available at: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-all-forms-intolerance-and-discrimination (accessed 26 April 2026).
6. Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate: general information. Available at: https://mospat.ru/ru/department/ (accessed 26 April 2026).
7. ECHR-KS. Key Theme - Article 9. Autonomy of Religious Organisations. Available at: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/autonomy-of-religious-organisations (accessed 26 April 2026).
8. Haft, H. (2021) The Russian Orthodox Church at the Council of Europe: Religious Rights, Free Expression and Traditional Values. New York University Journal of International Law and Politics, 53, pp. 953-990. Available at: https://www.nyujilp.org/wp-content/uploads/2021/08/NYUJILP_53.3_Helen-Haft_Russian-Orthodox.pdf (accessed 26

April 2026).
9. Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church (Metropolitan Inokentiy) and Others v. Bulgaria, ECtHR, applications nos. 412/03 and 35677/04, 22 January 2009. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90788 (accessed 26 April 2026).
10. Human Rights Committee (1993) General Comment No. 22: Article 18 (Freedom of Thought, Conscience or Religion), CCPR/C/21/Rev.1/Add.4. Available at: https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1993/13375 (accessed 26 April 2026).
11. International Covenant on Civil and Political Rights, 1966. Available at: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights (accessed 26 April 2026).
12. Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova, ECtHR, application no. 45701/99, 13 December 2001. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+METROPOLITAN+CHURCH+OF+BESSARABIA+AND+OTHERS+v.+MOLDOVA.pdf&id=001-59985&library=ECHR&logEvent=False (accessed 26 April 2026).
13. Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia, ECtHR, application no. 72881/01, 5 October 2006. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-77249 (accessed 26 April 2026).
14. Our Community. Orthodox Church of All Saints in Strasbourg. Available at: https://www.ruhram.eu/ru/prihod/ (accessed 26 April 2026).
15. OSCE/ODIHR, Venice Commission (2014) Guidelines on the Legal Personality of Religious or Belief Communities. CDL-AD(2014)023. Available at: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282014%29023-e (accessed 26 April 2026).
16. Passport of Scientific Specialty 5.1.5 “International Legal Sciences”. Available at: https://mgimo.ru/upload/2022/08/5.1.5-mezhdunarod-pravovye-nauki.pdf (accessed 26 April 2026).
17. Patriarchal Parishes of the Russian Orthodox Church in the USA. Available at: https://ruschurchusa.org/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/ (accessed 26 April 2026).
18. Religionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and Others v. Austria, ECtHR, application no. 40825/98, 31 July 2008. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-88022 (accessed 26 April 2026).
19. Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief, Heiner Bielefeldt, A/HRC/19/60, 22 December 2011. Available at: https://docs.un.org/en/a/hrc/19/60 (accessed 26 April 2026).
20. Sindicatul “Păstorul cel Bun” v. Romania, ECtHR, application no. 2330/09, 9 July 2013. Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122763 (accessed 26 April 2026).
21. United Nations General Assembly Resolution 58/314. Participation of the Holy See in the Work of the United Nations, 1 July 2004. Available at: https://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/pdf-diplomazia/2004-july1-Resolution%20ONU%20Holy%20See.pdf (accessed 26 April 2026).
22. Vienna Convention on Diplomatic Relations, 1961. Available at: https://treaties.un.org/doc/treaties/1964/06/19640624%2002-10%20am/ch_iii_3p.pdf (accessed 26 April 2026).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.231.14 **DOI: 10.34670/AR.2026.58.10.045**

Гонения на христиан в современном мире как объект международно-правовой защиты: стандарты прав человека и механизмы международной уголовной ответственности

Храмешин Сергей Николаевич

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии и теологии,
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: rector@sgla.ru

Аннотация

Статья посвящена международно-правовым механизмам противодействия гонениям на христиан в современном мире. Проводится разграничение между «гонениями» как социально-политическим феноменом и «преследованием» как юридической категорией международного права прав человека и международного уголовного права. На основе Международного пакта о гражданских и политических правах и его авторитетного толкования Комитетом ООН по правам человека реконструируются универсальные стандарты свободы религии и позитивные обязанности государств по защите верующих от насилия и дискриминации, включая действия негосударственных акторов. Далее исследуется нормативная конструкция преследования по религиозному признаку как преступления против человечности по Римскому статуту МУС и «Элементам преступлений», а также уточняются ее элементы на материале юриспруденции Международного трибунала по бывшей Югославии. Особое внимание уделяется защите религиозных объектов в вооруженных конфликтах и квалификации умышленных нападений на храмы и святыни как военных преступлений; анализ дополняется рассмотрением приговора МУС по делу Al Mahdi как прецедента уголовно-правовой охраны религиозного наследия. В прикладном плане оценивается роль международных механизмов документирования и содействия ответственности за международные преступления, в том числе Следственной группы ООН по Ираку (UNITAD), учрежденной резолюцией 2379 (2017). Отдельным разделом рассматривается православный контекст: церковные заявления о росте христианофобии и их потенциал в формировании международно-правовой повестки защиты гонимых христиан.

Для цитирования в научных исследованиях

Храмешин С.Н. Гонения на христиан в современном мире как объект международно-правовой защиты: стандарты прав человека и механизмы международной уголовной ответственности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 540-549. DOI: 10.34670/AR.2026.58.10.045

Ключевые слова

Международное право; международная защита прав человека; свобода религии; преследование как преступление против человечности; военные преступления; разрушение религиозных объектов; международное уголовное правосудие; гонения на христиан; православие.

Введение

Гонения на христиан в XXI веке перестали быть исключительно предметом церковной истории и религиозной публицистики, становясь важной проблемой международного права: права человека, международного гуманитарного права и международного уголовного правосудия. В ряде регионов мира христианские общины сталкиваются с насилием, принудительным перемещением, разрушением храмов и иными формами дискриминации, что фиксируется как в документах международных организаций, так и в государственных докладах и специальных исследованиях [UNAMI & OHCHR, Report on the Protection of Civilians in Iraq (6 July – 10 September 2014), 2014; UNAMI & OHCHR, Report on the Protection of Civilians in Iraq (11 September – 10 December 2014), 2014; USCIRF, Issue Brief: Genocide Against Christians, Yazidis, and Other Religious Minorities, 2024; U.S. Department of State, 2023 Report on International Religious Freedom: Syria, 2023]. При этом международно-правовой инструментарий реагирования на подобные явления неоднороден: на уровне универсальных договоров он формулирует стандарты свободы религии и недискриминации, а на уровне международного уголовного права — определяет составы преступлений, включая «преследование» по религиозному признаку как преступление против человечности.

Цель статьи — систематизировать международно-правовые подходы к квалификации и пресечению гонений на христиан, соединив анализ универсальных стандартов прав человека с международно-уголовной квалификацией преследования и разрушения религиозных объектов. Задачи исследования включают: (1) уточнение понятийного аппарата («дискриминация», «гонения», «преследование»); (2) анализ стандартов свободы религии в универсальных договорах; (3) раскрытие элементов преследования как преступления против человечности и их разработки в судебной практике; (4) оценку международных механизмов документирования и содействия ответственности за международные преступления; (5) обозначение православного контекста публичной защиты гонимых христиан.

Методологическая база включает формально-юридический анализ международных договоров и судебных актов, сравнительно-правовой подход к механизмам защиты свободы религии и уголовно-правовой квалификации деяний, а также кейс-стади, основанный на судебной практике МТБЮ и МУС и на отчетах ООН о ситуации в отдельных странах и регионах.

Понятийные рамки: «гонения» и «преследование» в международном праве

В научной и общественно-политической речи «гонения» на христиан обычно охватывают широкий спектр явлений: от административных ограничений (запрет миссионерской деятельности, ограничение регистрации общин, дискриминация при трудоустройстве) до

прямого насилия (нападения на верующих, убийства, похищения, принуждение к смене веры) и разрушения церковной инфраструктуры. Для международно-правового анализа важно разделять как минимум три уровня нормативной оценки.

Во-первых, на уровне международного права прав человека речь идет о нарушениях свободы религии, включая коллективные формы религиозной жизни, и о дискриминации по признаку религии. Во-вторых, на уровне международного гуманитарного права — о запрещенных способах ведения войны и защите гражданского населения и объектов, включая здания, предназначенные для религиозных целей. В-третьих, на уровне международного уголовного права «преследование» становится специальным составом преступления против человечности при наличии определенных элементов: серьезного лишения основных прав в связи с принадлежностью к группе и связи с другими международными преступлениями [3; 4].

Такое разграничение имеет практическое значение. Отчеты о нарушениях свободы религии фиксируют широкий массив фактов, но далеко не каждый из них достигает порога «преследования» как преступления против человечности. Напротив, систематическое насилие, массовые изгнания, уничтожение религиозной инфраструктуры и целенаправленные атаки на идентичность группы потенциально подпадают под более строгие уголовно-правовые квалификации, включая преследование, депортацию, убийство и иные деяния в составе преступлений против человечности [Rome Statute of the International Criminal Court, 1998; ICTY, Prosecutor v. Kupreškić et al., Trial Judgment, 2000; ICTY, Prosecutor v. Kupreškić et al., Appeal Judgment, 2001].

Универсальные стандарты свободы религии и позитивные обязанности государств

Ключевым универсальным договором является Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП), закрепляющий свободу мысли, совести и религии (ст. 18) и принцип недискриминации [International Covenant on Civil and Political Rights, 1966]. Комитет ООН по правам человека в Общем комментарии № 22 подчеркивает, что свобода религии включает как внутреннее измерение (forum internum), которое не подлежит ограничению, так и внешнее измерение (manifestation), которое может ограничиваться лишь при строгом соблюдении условий законности, необходимости и пропорциональности [UN Human Rights Committee, General Comment No. 22, 1993].

Для проблематики гонений на христиан принципиально важен тезис о позитивных обязанностях государств. Даже когда насилие исходит от негосударственных акторов, государство обязано обеспечивать эффективную защиту прав, включая предупреждение, расследование и наказание актов насилия и дискриминации, а также создание условий для свободной религиозной жизни. На практике это предполагает наличие доступных процедур регистрации религиозных общин, эффективной полиции и правосудия, мер защиты религиозных объектов и механизмов противодействия языку вражды.

Систематическое преследование христиан в отдельных странах и регионах, фиксируемое в докладах ООН и национальных структур, показывает, что нарушение свободы религии нередко сочетается с нарушениями права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, запретом пыток, а также с принудительным перемещением [UNAMI & OHCHR, Report on the Protection of Civilians in Iraq (6 July – 10 September 2014), 2014; UNAMI & OHCHR, Report on the Protection of Civilians in Iraq (11 September – 10 December 2014), 2014; USCIRF, Issue Brief: Genocide Against

Christians, Yazidis, and Other Religious Minorities, 2024; U.S. Department of State, 2023 Report on International Religious Freedom: Syria, 2023]. Таким образом, правозащитная перспектива и перспектива международного уголовного права не конкурируют, а дополняют друг друга: первая выявляет комплекс нарушений и обязанностей государства, а вторая задает пороговую квалификацию наиболее тяжких деяний.

Преследование по религиозному признаку как преступление против человечности

Римский статут Международного уголовного суда относит «преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным или гендерным мотивам» к преступлениям против человечности при условии, что оно совершается в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население и связано с иными деяниями, подпадающими под юрисдикцию Суда [Rome Statute of the International Criminal Court, 1998]. «Элементы преступлений» детализируют признаки данного состава, включая требование серьезного лишения фундаментальных прав, противоречащее международному праву [International Criminal Court, Elements of Crimes, 2002].

Юриспруденция Международного трибунала по бывшей Югославии существенно повлияла на содержание понятия «преследование» как преступления против человечности. В приговоре по делу Kupreškić Суд анализирует преследование как комплексное деяние дискриминационного характера, включающее различные формы насилия и притеснения, когда в совокупности они достигают уровня серьезного лишения основных прав и затрагивают защищаемую группу [ICTY, Prosecutor v. Kupreškić et al., Trial Judgment, 2000]. Апелляционная инстанция в последующем уточняет вопросы субъективной стороны и оценки вклада отдельных лиц в совершение преследования [ICTY, Prosecutor v. Kupreškić et al., Appeal Judgment, 2001].

Для квалификации гонений на христиан в отдельных случаях ключевыми становятся два элемента: систематичность/широкомасштабность и дискриминационный мотив. Так, в отчетах о ситуации в Ираке в период вооруженного конфликта фиксируются массовые нападения и принудительное перемещение религиозных меньшинств, включая христиан, а также разрушение религиозной инфраструктуры [UNAMI & OHCHR, Report on the Protection of Civilians in Iraq (6 July – 10 September 2014), 2014; UNAMI & OHCHR, Report on the Protection of Civilians in Iraq (11 September – 10 December 2014), 2014]. В аналитических материалах подчеркивается, что соответствующие действия могут квалифицироваться как международные преступления, включая преступления против человечности и военные преступления [USCIRF, Issue Brief: Genocide Against Christians, Yazidis, and Other Religious Minorities, 2024; UN Security Council Resolution 2379, 2017]. Вопрос о точной квалификации, разумеется, требует установления фактов и индивидуальной вины в рамках уголовного процесса, но доктринальный анализ показывает наличие применимых международно-правовых категорий и критериев.

Религиозные объекты и святыни: международно-уголовная охрана религиозного наследия

Гонения на христиан в современном мире нередко сопровождаются нападениями на храмы, монастыри, кладбища и иные объекты религиозного значения. На языке международного права

такие действия могут быть охарактеризованы как (а) нарушения прав человека (например, когда они лишают общину возможности осуществлять богослужение), (б) нарушения международного гуманитарного права и (в) международные преступления, в зависимости от контекста.

Римский статут предусматривает ответственность за военные преступления, включая умышленные нападения на здания, посвященные религии, при условии, что они не являются военными целями [Rome Statute of the International Criminal Court, 1998; International Criminal Court, Elements of Crimes, 2002]. Практическое значение этой нормы подтверждено в решении МУС по делу The Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi, где Суд признал обвиняемого виновным в умышленном нападении на религиозные и исторические объекты в Тимбукту [ICC, The Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi, Judgment, 2016]. Хотя дело Al Mahdi связано с нехристианскими святынями, его правовые выводы важны и для защиты христианских объектов: оно демонстрирует, что намеренное разрушение религиозного наследия может выступать самостоятельным предметом международной уголовной ответственности и рассматривается как посягательство не только на собственность, но и на культурную и духовную идентичность общин.

С учетом того, что в конфликтах последних десятилетий фиксировались случаи разрушения храмов и монастырей, включая древние христианские святыни, практика Al Mahdi задает важный ориентир: документирование фактов разрушения, установление контекста вооруженного конфликта и анализ отсутствия военной необходимости могут позволить квалифицировать соответствующие действия как военные преступления при наличии юрисдикционных предпосылок.

Документирование и ответственность: UNITAD и кооперация в сфере международных преступлений

Одной из ключевых практических проблем является разрыв между наличием сведений о преступлениях против религиозных меньшинств и возможностью доведения дел до суда. В ответ на преступления, совершенные на территории Ирака, Совет Безопасности ООН поддержал создание специального механизма по сбору и сохранению доказательств — Следственной группы ООН по содействию привлечению к ответственности за преступления, совершенные ИГИЛ (UNITAD). Текст резолюции 2379 (2017) и сопроводительная документация, опубликованные в International Legal Materials, показывают, что мандат механизма ориентирован на поддержку национальных уголовных процессов по международным преступлениям (геноцид, преступления против человечности, военные преступления) [UN Security Council Resolution 2379, 2017].

Ежегодные доклады Генерального секретаря ООН о выполнении резолюций, посвященных деятельности UNITAD, дают материал для оценки эффективности механизма, в том числе с точки зрения работы с доказательствами преступлений против религиозных общин [UN, Implementation of resolution 2697 (2023): Report of the Secretary-General, 2024]. С точки зрения международного права значение подобных механизмов состоит в (а) стандартизации процедур сбора и хранения доказательств, (б) повышении качества национальных расследований, (в) обеспечении международного сотрудничества и (г) создании предпосылок для использования доказательств в разных юрисдикциях при соблюдении процессуальных гарантий.

В более широком плане международная реакция на гонения на христиан требует согласования правозащитных и уголовно-правовых инструментов: мониторинга нарушений свободы религии и дискриминации [International Covenant on Civil and Political Rights, 1966; UN Human Rights Committee, General Comment No. 22, 1993], документирования массовых преступлений в конфликтах [UNAMI & OHCHR, Report on the Protection of Civilians in Iraq (6 July – 10 September 2014), 2014; UNAMI & OHCHR, Report on the Protection of Civilians in Iraq (11 September – 10 December 2014), 2014], использования международных и национальных процедур ответственности в пределах юрисдикции (включая международные суды и национальные суды при наличии основания для преследования международных преступлений).

Православный контекст и международно-правовая повестка защиты гонимых христиан

Для православной традиции тема гонений на христиан имеет не только историческое, но и актуальное пастырское и общественное измерение. В документах Русской Православной Церкви неоднократно подчеркивается рост проявлений христианофобии и необходимость международного внимания к положению христианских общин в различных регионах мира [17]. Церковные заявления фиксируют важные для международно-правовой повестки аспекты: необходимость защиты жизни и достоинства верующих, сохранения религиозных святынь, противодействия дискриминационным практикам.

При этом потенциал церковной дипломатии и публичных заявлений не сводится к моральной оценке. Он может способствовать: (1) артикуляции фактов и запросов на международное расследование; (2) поддержке гуманитарных и правозащитных инициатив; (3) формированию коалиций религиозных лидеров в защиту преследуемых общин; (4) содействию сохранению доказательств разрушения религиозных объектов. В частности, сообщения и заявления, посвященные необходимости обсуждения трагической ситуации преследования христиан в ряде регионов мира, подчеркивают значение международного сотрудничества и общественной солидарности [Заявление ОВЦС о встрече с архиепископом Кентерберийским, 2012].

С научной точки зрения важно сохранять юридическую точность: церковная оценка явления «гонений» должна быть переведена на язык международно-правовых категорий (дискриминация, нарушения прав человека, военные преступления, преследование как преступление против человечности) и соотнесена с критериями доказывания и юрисдикции. Именно такая «двойная оптика» — пастырская и юридическая — позволяет выстраивать реалистичную стратегию защиты христианских общин и их религиозного наследия в рамках международного права.

Заключение

Международное право располагает многоуровневым набором средств противодействия гонениям на христиан: универсальные стандарты свободы религии и недискриминации задают рамку обязанностей государств по защите верующих, тогда как международное уголовное право предоставляет инструменты квалификации наиболее тяжких деяний как преступлений против человечности и военных преступлений. Нормативная конструкция «преследования» по

религиозному признаку в Римском статуте, уточненная судебной практикой МТБЮ, позволяет юридически описывать систематическое и широкомасштабное лишение фундаментальных прав по признаку религии при наличии контекстуальных элементов нападения на гражданское население. Прецедент МУС по делу Al Mahdi подтверждает возможность международно-уголовной охраны религиозных объектов как самостоятельной ценности и задает ориентир для документирования разрушения святынь в иных конфликтах.

Практическая эффективность международно-правовой защиты зависит от качества документирования и от способности соединять правозащитные механизмы мониторинга с уголовно-правовыми механизмами ответственности. Мандаты доказательственных механизмов, подобных UNITAD, демонстрируют перспективность модели, при которой международные структуры обеспечивают профессиональный сбор доказательств, а национальные суды осуществляют преследование при соблюдении процессуальных гарантий. Православные церковные заявления и инициативы, подчеркивающие проблему христианофобии и насилия против христиан, могут дополнять эту модель, способствуя публичному вниманию и кооперации. В совокупности описанные инструменты формируют основу для более последовательной международной политики предотвращения гонений и защиты христианских общин и их религиозного наследия.

Библиография

1. International Covenant on Civil and Political Rights. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/ProfessionalInterest/ccpr.pdf
2. UN Human Rights Committee. General Comment No. 22: The right to freedom of thought, conscience and religion (Art. 18). CCPR/C/21/Rev.1/Add.4 (30.07.1993). URL: https://docs.un.org/en/CCPR/C/21/Rev.1/Add.4
3. Rome Statute of the International Criminal Court (consolidated text). URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-05/Rome-Statute-eng.pdf
4. International Criminal Court. Elements of Crimes. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/Publications/Elements-of-Crimes.pdf
5. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY). Prosecutor v. Kupreškić et al., Case No. IT-95-16-T, Judgment (14.01.2000). URL: https://www.icty.org/x/cases/kupreskic/tjug/en/kup-tj000114e.pdf
6. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY). Prosecutor v. Kupreškić et al., Case No. IT-95-16-A, Appeal Judgment (23.10.2001). URL: https://www.icty.org/x/cases/kupreskic/acjug/en/kup-aj011023e.pdf
7. International Criminal Court. The Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi, Judgment and Sentence, ICC-01/12-01/15-171 (27.09.2016). URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2016_07244.PDF
8. European Court of Human Rights. Case of Kokkinakis v. Greece (Application no. 14307/88), Judgment (25.05.1993). URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57827
9. European Court of Human Rights. Case of Eweida and Others v. the United Kingdom (Applications nos. 48420/10, 59842/10, 51671/10, 36516/10), Judgment (15.01.2013). URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-150617
10. UNAMI & OHCHR. Report on the Protection of Civilians in the Armed Conflict in Iraq: 6 July – 10 September 2014. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Countries/IQ/UNAMI_OHCHR_POC_Report_FINAL_6July_10September2014.pdf
11. UNAMI & OHCHR. Report on the Protection of Civilians in the Armed Conflict in Iraq: 11 September – 10 December 2014. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Countries/IQ/UNAMI_OHCHR_POC_Report_11Sept_10Dec2014.pdf
12. U.S. Commission on International Religious Freedom (USCIRF). Issue Brief: Genocide Against Christians, Yazidis, and Other Religious Minorities in the Middle East (May 2024). URL: https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2024-05/Genocide%20against%20Christians%2C%20Yazidis%2C%20and%20Other%20Religious%20Minorities%20in%20the%20Middle%20East.pdf
13. U.S. Department of State. 2023 Report on International Religious Freedom: Syria. URL: https://www.state.gov/reports/2023-report-on-international-religious-freedom/syria/
14. United Nations Security Council Resolution 2379 (2017) (Introductory Note and text). International Legal Materials.

URL: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/10BA008DB5199DDBA8130EFA81FAA726/S0020782918000414a.pdf/div-class-title-united-nations-security-council-resolution-2379-div.pdf
15. United Nations. Implementation of Security Council resolution 2697 (2023): Report of the Secretary-General (S/2024/20). URL: https://reliefweb.int/report/iraq/implementation-resolution-2697-2023-report-secretary-general-s202420-enarruzh
16. OSCE/ODIHR & Venice Commission. Joint Opinion on the Draft Law Amending the Law on Freedom of Conscience and on Religious Organizations (Armenia). CDL-AD(2018)002. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282018%29002
17. Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с ростом проявлений христианофобии в мире (30.05.2011). URL: https://mospat.ru/ru/news/55560/
18. Заявление Службы коммуникации ОВЦС о встрече председателя ОВЦС митрополита Волоколамского Илариона с архиепископом Кентерберийским Джастином Уэлби (03.12.2012). URL: https://mospat.ru/ru/news/49605/

Persecution of Christians in the Modern World as an Object of International Legal Protection: Human Rights Standards and Mechanisms of International Criminal Liability

Sergey N. Khrameshin

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy and Theology,
Belgorod State National Research University,
308015, 85, Pobedy St., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: rector@sgla.ru

Abstract

The article is devoted to international legal mechanisms for countering the persecution of Christians in the modern world. A distinction is drawn between "persecution" as a socio-political phenomenon and "persecution" as a legal category of international human rights law and international criminal law. Based on the International Covenant on Civil and Political Rights and its authoritative interpretation by the UN Human Rights Committee, universal standards of freedom of religion and the positive obligations of states to protect believers from violence and discrimination, including actions by non-state actors, are reconstructed. The article then examines the normative construction of persecution on religious grounds as a crime against humanity under the Rome Statute of the ICC and the "Elements of Crimes," and clarifies its elements based on the jurisprudence of the International Tribunal for the Former Yugoslavia. Particular attention is paid to the protection of religious objects in armed conflicts and the qualification of deliberate attacks on churches and shrines as war crimes; the analysis is supplemented by a review of the ICC judgment in the Al Mahdi case as a precedent for the criminal legal protection of religious heritage. In applied terms, the role of international mechanisms for documenting and facilitating accountability for international crimes is assessed, including the UN Investigative Team for Iraq (UNITAD), established by Resolution 2379 (2017). A separate section examines the Orthodox context: Church statements on the rise of Christianophobia and their potential in shaping the international legal agenda for the protection of persecuted Christians.

For citation

Khrameshin S.N. (2026) Goneniya na khristian v sovremennom mire kak ob"yekt mezhdunarodno-pravovoy zashchity: standarty prav cheloveka i mekhanizmy mezhdunarodnoy ugolovnoy otvetstvennosti [Persecution of Christians in the Modern World as an Object of International Legal Protection: Human Rights Standards and Mechanisms of International Criminal Liability]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 540-549. DOI: 10.34670/AR.2026.58.10.045

Keywords

International law; international human rights protection; freedom of religion; persecution as a crime against humanity; war crimes; destruction of religious objects; international criminal justice; persecution of Christians; Orthodoxy.

References

1. International Covenant on Civil and Political Rights. Available at: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/ProfessionalInterest/ccpr.pdf (accessed: 26 April 2026).
2. UN Human Rights Committee. General Comment No. 22: The right to freedom of thought, conscience and religion (Art. 18). CCPR/C/21/Rev.1/Add.4 (30 July 1993). Available at: https://docs.un.org/en/CCPR/C/21/Rev.1/Add.4 (accessed: 26 April 2026).
3. Rome Statute of the International Criminal Court (consolidated text). Available at: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-05/Rome-Statute-eng.pdf (accessed: 26 April 2026).
4. International Criminal Court. Elements of Crimes. Available at: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/Publications/Elements-of-Crimes.pdf (accessed: 26 April 2026).
5. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY). Prosecutor v. Kupreškić et al., Case No. IT-95-16-T, Judgment (14 January 2000). Available at: https://www.icty.org/x/cases/kupreskic/tjug/en/kup-tj000114e.pdf (accessed: 26 April 2026).
6. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY). Prosecutor v. Kupreškić et al., Case No. IT-95-16-A, Appeal Judgment (23 October 2001). Available at: https://www.icty.org/x/cases/kupreskic/acjug/en/kup-aj011023e.pdf (accessed: 26 April 2026).
7. International Criminal Court. The Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi, Judgment and Sentence, ICC-01/12-01/15-171 (27 September 2016). Available at: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2016_07244.PDF (accessed: 26 April 2026).
8. European Court of Human Rights. Case of Kokkinakis v. Greece (Application no. 14307/88), Judgment (25 May 1993). Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57827 (accessed: 26 April 2026).
9. European Court of Human Rights. Case of Eweida and Others v. the United Kingdom (Applications nos. 48420/10, 59842/10, 51671/10, 36516/10), Judgment (15 January 2013). Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-150617 (accessed: 26 April 2026).
10. UNAMI & OHCHR. Report on the Protection of Civilians in the Armed Conflict in Iraq: 6 July – 10 September 2014. Available at: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Countries/IQ/UNAMI_OHCHR_POC_Report_FINAL_6July_10September2014.pdf (accessed: 26 April 2026).
11. UNAMI & OHCHR. Report on the Protection of Civilians in the Armed Conflict in Iraq: 11 September – 10 December 2014. Available at: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Countries/IQ/UNAMI_OHCHR_POC_Report_11Sept_10Dec2014.pdf (accessed: 26 April 2026).
12. U.S. Commission on International Religious Freedom (USCIRF). Issue Brief: Genocide Against Christians, Yazidis, and Other Religious Minorities in the Middle East (May 2024). Available at: https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2024-05/Genocide%20against%20Christians%2C%20Yazidis%2C%20and%20Other%20Religious%20Minorities%20in%20the%20Middle%20East.pdf (accessed: 26 April 2026).
13. U.S. Department of State. 2023 Report on International Religious Freedom: Syria. Available at: https://www.state.gov/reports/2023-report-on-international-religious-freedom/syria/ (accessed: 26 April 2026).
14. United Nations Security Council Resolution 2379 (2017) (Introductory Note and text). International Legal Materials. Available at: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-

core/content/view/10BA008DB5199DDBA8130EFA81FAA726/S0020782918000414a.pdf/div-class-title-united-nations-security-council-resolution-2379-div.pdf (accessed: 26 April 2026).
15. United Nations. Implementation of Security Council resolution 2697 (2023): Report of the Secretary-General (S/2024/20). Available at: https://reliefweb.int/report/iraq/implementation-resolution-2697-2023-report-secretary-general-s202420-enarruzh (accessed: 26 April 2026).
16. OSCE/ODIHR & Venice Commission. Joint Opinion on the Draft Law Amending the Law on Freedom of Conscience and on Religious Organizations (Armenia). CDL-AD(2018)002. Available at: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282018%29002 (accessed: 26 April 2026).
17. Russian Orthodox Church. Statement of the Holy Synod on the increase of manifestations of 'Christianophobia' in the world (30 May 2011). Available at: https://mospat.ru/ru/news/55560/ (accessed: 26 April 2026).
18. Russian Orthodox Church. Statement of the DECR Communications Service on a meeting devoted to persecution of Christians (3 December 2012). Available at: https://mospat.ru/ru/news/49605/ (accessed: 26 April 2026).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 341.231.14 **DOI: 10.34670/AR.2026.98.97.046**

Международно-правовые стандарты автономии религиозных объединений и их применение к православным церквам в практике европейского суда по правам человека

Храмешин Сергей Николаевич

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии и теологии,
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: rector@sgla.ru

Ярцев Александр Борисович

Старший преподаватель,
кафедра теологии и философии,
Славяно-Греко-Латинская Академия,
129090, Российская Федерация, Москва, ул. Щипок, 10, стр. 1;
e-mail: yarzev@sgla.ru

Аннотация

В статье анализируется международно-правовой стандарт автономии религиозных объединений в системе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и выявляются критерии допустимости государственного вмешательства в сферу внутренней организации религиозных общин. Материалом исследования выступают постановления Европейского суда по правам человека по делам, затрагивающим православные церковные структуры и общины: Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova (2001), Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria (2021), “Orthodox Ohrid Archdiocese (Greek-Orthodox Ohrid Archdiocese of the Peć Patriarchy)” v. the former Yugoslav Republic of Macedonia (2017), Church of Real Orthodox Christians and Ivanovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia (2018), Stavropegic Monastery of Saint John Chrysostom v. the former Yugoslav Republic of Macedonia (2018). Показано, что Суд последовательно трактует правосубъектность и регистрацию религиозной организации как инструмент реализации коллективного измерения свободы религии; при этом государство, действуя в рамках обязанности нейтралитета и беспристрастности, не вправе оценивать «легитимность» вероучения, канонический статус или правомерность церковных разделений. Особое внимание уделено напряжению между идеей церковного единства в православной экклесиологии и требованием религиозного плюрализма в демократическом обществе. В качестве практического вывода формулируются ориентиры для правоприменения в России при регистрации и надзоре за религиозными организациями с учетом международных стандартов и Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ.

Для цитирования в научных исследованиях

Храмешин С.Н., Ярцев А.Б. Международно-правовые стандарты автономии религиозных объединений и их применение к православным церквам в практике Европейского суда по правам человека // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 3А. С. 550-559. DOI: 10.34670/AR.2026.98.97.046

Ключевые слова

Международное право; Европейская конвенция о правах человека; свобода религии; автономия религиозных объединений; регистрация религиозных организаций; православие; Европейский суд по правам человека.

Введение

Вопрос о пределах участия государства в жизни религиозных организаций относится к числу устойчивых проблем современного международного права прав человека. В европейском регионе ключевую роль играет Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — ЕКПЧ) и практика Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Для религиозных общин, включая православные церковные структуры, центральное значение имеет институт церковной автономии: возможность формировать внутренние органы управления, определять вероучительные и канонические ориентиры, осуществлять богослужение и пастырскую деятельность без произвольного внешнего вмешательства.

Проблематика приобретает особую остроту в тех ситуациях, когда религиозное поле пересекается с конфликтами идентичности внутри конфессии: дискуссиями о каноничности, о правомерности отделения (сецессии) общин, о допустимости параллельных структур и использовании наименования «православный». В ряде государств эти вопросы переходят из сугубо внутрицерковной плоскости в сферу административных процедур (регистрация, признание, доступ к имуществу и финансам), вследствие чего возникает риск подмены религиозного плюрализма моделью конфессиональной монополии.

Цель настоящей статьи — систематизировать международно-правовые критерии автономии религиозных объединений в системе ЕКПЧ и проанализировать их применение в делах, касающихся православных общин. Задачи исследования включают: (1) реконструкцию содержания стандарта автономии на основе ЕКПЧ и разъяснений ЕСПЧ; (2) анализ судебных подходов к регистрации и правосубъектности православных общин; (3) выявление критериев допустимости государственного усмотрения при оценке наименования и «конфессиональной принадлежности»; (4) формулирование имплементационных выводов для российской правоприменительной практики с учетом Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Федеральный закон № 125-ФЗ, 1997].

Методологическая база включает формально-юридический анализ норм ЕКПЧ, правовую герменевтику, сравнительный подход к национальным моделям регистрации, а также кейс-стади судебных решений ЕСПЧ по делам православных общин (Молдова, Болгария, Северная Македония). Используется также богословско-канонический контекст православной экклесиологии как фактор, объясняющий социальную значимость идеи церковного единства, но не подменяющий юридический анализ.

Автономия религиозных объединений в системе ЕКПЧ: содержание международно-правового стандарта

ЕКПЧ закрепляет свободу мысли, совести и религии (ст. 9) и свободу ассоциации (ст. 11). В толковании ЕСПЧ эти положения образуют единый нормативный комплекс, применимый к коллективным формам религиозной жизни. В «Руководстве по статье 9» ЕСПЧ подчеркивает, что право «в сообществе с другими» предполагает институциональные формы религиозной общности, включая возможность функционирования религиозной организации как самостоятельного субъекта [European Court of Human Rights, Guide on Article 9, 2021].

Ключевым элементом стандарта автономии является признание того, что «автономное существование религиозных общин является незаменимым для плюрализма в демократическом обществе»; следовательно, вопрос автономии находится «в самом центре» защиты, предоставляемой ст. 9 ЕКПЧ [ECtHR, Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova, 2001, § 118]. Отсюда следует, что государство несет позитивные обязанности по созданию правовых условий, позволяющих религиозным общинам эффективно осуществлять коллективное измерение свободы религии, включая доступ к судебной защите и признание правосубъектности.

Стандарт автономии тесно связан с обязанностью государства сохранять нейтралитет и беспристрастность в религиозной сфере. ЕСПЧ неоднократно указывает, что эта обязанность несовместима с «полномочием государства оценивать легитимность религиозных убеждений или способы их выражения», а также с попытками «обеспечить» единое руководство религиозных общин [ECtHR, Orthodox Ohrid Archdiocese (Greek-Orthodox Ohrid Archdiocese of the Peć Patriarchy) v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, 2017, § 117]. Соответственно, спор о каноничности, правомерности раскола или об объеме автономии в рамках «материнской» церкви не может быть решен административным путем: публичная власть вправе регулировать лишь внешние юридические аспекты (правосубъектность, публичная безопасность, защита прав других лиц), но не «сущностные» вопросы вероучения и церковного устройства.

Наконец, стандарт автономии включает запрет дискриминационных и избыточно обременительных регистрационных процедур. Регистрация в правовом смысле представляет собой не «разрешение на существование», а технический механизм приобретения юридической личности. Как справедливо фиксируется в аналитических исследованиях о соотношении регистрации и признания, ограничения доступа к регистрации превращают процедурный инструмент в средство контроля и фактического ограничения свободы религии [Registration, recognition and freedom of religion or belief, www...].

Правосубъектность и регистрация: православные общины в фокусе ЕСПЧ

Постановление по делу Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova (2001) является одним из ключевых для формирования стандарта автономии. Отказ в регистрации и признании Бессарабской митрополии был квалифицирован как вмешательство в свободу религии; Суд констатировал нарушение ст. 9 ЕКПЧ и ст. 13 ЕКПЧ [ECtHR, Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova, 2001]. Важным является не только итоговое установление нарушения, но и логика Суда: отказ в правосубъектности лишает религиозную общину

возможности защищать свои коллективные интересы и имущество, а потому затрагивает «сердцевину» гарантий ст. 9 [ECtHR, Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova, 2001, § 118].

Сходная правовая проблема раскрыта в деле Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria (2021), где национальные суды отказали в регистрации церкви, следовавшей старостильной традиции. ЕСПЧ пришел к выводу о нарушении ст. 9 ЕКПЧ, рассматриваемой в свете ст. 11, а также о нарушении ст. 13 [ECtHR, Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria, 2021]. Особую значимость имеет аргумент Суда о недопустимости «доктринального контроля»: «оценка того, являются ли религиозные убеждения идентичными, не относится к компетенции государственных органов, а принадлежит самим религиозным общинам» [ECtHR, Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria, 2021, § 63]. Суд связывает такие административно-оценочные подходы с риском конфессиональной монополии, когда фактически допускается «только одна институция на одну деноминацию», что противоречит эффективной реализации прав по ст. 9 и 11 [ECtHR, Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria, 2021, § 63].

В обоих делах ЕСПЧ отвергает практику, при которой государство использует процедуру регистрации как инструмент поддержания конфессионального «единства» или защиты «традиционной» модели церковного устройства. Для православной традиции идея единства, безусловно, имеет богословское и историческое значение; однако международно-правовой стандарт трактует плюрализм как базовую ткань демократии и не допускает принуждения религиозной общины к единому руководству. В практическом плане это означает: государство может требовать соблюдения формальных критериев (уставные документы, адрес, органы управления, отсутствие противоправных целей), но не вправе отказывать в правосубъектности по мотивам «сходства» вероучения или «неканоничности» заявителей.

Показательно, что в обоих делах Суд также фиксирует проблему эффективности средств правовой защиты (ст. 13 ЕКПЧ): отказ в регистрации, не сопровождаемый действенной судебной коррекцией, превращается в длительное и фактически непреодолимое ограничение коллективной религиозной свободы [ECtHR, Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova, 2001; ECtHR, Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria, 2021].

Наименование, «каноничность» и государственное усмотрение: кейсы Северной Македонии

Дела против Северной Македонии демонстрируют, что вмешательство может осуществляться не только через прямой отказ в регистрации, но и через оценку допустимости наименования и «идентификационных» элементов православной общины. В деле “Orthodox Ohrid Archdiocese (Greek-Orthodox Ohrid Archdiocese of the Peć Patriarchy)” v. the former Yugoslav Republic of Macedonia (2017) ЕСПЧ признал нарушение ст. 11 ЕКПЧ, толкуемой в свете ст. 9, вследствие отказа зарегистрировать заявителя как религиозную организацию [ECtHR, Orthodox Ohrid Archdiocese (Greek-Orthodox Ohrid Archdiocese of the Peć Patriarchy) v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, 2017]. Центральное положение Суда вновь связано с нейтралитетом: государство не может оценивать легитимность религиозных убеждений и не должно предпринимать меры для обеспечения «единого руководства» религиозных общин [ECtHR, Orthodox Ohrid Archdiocese (Greek-Orthodox Ohrid Archdiocese of the Peć Patriarchy) v. the former

Yugoslav Republic of Macedonia, 2017, § 117].

В последующих делах 2018 года Суд применил разработанные подходы к иным православным структурам. В деле Church of Real Orthodox Christians and Ivanovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia отказ в регистрации был квалифицирован как вмешательство, поскольку он «предотвратил получение юридической личности» и лишил общину возможности эффективно пользоваться «совокупностью прав», доступных признанным религиозным организациям [ECtHR, Church of Real Orthodox Christians and Ivanovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, 2018, § 39]. Суд установил нарушение ст. 11 ЕКПЧ, толкуемой в свете ст. 9 [ECtHR, Church of Real Orthodox Christians and Ivanovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, 2018].

В деле Stavropegic Monastery of Saint John Chrysostom v. the former Yugoslav Republic of Macedonia Суд обратил внимание на характер аргументации национальных судов: вывод о том, что регистрация «нарушит» свободу религии иных организаций, носил общий характер и не был подтвержден конкретными фактами [ECtHR, Stavropegic Monastery of Saint John Chrysostom v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, 2018, § 29]. Отсутствие «релевантных и достаточных» причин привело к выводу о том, что отказ в регистрации не может считаться необходимым в демократическом обществе [Oehring, 2021, § 30].

Правовой фон македонских дел тесно связан с межцерковными спорами, в которых участвуют национальные православные церкви и государственные институты. В аналитическом обзоре Konrad-Adenauer-Stiftung показано, что вопросы статуса церкви и ее внешнего признания часто становятся элементом внутренней и внешней политики, что увеличивает риск государственного давления на меньшинственные религиозные группы [Oehring, 2021]. Международно-правовой стандарт ЕКПЧ требует, чтобы такие контексты не превращались в оправдание административного исключения альтернативных православных общин из правового поля.

Имплементационные выводы для России: регистрационная модель и пределы «оценки вероучения»

Российская модель правового статуса религиозных организаций закреплена в Федеральном законе от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Федеральный закон № 125-ФЗ, 1997]. Закон устанавливает формы религиозных объединений, процедуры государственной регистрации и основания для отказа. С точки зрения международно-правовых стандартов ключевой риск возникает там, где основания отказа или практика их применения фактически подменяют юридическую оценку «формальных» критериев оценкой вероучительных или канонических вопросов.

ЕСПЧ, рассматривая дела православных общин, формулирует общий запрет на «доктринальную экспертизу» со стороны государства и связывает этот запрет с обязанностью нейтралитета и религиозным плюрализмом [ECtHR, Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria, 2021, § 63; ECtHR, Orthodox Ohrid Archdiocese (Greek-Orthodox Ohrid Archdiocese of the Peć Patriarchy) v. the former Yugoslav Republic of Macedonia, 2017, § 117]. Для российской правоприменительной практики это означает, что органы регистрации и надзора, равно как и суды, при разрешении споров о регистрации религиозной организации должны воздерживаться от аргументации, основанной на признании или непризнании «каноничности»

заявителей, совпадении их вероучения с уже зарегистрированными структурами или «нежелательности» параллельных организационных форм внутри одной конфессии.

При этом богословская традиция православия не исключает понимания свободы как ответственности и личного выбора. В официальном документе Русской Православной Церкви «Основы учения о достоинстве, свободе и правах человека» свобода рассматривается как антропологическая и нравственная категория, требующая соотнесения с добром и ответственностью [Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека, 2008]. Научное осмысление этого вопроса в отечественной литературе подчеркивает напряжение между свободой и подчинением в православной этике и богословии [Василевич, 2017]. Данный контекст важен для корректного юридического баланса: защита автономии религиозных объединений не равнозначна легитимации любых действий религиозных лидеров, но предполагает ограничение вмешательства государства пределами, установленными международным правом (общественная безопасность, защита прав других лиц, запрет насилия и дискриминации).

С учетом практики ЕСПЧ представляется целесообразным ориентировать российскую правоприменительную практику на следующие практические механизмы: (1) приоритет формально-юридических критериев при регистрации; (2) судебная проверка отказов в регистрации с акцентом на «релевантность и достаточность» причин; (3) недопущение запрета на деятельность общины как следствия исключительно «идентификационных» споров; (4) обеспечение эффективных средств правовой защиты, позволяющих оперативно оспаривать регистрационные решения. Эти ориентиры соотносятся с европейской тенденцией к укреплению роли ЕКПЧ в правопорядках государств и наднациональных образований [ECtHR, Forthcoming judgments and decisions 20-22.04.2021, 2021].

Заключение

Практика ЕСПЧ по делам православных общин показывает, что международно-правовой стандарт автономии религиозных объединений имеет четко выраженное содержание: автономное существование общин рассматривается как условие религиозного плюрализма; регистрация и правосубъектность — как инструмент реализации коллективного измерения свободы религии; обязанность государства к нейтралитету исключает оценку легитимности вероучения, канонического статуса и внутренних церковных разделений.

Дела о регистрации православных общин в Молдове, Болгарии и Северной Македонии демонстрируют общую проблему: административные механизмы иногда используются для поддержания «единства» или защиты доминирующей церковной структуры. ЕСПЧ квалифицирует такие подходы как несовместимые с демократическим обществом, поскольку они ущемляют права меньшинственных религиозных групп и подрывают плюрализм.

Для российской правовой системы выводы практики ЕСПЧ имеют имплементационное значение: при регистрации и надзоре за религиозными организациями требуется исключить доктринально-каноническую оценку со стороны государства, обеспечив приоритет формально-юридических критериев и эффективную судебную защиту. В сочетании с внутренними богословско-нравственными ориентирами православной традиции это позволяет выстраивать баланс между свободой религии, автономией религиозных организаций и защитой прав других лиц в рамках международно-правовых стандартов.

Библиография

1. European Court of Human Rights. Guide on Article 9 of the European Convention on Human Rights. Freedom of thought, conscience and religion. Updated on 30 April 2021. URL: https://www.marinacastellaneta.it/blog/wp-content/uploads/2021/08/Guide-Article-9.pdf
2. European Court of Human Rights. Case of Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova (Application no. 45701/99). Judgment of 13 December 2001. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+METROPOLITAN+CHURCH+OF+BESSARABIA+AND+OTHERS+v.+MOLDOVA.pdf&id=001-59985&library=ECHR&logEvent=False
3. European Court of Human Rights. Case of Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria (Application no. 56751/13). Judgment of 20 April 2021. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+BULGARIAN+ORTHODOX+OLD+CALENDAR+CHURCH+AND+OTHERS+v.+BULGARIA.pdf&id=001-209327&library=ECHR&logEvent=False
4. European Court of Human Rights. Case of "Orthodox Ohrid Archdiocese (Greek-Orthodox Ohrid Archdiocese of the Peć Patriarchy)" v. the former Yugoslav Republic of Macedonia (Application no. 3532/07). Judgment of 16 November 2017. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+%22ORTHODOX+OHRID+ARCHDIOCESE+%28GREEK-ORTHODOX+OHRID+ARCHIDIOESE+OF+THE+PE%C4%86+PATRIARCHY%29%22+v.+%22THE+FORMER+YUGOSLAV+REPUBLIC+OF+MACEDONIA%22.pdf&id=001-178890&library=ECHR&logEvent=False
5. European Court of Human Rights. Case of Church of Real Orthodox Christians and Ivanovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia (Application no. 35700/11). Judgment of 29 November 2018. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+CHURCH+OF+REAL+ORTODOX+CHRISTIAN+AND+IVANOVSKI+v.+%22THE+FORMER+YUGOSLAV+REPUBLIC+OF+MACEDONIA%22.pdf&id=001-187820&library=ECHR&logEvent=False
6. European Court of Human Rights. Case of Stavropegic Monastery of Saint John Chrysostom v. the former Yugoslav Republic of Macedonia (Application no. 52849/09). Judgment of 29 November 2018. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+STAVROPEGIC+MONASTERY+OF+SAINT+JOHN+CHRYSOSTOM+v.+%22THE+FORMER+YUGOSLAV+REPUBLIC+OF+MACEDONIA%22.pdf&id=001-187819&library=ECHR&logEvent=False
7. European Court of Human Rights. Chamber judgment: Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova (Press release, 13.12.2001). URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?filename=Chamber+judgment+Metropolitan+Church+of+Bessarabia+and+Others+v.+Moldova+13.12.01.pdf&id=003-5697879-7227999&library=ECHR
8. Registration, recognition and freedom of religion or belief. URL: https://knowledge.lancashire.ac.uk/id/eprint/46627/1/Registration%20recognition%20and%20freedom%20of%20religion%20or%20belief.pdf
9. Oehring O. Is the Dispute between the Macedonian Orthodox Church and the Serbian Orthodox Church a Burden on North Macedonia? Facts & Findings. No. 426. February 2021. Konrad-Adenauer-Stiftung. URL: https://www.kas.de/documents/252038/11055681/Dispute%2Bbetween%2Bthe%2BMacedonian%2BOrthodox%2BChurch%2Band%2Bthe%2BSerbian%2BOrthodox%2BChurch.pdf/9ccbfe9c-be06-d5e2-8525-2e368392cc56?t=1612446156571&version=1.0
10. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/
11. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека (документ принят Архиерейским Собором 26.06.2008). URL: https://mospat.ru/ru/documents/180-osnovy-ucheniya-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-o-dostoinstve-svobode-i-pravakh-cheloveka/
12. Василевич Н.С. Между свободным подчинением и освобожденной свободой: учение Православной Церкви о свободе // Текст научной статьи. 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-svobodnym-podchineniem-i-osvobozhdennoy-svobodoy-uchenie-pravoslavnoy-tserkvi-o-svobode
13. Doc. 11533. The accession of the European Union/European Community to the European Convention on Human Rights. Report. Committee on Legal Affairs and Human Rights. European Parliament (PDF). URL: https://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201003/20100324ATT71249/20100324ATT71249EN.pdf
14. European Court of Human Rights. Forthcoming judgments and decisions 20-22.04.2021 (PDF). URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?filename=Forthcoming+judgments+and+decisions+20-22.04.2021.pdf&id=003-6995924-9427753&library=ECHR
15. European Court of Human Rights. Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church (Metropolitan Inokentiy) and Others v. Bulgaria (HUDOC case page). URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-90788
16. Council of Europe. Execution of judgments: Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria

(HUDOC-EXEC case page). URL: https://hudoc.exec.coe.int/eng?i=001-209327

International Legal Standards for the Autonomy of Religious Associations and Their Application to Orthodox Churches in the Case Law of the European Court of Human Rights

Sergey N. Khrameshin

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy and Theology,
Belgorod State National Research University,
308015, 85, Pobedy St., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: rector@sgla.ru

Alexander B. Yartsev

Senior Lecturer,
Department of Theology and Philosophy,
Slavic-Greek-Latin Academy,
129090, 10, building 1, Shchipok St., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yarzev@sgla.ru

Abstract

The article analyzes the international legal standard for the autonomy of religious associations within the system of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and identifies criteria for the permissibility of state interference in the internal organization of religious communities. The research material consists of judgments of the European Court of Human Rights in cases affecting Orthodox church structures and communities: Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova (2001), Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria (2021), "Orthodox Ohrid Archdiocese (Greek-Orthodox Ohrid Archdiocese of the Peć Patriarchy)" v. the former Yugoslav Republic of Macedonia (2017), Church of Real Orthodox Christians and Ivanovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia (2018), Stavropegic Monastery of Saint John Chrysostom v. the former Yugoslav Republic of Macedonia (2018). It is shown that the Court consistently interprets the legal personality and registration of a religious organization as instruments for implementing the collective dimension of freedom of religion; at the same time, the state, acting within its obligation of neutrality and impartiality, is not entitled to assess the "legitimacy" of religious doctrine, canonical status, or the validity of church divisions. Particular attention is paid to the tension between the idea of church unity in Orthodox ecclesiology and the requirement of religious pluralism in a democratic society. As a practical conclusion, guidelines for law enforcement in Russia regarding the registration and supervision of religious organizations are formulated, taking into account international standards and Federal Law No. 125-FZ of September 26, 1997.

For citation

Khrameshin S.N., Yartsev A.B. (2026) Mezhdunarodno-pravovyye standarty avtonomii religioznykh ob"yedineniy i ikh primeneniye k pravoslavnym tserkvam v praktike Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka [International Legal Standards for the Autonomy of Religious Associations and Their Application to Orthodox Churches in the Case Law of the European Court of Human Rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (3A), pp. 550-559. DOI: 10.34670/AR.2026.98.97.046

Keywords

International law; European Convention on Human Rights; freedom of religion; autonomy of religious associations; registration of religious organizations; Orthodoxy; European Court of Human Rights.

References

1. European Court of Human Rights (2021) *Guide on Article 9 of the European Convention on Human Rights. Freedom of thought, conscience and religion*. Updated on 30 April 2021. URL: https://www.marinacastellaneta.it/blog/wp-content/uploads/2021/08/Guide-Article-9.pdf .
2. European Court of Human Rights (2001) *Case of Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova* (Application no. 45701/99). Judgment of 13 December 2001. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+METROPOLITAN+CHURCH+OF+BESSARABIA+AND+OTHERS+v.+MOLDOVA.pdf&id=001-59985&library=ECHR&logEvent=False .
3. European Court of Human Rights (2021) *Case of Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria* (Application no. 56751/13). Judgment of 20 April 2021. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+BULGARIAN+ORTHODOX+OLD+CALENDAR+CHURCH+AND+OTHERS+v.+BULGARIA.pdf&id=001-209327&library=ECHR&logEvent=False .
4. European Court of Human Rights (2017) *Case of "Orthodox Ohrid Archdiocese (Greek-Orthodox Ohrid Archdiocese of the Peć Patriarchy)" v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* (Application no. 3532/07). Judgment of 16 November 2017. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+%22ORTHODOX+OHRID+ARCHDIOCESE+%28GREEK-ORTHODOX+OHRID+ARCHIDIOESE+OF+THE+PE%C4%86+PATRIARCHY%29%22+v.+%22THE+FORMER+YUGOSLAV+REPUBLIC+OF+MACEDONIA%22.pdf&id=001-178890&library=ECHR&logEvent=False .
5. European Court of Human Rights (2018) *Case of Church of Real Orthodox Christians and Ivanovski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* (Application no. 35700/11). Judgment of 29 November 2018. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+CHURCH+OF+REAL+ORTODOX+CHRISTIAN+AND+IVANOVSKI+v.+%22THE+FORMER+YUGOSLAV+REPUBLIC+OF+MACEDONIA%22.pdf&id=001-187820&library=ECHR&logEvent=False .
6. European Court of Human Rights (2018) *Case of Stavropegic Monastery of Saint John Chrysostom v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* (Application no. 52849/09). Judgment of 29 November 2018. URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?filename=CASE+OF+STAVROPEGIC+MONASTERY+OF+SAINT+JOHN+CHRYSOSTOM+v.+%22THE+FORMER+YUGOSLAV+REPUBLIC+OF+MACEDONIA%22.pdf&id=001-187819&library=ECHR&logEvent=False .
7. European Court of Human Rights (2001) *Chamber judgment: Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova* (Press release, 13.12.2001). URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?filename=Chamber+judgment+Metropolitan+Church+of+Bessarabia+and+Others+v.+Moldova+13.12.01.pdf&id=003-5697879-7227999&library=ECHR .
8. (No author) *Registration, recognition and freedom of religion or belief*. URL: https://knowledge.lancashire.ac.uk/id/eprint/46627/1/Registration%20recognition%20and%20freedom%20of%20religion%20or%20belief.pdf .
9. Oehring O. (2021) *Is the Dispute between the Macedonian Orthodox Church and the Serbian Orthodox Church a Burden on North Macedonia?* Facts & Findings. No. 426. February 2021. Konrad-Adenauer-Stiftung. URL: https://www.kas.de/documents/252038/11055681/Dispute%2Bbetween%2Bthe%2BMacedonian%2BOrthodox%2BChurch%2Band%2Bthe%2BSerbian%2BOrthodox%2BChurch.pdf/9ccbfe9c-be06-d5e2-8525-2e368392cc56?t=1612446156571&version=1.0 .

10. Federal'nyy zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ «O svobode sovesti i o religioznykh ob"yedineniyakh» [Federal Law No. 125-FZ of 26.09.1997 "On Freedom of Conscience and on Religious Associations"]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ .
11. Osnovy ucheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi o dostoinstve, svobode i pravakh cheloveka [The Fundamentals of the Teaching of the Russian Orthodox Church on Human Dignity, Freedom and Rights] (document adopted by the Bishops' Council on 26.06.2008). URL: https://mospat.ru/ru/documents/180-osnovy-ucheniya-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-o-dostoinstve-svobode-i-pravakh-cheloveka/ .
12. Vasilevich N.S. (2017) Mezhdu svobodnym podchineniyem i osvobozhdennoy svobodoy: ucheniye Pravoslavnoy tserkvi o svobode [Between free submission and liberated freedom: the teaching of the Orthodox Church on freedom]. In: *Tekst nauchnoy stat'i* [Text of a scientific article]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-svobodnym-podchineniem-i-osvobozhdennoy-svobodoy-uchenie-pravoslavnoy-tserkvi-o-svobode .
13. Document 11533 (2010) *The accession of the European Union/European Community to the European Convention on Human Rights. Report. Committee on Legal Affairs and Human Rights. European Parliament* (PDF). URL: https://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201003/20100324ATT71249/20100324ATT71249EN.pdf .
14. European Court of Human Rights (2021) *Forthcoming judgments and decisions 20-22.04.2021* (PDF). URL: https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?filename=Forthcoming+judgments+and+decisions+20-22.04.2021.pdf&id=003-6995924-9427753&library=ECHR .
15. European Court of Human Rights *Holy Synod of the Bulgarian Orthodox Church (Metropolitan Inokentiy) and Others v. Bulgaria* (HUDOC case page). URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-90788 .
16. Council of Europe *Execution of judgments: Bulgarian Orthodox Old Calendar Church and Others v. Bulgaria* (HUDOC-EXEC case page). URL: https://hudoc.exec.coe.int/eng?i=001-209327 .

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauch-nyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.